

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Э.Б. Зальцман

Поселения культуры
шнуровой керамики
на территории
Юго-Восточной
Прибалтики

Материалы
охранных
археологических
исследований

том 14

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН**

Э.Б. Зальцман

**Поселения культуры шнуровой керамики
на территории Юго-Восточной Прибалтики**

**Москва
2010**

УДК 902/903

ББК 63.4

325

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор

А.Н. Хохлов

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. Ошибкина

кандидат исторических наук С.В. Кузьминых

Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики (Материалы охранных археологических исследований, том 14) – Тверь, 2010. – 114 с.: илл.

ISBN 978-5-87049-733-4

В монографии опубликованы материалы раскопок поселения Прибрежное, расположенного на берегу Калининградского (Вислинского) залива в Калининградской области. В научный оборот вводятся материалы памятника, датируемого рубежом IV–III тыс. до н.э. Обобщены материалы, происходящие из раскопок всех известных к настоящему времени поселений культуры шнуровой керамики Калининградской области. Большое внимание уделяется хронологии памятников, проблеме происхождения и развитию приморской культуры.

Издание рассчитано на специалистов-археологов, историков и всех интересующихся древнейшей историей Юго-Восточной Прибалтики.

УДК 902/903

ББК 63.4

ISBN 978-5-87049-733-4

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2010 г.

© Э.Б. Зальцман, 2010 г.

© Т.А. Борсученко, иллюстрации, 2010 г.

© И.Ю. Казакова, Т.А. Борсученко, Р.В. Кобрин,
оформление обложки, 2010 г.

Содержание

Введение	4
Глава I История археологического изучения памятников культуры шнуровой керамики Юго-Восточной Прибалтики	7
Глава II Приморская (жуцевская) культура. Краткая характеристика	16
Глава III Проблема выделения памятников вальдбургского типа	19
1. Поселение Прибрежное	29
1.1. Домостроительство	30
1.2. Кремнёвые изделия	42
1.3. Изделия из камня	43
1.4. Украшения из янтаря	46
1.5. Керамика	49
1.6. Прочие изделия из глины	66
1.7. Предполагаемые следы действий ритуального характера	67
2. Культурная атрибуция древностей эпохи позднего неолита и ранней бронзы Юго-Восточной Прибалтики	69
Глава IV Хронология и периодизация памятников вальдбургского типа и культуры шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике	77
Глава V Вопросы формирования памятников вальдбургского типа и культуры шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике	85
Заключение	96
Список литературы	101
Список сокращений	108
Приложение 1. Таблицы	109
Приложение 2. Перечень памятников эпохи неолита и ранней бронзы на побережье Куршского и Вислинского заливов (в пределах Калининградской области)	125
Приложение 3. Перечень поселений КШК внутренних районов Калининградской области и их основные характеристики	130
Иллюстрации	133

Введение

Культура шнуровой керамики занимает особое место в ранней истории Прибалтики. Формирование местных вариантов этой культуры связывается с новыми группами населения, начало распространения которых стало во многих отношениях переломным моментом в этнокультурной истории Юго-Восточной Прибалтики в III тыс. до н. э.

Уже на раннем этапе примыкающие к побережью области, богатые янтарем и биоресурсами, были местом притяжения разнообразных в культурном отношении племенных группировок. На побережье Гданьского, Вислинского и Куршского заливов на основе нескольких компонентов складывается своеобразная приморская культура (в историографии также известна как жуцевская, поморская, висло-неманская, *Haffküstenkultur*, *Patarić*). Во внутренних районах бывшей Восточной Пруссии развивается так называемая мазурская группа культуры шнуровой керамики.

В историографии Прибалтики начало культуры шнуровой керамики связывается с поздним неолитом. В Литве принята следующая периодизация неолитической эпохи: ранний неолит – 6550/6300 – 5600/5400 BP (5500-5300 – 4400-4200 calBC); средний неолит – 5600/5400-4400/4300 BP (4400-4200 – 3100-2900 calBC); поздний неолит – 4400/4300-3500 BP (3100-2900 – 1800 calBC) [Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A., 2002, p.11]. Раннему бронзовому веку соответствует начало II тысячелетия до н.э. [Римантене Р.К., 2000, с.67-68; Król D., 1991, p.75-82]. Расцвет культуры шнуровой керамики приходится на последнее столетие III тысячелетия до н.э. [Римантене Р.К., 2004, с.155-162].

До появления культуры шнуровой керамики (далее – КШК) на территории нынешней Калининградской области уже долгое время обитало разнородное в культурном отношении население. На берегах озер и рек внутренних районов селились группы племен неолитической цедмарской культуры, которая в основе своей содержала элементы нарвской и неманской культур с отдельными чертами, связанными с кругом более развитых центральноевропейских культур [Тимофеев В.И., 1998]. Количество памятников, относимых к цедмарской культуре, невелико. Регулярным раскопкам подвергались стоянки Цедмар А, Цедмар Д, Утиное Болото в юго-восточной части Калининградской области и стоянка Дудка на территории Северо-Восточной Польши. На основании дат ¹⁴C время существования цедмарской культуры можно определить в границах 5600–4800 л. н. (даты не калиброванные).

Основные ареалы нарвской и неманской культур находятся за пределами Калининградской области. Представителями нарвской культуры были основаны стоянки на Куршской косе [Bohne-Fischer H., 1941, s.80].

В Юго-Восточную Прибалтику проникли и редкие группы представителей прибалтийской культуры, оставившие незначительное количество памятников. Известны только две стоянки этой культуры, однако типичная для нее керамика обнаруживалась также на поселениях Цедмарского торфяника [Ebert M., 1927; Тимофеев В.И., 1996].

В Калининградской области зафиксированы слабые следы присутствия культуры воронковидных кубков (далее – КВК). Незначительное число находок, относящихся к этой культуре, выявлено на поселениях Цедмарского торфяника. Несколько фрагментов керамики КВК обнаружено в слое стоянки Шлосс-Казерне в Кёнигсберге, основанной носителями прибалтийской культуры [Ebert M., 1927]. Находки близки материалам памятников типа Торунь Мокре в Польше [Kukawka S., 2001].

Общепризнанным считается, что племена культуры шнуровой керамики принесли с собой навыки ведения производящего хозяйства, основав на побережье крупные долго-

временные поселения, обитатели которых предпочитали заниматься скотоводством и, в меньшей степени, земледелием. Хозяйство носило комплексный характер. Большую роль играли рыболовство в прибрежных водах, охота на морского и сухопутного зверя.

Основное внимание, как в довоенное, так и в послевоенное время уделялось памятникам КШК, расположенным ныне в пределах Польши и Литвы. В восточной части Калининградской области в 1970–1980-х гг. памятники культуры шнуровой керамики исследовал В.И. Тимофеев [Тимофеев В.И., 2003а]. Побережье Вислинского и Куршского заливов в пределах Калининградской области, традиционно входящее в ареал распространения приморской культуры шнуровой керамики, до последнего времени практически не исследовалось; исключения составляют материалы, случайно обнаруженные при работах на памятниках более позднего времени. Обследование памятников ограничивалось сбором подъемного материала, причём коллекции были по большей части утрачены в годы Второй мировой войны. В результате целостная картина развития культуры шнуровой керамики на территории бывшей Восточной Пруссии отсутствовала. Большинство выводов относительно приморской культуры строилось на анализе многочисленных материалов с территории Польши и Литвы.

Во второй половине 1990-х гг. систематические исследования памятников культуры шнуровой керамики на северо-восточном побережье Вислинского залива были развернуты под руководством автора. В результате проведенных многолетних и регулярных полевых исследований открытого автором поселения Прибрежное (Вальдбург) были выявлены новые обширные материалы, относящиеся к концу IV – первой половине III тыс. до н. э. В целом, поселение, относящееся к группе культур с производящими формами хозяйства, стало опорным памятником для рубежа среднего и позднего неолита на указанной территории.

Первоначально памятник определялся как относящийся к одной из фаз приморской культуры шнуровой керамики. Однако тщательный анализ полученных материалов обнаружил значительное число особенностей, не укладывающихся в традиционную схему развития приморской культуры.

Актуальность исследования продиктована как слабой степенью изученности памятников культуры шнуровой керамики на территории Калининградской области, так и необходимостью включения в исследовательский процесс новых материалов, непосредственным образом касающихся этой культуры.

В цели исследования входило обобщение всех источников, касающихся памятников культуры шнуровой керамики на территории Калининградской области, определение их места в системе древностей неолита-ранней бронзы Юго-Восточной Прибалтики.

Перед автором стояли следующие задачи:

- 1) проанализировать совокупность известного археологического материала;
- 2) оценить, насколько обоснованны выдвинутые ранее концепции;
- 3) разработать подробную классификацию новых материалов, установить их локальное своеобразие, выделить отдельные этапы в их развитии;
- 4) на основе результатов проведенных автором систематических исследований предложить новое решение вопросов периодизации, хронологии, культурной принадлежности выявленных за последние годы памятников, а также ряда известных культурных комплексов, традиционно относимых к приморской культуре, их взаимосвязи с культурными образованиями соседних территорий.

В заключение хочется отметить, что организация работ на поселении Прибрежное осуществлялась благодаря неоднократной поддержке со стороны руководителя КРМОО «Центр «Молодёжь за свободу слова» Дементьева Ильи Олеговича, управления по делам молодёжи комитета по образованию администрации городского округа «Город Калининград» в лице главного специалиста Кучеровой Татьяны Геннадьевны,

начальника отдела молодёжных программ Лазаревой Натальи Васильевны и начальника управления Прокопчук Елены Витальевны, директора фирмы «НЭТ» Алексея Витальевича Шувалова, руководителей частного предприятия Шупейкиных Надежды Семёновны и Владимира Васильевича.

Материалы из хранилища КОИХМ были любезно предоставлены Татьяной Иосифовной Махоркиной.

Радиоуглеродный анализ был произведён благодаря заведующей радиоуглеродной лабораторией ИИМК РАН г. Санкт-Петербурга Зайцевой Ганне Ивановне и заведующему Киевской радиоуглеродной лабораторией Ковалюху Николаю Николаевичу.

Подготовке к появлению этой книги во многом способствовала постоянная помощь Ирины Литвиненко.

В первые годы работ на поселении Прибрежное значительная методическая помощь автору была оказана со стороны руководителя БАЭ ИА РАН Кулакова Владимира Ивановича, который в дальнейшем также предоставил для ознакомления материалы своих раскопок.

Пользуясь возможностью, автор приносит свою искреннюю благодарность всем им.

Автор выражает глубокую признательность своему учителю, заведующему отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН Владимиру Ивановичу Тимофееву, на протяжении многих лет активно участвовавшему в полевых исследованиях в Прибрежном. Постоянная поддержка Владимира Ивановича Тимофеева ощущалась вплоть до его трагической кончины в августе 2004 года.

Автор благодарен за ценные советы и консультации старшему научному сотруднику Института истории и археологии Балтийского региона Клайпедского университета Литвы Альгирдасу Гирининкасу, старшему научному сотруднику Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН Кожину Павлу Михайловичу, старшему научному сотруднику Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Кузьминых Сергею Владимировичу, старшему научному сотруднику Отдела археологии каменного века Института археологии РАН Ошибкиной Светлане Викторовне, старшему научному сотруднику Отдела охранных раскопок Института археологии РАН Сидорову Владимиру Владимировичу, старшему научному сотруднику отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН Шумкину Владимиру Яковлевичу.

В последние годы в связи с активной застройкой прилегающих участков раскопки на поселении Прибрежное, материалы которых составляют основу настоящей работы, носят спасательный характер. С 2005 г. спасательные раскопки базового памятника КШК в приморской части Калининградской области – поселения Прибрежное (Вальдбург) ведутся автором в составе Самбийской экспедиции ИА РАН.

Особую признательность выражаю заместителю директора ИА РАН, заведующей Отделом охранных раскопок Института археологии РАН Энговатовой Асе Викторовне.

Глава I

История археологического изучения памятников КШК Юго-Восточной Прибалтики

Активное изучение памятников приморской культуры и локальных групп культуры шнуровой керамики, которые на территории Юго-Восточной Прибалтики представлены в основном поселениями, началось в последней трети XIX – начале XX века.

В 1870–1871 гг. студентом П. Шиффердеккером по поручению Кёнигсбергского общества по изучению древностей «Пруссия» был произведён сбор археологического материала на Куршской косе [Schiefferdecker P., 1873, s.33-69]. Коса к тому времени сильно пострадала от человеческой деятельности и почти полностью лишилась лесного покрова. Пески пришли в движение, на поверхность местами стала выступать древняя лесная почва, к которой и примыкали многочисленные стоянки КШК. Чаще всего они встречались у подножия дюн. П. Шиффердеккеру посчастливилось выявить десятки стоянок КШК в южной части косы, севернее Пилькоппена и вблизи Ниды. Следы поселений обнаружались рядом с Бульвикио-Рагас, от Первалки до Юодкранте было зарегистрировано около десятка новых памятников каменного века. Большую часть керамики, изделий из камня удалось собрать, не прибегая к раскопкам. Лишь в Ниде П. Шиффердеккер заложил небольшой шурф, обнаружив множество фрагментов керамики и каменный топор. Вблизи Гробшто-Рагас он зафиксировал следы крупного поселения, и, возможно, оно не было единственным (изначально исследователь считал их могильниками; фрагменты керамики, по его мнению, относились к погребальным урнам).

Находки П. Шиффердеккера привлекли к косе внимание многих исследователей того времени. Несколько сезонов обследовал Куршскую косу один из крупнейших археологов Восточной Пруссии Отто Тишлер. Фактически это были первые серьёзные исследования. На тот период ситуация на косе ещё не изменилась: обнажившийся культурный слой немалого числа дюнных стоянок в результате эоловых процессов продолжал оставаться на поверхности. Основной задачей являлось уточнение местоположения найденных ранее и выявление новых памятников. В 1874–1876 гг. и в 1878 г. он нанёс на карту приблизительно 100 местонахождений, в большинстве случаев относящихся к позднему неолиту [Tischler O., 1874, s.25-27; Tischler O., 1877, Tischler O., s.258-278]. Коса изучалась на всём своём протяжении. По сравнению даже с Северной Германией, коса показалась исследователю необычайно богатой на находки [Tischler O., 1877, s.259]. Огромное количество керамики, обработанных и необработанных камней, кухонные отбросы, которые все вместе залежали на поверхности, создавали непривычную картину поразительного изобилия находок.

При датировке стоянок исследователь большое значение придавал шнуровому орнаменту. Аналогии формам и орнаменту отдельных сосудов (в особенности, украшенных шнуром кубков с S-видным профилем) обнаруживались археологом повсюду в Средней Европе, где только были зафиксированы культуры шнуровой керамики. Сравнив находки с материалами с недавно обследованного поселения Толькемит на побережье Вислинского залива, О. Тишлер пришёл к выводу о близком родстве этих памятников [Tischler O., 1882, s.19,26-29]. На одном из поселений рядом с Нидой О. Тишлер произвёл пробные раскопки. Описание отдельных находок и места стоянок опубликованы О. Тишлером в периодических изданиях того времени [Tischler O., 1874; Tischler O., 1875; Tischler O., 1877].

Существенным дополнением к полученным результатам явился выход в свет в 1882 г. известного труда Рихарда Клебса «Янтарные украшения каменного века» [Klebs R., 1882]. В работе в полном объёме была опубликована и проанализирована шварцортская коллекция янтарных изделий каменного века, поднятых при углублении фарватера в середине XIX века, а также янтарных предметов из других районов Восточной Пруссии. В работе описывается 435 предметов из янтаря, найденных вблизи Шварцорта.

Большую роль в изучении косы сыграл языковед и историк Адальберт Бецценбергер. Важное место на начальном этапе исследований занимает его обобщающая публикация, посвящённая истории населения Куршской косы [Bezzenberger A., 1889]. В работе кратко характеризовалось состояние археологических исследований в этой области. В 1892 г. А. Бецценбергер лично исследовал поселение вблизи Гробшто-Рагас [Bezzenberger A., 1893, s.36-45]. Обращалось внимание и на расположенное рядом поселение КШК Лепа-Калнс, были обследованы наиболее отдалённые стоянки под Бэреншлухтом, Эллернхорстом и Шварцортом [Bezzenberger A., 1893, s.128-132; Bezzenberger A., 1895, s.235-267]. В 1894 г. в местности Друмхак под Шварцортом на краю заболоченной низменности А. Бецценбергер обнаружил стоянку нарвской культуры [Bohne-Fischer H., 1941, s.80].

Деятельность по изучению древнего наследия косы продолжил в 1894–1895 гг. Эмиль Холлак. Благодаря его изысканиям, источниковедческая база пополнилась новыми памятниками, выявленными в южных и северных районах косы. Э. Холлак упоминает местонахождения поздненеолитической эпохи между Латтенвальде и Стангенвальде [Hollack E., 1908, s.82]. Особенно много следов стоянок Э. Холлак обнаружил на западном склоне той части дюнной гряды, что протянулась от Росситтена до Пилькоппена [Hollack E., 1908, s.83], причём стоянки размещались очень близко друг к другу. Соотнести эти и многие другие стоянки с ранее выявленными местами находок было трудно, потому что дюны перекрывали старые и обнажали при движении новые памятники.

В северной части косы, под Первалкой, исследователем было найдено ещё несколько новых местонахождений [Hollack E., 1908, s.151]. Как и в предыдущие годы, большое внимание уделялось поселению Нида [Hollack E., 1895, s.146-149]. В 1908 г. вышла в свет работа обобщающего характера, в которой Э. Холлак, наряду с кратким описанием известных на тот момент памятников, в том числе эпохи неолита, опубликовал археологическую карту Восточной Пруссии [Hollack E., 1908].

Накопление источниковой базы далеко не всегда сопровождалось чёткими указаниями места находок. Многие весьма ценные материалы, полученные на протяжении первого этапа исследования памятников КШК, оказались депаспортизированными. Добавим, что Вторая мировая война уничтожила большую часть коллекции, вследствие чего у нас нет возможности составить более полное представление о целом ряде памятников с косы.

Параллельно обследования производились на юго-восточном побережье Балтийского моря. В 1873 г. геологом Г. Берендтом проводились небольшие раскопки в Толькемите (Толкмицко), где был выявлен типичный для местных памятников КШК инвентарь [Berendt G., 1875, s.117-126]. В 1894 г. было открыто одно из самых известных неолитических поселений – Жуцево [Żurek J., 1954, s.3].

До конца века почти все обследования памятников КШК ограничивались районами Куршской косы, побережий Гданьского и Вислинского заливов. В последнем случае внимание больше уделялось памятникам, расположенным в юго-восточной части (Толькемит). Исключение составляет обнаруженное разведками Я. Хойдека вблизи Людвигсорта (Ладушкин) поздненеолитическое поселение с большим числом изделий из камня и фрагментами керамики, залежавшими на поверхности распаханного поля (хотя отнести это местонахождение к КШК можно лишь с очень большой натяжкой)

[Heudeck J., 1909, s. 204-205]. Более известны раскопки Я. Хойдека на Самбийском побережье, южнее исчезнувшего ныне пролива, отделявшего когда-то Куршскую косу от материка. В районе Вискаутена исследователь раскопал получившие в дальнейшем широкую известность погребения КШК [Heudeck J., 1893, s.46-60].

Таким образом, первый этап изучения КШК – до первой мировой войны (последняя треть XIX – начало XX в.) характеризуется, в основном, накоплением источников.

После Первой мировой войны назрела необходимость в публикациях обобщающего характера и в особенности в проведении регулярных раскопок.

Второй этап исследований – межвоенный период (1919–1941 гг.), связан с исследованиями на юго-восточном побережье Вислинского залива (ныне – территория Польши). С 1919 по 1920 г. председателем исторического общества г. Эльбинг (Эльблонг) Бруно Эрлихом вблизи Вик-Луизенталь (Свенты-Камень) были обнаружены два новых поселения КШК. Они располагались всего в нескольких километрах от Толькемита. Уже в 1921–1922 гг. исследователем стали производиться планомерные раскопки первого поселения. Они получили продолжение в 1924 г. на втором поселении [Ehrlich B., 1923; Ehrlich B., 1925].

На протяжении 1930-х гг. Бруно Эрлихом планомерно раскапывается соседнее поселение Сукказе (Сухач) [Ehrlich B., 1934, s.60-64; Ehrlich B., 1936, s.1-98]. Выявленные на этом памятнике остатки жилых сооружений впоследствии становятся наиболее показательными в плане развития домостроительства населения КШК в Прибалтике, хотя предложенная реконструкция может вызывать некоторые сомнения. Даже по прошествии многих десятков лет планы жилищ с поселения Сухач продолжают фигурировать в работах сводного характера. Многочисленные находки первоначально хранились в музее Эльбинга. Часть из них погибла при пожаре музея, и только небольшая доля находок попала в Западную Германию, где и была опубликована Л. Килианом [Šturms E., 1970, s.163].

Дальнейшие раскопки проводились Б. Эрлихом на поселении Толькемит, где были открыты остатки ещё трёх жилищ столбовой конструкции [Ehrlich B., 1940, s.44-56]. При анализе материалов исследователь постоянно отмечал близкое родство между изученными памятниками.

Важной вехой в изучении периода позднего неолита в Прибалтике стали раскопки поселения Жуцево, которые осуществили в 1927–1929 гг. Я. Костжевский и К. Язджевский. Заслугой этих исследователей является выделение прибрежных памятников КШК в Юго-Восточной Прибалтике в особую жуцевскую культуру [Kostrzewski J., 1931, s.55-64]. Впоследствии эти материалы легли в основу работы Я. Журека, посвящённой поселению Жуцево [Żurek J., 1954, s.1-42].

Помимо новых исследований, требовалось осмыслить уже накопленный материал, что и было сделано известнейшим прусским археологом Вильгельмом Гэрте. Первостепенное значение имела монография В. Гэрте «Керамика каменного века Восточной Пруссии» [Gaerte W., 1927]. Описание керамики строилось по формальному признаку. В труде проиллюстрированы все наиболее яркие находки, причём целый ряд из них нигде ранее не публиковался. Особенно много иллюстративного материала относится к памятникам КШК с Куршской косы. Все известные к тому моменту находки неолитической керамики в монографии подробнейшим образом классифицированы не только в морфологическом и типологическом отношении, но и в культурном.

Через два года вышла в свет работа В. Гэрте общего характера «Доистория Восточной Пруссии» [Gaerte W., 1929], отдельная глава которой посвящена неолитической эпохе. Материалы КШК рассматриваются здесь на фоне остальных неолитических культур в Восточной Пруссии. Отмечается близость между шнуровой керамикой с побережья и отдельными формами посуды, обнаруженной во внутренних районах

Пруссии, в частности, на поселении Цедмар А. Аналогии находкам КШК автор ищет на территории Средней Германии.

Анализу памятников КШК уделяется внимание в ряде работ крупного авторитета в области прусской археологии Карла Энгеля. Специальная публикация посвящена полученным ранее материалам с Куршской косы, рассматриваемым в связи с новыми находками из других районов Пруссии [Engel C., 1931, s.97-106]. Подчёркивается своеобразие местных памятников КШК. Их происхождение, однако, связывается с саксо-тюрингской культурой, в соответствии с популярной на тот момент в Германии теорией миграций индогерманцев. Чрезмерный акцент на исключительной роли протогерманского элемента в становлении и развитии культур на Балтике проявляется в обобщающих работах исследователя с заметным постоянством [Engel C., 1935].

Появившаяся в 1941 г. сводная работа Хедвиг Бонэ-Фишер отличается географической направленностью [Bohne-Fischer H., 1941]. Подробная палеогеографическая характеристика территории Пруссии сопровождается описанием большинства известных к тому времени памятников каменного века.

Особо стоит подчеркнуть, что на втором этапе много внимания стало уделяться месту происхождения отдельных вещей, регулярно поступающих в прусские музеи. Хорошо отлаженная система оповещения о местах случайных находок обеспечила накопление и интерпретацию новых материалов.

Несомненно, в изучении приморской культуры в 1920–1940-е гг. были достигнуты заметные успехи. Недостаток полевых исследований был восполнен раскопками известнейших поселений приморской культуры Жуцево, Вик-Луизенталь, Сукказе, Толькемит, хотя памятникам Куршской косы по-прежнему серьёзного внимания не уделялось.

В связи с ростом числа археологических источников назрела необходимость появления специализированных и в то же время аналитических работ, посвящённых исключительно приморской культуре. Выходу в свет подобных теоретических исследований помешала война. Только в 1955 г. Лотар Килиан опубликовал фундаментальную работу, основанную на тщательном анализе материалов приморской культуры [Kilian L., 1955]. Эта монография была его диссертацией, которую он защитил ещё до войны (в 1939 г.) в Кёнигсбергском университете [Kilian L., s.11]. Опираясь на довоенные материалы, автор дал развёрнутую и для того периода исчерпывающую характеристику культуры, причём с привлечением необычайно широкого круга аналогий. Важно, что Л. Килиан в ряде случаев использовал малоизвестные факты. Особое внимание уделяется типологии керамики, изделий из камня и янтаря. Кроме того, анализируются связи с культурами, возникшими в более раннюю эпоху [Kilian L., 1955, s.72-80]. Отдельные положения, выдвинутые Л. Килианом в этой работе, по мере накопления новых источников были скорректированы, но в целом собранные воедино и проанализированные материалы, касающиеся ключевых памятников приморской культуры, многие из которых к тому же оказались безвозвратно утерянными, до сих пор остаются для исследователей основными в информативном отношении.

Данные о КШК в Восточной Прибалтике содержатся в монографии Эдуардаса Штурмса «Культуры каменного века Балтики», основанной преимущественно на довоенных источниках [Šturms E., 1970, s.162-175]. Подчёркивается важная роль культуры шаровидных амфор (далее – КША) в сложении приморской культуры [Šturms E., 1970, s.166-167]. Материалы КШК внутренних областей Восточной Пруссии рассматриваются исследователем отдельно от приморской культуры. Эти древности, по мнению автора, принадлежат к особой культурной группе [Šturms E., 1970, s.207].

Данные монографии не были последними в ряду работ аналитического и обзорного характера. Большое значение имело появление в 1970-е годы работ польских иссле-

дователей Ванды Тетцлаф, Ежи Окулича, Яна Махника, где помимо характеристики приморской культуры внимание уделяется разработке проблем хронологии. Эти работы также, в основном, основывались на довоенных материалах.

В одном из разделов коллективной монографии «Неолит Польши» В. Тетцлаф ставит вопрос о внутренней периодизации приморской культуры: выделяются две территориальные группы – западная, занимающая прибрежный район Гданьского залива, и восточная, вблизи Куршского залива [Tetzlaff W., 1970, p.356-365]. Западная группа признаётся более ранней, в её материалах нашли отражение связи с центральноевропейским комплексом шнуровой керамики. Территория, занимаемая западной группой, по мнению В. Тетцлаф, явилась местом формирования приморской культуры, но в дальнейшем население этой культуры проникло далее на северо-восток [Tetzlaff W., 1970, p.365].

Вопросы становления и развития КШК в Юго-Восточной Прибалтике занимают важное место в обобщающей монографии Е. Окулича, посвящённой ранней истории прусских земель [Okulicz J., 1973, s.118-132]. При рассмотрении материалов КШК исследователь вновь возвращается к проблеме происхождения приморской культуры. В своём развитии, по мнению автора, она проходит две фазы – раннюю, где сильны элементы общеевропейского горизонта, и позднюю, когда в локальных группах становится заметным воздействие иных позднешнуровых культурных комплексов [Okulicz J., 1973, s.132]. Ранняя фаза наиболее ярко выражена в западной части занимаемой культурой территории. Предполагается, что определённое влияние на приморскую культуру могли оказать культура воронковидных кубков и культура шаровидных амфор. Особо отмечается влияние культур «лесного» круга, что выразилось не только в специфических формах ведения хозяйства на побережье, но также в формах посуды, орнаментики, изделий из камня [Okulicz J., 1973, s.132-133]. Мазурская группа, в которую входят памятники КШК внутренних областей Восточной Пруссии, определяется как локальное культурное образование, достаточно близкое приморской культуре. В целом, Е. Окулич делает акцент на особой роли местных «лесных» общностей в процессе становления приморской культуры.

Значительная работа в области происхождения и периодизации приморской культуры проделана виднейшим польским археологом Я. Махником [Machnick J., 1979, s.337-411]. Генезис приморской культуры связывается исследователем в первую очередь с общеевропейским горизонтом шнуровой керамики [Machnick J., 1979, s.377]. По трактовке автора, группы переселенцев вскоре установили отношения с КША и местными культурами «лесного» неолита. В КША были заимствованы отдельные формы керамики и украшений из янтаря, а в местных культурах – элементы, относящиеся к приморскому хозяйству (орудия, способы рыболовства и связанные с этим методы ведения хозяйства) [Machnick J., 1979, s.377]. Отмечается также определённое влияние культуры одиночных погребений. Результатом явилось формирование особой культуры в общей системе КШК – приморской. Тщательно проанализировав имеющиеся источники, исследователь выделяет три фазы в её развитии [Machnick J., 1979, s.378-379]. Эта периодизация была принята большинством исследователей и в дальнейшем продолжала использоваться в качестве основной модели для периодизации приморских древностей.

Непосредственно после Второй мировой войны раскопки на памятниках приморской культуры носили, как правило, эпизодический характер. С 1949 г. на Самбии и Куршской косе работала экспедиция Ф.Д. Гуревич, а позднее В.С. Титова [Gurina N.N., 1959, s.193-198]. Обследование Куршской косы не дало сколько-нибудь значимых результатов. Известные стоянки КШК по большей части оказались перекрытыми движущимися в восточном направлении дюнами.

Потребовалось почти два десятка лет, чтобы начать раскопки на прибрежных поселениях Швянтойи в Западной Литве. Эти исследования связаны с именем одного из крупнейших исследователей каменного века Литвы Римуте Римантене. Регулярные раскопки в Швянтойи, затронувшие обширные пространства вокруг бывшей лагуны, развернулись с 1966 г. Монографии, обобщившие результаты исследований, увидели свет в 1980 и 2005 годах [Rimantienė R., 1980; Rimantienė R., 2005].

Именно со второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. начинается третий этап, связанный с масштабными исследованиями памятников КШК в Прибалтике.

Первостепенное значение имели раскопки, проводимые Р. Римантене с 1973 по 1978 гг. на поселении Нида. Исследованная площадь памятника составила 4640 кв. м. Обширнейший материал, полученный в ходе раскопок, позволил более чётко проследить локальные и хронологические особенности памятников приморской культуры, внёс определённые коррективы в представления о формировании приморской культуры, дал возможность конкретизировать отдельные положения, касающиеся истории её развития. Результаты были изложены в отдельной монографии [Rimantienė R., 1989].

Работы по изучению древностей КШК не ограничивались только приморскими районами Литвы. Много лет Р. Римантене исследовался бассейн реки Неман, где были выявлены отдельные памятники с материалами КШК, близких по облику древностям приморской культуры. Особо здесь следует выделить раскопки на поселениях Линупис, Маргяй, Шакес [Rimantienė R., 1985, s.98–111; Rimantienė R., 1992, s.16–34; Rimantienė R., 1999b, s.109–170].

Хронологическая схема, предложенная Р. Римантене, строилась на изменениях уровня Литоринового моря. Выяснилось, что ранние поселения КШК находились на пойме, соответствуя регрессивной фазе (до максимума литориновой трансгрессии). Во время III Литориновой трансгрессии они уже встречаются на II и III надпойменной террасе, а затем вновь оказываются на пойме (последняя фаза КШК) [Римантене Р.К., 1974, с.255–258; Римантене Р.К., 1978, с.31–34].

Обобщение результатов исследований каменного века вылилось в издание крупного монографического труда, впервые опубликованного в 1984 г., но переизданного и дополненного в связи с новыми открытиями только в 1996 г., где анализ памятников КШК представлен особенно полно [Rimantienė R., 1996a]. В главах, посвящённых КШК, рассматриваются все основные проблемы становления и развития приморской культуры и других родственных групп в Литве [Rimantienė R., 1996a, s.216–329]. Позднее эта работа с дополнениями переиздаётся в Германии [Rimantienė R., 1994].

Представления о приморской культуре дополнились изданием в 1999 г. работы обзорного характера, подводящей итог археологическим исследованиям на Куршской косе, начиная с XIX века [Rimantienė R., 1999a].

Неоднократно Р. Римантене в своих статьях и монографиях обращается к вопросу о происхождении приморской культуры. Основой этой культуры, по её мнению, являлся общеевропейский горизонт шнуровой керамики, к которому со временем примешались местные элементы [Римантене Р.К., 1981, с.34–35]. Приморская культура, как считает исследователь, в дальнейшем становится одним из важнейших компонентов в становлении культуры бронзового века [Римантене Р.К., 1996a, с.312–319].

Для понимания характера КШК в Прибалтике большое значение имели исследования Адомаса Бутримаса и Альгирдаса Гирининкаса.

В 1980 г. А. Бутримасом были произведены раскопки поселения КШК Дактаришке в Западной Литве, в материалах которого отразилось влияние приморской культуры [Butrimas A., 1982]. В следующие три года раскопкам подверглись поселение Донкальнис, жертвенное место и могильник с одноимённым названием, давшие весьма интересные материалы для изучения материальной и духовной культуры населения

позднего неолита [Butrimas A., 1985, s.30-49]. В эти же годы исследователем проводились раскопки поселения КШК Шарняле, расположенного к северу от двух предыдущих памятников [Butrimas A., 1996, s.174-191]. Находки с поселения, как считает исследователь, имели особенности, свойственные ранней фазе КШК.

В Восточной Литве многолетними раскопками памятников эпохи неолита руководит крупный исследователь каменного века Прибалтики А. Гирининкас. Следы КШК на этой территории встречались в верхнем культурном слое на поселениях Крятуонас-1А, Пакрятуоне-1А, Яра-1А, Жямайтишке-1 и 2, ниже которого залегали материалы нарвской культуры [Гирининкас А., 1990]. Выделенные А. Гирининкасом древности КШК в Восточной Литве, по мнению исследователя, сходны по ряду показателей с приморской культурой. В вопросе дальнейших судеб КШК в Восточной Прибалтике исследователем предложена несколько иная трактовка. В сравнении с нарвской и неманской культурами КШК придаётся гораздо меньшее значение в формировании балтийской культуры бронзового века [Girininkas A., 1994, s.159-160; Girininkas A., 2002, s.73-92].

На территории Польши в 1964 и 1965 гг. Е. Шведом раскапывалось поселение приморской культуры Ослоино [Szwed J., 1968, s.17-22], но более масштабные исследования, как и в Литве, стали проводиться гораздо позже. Активность в отношении полевых исследований древностей приморской культуры возрастает в Польше, начиная с 1980-х гг. Возобновляется изучение наиболее известных памятников, в особенности Жуцево. В течение нескольких сезонов здесь производила археологические изыскания Д. Круль [Król D., 1997, p.135-150]. К сожалению, до сих пор опубликованы только статьи предварительного характера [Król D., 1992, p.291-299; Król D., 1997, p.135-150; Król D., 2003, s.35-40].

Поселение Сухач исследовалось Р.Ф. Мазуровским, но опубликованы лишь отдельные категории инвентаря [Mazurowski R., 1987, s.141-163]. Исследования проводились на ряде других памятников приморской культуры, в частности, в Неджведжувке, Пененжно, Владиславово-Острово, Ослоино [Mazurowski R., 1987, s.79-119; Łowiński J., 1987, s.165-176; Bogaczewicz-Adamczak B., 1987, s.49-81; Król D., 1990, s.111-118.]. Весьма интересные материалы получены в ходе раскопок, проведённых С. Фельчаком на поселении Рева, неподалёку от Жуцево [Felczak O., 1983, s.51-68].

Нельзя не отметить раскопки небольших стоянок КШК на юго-восточной границе Мазурского озёрного края Stacze, Wozna Wies, Sosnia, а также выявленные материалы КШК в центральной части Мазурского Поозёрья на поселении Дудка [Sulgostowska S., 1997, p.174-177; Gumiński W., 1997a, p.177-185; Gumiński W., 1997b, p.93-103]. В вопросе более точной культурной идентификации этих памятников мнения разделились. Существуют различные подходы в решении данной проблемы. В основном, их относят или к приморской культуре (с некоторыми оговорками), или к особой локальной группе КШК.

Помимо раскопок регулярного характера, проводится работа по классификации и публикации довоенных материалов, ныне хранящихся в отдельных музеях Польши и Германии и ранее, по ряду причин, недоступных широкому кругу исследователей [Beran J., 1999, s.41-52; Vokinić A., 1999, s.145-152; Sobieraj J., 1999, s.365-378].

В последние годы материалы приморской культуры активно используются при рассмотрении более узких вопросов, связанных с ролью компонентов иного культурного круга. Так, Мажена Шмит заостряет внимание на существовании в приморской культуре большого числа элементов КША [Szmyt M., 1999; Szmyt M., 2001, p.167-193]. Подчёркивается наличие связей между КША и приморской культурой на более поздних этапах, но лишь в отдельных группах. Образованию приморской культуры предшествовало, по мнению исследователя, наличие прямых контактов между племенами КША и нарвской культурой [Szmyt M., 1999, p.197].

Краткий историографический обзор, посвященный проблемам связей приморской культуры с КВК, содержится в работе Я. Куржавы [Kurzawa J., 2001, s.50-53].

В качестве сравнительного материала древности приморской культуры неоднократно использовались в работах латвийских исследователей [Ванкина Л.В., 1980, с.47-58; Лозе И.А., 1979]. Особенно привлекали материалы приморской культуры исследователей, занимающихся вопросами общеевропейского горизонта шнуровой керамики [Buchwaldek M., 1986, s.130-151].

В Калининградской области систематические раскопки памятников КШК, давшие серьёзный научный результат, связаны с деятельностью одного из крупнейших специалистов в области изучения неолита Прибалтики и северной зоны Восточной Европы в целом Владимира Ивановича Тимофеева. В 1970–1980-е годы он во главе Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР – Института истории материальной культуры РАН произвёл раскопки поселения Цедмар А, верхние слои которого, в основном, содержали материалы КШК [Тимофеев В.И., 1979, с.63; Тимофеев В.И., 2003а, с.119-123]. Актуальность исследований КШК в восточной части Калининградской области диктовалась слабой изученностью данной территории в плане наличия памятников КШК. Из довоенных раскопок, которые нередко носили любительский характер, нам известны только отдельные находки КШК, на основании которых нелегко было придти к каким-либо однозначным выводам. В 1972 г. В.И. Тимофеевым на берегу реки Шешупе вблизи населённого пункта Тушино было открыто поселение с чистым комплексом КШК [Тимофеев В.И., 1978, с.35-37; Тимофеев В.И., 1979, с.68; Тимофеев В.И., 2003а, с.125-132]. Находки с поселения оказались довольно многочисленными, только фрагментов керамики насчитывалось около 3,5 тысяч. Кроме того, исследователю удалось зафиксировать следы постройки столбовой конструкции. Открытие и последующие раскопки В.И. Тимофеевым в 1975–1976 гг. неолитического поселения Утиное Болото в Краснознаменском районе принесли новые находки КШК, по определению исследователя, близкие обнаруженным на Цедмаре и Тушино [Тимофеев В.И., 1980, с.14; Тимофеев В.И., 2003а, с.123-125].

Новые раскопки внесли серьёзные коррективы в представления о динамике развития КШК в Прибалтике. Локальные особенности стали видеться гораздо явственнее, чем ранее. Полный и исчерпывающий анализ материалов был опубликован в 2003 г. [Тимофеев В.И., 2003а, с.119-133]. Владимир Иванович занимался вопросами, связанными с эпохой каменного века Калининградской области, вплоть до трагической кончины в августе 2004 г.

Местными археологами до начала 1990-х годов раскопки памятников КШК в Калининградской области не производились. Основную роль в характеристике памятников КШК на территории Калининградской области в литературе научного характера взяли на себя исследователи, работающие в ведущих научных центрах Литвы и России. Так, ещё в 1973 г. Р. Римантене была выпущена статья «Неолит Литвы и Калининградской области», где упоминаются памятники КШК Куршской косы [Римантене Р.К., 1973, с.218-225]. Определённое значение имеет статья Р. Римантене «Культура шнуровой керамики в Прибалтике», вышедшая на русском языке [Римантене Р.К., 1981, с.34-40]. Общие данные о КШК в Калининградской области и Прибалтике можно почерпнуть в разделе «Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике», написанным Д.А. Крайновым и И.А. Лозе для труда сводного характера из серии «Археология СССР» [Крайнов Д.А., Лозе И.А., 1987, с.51-56]. Также следует отметить совместную публикацию В.И. Кулакова и В.И. Тимофеева, посвящённую общей характеристике памятников Калининградской области, в число которых входят и памятники КШК [Кулаков В.И., Тимофеев В.И., 1992]. Истории довоенных исследований памятников каменного века Северо-Восточной Пруссии посвящена работа В.И. Тимофеева [Тимофеев В.И., 2002, с.4-13].

Сведения об эпохах неолита и раннего бронзового века в западной части Калининградского региона продолжительное время носили крайне ограниченный характер. Районы, прилегающие к северо-восточному побережью Вислинского залива, оставались белым пятном в отношении памятников культуры шнуrowой керамики, а редкие довоенные свидетельства, как правило, почти не учитывались в силу их отрывочности. Во второй половине 1990-х гг. на северо-восточном побережье Вислинского залива работы в направлении систематического исследования памятников КШК были развернуты под руководством автора. В течение нескольких лет осуществляются регулярные раскопки нового памятника рубежа среднего и позднего неолита – поселения Прибрежное (Вальдбург) с мощным культурным слоем, остатками жилых сооружений оригинальной конструкции и множеством находок [Зальцман Э.Б., 1997, с.38-39; Зальцман Э.Б., 2000, с.36-58; Зальцман Э.Б., 2001, с.8-13; Зальцман Э.Б., 2003, с.50-75; Зальцман Э.Б., 2004; Salzmann E, 1999, s.8-11; Saltsmann E., 2004, p.135-156]. Специфический облик культурного комплекса позволяет дать новую интерпретацию начальных этапов развития КШК в Прибалтике и поставить вопрос о выделении новой культурной группы. В ходе археологических разведок в эти годы был выявлен ряд новых местонахождений КШК.

Памятники КШК западной части Калининградской области эпизодически исследовались при выявлении их в процессе раскопок археологических объектов, относящихся к более поздним периодам. В 1975 г. руководителем БАЭ ИА РАН В.И. Кулаковым в ходе раскопок могильника раннего железного века Покровское (Зоргенау) зафиксированы остатки жилого сооружения с материалами КШК [Кулаков В.И., 1975]. Уже в 2002 г. при обследовании слоёв вблизи кирхи в Ушаково (Бранденбург) были выявлены находки, наиболее близкие аналогии которым обнаруживаются в Прибрежном [Кулаков В.И., 2003]. Наконец, в ходе раскопок могильника римского времени в пос. Исаково (Лаут), проводимых Самбийско-Натангийским отрядом под руководством К.Н. Скворцова, найдены материалы КШК, в культурном отношении тяготеющие к отдельной группе КШК внутренних районов Калининградской области.

Заканчивая историографический обзор, необходимо ещё раз подчеркнуть, что к настоящему времени существует лишь одна работа, посвящённая приморской культуре в целом – «Haffküstenkultur und Ursprung der Balten» Л. Килиана [Kilian L., 1955], где были систематизированы практически все материалы, накопленные в довоенный период. Данная работа была важнейшим этапом в изучении приморских древностей. Большое значение имела монография Е. Окулича «Pradzieje ziem pruskich od róznego paleolitu do VII w.n.e.» [Okulicz J., 1973], отдельные главы которой посвящены КШК с территории бывшей Восточной Пруссии. Итоги исследований приморской культуры в Литве подведены в работах Р. Римантиене «Die Steinzeit in Litauen» [Rimantienė R., 1994] и «Akmens amžius Lietuvoje» [Rimantienė R., 1996a], вышедшие в 1990-х годах.

Глава II

Приморская (жуцевская) культура. Краткая характеристика

Традиционно, в связи с отсутствием в прошлом планомерных раскопок памятников позднего неолита и ранней бронзы в Северо-Восточной Пруссии, представления о приморской культуре шнуровой керамики формировались на основе исследований в Литве и Польше. Необходимо кратко изложить основные характеристики приморской культуры.

В Прибалтике выделяют следующие культуры шнуровой керамики: приморскую (жуцевскую), восточнолитовскую и родственную ей восточнолатышскую, а также эстонскую [Римантене Р.К., 1984, с.35].

Степень изученности приморской культуры, памятники которой ныне расположены на территории трёх государств – Литвы, Польши и России (Калининградская область), неодинакова. В Польше, как уже указывалось выше, наиболее крупные и известные поселения – Жуцево, Сухач, Толкмико, Свенты-Камень были раскопаны ещё в довоенное время. В 1980-е годы раскопки поселений Жуцево и Сухач продолжились. Однако была опубликована только незначительная часть полученных материалов. Соответственно, в работах аналитического характера многие выводы продолжались строиться на довоенных материалах. В Литве памятников приморской культуры, раскопанных большими площадями, немного. На Куршской косе было раскопано поселение Нида, остальные поселения с этой территории остаются малоизученными. В Западной Литве регулярным раскопкам подвергались поселения вблизи Швянтойи, а также поселения Дактаришке и Шарняле. Ряд стоянок КШК в Южной Литве – Линупис, Маргяй и Шаке, которые иногда относят к приморской культуре, характеризуются незначительным по толщине культурным слоем.

Поселения приморской культуры (жуцевской, Ramariu, Naffküstenkultur) размещались по большей части вдоль узкой прибрежной полосы Гданьского, Вислинского и Куршского заливов или, в более редких случаях, со стороны моря (рис.1). Крайние западные пределы культуры ограничивались побережьем Гданьского залива, на востоке, видимо, не выходили далее 70 км вглубь материка. Различают долговременные поселения с мощным культурным слоем, остатками жилых сооружений (Жуцево, Сухач, Нида, Швянтойи 1А), и стоянки, наибольшее число которых выявлено на Куршской косе. Обычно поселения занимали дюнные всхолмления или склоны возвышенностей. Но так было не везде. Например, в Швянтойи стоянки приморской культуры располагались на низком берегу лагуны, отчего во время трансгрессивных фаз оказывались подтопленными [Rimantienė R., 1996a, s.216-217]. В Ниде первоначальное заселение происходило на самом берегу лагуны, пока поднявшийся уровень воды не заставил обитателей посёлка перейти на более высокие участки занимаемой территории [Rimantienė R., 1989, s.31-35].

Отдельные поселения, такие как Жуцево, Сухач, Нида существовали продолжительное время. На поселении Сухач отмечается три этапа застройки. Остатки сооружений на этом поселении иногда перекрывают друг друга (рис.156) [Ehrlich B., 1936, s.59-60, Taf.13: 2].

На ряде поселений (Жуцево, Сухач), наиболее высоко расположенных над уровнем заливов, песчаные склоны специально превращали в террасы для более удобной застройки и затем укрепляли крупными валунами [Žurek J., 1954, s.24]. Сами постройки,

размещённые вдоль берега, были обращены в сторону моря длинной стороной. Большая часть построек имела столбовую конструкцию (рис.156). Кровля, опирающаяся на ряд расположенных по центру столбов, была двускатной. В отличие от столбовых конструкций в других районах Прибалтики, где жилища могли находиться слишком близко к воде, постройки приморской культуры нередко довольно основательно заглублялись в материк [Ehrlich B., 1936, s.51]. Внутри могли устраиваться обложенные камнями очаги подковообразной, овальной или, что встречается реже, округлой формы [Ehrlich B., 1936, s.52]. Кроме жилых построек, возводились менее значительные по размерам сооружения хозяйственного назначения. Размеры и устройство построек варьируют на различных поселениях. В Жуцево обитатели поселения предпочитали небольшие по размерам жилища с однорядной конструкцией стен [Żurek J., 1954, s.24-25]. Постройки более капитального характера с поселений Сухач и Толкмицко были двухрядной конструкции [Ehrlich B., 1936, s.51-52].

В отличие от большинства других КШК в приморской культуре был распространён обычай захоронения умерших в пределах поселений. Все погребения, общее число которых невелико, – грунтовые. Обнаруживаются или целые костяки, или их фрагменты. На Куршской косе выявлено несколько погребений в границах поселений. Погребение вблизи Росситтена было уничтожено рабочими [Bezenberger A., 1889, s.89]. Рядом с покойником находились каменный топор, кремнёвый нож, костяная игла, часть янтарного кольца, круглый каменный диск и маленький окаменевший коралл. Южнее Ниды в местности Dumschlen среди выветренного культурного слоя выявлено ещё одно погребение по обряду трупоположения [Šturms E., 1970, s.168]. Рядом нашли 2 кремнёвых изделия и обломки сосудов (возможно, фрагменты сосудов происходят из культурного слоя поселения). Севернее Шварцорта среди скопления фрагментов керамики в культурном слое А. Беценбергером был обнаружен частично разрушенный костяк в скорченном положении [Bezenberger A., 1889, s.90]. Далее, под Бэрэншлуктом (Мешкадаубис) А. Беценбергером зафиксированы два костяка в скорченном положении. Рядом находились два каменных топора и сосуд, украшенный валиковым налепом [Rimantienė R., 1999, s.26, Abb.5: 1].

Вне пределов Куршской косы погребения приморской культуры выглядят значительно беднее. В Толкмицко выявлено три погребения, но они были лишены погребального инвентаря [Šturms E., 1970, s.168]. Подобная картина с погребениями наблюдается в Жуцево (в довоенное время обнаружено 7 погребений), где кроме костных останков ничего не было найдено [Šturms E., 1970, s.168-169]. Погребения раскопаны на уровне материка, ниже слоя с материалами приморской культуры. Погребённые лежали в скорченном положении головой на юго-восток (погр. 2), север (погр. 1), восток (погр. 3) и юг (погр. 5). Остальные погребения сохранились лишь частично [Żurek J., 1954, s.25].

Лишь в Сухач одно из погребений (если это вообще можно назвать погребением) отличается наличием сравнительно богатого сопровождающего инвентаря. Всего здесь зафиксировано 4 случая находок отдельных человеческих костей. Трижды обнаруживались фрагменты человеческого черепа, четвёртая находка является фалангой пальца [Šturms E., 1970, s.168]. Из них наиболее примечательна находка человеческого черепа восточнее жилища № 14, рядом с порогом [Ehrlich B., 1936, s.62]. Вместе с черепом залегали кремнёвое тесло и янтарное ожерелье, составленное из пуговиц с V-образным отверстием (их более десятка) и пронизей [Ehrlich B., 1936, s.62, Taf.XXII: 5]. Учитывая некоторые особенности, можно только предположительно интерпретировать данную находку как обычное погребение.

Ситуация с погребениями вне поселений в приморской культуре остаётся до конца не выясненной. Незначительность количества погребений на поселениях никак не мо-

жет соответствовать картине достаточно плотной заселённости на побережье. Всё-таки, пока нельзя полностью сбрасывать со счетов предположение по поводу существования погребений вне территории поселений. Под Пальмбургом вблизи Калининграда в своё время было зафиксировано, возможно, отдельное погребение, сосуд из которого имел характерные для приморской культуры ушки в форме полумесяца [Kilian L., 1955, s.245]. Но таких находок, в целом, пока немного. Курганное погребение, обнаруженное в Бранденбургской пустоши, кажется, принадлежит иной культурной группе. Данное погребение оказалось разрушенным. Единственными находками были топор-молот и кремнёвый топорик, обычные для позднего неолита Прибалтики [Kilian L., 1955, s.254]. Трапецевидное тесло из диабаз и янтарная подвеска, выявленные вблизи Ульяновки, в нескольких километрах от Ушаково, по всей видимости, тоже относятся к погребению (рис.124: 1,2). Такие тёсла наиболее известны в Прибрежном. Не исключено, что погребение связано с подобного рода поселенческим комплексом.

К общеевропейскому горизонту в прошлом относили известное курганное погребение на Каупе (Моховое) в Калининградской области. От наиболее раннего захоронения почти ничего не осталось [Heudeck J., 1893, s. 46-60; Okulicz J., 1973, s.108-109, гус.44]. Оно погибло при устройстве более поздних погребений. Одно из последующих погребений разместили на уровне дневной поверхности. Костяк находился в скорченном положении на правом боку на площадке, выложенной плоскими камнями. Погребённый был ориентирован головой на юго-запад [Heudeck J., 1893, s.47, Abb.17, 19: e-g]. При устройстве погребения могилу окружили двойным частоколом диаметром 4,5 м. Насыпь над курганом была земляной. В состав инвентаря могилы входили две костяные пластинки и кремнёвый скребок. Второе захоронение оказалось устроенным в пределах земляной насыпи. Погребённый лежал в том же положении, на площадке из камней [Heudeck J., 1893, Abb.18]. Захоронение было окружено ровиком и двухрядным частоколом диаметром 5,5 м. Вместе с умершим в могилу были положены сверлёный топор, кремнёвый нож на отщепе и костяная игла [Heudeck J., 1893, Abb.19: a-d]. Над погребением имелась земляная насыпь, где находились более поздние захоронения. Кроме этих погребений к раннему этапу шнуровой керамики относили захоронения под курганами в Кенсо-че с многослойным каменным покровом и в Бабенты-Малы с остатками деревянных конструкций [Okulicz J., 1973, s.110]. Все вышеназванные погребения соответствуют захоронениям общеевропейского горизонта в Центральной Европе с деревянными конструкциями под земляными насыпями и рвом, скорченным положением умерших и оградой вокруг. Более поздние погребения в Моховом относят к культуре ладьевидных топоров Прибалтики [Бутримас А., Гирининкас А., 1990, с.149].

В приморской культуре на основании особенностей в инвентаре выделяют две подгруппы: западную (территория Польши) и восточную (территория Литвы), что, прежде всего, связано с наличием разнородных культурных формирований, принимавших участие в её сложении.

Необычайное богатство форм керамики, орнаментальных мотивов, свойственных керамическому комплексу приморской культуры, обычно связывается с множественностью разнокультурных элементов, слияние которых, в конечном счёте, привело к возникновению нового культурного образования. Количество изделий из керамики огромно на поселениях, примыкающих к побережью. Вычленяется более десятка типов (или классов) посуды, в свою очередь подразделяющихся на отдельные группы.

Среди гончарных изделий выделяются амфоры нескольких разновидностей. По Л. Килиану, наиболее распространённым видом считаются амфоры тюрингского типа (А-амфоры) [Kilian L., 1955, s.15]. Они имеют шаровидную форму и короткую цилиндрическую шейку (рис.127: 5; 139: 5; 141: 11). Как правило, по бокам напротив друг друга размещаются 2 или 4 ушка, обычно трубчатой формы [Kilian L., 1955, s.15-

16, Abb.1-3, 5,6,18,25; Żurek J., 1954, s.4, tabl.4: 3a,3b; Rimantienė R., 1980, s.61, pav.50]. Сосуды украшались на плечиках спускающимися вниз пучками вертикальных линий-бороздок, часто обрамлённых по краям ямками и насечками (рис.157: 1-5). Горлышко имеет утолщение, орнаментированное неглубокими ямками. Горизонтальные ряды таких канавок, ёлочек или зигзагов иногда размещаются на уровне ушек.

Возможно, производными от амфор этой группы являются сосуды шаровидной формы с Куршской косы [Gaerte W., 1927, Abb.218-222]. Чаще всего, они не имеют ушек. Горлышко амфор очень короткое, с некоторым утолщением. Диаметр венчика варьирует. Орнамент представлен пучками вертикальных линий, встречаются также сложные композиции.

Экземпляры с более широкой горловиной украшались горизонтальными рядами нарезной ёлочки, ямок или шнура [Gaerte W., 1927, Abb.235-236]. Венчик у таких амфор S-видной формы, короткая шейка хорошо выражена (рис.129: 10-12). Утолщение на шейке отсутствует, край венчика иногда украшен насечками. Скорее всего, их следует отделять от шаровидных амфор с нарезным орнаментом. Родственными по форме амфорами являются редко встречающиеся сосуды с широкой и открытой горловиной и близким к горшковидному туловом. Орнамент представлен шнуровыми оттисками или ямками. Редкие находки таких амфор известны на Куршской косе. Наиболее показательным в этом отношении является сосуд из Элленхорста, довольно сложно орнаментированный ёлочкой в сочетании с ямками [Gaerte W., 1927, Abb.234].

В отдельную группу входят так называемые амфоры позднего типа, орнаментированные оттисками шнура или рядами ямок [Kilian L., 1955, s.15-16, Abb.5-12,19; Rimantienė R., 1989, s.96-98, pav.47-50]. Встречаются они в основном на побережье Вислинского и Куршского заливов. Амфоры подразделяются на три категории по форме венчика и тулова. К 1-й категории относятся амфоры с прямой или даже воронковидной чётко выраженной шейкой и округлым туловом, небольших размеров [Kilian L., 1955, s.96-98, Abb.5-9; Rimantienė R., 1989, s.93, pav.47]. Они известны с поселений Сухач и Нида (рис.138: 27; 141: 10). На шейке или плечиках обычно располагаются петлеобразные ушки. В следующей категории представлены амфоры со слабо выраженной шейкой [Kilian L., 1955, s.15-16, Abb.10-12, 19; Rimantienė R., 1989, s.96-97, pav.49]. Тулово может быть как округлым, так и воронковидных очертаний. Наконец, встречаются амфоры, у которых шейка практически отсутствует [Rimantienė R., 1989, s.97-98, pav.50]. Среди амфор данных подгрупп известны экземпляры с хорошо выраженными плечиками и туловом воронковидной формы. Те амфоры, у которых петлеобразные ручки расположены на плечиках, имеют более покатое тулово (рис.138: 26). Нельзя не учитывать, что большинство амфор этой группы на памятниках приморской культуры найдены во фрагментированном состоянии.

Не раз отмечалось, что в приморской культуре и, в особенности, в так называемой западной группе, кубки – наиболее часто встречаемый тип посуды [Machnik J., 1979, s.369]. На поселениях Жуцево и Швянтойи 1А кубки преобладают в сравнении с остальным керамическим материалом. Формы кубков необычайно многообразны (рис.149: 1-11; 141А: 4,5,9,12). Причём преобладающей формой являются кубки с S-видным профилем, высокой шейкой и небольшим доньшком, нередко выделенным [Żurek J., 1954, s.4-5, гус.4: 5-10, гус.5: 4,8,13, гус.7: 8; Rimantienė R., 1980, s.52, pav.40: 5,6]. Многие из них как по форме, так и по орнаменту близки более западным образцам и обычно связываются с так называемой «кубковой» зоной КШК, протянувшейся от Голландии, Шлезвиг-Гольштейна и Мекленбурга через Западное Поморье до Восточной Прибалтики включительно [Machnik J., 1979, s.376]. В приморской культуре такие сосуды бывают украшены орнаментом в виде ёлочки, в ряде случаев разделённой поясами ямочных вдавлений или горизонтальных нарезных линий (рис.149: 1-5). В Жуцево, кроме того,

получили развитие орнаменты в виде переплетённых треугольников (рис.149: 6-8) [Žurek J., 1954, s. 4-5, гус.4]. Также применялись орнаментальные схемы, составленные сочетаниями горизонтальных оттисков шнура и ямочных вдавлений. Последние больше характерны для поселений на побережье Вислинского залива и памятников восточной группы (рис.141: 4). Особенно много S-видных кубков, орнаментированных подобным образом, встречалось в Ниде [Rimantienė R., 1989, s.101-103, pav.52,53].

Близкими по форме являются связанные, вероятно, с культурой одиночных погребений кубки со слегка загнутым внутрь венчиком. Соответственно, в Жуцево они являются одной из самых обычных форм (рис.149: 3-6) [Žurek J., 1954, гус.4: 1-3]. Подобного рода кубки по большей части орнаментировались заплетёнными треугольниками или ёлочкой в сочетании с нарезными линиями. Примечательно, что на побережье Вислинского залива кубки с загнутым внутрь венчиком встречаются нечасто, хотя для Куршской косы такие формы не считаются большой редкостью (рис.129: 2) [Kilian L., 1955, Abb.59].

В восточной группе также представлены слабопрофилированные и приземистые формы, типичные именно для Юго-Восточной Прибалтики [Rimantienė R., 1989, s.103, pav.55]. Шейка у таких кубков более короткая и прямая, тулово, как правило, выпуклое (рис.137: 3; 141: 1). Орнамент не отличается богатством форм.

В западной группе выделяются красиво украшенные кубки с сильно расширенным ко дну туловом (рис.149: 11) [Žurek J., 1954, гус.5: 5,6].

К другому типу, достаточно раннему, относятся кубки с воронковидной шейкой и туловом (рис.126: 1; 161: 6) [Žurek J., 1954, гус.8: 2,4; Rimantienė R., 1989, s.107, pav.61,62].

Ещё одной разновидностью являются кубки с прямой шейкой и более или менее выраженными плечиками [Rimantienė R., 1989, s.105, pav.58]. Тулово у кубков обычно цилиндрической или воронковидной формы (рис.141: 7). Эти сосуды не стоит путать с кубками с плавными очертаниями тулова, по своим основным характеристикам приближающихся к классическим.

Типологически кубкам близки горшочки бочковидной формы [Rimantienė R., 1989, s.111-117, pav.64-70]. Различия содержатся лишь в пропорциях. Диаметр тулова в среднем равен высоте сосуда, отчего горшочки имеют более выпуклые стенки. Известны горшочки с S-видной, воронковидной и ступенчатой шейкой. Венчик без шейки загнут внутрь. Диаметр венчика в среднем достигает 20 см. Украшены они в приморской культуре очень просто. Чаще всего применялись горизонтальные оттиски шнура, в ряде случаев в сочетании с ямками. Но ступенчатые горшочки или сосуды с воротником, которые иногда путают с кубками, выглядят более нарядно (рис.141B: 6). Некоторые из сосудов декорировались маленькими подковообразными ушками.

Важной составляющей керамических комплексов прибрежных поселений считаются широкогорлые горшки с наlepными валиками (рис.126: 5,6; 128: 12,13; 129: 15; 139: 8,9,12,13; 141A: 1,7; 141B: 8,11,12; 149: 12-14). Особенно много их на поселениях Жуцево, Швянтойи 1А, Нида, Сухач [Kilian L., 1955, s.24-25, Abb.147-149,151; Žurek J., 1954, s.9-10, tabl.3: 1-5; Rimantienė R., 1980, s.61, pav.49; Rimantienė R., 1989, s.128-132, pav.83-85]. Эти сосуды отличаются выпуклым туловом и прямой шейкой с двухрядным или однорядным валиком различной формы (рис.158). Поверхность наlepных валиков, если они не были волнообразной формы (т. н. зашипные валики), дополнительно орнаментировалась наколами. Ушек на таких горшках не бывает. Диаметр днища обычно довольно крупных размеров. Предполагается, что эти горшки служили для хранения припасов.

В характеризуемой здесь культуре особой спецификой обладают широкогорлые горшки с ушками подковообразной формы, особенно широко представленные на поселении Сухач (рис.138: 6-19) [Kilian L., 1955, Abb.105-107,109-117,119-126,133-138].

Некоторые из широкогорлых горшков украшались треугольниками, полуовалами, волной или рядами наколов [Kilian L., 1955, Abb.109,111,112,115-117]. На поселении Нида некоторые из широкогорлых сосудов были украшены штампом в виде редких и широких костей рыб, пальцевых вдавлений, простых и заштрихованных треугольников, зональных композиций (рис.140) [Rimantienė R., 1989, s.121-128, pav.73: 3,5-7; pav.74: 6,9; pav.75: 1-7; pav.77: 1-4; pav.78: 1,3,4; pav.79: 2,9; pav.80: 2-4,6-8]. В районе Шварцорта также найдены фрагменты подобного типа широкогорлых горшков [Gaerte W., 1927, Abb.80,82,84,94]. Отдельные образцы имели ушки в форме подковы. В Жуцево горшки с ушками в форме полумесяца встречаются реже. Все эти формы встречаются обычно во фрагментированном состоянии. Очень редко на поселениях приморской культуры обнаруживаются широкогорлые горшки приземистой формы (рис.128: 1; 137: 4) [Hollack E., 1895, Abb.5; Sturms E., 1970, Taf.94: 1].

Крупными размерами отличаются горшки воронковидной формы, входящие в состав керамических комплексов поселений Жуцево [Žurek J., 1954, tabl.2: 1,5,7], Сухач [Kilian L., 1955, Abb.103,104], Нида [Rimantienė R., 1989, s.134, pav.VIII]. Стенки сосудов без выпуклостей, резко сужаются на конус по направлению к днищу, имеющему незначительные размеры (рис.139: 7). Шейка короткая. Воронковидные горшки орнаментировались слабо. Обычны насечки по краю венчика или защипы на плечиках. Ушки имели языкообразную форму. На поселении Нида горшки воронковидной формы в высоту достигали 90 см. В Швянтойи 1А воронковидные сосуды иного типа [Rimantienė R., 1980, pav.46]. У них высокая и прямая шейка, широкое тулово, декор выполнен в виде мелких округлых налепов (рис.141,А: 3).

Разнообразием форм в приморской культуре характеризуются миски (рис.138: 20,23-25) [Kilian L., 1955, Abb.87-98; Rimantienė R., 1989, pav.87]. Высокие миски, диаметр горлышка которых меньше высоты сосуда, имеют прямой или загнутый внутрь венчик [Kilian L., 1955, Abb.95-97; Rimantienė R., 1989, pav.93]. Орнаментация многовариантна. Преобладают сочетания горизонтальных и вертикальных оттисков шнура, треугольники, ряды наколов, зональные орнаменты. В Жуцево эти миски орнаментированы рядами мелких округлых ямок (рис.150: 1) [Žurek J., 1954, рис.13: 3,16].

В Ниде и Жуцево представлены широкие приземистые полуглубокие формы с хорошо заметной шейкой и трубчатой формы ушками (рис.150: 11) [Rimantienė R., 1989, pav.88-90]. Украшены они простыми оттисками шнура или вдавлениями (рис.141,В: 9). Типологически им близки встречающиеся на том же поселении и в Жуцево миски с более округлой формой тулова [Žurek J., 1954, рис.15: 6,9].

Хорошо известны миски удлиненной и овальной формы (ванночки), считающиеся светильниками [Kilian L., 1955, Abb.100-102; Rimantienė R., 1989, pav.XVIII-XX; Žurek J., 1954, tabl.VIII,IX: 1-7]. Отдельные экземпляры мисок удлиненной формы достигают длины 45 см. Часто на одной из сторон у этих мисок размещаются 2-3 округлых налеха. Внутри заметны поперечные бороздки. У мисок овальной формы днище могло быть плоским или слегка округлым. Орнамент таким сосудам не свойственен, но по краям они могли декорироваться насечками. Преобладают миски удлиненной формы.

Разнообразны не только формы сосудов в приморской культуре, но и орнамент. В Ниде и многих других поселениях Куршской косы в наибольшей степени на посуде распространены заштрихованные треугольники, комбинации горизонтальных оттисков шнура и ямок, защипные валики, горизонтальные оттиски шнура, разделенные вертикальными оттисками, некоторые виды штампов, нередко в сочетании с оттисками шнура [Rimantienė R., 1989, pav.98,100,101,105,107]. Распространен, хотя и не столь широко, нарезной способ орнаментации [Rimantienė R., 1989, pav.102,103; Gaerte W., S.70-77]. Также встречается «бисер», но применялся он гораздо реже [Rimantienė R., 1989, s.162-163, pav.104]. В северной части косы и в Швянтойи на первый план на по-

суде выступают шнуровая орнаментация, обычно в сочетании с различными видами наколов, нарезная ёлочка, валиковые налепы [Rimantienė R., 1980, pav.45; Kilian L., 1955, Abb.60,63,78]. В крайней западной части территории распространения приморской культуры, в частности, на поселении Жуцево, много нарезной ёлочки, переплетённых треугольников, разновидностей ямочного орнамента и столбиков [Žurek J., 1954, гус.4, 6-9, 13]. Нарезному орнаменту придавалось большее значение, что особенно явно видно в материалах поселения Ослонино (рис.154). Естественно, немало налипных валиков, которыми декорировались широкогорлые горшки и кубки, комбинированных орнаментов в виде сочетаний горизонтальных оттисков шнура и ямок, прямоугольных штампов [Žurek J., 1954, гус.3,12,18; tabl.3]. Исключительно шнуровой орнамент представлен сочетанием горизонтальных оттисков шнура и вертикальных линий, усообразных оттисков, полуovalов [Žurek J., 1954, гус.15-17].

Несколько иного характера орнаментальные схемы, применяемые при украшении посуды в керамических комплексах поселений юго-восточного побережья Вислинского залива [Kilian L., 1955, Abb.88,90,91,93,95,98,105-123]. В Сухач достаточно часто встречались сочетания горизонтальных оттисков шнура с треугольниками, полуovalами, волной, вертикальными оттисками (рис.138: 6-13,17,24,25). Довольно много разнообразных ямочных орнаментов, нередко образующих горизонтальные и вертикальные ряды (рис.138: 19,21,23). Кубки и отдельные широкогорлые горшки могли украшаться орнаментом, составленным из сочетаний горизонтальных оттисков шнура и ямок (рис.138: 2). Встречаются налепы в виде валиков [Kilian L., 1955, Abb.144,145,147,148,149,151]. В Толкмицко также велика доля ямочных орнаментов. Однако значительное количество посуды здесь орнаментировано прямоугольными штампами (рис.137: 8,11) [Gaerte W., 1927, Abb.43,44]. Использовались весьма сложные шнуровые орнаменты. Валиковые налепы широкого распространения в Толкмицко не получили.

На поселениях, расположенных вдоль побережья Вислинского залива, явно существовала общая традиция, основой которой являлась довольно простая орнаментальная схема, состоящая из сочетаний горизонтальных оттисков шнура и треугольников, полуovalов, волны, усвидных оттисков. Большую роль играли ямочные орнаменты, нередко представленные сочетанием горизонтальных и вертикальных рядов. Показательно, что декор на этой весьма ограниченной территории в виде валиков и нарезной ёлочки применялся редко, за исключением поселения Сухач. Керамический комплекс данного поселения с этой точки зрения видится смешанным. Смешанного характера, возможно, и керамические материалы поселения Нида, где выделяются две различные традиции. Типы орнамента на посуде с поселений приморской культуры в Швянтойи и некоторых стоянок на севере Куршской косы сближаются по ряду основных показателей с керамическими комплексами западной группы, где кроме шнуровой, развивались нарезная техника орнаментации и декор из различного рода валиков. Ещё одной чертой является широкое распространение на этих поселениях простых горизонтальных оттисков или сочетаний последних с различного вида ямочными вдавлениями и наколами.

Керамический комплекс приморской культуры исследователями делится на две основные группы. Амфоры тюрингского типа, широкогорлые горшки с налипными валиками, кубки с S-видным профилем принадлежат формам, встречающимся в КШК не только в Прибалтике, но и Северной и Центральной Европе. Широкогорлые горшки с ушками подковообразной формы, украшенные шнуровым орнаментом, рядами ямок или штампом в виде столбиков (как правило, встречаются во фрагментированном состоянии на поселениях Сухач, Толкмицко, Нида, Жуцево), высокие миски и ванночки не типичны для КШК и связываются своим происхождением с КША или нарвской культурой (ванночки).

Нет однозначного ответа по поводу использования пряслиц в приморской культуре. Они обнаружены на неолитическом поселении в Шарняле, стоянках позднего неолита в Восточной Литве [Butrimas A., 1996, pav.6,7; Гирининкас А., 1990, с.87, рис.10]. Население приморской культуры могло применять в качестве пряслиц плоские керамические диски с отверстием в центре. Они выявлены в Жуцево и Сухач [Ehrlich B., 1936, Taf.22: 2; Žurek J., 1954, tabl.IX: 17-19].

Каменный инвентарь приморской культуры характеризуется наличием большого числа орудий различного типа. Особенным богатством форм отличаются топоры, многие типы которых встречаются на более широкой территории, чем та, которую занимает приморская культура.

Несверлёные топоры по большей части трапециевидной формы, овального или четырёхугольного сечения (в Жуцево встречались топоры восьмиугольного сечения) (рис.150: 5-10) [Kilian L., 1955, Abb.250,252]. Представлены кремнёвые топоры и каменные, изготовленные чаще всего, из местных пород [Kilian L., 1955, Abb.250,252-255]. Кремнёвые топоры нередко полировались. Известны миниатюрные топоры из привозного кремня, хорошо отшлифованные, в поперечном сечении прямоугольные [Kilian L., 1955, Abb.246-248; Engel K., 1931, s.104]. Они, в основном, обнаружены в Сухач, Толкмицко и на Куршской косе.

В районах, не богатых кремнем, прежде всего, на Куршской косе и побережье Вислинского залива, несверлёные топоры изготавливались из местных твёрдых пород камня (рис.142,143) [Rimantienė R.,1989, s.56-60, pav.31-32]. Центр тяжести у таких орудий расположен по центру, ближе к лезвию или в верхней части. Обух часто слегка скошен. Лезвие может иметь закругленную форму.

Тёсла нередко шлифованы по всей поверхности, одна из граней лезвия скошена. Форма бывает вытянутой или более прямоугольной, обух закруглен, иногда скошен [Rimantienė R.,1989, s.60-63, pav.33].

Ранее много внимания уделялось ладьевидным топорам европейского типа А и В, связанных с так называемым общеевропейским горизонтом. Обнаружено очень большое число таких топоров, хотя большинство их относится к случайным находкам [Kilian L., 1955, Abb.250,227-228]. Возможно, часть их имеет отношение к разрушенным погребениям. На территории поселений ладьевидные топоры выявляются гораздо реже. Известна находка ладьевидного топора типа А в Швянтойи 1А (рис.157: 8) [Rimantienė R.,1980, s.24, pav.14: 7]. В Жуцево найдены миниатюрные копии ладьевидных топориков [Žurek J., 1954, tabl.XIV: 4b,5]. Кроме того, на отдельных поселениях обнаружены янтарные миниатюрные копии (Сухач, Толкмицко).

Фасетированные топоры встречаются гораздо реже, происходят, как правило, из случайных сборов [Kilian L., 1955, Abb.221,223].

Получили распространение топоры ромбовидной формы [Kilian L., 1955, Abb.235]. Выделяются топоры балтийского типа с четырёхугольным обухом и коротким округлым обухом [Kilian L., 1955, Abb.241].

Кремнёвые изделия приморской культуры также представлены ножевидными пластинами, скребками различной формы, скобелями, стамесками, свёрлами, резцами и шильями. Ножи встречаются как с ретушью, так и без неё. В Ниде выделяются длинные формы, но обнаружены и более широкие и короткие [Rimantienė R.,1989, s.36-39, pav.20]. Особенностью приморской культуры является наличие скребков со шлифованными лезвиями [Rimantienė R.,1989, s.41, pav.22; Žurek J., 1954, гус.25]. Даже острия отдельных свёрл и шильев со следами шлифовки. Шлифованные лезвия имеют стамески [Rimantienė R.,1989, s.48, pav.26: 17-21].

Наконечники стрел разнообразны, некоторые формы заимствованы из местных культур [Kilian L., 1955, s.44-45, Abb.256-261]. Треугольные наконечники стрел с череш-

ком и наконечники сердцевидной формы связаны с КШК. Наконечники сердцевидной формы, в основном, обнаруживаются на территории Калининградской области и литовской части Куршской косы [Rimantienė R., 1989, pav.29: 3,9].

На многих поселениях распространены ланцетовидные и ромбовидные формы [Žurek J., 1954, гус.29].

Связаны с приморской культурой наконечники копий из кремня с хорошо выделенным черешком [Kilian L., 1955, Abb.267]. Подобные формы распространены в КШК в Юго-Восточной Европе [Клочко В., 2001, рис.1: 27-29]. Известны также тщательно изготовленные лавролистные формы.

Мотыги, выявленные на поселениях, относятся к нескольким типам и, вероятно, принадлежат к различным периодам существования приморской культуры. На ряде поселений, в особенности в северо-восточной группе, распространены слабо обработанные экземпляры, иной раз только обтёсанные и не имеющие отверстия [Rimantienė R., 1989, s.68-76, pav.37-39]. Отшлифовано в основном только лезвие. Форма мотыг трапецевидная, близкая к прямоугольной, или овальная.

Обнаружены обломки зернотёрок из песчаника и кристаллических пород со следами работы на вогнутой поверхности [Ehrlich B., 1936, s.72, Taf.22: 3; Rimantienė R., 1989, s.76-77, pav.VII].

Для шлифовки и полировки орудий применялись плиты из красно-коричневого кварцита [Žurek J., 1954, гус.35; Rimantienė R., 1989, s.63-64, pav.35]. Гораздо реже использовались кристаллические породы. Поверхность шлифовальных плит выглядит не одинаково, в зависимости от того, для какой конкретной цели их применяли. Встречаются плиты с ровной или вогнутой ближе к центру поверхностью, с узкими и продольными выемками, обычно отшлифованными до блеска и плиты с круговым углублением.

Украшения из янтаря не менее разнообразны [Kilian L., 1955, s.56-57, Abb.269-285]. Многие формы бытовали ещё в нарвской культуре. Наиболее распространёнными являются линзовидные пуговицы с V-образным отверстием, которые могли нашиваться на одежду [Žurek J., 1954, tabl.XV: 15-17]. Они могли быть округлой или овальной формы [Rimantienė R., 2001, Abb.7: 1-7]. Крупные размеры имели ладьевидные пуговицы (рис.150: 12) [Rimantienė R., 2001, Abb.7: 21].

Янтарные подвески трапецевидной или овальной формы с отверстием в верхней части встречаются в восточной группе. Такие формы – одни из самых ранних. Получили широкое распространение линзовидные диски с отверстием в центре или по краю [Kilian L., 1955, Abb.280]. Очень редко встречаются диски без отверстий с пазами вдоль края для крепления. Не менее многочисленными являются пронизи, которые высверливались из янтаря каплевидной формы (рис.150: 13) [Kilian L., 1955, Abb.271,272]. В длину они могли быть более 80 мм, с небольшим утолщением по центру.

Костяные и роговые изделия обнаруживаются далеко не на всех поселениях, так как требуются особые условия, способствующие хотя бы частичной сохранности предметов органического происхождения. В Жуцево найдены костяные гарпуны с крупными зубьями на одной стороне [Žurek J., 1954, гус.22: 5]. Наконечники стрел и копий имели конусообразную форму. Можно отметить костяные долота, шилья, изогнутой формы иглы и молоткообразные булавки [Žurek J., 1954, tabl.XI; Kilian L., 1955, Abb.157]. Разнообразны костяные бусины.

Предметы, изготовленные из дерева, безусловно, занимали важное место в обиходе, но зафиксированы они только на поселениях с наиболее благоприятными условиями сохранности. В Швянтойи 1А удалось обнаружить деревянные наконечники стрел, ложки, фрагменты блюд и корыт [Rimantienė R., 1980, pav.24,25]. Из липового лыка плелись циновки, которые найдены на том же поселении. Больше всего здесь выявлено

предметов, связанных с рыболовством, – остатки сетей, поплавки из сосновой коры, чёлн, вёсла [Rimantienė R., 1980, par.3,4]. Грузила представляли собой плоские камни с выемкой для крепления. Большинство типов орудий и методы рыбной ловли заимствованы из нарвской культуры. Примечательно, что набор рыболовного инвентаря не менялся тысячелетиями и частично сохранился в Прибалтике вплоть до XIX века.

Периодизация приморской культуры, выполненная Я. Махником, во многом строилась на приоритете во времени комплекса, связанного своим происхождением с ранним горизонтом шнуровой керамики (рис.161). В развитии культуры исследователем выделяется три этапа [Machnik J., 1979, s.378-379]. На первом этапе существования приморской культуры развитие получают ладьевидные топоры типа А и В, амфоры тюрингского типа, высокие и стройные кубки S-видной формы, украшенные на шейке продольными желобками (часто в сочетании с насечками и ямками), плотной нарезной ёлочкой или сочетаниями горизонтальных оттисков шнура и мелкими ямками, крупные горшки с рифлёным краем венчика и декорированные валиком, округлые амфоры с Куршской косы, украшенные в той же манере, что и амфоры тюрингского типа (рис.161: I). К первому этапу относят также полукруглые миски и широкогорлые вазообразные сосуды, предположительно, происходящие из КША.

На втором этапе (называемым классической фазой) распространяются фасетированные топоры и некоторые виды ромбовидных сверлёных топоров. Появляются амфоры с двумя ушками и цилиндрической шейкой, украшенной оттисками шнура, глубокие миски и широкогорлые горшки, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура, волной, зигзагом, бахромой, петельками (также выполненные шнуром). При украшении кубков с S-видным профилем применялась зональная орнаментация, включающая сочетания нарезной ёлочкой, насечек, горизонтальных линий. Многие кубки орнаментировались переплетёнными треугольниками. Округлые амфоры украшались рядами наколок и насечек. Продолжают развитие горшки для хранения, декорированные налепами. Новой формой являются крупные воронковидные горшки с языкообразными или рожковидными ушками и миски удлинённой формы (рис.161: II). Янтарные изделия на данном этапе особенно многочисленны.

К третьему и последнему этапу принадлежат топоры с овальным сечением, сверлёные топоры типа К. Развитие получают неглубокие и широкие миски с ушками, украшенные шнуром и рядами насечек (рис.161: III). К позднему этапу относятся широкогорлые горшки, орнаментированные рядами ямок. Слабопрофилированные кубки на последнем этапе имели иногда плоские ушки и форму, близкую к бочонковидной. Венчик мог быть отогнут наружу или, напротив, загнут внутрь. Украшались они горизонтальными оттисками шнура. Нередко слабопрофилированные кубки орнаментировались горизонтальными оттисками шнура по всей поверхности. Амфоры с двумя ушками имели округлую или цилиндрическую форму, орнаментировались горизонтальными оттисками шнура в сочетании с наколами.

Для восточной группы периодизация, разработанная Р. Римантене, строилась на изменениях балтийской береговой линии [Римантене Р.К., 1978, с.31-34]. Развитие приморской культуры, по мнению исследовательницы, при этом также проходило три фазы: ранняя фаза относилась к регрессии Балтийского моря, средняя фаза совпадала с трансгрессией, поздняя фаза вновь приходилась на регрессию. Гипотетически ранней фазе предшествовал период, когда А-горизонт КШК активно взаимодействовал с КША.

Основываясь на датах с поселений приморской культуры в Литве, Р. Римантене относит существование восточной группы к промежутку 2900/2800–2000 calBC [Римантене Р. К., 2000, с.67-68]. По версии Д. Круль, время существования западной группы укладывается в рамки 3300–2000/1950 calBC [Król D., 1991, p.75-82]. Данная версия

слишком удревяняет культуру, что противоречит общепринятым представлениям о начале КШК в Европе.

В приморской культуре были прослежены связи с различными культурными образованиями, но оценивались они неоднозначно. Одно время большое значение придавалось группам КШК из Средней Германии. На основании отдельных аналогий (в частности, находок в Восточной Пруссии фасетированных топоров, происхождение которых, безусловно, ассоциируется с территорией Средней Германии, а также некоторых разновидностей амфор и кубков, происходящих с Куршской косы и других многочисленных и случайных находок), Л. Килиан выдвинул предположение об особых связях приморской культуры с КШК в Средней Германии [Kilian L., 1955, s.154-164]. Иначе говоря, КШК Средней Германии отводилась роль основного фактора, способствующего возникновению приморской культуры. Ныне подобного рода аналогиям уделяется мало внимания. При более пристальном рассмотрении оказалось, что их количество невелико. В самом деле, некоторые находки сосудов из Эллернхорста на Куршской косе по форме и орнаменту напоминают в деталях отдельные типы посуды КШК из Средней Германии [Rimantienè R., 1999a, Abb.6]. Но с учётом их редкости для приморской культуры в целом эти формы считаются теперь только отражением отдельных культурных импульсов, исходящих с юго-запада. Не подтвердился и приоритет ряда древностей КШК в Средней Европе во времени [Dresely V., Müller J., 2001, s.287-318].

Расходятся мнения по поводу характера связей между приморской и среднеднепровской культурами. Выдвигалось даже предположение о происхождении приморской культуры из среднеднепровской или, по крайней мере, участии среднеднепровской культуры в формировании приморских древностей [Бондарь Н.Н., 1981, с.49; Артёменко И.И., 1987, с.14]. В настоящее время это, конечно, не находит никакого подтверждения. Но торговые отношения могли существовать. Насколько это отразилось в материалах приморской культуры, однозначного ответа нет. По мнению Р. Римантене, таких следов почти не прослеживается [Римантене Р.К., 1984, с.40]. В среднеднепровской культуре выявлены погребения, где обнаружены типичные для Прибалтики янтарные украшения. Однако большинство предметов из янтаря, включая ключеобразные и зубовидные подвески, прежде всего, находит аналогии на поселениях Лубанской равнины в Латвии [Артёменко И.И., 1987, с.12-13].

В керамике аналогии прослеживаются по большей части в орнаментике. Обычно называется орнамент в виде поясов из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников (переплетённые треугольники), разделённых горизонтальными линиями. Общими элементами являются нарезной горизонтальный и ёлочный орнамент [Артёменко И.И., 1987, с.13-14]. Но ни о каком участии среднеднепровской культуры в формировании приморского культурного образования речи идти не может. Все указанные элементы в среднеднепровской культуре распространяются на среднем и позднем этапах. Скорее можно говорить об обратном влиянии.

Очень много черт сходства с приморскими древностями проявляется в материалах культуры Злота. Наиболее близкими считаются формы, связанные происхождением с общеевропейским горизонтом, которые распространены в культуре Злота почти так же широко, как и в приморской [Machnik J., 1997, p.129-131, Fig.3]. Но ещё одной особенностью, тесно сближающей эти культуры, являются янтарные украшения. В культуре Злота они происходят именно из Юго-Восточной Прибалтики. В погребениях данной культуры обнаруживаются идентичные янтарные изделия, представленные круглыми, овальными или квадратными пуговицами, линзовидные диски, орнаментированные по краю точками, а также сходящимися к центру линиями [Krzak Z., 1976, Fig.68]. На основании многочисленных аналогий Я. Махником подчёркивается наличие прямых

связей между двумя достаточно удалёнными друг от друга культурными образованиями [Machnik J., 1997, p.131].

Особенно много аналогий, прежде всего в керамическом материале, прослеживается в культуре одиночных погребений. Часть керамического комплекса приморской культуры находит соответствия именно в этой культуре. Но более точная культурная идентификация в этом вопросе не всегда возможна, так как целый ряд образцов посуды в культуре одиночных погребений содержит элементы ранней фазы КШК. Для территории Юго-Восточной Прибалтики исследователями предполагается прямое проникновение отдельных групп населения данной культуры [Machnik J., 1979, s.377-378]. Возможно, отношения не всегда были мирными. Например, следы пожарищ на поселении Сухач и Нида фиксируются дважды, а то и трижды. Так или иначе, в приморской культуре на некоторых поселениях (Жуцево и Швянтойи 1А) проявляется достаточно высокая доля элементов культуры одиночных погребений.

Становление приморской культуры происходило, как ранее представлялось, в крайней западной части своего ареала [Tetzlaff W., 1970, p.365]. По поводу основных составляющих этой культуры существует большое число различных мнений. В последние десятилетия главная роль отводится раннему горизонту шнуровой керамики, который явился первоначальным ядром, вокруг которого позднее, при участии КША, соседних КШК, нарвской и неманской культур, в прибрежных районах и складывается приморская культура [Machnik J., 1979, s.377; Римантене Р.К., 1981, с.34-35].

Природные условия Юго-Восточной Прибалтики оказались благоприятными для развития КШК. Прибрежная зона, богатая пищевыми ресурсами и янтарём, высоко ценимым в то время, становится местом, где возникают и продолжают в дальнейшем развиваться постоянные и долговременные поселения.

Роль КША, сообществ неолита лесной зоны оценивалась по-разному, но большинство исследователей сходится во мнении, что элементы этих культур, в большей или меньшей степени, несомненно, присутствуют в приморской культуре. Гораздо труднее оказалось выяснить, каким конкретно путём попали эти элементы в приморскую культуру. По мнению Р. Римантене, при формировании приморской культуры, кроме общеевропейского горизонта шнуровой керамики участие принимала неманская культура, что отразилось, прежде всего, на кремнёвом инвентаре [Римантене Р.К., 1981, с.34-35; Rimantienė R., 1989, s.176-178]. С неманской культурой пришлые группы КШК столкнулись на этапе своего продвижения к побережью. Уже в прибрежных районах установились контакты с населением нарвской культуры. Большое значение могли иметь связи с КША. Напротив, в концепции А. Гирининкаса более значительная роль в становлении приморской культуры отводится населению нарвской культуры [Girininkas A., 1994, s.159-160]. Сообщества КШК, оказавшись на побережье, пришли в соприкосновение с ранее занимавшими эту территорию племенами нарвской культуры. Последние не были поглощены пришлыми племенами КШК, оказав серьёзное воздействие на мигрантов. Структура хозяйства племён приморской культуры сложилась именно под воздействием аборигенного населения. Следы воздействия нарвской культуры отразились и в кремнёвом инвентаре. Ланцетовидные, трапециевидные, листовидные и ромбовидные наконечники могут происходить из круга нарвской культуры. Немало признаков нарвской культуры в керамике. Насчитывается около 30 характерных для нарвской культуры элементов орнамента. Некоторые формы широкогорлых горшков и мисок, вполне вероятно, возникли в приморской культуре благодаря местному воздействию. Формы янтарных украшений своим происхождением тоже связаны с нарвской культурой. Таким образом, подчёркивается значительность воздействия нарвской культуры на этапе сложения нового культурного образования [Girininkas A., 1994, s.160].

Разумеется, процесс складывания приморской культуры был достаточно долгим. Уже в ходе своего развития появлялись новые формы посуды, каменного инвентаря и изделий из янтаря, но продолжали существовать и более ранние формы [Machnik J., 1979, s.369]. Именно так исследователем объясняется чрезвычайно пёстрый набор инвентаря характеризующей культуры.

Стоянки КШК внутренних районов Калининградской области в большинстве случаев образуют тонкие слои над более мощными наслоениями предшествующей эпохи. Совершенно иначе выглядит структура поселенческих комплексов приморской культуры, отличающихся необычайным богатством инвентаря. На некоторых поселениях в прибрежной зоне жизнь могла продолжаться несколько сотен лет без особых перерывов.

Проживая в достаточно благоприятных условиях, которые обеспечивали поселенцам богатые рыбой и морским зверем прибрежные воды, трудно было не заимствовать основные методы рыболовства и охоты у аборигенного населения. Скорее всего, важность того или иного вида источника пропитания варьировалась в зависимости от места, где располагались поселения. В Жуцево особое значение имела охота на морского зверя (гренландский и серый тюлени, морская свинья) и рыболовство [Lasota-Moskalewska A., 1997, p.165-166]. Кости тюленя выявлены и в слоях поселения Сухач, причём в Толкмичко они отсутствовали [Okulicz J., 1973, s.124]. Другой почти равноценной отраслью хозяйственной деятельности в Жуцево являлось разведение крупного рогатого скота [Lasota-Moskalewska A., 1997, p.166]. В отдельные периоды большое значение приобретало разведение свиней, косвенным подтверждением чего считаются находки в Жуцево и Сухач скоплений обугленных желудей и скорлупы лесного ореха [Okulicz J., 1973, s.125]. Выпас скота происходил в близлежащих лесах, что, видимо, могло привести к скрещиванию с дикими животными. Кости диких животных в культурных слоях поселения обнаруживаются реже [Lasota-Moskalewska A., 1997, p.166]. Не играла большой роли охота на морскую птицу. Моллюски на побережье вообще не собирались. В Швянтойи 1А охоте на сухопутных животных уделялось большее внимание [Rimantienė R., 1996a, s.271]. Здесь предпочитали охотиться на диких кабанов, лосей, туров. На других позднеолитических поселениях в Швянтойи в большом числе обнаружены кости бобра. В Ниде обитатели посёлка охотились на туров, оленей, лосей, лисиц и бобров, встречаются кости водоплавающих птиц и панцири раков [Rimantienė R., 1996a, s.271]. Кости домашних животных на этих поселениях составляют небольшой процент. Наибольшее значение имело всё-таки рыболовство, которое велось практически круглый год. Больше всего вылавливалось хищных видов рыб, причём довольно крупных размеров.

Повсюду на поселениях приморской культуры зафиксированы следы занятия земледелием. На Куршской косе в Ниде и Лепа-Калнс вблизи посёлка Морское на обломках керамики выявлены отпечатки зёрен ржи и пшеницы [Rimantienė R., 1996a, s.276]. Палинологический анализ в Жуцево показал наличие ржи, в Ниде ячменя и ржи [Miotk-Szpiganowicz G., 1997, p.156; Rimantienė R., 1996a, s.276]. Но относиться ко всем этим фактам следует с предельной осторожностью. Вряд ли земледелие было столь важной стороной деятельности населения КШК, как, например, скотоводство или рыболовство на побережье, а также охота.

Глава III

Проблема выделения памятников вальдбургского типа

Уже в XIX веке значительная часть археологических материалов стала поступать с Куршской косы, где на древней лесной почве у подножия дюн удалось выявить следы многочисленных стоянок КШК. Большинство памятников открыто в XIX веке и целенаправленно не исследовалось. Отто Тишлер в 1874–1876 гг. при обследовании косы нанёс на карту не менее 100 местонахождений, причём артефакты находились, как правило, на поверхности. Стоянки оказались расположенными столь близко и плотно друг к другу, что вскоре возникли затруднения в их пространственном разделении. Однако обширные и целенаправленные раскопки в то время не проводились (как не проводились они и в первой половине XX века). Как правило, обследование происходило путём сбора материалов на поверхности. Сведения о некоторых стоянках ограничиваются только перечнем обнаруженных вещей, чаще всего совершенно не конкретным. К несчастью, часть артефактов, если не большинство, было опубликовано без учёта точных данных места обнаружения. Достаточным считалось просто указать, что они происходят с Куршской косы (рис.128: 6-17; 129: 1-15).

Неоднократные попытки обнаружить стоянки КШК на Куршской косе в последующий послевоенный период не дали сколько-нибудь ощутимых результатов, хотя экспедициями Ф.Д. Гуревич в 1949 г. и В.С. Титова в 1969 г. проводились небольшие рекогносцировочные работы [Gurina N.N., 1959, с.193-198]. Дюны давно сдвинулись, и стоянки оказались погребёнными под толщей песка.

Более чёткую характеристику (с точки зрения локализации стоянок), содержат материалы, полученные с побережья Калининградского залива, хотя памятников выявлено гораздо меньше. К сожалению, в годы войны большинство находок было утеряно, опубликовать их не успели. Недавно Балтийской археологической экспедицией, а также разысканиями автора на этой территории были выявлены следы неизвестных ранее памятников, на которых получены небольшие материалы, сходные с керамическим комплексом из Прибрежного.

Небольшая коллекция шнуровой керамики происходит из Кёнигсберга, но она почти целиком утрачена. В нескольких километрах восточнее, в Исаково (Лаут) Самбийско-Натангийской экспедицией обнаружена ещё одна стоянка КШК.

До открытия поселения в Прибрежном западная часть Калининградской области оставалась в отношении памятников эпохи неолита и раннего бронзового века совершенно неисследованной. Отсутствие ясной картины динамики развития культуры шнуровой керамики в регионе породило множество различных интерпретаций разрозненного материала, в массе своей накопленного ещё до начала XX века.

1. Поселение Прибрежное

Поселение Прибрежное (Вальдбург) обнаружено автором при разведывательных работах вдоль береговой полосы залива. Общую площадь поселения удалось определить лишь приблизительно, так как южная часть и крайняя восточная уничтожены в прошлом строительными работами. Судя по всему, поселение занимало территорию не менее 15000 м² (рис. 3).

С 1973 г. в посёлке Прибрежном ведётся активное строительство, причём в направлении выявленного памятника. К моменту обнаружения часть памятника (участки, расположенные в восточном секторе) была уже уничтожена в процессе строительства гаражей. Их дальнейшее строительство удалось приостановить. Немалый урон памятнику был нанесён при возведении очистных сооружений в семидесятых годах XX века. Западный край возвышенности оказался практически полностью уничтоженным.

В 1996–1997 гг. вблизи садовых участков с целью уточнения характера культурного слоя автором были заложены раскопы I и II общей площадью 51 м². Как вскоре выяснилось, в пределах раскопа размещались остатки 2-х сооружений (жилище 1 и объект А). В 1998 г. раскопы III и IV общей площадью 64 м² удалось заложить на территории дачного участка, владелец которого собирался строить на этом месте дом. В ходе работ 1998 г. здесь выявлены следы ещё 3-х сооружений (жилище 6 и объекты С и D). С 1999 по 2005 г. все работы проводились в центральной части поселения, где располагались остатки жилищ (рис.166-170).

1.1. Домостроительство

На поселении открыты остатки двенадцати построек. Шесть из них имели столбовую конструкцию вытянутой формы. Благодаря чёрному цвету заполнения, конструкции хорошо заметны на фоне светло-жёлтого песка (для лучшей фиксации объектов раскопы приходилось регулярно поливать водой, так как поверхность быстро высыхала на солнце, и объекты становились слабо различимыми). Учитывая крупные размеры памятника, можно предполагать одновременное существование на поселении до 10–15 жилищ.

Жилище 1 располагалось на западной окраине поселения. Постройка имела вытянутую форму и была ориентирована своей продольной осью в направлении юго-запад – северо-восток (рис.4). Ширина жилища составляла 4,0–4,5 м, длина основной части жилища достигала 13,70 м. Вместе с пристройкой-входом шириной около 2 м, конструкция имела длину, вероятно, не менее 16 м. Постройка постепенно сужалась к апсидообразному торцу. Жилище было заглублено в материк в среднем на 0,20–0,30 м. Заполнение состояло из углистого песка тёмного цвета. Оконтуривали постройку ямы от столбов размером 0,26–0,38 м, заглубленные в материк до 0,45 м. Интервал между ямами в среднем был 2,0–3,0 м. Ямы, как правило, находились напротив друг друга. Ряд редких столбов, очевидно, поддерживающих кровлю, шел по центру жилища. От них сохранилось 3 ямы, впущенных в материк до 0,25 м. Конструкция могла быть двухкамерной и разделяться перегородкой, следы от которой в виде столбовых ям отмечены в средней части постройки.

В каждом помещении функционировал очаг овальной формы, размером 0,90 X 0,60 м и 1,20 X 0,70 м (рис.4). Глубокие очаги были заглублены в материк от 0,23 м до 0,45 м. Заполнение ям состояло из тёмноцветного песка с большим количеством мелких частиц угля. В отдельных случаях при зачистке дна жилища между столбами, образующими стены конструкции, зафиксированы слабые следы углистых полос тёмно-серого цвета, скорее всего, являющихся остатками жердей.

На дне котлована жилища 1 находки были сконцентрированы в районе очагов (рис.5). Обнаружены фрагменты 24-х сосудов различных типов. Наиболее хорошо сохранилась крупная часть ванночки с округленным тупым концом (рис.5: 4; 111). К широкогорым горшкам различных групп относилось четыре крупных фрагмента (рис.5: 10,12,13,20). Амфора имела покатые плечики (рис.5: 7; 31:2). Обращает на себя внимание миниатюрный каменный топорик чёрного цвета (рис.5: 8; 22: 3).

В верхней части заполнения котлована жилища по всей площади постройки и непосредственно за её пределами обнаружено множество фрагментов керамики и один раздавленный сосуд со следами пребывания в огне (рис.30: 1). Очевидно, что массы керамики скопились здесь уже после прекращения функционирования жилища (толщина слоя около 0,35 м). Вся керамика находит свои соответствия среди находок в жилищах (рис.177; табл.4). Изделия из камня представлены обломком отполированного до блеска шлифовального камня из розового песчаника, галькой-грузилом и топориком (рис.25: 4; 27: 1; 22: 8). В этом же слое обнаружена янтарная подвеска продолговатой формы (рис.29: 3).

В 0,5 м юго-восточнее жилища 1 выявлен очаг округлой формы, диаметром 1,10 м (рис.4). Заполнение – тёмноцветный песок. Со стороны жилища 1 очаг имел вытянутой формы перекрытие в виде камней. У кромки очага было найдено около десятка фрагментов керамики, обломок шлифовального камня из песчаника и янтарная подвеска трапециевидной формы (рис.29: 4). С юго-восточной стороны находились два раздавленных толстостенных горшка и крупные фрагменты ещё 9 сосудов (рис.49: 2; 88: 1).

К югу от жилища 1, на расстоянии всего 0,20 м, прослеживалась ещё одна постройка – *объект А*, размером 3,40 X 4,40 м, ориентированный по оси юго-запад – северо-восток, неправильной прямоугольной формы (рис.4), заглубленный в материк до 0,32 м. Заполнение котлована объекта А состояло из серого цвета песка. С четырёх сторон сооружение оконтуривалось 14 столбовыми ямами размером от 0,20 м до 0,35 м. Большинство ям имеют незначительную глубину 0,08-0,10 м. По центру конструкции обнаружены следы ещё одного столба диаметром 0,28 м, заглубленного до 0,07 м. Очажок овальной формы располагался вблизи одной из стен, имел небольшие размеры – 0,36 X 0,44 м, глубиной 0,10 м. Заполнение представлено тёмноцветным песком. На площадке конструкции, в верхней части найдено необычайно большое количество фрагментов керамики, аналогичной остальной керамике поселения. Однако, на нижнем уровне находились обломки всего 4 сосудов, включая 1 кубок и 3 широкогорлых сосуда. По-видимому, большая концентрация керамического материала в верхнем уровне не связана с функционированием объекта А. Керамика попала сюда в качестве мусора из других более поздних жилых сооружений.

По насыщенности материала окружающее пространство в районе жилища 1 и объекта А резко отличается от территории, примыкающей к жилищу 2 и 3, которые расположены ближе к вершине холма. Большая часть находок в этом секторе были сконцентрированы, в основном, в самих жилищах.

В межжилищном пространстве, примерно на одной линии, к югу и юго-востоку от объекта А, были выявлены очаг № 3 и очаг № 4 с заполнением песка серого цвета (рис.4). Размеры овальной формы очага № 3 – 1,74 X 1,14 м. Очаг заглублен до 0,44 м. В заполнении обнаружено несколько мелких фрагментов керамики. Глубокий очаг № 4 неправильной округлой формы, имел размеры 1,80 X 1,92 м, впущен в материк до 0,60 м.

Жилище 2 располагалось на южной окраине (рис.167: 1). Постройка имела удлиненную апсидообразную форму, слегка сужающуюся к торцу, и была ориентирована продольной осью в направлении юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис.6). Общая длина основной конструкции – 17,50 м, ширина в среднем – 4 м. Заполнение котлована жилища – углистый песок тёмного цвета, ближе к верхней части слой постепенно приобретал светло-серый оттенок. Верхняя более светлая часть заполнения образовалась, видимо, спустя некоторое время после пожара, когда жилище было заброшено. Здесь постепенно скопился мусор, состоящий, в основном, из разрозненных обломков керамики, беспорядочно разбросанных по всей площади постройки. Часто они лежат не плашмя, как это обычно для керамики с уровня пола, но краем вверх. Все выявленные фрагменты являются типичными для керамики поселения (рис.178; табл.4).

По краям жилища, на расстоянии 0,12–0,20 м друг от друга шли двойные ряды ямок от столбов, диаметром 0,13–0,15 м и глубиной 0,15–0,22 м, образующих стены постройки (рис.6). Заполнение этих ямок имело чаще всего бледно-серый цвет. Они становились хорошо заметными лишь при достаточной увлажнённости песка. В крайнем юго-восточном ряду через определённые промежутки встречаются ямки, заглубленные до 0,35 м. С противоположной стороны жилища в аналогичном ряду им противостояли ямки такой же глубины. По оси жилища чётко прослеживался ряд редких ям от крупных столбов (всего 4 ямы), диаметром 0,30–0,35 м и заглубленных в материк до 0,40 м, служивших для поддержания кровли. Три ямы располагались на одинаковом расстоянии относительно друг друга, с интервалом в 4,80 м. Последний столб отстоял от предыдущего на более короткое расстояние – 2,70 м. Ещё один ряд столбовых ям, диаметр которых колебался от 0,28 до 0,40 м (всего 4 ямы), проходил также вдоль внутреннего пространства жилища, но не строго посередине, а ближе к его юго-западной стене. Ямы заглублены в материк до 0,40 м. Учитывая глубину ям, можно предполагать, что эти столбы также были несущими. С противоположной стороны столбы соответствующих размеров отсутствовали. На их месте выявлены ямки гораздо меньшего диаметра – до 0,16 м. Однако их глубина – 0,30 м – вполне соответствовала той роли, которую выполняли крупные столбовые опоры для поперечных балок.

Вход находился в более узкой северо-восточной части жилища, со стороны небольшой пристройки прямоугольной формы, размером 2,30 X 2,70 м. Вероятней всего, это был лёгкий навес, сооружённый из нескольких вертикально вбитых столбиков диаметром 0,14–0,18 м. Жилище имело, по крайней мере, два помещения, а может быть и более, и разделялось стеной-перегородкой. Всё сооружение было заглублено в материк со стороны входа и в средней части до 0,15–0,30 м, далее слой утолщался к торцу, где достигал 0,60 м. Углубленная юго-западная часть жилища, где могли находиться лежанки, была предназначена, скорее всего, для сна. Это помещение к торцу закруглялось, но имело продолжение в виде прямоугольной формы пристройки, образующей четырёхскатную крышу. Пол имел ровную поверхность, стенки котлована хорошо выражены. Почти по центру жилища помещался круглый в плане очаг диаметром 1,20 м, заглубленный в материк до 0,46 м, с заполнением тёмноцветного песка с содержанием большого количества частиц угля и мелких фрагментов кальцинированных костей. В пределах приочажной ямы были обнаружены янтарная пуговица с V-образным отверстием и удлинённой формы предмет из обожжённой глины, возможно, культового назначения (рис.29: 8). Первоначально очаг находился ближе к юго-западной стене, но затем был частично засыпан песком и сдвинут в юго-восточном направлении (рис.6). Образцы угля, взятые для радиоуглеродного анализа, показали 4220 ± 40 BP, 2810 ± 80 calBC, Le-6217; 4670 ± 160 BP, 3380 ± 220 calBC, Le-7035; 4470 ± 60 BP, 3170 ± 130 calBC, Ki-11352.

Большая часть находок концентрировалась в нижней части заполнения котлована жилища, причём ближе к основаниям стен или очагу, развалы крупных сосудов встречались по центру жилища (рис.7). Представлена столовая и кухонная посуда различных типов (рис.178; табл.4). Вдоль юго-западной и юго-восточной стен были обнаружены два хорошо отшлифованных топорика вытянутой формы из твёрдых пород камня с зауженным обухом и ассиметричной рабочей частью (рис.7:18,19; 23:1,2). Грузило представляло собой плоский камень с выемкой (рис.7: 17; 27:1). Возможно, на связь с земледелием указывают находки 2-х грубо обтёсанных каменных мотыг и растирателя пестиковой формы (рис.7:12,14; 27: 3,4; 28:1). Единственная амфора имела две ручки и заметно выраженные плечики (рис.167: 2; 146: 2; 7:13; 30:2). Неподалёку был выявлен фрагмент миски удлинённой формы с плоским днищем (рис.7: 6). В юго-западном торце, там, где могли находиться места для сна, была найдена янтарная пластинчатая

подвеска продолговатой формы (рис.7: 16). В центре постройки, но ближе к юго-западному торцу лежал раздавленный сосуд внушительных размеров (рис.7:15; 65). Рядом с развалом находились ещё два фрагмента широкогорлых сосудов (рис.7: 8,10). Несколько фрагментов керамики было сконцентрировано вокруг очага. Обращает на себя внимание фрагмент красиво орнаментированной глубокой миски, имеющей довольно редко встречающийся на поселении многозональный орнамент (рис.7:7; 99:3). Поверхность миски тщательно заглажена почти до блеска. Столь же тщательно отделан и фрагмент кубка, орнаментированный простыми оттисками шнура (рис.7:1; 43: 2). Два других кубка украшены миниатюрными ушками (рис.7: 4,5; 45: 4; 44: 1).

С юго-запада вплотную к жилищу примыкал очаг № 8 вытянутой овальной формы, размером 2,60 X 1,42 м, выбранный с глубины 0,20 м (рис.6). Для очага получены две радиоуглеродные даты – 4505 ± 60 BP, 3200 ± 110 calBC, Ki-10580 и 4430 ± 60 BP, 3120 ± 150 calBC, Ki-9947. Заполнение состояло из тёмного цвета песка. В заполнении обнаружена типичная для поселения керамика.

Культурный слой за пределами большинства исследованных жилищ крайне незначителен.

На расстоянии 2,60 м к западу от жилища 2 сохранились следы ещё двух сооружений – *объектов В и В1* (рис.12).

Объект В имел форму близкую к прямоугольной, был ориентирован в направлении З-В, судя по контуру заполнения, имел размеры 2,80 X 3,04 м. В юго-западном секторе объекта В зафиксирован прямоугольный выступ размером 0,80 X 0,90 м, где, возможно, располагался вход в объект В. Заполнение – углистая супесь тёмно-серого цвета. В кв. F-21-23 – G-23 оставались следы перекопа, вытянутые в направлении север-юг, размером 1,20 X 0,50 м. По контуру объекта В прослеживались следы столбовых ямок диаметром 0,10-0,16 м. В объекте В выявлено 8 мелких фрагментов керамики, типологически не отличимых от основной массы керамики с поселения. Скорее всего, объект В представляет собой постройку небольших размеров, возможно, хозяйственного назначения с пристройкой-входом с юго-западной стороны.

Площадку объекта В пересекали ряды отдельных ям от столбов, которые, предположительно, могут относиться к ещё одной постройке, возникшей здесь несколько в более позднее время – В1. Судя по очертаниям столбовых ям, постройка В1 имела вытянутую прямоугольную форму, наземную конструкцию и была размером 6,40 X 2,30 м, ориентирована в направлении Ю-З – С-В.

Северо-восточный угол объекта В частично оказался перекрытым остатками каменного очага № 9, очевидно, устроенного здесь несколько позднее (рис.12). При этом были уничтожены следы одного из опорных столбов. Очаг представлен вытянутым в плане, с плотным скоплением камней (всего 31 камень) в северо-восточном секторе. Очаг № 9 размером 2,80 X 0,70-0,86 м, имел в разрезе линзовидную форму. В заполнении чёрного цвета сохранилось незначительное количество мелких кальцинированных обломков костей. Между камнями в очаге залегало тесло из кристаллической породы с частично сохранившейся рукоятью (рис.171: 2; рис.24). По типу тесла соответствует остальным орудиям подобного типа на поселении. Помимо тесла представляет интерес находка в западном секторе очага № 9 целиком сохранившейся миски овальной формы, обычной для поселения (рис.171: 1).

Контуры *жилища 3*, расположенного по соседству с жилищем 2 и параллельно ему, определялись достаточно ясно (рис.9; 168). Ямки от столбов четко ограничивали вытянутой формы постройку, ориентированную по продольной оси юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис.9; 168). Длина конструкции исследована на протяжении 12,30 м (остальная часть уничтожена ныне засыпанным карьером). Жилище слегка сужалось ко входу и в средней части имело ширину 3,70 м, а в более узкой – 3,20 м.

Пристройка, где, видимо, находился вход, была размером 2,60 X 2,20 м. Основу пристройки образовывали мощные столбы, диаметром не уступающие боковым несущим столбам жилища. Ямы от столбов впущены в материк до 0,43 м. Создаётся впечатление, что данная пристройка, в отличие от лёгкого навеса в жилище 2, имела более основательную конструкцию. Вероятно, эти столбы являются частью единой несущей конструкции, поддерживающей продольные брусья.

Стенки котлована жилища пологие, пол имел ровную поверхность. Сооружение заглублено в материк в узкой и в средней части от 0,10 до 0,28 м. Юго-западный сектор заглублен до 0,50 м. Заполнение – углистый песок тёмного цвета. Наличие в заполнении большого количества мельчайших частиц древесного угля, несомненно, связано с пожаром. Вверху слой постепенно приобретал светло-серые оттенки и содержал в себе разрозненные фрагменты керамики, попавшие сюда уже после прекращения функционирования жилища. Всего на верхнем уровне жилища определялось 45 сосудов различных форм, типичных для поселения (рис.179; табл.4).

Внешние два двойных ряда ямок, диаметром 0,14-0,18 м и заглубленных в среднем в материк на 0,20 м, в целом параллельны друг другу, но расстояние между ними колеблется (рис.9). Они многочисленны, и, возможно, некоторые переставлялись во время ремонта конструкции, отчего создается впечатление хаотичности в их расположении. Через определённые промежутки среди ямок во внешних рядах встречались столбовые ямы более крупных размеров, диаметром до 0,30 м. Они заглублены в материк от 0,30 до 0,60 м. Судя по расположению этих ям, столбы находились напротив друг друга. Очевидно, что эти столбы служили опорой для поперечных связей жилища, на которых в свою очередь приходился основной вес кровли. Впрочем, четыре ямки диаметром 0,14 м, по две с каждой стороны жилища, имели не меньшие глубины. Как и в других сооружениях, по центру жилища, вероятно, тянулся ряд редких столбов, функция которых могла заключаться в поддержании кровли. В исследованной основной части жилища 3 обнаружена лишь одна яма диаметром 0,32 м и заглубленная в материк до 0,30 м, расположенная по длинной оси постройки. Ближе к северо-восточной стене жилища, параллельно основному, продолжался еще один ряд крупных столбовых ям диаметром 0,20-0,26 м. Данные столбы также могли служить дополнительной опорой для поперечных балок. Ямы заглублялись в материк до 0,20 м. Судя по расположению ямок внутри жилища, сооружение было разделено поперечными стенками на одно или даже несколько помещений.

Крупных очагов не выявлено. Ближе ко входу располагалась линза размером 4,60 X 2,60 м, заглубленная в материк до 0,12 м (рис.9). Для определения возраста использовался уголь, полученный с нижнего уровня заполнения котлована жилища. По данным радиоуглеродного анализа, жилище 3 датируется 4530 ± 60 BP, 3220 ± 110 calBC, K1-11351 и 4410 ± 80 BP, 3120 ± 150 calBC, Le-6218.

Все основные находки встречались в нижней части на уровне пола (рис.10). Тесло из кристаллической породы имело трапециевидную форму (рис.10: 11). Линзовидный янтарный диск с просверленным с обеих сторон отверстием в центре был диаметром 2,4 см (рис.10: 14). Фрагменты сосудов лежали по всей исследованной площади помещения. Керамика представлена фрагментами 18 сосудов различных типов (табл.4). Обнаружены обломки, по крайней мере, двух амфор с покатыми плечиками. Судя по сохранившейся нижней части, амфоры относятся к местному типу с овальной формой венчика (рис.10: 4). Кубок отличался почти прямым венчиком и слегка сужающимся к доньшку туловом (рис.10: 1). К глубоким мискам можно отнести красиво украшенный сосуд с выпуклыми стенками (рис.10: 2). Ещё три фрагмента также принадлежали глубоким мискам различных групп. Одна из них была украшена отрисками шнура, образующих треугольники (рис.10: 3). Встречались сосуды кубковидной формы (рис.10: 5,6).

На пространстве, примыкающем непосредственно к жилищу, было выявлено три объекта хозяйственного назначения. В 2,50 м северо-западнее жилища 3 была обнаружена яма неправильной овальной формы, заглубленная в материк до 1,20 м (рис.9). Размеры ямы – 1,66 X 2,60 м. Объект имел заполнение, содержащее светло-серого цвета песок.

В 2,10 м северо-восточнее жилища 3 находилась ещё одна яма вытянутой овальной формы размером 1,30 X 2,40 м, заглубленная в материк до 0,30 м (рис.13). Заполнение ямы состояло из светло-серого цвета песка. На дне ямы находились ещё три ямки диаметром 0,40 м, 0,32 м и 0,16 м, впущенные в материк до 0,23 м. По периметру ямы были расположены ещё две ямки от столбов диаметром 0,10 м, заглубленные до 0,18 м. Ямки от столбов, скорее всего, являются следами перекрытия.

В 0,20 м к северо-востоку от жилища 3 располагался очаг овальной формы размером 2,10 м X 1,20 м с заполнением тёмноцветного песка (рис.9). Очаг заглублен в материк до 0,22 м. В заполнении обнаружено незначительное количество мелких фрагментов сосудов, аналогичных керамике из жилища.

Жилище 4, исследованное на протяжении 8 м, обнаружено в 3,80 м к северо-востоку от жилища 3. Постройка удлинённой формы ориентирована по оси юго-запад – северо-восток (рис.13). Ширина конструкции не превышала 4,80 м. От уровня древней поверхности постройка заглублена в материк до 0,30 м. Углубление жилища имело пологие склоны. Заполнение котлована представлено углистым песком тёмного цвета. На более высоких уровнях слой постепенно приобретал светлый оттенок и содержал множество разрозненных обломков керамики. На основании около 300 фрагментов определились 59 сосудов различных форм (рис.180; табл.4). Обнаружен кремнёвый наконечник стрелы треугольной формы с выемкой в основании.

Вдоль границ котлована жилища, на неравном расстоянии друг от друга, прослежены ряды ям различного диаметра (рис.13). Во внешнем ряду большинство ям диаметром 0,20–0,22 м заглублены в материк от 0,12 до 0,27 м. На внутреннем пространстве постройки обнаружены ямки диаметром 0,12–0,16 м и глубиной 0,08–0,11 м. Среди них встречаются ямы диаметром 0,20–0,26 м, заглубленные до 0,15 м. Учитывая глубины отдельных ям в первом ряду, имеет смысл считать их следами от опорных столбов, поддерживающих поперечные балки. Все ямы имели конусовидную форму. Видимо, существовали ещё два внутренних ряда ям диаметром не менее 0,24 м. Глубина их в прослеженной части жилища доходила до 0,39 м. На центральной оси сооружения выявлены две ямы диаметром 0,26 и 0,34 м. Глубины ям достигали 0,33 м. В отдельных случаях между ямами во внешних рядах встречались углистые полосы тёмного цвета. Их расположение наводит на мысль, что это остатки сгоревших прутьев или жердей, являющихся частью стен постройки. Отдельные незначительные по размерам и глубине ямки от столбов, расположенные совершенно бессистемно, скорее всего, соответствуют более позднему времени и не могут относиться к жилищу 4.

В центре постройки расчищен очаг округлой формы диаметром 0,70 м (рис.13). Заполнение представлено тёмноцветным песком. Встречались включения мельчайших обломков кальцинированных костей. Мощность заполнения очага достигала 0,44 м. Радиоуглеродный анализ угля, извлечённого из очажной ямы, показал дату 4570 ± 60 BP, 3280 ± 140 calBC, Ki-10581 и 4510 ± 60 BP, 3210 ± 110 calBC, Ki-9948.

На дне котлована жилища находки в основном были сосредоточены в центральной части жилища (рис.14А). Рядом с очагом найден небольшой фрагмент кубка, орнаментированного рядами ямок (рис.14А: 1; 45: 3). Амфорообразный сосуд имел заметный изгиб в центральной части тулова и овальную форму венчика (рис.14А: 3; 37: 3). Три фрагмента относились к широкогорлым горшкам различных групп. Всего к нижнему уровню относилось 11 венчиков сосудов. Каменный топорик, сохранившийся не

полностью, имел слабо выраженную трапециевидную форму и закругленное лезвие (рис.14А: 7; 22: 6).

Вплотную к жилищу 4, с юго-западной стороны, примыкала яма размером 1,90 X 2,84 м, которая прорезала основной культурный слой поселения (рис.13). Глубина ямы составляла 0,80 м. Заполнение представлено тёмноцветным песком с включением большого количества крупных частиц древесного угля.

В 0,10 м от юго-восточного края углубления жилища 4 обнаружен овальной формы очаг № 13 с заполнением тёмноцветного песка (рис.13). Размеры очага – 0,64 X 1,04 м. Объект заглублен в материк до 0,13 м.

Жилище 5 находилось всего в 2,20 м к юго-востоку от жилища 3 (рис.169). Сооружение имело вытянутую форму, ориентировано по длинной оси юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис.15). В длину конструкция достигала 16,75 м, ширина не превышала 3,80 м. Постройка постепенно сужалась по направлению к фронту с округленными углами. С северо-востока конструкция имела продолжение в виде вытянутых в одну линию 4-х мощных столбов. Напротив сохранились следы ещё двух столбиков меньшего размера. Вместе они образовывали навес размером 1,20 X 1,0 м, где мог находиться один из входов (рис.169: 1). Следующий проход в жилище, возможно, располагался с восточной стороны.

Очертания жилища 5 с явными следами пожарища резко контрастировали с окружающим постройку светло-жёлтым материковым песком (рис.169). Заполнение состояло из углистого песка тёмного цвета. Высокое содержание мельчайших частиц угля смешанного с песком отмечалось по всему внутреннему пространству. Наибольшей мощности заполнение достигало в районе очагов – 0,46 м от древней поверхности. Затем основание жилища постепенно повышалось, причём в обе стороны, по направлению к противоположным концам жилища.

Оконтуривали постройку двойные ряды ямок от столбов диаметром 0,12-0,14 м, служивших основой для стен жилища (рис.15). Расстояние между ними было неодинаковым. Ямки сужались к основанию, заглубляясь в материк в среднем на 0,11–0,14 м. Во втором ряду встречались ямы более крупных размеров – от 0,22 до 0,24 м, впущенные в материк до 0,35 м. Причём ямы имели соответствующие глубины на двух противоположных сторонах жилища. В 4-х случаях диаметр ям доходил до 0,38 м. Эти ямы заглублены в материк до 0,5 м. Ближе к торцу размеры ям увеличиваются в первом ряду. Их диаметр – 0,20–0,26 м, заглублены до 0,28 м. По центральной оси жилища сохранился хорошо заметный ряд ям от тяжёлых опор для поддержания крыши, диаметром 0,20–0,30 м. Ямы заглублены в материк до 0,28 м. Лишь две ямы имели глубину 0,38 и 0,40 м.

Довольно сложную картину представляет собой площадь между двойными внешними рядами ям и рядом центральных ям (рис.15). Здесь выделяются ещё два ряда ям по обе стороны внутреннего пространства жилища. Обращает на себя внимание разница в величине ям. Часть ям имели диаметр 0,24–0,26 м при глубине от 0,20 до 0,34 м. Две ямы диаметром 0,40 м заглублены в материк до 0,22 м. Большинство этих ям находилось на одной линии с наиболее заглубленными ямами во втором внешнем ряду. Заполнение ям отличается почти чёрным цветом. Распределение ям явно подчиняется определённой системе. Можно предполагать, что столбы, как из внутреннего ряда, так и из второго внешнего ряда, служили опорой для поперечных балок. Во внутренних рядах более многочисленны мелкие ямки диаметром 0,16–0,22 м и глубиной от 0,14 до 0,24 м. По центру жилища располагался очаг А близкой к округлой формы, размером 1,30 X 1,16 м с заполнением, состоящем из тёмного цвета песка (рис.15). Очажная яма имела глубину 0,80 м. Рядом с очагом обнаружены трапециевидной формы каменный топорик и янтарная подвеска (рис.15; 16: 6,7). В 1,30 м почти на той же линии, но чуть

ближе к северо-западной стене, находился ещё один очаг В, в отличие от первого, обложенный камнями (рис.15). Очаг, глубиной 0,20 м, имел форму, близкую к прямоугольной (рис.170: 1). Заполнение представлено тёмноцветным песком. В противоположной части жилища, у юго-западной стены, зафиксирован округлой формы очажок размером 0,40 м, заглубленный до 0,13 м. Заполнение объекта характеризуется песком тёмного цвета.

Отдельные ямки, следы которых выявлены на небольшой глубине, скорее всего, не принадлежат конструкции и относятся к более позднему времени.

Вещественный материал, в основном, тяготел к очагам (рис.15; 16; табл.4). Вблизи очага В обнаружено около 40 фрагментов керамики. Выделяются мисочка овальной формы и глубокая миска, украшенная треугольниками, а также обломок широкогорлого горшка с орнаментом в виде горизонтальных оттисков шнура и штампа, образующего ломаную линию из столбиков (рис.16: 3,4,11). Мелкие фрагменты двух амфор, по форме типичные для Прибрежного, все были со следами вторичного обжига. У противоположной стены жилища залегала зернотёрка (рис.16: 12; 28: 5). Ближе к противоположному концу постройки найдены два лежащих рядом каменных рабочих топора плохой сохранности (рис.16: 1,17; 21: 4,7). В центральном и крайнем юго-западном секторах найдены три обломка сосудов, украшенных горизонтальными оттисками шнура и рядами различной формы ямок (рис.16: 2,13,15; 89: 1). В средней части, но ближе к юго-восточной стене зафиксировано миниатюрное желобчатое долото трапециевидной формы (рис.16: 14; 23: 6). В пределах очага А обнаружены крупные фрагменты 2-х широкогорлых сосудов (рис.16: 9,19; 78: 4). Находки в верхнем уровне были незначительными.

Жилище 6 удлинённой формы, раскопанное частично (на протяжении 8,0 м), ориентировано по длинной оси запад – восток (рис.17). Сооружение заметно сужалось в восточном направлении, где углы имели закругленную форму. Конструкция заглублена в материк на 0,40 м. Заполнение котлована состояло из слоя углистого песка почти чёрного цвета. В верхней части заполнения были найдены мелкие обломки 36 различных сосудов (рис.182; табл.4).

По контуру жилища зафиксирован ряд крупных ям (всего 5) размером от 0,20 до 0,44 м (рис.17). Ямы заглублены в материк от 0,40 до 0,65 м. Между ямами крупного размера встречались ямки размером 0,16–0,14 м, впущенных в материк до 0,30 м.

Основная масса находок залегала на самом дне котлована жилища (рис.182; табл.4). Обращает на себя внимание развал широкогорлого горшка с туловом выпуклой формы (рис.14В: 5; 68: 1). Кубок имел орнамент в виде горизонтальных оттисков шнура и ряда мелких ямок (рис.14В: 1; 39:1). Шейка у кубка была выражена слабо. Два крупных обломка принадлежали особому типу сосудов, имеющих слабопрофилированные стенки (рис.14В: 5; 72: 1,2). Остальные четыре крупных фрагмента венчиков относились к различным типам широкогорлых горшков, распространённых на поселении (рис.14В: 3,6,8,9). Радиоуглеродный анализ фрагмента кости, обнаруженного в жилище, показал очень раннюю дату – 4570 ± 60 , 3280 ± 140 calBC, Ki-9949.

Жилище 6 занимало крайнее положение по отношению к остальным исследованным постройкам и размещалось ближе к заливу, на понижении, хотя реальная кромка берега в то время, видимо, находилась гораздо дальше. Иначе во время шторма волны могли свободно достигать постройки.

В этой части холма заселение происходило неоднократно, как в более ранний, так и поздний периоды. Рядом с жилищем, наряду с керамикой, обычной для поселения, встречаются разрозненные фрагменты пористой керамики нарвского облика (рис.115: 6,8). Непосредственно под дёрном было обнаружено 12 фрагментов стенок сосудов с хрупчатой поверхностью, типичной для керамики раннего железного века и рим-

ского времени (рис.116: 2-5). По образцу угля из очага, который находился примерно на этом же уровне, была получена радиоуглеродная дата 1890 ± 160 BP, 110 ± 190 calAD, Le-6216.

Всего на расстоянии 0,40 м южнее жилища довольно ясно читались очертания очага округлой неправильной формы (рис.17). Размеры составляли 1,80 X 1,30 м. В заполнении ямы, состоящим из тёмноцветного песка и заглубленной в материк до полуметра, отмечено значительное количество обломков керамики и каменных орудий, типичных для поселения.

Ещё южнее, на расстоянии 2,90 м от жилища б на уровне материка наблюдалась линия из трёх ям диаметром 0,40–0,52 м (рис.17). Ямы заглублены в материк до 0,35 м. Рядом находился очаг обложенный камнями, подковообразной формы, размером 1,10 X 0,80 м, глубиной 0,16 м. Заполнение очага – тёмноцветный песок. Несколько фрагментов керамики, встретившиеся в заполнении, неотличимы по всем главным показателям от основной массы керамики с поселения. Вблизи очага обнаружен трапцевидной формы каменный топорик (рис.21: 3). С двух противоположных сторон вокруг очага зафиксированы две ямки от колышков диаметром 0,16 м. Возможно, очаг и ямы от наиболее крупных столбов принадлежат постройке наземного типа (*объект С*), основная часть которой размещается за пределами раскопа. Постройка ориентирована в направлении Ю-З – С-В. С противоположной стороны от крайней северо-восточной ямы на расстоянии 3,20 м зафиксирована яма неправильной овальной формы. Цепочка из менее значительных по размерам ям глубиной до 0,10 м могла ограничивать объект с северо-восточной стороны.

Не исключена реальность существования здесь ещё одной постройки наземного типа – *объекта D* (рис.17). В крайней северо-восточной части раскопа зафиксирован очаг округлой формы диаметром 0,64 м (частично уничтожен столбом от постройки XX века). На определённом расстоянии от очага по кругу располагались ямы диаметром от 0,10 до 0,32 м. Глубина ям не превышала 0,10 м. Диаметр округлой формы постройки – 3,60 м.

Следы постройки наземной столбовой конструкции выявлены в верхнем уровне, юго-восточнее жилища 4 (рис.123: 12). Постройка прямоугольной формы была ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток. Размеры постройки – 3,20 X 1,80 м. По центральной оси постройки размещался очаг округлой формы, диаметром 0,44 м.

Наблюдается определённая система в принципах застройки поселения (рис.18). Жилища 2, 3 и 5 ориентированы по оси юго-юго-запад – северо-северо-восток. Жилища 3 и 5, расположенные почти вплотную, были параллельны друг другу. Параллельно им, но с небольшим уклоном к западу, размещалось жилище 2. Параллельно друг другу располагались жилища 1 и 4. Но по отношению к большинству других строений они фиксируются под несколько иным углом, хотя ориентировка остаётся почти прежней. Исключение составляет жилище б, расположенное по направлению запад-восток. Можно утверждать, что большинство исследованных жилищ построено с учётом господствующих зимой ветров юго-западных направлений.

Конструкция большинства жилищ на поселении характеризуется некоторыми устойчивыми строительными традициями. Естественно, сохранились лишь углубленные в материк основания построек и ряды ям различной величины. Учитывая их параметры и расположение, можно предполагать, что это были долговременные, стационарные сооружения, которые могли использоваться и зимой, и летом. В жилищах 2, 3 и 5 выходы с навесом вели в сторону залива (рис.14). У остальных они размещались в восточном направлении.

Реконструкции подобного типа сооружений основываются на интерпретации столбовых ям. Наименее глубокие из них и нарушающие общую конструктивную систему,

вполне вероятно, относятся к более поздним периодам. Следует учитывать, что ямки от столбов могли не только свидетельствовать об особенностях внутреннего устройства жилища, но и являться следами их перестановки.

Особенности и принципы домостроительства в Прибрежном можно проиллюстрировать на примере графической реконструкции жилища 2. Постройка, врезавшаяся в материковый склон до глубины 0,60 м, представляла собой столбовую конструкцию удлиненной формы с двойными стенами (рис.8). Стены, вероятно, были сделаны из плетня. Однако глиной стены не обмазывались – не обнаружено ни одного куска глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Внутреннее пространство между первым и вторым рядами столбов могло заполняться торфом, дёрном или жердями. Подпирая крышу, вдоль длинной оси постройки на расстоянии 4–4,8 м друг от друга стояли массивные столбы с развилкой. На них лежала толстая балка. С западной стороны проходил ещё один ряд крупных столбов, являющихся, вероятно, боковыми подпорками. Опорные столбы из противоположного восточного ряда имели меньший диаметр. На эти два ряда столбов, по-видимому, опирались поперечные связи жилища.

С торца к жилищу примыкали ряды столбиков, которые образовывали прямоугольный навес перед входом в помещение. Углубленная юго-западная часть жилища, где могли находиться лежанки, была предназначена, скорее всего, для сна. Это помещение к торцу закруглялось, но имело продолжение в виде пристройки, образующей четырёхскатную кровлю. Ближе ко входу находился очаг округлой формы, отделённый стеной от жилого помещения. Четырёхскатная крыша была сконструирована при помощи жердей, опиравшихся внизу на двойные ряды сох, скреплённых горизонтальными балками. Сверху жерди могли накрываться камышом.

Конструкция жилища 3 имеет некоторые отличия, выразившиеся в особой роли боковых опорных столбов, расположенных через определённые промежутки по обе стороны постройки (рис.11А). На них могли опираться поперечные связи. Наклонённые вниз стропила, в свою очередь, опирались на длинные горизонтальные брусья, закреплённые поверх вертикально стоящих сох-опор для их обвязки. Между крупными опорными столбами находились более многочисленные столбы меньшего диаметра. Пристройка-вход имела более основательный характер.

В жилище 5 кроме центрального ряда столбов, на которые опиралось основное бревно, мощные опоры располагались во втором внешнем ряду (рис.11,В). Они находились напротив друг друга по обе стороны жилища. Как и в предыдущих случаях, в постройке между внешними рядами столбов и продольной осью существовало ещё два ряда опор. В большинстве случаев эти столбы стояли на одной линии с наиболее заглубленными столбами во внешнем ряду. На них приходился основной вес поперечных балок. Зафиксировано два прохода в жилище, причём один находился с короткой стороны и вёл непосредственно к очагу, другой относился к восточной части сооружения, связывался с основным сектором жилища. Над проходами имелись навесы, сооружённые на основе довольно мощных столбов.

Устройство жилищ 1, 4 и 6 в целом согласуется между собой. Эти жилища отличаются большей шириной. Стены жилищ 1, 4 и 6, возможно, были сложены несколько иначе. Они могли сооружаться при помощи горизонтально лежащих жердей, закреплённых между вертикально стоящими опорными столбами.

Материалы, касающиеся жилищ с поселения Прибрежное, обладая большой степенью сохранности, несут в себе информацию самого разнообразного характера. Но насколько конструктивные особенности построек, выявленных в Прибрежном, аналогичны строительным принципам с остальных известных нам неолитических поселений побережья Балтики и сопредельных территорий?

Наиболее известны жилые комплексы с поселений Сухач (Сукказе) и Толкмицко (Толькемит), исследованные в 30-е годы Бруно Эрлихом [Ehrlich B., 1934, Ehrlich B., 1936, Ehrlich B., 1940].

Поселение Сухач (Сукказе) находилось на краю моренной возвышенности [Ehrlich B., 1936, s.50-51]. Всего исследовано около двух десятков построек длиной 8,0–13,0 м и шириной 3,8–6,0 м (рис.156). Постройки удлиненной прямоугольной формы ориентированы по длинной оси восток-запад (постройки I, II, VIII, XI) или юго-восток – северо-запад (постройки IX, XII, XIIA, XIII) и обращены к заливу длинной стороной. Особенностью застройки памятника является довольно тесное расположение строений относительно друг друга [Ehrlich B., 1936, Taf.II]. Постройки иногда перекрывают друг друга, отчего создается впечатление хаотичности в расположении столбов (рис.156) [Ehrlich B., 1936, s.59-60, Taf.XIII:2]. Данное явление указывает на существование нескольких фаз в заселении посёлка. Отдельные строения в Сухаче заглублялись в материк до 0,5–0,75 м [Ehrlich B., 1936, s.51]. Основания стен жилищ составляли один или два ряда находящихся на определённом расстоянии друг от друга вертикальных столбов, переплетённых лозой. Ряд наиболее крупных столбов, вытянутых по центральной оси, поддерживал кровлю. Внутреннее пространство нередко разделялось на два (постройки XII, XIIA) или три помещения (постройка VIII). Вход с навесом мог быть устроен в торце или в боковой стене жилища. Очаги, относящиеся к постройкам, имели прямоугольную, подковообразную или овальную форму и были обложены валунами или колотыми камнями. В жилищах могло присутствовать по 2 очага (по одному в каждом помещении, разделённом перегородкой) (постройка XIV) [Ehrlich B., 1936, s.50-63, Taf.III-XVIII].

К тому же типу жилищ относятся следы 3-х построек столбовой конструкции, зафиксированных на поселении Толкмицко (Толькемит). Наиболее характерной чертой конструкции данных построек являются вытянутая прямоугольная форма, тесное расположение столбов относительно друг друга, каменные очаги внутри жилищ [Ehrlich B., 1940, s.50-53, Abb.2-5].

Постройки, открытые в Жуцево, сооружались в один столбовой ряд. Между столбами существовали большие промежутки. Размеры оказались незначительными – 4 X 2,5-3 м [Krol D., 1997, s.136].

В 1970-х гг. остатки сооружений столбовой конструкции были выявлены Р. Римантене на Куршской косе к югу от курорта Нида [Rimantienė R., 1989, s.14-31, pav. 5-17; Rimantienė R., 1996a, s.261-263, pav.159-160]. Отмечается 2 этапа обитания. Первоначально люди селились ближе к берегу, но затем, по мере повышения уровня воды, им пришлось покинуть обжитое место. После того, как вода схлынула, поселенцы вновь вернулись на старую территорию. Всего обнаружено около 300 столбовых ям. Много столбовых ям, видимо, было уничтожено при затоплении или повторном, более поздним, заселении. Естественно, сохранились лишь некоторые элементы построек, благодаря которым удалось выяснить приблизительные размеры и внутреннее устройство отдельных жилищ. Как оказалось, не все постройки имели одинаковую конструкцию стен. Представлены как двухрядная система расположения свай, так и однорядная конструкция, когда столбы находились на таком расстоянии друг от друга, чтобы между ними могли разместиться горизонтальные жерди. Некоторые строения отличались очень плотным размещением свай, образующих сплошную линию. Почти все постройки имели прямоугольную вытянутую форму. В длину они достигали 7–10 м при ширине 4–5 м. Двух- или четырёхскатная крыша крепилась на столбах, расположенных по центральной оси. Жилища могли разделяться перегородкой на несколько отсеков. Внутри (но встречались и за пределами жилищ) зафиксированы очаги, которые иногда использовались продолжительное время.

Особый интерес представляет единственная на поселении Нида постройка с округлыми в плане углами. Длина этого строения – 12 м, ширина – 4 м [Rimantienė R., 1996a, s.262]. В отличие от большинства остальных конструкций, уровень строения имел некоторую заглубленность. Внутри она расчленялась поперечными стенками на три помещения, в каждом функционировал очаг. В основании сохранились следы столбов, вытянутых в одну линию. К сожалению, от большинства ямок вдоль постройки следов не осталось. Поэтому сказать что-либо определённое по поводу родства между этой конструкцией и строениями в Прибрежном не представляется возможным. В связи с этим вопросом, можно лишь добавить, что данная постройка, видимо, относится к первому этапу заселения, так как её перекрывают линии столбовых ям от сооружений более позднего времени.

В Западной Литве следы наземных сооружений столбовой конструкции выявлены на поселениях позднего неолита Дактаришке и Шарняле. В Дактаришке от строения сохранились пятна от столбов, размещённых в два ряда, которые фиксировались ниже основного культурного слоя. Судя по расположению ям, образующих части двух стен, постройка имела прямоугольную форму. Диаметр столбовых ям был небольшим, не превышая 0,09 м [Butrimas A., 1982, s.38, lent.8]. Частично сохранившаяся постройка с двумя отдельными помещениями из Шарняле имела двухрядную столбовую конструкцию размером 15,0 X 4,0 м. Точная форма строения неизвестна, хотя торфяник сохранил сами кольца диаметром до 0,12 м [Butrimas A., 1986, s.175].

В Восточной Литве жилища подобной конструкции выявлены А. Гирининкасом на поселении позднего неолита Жямайтишке 2, на берегу оз. Крятуонас [Гирининкас А., 1990, с.88-89]. Длина конструкций достигала 7,0–8,0 м, в ширину размеры варьировали от 4,0 м до 6,0 м. Стены образованы двойными рядами столбов диаметром 0,02–0,16 м, впущенными в материк до 0,70–1,0 м. Интервал между столбами колебался в пределах 0,10–0,50 м. Пространство между ними заполнялось камнями, корой и мхом. Жилища разделялись перегородками на отдельные помещения длиной 2,5–0,3 м. Конструкция строений имела наземный характер.

Наземная конструкция жилищ свойственна береговым поздненеолитическим поселениям Лубанской равнины в Латвии [Лозе И.А., 1979, с.55-60]. На поселениях Лагажа и Абора I стены были устроены в два ряда. Жилища разделялись поперечными перегородками на одно или два помещения с очагами внутри. Очаги имели полукруглую или округлую форму и обкладывались камнями. В основном, постройки имели прямоугольную форму, хотя отдельные контуры построек, обозначенных рядами ямок, могут указывать на некую закругленность углов.

Многие важнейшие конструктивные особенности построек, выявленных в Прибрежном, как и следовало ожидать, аналогичны тем строительным принципам, которые получили распространение на известнейших поселениях приморской культуры в Польше и Литве – Сухач, Толкмицко и Нида. На указанных памятниках, подобно тому, как это было принято в Прибрежном, основания стен жилищ составляли два ряда находящихся на определённом расстоянии друг от друга вертикальных столбов, переплетённых лозой. Ряд наиболее крупных столбов, вытянутых по центральной оси, поддерживал двускатную кровлю [Ehrlich B., 1936, s.50-63, Taf.III-XVIII; Ehrlich B., 1940, s.50-53, Abb.2-5; Rimantienė R., 1989, s.14-31, pav.5-17]. Однако отдельные и очень важные элементы конструкций жилищ в исследуемом поселении не находят аналогий среди известных в настоящее время построек КШК в Прибалтике. В Прибрежном большая часть построек имеет апсидообразный торец. Кроме центрального ряда столбов для поддержания кровли, в некоторых постройках прослеживаются ещё два дополнительных внутренних ряда столбов, которые служили опорой для поперечных балок.

В отличие от Прибрежного, в восточной части Калининградской области, на поздненеолитических поселениях Восточной Литвы, Лубанской равнины в Латвии преобладают постройки наземного типа. На территориях, где была высока опасность подтопления, в позднем неолите население предпочитало возводить жилые сооружения, не заглубляя в грунт основание конструкции.

Постройки со стенами, образованными двумя рядами параллельных друг другу столбов (тип 2 по классификации Я. Вержбицкого), встречаются в люпавской группе культуры воронковидных кубков в Восточной Померании [Wierzbicki J., 1999, s.196-198]. Жилища имели, в основном, трапециевидную форму, в длину достигая 13,0–20,0 м. Всего выделяется три типа построек. Второй тип жилищ отличает двухрядное размещение столбов. Встречается как парное расположение опор, так и нерегулярное. Отдельные постройки обладают смешанной конструкцией, когда три стены сложены столбами, расположенными в одну линию, а оставшаяся стена образована двойными опорами для лучшей изоляции от ветра [Wierzbicki J., 1999, s.196]. Наиболее характерные черты домостроительства населения люпавской группы КВК – двойные ряды столбов, наличие центральных столбов для поддержания кровли, разделение на отдельные помещения, расположение жилищ параллельно друг другу, близки тем, что получили распространение в Прибрежном. Есть вероятность того, что это сходство не случайно.

1.2. Кремнёвые изделия

Орудия из кремня встречаются нечасто вследствие малочисленности кремнёвых пород в северо-восточной части побережья Вислинского залива. Подобная ситуация в Прибалтике – не редкость. На неолитическом поселении Шарняле в Западной Литве, где кремнёвый инвентарь совершенно не выражен, выступает хорошо развитая костяная и роговая индустрия [Butrimas A., 1986, s.174-191]. В отличие от Прибрежного на этом поселении имеются все условия для сохранности органических материалов. Очевидно, что в Прибрежном использовались чаще предметы из кости и рога, но они не могли сохраниться. Представлены единичными находками наконечники стрел, трапециевидные пластинки, ножевидные пластины, скребки, стамески. Скорее всего, сломанные кремнёвые изделия использовались вторично, до тех пор, пока становились совершенно непригодными.

Наконечники стрел. Изготовлены из местного кремня. Наконечники треугольной формы с вогнутым основанием (2 экземпляра) длиной 2 см, ширина в средней части – 1,2 см (рис.19: 1,2). По краям они обработаны широкой ретушью, причём довольно небрежно. Боковые грани прямые или выгнутые. Наконечники обнаружены в верхнем уровне.

В качестве наконечника мог использоваться отщеп треугольной формы (рис.19: 5). Из отщепа изготовлен экземпляр с овальным остриём, боковые грани лишь слегка обработаны (рис.19: 3).

Наиболее характерны треугольные наконечники стрел для приморской культуры и КШК в Прибалтике в целом, встречаясь повсюду, где только данная культура оставила следы своего пребывания. Они известны на стоянках Куршской косы [Engel K., 1935, Taf.4], поселениях Нида [Rimantienė R., 1989, s.50-53, pav.29], Швянтойи [Rimantienė R., 1980, s.8-9, pav.2], Дактаришке [Butrimas A., 1982, lent.24], Жуцево [Król D., 1997, p.144, Fig.14: 14], в южной части бывшей Восточной Пруссии. В нарвской культуре они распространяются уже с появлением шнуровиков, от которых и были заимствованы [Rimantienė R., 1980, s.19]. Треугольные наконечники известны и на памятниках цедмарского типа, где также, видимо, связаны с КШК [Guminski W., 2001, s.144, rys.9].

Трапециевидные наконечники в период неолита встречаются на отдельных стоянках цедмарской культуры (Утиное Болото) [Тимофеев В.И., 1979, с.66, рис.3: 25,26].

Ножевидные пластины (5 экземпляров). Ножи почти все без ретуши, прямые или изогнутые, на трёх-четырёхгранных узких пластинках вытянутой формы (рис.20: 1-5). Другая хорошо ограненная пластина без ретуши в сечении более массивная (рис.19: 14).

Режущее орудие с чуть вогнутым основанием обработано тонкой ретушью только с одной стороны (рис.19: 4). У него широкие и выгнутые боковые грани. Размеры – 2,1 X 1,9 см, максимальная толщина – 0,6 см.

В единственном числе обнаружена ребёрчатая пластина (рис.19: 18).

Кроме того, представлены пластины во фрагментированном состоянии (рис.20: 7-9). Обычными являются мелкие пластинки зауженной формы и их фрагменты (рис.20: 13-17).

Скребки (2 экземпляра). Все изготовлены из привозного кремня хорошего качества, полукруглой формы или с зауженным концом (рис.19: 16,17). Лезвия отполированы. Аналогичные скребки с полированными лезвиями встречались в Нида [Rimantienė R., 1989, s.39-41, pav.22]. В нарвской культуре раннего этапа они изготовлены из кремня низкого качества, неправильной формы [Butrimas A., 1982, s.40].

Резцы. Обнаружена всего 1 микропластинка со сколом резцового характера (рис.20: 6).

Стамески и скобели (2 экземпляра). Стамеска сделана из привозного кремня хорошего качества, овальной формы, одна сторона плоская, отполирована (рис.19: 12). Лезвия тоже могли полироваться. Отщеп с выемкой, возможно, использовался в качестве скобеля (рис.19: 13). Поверхность со следами шлифовки.

Стамески и скобели с полированными лезвиями характерны для поселения Нида (преобладают среди кремнёвых изделий) [Rimantienė R., 1989, s.44-48, pav.23,25], Жуцево [Zurek J., s.25, fig.25], встречены в Дактаришке [Butrimas A., lent.30:18].

1.3. Изделия из камня

Большая часть орудий из камня обнаружена внутри жилых комплексов или даже в очагах. Почти все каменные орудия изготавливались из местных, в основном, кристаллических пород. Сверлёные топоры на поселении не выявлены. Обитатели посёлка предпочитали использовать топоры и тёсла трапециевидной формы, которые были нескольких разновидностей. Большинство параллелей этим категориям каменных орудий выявляется на поселениях приморской культуры, расположенных на Куршской косе.

Топоры. Всего топоров (не считая миниатюрных) обнаружено 16 экземпляров (рис.21-23). Топоры тщательно отшлифованы, изготовлены из кристаллической породы зеленовато-серого цвета. По мнению Г.Н. Харина, руководителя лаборатории геологии Атлантического отделения Института океанологии им. П.П. Ширшова, почти все топоры и тёсла выполнены из диабазы. Верхняя часть обычно скруглена, как закруглены и боковые стороны. Отдельные топоры сохранились лишь частично. Почти все они трапециевидной формы, но различных конфигураций. Центр тяжести или в верхней части, или в середине. Топоры расширяются в направлении симметричного лезвия. Чаще всего поперечное сечение овальной формы. Топорики хорошо отшлифованы, однако у некоторых экземпляров поверхность сильно разъедена. Обух прямой, может быть округлен, но далеко не всегда. Ряд изделий отличается ассиметричным лезвием, края лезвия закруглены.

Топоры с поперечным сечением овальной формы, часто трапециевидных очертаний, изготовленные из местных пород камня, наиболее известны с поселения Нида, где собрано не менее 90 топориков, учитывая обломки [Rimantienė R., 1989, s.56-58, pav.31].

Трапециевидные топорики с округленным обухом обнаружены в Жуцево [Žurek J., 1954, tabl.XIV], Недведжувке [Mazurowski R., 1987, s.112, рис.21: 2], Сухач [Kilian L., 1955, Taf. XXII: 1]. Они встречаются и в других районах бывшей Восточной Пруссии [Froelich G., 1935, Taf.1: 5,8,12], нередко на Куршской косе [Gaerte W., 1929, s.22, Abb.11: c]. Считается, что топорики овального сечения принадлежат уже, в основном, периоду распространения шнуrowой керамики [Rimantienė R., 1974, s.85, рис.8: 5,6], но встречаются и в более ранних культурах, например, в цедмарской [Guminski W., 2001, s.145, рис.10]. Впрочем, на памятниках IV–III тыс. до н. э. в Прибалтике больше обнаруживается топориков линзовидного сечения или даже округлого [Rimantienė R., 1974, s.85, рис.8: 1,2; Gaerte W., 1929, s.22, Abb.11: a; Guminski W., 2001, s.145, рис.10].

В позднем неолите наибольшее распространение получают топорики четырёхугольного сечения [Rimantienė R., 1974, s.85]. Показательно, что для Прибрежного они малохарактерны.

Миниатюрные топорики. Большой интерес представляют четыре миниатюрных топорика трапециевидной формы. Два из них прекрасно отполированы. Все топорики изготовлены из привозного материала. Поперечное сечение прямоугольной формы. В отличие от остальных подобного рода изделий, миниатюрные топорики могли изготавливаться из кремня.

Топорик из яшмовидного кремня обнаружен в объекте А рядом с очагом (рис.22: 2). Размеры топорика – 2,8 X 2 см, ширина тщательно отполированного лезвия – 2,4 см. Верхняя часть закруглена. Поперечное сечение прямоугольной формы. Другой топорик из аналогичного материала отличается более вытянутой формой (размеры – 3,1 X 1,4 см, ширина лезвия – 1,6 см), найден в межжилищном пространстве (рис.22:1).

Топорик из жилища 1 выполнен из твёрдой магматической породы чёрного цвета, размером 2,3 X 1,8 см, ширина лезвия – 2 см (рис.22:3). Верхняя часть с ровной поверхностью.

Другой миниатюрный топорик из сланца, найденный в жилище 3, размером – 2,6 X 2 см (рис.22: 4). Ширина лезвия – 2,5 см. Поперечное сечение прямоугольной формы, но с одной стороны округленное.

Однотипные миниатюрные топорики находили ещё в довоенное время на Куршской косе [Engel C., 1931, s.104, Abb.11: a-d], поселениях Толкмико (Толькемит) [Šturms E., 1970, Taf.96:2] и Жуцево [Žurek J., 1954, s.28, рис.30].

Тёсла. Всего обнаружено 5 экземпляров (рис.23: 3,6). Все они трапециевидные, с асимметричной рабочей частью. Они изготовлены из тех же местных пород, что и топоры. Поверхность орудий прекрасно отшлифована.

Два тесла удлинённых пропорций, происходящие из жилища 2, размером 12 X 5 см и 12,5 X 4,5 см соответственно, с зауженным округленным обухом и асимметричной рабочей частью (рис.23: 1,2). Орудия шлифовались по всей поверхности, одинаково хорошо отделаны как боковые, так и широкие грани. Поперечное сечение овальное или даже округлое, бока выпуклые.

Из очага № 9 извлечено тесло с частично сохранившейся, но обуглившейся рукоятью (или даже удлинённой формы муфтой?) (рис.24; 181: 2). Впрочем, только в таком состоянии дерево ещё могло сохраниться в песчаном грунте (этот случай уникален для поселения). Превратившаяся в уголь деревянная часть орудия (сохранилась в 2-х фрагментах длиной 23 и 9,5 см соответственно) сильно деформировалась. Хорошо заметна только втулка в деревянном основании, куда вставлялось тесло. Размеры тесла – 9,5 X 4 см. Обух скошен. Бока округлены только с одной стороны. Лезвие здесь расположено несколько под другим углом, отчего рабочая часть принимает асимметричную форму. Поперечное сечение, в целом, прямоугольных очертаний.

Тесло с широким, но скошенным обухом выявлено в жилище 3 (рис.23: 3). Его параметры – 7,6 X 4 см, ширина прямого лезвия – 4,7 см. Поперечное сечение овальной формы, бока выпуклые.

Миниатюрное желобчатое тесло или, скорее, долото, выявленное в жилище 5, размером 3,5 X 2,7 см (рис.23: 6). Ширина прямого лезвия (оно слегка притуплено) – 3 см. На одной стороне поверхность выпуклая, с другой уплощённая и ограненная начиная от обуха. В поперечном сечении тесло прямоугольной формы, но с округленными короткими сторонами.

По форме тёсла наиболее напоминают аналогичные орудия с поселения приморской культуры Нида. Здесь представлены обе формы – с зауженным обухом, округлого или овального сечения и более широким, трапециевидных очертаний [Rimantienė R., 1989, s.60-63, pav.33: 1,2,3,8,11,12]. Тёсла отшлифованы столь же хорошо, как и в Прибрежном, изготовлены из кремня, сланца, полевого шпата, порфира, порфирита или амфиболита [Rimantienė R., 1999a, s.70].

Шлифовальные плиты. Шлифовальные плиты для поселения не редкость, обнаруживаются, в основном, в межжилищном пространстве (рис.25,26). В жилых сооружениях их найдено очень мало, но они могут залегать среди очажных камней, как, например, в жилище 5.

Большая часть шлифовальных плит из красно-коричневого песчаника и лишь отдельные экземпляры изготавливались из более твёрдых кристаллических пород камня зеленовато-серых оттенков. Встречаются преимущественно фрагментированными. Судя по обломкам, шлифовальные плиты округлой, четырёхугольной или случайной формы. Плиты предназначались для шлифовки, полирования и заточки кремнёвых, каменных, костяных, роговых и янтарных изделий.

Обнаружен обломок плиты с округлым углублением (рис.26: 4). От долгого применения плита раскололась в наиболее тонкой рабочей части. На таких плитах топор двигался по кругу. Плиты с желобами удлинённой овальной формы в результате сработанности отшлифованы до блеска (рис.25: 1,4). Обрабатываемый предмет здесь перемещался продольно по поверхности шлифовального камня.

Вблизи объекта А обнаружен овальной формы камень из песчаника (размеры – 8,3 X 3,3 см) со следами заточки лезвия (рис.26: 3).

В эпоху неолита в Прибалтике шлифовальные плиты подобного типа использовались повсеместно. Они встречаются на поселении Нида [Rimantienė R., 1989, s.63, pav.35], Крятуонас 1Б и Жямайтишке 2 [Гирининкас А., 1990, с.67, рис.82], Дактаришке [Butrimas A., 1982, s.79], Жуцево [Žurek J., s.30, гус.35] и др.

Грузила. Грузила представлены 3-мя плоскими камнями с выемками, благодаря которым они и крепились к сети (рис.27: 1,2). Столь примитивная форма каменных грузил в Восточной Пруссии, в частности на Куршской косе, сохранялась необычайно долго, вплоть до XIX века.

На неолитическом поселении Прибрежное у грузил всего две выемки. Возможно, более массивное грузило использовалось в качестве якоря (рис.27: 2).

Грузила с двумя или четырьмя выемками для привязывания обнаружены на многих поселениях нарвской и приморской культур, что связано, прежде всего, с одной из главных форм хозяйственной деятельности неолитического населения – рыболовством. Грузила с двумя выемками встречаются в Швянтойи 3В [Rimantienė R., 1979, s.31, pav.23], Швянтойи 6 [Rimantienė R., 1996с, s.100, pav.19], Швянтойи 1А [Rimantienė R., 1980, s.12, pav.6], Нида [Rimantienė R., 1989, s.65-66, pav.36], Жуцево [Žurek J., s.30, рис.36].

Мотыги. Для земляных работ применяли мотыги трапециевидной или овальной формы. Обнаружено два экземпляра слабо обтёсанных мотыг, причём обе происходят из жилища 2 (рис.27: 3,4). Наиболее отделана только рабочая часть орудий.

Мотыга из песчаника серого цвета размером 16 X 6 см, трапециевидной формы (рис.27: 4). Поверхность обработана слабо. Другая мотыга из кристаллической породы коричневого цвета овальной формы, размером 17 X 7,4 см (рис.27: 3). По бокам имеются выемки для крепления к рукояти.

Множество очень похожих мотыг, целых и в обломках, найдено в Ниде (73 экз.). Как и в Прибрежном, орудия грубо обработаны, овальной или трапециевидной формы, иногда с выемками по краям [Rimantienė R., 1989, s.68-71, pav.37-38]. Слабо обработаны мотыги из Крятуонас 1Б [Гирининкас А., с.43, рис.45] и Швянтойи б нарвской культуры [Rimantienė R., 1996с, s.110, pav.31].

Зернотёрки и растиратели. Обычно встречаются внутри жилищ или рядом с ними. По форме растиратели делятся на 3 типа: удлинённой пестиковой формы, округлых и продолговатых очертаний (рис.28).

Округлые растиратели делались из валунов кристаллических пород. Они имеют немного сплюсненную форму. Растиратель округлой формы, выявленный вблизи объекта А, диаметром 7,8 см (рис.28: 5). Рабочая сторона уплощена, со следами стёртости. Растиратель, происходящий из жилища 5 диаметром 5,3 см, толщиной 3,5 см (рис.28: 6). Следы стёртости – по всей поверхности, в том числе, и по бокам орудия. У растирателя продолговатой формы рабочая поверхность только с одной, выпуклой стороны, размером – 8,3 X 5,3 см (рис.28: 4). Поверхность растирателей пестиковой формы хорошо обработана и зашлифована, все они изготовлены из песчаника светлорыжеватых оттенков (рис.28: 1-3).

Растиратели получили распространение на большинстве средне- и поздненеолитических поселений Прибалтики. В частности, они обнаружены в Ниде [Rimantienė R., 1989, pav.VII: 1-5], Сухач [Ehrlich B., 1936, Taf.22: 3], Дактаришке [Butrimas A., 1982, lent.34: 1], поселениях у оз. Крятуонас [Гирининкас А., 1990, с.45].

Зернотёрки или жернова высечены из песчаника или кристаллической породы. Пока эти орудия обнаружены только в обломках, имеют вогнутую рабочую поверхность (рис.27: 5,6). Крупная часть зернотёрки извлечена из жилища 3 (рис.27: 5).

Зернотёрки найдены на стоянках и поселениях Куршской косы. Они встречаются в Ниде [Rimantienė R., 1989, pav.VII: 6], в районе Морского (Гробшто-Рагас) [Bezzenberger A., 1895, s.236, Abb.23].

1.4. Украшения из янтаря

В Прибрежном изделий из янтаря обнаружено 37 единиц, включая 5 заготовок, многие со следами пребывания в огне (рис.29). Перегоревший янтарь крайне непрочен и рассыпается при соприкосновении. Четыре заготовки из янтаря сильно деформированы и даже оплавившись (рис.29: 32-35). Заготовка треугольной формы из жилища 2 под воздействием огня приняла изогнутую форму (рис.29: 32). Встречаются необработанные куски янтаря, которые служили сырьём для изготовления украшений. Они обычно небольших размеров.

Часть предметов из янтаря происходит из жилых комплексов. Остальные встречены также в заполнении объектов.

Можно предположить, что украшения из янтаря изготавливались в пределах поселения. Янтарь, видимо, собирался на побережье залива, где он до сих пор изредка встречается.

Предметы относятся, в основном, к трём типам изделий из янтаря – пластинчатым подвескам продолговатой и трапециевидной формы, линзовидным дискам, округлым пуговицам с V-образным отверстием.

Округлые, линзовидной формы пуговицы с V-образным отверстием на обратной стороне обнаружены исключительно в объектах (15 экз.), в частности, в очаге жилища 2 и нижнем ярусе жилища 5 (рис.29: 1-14). Диаметр не превышал 1,2 см. В Прибалтике подобного типа украшения из янтаря распространены по всей территории, занимаемой нарвской культурой, где они получили широкое хождение [Butrimas A., 2001, p.12]. В КША данный тип янтарных изделий появляется в погребальных комплексах с 3000–2900 cal.BC, будучи, скорее всего, заимствован из нарвской культуры [Szymt M., 1999, p.135]. Принято считать, что пуговицы нашивались на одежду в качестве украшения [Rimantienė R., 1999a, s.39]. Они также могли быть частью ожерелья. Ожерелье, происходящее с поселения Сухач, состояло из пронизей, которые чередовались с овальной формы пуговицами [Ehrlich V., 1936, s.53, Taf.22: 5].

Восемь пластинчатых подвесок имели продолговатую форму, нижний край у них прямой или вогнут внутрь, на поверхности имеются едва заметные следы борозд (рис.29: 21-28). Три подвески отличались вытянутой формой. Целиком сохранившаяся подвеска из жилища 2 размером 4 X 1,3 см, толщиной – 0,3 см (рис.29: 22). Размеры 2-й подвески – 3,1 X 1,4 см, толщиной 0,2 см (рис.29: 21). Другая подвеска в длину достигала 5,1 см (рис.29: 23). Вероятно, они были неплохо отполированы, но под воздействием высокой температуры покрылись тонкой корочкой. Отверстия просверлены с двух сторон, находятся в наиболее зауженной части. Похожие подвески встречались на поселении нарвской культуры Швянтойи 6 [Rimantienė R., 2001, s.89, Abb.4: 1-5, Abb.12]. Две продолговатые подвески (одна из них происходит из жилища 5) выделяются более массивной формой (размеры – 4,6 X 2,9 см и 5,7 X 3,5 см соответственно) и плавными углами (рис.29: 24,27). Боковые грани не отмечаются, основания вогнутые. Подобной формы подвески зафиксированы на Куршской косе, в том числе в Юодкранте, встречались в Швянтойи 2/4А [Klebs R., 1882, Taf.10: 2, Taf.5: 5; Rimantienė R., 2001, s.91, Abb.6: 1]. Единичные находки отмечены в КША [Mazurowski R.F., 1983, tabl.9: 84].

Пластинчатая, уплощённая в сечении подвеска трапециевидной формы в нижней своей части расширяется, вверху находилось отверстие (полностью не сохранилась, размеры подвески – не менее 3,5 см, ширина – 2,1 см) (рис.29: 18). Подвески правильной трапециевидной формы наибольшее распространение получили в среднем неолите. Данный тип украшений известен с поселений нарвской культуры в Швянтойи 10, 12, 26, 28 [Rimantienė R., 2001, s.89, Abb.3: 2,7,8] и Дактаришке 5В [Butrimas A., 2001, p.9, fig.4: 12]. Трапециевидная подвеска была найдена на стоянке Утиное Болото цедмарской культуры в Калининградской области [Тимофеев В.И., 1979, с.66].

Секирообразная подвеска, у которой один из нижних углов имеет резкую скошенность, прямых аналогий в Восточной Прибалтике не обнаруживает (рис.29: 19).

Редкой формой обладает продолговатая подвеска с выделенной верхней частью для подвешивания, отдалённо напоминающая трапеции с подчёркнутой «шеей» из Палангийского клада (рис.29: 20) [Rimantienė R., 1979, s.113, pav.87].

Линзовидные диски с просверленным с обеих сторон отверстием в центре имели диаметр 1,9-2,7 см и толщину 0,4-0,5 см (3 экз.). Линзовидные диски хорошо отшлифованы (рис.29: 29-31). В поперечном сечении предметы немного расширяются к центру. Появление янтарных дисков с отверстием в центре относится в Прибалтике к среднему неолиту, наиболее ранние встречаются на поселении Швянтойи 3В [Rimantienė R., 1979, pav.68: 16] и Сарнате в жилищах с керамикой нарвского типа [Ванкина Л. В., 1970, с.107, табл.LI: 9]. Такие формы обнаружены на поселениях Дактаришке 5В [Butrimas A., 2001, p.12, fig.7: 2], Швянтойи 6, местонахождении Швянтойи 4 [Rimantienė R., 1996b, s.55], в Юодкранте [Klebs R. 1882, Taf.4: 9]. Широкое распространение данный тип украшений получил в культуре шаровидных амфор [Mazurowski R.F., 1983, s.55].

Обломок диска с характерным углублением по краю (изделие со следами воздействия огня) относится, вероятно, к более редкому типу т.н. двойных пуговиц (рис.29: 16). В Восточной Прибалтике они наиболее известны с поселения Дактаришке 5В [Butrimas A., 2001, p.12, fig.7: 4,5,6] и в Юодкранте [Klebs R. 1882, Taf.1: 21-24].

Крупный фрагмент остроовальной формы пластины, скорее всего, является незаконченной пуговицей (рис.29: 17). В Сарнате остроовальная пуговица обнаружена в жилище «V» с керамикой нарвского типа [Ванкина Л. В., 1970, с.109, табл.XLIV: 2].

Как можно было заметить, все вышеперечисленные типы украшений получили хождение в среднем неолите в нарвской культуре или КША. Однако, если мы будем сравнивать наборы янтарных изделий в целом, выясняется, что в каждой культурной группе имеются свои особенности. Так, в культуре шаровидных амфор в набор янтарных изделий входили пронизи, округлой или овальной формы пуговицы с V-образным отверстием, диски с просверленным с двух сторон отверстием, овальной формы подвески [Mazugowski R.F., 1983, s.55]. Именно в КША первоначально распространяются диски с солярным орнаментом [Šturms E., 1956, s.14, Taf.4]. Подвески трапециевидной и продолговатой формы встречаются в КША нечасто, а с выемкой в основании и того реже.

В нарвской культуре выделяются несколько центров производства янтарных изделий. В Сарнате на латвийском побережье Балтийского моря в основной набор входили округлые линзовидного сечения пуговицы с V-образным отверстием, продолговатые подвески и слабо обработанные подвески неопределённой формы (в постройках с нарвской керамикой). Более редкими являются диски и пронизи [Ванкина Л. В., 1970, с.111].

Янтарные изделия с поселений нарвской культуры раннего времени в Литве – Швянтойи 1В-3В приблизительно тех же форм [Rimantienė R., 1979, pav.68]. На поселениях нарвской культуры Швянтойи 23, Швянтойи 26 и Швянтойи 6, относящихся к среднему и позднему неолиту, предпочтение отдавалось подвескам продолговатой, трапециевидной и овальной формы, округлым пуговицам с V-образным отверстием, пронизям и дискам линзовидной формы [Rimantienė R., 2001, s.88-90, Abb.2-4]. В Дактаришке 5В преобладают подвески трапециевидной формы (некоторые из них имели выемки не только в основании, но и по бокам), округлые, в основном, линзовидного сечения пуговицы с V-образным отверстием и диски. На поселении обнаружены диски, украшенные солярным орнаментом, аналогичные тем, что известны в КША. Из двух радиоуглеродных дат, относящихся к нижнему слою, с янтарными изделиями обычно связывают дату 4360 ± 90 BP, 3100-2890 cal.BC, Vs -809 (табл.9) [Butrimas A., 2001, p. 7-19].

С возникновением приморской культуры в западной группе на первом этапе выступают формы, слабо отличимые от тех, что имели хождение в КША – пронизи, овальные и округлые пуговицы с V-образным отверстием линзовидного и сегментовидного сечения [Mazugowski R.F., 1983, s.69]. На втором этапе, кроме вышеперечисленных, широкое хождение имели ладьевидные пуговицы с V-образными и сквозными отверстиями, овальной формы пластины со сквозными отверстиями [Mazugowski R.F., 1983, s.69].

В восточной группе, в наибольшей степени ощутившей влияние нарвской культуры, продолжилось изготовление пронизей цилиндрической формы и округлых пуговиц с V-образным отверстием линзовидного и сегментовидного сечения. В Швянтойи 1А встречались более редкие в Прибалтике квадратные пуговицы, характерные для культуры Злота [Krzak Z., 1976, p.146, fig.68: I; Mazugowski R.F., 1983, s.71, tab.13]. Получили распространение ладьевидной формы пуговицы с V-образными и сквозными отверстиями. В отличие от западной группы, в восточной под воздействием нарвской культуры остаются популярными слабообработанные подвески. Диски линзовидной формы и подвески продолговатой формы с выемкой в основании встречаются не столь часто. В позднем неолите подвески продолговатой формы могли орнаментироваться по краям и в средней части точками [Rimantienė R., 2001, s.92, Abb.7: 20].

В Прибрежном не обнаружено украшений, получивших наибольшее распространение в позднем неолите, – пуговиц ладьевидной и четырёхугольной формы, прямоугольной формы пластин с отверстиями. Большая часть пуговиц в сечении имеют линзовидную форму, что и неудивительно, так как пуговицы сегментовидного сечения широко распространяются уже в позднем неолите. Естественно, не наблюдается связей с поздненеолитическими центрами Восточной Латвии, хотя в Юодкранте представлены янтарные изделия, явно происходящие с поселений Лубанской равнины. К ним могут относиться ключеобразные, сердцевидные, каплевидные и зубовидные подвески [Klebs R. 1882; Loze I., 1993, p.137, fig.8].

Даты с поселений Швянтойи 3, Швянтойи 6, Швянтойи 23, Дактаришке 5В, в целом, близки радиоуглеродным датировкам в Прибрежном (табл.9-10). Основные формы украшений исследуемого памятника находят аналогии именно на этих памятниках нарвской культуры, хотя набор изделий из янтаря в Прибрежном отличается определённым своеобразием. Преобладание продолговатой формы подвесок с выемкой в основании является отличительной чертой поселения Прибрежное и, возможно, они появляются здесь несколько раньше, чем на соседних поселениях нарвской культуры. Пронизи Прибрежному малосвойственны. Обнаружен всего один фрагмент плохо сохранившейся пронизи цилиндрической формы. Слабо обработанные предметы из янтаря, имеющие широкое хождение в нарвской культуре, а затем и в восточной группе приморской культуры, в Прибрежном широкого распространения не получили.

1.5. Керамика

А. Форма сосудов

Подавляющее большинство среди находок на памятнике составляет керамика. Всего выявлено около 40 тысяч средних и крупных фрагментов сосудов, отдельные сосуды собираются полностью. Большая часть керамического материала сосредоточена внутри жилых комплексов, в верхних и нижних уровнях. Скопления керамики зафиксированы так же вблизи объектов хозяйственного назначения.

Посуда, обнаруженная на поселении, отличается устойчивостью и своеобразием пропорций. Наиболее характерные и специфические черты керамики поселения – плавная профилировка тулова, слабо отогнутый короткий венчик, небольшое по размерам, но массивное днище (табл.1). Переход к стенкам от днища (на днище нередко имеются закраины) чаще всего плавный. Очень редко стенки расширяются прямо от днища. Шейка, если она вообще наличествует, также небольшой высоты. Резко отогнутый под углом венчик почти не встречается, крайне редкими можно считать острорёберные сосуды.

Распространены как крупные по объёму и высокие до полуметра сосуды, так и приземистые, открытого типа (табл.1). Большая часть кухонной посуды (она самая массовая на памятнике) толстостенная (табл.2). Своеобразным и преобладающим типом посуды, выделяющим памятник, являются широкогорлые горшки групп 1–5 и 7–9 (табл.1, рис.172). Жители посёлка использовали посуду различных диаметров. Наиболее крупные имели диаметр до 60 см. Диаметр венчика у миниатюрных кубкообразных сосудиков не превышал 3 см.

Использовались два способа изготовления сосудов: в стык (в местах соединения хорошо заметны канавки и выпуклости) и методом соединения зауженных краёв лент. В тесте преобладает примесь мелкой дресвы, реже песка (табл.3). Поверхность сосудов хорошо обработана, гладкая, изредка сохраняет следы заглаживания травой. С внешней стороны стенки коричневого или более редко встречающегося серого цвета, но

различных оттенков, что связано с костровым способом обжига. Однако само качество обжига сравнительно хорошее.

На многих сосудах имелись различной формы ушки. Характерны дугообразные формы. Как правило, они настолько плотно прижаты к стенкам сосуда, что зазор между верхушкой ушка и стенкой отсутствует. Такие ушки больше служили декором, чем приспособлением для захвата. Шишковидные налепы и рожки приспособлены были для тех же целей. Но встречаются ручки, которые располагались перпендикулярно стенкам сосуда, вполне удобные, чтобы их использовали по назначению (рис.62: 2). Все они распространены на широкогорлых горшках, сосудах средних размеров и даже отдельных кубках. Амфоры имели С-образные ручки с отверстием по центру (рис.34). Мискам ушки не свойственны.

Ручки и округлые налепы крепились с помощью специально проделанных отверстий в стенках сосуда, куда вставлялись концы ушек (рис.114,А: 1,3). Затем они присоединялись к стенкам с обратной стороны сосуда.

По форме посуда подразделяется на 9 типов: амфоры, кубки, чаши, широкогорлые горшки, горшки средних размеров, сосуды кубкообразной формы, глубокие миски, миски воронковидной формы и ванночки (табл.1).

Толщина стенок варьирует. Как и следовало ожидать, к тонкостенной посуде (0,5-0,8 мм) относятся кубки, кубкообразные сосуды и миски (табл.2). Лишь среди амфор встречаются отдельные экземпляры с толщиной стенок до 1,0 см. Почти во всех типах посуды размер включений в среднем варьировал от 0,05 до 0,2 см (табл.3). Среди кубков чаще всего встречалась примесь размером около 0,05 см (табл.3).

Амфоры. Амфоры и амфорообразные сосуды – достаточно широко распространённый тип посуды в Прибрежном (рис.30-38). В количественном отношении они составляют 8,1 % от всей керамики на поселении (рис.172). Для амфор характерны невысокая шейка, примесь в тесте дресвы, обычно средняя толщина стенок, в верхней или центральной части расположены две, изредка, четыре ручки небольших размеров. Тулово иногда имеет заметно выраженные плечики, но в большинстве случаев встречаются сосуды с покатыми плечиками. Оригинальный облик амфорам придаёт овальная форма горловины, что является своеобразной чертой этого типа. При формовке горловина амфор сжималась с двух сторон (рис.31: 1). Особенности формы данной категории посуды не оставляют сомнений в том, что они служили для хранения жидкостей.

Большинство сосудов покрыто орнаментом. Орнамент отличается устойчивыми и однообразными мотивами, сосуды украшались в верхней части горизонтальными оттисками шнура, треугольниками, волной или полуovalами. Днища амфор, видимо, редко имели выступы, хотя это явление получило широкое распространение среди других типов столовой посуды.

Амфоры поселения Прибрежное отличаются значительным типологическим разнообразием. По форме они делятся на 6 групп.

Группа 1 включает амфоры с широким выпуклым туловом и сравнительно крутыми плечиками (рис.30). Горловина имеет овальную форму. Венчик прямой. На плечиках размещены две симметричные ручки, покрытые шнуровым орнаментом в виде горизонтальных линий. Тулово максимально расширяется в средней части (ширина 26-27 см). Для этих амфор характерны плавные очертания, стенки постепенно сужаются к незначительному по размерам днищу. Иногда тулово имеет воронковидную форму. Поверхность гладкая, коричневого цвета, обжиг равномерный, черепок плотный. В тесте примесь дресвы размером 0,1–0,3 см. Высота сосудов приблизительно равна или чуть превышает наибольшую ширину тулова. Шейка короткая, прямая или слегка отогнутая. Орнамент представлен полуovalами (выполненным не только шнуром, но и «бисером») и треугольниками.

К группе 2 относятся амфоры более вытянутых пропорций (рис.31-33). Шейка короткая, выражена слабо, венчик почти прямой. Встречаются фрагменты амфор и с более высокой шейкой. Плечики покатые, наибольшее расширение приходится на среднюю часть сосуда, но имеются экземпляры с наибольшим расширением в верхней части и резким переходом к днищу, отчего тулово принимает воронкообразную форму (рис.32).

Принадлежащие к группе 3 амфоры, как и в предыдущих случаях, характеризуются овальной формой сжатой с двух сторон горловины (рис.34-35). Венчик расположен под углом по отношению к центральной оси сосуда. Наибольшее расширение приходится на среднюю часть амфор. Округлое тулово, начиная со средней части, резко сужается к днищу. Ручки расположены в средней части, в месте наибольшего расширения стенок или чуть выше. Они петлеобразны, округлые в сечении, могли орнаментироваться вертикальными оттисками шнура. Амфоры декорированы горизонтальными оттисками шнура в сочетании с треугольниками и полуovalами или столбиками.

Редкой для поселения формой обладают амфоры группы 4 (рис.36). Горловина амфор более округлая, хотя некоторая степень сжатия всё-таки имеет место. Амфоры выделяются и составом глиняного теста, в котором обнаружены дроблёные зёрна кварца размером 0,1–0,3 см. Одна из амфор имела 4 петлеобразные ручки, расположенные в той части, где стенки наиболее выпуклые (рис.36: 1). Венчик прямой. Плечики хорошо выражены. Орнамент достаточно прост, но редок. Он представлен рядами ямок продолговатой формы.

Амфоры, состоящие в 5 группе, имеют овальную горловину, но уже не столь узкую (рис.37). Шейка может полностью отсутствовать. Венчик прямой или слегка наклонен вовнутрь. Сосуды расширяются в наибольшей степени в средней части. Петлеобразные ручки прикрепляются перпендикулярно стенкам амфоры, чуть выше наиболее широкой части тулова. Стенки, начиная с середины, постепенно сужаются к днищу. Сосуды украшались орнаментом в виде горизонтальных и петлеобразных оттисков шнура.

Округлобокие, с лёгким уплощением в средней части амфоры входят в состав группы 6 (рис.38). Они представлены единичными экземплярами. Для них характерны округлая широкая горловина, заметно отогнутый венчик (что само по себе является редкостью для поселения), шейка имеет лёгкий изгиб в средней части. Орнамент довольно разнообразный, встречаются треугольники, перевёрнутые полуovalы, зигзаг, короткие косые отпечатки шнура, отходящие вверх и вниз от горизонтальных линий.

Черты самобытности проявляются в данном типе посуды особенно ярко. Попытка выявить точные соответствия амфорам из Прибрежного среди древностей приморской культуры вызвала некоторые затруднения. Исследователями никогда не отмечалась у амфор, на каком бы памятнике они не обнаруживались, овальная форма горловины. Следует заметить, что на большинстве поселений приморской культуры вообще распространены амфоры иных типов. Причиной могло послужить отсутствие хорошо сохранившихся экземпляров на этих памятниках. Так, на поселении Нида встречаются небольшие фрагменты амфор с плавным переходом к тулову и полным или почти полным отсутствием шейки [Rimantienė R., 1989, s.98, pav.49-50]. Фрагменты таких амфор, возможно, в своё время были обнаружены в Свенты-Камень [Ehrlich B., 1923, Abb.7: f,g].

Кубки. Среди кубков преобладают слабопрофилированные формы с прямым венчиком (рис.39-48). В основном, кубки встречаются во фрагментированном состоянии. Все кубки без исключения имеют хорошо заглаженную поверхность, отличаются высоким качеством обжига, почти всегда орнаментированы. Судя по сохранившимся фрагментам, в придонной части имелись выступы. В тесте примесь дресвы размером 0,05–0,1 см. Кубки делятся на 4 группы.

К первой группе (наиболее многочисленной) относятся кубки весьма специфической формы, являющейся ведущей среди остальных сосудов этого типа (рис.39-42). Тулово в наибольшей степени расширяется чуть выше середины сосуда. Венчик выражен слабо, он прямой или слегка загнут внутрь. Шейка короткая, в некоторых случаях она может полностью отсутствовать. Стенки у сосудов ближе к днищу сужаются и принимают форму, близкую к конусообразной. Размеры сосудов в высоту лишь незначительно превышают диаметр венчика. Поверхность кубков тщательно заглажена, коричневого или серого цвета, в глиняной массе примесь очень мелкой дресвы размером 0,05–0,1 см. Все кубки в данной группе украшены орнаментом. Преобладают сочетания горизонтальных линий и треугольников, что является обычным для поселения. Также встречаются сочетания горизонтальных линий и волны, петель, ямок или нарезных линий (рис.40: 2; 41). Представлены простейшие узоры из горизонтальных оттисков шнура или рядов ямок (рис.39: 1,2; 41: 2). Один кубок декорирован более сложным орнаментом, сочетающим в себе ряды горизонтальных оттисков шнура, округлых неглубоких ямок и треугольников (рис.40: 3). Два кубка украшены рядами столбиков, образующих горизонтальные и ломаные линии (рис.40: 1; 41: 4). Другой экземпляр декорирован округлыми налестками (рис.42: 2). Имеются миниатюрные сосуды, которые своими очертаниями напоминают кубки группы 1 (рис.44: 1,2).

Кубки, относящиеся ко второй группе, отличаются от рассмотренных выше слегка отогнутым наружу венчиком и, вероятно, более плавными очертаниями тулова (рис.43: 1-4). Шейка выражена несколько лучше, чем в первой группе. Орнамент состоит из рядов горизонтальных линий, треугольников, петель, выполненных оттисками шнура или рядов ямок.

Кубки, принадлежащие к 3 группе, характеризуются S-видным венчиком, отогнутым наружу и короткой, но хорошо выделенной шейкой (рис.45: 2,3,4; 46: 1,2,4). Сосуды имеют покатые плечики, переходящие в тулово относительно округлой и короткой формы. Сосуды орнаментированы ямками, треугольниками, полуовалами, горизонтальными оттисками шнура. Сосуды могли украшаться миниатюрными ушками (рис.45: 4).

Кубки с загнутым внутрь венчиком и хорошо выраженной шейкой представлены в керамическом комплексе лишь единственным экземпляром (рис.46: 3). Сосуды с подобным профилем не характерны для памятника. Редким является и декор на этом сосуде, состоящий из перемежающихся горизонтальных и волнообразных оттисков шнура.

Кубки чашеобразной формы входят в состав 4-й группы (рис.48). Они невелики по размерам, высота имеющего полный профиль сосуда не превышает 5,2 см при диаметре венчика в 8 см (рис.48: 1). Кубки украшались горизонтальными оттисками шнура в сочетании с полуовалами или волной.

Важной особенностью, характеризующей керамический комплекс в Прибрежном, является сравнительно незначительное количество кубков относительно остальных типов посуды (табл.5). Кубков обнаружено всего 5 % от общего количества сосудов на поселении, в противоположность широкогорлым горшкам открытого типа, число которых составляет 52 % (рис.172). Кубков с S-видной профилировкой шейки и того меньше – всего 9 фрагментов. Даже в этом случае форму их трудно назвать классической, – шейка у сосудов слишком короткая. В Прибрежном наибольшее распространение получили слабопрофилированные кубки группы 1 с прямым или загнутым внутрь венчиком и туловом воронковидной формы (рис.39-42). Следует констатировать полное отсутствие аналогий подобной форме кубков в районе распространения приморской культуры. Не совсем ясно происхождение кубков этой подгруппы. В одном случае декор напоминает орнамент культуры шаровидных амфор (рис.40: 1), но чаще встречаются

шнуровые и ямочные орнаменты. Возможно, подобные сосуды могут происходить от так называемых чар в культуре шаровидных амфор (далее КША), но в таком случае придётся признать, что эти сосуды претерпели серьёзную трансформацию [Nosek S., 1967, s.443, tabl.11]. Чашеобразной формы кубки группы 4 также характерны только для поселения Прибрежное.

Чаши. Очень редкой формой столовой посуды являются чаши (рис.97). Они характеризуются почти прямым или слегка загнутым внутрь венчиком. Поверхность хорошо заглажена, серого цвета, черепок плотный. Стенки прямые, плавно закругляющиеся к низу и постепенно переходящие в днище. Дно не имеет выступов. При формовке оно не изготавливалось отдельно, но являлась продолжением стенок сосуда. Количество выявленных чаш на памятнике составляет всего 1,0 % (рис.172).

Широкогорлые горшки открытого типа – наиболее значительная часть керамического комплекса на памятнике. Внешняя поверхность обычно неплохо заглажена. Диаметр днища у этих сосудов в 2,5-3 раза меньше горловины. Широкогорлые горшки подразделяются на 10 групп. В численном отношении широкогорлые горшки групп 1-7 составляют 41 % от всей керамики на памятнике (рис.172).

Сосуды группы 1 – наиболее часто встречаемая на поселении форма широкогорлых горшков (рис.49-54, рис.172). Они представляют собой массивные, крупных размеров толстостенные сосуды с открытым горлом. Шейка у них профилирована невыразительно, очень короткая, венчик слегка отогнут наружу. Плечики выражены очень слабо или совсем отсутствуют. Округлое в верхней части тулово плавно сужается к маленькому, но имеющему массивное основание днищу. Его диаметр относительно горловины меньше в 2,5-3 раза. Тулово имеет наибольшее расширение чуть выше средней части сосуда. Внутренняя поверхность, как правило, гладкая или со следами заглаживания травой. Сосуды группы 1 имели довольно простую орнаментацию, причём она не отличалась особым разнообразием. Предпочтение отдавалось горизонтальным линиям и обращённым вершиной вниз треугольникам, выполненным оттисками шнура. Иногда сосуды могли украшаться рядами ямок или полуовалами. Обычным является наличие различной формы ушек. С функциональной точки зрения горшки данной группы могли служить для приготовления пищи. Нагар на сосудах является основанием для подобного предположения.

Горшки группы 2 – открытого типа, с широким туловом и слегка отогнутым наружу венчиком (рис.54: 4; 55-59). В отличие от горшков группы 1, стенки этих сосудов в верхней части более крутые. Соответственно, шейка имеет заметно выраженную форму. Размеры этих сосудов весьма значительны, достигая в высоту почти полуметра.

Орнамент отличается преобладанием различной конфигурации ямок и пальцевых вдавлений. В остальном он тождествен орнаментальным мотивам других групп широкогорлых горшков. На всех сосудах обнаружен нагар.

Для горшков группы 3 характерны вытянутые пропорции тулова (рис.60-64). Это высокие, стройных очертаний сосуды. Шейка относительно хорошо профилирована и отогнута наружу. Орнаментация, в основном, однообразна, представлены композиции из треугольников, горизонтальных линий или рядов мелких ямок.

Горшки группы 4 отличаются от трёх предыдущих групп высокими покатыми плечиками, коротким прямым или слабо отогнутым венчиком и туловом яйцеобразной формы (рис.65-67). Это массивные, большого объёма толстостенные сосуды с почти прямой шейкой. Днище, постепенно переходящее в стенки, незначительных размеров, почти в три раза меньше устья сосуда. Орнамент представлен различных вариантов треугольниками, ничем не отличаясь от узоров, нанесённых на горшки групп 1-3. Наряду с горшками групп 1, 2 и 3, эти сосуды являются ведущей формой посуды на поселении.

Горшки группы 5 имеют выпуклые бока, плавно переходящие в днище, размеры которого, возможно, более крупные, чем это принято среди остальных видов широкогорлых сосудов (рис.68-69). Шейка короткая. Венчик у сосудов может быть прямым, но встречаются экземпляры с плавно отогнутым венчиком.

Горшки группы 6 отличаются туловом воронкообразной формы (рис.70; 71: 3,4). Почти во всех случаях венчик прямой. Некоторые экземпляры имели заметно выраженные плечики. Округлость стенок не характерна для данного вида посуды. Орнамент однообразен, ограничиваясь треугольниками и горизонтальными линиями.

К особой категории относятся горшки группы 7, имеющие удлинённую тюльпано-видную форму, слегка отогнутый или, наоборот, вогнутый внутрь венчик (рис.72-74). Стенки почти прямые. Внизу они, видимо, плавно сужаются по направлению к днищу. В отношении орнаментальных композиций сосуды ничем не отличаются от остальной кухонной посуды: преобладают горизонтальные оттиски шнура и треугольники. Своеобразной чертой является декорирование горшков шишкообразными налестками (рис.73: 1-3).

Горшки группы 8 приземисты, своеобразие формы достигается соотношением между диаметром верхней части и высотой сосудов – 1,5 X 1 (рис.75-78). Переход тулова к днищу плавный, но с заметным прогибом в нижней части. Диаметр днища, чаще всего в 2,5 раза меньше, чем диаметр горловины. Шейка практически отсутствует, венчик обычно загнут внутрь. Горшки декорировались изящной формы ушками, покрытыми шнуровым орнаментом. Горшки группы 8 имели красивую и разнообразную орнаментацию. Представлены полуовалы, треугольники, горизонтальные и волнообразные линии, вертикальные и горизонтальные ряды ямок, штампы в виде столбиков. Количество этих горшков на поселении составляет 2,90 %.

Группа 9 представлена горшками с туловом, близким к полукруглой форме. Обычно шейка отсутствует, а венчик загнут вовнутрь (рис.79-83). Орнамент не менее разнообразен, чем в предыдущей группе. Преобладают полуовалы, в одном случае перевёрнутые, и треугольники. Также встречаются ряды ямок, ногтевых оттисков, штампов в виде столбиков. Количество горшков этой группы составляет 3,62%.

К числу редких находок принадлежат широкогорлые горшки, относимые к группе 10 (рис.84). Пока известны два крупных фрагмента, украшенных оттисками шнура в форме подковы и перевёрнутых полуовалов. Сосуды отличаются резким изгибом, образующим заметное ребро в средней части тулова или ближе к венчику.

Наибольшее типологическое сходство с широкогорлыми горшками из Прибрежного имеют отдельные формы сосудов с поселений приморской культуры юго-восточного побережья Вислинского залива и Куршской косы. Особый интерес вызывает керамический комплекс поселения Сухач, в составе которого частично содержатся материалы достаточно раннего характера. Сопоставление орнаментики и форм сосудов двух поселений позволяет констатировать существование ряда сходных черт. Прямая связь между керамикой поселений Прибрежное и Сухач прежде всего прослеживается в формах широкогорлых горшков групп 1–3. Правда, сосуды этой формы здесь не сохранились так хорошо, как в Прибрежном [Kilian L., 1955, taf.XVIII: 105,106,109-114; taf.XIX: 115,116,119,120; taf.XX: 124; taf.XXI: 134,135,137; taf.XXII: 142]. Кроме того, в отличие от поселения Сухач, на исследуемом памятнике этот тип посуды преобладает.

Керамика с поселения Толькмицко (Толькемит), представленная в работах Г. Берендта, В. Гэрте, Л. Килиана, Э. Штурмса, имеет меньше параллелей (рис.137: 5,8,9). Но и здесь использовались широкогорлые горшки групп 1-3 [Gaerte W., 1927, Abb.43,79,99,116; Šturms E., 1970, taf.94: 1; Berendt G., 1875, s.122-123.]. Встречаются горшки, украшенные подковообразными ушками, но они прикреплялись при помощи простого примазывания к стенкам [Bokinić A., 1999, tabl.1: 1,3,4]. Близкой к характе-

ризуемому материалу можно отнести керамику со стоянки Пененжно, расположенной в 32 км от юго-восточной оконечности Вислинского залива (рис.135: 1-3, 5-7). Аналогичные характеристики имеют отдельные материалы с поселения Свенты-Камень, находящегося неподалеку от Толькмицко (рис.137: 6,7). Поселение Нида характеризуется очень разнообразным керамическим комплексом. Среди широкогорлых горшков выделяется группа, вероятней всего, совершенно аналогичная группам 1–3 в Прибрежном (рис.140) [Rimantienė R., 1989, pav. 73: 2,5,7; pav. 74: 1,6,9; pav. 75: 1,3-5; pav. 76: 1,7; pav. 77: 1-4; pav. 78: 1,3,4]. Иногда они имеют тот же декор – обращённые вершиной вниз треугольники и горизонтальные оттиски шнура (рис.140: 2,3,5,13) [Rimantienė R., 1989, pav. 73: 5; pav. 74: 6; pav. 75: 1,3,5,7]. Эти сосуды декорированы ушками в форме подковы, которые имели, правда, более узкую форму [Rimantienė R., 1989, pav. 82: 7,11].

На поселении Рева, соседствующего с Жуцево и находящегося вдали от указанных памятников, среди керамического материала выделяются широкогорлые горшки аналогичной формы (рис.136: 1,5,11,13-15) [Felczak O., 1983, гус.7: a,d; гус.8: a,b,e,h,i,j].

Горшки групп 4 и 5 находят прямые аналогии прежде всего на поселениях Сухач и Нида (рис.138: 8) [Kilian L., 1955, Abb.117; Rimantienė R., 1989, pav. 77: 4; pav. 78: 2]. Судя по всему, в количественном отношении они заметно уступают широкогорлым горшкам иных групп. Один сосуд подобной формы обнаружен в Свенты-Камень [Gaerte W., 1955, Abb.179].

Сосуды с туловом воронковидной формы известны с поселения Сухач (рис.138: 19) [Kilian L., 1955, taf.XVIII: 107; taf.XIX: 121-122; taf.XII: 140,143; taf.XIII: 146]. Сходной формы сосуды встречались в Толкмицко [Bokiniec A., 1999, tabl.1: 5].

Тюльпановидные горшки группы 7 малохарактерны для большинства поселений приморской культуры. Лишь на поселении Пененжно, керамика которого наиболее близка керамическому комплексу из Прибрежного, встречается подобного рода сосуда (рис.135: 4) [Łowiński G., 1987, гус.9]. Видимо, эта форма известна и в Ниде, где она, однако, не получила широкого развития [Rimantienė R., 1989, pav.73: 3].

Горшки приземистой формы, относящиеся к группе 8, мало известны на поселениях приморской культуры. Эти сосуды формой и орнаментом существенно отличаются от основных видов посуды приморской культуры.

Для близкородственной группы 9, горшки которой отличаются только высотой стенок, точных параллелей не выявлено. Редкая форма острорёберных горшков группы 10 находит отдельные параллели среди керамики поселения Толкмицко, где один из сосудов имел соответствующую форму [Šturms E., 1970, Taf.94: 13].

Специфической формой отличаются *сосуды кубкообразной формы*, диаметр которых достигает 25 см (рис.85-89).

Кубкообразные сосуды группы 1 имеют удлинённую тюльпановидную форму, прямой венчик и плавно сужающееся к днищу тулово (рис.85-87). Шейка у сосудов отсутствует. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть. Поверхность хорошо заглажена, нагар встречается редко. Большая часть сосудов украшалась разнообразным орнаментом. Орнаментом покрывались и ушки (рис.86: 3). Орнаментальные схемы включают в себя сочетание горизонтальных линий и полуovalов, волны, вертикальных линий, зигзага, ряда наколов. Встречается «бисерный» способ орнаментации (рис.86: 1). Количество сосудов группы 1 составляет 5 % от общего числа керамики на поселении (рис.172).

В группе 2 шейка у сосудов полностью отсутствует (рис.88-89). Венчик загнут внутрь, но степень наклона отличается. Разница связана с неодинаковым расположением места изгиба стенок сосуда. Наибольшее расширение у сосудов приходится на центральную часть, в иных случаях наибольшей ширины горшки достигают ближе к венчику. Несложный орнамент представлен рядами округлых ямок, а также сочетанием горизонтальных оттисков шнура и мелких ямок.

Сосуды кубкообразной формы в приморской культуре не получили распространения.

Горшки средних размеров (диаметр венчика варьирует, как правило, в пределах 13–24 см) во многом повторяют формы крупных широкогорлых горшков, отличаясь соотношением между шириной верхней части сосуда и днищем (рис.90-96). В таких случаях размеры днища ненамного уступают диаметру горла. Из всех типов керамики на поселении горшки средних размеров составляют 14 % (рис.172).

В группе 1 шейка выражена незначительно, венчик чаще всего слегка отогнут наружу, хотя встречаются экземпляры, у которых венчик почти прямой (рис.90; 91; 92: 1-2; 96: 1). Сосуды различаются степенью выпуклости стенок в верхней части и диаметром днища. Сосуды орнаментировались оттисками шнура в виде треугольников и горизонтальных линий, рядами ямок, встречаются «бисерные» оттиски. Комбинированный орнамент представлен сочетанием горизонтальных оттисков шнура и штампов в форме столбиков (рис.90: 2).

Группа 2 представлена сосудами с относительно высокой шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис.93). Горшки имели, видимо, более вытянутую форму. Представлены простейшие виды орнамента – горизонтальные оттиски шнура или ямки.

В группе 3 сосуды имеют яйцевидное тулово, которое плавно сужается к днищу (рис.94,95,96: 2). Днище в два раза меньше диаметра горловины, но встречаются экземпляры, у которых днище заметно превышает эти пропорции. Шейка у сосудов выражена слабо, плечики покатые. Венчик может быть прямым или слегка отогнутым наружу. Посуда этой группы редко орнаментировалась, причём пока известны лишь простые горизонтальные оттиски шнура. Сосуды имели и аккуратной формы ушки (рис.94: 1). В целом горшки данной группы напоминают широкогорлые сосуды больших размеров групп 4 и 5.

Группа 4 представлена наиболее редкой формой сосудов с воронковидной формы туловом (рис.71: 1,2; 92: 3). Известно всего 3 экземпляра. Горшки украшались треугольниками. Один фрагмент декорирован горизонтальными и косыми рядами штампа в виде столбиков (рис.92: 3).

От кубков горшки средних размеров отличаются, прежде всего, диаметром венчика, который варьирует в пределах 15–26 см и толщиной стенок, которые гораздо шире и часто не уступают по параметрам крупным широкогорлым горшкам (рис.94:1; 95: 2). В целом, эти сосуды выглядят более массивными и превышают в высоту собственно кубки, хотя шириной тулова они не слишком разнятся (рис.95:1; 96: 1). В отличие от них, в Ниде сосуды, занимающие по ряду признаков в классификации положение между кубками и широкогорлыми горшками, выделяются бочковидной формой, когда высота приближается по диаметру к тулову [Rimantienė R., 1989, s. 111-117, pav.64-71]. Наибольшее сходство прослеживается только с сосудами с S-видным венчиком, хотя они меньше размером, чем в Прибрежном [Rimantienė R., 1989, pav.65: 2,4,5; pav.66: 1-5]. На некоторых из горшочков наличествуют ушки, как это распространено в Прибрежном (рис.94: 1).

Близость с сосудами подобных размеров с поселения Сухач не так отчётлива. Возможно, этот тип сосудов на поселении Сухач не был столь популярен. Аналогии находятся, прежде всего, для группы 1 [Kilian L., 1955, taf.XVIII: 106; taf.XIX: 118].

Миски округлой формы. Особое своеобразие керамическому комплексу поселения придают обычно красиво орнаментированные миски округлой формы (рис.98-103). Посуду этого типа можно считать достаточно распространённой на памятнике. Их количество составляет 8 % (рис.172). Миски подразделяются на 5 групп.

Группа 1 характеризуется глубокими мисками с прямым венчиком (рис.98). Шейка у сосудов едва заметна. Тулово постепенно сужается к относительно широкому днищу.

Его размеры, судя по уцелевшим экземплярам, в 2 раза меньше диаметра горловины. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосуда. Орнамент представлен горизонтальными линиями и треугольниками, выполненными оттисками шнура или «бисером».

С полным основанием глубокими следует называть миски группы 2 (рис.99). Они более округлобокие, с плавной профилировкой тулова. Венчик слегка изгибается наружу. Наибольшее расширение тулова приходится приблизительно на середину высоты сосуда или ближе к венчику. Миски украшались разнообразными узорами, составленными рядами ямок, треугольников, в одном случае наличествует многорядная композиция.

Миски группы 3 выделяются сильной округлостью стенок и загнутым внутрь венчиком (рис.100-101). Их также следует относить к глубоким мискам. Тулово при переходе к доньшку имеет резкий изгиб. Орнамент состоит из рядов наколов, сочетаний горизонтальных, вертикальных оттисков шнура и треугольников или коротких и косых вертикальных оттисков.

К группе 4 относятся сосуды, напоминающие формой и орнаментацией глубокие миски группы 3 (рис.102-103). Однако высота сосудов превышает или равна диаметру венчика, тулово имеет более вытянутые пропорции. Венчик загнут вовнутрь. Эти сосуды явно относятся к переходным формам, занимая среднее положение между кубками и мисками. Орнамент характеризуется разнообразием мотивов. В состав орнаментальных схем входят сочетания образованных шнуровыми оттисками горизонтальных линий и треугольников, перевёрнутых ёлочек, петель, вертикальных линий.

Наиболее редкой формой являются низкобортные миски, условно относимые к группе 5 и представленные лишь одним фрагментом, орнаментированным полуовалами (рис.105: 3). Сосуд отличается высоким качеством обжига. Венчик прямой.

В отношении формы и орнамента, глубокие миски из Прибрежного имеют в некотором смысле ограниченный характер. Здесь получили развитие по большей части глубокие миски нескольких разновидностей, параллели которым находятся как в восточной группе, так и в западной. Миски группы 1 в наибольшей степени близки отдельным глубоким мискам из Швянтойи 1А, которые орнаментировались рядами горизонтальных оттисков шнура [Rimantienė R., 1980, pav.40: 8]. Они сближаются почти по всем главным показателям (рис.141, А: 10).

Миски с поселения Нида многочисленны и по форме очень разнятся между собой [Rimantienė R., 1989, s. 134-143, pav.87-94]. Они делятся на 5 больших групп и, кажется, что причины такого разнообразия, прежде всего, хронологического и культурного характера. Популярны в Ниде широкие, с прямым венчиком миски, которые орнаментировались штампом, в Прибрежном почти не известны [Rimantienė R., 1989, pav.91: 1,3,6,9,12]. Гораздо больше общих черт можно найти в группе 2 из Ниды. Это глубокие и высокие миски с прямым, чуть загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком [Rimantienė R., 1989, pav.93: 1,28,9,11]. Глубокие миски здесь орнаментированы горизонтальными оттисками шнура, треугольниками или ямками, таким же образом, как это принято было в Прибрежном [Rimantienė R., 1989, pav.93: 9,11]. Со стоянок Куршской косы происходят и другие миски (рис.129: 9), которые находят соответствия в группе 3 из Прибрежного, хотя орнамент иного типа (нарезной) [Kilian L., 1927, taf.XVI: 92]. Близкие характеристики имеют глубокие миски с поселения Свенты-Камень [Erlich V., 1923, Abb.5: a]. Глубокие миски, обнаруженные когда-то в Сухач (рис.138: 20,23) и Толкмичко (рис.137: 2), с более прямым венчиком [Kilian L., 1955, taf.XVI: 93,95; Gaerte W., 1927, Abb.198]. В Жуцево представлены, с некоторыми вариациями, аналогичные формы: глубокие миски с загнутым внутрь венчиком (соответствуют группе 3 в Прибрежном) и глубокие миски с отогнутым наружу венчиком (соответствуют группе 2 в Прибрежном) [Zurek J., 1954, Tabl.VII: 4; gus.15: 5].

Миски воронковидной формы. Совершенно иначе выглядят приземистые миски воронковидной формы (рис.104; 105: 1,2). Стенки у сосудов прямые или с мало заметным изгибом. По отношению к массивному днищу стенки расположены под таким резким углом, что напоминают воронку. Орнамент наносился на внутреннюю часть венчика. Он включает сочетания горизонтальных оттисков шнура и перевёрнутых полуovalов или коротких вертикальных линий, разделённых на группы.

Практически идентичными образцам из Прибрежного по форме и способу орнаментации можно считать миски воронковидной формы поселения Рева [Felczak O., 1983, гус.8: 1,m]. Стенки у этих мисок прямые, орнамент размещается на внутренней части сосудов (рис.136: 16,17). Несомненно, это сходство, с учётом предыдущих аналогий, свидетельствует о возможной генетической связи между двумя поселениями.

Миски овальной и удлинённой формы. К числу частых находок относятся миски специфической формы, доля которых составляет 9 % (рис.172). Выделяются 5 групп (рис.106-112). Наиболее распространённая из них – группа 1, куда входят сосуды овальной формы с округленными концами (рис.106-107; 110: 2,3). В длину они достигают 24,5 см, в ширину – 14,5 см (181:1). Короткие стенки чаще всего вогнуты внутрь, но встречаются экземпляры с почти прямыми стенками. Сосуды, покрытые орнаментом, имеют более высокие стенки (до 7,5 см). Однако большинство мисок не орнаментировано. Днище уплощённое, массивное, внутри без нагара. Нагар, как правило, фиксируется на стенках.

Миски группы 2 малочисленны, формой напоминают сосуды предыдущей группы, но имеют характерное сужение с противоположных концов (рис.108). В длину сохранившиеся образцы достигают 23,5 см, в ширину – 12,5 см. Все со следами нагара на внутренней стороне венчика. Днище уплощённое, поверхность внутри чистая, светло-коричневых оттенков.

Для группы 3 характерны более вытянутые пропорции (рис.109; 110: 1,4,5). Миски имели довольно большую длину, но точные размеры пока выяснить не удалось, сосуды встречаются во фрагментированном состоянии. Ширина не превышает 10 см. Стенки невысокие и прямые или слегка загнуты внутрь, поверхность заглажена. Днище уплощённое, массивное. Крайне редко встречаются миски с округленным дном (рис.110: 4). Нагар встречается на внутренней части стенок, но далеко не всегда.

К группе 4 относятся миски очень редкой для поселения формы (рис.111). В поперечном сечении профиль сосуда образует почти прямой угол. Длина сосудов могла превышать 40 см. Стенки прямые, со следами нагара на внутренней стороне, в высоту достигают 6 см. Днище массивное. На поверхности днища, изнутри хорошо заметны характерные бороздки, оставленные пальцами.

Овальной формы миски группы 5 отличаются миниатюрными размерами (рис.112). Они неглубокие, нагар отсутствует. Дно в сечении или уплощённое, или вогнутое. Все они изготовлены из одного куска глины. Размеры сосудов в среднем составляют в длину 10 см, в ширину 6 см.

Удлинённой формы миски, как принято считать, служили светильниками. Это относится, прежде всего, к сосудам с обильным слоем нагара на внутренней стороне стенок. Встречены 2 крупных фрагмента мисок округлой формы, но с короткими стенками и массивным дном, которые, судя по нагару, выполняли те же функции (рис.113).

Все вышеперечисленные формы мисок распространены в приморской культуре. В то же время, в Прибрежном есть свои особенности. Широкие овальные миски, которых так много в Прибрежном, хорошо известны по поселению Нида (2-ой тип по классификации Р. Римантене) и Сухач [Rimantiené R., 1989, s.144, pav.XX: 1; Kilian L., 1955, taf.XVII: 100]. У них тоже относительно прямые стенки и плоское днище. Но на поселении Нида в наибольшей степени встречались миски 1 типа [Rimantiené R., 1989,

s.143-144, pav.XVII,XIX]. В Прибрежном они относятся к 3 группе. Недавно найденные в Ушаково экземпляры принадлежат той же группе (рис.123).

Пористая керамика. Наряду с типичной для поселения шнуровой керамикой, ближе к кромке заболоченного берега изредка встречались фрагменты сосудов, имеющих резкие отличия в составе керамической массы. Фрагменты обнаружены в межжилищном пространстве, на уровне нижнего горизонта, где встречалась и шнуровая керамика. Их количество невелико, всего 32 фрагмента, которым свойственен общий специфический признак – пористая фактура, связанная с выгоревшей органической примесью (рис.115). Помимо органики растительного происхождения, в керамическое тесто добавлялось незначительное количество мелкой дресвы, а в одном случае слюды. В отдельных фрагментах в тесте дресва вообще не обнаружена. Внешняя и внутренняя поверхность здесь имеет множество пустот чешуйчатой формы, образовавшихся в связи с примесью толчёной раковины, которая по большей части не сохранилась.

Поверхность сосудов коричневая, тёмных или светлых оттенков. Посуда имела Г-образный, С-образный и, видимо, более редко встречающийся S-видный венчик (2 фрагмента). Горшки с Г-образными венчиками имели прямые или слабопрофилированные стенки, представлены 3 фрагментами (рис.115: 2,6,8). Остальные 4 фрагмента относятся к невысоким сосудам с широким горлом и венчиком С-образной формы (рис.115: 4,5,7,9). Обнаружено лишь одно днище с пористой фактурой глиняного теста. Днище оказалось плоским. Фрагменты лёгкие на вес, тонкостенные, поверхность заглажена. Сосуды орнаментированы рядами зернообразных ямок, ёлочкой, косыми линиями, составленными из мелких ямок, вдавлениями из диагональных линий, штампами, образующими прямые линии и зигзаг из столбиков.

Пористая керамика свойственна керамическим комплексам с поселений нарвской и цедмарской культур. Скорее всего, местность в районе Прибрежного посещалась неоднократно, на протяжении долгого времени. Поэтому отличия в составе теста пористой керамики могут носить не культурный, а хронологический характер. Таким образом, эти фрагменты, видимо, разновременны.

В Западной Литве на поселении Швянтойи 1В (4640 ± 60 ВР, LJ-2628), также преобладают горшки с I-образной и С-образной шейкой, процент с S-видной шейкой невелик. Днища имели остродонную форму. Среди сосудов с I-образной шейкой выделяются прямостенные или слабопрофилированные экземпляры с I(2)-шейкой (по классификации Р. Римантене), подобные выявленным в Прибрежном [Rimantienė R., 1979, s.120-147]. Края венчиков украшались насечками и штампами в виде ямок. На раннем этапе преобладают органические примеси, что также находит параллели в Прибрежном. В развитом неолите на поселениях Швянтойи 3 и Швянтойи 23 уже преобладают минеральные примеси.

В Восточной Литве в раннем и среднем неолите существовали сосуды с приплюснутым, но не Г-образным венчиком. Однако почти все виды орнамента, встречающиеся на пористой керамике из Прибрежного, находят параллели именно в Восточной Литве. К ним относятся зернообразные оттиски, ёлочка, косые наколы, обрамлённые чуть более крупными неглубокими ямками [Гирининкас А., 1990, с.48, рис.55: 9,14,50,60].

Прямостенные или слабопрофилированные сосуды с Г-образным венчиком изредка встречаются в цедмарской культуре, в частности, на поселении Цедмар А [Gaerte W., 1927, Abb.2]. Культура существовала в пределах 5600–4800 лет тому назад (по некалиброванной радиоуглеродной шкале). Керамика тонкостенная, лёгкая, с растительной и раковинной примесью в тесте. Часть фрагментов содержит минеральную примесь. Горшки украшены ямками, наколами, насечками, прочерченными линиями. Большинство днищ имело плоскую основу [Тимофеев В.И., 1979, с.64-67]. Приблизительно те же характеристики имеет керамика поселения Цедмар Д, но здесь влияния из региона

КВК выражены более ярко. Минеральные примеси в керамике преобладают. По мнению В.И. Тимофеева, плоскодонные сосуды появились в цедмарской культуре гораздо раньше, чем это произошло в Восточной Прибалтике [Тимофеев В.И., 1998, с.274].

Незначительное число пористой керамики в Прибрежном пока затрудняет возможность более точного определения их культурной принадлежности.

Керамика с хрупчатой поверхностью. Непосредственно в подперновом слое обнаружено 26 фрагментов сосудов с так называемой хрупчатой поверхностью (рис.116). На территории, прилегающей с северо-запада к жилищу 1, выявлена крупная часть биконической формы горшка того же типа (рис.116: 1). Сосуд был, видимо, вкопан в грунт (в перевернутом состоянии), отчего он проник на уровень, где уже залегала керамика со шнуровой орнаментацией. Сосуд отличается от основной массы керамики целым рядом признаков, указывающих на его инокультурное происхождение. Типологически он наиболее близок керамике, имеющей хождение на памятниках римского времени. Не противоречит этому и дата, которая относится к углю, выявленному вблизи сосуда: 1970 ± 90 BP, 20 ± 110 calAD, Ле-6691.

Южнее, в районе расположения жилищ 2, 3 и 5 керамика с хрупчатой поверхностью не выявлена. По-видимому, поселение с хрупчатой керамикой носило кратковременный характер, и оставило незначительные следы своего присутствия.

В. Орнаментация сосудов

Орнаментальные мотивы характеризуются устойчивостью, постоянством комбинаций, простотой и некоторым однообразием (рис.117-119). Орнамент обычно наносился лишь на верхнюю часть сосуда и состоял из несложных композиций, основой которых чаще всего служили горизонтальные оттиски шнура (рис.174). Совсем неорнаментированных сосудов – чуть менее половины (рис.173). Существует всего 5 способов украшения посуды (рис.175).

Наиболее массовым является шнуровой способ орнаментации (1-е место – 68%), причём преобладают различные варианты шнурового орнамента в виде сочетаний горизонтальных оттисков шнура с треугольниками, обращенными вершиной вниз, что является одной из особенностей керамики поселения (рис.117, 185).

Ямочные элементы не столь развиты как шнуровые оттиски (2 место – 12%). Простота мотивов и слабая повторяемость даже в пределах одного вида посуды – черты, наиболее присущие данному типу орнаментации (рис.118-119, 185).

Менее значительная доля узоров приходится на «бисерные» орнаменты (3 место – 6%), в основе своей имитирующие схемы и мотивы шнуровой орнаментации (рис.118: 17-24, 185). Более сложными можно считать штампы из столбиков, отдельные варианты которых изредка повторяются на различных типах посуды (рис.119: 17-26, 185).

На 4-м месте (5%) стоят наиболее простейшие орнаменты, образованные оттисками пальцев и ногтей (рис.175).

Смешанная техника орнаментации ограничивается, в основном, сочетанием оттисков шнура и ямками различной конфигурации или рядами столбиков (рис.118: 2-8, 185). Подобным мотивам не присуще богатство узоров, встречаются они достаточно редко.

Как не удивительно, но керамический комплекс отличается почти полным отсутствием наклепных валиков (рис.175). Нарезной способ орнаментации, прежде всего, т.н. «ёлочка», которая обычно образует многочисленные горизонтальные линии на сосуде, тоже малоизвестен (рис.175).

Структура орнамента характеризуется чётко определённым местом размещения повторяющихся на одной линии узоров. Сложные орнаментальные схемы для комплекса почти неизвестны. Узоры состоят из 2-х – 3-х элементов. Крайне редко орнаментальная

схема содержит 4-й элемент. Довольно часто фигуры орнамента, находящиеся ниже горизонтальных линий, чередуются между собой, вызывая ассоциации с некоей ритмичностью в построении комбинаций (рис.75: 1).

Деление на отдельные пояса, разделённые пустыми промежутками, отмечается не менее редко (рис.36: 1). Малосвойственна и многозональность.

Совершенно неизвестен орнамент по всей поверхности. Днище также никогда не украшалось. Доминируют узоры на верхней части сосудов, лишь в отдельных случаях орнамент расположен в наиболее выпуклой части тулова, ближе к середине.

Неорнаментированная керамика. Распространена среди всех типов посуды. В наименьшей степени она встречается среди амфор, кубков, мисок и кубкообразных сосудов. В целом, большая часть столовой посуды покрыта различными узорами. Как и следовало ожидать, гораздо меньше орнаментированной посуды представлено в группах 1–4 широкогорлых горшков, предназначенных для варки пищи. Среди широкогорлых горшков крупных размеров чаще всего орнаментировались сосуды из групп 8 и 9 (рис. 75-83). Слабо орнаментировались простые горшки средних размеров. Учитывая, что на поселении превалируют крупные широкогорлые горшки, т.е. кухонная посуда, доля неорнаментированной посуды составляет 44 % (рис.173).

Шнуровая орнаментация. По способу орнаментации преобладают шнуровые оттиски, которые доминируют на всех типах посуды без исключения (68 %). Известны 9 основных конфигураций собственно шнуровых оттисков, а также их сочетания друг с другом и иными формами орнаментации (рис.176).

Горизонтальные оттиски. Среди посуды орнаментированной оттисками шнура, доля украшенной лишь простыми горизонтальными линиями составляет 27 % (рис.117: 1-4; 186). Исключительно горизонтальными оттисками шнура наиболее часто украшались кубки. Естественно, они обычны для кухонной посуды. Амфоры и миски, орнаментированные только горизонтальными линиями, являются редкостью для поселения.

Горизонтальные оттиски шнура встречаются повсюду в приморской культуре (рис. 122: 1,4; 129: 1,4; 138: 3,13,27; 139: 1,11; 141: 2,8,10). В прибрежной зоне они, однако, не являются доминирующими, и на первый план выходят более сложные орнаменты. В большинстве случаев горизонтальные оттиски шнура выступают частью композиции, где становятся основой орнаментальной схемы или только дополняют её. Во внутренней части Литвы и Калининградской области картина совершенно иная и простые шнуровые оттиски на посуде здесь могут даже превалировать. В Дактаришке 28 % шнуровой керамики украшено только горизонтальными оттисками шнура [Butrimas A., 1982, s.38, lent.23: 1-4]. На поселении Шарняле их уже 56 % [Butrimas A., 1996, pav.18]. В Тушино, Утиное Болото, Цедмар А, Дудка подобного рода орнаментом покрыто более 90 % посуды (рис.130, 132: 1-13,16; 133) [Тимофеев В.И., 2003, рис.2,4,6; Gumiński W., 1997b, fig.3,4].

Вертикальные оттиски. Спускающиеся вниз от горизонтальных оттисков вертикальные оттиски, считаются простым видом орнамента, но широкого распространения не получили (всего 5 %) (рис.117: 5,6; 186). Иногда они расположены отдельными группами. Очень редкой их разновидностью являются вертикальные оттиски шнура, перпендикулярно которым расположены короткие горизонтальные оттиски (стропилообразный орнамент) (рис.118: 13).

Вертикальные оттиски шнура, видимо, характерны для соседних с Прибрежным поселений Ушаково и Крылово (рис.121: 3; 122: 5). Наиболее близкие параллели прослеживаются в материалах поселений Рева и Жуцево [Żurek J., 1954, гус.16: 2,3; Felczak O., 1983, гус.7: f,g; гус.8: a]. Здесь среди орнаментальных композиций представлены вертикальные оттиски шнура, образующие или сплошной ряд, или отдельные группы, разделённые пустым пространством (рис.136: 3).

Оттиски шнура в виде треугольников. Сочетания горизонтальных оттисков шнура и треугольников, обращённых вершиной вниз, являются ведущими видами орнамента на поселении – 43 % (рис.117: 7-14; 186).

Узоры в виде треугольников подразделяются на 2 подгруппы. В 1-й подгруппе треугольники имеют законченную вершину (рис.117: 7-12). Чаще всего треугольники широкие, зауженная форма является более редкой. Среди треугольников с законченной вершиной преобладают двойные фигуры. Встречаются сосуды, украшенные двойными и тройными треугольниками одновременно.

Во второй подгруппе только треугольники, расположенные в середине композиции, имеют законченную вершину (рис.117: 14). Остальные два, три или даже пять остаются незавершёнными. Пожалуй, этот вариант следует считать наиболее распространённым. В качестве орнамента треугольники наносились на большинство типов посуды. Но треугольниками никогда не украшались сосуды кубкообразной формы (рис.85-89). Очень редко они встречаются на широкогорлых горшках группы 5.

Посуда, орнаментированная горизонтальными оттисками шнура в сочетании с треугольниками, встречается, в основном, на отдельных поселениях вблизи побережья Вислинского и Куршского заливов. Причём широкое распространение этот вид орнамента получил только на поселениях Свенты-Камень и Пененжно (рис.135: 1-3,6,7; 137: 12). Треугольники здесь различных видов – от одинарных до тройных, некоторые обрамлены дополнительными линиями, как в подгруппе 2 [Ehrlich B., 1923, s.133-135, Abb.5: d,f; Abb.7: a,f; Gaerte W., 1927, Abb.179; Łowiński G., 1987, рис.8,9]. Треугольниками украшена амфора с поселения Свенты-Камень [Ehrlich B., 1923, Abb.7: f]. Показательно, что чаще всего орнаментировались подобным образом крупных размеров горшки открытого типа, аналогичные широкогорлым горшкам групп 1–5 из Прибрежного. Этот тип посуды, украшенный треугольниками, известен в Сухач, но здесь подобный орнамент использовался гораздо реже (рис.138: 10) [Kilian L., 1955, Taf.XVIII: 111].

Приблизительно такая же картина открывается при рассмотрении керамического комплекса поселения Нида, где некоторые широкогорлые горшки, глубокие миски и амфоры без шеек покрыты в верхней части обращёнными вершиной вниз треугольниками (рис.140: 2,3,5,13; 141: 20) [Rimantienė R., 1989, pav.73: 5; pav.74: 6; pav.75: 2,3,5,7]. Треугольниками украшались некоторые сосуды и с других поселений Куршской косы, следы которых ныне затерялись под толщей песка [Hollack E., 1895, Abb.13: 10].

С ближайших к Прибрежному стоянок КШК в Кёнигсберге и Ушаково происходят фрагменты сосудов открытого типа, орнамент которых аналогичен орнаментальным схемам из Прибрежного (рис.122: 3; 127: 7) [Engel C., 1935, Taf.48: b].

Для других памятников приморской культуры, включая Жуцево и Швянтойи, треугольники малохарактерны. На памятниках развитого этапа приморской культуры широкое развитие получили орнаменты в виде заштрихованных треугольников, совершенно не встречающиеся в Прибрежном (рис.128: 6; 140: 1,6,8). Этот элемент орнамента хорошо известен в Ниде, Юодкранте, других памятниках Куршской косы [Rimantienė R., 1989, s.155-157, pav.74: 9; pav.75: 1; pav.100: 1; Gaerte W., 1927, Abb.82;86].

Орнамент, составленный треугольниками и горизонтальными оттисками шнура, Прибалтикой не ограничивается, встречаясь в культурах шнуровой керамики в Средней и Восточной Европе. Прежде всего, обращённые вершиной вниз треугольники характерны для среднеднепровской культуры, где таким орнаментом покрывались сосуды с туловом округлой формы [Артёменко И.И., 1967, с.14, рис.1: 2-4]. В отдельных культурных группах шнуровой керамики в Средней или Юго-Западной Германии этот вид орнамента также имел хождение [Loewe G., 1959, Taf.52: 22; Taf.87: 3; Taf.90: 1,11; Coblenz W., 1952, Abb.24]. Но на этой территории гораздо чаще на посуде встречается орнаментация в виде заштрихованных треугольников [Sangmaister E., Gerhardt K.,

1975, Taf.1: 4,5; Taf.5: 3,5; Taf.7: 2,4; Loewe G., 1957, Abb.26: 1,3; Loewe G., 1959, Taf.50-51,63,65,67,73,99; Coblenz W., 1952, Abb.19: 2].

Полуовалы. Достаточно распространённый вид орнамента представлен полуовалами – 12 % (рис.117: 19-21; 186). Чаще всего они двойные. Полуовалами украшались, как правило, широкогорлые горшки групп 8 и 9 и амфоры (рис.34: 2; 75: 1,2; 79: 1). Среди широкогорлых горшков группы 1 этот орнамент встречался только дважды. Полуовалы, представленные перевёрнутыми по отношению к горизонтальным отпечаткам шнура, отмечаются в единичных случаях (рис.117: 22).

Традиция украшать сосуды орнаментом из полуовалов для восточной группы приморской культуры не характерна.

Более широкий круг аналогий выявляется среди керамического материала родственных Прибрежному поселений на побережье Вислинского и Гданьского заливов. Полуовалами украшались сосуды поселений Свенты-Камень, Толкмицко, Сухач, Пененжно [Ehrlich B., 1923, Abb.6: b; Berendt G., 1875, Fig.4; Kilian L., 1955, Taf. XVIII: 110; Łowiński G., 1987, fig.9]. Но на этих памятниках полуовалы не принадлежали к основным видам орнамента, встречаясь эпизодически (рис.135: 5; 138: 22).

В мазурско-вармийской группе КША встречается совершенно аналогичная орнаментальная схема, когда полуовалы сочетаются с горизонтальными отпечатками шнура [La Vaume W., 1943, Taf.2: c,k; Taf.5: e].

Подковообразные отпечатки шнура. Подобным образом орнаментировались широкогорлые горшки группы 6 и 10, а также кубки группы 4 (рис.117: 23-24; 186). Доля их среди других видов шнурового орнамента составляет всего 3%.

Усовидные отпечатки шнура. По форме они приближаются к «подковам», но имеют более узкие и длинные очертания (рис.117: 25-27; 186). Иногда они расположены отдельными группами через определённые пустые промежутки. Усовидными отпечатками шнура иногда декорировались амфоры, кубки, глубокие и воронковидные миски. По отношению к другим видам шнурового орнамента их насчитывается 3 % (рис.176).

Усовидными шнуровыми отпечатками изредка декорировались амфоры, кубки и глубокие миски с поселений Жуцево, Сухач, Свенты-Камень [Zurek J., 1954, гус.16: 5; Kilian L., 1955, Taf.II: 5; Ehrlich B., 1923, Abb.6: d]. В восточной части Калининградской области таким образом украшались отдельные кубки на поселениях Утиное Болото и Тушино (рис.130: 19; 132: 10) [Тимофеев В.И., 2003, с.125, рис.4: 9; рис.6: 16].

Отпечатки шнура в виде волны. Орнаментальные композиции, составленные сочетанием волнообразных и горизонтальных отпечатков шнура, украшают 5 % посуды (рис.117: 28; 118: 1; 186). Одинарные или двойные волнообразные узоры, иногда не слишком ровные, покрывают верхнюю часть кубков, амфор, широкогорлых горшков группы 8, горшков кубкообразной формы.

Аналогии выявляются в материалах поселения Сухач, где волной в сочетании с горизонтальными отпечатками шнура украшались миски и широкогорлые горшки открытого типа (рис.138: 8,24,25) [Kilian L., 1955, Taf.XV: 88,90; Taf.XIX: 117]. Аналогичный орнамент встречается на керамике с поселений Свенты-Камень, Толкмицко и Морское (рис.128: 5) [Ehrlich B., 1923, Abb.6: a; Gaerte W., 1927, Abb.81,101].

В Южной Литве подобный орнамент встречается на кубках с поздненеолитического поселения Линупис [Rimantienė R., 1985, s.153, pav.13: 1]. Из довоенной коллекции шнуровой керамики с поселения Цедмар А происходит фрагмент широкогорлого горшка с многорядной композицией, где присутствует и волна (рис.127: 4) [Gaerte W., 1927, Abb.78].

Крестообразные отпечатки шнура. Свообразием отличаются редкие сочетания полуовалов или треугольников с крестообразными символами – 2 % (рис.117: 18,21; 186). Прямые или косые кресты выполнены короткими отпечатками шнура. Крестообразные мотивы встречается на амфорах.

Крестообразная символика – редкий мотив орнамента для неолита Прибалтики. Орнамент в виде креста известен лишь с поселения Цедмар А и, возможно, фрагмент, украшенный таким образом, происходит из слоя, относящегося к КШК [Gaerte W., 1927, Abb.258].

Орнаментальные схемы, состоящие из 3-х компонентов орнамента, не образуют сколько-нибудь заметных серий, хотя сосуды, орнаментированные подобным образом, выглядят более нарядно.

Горизонтальные оттиски шнура, вертикальные оттиски шнура и треугольники (рис.117: 15). Достоверно известно всего два сосуда, а именно глубокая миска и широкогорлый горшок группы 4, украшенные горизонтальными линиями и отдельными группами вертикальных линий и треугольников (рис.66: 2; 100: 2).

Сочетания горизонтальных, вертикальных оттисков шнура и полуovalов (рис.117: 20). Только два сосуда из группы 8 декорированы чередующимися узорами подобного типа (рис.75: 1). Один горшок сохранился целиком.

Композиция из выстроенных в один ряд групп треугольников или полуovalов, разделённых вертикальными оттисками шнура, в приморской культуре почти не известна. Лишь в Сухач сосуд с туловом воронковидной формы орнаментирован треугольниками в сочетании с вертикально спускающимися вниз оттисками шнура (рис.138: 4) [Kilian L., 1955, Taf.XVIII: 108].

Многозональные орнаменты. Малохарактерны для поселения многозональные орнаменты (рис.118: 9-16). Полностью, хотя бы дважды, орнаменты подобного типа пока не повторялись. Всего известно 6 видов орнаментов, которые входят в 3 подгруппы. В 1-ой подгруппе орнамент представлен чередующимися узорами из волнистых или ломаных линий и горизонтальных оттисков шнура (рис.118: 11). Вторая подгруппа включает декор из рядов коротких и косых вертикальных оттисков шнура, перемежающихся с горизонтальными поясами (рис.118: 9,10).

В 3-ей подгруппе между горизонтальными оттисками проходит ряд мелких наколов или неглубоких округлых ямок. Композицию завершает ломаная линия или ряд треугольников (рис.118: 14-15).

Все многозональные композиции встречаются исключительно на столовой посуде: кубках, амфорах, глубоких мисках и сосудах кубкообразной формы.

В отличие от Прибрежного, многозональные композиции в приморской культуре одни из самых распространённых. В подавляющем большинстве они встречаются на посуде с поселений Нида, Жуцево, стоянок Куршской косы [Zurek J., 1954, гус.18: 2,4,7,8,9,12,14,15,16; Rimantienė R., 1989, pav.98; Kilian L., 1955, Taf.X: 53,56,57; Gaerte W., 1927, Abb.84,86,94]. Скорее всего, мотивы, составленные чередующимися поясами оттисков шнура и ямок, волны, наклонных линий, ёлочек получили развитие в более позднее время, когда в Прибалтике распространяется КШК. Подобным орнаментом украшали кубки и в других КШК. Широко распространён многозональный орнамент в фатьяновской и среднеднепровской культурах, но здесь использовались совершенно иные элементы [Артёменко И.И., 1967, рис.10: 12,13,15; Крайнов Д.А., 1972, рис.44].

«Бисер» или псевдошнур. Третьим по степени распространённости является особый способ орнаментации посуды, который с полным правом можно называть имитацией простых шнуровых оттисков – 6 % (рис.118: 17-24; 185). Все линии выполнялись мелкими и неглубокими ямками или, точнее сказать, лунками. Это не следы отдельных наколов, а, скорее всего, отпечаток шнура, который мог наматываться на палочку.

Всего в Прибрежном выделяется 8 вариантов «бисерного» орнамента (рис.118: 17-24). Исключая один вариант, остальные не отличаются оригинальностью, повторяя шнуровые композиции. К более сложному виду орнамента относится редкая композиция, состоящая из горизонтальных линий с отходящими от них вертикальными

линиями и полуovalами. Последние два элемента чередуются между собой. Ниже проходит ломаная линия. Полуovalы размещаются таким образом, что первый, меньшего размера, частично перекрывает следующий, отчего все вместе они принимают «облакоподобную» конфигурацию (рис.118: 24).

«Бисерный» орнамент ограничивается амфорами, кубкообразными горшками, широкогорлыми горшками групп 1 и 8.

Тожественный способ орнаментации встречается на отдельных памятниках поздненеолитического времени и характеризуется бедностью мотивов. В Ниде и Швянтойи преобладают простые горизонтальные линии, нередко в сочетании с ямками различной формы [Rimantienė R., 1980, s.56, pav.44; Rimantienė R., 1989, s.162-163, pav.104].

Ямочные вдавления. Ямками различной формы покрыто 12 % сосудов (наносились полый костью или палочкой) (рис.175). Орнаментальные схемы совершенно несложные – ямки образуют ряды горизонтальных и вертикальных линий, в отдельных случаях совмещённых (рис.118: 25-28). Форма ямок повторяется нечасто. Иногда ямки с одной стороны менее глубокие или неровные, что связано со скошенным краем палочки или её наклоном в момент нанесения узора. Некоторые ямочные орнаменты наносились, скорее всего, костью, отчего в центре сохранились выпуклости (рис.118: 27).

Горизонтальные ряды наколов иногда сочетаются с вертикальными (рис.119: 14,15). Вертикальные ряды расположены прямо или под небольшим углом.

Примитивные двухъярусные композиции составлены горизонтальными рядами ямок, встречались всего на 2-х сосудах (рис.119: 11,13). Из них одна амфора украшена двойными рядами косых ямок на шейке и в наиболее выпуклой части (рис.36: 1). Широкогорлый горшок группы 3 декорирован секирообразными ямками по венчику и шейке (рис.62: 1). Вверху двойные ряды образуют отдельные группы, несколько ниже проходит сплошной одинарный ряд из ямок.

Ямочные узоры наносились практически на все типы посуды, но, как уже указывалось выше, отмечаются сравнительно редко, не образуя заметных серий среди распространённых видов орнамента с поселения.

Традиция орнаментировать сосуды рядами ямочных вдавлений получила распространение в наибольшей степени на отдельных поселениях побережья Вислинского и Гданьского заливов. В Свенты-Камень ямки самых разнообразных форм, некоторые из которых в Прибрежном не встретишь [Ehrlich B., 1923, Abb.3,4, Abb.6: h, Abb.7: b-d]. В Сухач множество орнаментов подобного типа, причём большинство из них близки ямочной орнаментике из Прибрежного (рис.138: 19,21,23) [Kilian L., 1955, Taf.III: 11,12; Taf.XVI: 95; Taf.XX: 124,125; Taf.XXII: 142,143]. Часты на этом поселении сочетания горизонтальных и вертикальных вдавлений (рис.138: 23). В основном, орнаментировались подобным образом широкогорлые горшки и миски. В Сухач ямками украшались и некоторые виды амфор [Kilian L., 1955, Taf.III: 11,12]. Много ямочных орнаментов в Реве (рис.136: 1,5,10,13-15) [Felczak O., 1983, гус.7: a,d, гус.8: f,h-k]. Разнообразны ямочные мотивы в Жуцево [Zurek J., 1954, гус.13,14].

Для внутренних районов Калининградской области ямочные орнаменты не характерны (рис.130,132) [Тимофеев В.И., 2003, рис.2,4,6].

Предполагается, что возникновение этих орнаментов связано с местными влияниями [Rimantienė R., 1989, s.163]. В Прибалтике традиция украшать ямками и наколами поверхность сосудов очень древняя. В нарвской и цедмарской культурах это основной способ орнаментации, причём представлено множество вариантов и конфигураций.

Доля орнаментов, составленных сочетаниями горизонтальных оттисков шнура и мелких ямок, в Прибрежном незначительна, что следует считать ещё одной особенностью памятника (1%) (рис.175). Это выглядит странным, так как подобные мотивы в приморской культуре – самое обычное явление. В Ниде таким образом орнамен-

тировано большое число кубков и часть широкогорлых горшков (рис.141, В: 3,4,7) [Rimantienė R., 1989, pav.52: 1,5,7,9; pav.53: 1,2; pav.79: 1,9]. Немалая часть посуды с остальных памятников Куршской косы украшена аналогичным образом (рис.129: 113) [Kilian L., 1955, Taf.XX: 131; Gaerte W., 1927, Abb.166; 170; 246]. В Швянтойи 1А шнуrowым орнаментом в сочетании с ямками, в основном, украшались только кубки, а в Дактаришке – горшки кубкообразной формы (рис.141, А: 5,9,12) [Rimantienė R., 1980, pav. 40: 6,7; Butrimas A., 1982, lent.17: 3]. В Жуцево этот орнамент использовался для украшения мисок и кубков [Žurek J., 1954, гус.17: 2,4, гус.18: 3,5].

Штампы в виде прямоугольных вдавлений или столбиков. Отдельного рассмотрения заслуживают штампы прямоугольной простой или удлинённой формы (рис.119: 17-26; 185). От других видов ямочных орнаментов они отличаются заметной устойчивостью, являясь отражением особой культурной линии в развитии местных орнаментальных мотивов. Сосудов, орнаментированных таким образом не так много, они относятся к различным типам кухонной и столовой посуды (широкогорлые горшки групп 1 и 9, отдельные амфоры, кубки, сосуды кубкообразной формы, горшки средних размеров). С учётом орнаментов смешанного типа, насчитывается 6 % посуды, украшенной таким образом (рис.175).

Нельзя не отметить, что штампы в виде прямоугольников находят аналогии, прежде всего, в культуре шаровидных амфор, где подобные мотивы характеризуются большим разнообразием.

Различными конфигурациями прямоугольного штампа украшались сосуды с поселений Жуцево и Нида [Žurek J., 1954, гус.12; Rimantienė R., 1989, pav.105: 24-39]. С Куршской косы происходят два фрагмента широкогорлых горшков, декорированных подобным образом (рис.128: 8) [Gaerte W., 1927, Abb.41,89]. Как и в Прибрежном, основным элементом служила составленная из столбиков ломаная линия.

Пальцевые и ногтевые вдавления. Простейшим видом орнамента можно считать ряды пальцевых и ногтевых вдавлений – 5 % (рис.119: 27-28; 185). Наносились они не только на верхнюю часть сосуда, но и на плечики. Такая орнаментация распространена, в основном, на широкогорлых горшках группы 2 (рис.58-59).

Нарезной и прочерченный орнамент. Малосвойственен керамическому комплексу поселения нарезной или прочерченный орнамент. За все годы раскопок обнаружено всего 7 мелких фрагментов, в основном с верхнего уровня, включающих обломок ладьевидной миски, довольно сложно орнаментированной косой сеткой в сочетании с прямыми линиями и фрагменты 2-х – 3-х сосудов, украшенных сочетанием нарезок в виде ёлочки (рис.107: 3; 114: 5). В тесте сосудов дресва не зафиксирована.

Валики. Ещё более чуждым декором являются валики. Всего 5 мелких фрагментов, с совершенно невыразительными налестками, далёкими от классических образцов, которые украшены небольшими продолговатыми насечками (рис.114: 7).

Орнаментация ободка венчика. Дополнением к основному декору служил орнаментированный ободок венчика. Число орнаментированных по ободку венчика сосудов совсем мало – 7 экземпляров. Ободок венчика украшен только у отдельных кубков и широкогорлых сосудов групп 2 и 9 (рис.41: 4; 43: 3; 44: 5; 81: 1,2; 83: 2). Декор состоит из коротких поперечных оттисков шнура, узких насечек и ячейковидных ямок.

1.6. Прочие изделия из глины

Остальные предметы из глины являются редкими для поселения. Примеси в тесте аналогичны тем, что содержатся в керамике.

Овальной формы рыболовный грузик сохранился лишь частично, размеры – 3,5 X 2,5 см (рис.120: 1).

Другой предмет, украшенный по краю насечками, скорее всего, следует определять как пряслице (рис.120: 2). Он, возможно, подобен конусовидным пряслицам с поселения цедмарской культуры Дудка, расположенного на территории Польши. Как считается, на его форме отразилось влияние КВК из области в Малопольше [Guminski W., 2001, s.142, fig.8].

Применяемые при прядении пряслица в Прибалтике в неолите встречаются нечасто. Наиболее ранние пряслица известны с поселения Шарняле в Западной Литве [Butrimas A., 1996, s.181, pav.8].

Форма другого грузика уникальна для Прибалтики (рис.120: 5). Аналогии пока не известны. Грузик изготовлен в виде гирьки размером 4,6 X 3,8 см, находился в заполнении объекта А. Внутри петлеобразного отверстия следов стёртости не выявлено.

Точно неизвестно назначение предмета удлинённой овальной формы (рис.120: 3). Его длина – 5,1 см, ширина – 1,9 см. В тесте та же примесь, что и в керамике, но обжиг более слабый. Единственные аналогии этому предмету известны с неолитического поселения Акали в Эстонии, где найдены утончающиеся на конце глиняные палочки диаметром около 1,4 см [Янитс Л.Ю., 1959, с.272, рис.56: 4].

Фрагмент глиняной ложки с короткой ручкой (к ней могла крепиться более длинная ручка из дерева) обнаружен в верхней части заполнения жилища 4 (рис.120: 4). Сюда ложка, скорее всего, попала вместе с мусором. В Швянтойи ложки выструганы из дерева [Rimantienė R., 1996a, s.286, pav.176:3]. В более поздний период глиняные ложки встречались в фатьяновской культуре [Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987, с.30, табл.10, 35].

1.7. Предполагаемые следы действий ритуального характера

Не исключена возможность существования свидетельств, доказывающих, что на поселении производились действия ритуального характера. Зафиксировать их археологически удаётся далеко не всегда. Важнейшими факторами в решении этих проблем могут оказаться состав остеологического материала из жилых комплексов или очагов, обилие керамики в определённых местах и особенности её залегания (возможное указание на принесение жертв), сопутствующие остатки (например, большое количество угля), присутствие миниатюрной посуды в комплексах, наличие в очажных ямах предметов, обычно не встречающихся в подобного рода объектах, состояние этих предметов (целые или сломанные), регулярные следы воздействия огня на предметах, в объектах или на ограниченном пространстве (следы специальных культовых площадок) и т. д. В Прибрежном в этом плане наибольший интерес вызывают отдельные очаги, отличающиеся специфическими особенностями.

Всего в межжилищном пространстве поселения обнаружено 17 очагов. Как правило, находки (не считая кальцинированных мелких костей и фрагментов древесного угля) в очагах отсутствуют. Изредка в заполнении очагов могут повстречаться несколько мелких фрагментов керамики. Очевидно, что очаги, рядом с которыми происходила активная хозяйственная деятельность, подвергали регулярной чистке. Однако среди очагов выделяются объекты и иного характера.

Особого рассмотрения в этом смысле заслуживает удлинённой неправильной формы очаг № 9 (рис.12; 181: 2). Очаг сложен из 31 камня. В основном они сконцентрированы в восточной части. Очаг заглублен в материк на 20 см. Камни хотя и покрыты копотью, но почти все без трещин. Кажется, что очаг функционировал недолго. В данном контексте особенно важным представляется то обстоятельство, что среди камней залегало тесло с частично сохранившейся обуглившейся рукоятью (рис.24). С западной стороны очага обнаружен светильник, покрытый слоем нагара (рис.12;

181:1; 106: 2). Среди камней найдено 3 небольших фрагмента керамики. Ясно, что очаг затушили и прекратили использовать вскоре после того, как туда бросили тесло и светильник. В противном случае деревянная рукоять (или муфта) у топорика должна была полностью выгореть.

Ситуация, когда в очаге одновременно оказываются тесло или топор, а также светильник, повторяется, по крайней мере, ещё дважды. Совсем рядом, но северо-восточнее, размещался очаг № 8 (заглублен в материк до 0,20 м), откуда также извлечены половинка топора и светильник (рис.12; 21: 6; 106: 1). Кроме того, в очаге залежали несколько обожжённых камней и 2 крупных фрагмента сосудов. Кальцинированные обломки костей были слишком мелкими, чтобы определить их принадлежность.

Далее, приблизительно в 6 м на северо-запад от данных объектов, но на чуть более высоком уровне располагалась углистая тёмно-серых оттенков линза овальной формы (заглублена в культурный слой до 0,12 м), где находились топорик и половинка светильника (рис.12; 23: 4; 109: 2). Они лежали рядом друг с другом, и нет никаких сомнений, что вещи в очаг попали одновременно. Других предметов в объекте не обнаружено.

Складывается впечатление, что неоднократно повторяющееся явление – не простое совпадение. Связь топоров с огнём здесь достаточно явная, чтобы этого не заметить, тем самым, указывая на существование реальных обрядов на поселении. Заложенные в очаг топоры и светильники могли служить жертвой.

Топоры и тесла, как предметы, использованные в качестве жертвы, условно пересекали границы обыденного и уже не могли принадлежать нашему миру. Для бытовых целей они уже не годились. Поэтому этими вещами не пользовались, и они оставались в очагах или рядом с ними. Это относится и к светильникам, задействованным в обряде жертвоприношения.

На поселении зафиксированы случаи, когда топоры находились не внутри, а в непосредственной близости от очагов. Каменный топорик обнаружен рядом с очагом, обложенным камнями в объекте С раскопа 1998 г. (рис.21: 3). Другой фрагмент топорика (верхняя часть отколота), скорее всего, тоже находился рядом с очагом объекта D или даже внутри него, но был перемещён после строительства на том же самом месте постройки XX в. (рис.21: 8). Столб прорезал очаг насквозь, и часть заполнения очага и культурного слоя из пространства вокруг очага оказалась отброшенной в сторону от столбовой ямы (на это указывает характер расположения находок вблизи ямы).

Таким образом, есть основания предполагать, что слои поселения могли сохранить следы определённых действий культового характера, которые по большей части происходили за пределами жилых сооружений.

Не исключено, что некоторые орудия, прежде чем бросить в огонь, предварительно подвергали порче. Сломана рукоять у тесла из очага № 9, расколоты пополам топоры из очагов № 8 и объекта D. Конечно, эти факты можно объяснить простой поломкой при использовании. Однозначно подтвердить или, наоборот, полностью опровергнуть данную трактовку представляется невозможным.

Подобные случаи в Прибалтике больше известны в погребальной обрядности. На поселении позднего неолита Крятуонас 1А обломок каменного топорика встречен среди остатков сосуда с обгоревшими человеческими костями. Сосуд стоял среди сложенных в кучу камней [Гириинкас А., 1990, с.101, рис.121].

Наиболее часто каменные топоры в качестве важнейшего компонента ритуалов использовались в Южной Швеции в КВК. В Свартскилле (около 3500 ВС) найдены несколько топоров и долота, которые сильно повреждены огнём [Larsson L., 2000, p.175]. Находки сконцентрированы в 4-х местах на холме, доминирующем в местном пейзаже. В Рамсхоге неподалёку от мегалитической гробницы 9 мелких ям были заполнены

фрагментами повреждённых огнём топоров и других кремнёвых изделий вперемешку с кремированными человеческими костями [Larsson L., 2000, p.181]. Примеры можно продолжать.

Обряды, связанные с огнём, получили в Южной Швеции продолжение в эпоху культуры боевых топоров (КБТ). На поселении КБТ Кверрестад (3860 ± 75 ВР, Ур-14883) открыто множество ям различных размеров и глубины, в заполнении которых по всей внутренней площади находились в большом количестве обломки кремнёвых топоров и тёсел (более сотни экз.), наконечники стрел, отщепы и фрагменты глиняной посуды [Larsson L., 2000, p.176-181]. В ямах обнаружены и остатки сожжённых человеческих костей, предварительно разломанных на мелкие части. Большинство вещей со следами воздействия огня. Каменные топоры специально разбиты на части, края разрушены. За всеми этими находками признаётся статус общественной жертвы [Larsson L., 2001, p.178].

Следы жертвоприношений зафиксированы на ряде неолитических памятников в Литве. Так, на поселении Нида, в стороне от основных комплексов уже при отсутствии культурного слоя был выявлен крупных очертаний очаг почти прямоугольной формы [Rimantienė R., 1996a, s.298, pav.184: I]. Его глубина достигала 0,60 м, при обычной глубине бытовых очагов в 5–10 см. Их небольшая глубина связана с постоянной чисткой. В большом очаге чистка не производилась. Он топился много раз и, если это было необходимо, присыпался песком, отчего в очаге образовалось множество песчаных прослоек и слоёв с мелкими костями, а также фрагментами керамики. По мнению Р. Римантиене, жертвы приносили в сосудах и бросали в огонь [Rimantienė R., 1999a, s.93]. После совершения ритуала огонь в очаге тушился песком.

В Кубилеляй один из очагов опять-таки выделялся размерами. Его глубина 0,70 м, диаметр – 2 м. Слои, как и в Ниде, разделены прослойками песка. Следовательно, пламя гасилось каждый раз, когда, как предполагают, приносилась жертва. Находки представлены кремнёвыми отщепами и фрагментами керамики [Rimantienė R., 1996a, s.298, pav.184: II].

На Немане, в Клангуосе обнаружены 2 ещё более крупные жертвенные ямы глубиной до 1,05 м с прослойками угля и песка в заполнении. Состав находок включал перегоревшие кости животных, кремль и фрагменты керамики. Камни из ям крошились, что связано с длительным использованием жертвенников. Огонь, судя по всему, тушили тем же способом [Rimantienė R., 1996a, s.299-301, pav.185].

На поселении Дуонкалнис в Западной Литве был обнаружен, пожалуй, наиболее крупный жертвенник длиной 9 м. Глубина его местами достигала 1,10 м. В заполнении выявлено множество расколотых камней, керамики и костей [Бутримас А., Гирининкас А., 1990, с.154].

2. Культурная атрибуция древностей эпохи позднего неолита и ранней бронзы Юго-Восточной Прибалтики

При сравнительном анализе становится очевидным, что в культурном отношении поселенческий комплекс Прибрежное не выглядит изолированным. Существует ещё целый ряд памятников, относимых ранее к приморской культуре, но также имеющих резкие отличия в характере инвентаря. Некоторые из этих памятников находились в нескольких километрах от Жуцево, Сухач или Ниды, но находки были совершенно иного характера и не имели ничего общего с основным комплексом КШК. Вместо данного комплекса выявлялись в основном материалы, наличие которых в приморской культуре ранее предположительно связывали с воздействием со стороны КША или нарвской культуры. Естественно, отсутствие сколько-нибудь выраженного комплекса КШК,

при его существовании на соседних поселениях, вызывало недоумение. В отдельных случаях несоответствия пытались объяснить поздним временем их существования, хотя с этих памятников до сих пор не имеется ни одной радиоуглеродной даты. В силу противоречивости полученных с данных памятников материалов, а, нередко, и неполной степени опубликованности им не придавалось большого значения.

Исследования последних лет в Калининградской области позволяют сделать вывод, что материалы с этих памятников в целом тождественны археологическому комплексу Прибрежное.

Существенные связующие признаки обнаруживаются на весьма отдаленном от Прибрежного поздненеолитическом поселении Рева в юго-восточной части Кашубского побережья, расположенном на незначительном расстоянии от берега Балтийского моря (рис.1) [Felczak O., 1983, s.51-68]. Памятник размещается на краю флювиогляциальной долины (южная сторона прадолины реки Реды), на небольшом песчаном всхолмлении размером 750 X 550 м, которое возвышается на 5 м над уровнем моря. Как и в Прибрежном, возвышение окружено с восточной и южной стороны торфяником. Исследованная площадь – 166 м². Следов построек не зафиксировано, но удалось выявить 13 ям, заглубленных в материк от 0,15 до 0,60 м, включая очаги, обложенные камнями (в потревоженном состоянии) и ямы для хранения. Из них выделяются два объекта – № 2 и № 13. Объект № 2 неправильной овальной формы, ориентированный в направлении север-юг, заглублен в материк до 0,30 м. Инвентарь – 205 фрагментов керамики. Объект № 13 овальной формы (включает в себя очаг и приочажную яму), ориентирован в направлении запад-восток, заглублен в материк до 0,40 м. В заполнении выявлено 235 фрагментов керамики.

Поселение находится неподалёку от Жуцево, но набор инвентаря здесь качественно иного характера. Всего выявлено 7663 фрагмента керамики. Наличествуют в большом количестве широкогорлые горшки открытого типа, орнаментированные отрисками шнура или рядами ямок, глубокие миски, орнаментированные сочетаниями шнура и штампа в виде столбиков. Поверхность сосудов, как правило, хорошо заглажена, в тесте примесь дресвы. Горшки с налечами, кубки с хорошо выраженной S-видной шейкой здесь не обнаружены. В то же время керамический материал из Ревы, который в численном отношении весьма велик, близок комплексу Прибрежное по большинству параметров [Felczak O., 1983, гус.7: a-d,f,g,i; гус.8: a-m]. Почти идентичны все представленные формы широкогорлых горшков (группы 1-4), глубоких мисок, слабопрофилированных кубков и горшков средних размеров (рис.136). Одним из важнейших показателей родства можно назвать воронковидные миски, орнаментированные изнутри отрисками шнура, аналогичные тем, что обнаружены в Прибрежном (рис.136: 16,17) [Felczak O., 1983, гус.8: l,m]. Структура орнаментальных традиций близка той, что сформировалась в Прибрежном, хотя есть и небольшие отличия, выразившиеся в большей степени распространенности вертикальных отрисков шнура, что, как считается, указывает уже на более позднюю фазу, чем в Прибрежном [Felczak O., 1983, s.67, гус.7: f,g]. Впрочем, это можно считать и локальными особенностями.

Среди находок обнаружены также фрагменты сосудов, форма и орнамент которых типичны для КВК [Felczak O., 1983, s.67, гус.9]. В керамике, относящейся к основному слою памятника, в особенности в орнаментике, отмечается большая доля элементов, которые соотносятся с КША и культурами лесной зоны.

Близкой к характеризующему материалу можно отнести керамику со стоянки Пененжно, расположенной в 32 км от юго-восточной оконечности Вислинского залива. Поселение находится на расстоянии 1,5 км от г. Пененжно, в низменной части долины реки Валши, севернее её правого берега. Исследованная площадь – 27,5 м². В основном, выявлены многочисленные фрагменты керамики. Посуда хорошо обожжена, в тесте

примесь дресвы. Отдельные сосуды имели в верхней части ушки, иногда орнаментированные оттисками шнура.

Почти все найденные здесь сосуды имеют признаки, обнаруживаемые в керамике поселения Прибрежное [Łowiński G., 1987, s.165-175, гус.7-9]. Представлены, в основном, широкогорлые сосуды хозяйственного назначения, совершенно идентичные по форме широкогорлым горшкам групп 1-4 в Прибрежном (рис.135). Причём один из сосудов, видимо, относится к широкогорлым горшкам группы 7 с прямыми стенками и слабо выраженной шейкой (рис.135: 4). Декор на сосудах представляет одну с Прибрежным традицию – обращенные вершиной вниз треугольники различных видов и полуовалы [Łowiński G., 1987, гус.8-9]. Не обнаружено ни одной формы посуды и орнамента, связанных с собственно КШК или «северной» кубковой зоной, хотя, если брать материалы из Прибрежного, то здесь совпадают даже мелкие детали. Заметная близость проявляется среди изделий из камня и янтаря [Łowiński G., 1987, гус.6]. Миниатюрные топорик и долотовидное орудие повторяют форму аналогичных предметов из Прибрежного. Сходством обладает редкая для западной группы приморской культуры янтарная подвеска вытянуто-продолговатой формы [Łowiński G., 1987, гус.6: 3].

В северо-западной части Вислинских Жулав известна стоянка Недведжувка, которую ранее всегда причисляли к приморской культуре [Mazugowski R.F., 1984, p.5-60].

В Недведжувке исследовано 748 м² площади поселения. Выявлено 1445 фрагментов керамики, которая, в основном, представлена широкогорлыми горшками, горшками средних размеров, мисками в виде полусферы, типичных для вышеописанных поселений (рис.144: 1-5). Имеется и фрагмент амфоры с ушком, который составляет с амфорами поселения Прибрежное один тип. Кроме того, в состав керамического комплекса поселения входят миски овальной формы. Свообразием отличаются лишь широкие миски, имеющие отогнутый венчик (рис.144: 8). В тесте сосудов выявлена в большом количестве дресва, черепок рыхлый. Из орнаментов встречались изредка ряды ямок округлой формы, сочетания наколов и горизонтальных оттисков шнура и, в одном случае, «бисер», образующий полуовалы (рис.144: 1-5). У исследователей памятника вызывало удивление полное отсутствие в инвентаре кубков приморской культуры, которые на соседних поселениях так многочисленны и разнообразны. Не меньшее удивление вызывала слабая степень орнаментированности посуды, что не характерно для приморской культуры. Набор янтарных изделий, в основном, соответствует формам, известным в КША [Mazugowski R.F., 1987, s.94-101, гус.8-10]. Наличествуют округлой и овальной формы пуговицы, диски с отверстием в центре, пронизи, пластины прямоугольной формы с отверстиями для крепления. Кроме того, обнаружено множество янтаря-сырца и отходов производства. Тёсла трапецевидной формы с закругленным обухом, овальные в сечении (рис.145: 1,2). Они аналогичны тем, что распространены в Прибрежном [Mazugowski R.F., 1987, гус.21: 1-2].

В Недведжувке не обнаружено следов жилых сооружений и иных объектов, свойственных долговременным поселениям [Mazugowski R.F., 1984, p.35]. Опасность наводнения в зимне-весенний период исключала возможность возникновения постоянных поселений в этой местности. Основным занятием той группы населения, что оставила после себя памятник, был сбор янтаря с целью обмена (обменивался янтарь-сырец, но не готовые украшения). Причём, Недведжувка не единственное поселение на Жулавах. Имеется достаточно сведений о существовании ещё нескольких стоянок подобного рода в этой местности.

Охарактеризованные здесь материалы из Недведжувки по ряду показателей принадлежат одной с поселением Прибрежное культурной традиции и с учётом некоторых особенностей (слабая орнаментация, большое количество минеральной примеси) соответствуют его последней фазе существования.

Аналогичные характеристики имеют материалы с поселения в Свенты-Камень, расположенного на юго-восточном побережье Вислинского залива (рис.134: 1-18; 137: 1-3,6,7,12). Поселение открыто в 1919 году Б. Эрлихом, раскопки производились в 1921-1922 и 1924 годах. Следов построек не обнаружено, но были выявлены очаги, обложенные камнями и хозяйственные ямы.

Формы и пропорции горшков, элементы орнамента в Свенты-Камень подобны тем, что найдены в Реве, Пененжно и Прибрежном [Ehrlich B., 1923, Abb.4-7; Kilian L., 1955, Abb.138; Gaerte W., 1927, Abb.85, 87,179,198]. Можно отметить большую долю ямочных орнаментов [Ehrlich B., 1923, Abb.3,4,7,8]. Орнаментальные мотивы шнурового типа повторяют основные схемы орнамента с поселения Прибрежное. Здесь преобладают треугольники, полуовалы, усовидные и волнообразные оттиски шнура [Ehrlich B., 1923, Abb.5: d,e,f, Abb.6: a-d, Abb.7: a,f,g; Gaerte W., 1927, Abb.179]. Много сочетаний горизонтальных оттисков шнура и разновидностей прямоугольного штампа, зафиксирована определённая доля «бисерного» орнамента [Ehrlich B., 1923, Abb.4, 5; Kilian L., 1955, Abb.138]. Широкогорлые горшки явно тех же форм, что и в Прибрежном. Украшены они соответственно. Можно отметить специфические для Прибрежного миски с загнутым внутрь венчиком (группа 3 в Прибрежном) [Ehrlich B., 1923, Abb. 5: a]. Особенно обращают на себя внимание фрагменты амфор с ушками С-образной формы, украшенные треугольниками и горизонтальными оттисками шнура (рис.134: 1-18) [Ehrlich B., 1923, Abb. 7: b,f,g]. Они обладают очевидным сходством с амфорами из Прибрежного групп 1-3 с овальной формой горловины. Формы кубков отличаются слабой профилированностью венчика, который практически прямой, тем самым, напоминая аналогичный тип посуды из Прибрежного [Kilian L., 1955, Abb.33]. Своеобразной чертой некоторых кубков является наличие в верхней части тулова плоских ушек. Возможно, эти сосуды более поздние, чем основная часть материалов [Kilian L., 1955, Abb.29,80]. Неглубокие миски с ушками тоже относятся к более позднему этапу. Однако, основная часть инвентаря по аналогии с материалами поселения Прибрежное достаточно ранняя. Как и в предыдущих случаях, связи с собственно КШК в Свенты-Камень выражены слабо.

Не слишком далеко в культурном отношении отстоят керамические материалы поселения Толкмицко (рис.137: 4,5,8,9,11,13). Поселение Толкмицко было открыто Г. Берендтом ещё в 1919 году. С 1935 по 1937 годы поселение исследовалось Б. Эрлихом. Были выявлены остатки 3-х построек с двухрядной конструкцией стен, удлинённой формы. В культурном слое и на уровне материка обнаружены три безинвентарных погребения (ориентированы по направлению юго-восток – северо-запад) и два отдельных черепа (более подробных сведений не сохранилось). Найдено большое количество топоров трапецевидной формы, в том числе миниатюрных, шлифовальные плиты, растиратели, грузила, множество фрагментов керамики. Широкогорлые горшки по своим основным характеристикам находят параллели среди характеризуемых здесь материалов. Орнаментальные традиции, выраженные, прежде всего, в шнуровых узорах, составленных полуовалами, вертикальными оттисками шнура, волной, сближаются с орнаментальными композициями поселения Прибрежное и ряда упомянутых здесь памятников [Berendt G., 1875, Fig.4; Gaerte W., 1927, Abb.79,99,101]. Как и в предыдущих случаях, ямочные орнаменты особенно многочисленны, широкой популярностью пользовались сочетания горизонтальных оттисков шнура и ямок или наколов. Отличительной чертой памятника является наличие незначительной доли нарезных орнаментов, которыми украшались кубки, видимо, имеющие воронковидную форму тулова и прямой венчик [Gaerte W., 1927, Abb.114]. Известен происходящий с поселения Толкмицко фрагмент широкогорлого горшка, декорированного налепным валиком [Gaerte W., 1927, Abb.121]. Эти элементы характерны для раннего комплекса КШК (рис.137: 10).

Из новых находок, происходящих с территории Юго-Восточной Прибалтики, отметим материалы поселений Ушаково (Бранденбург) и Крылово (Норденбург) (рис.146-148; приложения 2-3). Немногочисленные в количественном отношении, эти находки, однако, полностью соответствуют материалам поселения Прибрежное. В Ушаково, расположенном всего в семи километрах южнее, представлены одного типа с Прибрежным широкогорлые горшки и горшки средних размеров, с примесью в тесте дресвы. Украшены они в той же манере, что и в Прибрежном. Комплекс дополняют миски овальной формы. В Крылово выявлены аналогичные формы посуды – широкогорлые горшки группы 4, с примесью в тесте дресвы. В орнаментации можно отметить явное влияние КША, что выразилось в штампах в виде столбиков, а также перемежающихся горизонтальных и вертикальных оттисков шнура (рис.146).

Сведения о керамических материалах из случайно обнаруженных в довоенное время памятников, весьма отрывистые. Опубликованные или только упоминаемые фрагменты керамики с поселений в Кёнигсберге (Шлосс-Казерне) и Светлом (Циммербуде), в целом, аналогичны гончарным традициям в Прибрежном (рис.127: 6,7; приложение 2) [Kilian L., 1955, Abb.177]. Прежде всего, упоминаются такие характерные типы посуды, как широкогорлые горшки открытого типа, орнаментированные треугольниками или рядами прямоугольных штампов, глубокие миски и сосуды удлинённой или овальной формы [Kilian L., 1955, S.242]. Как и в Прибрежном, большой процент посуды орнаментирован узорами, составленными столбиками (прямоугольный штамп) [Kilian L., 1955, s.242].

На Куршской косе, где кроме поселения Нида, регулярных раскопок не проводилось, ближайшие аналогии отыскиваются в материалах поселения Гробшто-Рагас. Овальной формы миска с высокими стенками, как и широкогорлый горшок, наибольшие аналогии имеют среди посуды поселения Прибрежное (рис.128: 1,2; приложения 1-2). Существуют и другие находки из довоенных сборов на Куршской косе, которые близки материалам Прибрежное. К ним относятся фрагмент керамики, орнаментированный оттисками шнура в виде волны из Морского (Пилькоппен), фрагменты широкогорлых горшков групп 1–3, украшенные штампами-столбиками, перемежающимися горизонтальными оттисками шнура, заштрихованными треугольниками и ямками, фрагменты амфор с ушками (рис.128: 5-11; приложение 2). Эти находки, возможно, указывают на существование здесь чистых комплексов, подобных поселению Прибрежное, ныне погребённых под толщей песка.

Можно предположить, что все перечисленные здесь культурные комплексы отражают единую линию развития. Многие принципиальные особенности в орнаментике, формах посуды, изделиях из камня указывают на очевидную генетическую связь между данными памятниками. Естественно, каждый памятник в отдельности имеет специфические черты, которые свойственны только ему, но это не исключает наличие общих и определяющих элементов, позволяющих объединить их в одну родственную группу. Развитие основных форм посуды, орнаментальных традиций, изделий из камня и янтаря, видимо, происходило приблизительно в одном направлении.

Выделяются следующие основополагающие черты характеризующей группы:

1. Жилые структуры представлены постройками однорядной или двухрядной столбовой конструкции удлинённой формы, с прямыми или закругленными углами. Пол может быть заглубленным. Кроме центрального ряда столбов для поддержания двускатной или четырёхскатной кровли, могли использоваться ещё два дополнительных внутренних ряда столбов, которые служили опорой для поперечных балок.

2. Керамический комплекс наиболее специфичен. Посуда отличается плавной профилировкой тулова, слабо отогнутым коротким венчиком, небольшим по размерам дном. На многих сосудах имелись различной формы ушки. В тесте преобладает примесь мелко толчёного кварца. Реже встречается примесь песка. Оригинальный облик

керамическому комплексу придают амфоры с овальной формой горловины, что нигде более не встречается, миски разнообразных форм, включая несколько разновидностей глубоких мисок, а также миски воронковидной, овальной и удлинённой формы, кубки с почти прямым венчиком и воронковидным туловом, красиво украшенные сосуды кубкообразной формы и горшки средних размеров. Основной частью комплекса являются широкогорлые горшки открытого типа (не менее десяти разновидностей) – массивные, крупных размеров толстостенные сосуды с открытым горлом и относительно маленьким днищем. Важной особенностью является незначительное количество кубков относительно остальных типов посуды.

3. Орнамент обычно наносился лишь на верхнюю часть сосуда и состоял из несложных композиций, основой которых чаще всего служили горизонтальные оттиски шнура в сочетании с треугольниками, обращенными вершиной вниз, полуovalами, волной, вертикальными, усовидными и подковообразными оттисками шнура. «Бисерные» орнаменты в основе своей имитируют схемы и мотивы шнуровой орнаментации. На ряде поселений велика доля орнаментов, составленных рядами ямок. Значительную долю составляют штампы из столбиков. Нарезной и прочерченный способы орнаментации получили широкое развитие только на последней стадии.

4. Кремнёвые наконечники стрел треугольной формы с вогнутым или прямым основанием. Вероятно, использовались формы, заимствованные из нарвской или цедмарской культур. Скребки, стамески и скобели отличаются полированными лезвиями. В целом, кремнёвая индустрия развита намного слабее, чем костяная и роговая. Каменные топоры и тёсла преимущественно трапециевидной формы с зауженным обухом. Широко распространены миниатюрные топоры.

5. В основной набор янтарных изделий входят округлые или овальные пуговицы с V-образным отверстием, подвески продолговатой формы, линзовидные диски с отверстием в центре и пронизи.

Очевидно явное культурное родство охарактеризованных здесь поселенческих структур и, одновременно, общие специфические особенности материалов, полученных с них, затрагивающие не отдельные категории археологических источников, но все основные элементы. Это даёт основания постулировать существование в прибрежной зоне Юго-Восточной Прибалтики обособленной группы поселений, которой имеет смысл дать название вальдбургской (по одноимённому поселению, в наибольшей степени изученному).

В восточной части области интересный материал, относящийся к КШК, получен в довоенное время при раскопках поселений Цедмар А и Цедмар Д генералом К. Штади. Ряд менее известных памятников, материалы которых оказались утерянными в годы войны, был обнаружен случайно. Фиксировались новые объекты в ходе земляных работ, в результате чего культурные слои успевали разрушиться прежде, чем на них обращали внимание серьёзные исследователи. В научном плане наибольшее значение имели раскопки поселений КШК в 1970–1980-х гг. руководителем Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения ИА РАН (ныне – Институт истории материальной культуры РАН) В.И. Тимофеевым (приложение 2). Особенно следует отметить открытие и раскопки В.И. Тимофеевым чистого комплекса КШК Тушино в Краснознаменском районе (приложение 2). Новые исследования позволили выявить в местной КШК целый ряд особенностей, дающих основание для включения этих древностей в особую культурную группу. Имеются основания полагать, что указанные памятники, в определённой степени, сформировались и под воздействием памятников вальдбургского круга.

Керамические материалы поселения Тушино сходны по основным характеристикам с аналогичными находками КШК с поселений Цедмар А и Утиное Болото. Очевидная

близость указывает на культурное родство этих памятников. Специфическим признаком, выделяющим шнуровую керамику с этих памятников, является простейший шнуровой орнамент из горизонтальных оттисков шнура. В основном, сосуды представлены кубками с выпуклыми или почти прямыми стенками. Венчик прямой или отогнут наружу. Шейка обычно очень короткая или вообще не выражена. Даже состав примесей в тесте приблизительно одинаков.

Подобного рода памятники не ограничиваются пределами Калининградской области. В Мазурском Поозёрье, на поселении цедмарской культуры Дудка В. Гуминским были выделены аналогичные материалы [Gumiński W., 1997, p.93-103]. Дудка представляет собой остров, расположенный в центре обширного торфяника. Предполагается, что он использовался в качестве сезонного рыбачьего лагеря населением цедмарской культуры. Шнуровая керамика появляется на последнем этапе существования поселения и характеризуется заметно выраженной однородностью. Набор посуды, в основном, состоит из кубков с отогнутым наружу венчиком и слабо выраженной короткой шейкой [Gumiński W., 1997, fig.3-4]. Орнамент однообразен и представлен, по большей части, горизонтальными отпечатками шнура (рис.133, А). У некоторых кубков венчик, как и в Тушино, украшен с внутренней стороны. Реже встречается орнамент из ямок, иногда в сочетании с горизонтальными оттисками шнура (рис.133, А: 7,9,12). Фрагменты с нарезным орнаментом и валиковыми зашипами единичны. Отдельные сосуды имели специфический для цедмарской культуры воротниковый декор по краю венчика [Gumiński W., 1997, fig.5: a-d]. Судя по сохранившимся днищам, кубки были достаточно широкие относительно диаметра венчика (рис.133, А: 11). В тесте сосудов примесь дресвы или песка с незначительным количеством органики. Кремнёвый инвентарь связан с кругом КШК. Обнаружен наконечник стрелы треугольной формы с выемкой. Выявлено в центре острова и погребение, относимое к КШК [Gumiński W., 1997, p.98, fig.6].

В верхних слоях стоянок неманской культуры на юго-восточной границе Мазурского края в Сосне и Вожне-Весь найдены только фрагменты шнуровых кубков и нескольких амфор [Sulgostowska S., 1997, p.174-177]. В Сосне обнаружены фрагменты от 9 кубков и амфор, в Вожне-Весь были выявлены фрагменты от нескольких кубков (рис.133, В). Вся керамика здесь тонкостенная, орнамент представлен горизонтальными оттисками шнура, хотя, в отличие от северных районов, встречаются отдельные кубки, украшенные нарезной ёлочкой [Sulgostowska S., 1997, p.174-177, fig.2]. Последние имеют иной профиль (рис.133, В: 1,5). Примечательно, что некоторые кубки орнаментировались шнуром, образующим полукруглые фигуры, подобно некоторым цедмарским шнуровым сосудам [Sulgostowska S., 1997, fig.2: m,n]. Кубки, орнаментированные шнуром, с широким туловом и отогнутым или прямым венчиком. Шейка очень короткая.

Слои КШК расположены здесь на месте стоянок неманской культуры. Однако основные характеристики материалов КШК соответствуют по большинству показателей древностям КШК с Цедмара, Утиное Болото и Дудка.

Важным свидетельством в пользу существования отдельной от приморской культуры группы в пределах Калининградской области является недавнее открытие в Исаково (пригород Калининграда) материалов, совпадающих в культурном отношении с древностями восточных районов Калининградской области. Фрагменты керамики, выявленные на этой стоянке, совершенно аналогичны находкам с Цедмара А и Утиное Болото (рис.124: 6,8).

В Южной Литве ряд памятников КШК характеризуется приблизительно такими же особенностями, как и памятники характеризуемой группы. Особенно следует отметить такой регион, как Занеманье, где сосуды с наклепным валиком не получили распространения [Grinevičūtė G., 2000, s.113-114]. На поселении Шакес зафиксированы фрагменты

слабопрофилированных кубков с отогнутым наружу венчиком, орнаментированные рядами оттисков шнура и ямками различной формы [Rimantienė R., 1992, pav.12]. Поверхность у некоторых сосудов со следами расчёсов. Противоположную характеристику имеют памятники КШК с правобережья Немана, где встречаются сосуды с налепами [Grinevičūtė G., 2000, s.114-115].

По мнению В.И. Тимофеева, материалы КШК внутренних районов Калининградской области и Мазурского края своеобразны и достаточно однородны, чтобы напрямую связывать их с приморской культурой, тем самым, высказывая мнение в пользу отнесения этих древностей к особой культурной группе [Тимофеев В.И., 2003а, с.133].

По поводу культурной интерпретации памятников КШК Мазурского края, включая цедмарские, существуют и противоположные точки зрения. Предполагается, что данные материалы относятся к краткосрочным сезонным стоянкам приморской культуры или даже отражают всего лишь контакты между группами населения приморской культуры и местными сообществами, выразившиеся в, основном, только в обмене. В любом из этих случаев территория Мазурского края, а возможно, и Южной Литвы, оказывается в сфере влияния приморской культуры [Sulgostowska S., 1997, p.175].

Находки керамики, совершенно аналогичные материалам из Прибрежного в Крылово (Норденбург), расположенного поблизости от Цедмара, указывают на продвижение в восточном направлении отдельных групп населения, связанного с кругом вальдбургских древностей (рис.146). Ряд материалов, родственных тем, что выявлены в Прибрежном, обнаружены в довоенное время К. Штади на Цедмаре А [Gaerte W., 1927]. Состав находок серьёзно отличается от тех, что получены современными исследованиями, когда были найдены, в основном, слабопрофилированные формы кубков. Овальной формы миска и горшок открытого типа группы 1 – слишком специфическая часть инвентаря поселения Прибрежное, чтобы считать это случайностью. В связи с этим следует поставить вопрос о прямом участии групп населения с побережья в формировании культурного образования на востоке современной Калининградской области. Полуовалы и усовидные оттиски шнура наиболее распространены в Прибрежном, но встречаются и на кубках из Цедмара А и Утиное Болото (рис.42: 4; рис.46: 2; рис.130, А: 2, В: 19) [Тимофеев В.И., 2003а, рис.2: 12; рис.4: 9]. Большинство S-видных кубков в Прибрежном, как и в мазурской группе, слабопрофилированные, имеют короткую шейку (рис.43,44). Кубки группы 1 вообще могут быть лишены шейки (рис.39-42). Некоторые кубки имеют выпуклое тулово и приземистые очертания (рис.46). Отличает эти кубки, в основном, наличие выступов на доньшке (рис.47). Очень важная черта, сближающая столь различные, на первый взгляд, комплексы, – почти полное отсутствие в декоре налепных валиков и ёлочки.

Глава IV

Хронология и периодизация памятников вальдбургского типа и культуры шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике

На сегодняшний день для Прибрежного получено 18 радиоуглеродных дат, 12 из которых связано с существованием долговременного поселения, относящегося, по принятой в Прибалтике периодизации, к концу среднего – началу позднего неолита. Для западной группы приморской культуры радиоуглеродные даты получены лишь с поселений Жуцево и Ослонино (табл.18). В Литве радиоуглеродным методом датировано большинство известных памятников приморской культуры (табл.13-17).

Мощность культурного слоя, большие массы керамического материала, немалое число разнообразных жилых и хозяйственных объектов, безусловно, указывают на достаточно продолжительное время функционирования поселения Прибрежное. По крайней мере, по аналогии с некоторыми другими поселенческими структурами на побережье, длительность существования памятника может измеряться не одним столетием. Учитывая особенности размещения построек относительно друг друга, основные характеристики материалов, выявленных внутри сооружений, а также радиоуглеродные даты, следует предполагать наличие отдельных этапов в существовании поселения.

Северный пологий участок холма, возможно, использовался для заселения в более ранний период представителями круга культур неолита лесной зоны, которые могли основать здесь небольшую стоянку. Фрагменты пористой керамики (всего 32 экз.) изредка встречаются в нижних горизонтах наряду с многочисленной керамикой с примесью дресвы. Не выявлено ни одного объекта, где обнаруживалась бы только пористая керамика. Однако из очага № 6, в заполнении которого кроме древесного угля, ничего не удалось зафиксировать, была получена очень ранняя для побережья Юго-Восточной Прибалтики дата – 5690 ± 70 BP, 4540 ± 90 calBC, Ki-9950. Вблизи очага найдено несколько фрагментов пористой керамики. Дата соответствует началу цедмарской культуры в Калининградской области и раннему этапу нарвской культуры в Западной Литве (табл.7,9) [Тимофеев В.И., 2004, с.40-41, табл.IV.13; Римантене Р.К., 2004, с.156].

Пористая керамика в Прибрежном неоднородна. Одни фрагменты имеют только растительную примесь, в других выявлена толчёная раковина. Три фрагмента, кроме растительной, имеют минеральную примесь. Скорее всего, местность, где располагается поселение Прибрежное, удобная для рыбной ловли и охоты на морского зверя, посещалась эпизодически с середины V до середины IV тыс. до н. э. Пористая керамика встречается крайне редко и обнаруживается чаще всего ближе к берегу.

Керамика, происходящая из круга культур неолита лесной зоны, обнаруживалась на многих поселениях приморской культуры. Типичная для нарвской культуры пористая керамика выявлена в Юодкранте и Ниде на Куршской косе. В Ниде стоянка нарвской культуры предшествовала поселению приморской культуры, сообщества которой предпочитали основывать свои посёлки в тех же удобных для проживания местах [Rimantienė R., 1989, s.87-90].

Начало существования в Прибрежном долговременного поселения с постройками стационарного характера по калиброванным датам приходится на 3300-3250 BC (табл.5; рис.165).

Очевидно, уровень воды на тот период был не столь высоким, чтобы представлять опасность для построек. Хотя жилища в Прибрежном имели столбовую конструкцию, заглубленность основной части построек не давала возможности проживать в условиях опасности подтопления. При более высоком уровне стояния вод функционирование подобного рода построек следует считать маловероятным. В периоды трансгрессивных фаз на Балтике в наиболее низких местах могли существовать только свайные постройки.

Долговременное освоение человеком побережья продолжительное время находилось в тесной зависимости от спадов и подъёмов уровня воды на Балтике. В настоящее время в Восточной Балтике установлена их последовательность. В Юго-Восточной Прибалтике в промежутке между 7100 и 2000 л.н. выделяются несколько трансгрессий и регрессий: трансгрессия: 7100-6900 л.н., регрессия: 6900, трансгрессия: 6500-6300, регрессия: 6300-5900, трансгрессия: 5900-5600, регрессия: 5600-5000, трансгрессия: 5000-4700, регрессия: 4700-4400, трансгрессия: 4300-4000, регрессия: 4000-3600, трансгрессия: 3600-3000, регрессия: 3000-3100, трансгрессия: 3100-1950 л.н. Максимального уровня, на 3–4 м выше современного, Литориновое море достигло около 6000 л.н. [Блажчишин А.И., 1998, с.30]. Скорее всего, первый этап существования посёлка, основанного новым населением, относится к регрессивной фазе, которая фиксируется в Восточной Прибалтике в пределах 4700–4400 гг. до н.э. (по некалиброванным датам с поселений Литвы) (табл.9). В это время в Швянтойи поселения нарвской культуры находились на западном берегу лагуны вблизи моря [Римантене Р.К., 2004, с.157-158]. С поселения Швянтойи 1В происходят даты 4640 ± 60 BP, 3570-3342 calBC, LJ-2528; 4470 ± 40 BP, 3332-3032 calBC, IGA1-12; 4400 ± 90 BP, 3296-2910 calBC, TA-247, которые соответствуют полученным в Прибрежном. В середине III тыс. до н. э. повышение уровня воды вынудило население в Швянтойи переселиться на более высокий восточный берег. Поселение Швянтойи 23 датируется уже временем 4190 ± 80 BP, 2884-2622 calBC, Vib-1.

Необходимо подчеркнуть, что в Прибрежном образцы при отборе для радиоуглеродного анализа никогда не смешивали, даже если они были получены из одного комплекса. Это, прежде всего, касается радиоуглеродных дат жилищ 2 и 3. Уголь здесь брался всегда с нижнего уровня, но из разных частей построек. Уголь из очага жилища 4 был разделён на две части.

Большинство радиоуглеродных дат, относящихся к основному археологическому комплексу в Прибрежном, оказались близки друг другу и, видимо, маркируют один и тот же первый этап существования посёлка, длившийся с 3300 по 3000 calBC (табл.5; рис.165).

Жилища 2, 3 и 5 отличаются приблизительно одинаковой конструкцией и ориентировкой относительно сторон света. Ширина и длина жилищ 2, 3 и 5 также совпадают. В среднем, жилища заглублены в материк до 0,50 м (рис.6,8,9,11,15). Серия дат из жилища 2 - 4670 ± 160 BP, 3380 ± 220 calBC, Le-7035; 4470 ± 60 BP, 3170 ± 130 calBC, Ki-11352 и жилища 3 - 4530 ± 60 BP, 3220 ± 110 calBC, Ki-11351; 4410 ± 80 BP, 3120 ± 150 calBC, Le-6218, в целом, хорошо согласуются между собой (табл.5). Очевидно, постройки существовали примерно в одно время. Ещё одна дата жилища 2 относится к более позднему периоду – 4220 ± 40 BP, 2810 ± 80 calBC, Le-6217, хотя и происходит с нижнего уровня жилища. Выше заполнения жилищ 2, 3 и 5 скопился мусор, образовавшийся здесь уже после функционирования построек. Он представлен, в значительной степени, мелкими разрозненными фрагментами шнуровой керамики, которых насчитывается обычно не более 2–4-х десятков над каждым из жилищ. Керамика относится к тем же типам, что и фрагменты посуды на нижнем уровне. Разница состоит лишь в соотношении видов орнамента. От нижнего уровня их отделяет практически стерильная прослойка.

Скорее всего, в нижнюю часть заполнения котлована попал уголь с верхнего уровня. К жилищу 3 также относится дата, разница которой с остальными видится чрезмерной – 4880 ± 130 BP, 3670 ± 160 calBC, Ле-7036 (табл.5). Это единственная дата, которая не удовлетворяет критерию одновременности. Даты жилищ 4 и 6 принадлежат основной серии дат с памятника. Жилище 4 имеет две даты из очага – 4570 ± 60 BP, 3280 ± 140 calBC, Ki-10581; 4510 ± 60 BP, 3210 ± 110 calBC, Ki-9948, которые близки между собой. Фрагмент кости с нижнего уровня жилища 6 показал одинаковую с жилищем 4 дату – 4570 ± 60 BP, 3280 ± 140 calBC, Ki-9949 (табл.5).

Две даты, полученные из очага № 8, – 4505 ± 60 BP, 3200 ± 110 calBC, Ki-10580 и 4430 ± 60 BP, 3120 ± 150 calBC, Ki-9947 стоят в одном ряду с предыдущими.

Конструктивные особенности жилища 6, которое раскопано, по независящим от нас обстоятельствам, лишь частично, наиболее соответствуют внутреннему устройству построек 1 и 4, которые, скорее всего, имели однорядные стены (рис.4,13). Ширина этих сооружений превышает ширину жилищ 2, 3 и 5 с двухрядной конструкцией стен. Ориентированы постройки 1 и 4 одинаково в направлении юго-запад – северо-восток (рис.18). Сооружения 2, 3 и 5 размещались под другим углом в сторону залива. Они заглублены в материк гораздо сильнее, чем жилища 1 и 4, глубина которых в материке не превышала 0,30 м. Однако при сравнении материалов из всех этих жилищ обнаруживается много общего (табл.4; рис.177-182).

В культурном отношении, материалы, выявленные на нижнем уровне жилищ 2-6, а также в межжилищном пространстве, полностью соответствуют друг другу (рис.121, табл.4). Прежде всего, выделяются многочисленные формы широкогорлых горшков (рис.121: 10, 15-19). Из них преобладают широкогорлые горшки групп 1, 4 и 8. Кроме того, широкое хождение получили горшки воронковидной формы группы 6 и горшки группы 7 с более прямыми стенками (рис.72). Кубки с воронковидным туловом и коротким венчиком принадлежат группе 1, которая в Прибрежном представлена наиболее многочисленно (среди остальных групп кубков) (рис.121: 2-4). Амфоры отличаются овальной формой горловины и воронковидной формой тулова (рис.121: 5-7). На первом этапе получили развитие сосуды кубкообразной формы, часто красиво украшенные и горшки средних размеров, иногда орнаментированы в стиле, характерном для КША (рис.121: 8-9, 11-12). Глубокие миски – ещё одна характерная черта керамического комплекса первого этапа (рис.121: 13). В это же время распространяются миски овальной формы, заимствованные из нарвской культуры (рис.121: 14).

Орнаментировались сосуды предельно просто – горизонтальными отпечатками шнура, полуовалами, волной, рядами ямочных вдавлений, отпечатками ногтей, сочетаниями горизонтальных отпечатков шнура и мелких ямок (рис.174-181). Широко встречаются и штампы в виде столбиков (рис.121: 4, 10, 11; 185). Изредка применяются более усложнённые орнаментальные схемы. Например, в жилище 2 одна из мисок орнаментирована многозональным орнаментом (рис.121: 13). Немалая доля посуды вообще не орнаментировалась (47 %) (рис.173).

На первом этапе распространяются отпечатки шнура в виде треугольников (рис.176). Сомнительно, чтобы все фрагменты, украшенные подобным образом, проникли в нижний ярус жилищ с верхнего уровня. В жилищах 2 и 5 в нижнем ярусе выявлены не только фрагменты, но и развалы сосудов, декор которых составляли треугольники (рис.121: 6; рис.178,181). Каменный инвентарь представлен трапециевидной формы топориками и тёслами с овальным сечением (рис.121: 20-21). В ассортимент изделий из камня входят шлифовальные камни, как правило, с вогнутой поверхностью, которые изготовлены из красно-коричневого песчаника (рис.14В: 2). Из других каменных изделий выделяются растиратели различных конфигураций (рис.7: 14; 16: 12). Миниатюрные кремнёвые топоры тоже следует относить к первому этапу (рис.22А).

Янтарные украшения первого этапа представлены продолговатой и трапециевидной формы подвесками с прямым или слегка закругленным основанием, круглыми пуговицами с V-образным отверстием, линзовидными дисками с отверстием в центре (рис.121: 22-25).

Между первым и вторым этапами на поселении явно не существовало заметного разрыва, хотя жилища 2, 3, и 5 прекратили своё существование после очередного пожара, уничтожившего, видимо, большую часть функционирующих построек. Скопление керамического материала в верхнем уровне жилищ и, частично, на пространстве севернее жилищ 2–6 также можно гипотетически отнести, с учётом стратиграфической ситуации, ко второму этапу жизни на поселении. Рукоять тесла из очага № 9 имела радиоуглеродную дату 4290 ± 110 BP, 2910 ± 180 calBC, Ле-7034. Очаг № 9 стратиграфически размещался выше очага № 8 и жилища 2. Уголь из жилища 2, который показал дату 4220 ± 40 BP, 2810 ± 80 calBC, Ле-6217, скорее всего, проник с верхнего уровня (табл.5). Второй этап, таким образом, мог продолжаться в пределах 3000–2800/2700 calBC.

На втором этапе увеличивается количество разновидностей мисок. Свообразием отличаются воронковидные миски (рис.122: 4,5,10). Среди глубоких мисок в большей степени распространяются сосуды с вогнутым внутрь краем венчика (группа 4) (рис.122: 6,7). Что касается кубков, то здесь появляются формы с S-видной формой венчика и более плавной профилировкой тулова (группа 3) (рис.122: 2,3). Распространяются редкие для первого этапа кубки чашеобразной формы, относящиеся к группе 4 (рис.122: 1). Продолжают существование амфоры с овальной формой венчика (рис.122: 9). По-прежнему, в численном отношении преобладают разновидности широкогорлых горшков открытого типа, хотя на втором этапе они чаще орнаментировались, чем на предыдущем этапе (рис.122: 13-15, 17-20). Кубки могли украшаться оттисками шнура в виде треугольников, полуovalов (рис.122: 3).

В целом, орнамент отличается увеличением доли треугольников, оттиснутых шнуром (рис.174-179). Кроме них, превалируют всё те же полуovalы, вертикальные и усювидные оттиски шнура, волна, разновидности ямчатых вдавлений, «бисерный» способ орнаментации (рис.122). Как и на первом этапе, остаются штампы в виде столбиков (рис.122: 16). Но встречаются редкие виды орнамента, например, оттиски шнура в виде креста, перевёрнутых полуovalов (рис.38,80).

Среди изделий из камня следует выделить топорики с почти прямоугольным сечением (рис.122: 21). Характерная черта янтарных изделий на втором этапе развития – вогнутость основания у продолговатой формы подвесок (рис.122: 24-25). Сюда же можно отнести находку остроovalной пуговицы с линзовидным сечением (рис.29: 17).

По-видимому, большая часть построек, относящаяся ко второму этапу жизни посёлка, располагалась на более высокой части холма, уничтоженной при строительстве очистных сооружений в 1970-х годах. Предположительно, жилище 1 тоже могло относиться к этому периоду, так как здесь выявлено большое число фрагментов, орнаментированных треугольниками (рис.122: 28). Впрочем, они могли попасть сюда и с верхнего уровня.

Второй этап завершается, видимо, не позднее 2700 calBC. Начало КШК в Восточной Прибалтике относят к 2900-2800 calBC, что связывается с продвижением на восток новых групп населения. Вопрос дальнейшего существования поселения можно разрешить, видимо, исходя из этих, скорее всего, катастрофических для местного населения событий.

Существование третьего этапа можно только предполагать. Пока не имеется ни одной даты, относящейся к данному этапу, что может указывать на короткий промежуток времени, который соотносится с третьим этапом. Однако было зафиксиро-

вано несколько развалов сосудов и фрагменты керамики, залегающие гораздо выше основных объектов на поселении. Можно предполагать, что жизнь на поселении ещё продолжалась, хотя её интенсивность резко упала, а затем, спустя некоторое время, прекратилась полностью.

Для третьего этапа в наибольшей степени характерны широкогорлые горшки вытянутой формы (группа 3), глубокие миски с прямым или вогнутым внутрь венчиком и массивным доньшком, незначительные по размерам амфоры с овальной формой горловины (рис.123). В тесте сосудов содержится слишком много минеральной примеси, что нашло отражение в высокой степени рыхлости черепка. Редкие фрагменты кубков украшены простым орнаментом в виде одного ряда ямок (рис.123: 2). В орнаментике преобладают треугольники и горизонтальные линии, оттиснутые шнуром, встречаются многозональные композиции, остаётся «бисерный» орнамент, хотя, в целом, количество неорнаментированной посуды увеличивается (рис.123,184-186).

Конструкция построек, видимо, упрощается. Они становятся наземного типа и прямоугольной формы, имеют совершенно незначительную ширину. Следы такой конструкции были выявлены в верхнем уровне, юго-восточнее жилища 4 (рис.123: 12).

Непосредственно под дерновым слоем изредка встречаются фрагменты хрупчатой керамики, относящиеся к раннему железному веку, а также римскому времени (рис.116). Стратиграфически они не вычленились из основного культурного слоя. Незначительная глубина, на которой начинается слой с основными материалами, стала причиной частичного смешения разновременных материалов. Местами в основной культурный слой проникли намного более поздние объекты в виде следов столбов или отдельных хозяйственных ям. Верхняя часть слоя, приблизительно в тех же местах, где выше залежали разрозненные находки хрупчатой керамики, буквально испещрена следами от мелких столбиков, которые относятся к позднему времени. Гораздо реже хрупчатая керамика проникает на уровень, где начинает встречаться в больших масштабах шнуровая керамика. Всего зарегистрировано два случая находок небольшого количества хрупчатой керамики среди ранних по времени материалов (рис.116). Все эти находки находились не глубже среднего уровня. На большей глубине поздние материалы никогда не фиксировались.

Территория, где расположено поселение Прибрежное, неоднократно посещалось в позднем бронзовом и раннем железном веках (табл.6). Так, уголь с верхнего уровня жилища 5 имел радиоуглеродную дату 2400 ± 70 BP, 570 ± 140 calBC, Ле-6692. Уголь из ямы № 3, прорезавшей основной культурный слой, датировался временем 2805 ± 30 BP, 950 ± 40 calBC, Ле-8014.

Встретившийся вблизи жилища 1 сосуд с хрупчатой поверхностью, по всем показателям следует связывать с римским временем (рис.116: 1). Уголь, выявленный рядом (средний уровень жилища 1), показал дату 1970 ± 90 BP, 20 ± 110 calAD, Ле-6691. К эпохе римского влияния относятся ещё два объекта, обнаруженные в поддерновом слое. Это очаги, один из которых датируется временем 1890 ± 160 BP, 110 ± 190 calAD Ле-6216. Приблизительно к тому же времени относится глубокая яма неправильной формы, прорезавшая основной культурный слой в районе жилища 4 (рис.13). Дата угля из этого объекта – 1825 ± 80 BP, 200 ± 100 calAD, Ле-6690.

Поселение римского времени имело, вероятно, сезонный характер, и не оставило после себя мощного культурного слоя. В противном случае, с учётом песчаного грунта, основной культурный слой оказался бы серьёзно повреждённым.

Время существования жилищ 2, 3, 4 и 6, относящихся к первому этапу развития поселения, выглядит чрезмерно ранним. По крайней мере, для современных представлений о начале КШК в Европе. В Куявии в Центральной Польше обнаружен один из самых ранних в Европе погребальных комплексов КШК, который датируется временем

4395 ± 70 BP, некалибр., Bln-1812 [Koško A., 1999, p.207, fig.4]. Близкие даты имеют погребения КШК на юго-востоке Польши – Средня 1 и Вершица 1 [Włodarczak P., 2001, p.104]. Но все эти погребения редки и разбросаны на большой площади.

В Швейцарии наиболее ранние материалы, связанные с КШК, датированы дендрохронологическим методом в пределах 2719-2709 лет до н.э. [Furcholt M., 2003, Taf.149]. В Дании в культуре одиночных погребений наиболее ранние радиоуглеродные даты обычно не выходят за пределы 2900–2800 calBC [Furcholt M., 2003, s.141]. В Мекленбурге в той же культуре приблизительно подобная ситуация [Furcholt M., 2003, s.142]. В Средней Германии время существования КШК радиоуглеродным методом определяется в рамках 2900–2100/2000 calBC [Müller J., 2001, s.65, Abb.17].

В Швейцарии, Дании и Мекленбурге, ранние материалы, в основном, соответствуют А-горизонту с его хорошо известным набором признаков. В целом, ранняя фаза КШК в Европе калиброванными датами определяется периодом 2900–2800 BC. Лишь в Юго-Восточной и Центральной Польше несколько погребений датированы временем около 3000–2800 calBC [Włodarczak P., 2001, p.104-105; Koško A., 1999, p.207].

В приморской культуре серии радиоуглеродных дат имеются далеко не для каждого крупного поселения. Мало того, эти даты явно подразделяются на две группы, маркируя не только определённые этапы существования памятников, но и, возможно, различные культурные образования. Так, в Жуцево три радиоуглеродные даты (в наличии их всего четыре) совершенно совпадают с датами из Прибрежного, в основном, оставаясь в пределах 3300–3000 calBC (табл.18) [Król D., 1991, p.75]. Для ранней фазы КШК они выглядят слишком ранними и противоречат общераспространённым представлениям о начале КШК в Европе. Четвёртая дата, гораздо более поздняя – 3810 ± 40 BP, 2330-2190 calBC, Ki-5951, действительно соответствует КШК [Szmyt M., 1999, ann. 2, p.276].

В Ниде две даты 4630 ± 120 BP, Vs-321 и 4620 ± 120 BP, Vs-631 связываются исследователями ещё с нарвской культурой, хотя уголь взят из очага, где нарвская керамика отсутствовала (табл.13) [Rimantienė R., 1989, s.175-176]. Начало поселения КШК в Ниде Р. Римантене первоначально соотносила с датой 4460 ± 110 BP, 3360-2920 calBC, Vs-632 (табл.13) [Rimantienė R., 1989, s.176; Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A., 2002, p.28]. В дальнейших публикациях чаще стала фигурировать заметно более поздняя дата – 4070 ± 50 BP, 2830-2500 calBC, Bln-2592, что соответствует основным датам КШК в Северной и Центральной Европе и классическому этапу приморской культуры (представлены разнообразной формы кубки, позднего типа амфоры, глубокие миски, бочковидной формы горшки, миски удлинённой формы, воронкообразные горшки для хранения запасов; получили распространение шнуровые орнаменты, представленные, в том числе, заштрихованными треугольниками, защитные валики) (рис.141В; 156) [Римантене Р.К., 1981, с. 37]. Дата 4460 ± 110 BP вновь отсылает нас к сериям радиоуглеродных дат из Прибрежного (табл.13).

С поселения Шарняле в Западной Литве происходят две даты, которые опять разнятся между собой (табл.15). Материалы из Шарняле на основании даты 4260 ± 90 BP, 2970-2700 calBC, Vs-318 причисляют к раннему этапу КШК, хотя они отличаются заметным своеобразием [Butrimas A., 1986, s.174-191]. Одновременно здесь имеются фрагменты кубков, типичных для КШК в Прибалтике (орнаментированные нарезной ёлочкой или оттисками шнура, покрывающие сосуд сверху донизу), которым могла соответствовать дата 4040 ± 50 BP, 2610-2472 calBC, Le-1787 (рис.152: 13-14).

Остальные даты, происходящие с поселений приморской культуры, ничем не выделяются на фоне большинства дат КШК в Европе. При этом материалы с данных памятников вполне вписываются в общую картину развития КШК в Прибалтике. Комплекс КШК в Швянтойи 1А, где элементы А-горизонта наиболее выражены (А-топор и А-амфора, кубки с S-видной профилировкой, горшки с валиками для хра-

нения запасов; среди орнаментов предпочтение отдавалось простым оттискам шнура совместно с ямками, нарезной ёлочке, «бисеру»), калиброванными датами определяется временем около 2880-2498 лет до н.э. (рис.141, А; 158; 161) [Rimantienė R., 1997, s.183]. Что показательно, здесь не зафиксированы миски удлинённой или овальной формы, хотя памятник размещается на побережье. Этот тип посуды всегда считался наиболее специфичной частью инвентаря приморской культуры.

Две даты с поселения Дактаришке в Западной Литве аналогичны вышеперечисленным датам из Швянтойи 1А: 4150 ± 50 ВР, 2870-2618 calBC, Ле-4450 и 4020 ± 100 ВР, 2830-2460 calBC, Vs-813 (табл.16). Керамика поселения, принадлежащая в основе своей кругу КШК, несёт в себе следы влияния нарвской культуры [Butrimas A., 1982, с.38-39].

Даты, полученные с поселения Ослонино, расположенного в нескольких километрах от Жуцево, в основном, относятся к тому же ряду радиоуглеродных датировок, маркирующих как начало КШК на побережье, так и дальнейшее развитие приморской культуры (табл.18). Впрочем, тот незначительный по объёму материал, что был опубликован, производит впечатление смешанного, чему причём большинство дат остаются в пределах 2500-1970 calBC (рис.154).

Поздние даты также получены с поселения Швянтойи 9 – 3540 ± 60 ВР, 1940-1770 calBC, Ki-7617; 3490 ± 60 ВР, 1880-1700 calBC, Ki-7618 и Шакес в Южной Литве – 3680 ± 350 ВР, 2570-1620 calBC, Ле-3709. К позднему этапу принадлежит и поселение Гайгалине в Западной Литве [Rimantienė R., 1992a, s.304]. Эти памятники относятся уже к последней фазе существования приморской культуры, когда при украшении посуды предпочтение отдавалось нарезному (ёлочка и «паркетные» узоры) и накольчатому орнаментам, отпечаткам в виде «колючей проволоки». Количество сосудов, декорированных налепами, а также орнаментированных отпечатками шнура, сокращается (рис.155). Получают распространение топоры поздних типов. В дальнейшем традиция орнаментировать посуду полностью прекращается и распространяется штриховка по поверхности сосудов. Подобного рода посуда происходит с поселения бронзового века Жямеи Канюкай вблизи Каунаса, с которого получена дата – 3540 ± 90 ВР, 2010-1540 calBC, Vs-324 (табл.17).

Исходя из указанных выше дат, можно предполагать, что первое появление племён КШК в Прибалтике происходит не ранее 2900/2800 calBC (табл.13-18). Более ранние даты, полученные из Жуцево, Ниды, Шарняле, приблизительно относятся к одному промежутку времени – 3300-2900 calBC, полностью совпадая с серией дат из Прибрежного. Противоречиям хронологического порядка соответствует двойственный характер археологических материалов, полученный с этих поселений, о чём подробно будет сказано ниже.

Основная проблема для Прибрежного заключается не только в том, что здесь выделяются даты более ранние, чем в целом по Европе в КШК. В Прибрежном практически отсутствует основной для приморской культуры керамический комплекс, представленный сосудами с валиками, кубками вытянутой или слегка приземистой формы с S-видным венчиком, украшенные бороздками, нарезной ёлочкой, т.н. «паркетным» орнаментом и т. д., не говоря уже об округлых амфорах тюрингского типа или их производных (рис.157-158). Необходимо подчеркнуть, что подобного рода посуда встречается во многих КШК в Центральной и Северной Европе на раннем и последующих этапах. В Прибалтике и не только на некоторых поселениях КШК такие типы посуды, как сосуды с валиками, доживают в местных культурных образованиях до начала раннего бронзового века.

Широкогорлые горшки разнообразных форм, весьма оригинальной формы амфоры, глубокие, воронковидные и овальной формы миски, кубки воронковидной формы с

почти полным отсутствием шейки составляют основу керамического комплекса поселения Прибрежное (Вальдбург), который, что совершенно очевидно, никогда не мог возникнуть в недрах КШК (табл.1-2). Так как ранее часть этого керамического комплекса обнаруживалась и на некоторых поселениях приморской культуры, её автоматически причисляли к керамическому комплексу этого известного культурного образования. Показательно, что в Прибрежном не выявлено сверлёных топоров вообще. Обитатели посёлка предпочитали топоры и тёсла трапециевидной формы, овальные в сечении (рис.21-24). Набор изделий из янтаря тоже своеобразен (рис.31). Украшения из янтаря такого облика встречаются на поселенческих комплексах нарвской культуры. В приморской культуре в период расцвета имеются совершенно другие формы, например, пуговицы с сегментовидным сечением, ладьевидные и овальные пуговицы и т.д.

Единственное, что, казалось бы, связывает два различных комплекса – это шнуровой орнамент и, прежде всего, орнамент в виде треугольников. Орнаменты в виде сочетаний горизонтальных оттисков шнура и треугольников – достаточно распространённая орнаментальная схема в ряде КШК, но уже в период расцвета. В КШК из Швейцарии сосуды, орнаментированные таким образом, датируются с помощью дендрохронологического метода в пределах 2625–2570 до н.э. [Winiger J., 1993, Abb.10]. Аналогичная ситуация нам известна в Средней Германии [Dresely V., Müller J., 2001, s.313]. В КШК на юго-востоке Польши данный орнамент сопровождает посуду, происходящую из комплексов фазы ШВ [Włodarczak P., 2006]. При рассмотрении остальных видов орнамента на поселении вновь, казалось бы, возникают противоречия. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие нарезного или процарапанного орнамента. Не выявлены сосуды, орнаментированные по всей поверхности. В приморской культуре на позднем этапе подобного рода элементы – обычное явление. В Осломино, Ниде, Жуцево, Швянтойи 1А нарезной орнамент является одним из самых распространённых, что сопровождается серией сравнительно поздних дат.

Необходимо подчеркнуть, что треугольники, оттиснутые шнуром, кроме КШК, встречаются на посуде и в более ранних культурах, в частности, в КВК (Хельминская земля) [Kukawka S., 1991, tabl.XXV: 8]. Этот вид орнамента засвидетельствован в КША, где он, пусть и спорадически, также известен [Kempisty E., 1971, гус.31].

Глава V

Вопросы формирования памятников вальдбургского типа и культуры шнуровой керамики в Юго-Восточной Прибалтике

Прослеженные выше черты самобытности, присущие древностям вальдбургского типа, с учётом их раннего происхождения, со всей очевидностью указывают на возможные противоречия в наших представлениях о начальных этапах в развитии КШК Юго-Восточной Прибалтики.

В Прибрежном и других памятниках вальдбургского круга отсутствует целый ряд важнейших компонентов инвентаря приморской культуры. Данная проблема затрагивает вопросы, связанные с наличием на территории Юго-Восточной Прибалтики материалов, имеющих отношение к т.н. общеевропейскому горизонту КШК и решающему значению последнего в формировании приморских древностей.

Начало представлениям о существовании наиболее раннего этапа в развитии КШК в Европе, предшествовавшего возникновению местных культурных образований, было положено П.В. Глобом. В 1945 г. им была опубликована специальная работа, посвящённая культуре одиночных погребений в Дании [Glob P.V., 1945]. Среди отдельных типов каменных ладьевидных топоров, обнаруживаемых в захоронениях, исследователь выделил особый тип А, который по стратиграфическим наблюдениям оказывался наиболее ранней формой и принадлежал начальным периодам развития культуры. П.В. Глоб подметил и другую закономерность – А-топоры не являются производными только культуры одиночных погребений, встречаясь на обширной территории Европы от Голландии до Восточной Европы, в районах существования иных КШК. Имея общеевропейское распространение, данный тип топоров мог соответствовать этапу первоначального распространения шнуровой керамики, в которой ещё не произошло деление на отдельные культуры с многочисленными местными особенностями. Аналогичным образом П.В. Глоб выделяет наиболее ранний тип среди кубков. А-кубки обладали более вытянутыми и стройными очертаниями [Glob P.V., 1945, s.64-66, Fig.29]. В-кубки, будучи относительно моложе (с этим можно спорить), имели приземистые формы (диаметр устья примерно соответствовал высоте) [Glob P.V., 1945, s.66-67, Fig.33-35]. Идеи П.В. Глоба нашли поддержку в работах К. Струве, который придал им более стройную форму и ввёл в научный оборот само понятие «общеевропейского горизонта» [Struve K., 1955, s.98-117]. Помимо Ютландии К. Струве установлены ещё две области с высокой плотностью распространения А-топоров – Восточная Пруссия и Швейцария. Во всех трёх областях А-топорам сопутствуют простые кубки, орнаментированные шнуром (А-кубки) и так называемые амфоры тюрингского типа или А-амфоры («Strichbündelamphore»). Комбинация находок, представленных А-топором, А-кубком и А-амфорой составляют основной инвентарь общеевропейского горизонта шнуровой керамики [Strachm C., 1971, s.128].

Позднее теория общеевропейского горизонта разрабатывалась М. Бухвальдеком [Buchvaldek M., 1986, s.130-151]. При сравнительном анализе А-амфор на территории Европы исследователем подчёркивалось их типологическое родство независимо от расстояния, которое разделяло данный тип находок, обосновывая тем самым теорию общеевропейского горизонта [Buchvaldek M., 1986, s.142-146]. Кроме вышеназванных предметов, в набор инвентаря общеевропейского горизонта были включены горшки для хранения запасов, декорированные налепным валиком (Wulstringtöpfe). Признаёт-

ся приоритет во времени всех названных выше предметов, хотя в некоторых областях элементы общеевропейского горизонта собирались на протяжении долгого времени [Buchvaldek M., 1986, s.149]. От этой структуры, для которой характерен также специфический погребальный обряд, могли со временем образоваться местные группы шнуровой керамики.

Период развития КШК, характеризуемый как общеевропейский горизонт, по мнению М. Бухвальдека был довольно коротким, но в Юго-Западной Германии, Швейцарии, Прибалтике производство основных известных нам из общеевропейского горизонта типов вещей и их вариантов продолжалось ещё долгое время [Buchvaldek M., 1980, s.398].

Достоверность теории общеевропейского горизонта иногда полностью принимается на веру, а в иных случаях признаётся в качестве наиболее удобной, но не всегда последовательной гипотезы. С большой долей осторожности эти идеи воспринимаются Х. Штрамом, отметившим ряд возможных несоответствий [Strahm C., 1971, s.127-132]. В частности, указывается на редкое сочетание всех элементов общеевропейского горизонта в одном погребальном или поселенческом комплексе. Одновременно подчёркивается, что эти элементы, встречаясь во многих районах распространения КШК, никак не могли появиться в результате конвергенции, будучи слишком специфического облика.

Ближих взглядов придерживается Р. Римантиене [Rimantienė R., 1996a, s.219-221]. Общеевропейский горизонт рассматривается в большей степени как приемлемая модель, так как не было, возможно, даже узкого промежутка времени, когда на такой огромной территории распространения употреблялись только упоминавшиеся типы изделий. В то же время черты общеевропейского горизонта присутствовали по всей этой территории, хотя и не везде в полном объёме. Изделия А-горизонта распространялись новыми группами населения, хотя их количество не могло быть слишком большим [Rimantienė R., Česnys G., 1996, p.48-53].

Более категорично подходит к проблеме общеевропейского горизонта С.С. Березанская [Березанская С.С., 1971, с.36-49]. Для территории Восточной Европы, где в большинстве КШК обнаружены только разрозненные элементы общеевропейского горизонта, причём в единичных экземплярах (они могли попасть сюда в результате культурного обмена), его существование ставится под сомнение.

Данное утверждение видится совершенно справедливым, так как специфического облика материалы, которые относят к общеевропейскому горизонту, за редким исключением, широко встречаются лишь в Центральной и Северной Европе, а также в Прибалтике.

В отличие от А-амфор, которые встречались в Центральной Германии и Чехии среди погребального инвентаря, аналогичные сосуды в Юго-Восточной Прибалтике обнаруживаются в основном на поселениях. Размеры их, соответственно, более значительные, хотя и не всегда (наиболее крупные А-амфоры найдены в Швейцарии) (рис.157: 5). Прежде всего, А-амфоры известны с поселений Жуцево и Сухач [Kilian L., 1955, s.15-16, Abb.1-4; Żurek J., 1954, s.4, tabl.3a,3b,4a,4b]. Находки их здесь – довольно обычное явление (рис.139: 5; 161: 2-5). В Ниде обнаружены только незначительные фрагменты этих изделий [Rimantienė R., 1989, s.90-92, pav.45]. Один фрагмент подобной амфоры происходит с другого поселения КШК на Куршской косе, но точное местонахождение этой находки неизвестно [Gaerte W., 1927, Abb.218]. Фрагменты амфор с соседнего поселения Рыбачий орнаментированы приблизительно в том же стиле, но они, скорее всего, более поздние (рис.128: 3,4). Одна А-амфора небольших размеров зафиксирована в Швянтойи 1А (рис.157: 1) [Rimantienė R., 1980, s.61, pav.50]. Амфора из Стелау в Неманском районе была выявлена в торфяном болоте (рис.127: 5).

А-амфоры (*Strichbündelamfore*) из Восточной Пруссии мало чем отличаются от аналогичных форм в Латвии, Мекленбурге, Дании, Голландии и Швейцарии (A1a, A1b, A2 по М. Бухвальдеку) [Buchvaldek M., 1986, s.142; Hardmeyer B., 1992, Abb.2; Jacobs J., 1991, s.28-29; Simonsen J., 1986, p.135-151, Fig.14; Drenth E., Lanting A.E., 1990, p.44; Loze I., 1996, fig.1]. Это шарообразные или слегка конусообразные изделия, орнаментированные вертикально спускающимися вниз линиями, по сторонам ограниченные ямками или наколами (161: 1-5). На изгибе амфоры украшены горизонтальными рядами линий или точек. Венчик с наклепом орнаментирован ямками. Иногда на переломе горизонтальные линии отсутствуют, как в случае с амфорой из Стелау. В иных случаях вертикальные линии могли быть косыми.

Декорированные наклепными валиками сосуды распространены в Юго-Восточной Прибалтике на тех же поселениях (рис.158). Они многочисленны и продолжают встречаться на более поздних этапах приморской культуры шнуровой керамики (рис.139: 8,9,12,13; 141В: 8,11,12; 149А: 1,6,7). В целом, горшки с наклепными валиками с прибрежных поселений ничем особенным не отличаются от аналогичных форм в Швейцарии или Мекленбурге [Hardmeyer B., 1992, Abb.2; Jacobs J., 1992, s.18].

Совпадают в общих чертах границы распространения S-видных кубков, орнаментированных простыми шнуровыми оттисками в сочетании с ямками или наколами, бороздками, ёлочкой (рис.157: 6,7). По-видимому, они необязательно должны были быть вытянутой формы. На многих памятниках, в том числе и за пределами Прибалтики, встречаются более приземистые экземпляры с довольно широким туловом. К ранним типам можно относить близкие по форме кубки с воронковидной шейкой, украшенные бороздками, распространённые от Швейцарии до Прибалтики (рис.157: 6) [Furcholt M., 2003, Taf.150: 2,5; Koško A., 1999, p.207, fig.4: 1; Rimantienė R., 1980, pav.43]. Поселение Покровское в Калининградской области также содержит типичные для культуры шнуровой керамики материалы, которые представлены, прежде всего, сосудами с наклепными валиками и S-видными кубками, орнаментированными нарезной ёлочкой, аналогии с которыми обнаруживаются не только в Прибалтике, но и в Центральной и Северной Европе (приложение 2; рис.126).

Ладьевидные топоры типа А и их производные многочисленны в Юго-Восточной Прибалтике (рис.143,А). Их, как ни странно, особенно много обнаружено (случайным образом) во внутренних областях (рис.159, 160) [Froelich G., 1935]. Единственный А-топор выявлен в Швянтойи 1А (рис.157: 8) [Rimantienė R., 1997, s.181-182, Abb.2]. В Литве обнаружено более 140 различных ладьевидных топоров, и большинство находок тяготеет к западным областям, до середины бассейна Немана и Дубиссы. Дегенерировавшие формы дожили до начала эпохи ранней бронзы.

Таким образом, в материалах приморской культуры представлены в достаточном количестве производные от ранней фазы КШК и они совершенно аналогичны находкам из Швейцарии, Северной Германии, Ютландии и многих других областей.

Значительность степени концентрации этих находок в прилегающих к побережью районах отмечалась во многих исследованиях, затрагивающих проблемы ранних этапов КШК в Европе [Buchvaldek M., 1986, s.146; Machnik J., 1997, p.128; Rimantienė R., 1996a, s.218].

Разделяя мнение о наличии генетической связи между древностями ранней фазы КШК в Центральной и Северной Европе и аналогичными элементами в приморской культуре, нам следует признать их практически полное отсутствие в Прибрежном (табл.1 и 2).

Кроме перечисленных выше более или менее чистых комплексов, материалы вальдбургского облика встречаются (во фрагментированном состоянии) на основных поселениях приморской культуры Нида, Сухач и Жуцево (рис.138, 140, 143, 151).

Эти находки в своё время были включены в состав инвентаря приморской культуры, хотя и признавались наиболее специфическими [Ehrlich B., 1936; Rimantienė R., 1989; Machnik J., 1979, s. 376, гус.227: 3,4; гус.226: 4; Król D., 2003, гус.2]. Существование в приморской культуре этих форм посуды и орнамента обычно связывалось с влиянием КША или нарвской культуры [Jankowska D., 2001, s.97; Szmyt M., 2001, гус.12].

Безусловно, на поселениях Нида, Сухач и Жуцево выявляется целый комплекс общих с вальдбургскими соответствий в керамическом материале. Но он ограничен, в основном, широкогорлыми горшками с ушками подковообразной формы, отдельными формами слабопрофилированных кубков, некоторыми разновидностями глубоких мисок и сосудов средних размеров (на этих поселениях подобного рода материалы встречаются во фрагментированном состоянии, причём, по сравнению с поселением Прибрежное, выявляется лишь ограниченное число форм) (рис.138,140). В орнаментации, конечно, тоже имеется ряд общих мотивов, таких, как обращённые вершиной вниз треугольники, волна, горизонтальные и вертикальные ряды ямок и наколов различной конфигурации (рис.138,140). Среди изделий из камня общими формами являются трапециевидные топорики и тёсла овального сечения (рис.143: 1-3,6,9) [Rimantienė R., 1989, pav.31-33]. Но этим сходство и исчерпывается. Отличительной особенностью данных культурных комплексов является господство форм посуды и орнамента, связанных своим происхождением с западными или юго-западными импульсами (рис.139: 1-6,8-10, 12-13; 141В: 1-8,11-12). Предположительно, преобладающий в материалах поселений Жуцево, Сухач и Нида керамический комплекс (А-амфоры на поселениях Сухач и Жуцево, горшки с налепным валиком, кубки S-видной формы), является отражением процессов, основой которых мог послужить приток нового населения, связанного своим происхождением с ранней фазой КШК в Средней и Северной Европе (рис.149). С другой стороны, часть материалов, совершенно аналогичных находкам из Прибрежного, возможно, происходит из более раннего периода. Этому соответствует, как уже указывалось выше, и ряд дат с поселений Жуцево и Нида, аналогичных полученным в Прибрежном [Rimantienė R., 1989, s.176; Król D., 1991, p.75]. Возможно, эти даты относятся к начальному этапу заселения. С этим периодом могут быть связаны некоторые типы широкогорлых горшков, украшенных ямками, сочетаниями горизонтальных оттисков шнура и столбиков, глубокие миски, горшки средних размеров и отдельные фрагменты амфор, у которых слабо выражена шейка (у них могла быть овальная форма устья) (рис.140: 2-5,7,9-13; 151). Сходная картина наблюдается в материалах поселения Сухач, где встречаются широкогорлые горшки, орнаментированные волной, полуовалами, «стропиловидными» узорами, рядами ямок и наколов, отдельные формы глубоких мисок, орнаментированных рядами ямок (рис.138: 6-13,17-23).

На поздненеолитическом поселении Шарняле в Западной Литве, возможно, также выявляются две традиции, одна из которых поздняя и связана с КШК, другая предположительно родственна вальдбургской. В керамическом комплексе из Шарняле выделяется целый ряд сосудов, аналогичных вальдбургским горшкам средних размеров (рис.152: 1-12; 153). Сходство проявляется как в формах посуды, так и в орнаменте, который, в основном, представлен простыми оттисками шнура или округлой формы ямками [Butrimas A., 1986, s.185-187]. Как и в Прибрежном, в тесте сосудов присутствует большое количество дресвы, что не характерно для КШК раннего этапа, к которому относят поселение. Мало того, кремнёвая индустрия совершенно не выражена. Вместо него присутствуют изделия из рога и кости, что для КШК нетипично. Радиоуглеродные даты с памятника, как уже упоминалось выше, соответствуют двойственности материалов (табл.15).

В приморской культуре существует целый ряд проблем, связанных, в конечном счёте, с незначительным числом поселений с чистыми комплексами и малым количеством чётко

стратифицированных памятников. Расположение большинства поселений на дюнных всхолмлениях с песчаным грунтом, очевидно, могло способствовать частичному смешению материалов. Если учитывать эту особенность, становятся понятными причины необычайного разнообразия типов посуды в Ниде, Сухач и Жуцево. Это разнообразие на самом деле частично объясняется принадлежностью их не только к различным периодам существования поселений, но и к отдельным культурным образованиям.

По всей вероятности, некоторые из форм инвентаря предшествующего периода проникли в приморскую культуру и продолжали бытовать на последующем этапе (широкогорлые горшки, орнаментированные заштрихованными или обычными треугольниками или перемежающимися горизонтальными оттисками шнура и ямками; глубокие миски, орнаментированные треугольниками; некоторые формы слабопрофилированных кубков). И в этом случае причиной возникновения особого керамического комплекса на ряде классических поселений приморской культуры стало население, оставившее памятники вальдбургского типа.

В районах, где размещаются памятники вальдбургского круга, ладьевидные топоры встречаются наиболее редко (рис.159-160). Отдельные экземпляры могли попасть сюда в результате меновой торговли или путём проникновения мелких групп населения, происхождением связанного с ранней фазой КШК. Особенно много ладьевидных топоров находят в Понеманье и вдоль берегов более мелких рек внутренней части Калининградской области (рис.159-160). Очевидно, что группы населения КШК могли проникать в эти районы, используя реки. В регионах, где получили распространение памятники вальдбургского типа, в основном, предпочитали использовать топоры трапециевидной формы.

Причины, определившие своеобразие культурного развития памятников вальдбургского типа, естественно, требуют объяснения. Все полученные с нижнего уровня жилищ даты (поселение Прибрежное) оказались слишком ранними даже для начальной стадии КШК в Центральной и Северной Европе. Специфические особенности домостроительства, каменного инвентаря, изделий из янтаря, выделенных форм сосудов и орнамента в Прибрежном и ряде родственных ему культурных комплексов однозначно свидетельствуют о невозможности напрямую связывать их с КШК.

Совершенно иная картина возникает при рассмотрении материалов местных неолитических культур, развитие которых началось задолго до появления КШК в Европе. Более того, необходимо подчеркнуть, что наиболее важные черты исследуемого культурного образования несут на себе следы воздействия культурных традиций, ведущих своё начало из нарвской и цедмарской культур, культур шаровидных амфор и воронковидных кубков. Степень участия этих культур в становлении памятников вальдбургского типа различна.

Культура шаровидных амфор. Безусловно, некоторые особенности орнаментации и, в меньшей степени, форм посуды исследованного памятника и других подобных ему образований находят ряд параллелей в культуре шаровидных амфор.

Ближайшими к памятникам вальдбургского типа группами КША являются мазурско-вармийская и мазовецко-любельская (Северо-Восточная Польша). Мазурско-вармийская группа отличается тем, что среди форм орнаментации большую долю составляют оттиски шнура (рис.162: 2,7,9,10,12). Немалая часть посуды полностью лишена орнаментации. Эти особенности присущи и памятникам вальдбургского круга.

Собственно, простейшая шнуровая орнаментация в виде горизонтальных оттисков шнура или сочетаний оттисков шнура и штампа в виде столбиков получает распространение в КША в области Куявия (здесь обнаружены одни из самых ранних памятников КША) уже в фазе IIА [Szymt M., 1996, s.34]. Причём орнамент в виде оттисков шнура

составляет не более 10% от всех орнаментов. Остальные орнаментальные схемы и способы орнаментации здесь иного характера (исключая штампы в виде столбиков, о которых будет идти речь ниже).

Необходимо остановиться на таком распространённом виде орнамента на памятниках вальдбургского типа, как сочетание горизонтальных оттисков шнура и полуovalов. Композиции из полуovalов в том упрощённом виде, который обнаруживается в Прибрежном и ему подобных памятниках, в КША известны, в основном, с территории Северо-Восточной Польши (это наиболее близкий к Калининградской области регион) и Украины (рис.162: 2,7,9,12) [La Baume W., 1943, Taf.2: c; 5: e; Свешников И.К., 1983, табл.7: 1,7; табл.10: 6; табл.11: 7]. Спорадически орнаментация полуovalами проявляется в КША вплоть до Румынии. Но только здесь получены радиоуглеродные даты из погребений КША, в которых имелись сосуды, украшенные оттисками шнура в виде полуovalов [Mihăilescu-Bîrliba V., Szmyt M., 2003, fig.6: 4, fig.6: 4, fig.7: 5, fig.10:14, p.94,101]. Некоторые даты очень ранние [Mihăilescu-Bîrliba V., Szmyt M., 2003, tabl.1]. Погребение в Пятра-Нямц датируется 4140 ± 60 BP, некалибр., Ki-10653, для погребения 2 в Долхешти-Мари имеются 2 даты: 4560 ± 60 BP, некалибр., Ki-10652 и 4590 ± 60 , некалибр., Ki-10658. Этот пример показывает, по крайней мере, что полуovalы, оттиснутые шнуром, появляются в КША приблизительно на том же этапе, что и в Прибрежном. Причём орнамент в виде полуovalов из Прибрежного стилизован в той же манере, что и большинство остальных шнуровых композиций на поселении, где использовались горизонтальные оттиски шнура с расположенными ниже треугольниками, волной, вертикальными, усовидными и подковообразными оттисками шнура (рис.117). Перечисленные виды орнамента применялась в КША при украшении посуды на обширной территории, но более редко (исключая полуovalы), без образования заметных серий. На памятниках вальдбургского типа эти орнаментальные схемы являются основными и, следовательно, широкое развитие получили только здесь, являясь одной из главных особенностей характеризующих памятников.

Кроме полуovalов в КША известна также орнаментация горизонтальными оттисками шнура, которые пересекаются вертикальными. На посуде с поселений вальдбургского типа подобный орнамент встречается, хотя и редко (рис.90: 3; 147).

Очевидно, связаны своим происхождением с КША орнаментальные композиции, представленные рядами столбиков, образующих горизонтальные и ломаные линии (рис.119: 18-26; 121: 1; 128: 7,9; 137: 11). Иногда это просто отдельные ряды мелких столбиков, опоясывающих верхнюю часть сосуда (рис.140: 7). Штампы в виде столбиков в КША получили широчайшее распространение (рис.162: 14). В Прибрежном подобные мотивы орнамента применялись более редко. Здесь изредка встречается орнаментация смешанного типа, состоящая из прямоугольных штампов, образующих зигзаг и горизонтальных оттисков шнура. Причём в двух случаях зигзаг из прямоугольных штампов размещается вертикально, разделяя горизонтальные оттиски шнура на определённые промежутки, как это было принято в КША в Мазовии и Подлясье (рис.90: 2) [Kempisty E., 1971, t.1, s.12, fig. 3].

Общим с КША элементом является «бисерный» орнамент, который на поселениях вальдбургского типа использовался довольно часто. На посуде КША с территории Мазовии и Подлясья орнаментальные композиции, составленные «бисером», включают в себя простые горизонтальные линии, иногда в сочетании с прямоугольным штампом или волной, и полуovalы [Antoniewicz W., 1938, fig. 12, 16, 17].

Хотя в КША встречаются близкие виды орнамента, в данной культуре, даже в мазурско-вармийской группе, непосредственно граничащей с районом, где располагаются памятники вальдбургского типа, применялись многие другие виды и способы орнаментации, совершенно неизвестные на исследуемой территории.

Основной набор посуды в КША далёк от образцов с памятников вальдбургского типа. Многочисленные, разнообразных классов амфоры КША отличаются коренным образом (рис.162: 1-7) [Nosek S., 1967, tabl.I-VIII; Wisłański T, 1966, zest.1-2]. Широкогорлые горшки, как и горшки средних размеров, а также кубки имеют лишь отдалённое сходство (рис.162: 8-13,16) [Jaskanis D., 1970, fig.1, s.136; Nosek S., 1967, tabl.XI-XIII]. Лишь глубокие миски находят отдельные соответствия в древностях КША (рис.98-103). С полным основанием с влияниями КША можно связывать сосуд полусферической формы, условно относимый к широкогорлым горшкам группы 9, который декорирован штампом в виде столбиков (рис.83: 4). Вполне вероятно, что такая форма с прямым венчиком и резко изогнутым в сторону днища туловом может иметь прототипы в КША.

Остальные формы посуды характеризуемых в работе поселений не находят точных аналогий среди материалов КША.

Набор изделий из янтаря имеет лишь частичное сходство. Общими являются округлой формы пуговицы с V-образным отверстием и диски линзовидного сечения [Mazugowski R.F., 1983, tab.5; Nosek S., 1967, tabl.XIX]. В Куявии (Центральная Польша) в КША пуговицы с V-образным отверстием появляются в фазах IIb-IIIa. Погребальные комплексы, где были обнаружены эти украшения, датируются 3000–2900 calBC [Szymt M., 1999, s.56]. Широко известные в КША пронизи большого распространения на памятниках вальдбургского круга не получили. Вместо них предпочитали пользоваться продолговатыми подвесками с вогнутым основанием.

Топоры тех типов, что получили хождение в КША, в Прибрежном и ему подобных памятниках не засвидетельствованы [Nosek S., 1967, tabl.XVII]. Сверлёные топоры в КША встречаются редко, а на памятниках вальдбургского типа вообще не использовались.

Нарвская и цедмарская культуры. Влияние данных культур, возможно, выразилось не только в заимствовании методов ведения хозяйства в прибрежных водах и рыболовного инвентаря. Очевидные связи с традициями нарвской культуры прослеживаются в специфических для Прибрежного и ему подобных памятников мисках овальной формы (рис.106-111) [Rimantienė R., 1979, pav.112, s.133]. Набор янтарных изделий полностью соответствует нарвским образцам (рис.29).

В регионе неолит, прежде всего, представлен цедмарской культурой, поселения которой известны на востоке Калининградской области, что не исключает их существования гораздо западнее, вблизи побережья. До сих пор встречались только поселения временного характера. Южнее территории, занимаемой цедмарской культурой, получили распространение культуры совершенно иного круга, население которых практиковало земледелие и скотоводство. На стоянках Цедмарского торфяника и, в особенности, на стоянке Дудка в Северо-Западной Польше зафиксированы следы непосредственного проникновения отдельных групп населения КВК [Gumiński W., 1997, p.178-179, fig.3]. Не исключено воздействие и лендельской культуры. В таких условиях, контактируя, пусть даже эпизодически, с носителями производящего хозяйства, племена цедмарской культуры не могли не заимствовать ряд новшеств, которые у своих северных соседей – в нарвской культуре, распространяются намного позднее. Предположительно, благодаря близкому соседству центральноевропейских культур, на территории Северо-Восточной Пруссии производящие формы хозяйства могли в зачаточном состоянии появиться достаточно рано. Обилие землекопных костяных орудий в цедмарской культуре, наличие пыльцы злаковых культур, зафиксированной в отложениях позднеатлантического периода, указывают на возможное существование примитивного земледелия [Тимофеев В.И., 1981, с.119]. Самые первые находки пыльцы культурных злаков на Цедмаре связаны с голоценовым максимумом дуба и осадками конца атлантической регрессии. Радиоуглеродными датировками этот период опреде-

ляется около 5,1 тыс. л. н. [Левковская Г.М., Тимофеев В.И., 2004, с.103]. Однако, охота, рыболовство и собирательство оставались основой хозяйства местного населения.

Хотелось бы подчеркнуть, что в отличие от нарвской культуры, в цедмарской культуре очень рано стали изготавливать сосуды с плоским дном (рис.164В: 1,2). Гораздо раньше стали использовать и минеральную примесь в сосудах. Преобладание примеси, представленной, в основном, дресвой, в керамике из поселений вальдбургского круга заставляет нас отнестись к данному факту с большим вниманием, так как в ранней фазе КШК при изготовлении сосудов обычно использовался шамот. Особого внимания заслуживают плоскодонные горшки открытого типа в цедмарской культуре [Тимофеев В.И., 1998, с.277, рис.3: в; Gumiński W., 2001, гус.2: а,е,ф,ж,к,л,п]. Специфической особенностью таких сосудов является незначительное по размерам дно с плавным переходом к широкому и массивному тулову (рис.164В: 1,2). Не исключено, что широкогорлые сосуды цедмарского типа могли послужить прототипами для наиболее распространённых форм широкогорлых горшков на памятниках вальдбургского типа (рис.164). По форме они мало чем отличаются от цедмарских. Примечательно, что среди древностей цедмарского типа встречаются сосуды как слегка приземистой, так и вытянутой формы, полностью соответствуя широкогорлым горшкам групп 1-3 из Прибрежного и других памятников данного типа (рис.164). В цедмарской культуре эти сосуды стали использоваться уже на раннем этапе [Тимофеев В.И., 1998, с.274]. Сходство проявляют горшки воронковидной формы группы 6, широкогорлые горшки с выпуклым туловом группы 5 и сосуды с ребром группы 10. Днища у отдельных сосудов цедмарской культуры имеют характерный выступ по краям. Аналогичная форма днища распространена в посуде с памятников вальдбургского круга.

Что касается остальных культурных элементов, например, орнамента, то сходство тут не столь значительное. Можно отметить, что посуда в цедмарской культуре, как и на памятниках вальдбургского типа, в большей степени орнаментировалась в верхней части. Преобладают насечки, ямочные вдавления, отпечатки пальцев, которые встречаются и на памятниках вальдбургского типа (рис.164В: 1,2). Другие широко распространённые орнаменты в цедмарской культуре, представленные прочерченными линиями и узловидными вдавлениями, а также воротничковый декор на отдельных венчиках цедмарских сосудов для Прибрежного не характерны, однако изредка встречались на соседних родственных Прибрежному поселениях. Из других предметов выделяется находка пряслица редкой бочонковидной формы, напоминающего формой пряслица с поселения Дудка цедмарской культуры.

Каменный инвентарь в цедмарской культуре характеризуется орудиями, изготовленными из местных кристаллических пород [Gumiński W., 2001, с.143, гус.10]. Топоры и тёсла отличаются слабой шлифовкой, зауженным обухом, трапециевидной формой, в сечении, в основном, овальные, линзовидные или даже округлые (рис.163: 1-9). Часть этих признаков характерна для рубящих орудий с памятников вальдбургского типа. Правда, в цедмарской культуре топоры и тёсла менее тщательно изготовлены, более грубой формы.

В силу недостатка кремнёвого сырья в регионе, в наборе орудий цедмарской культуры большую роль играли костяные и роговые орудия, отличающиеся богатством форм (рис.163: 10-12) [Тимофеев В.И., 1981, с.115-119]. В связи с этим фактом можно лишь подчеркнуть, что в Прибрежном кремнёвая индустрия развита крайне слабо. Отсутствие подходящих условий для сохранности предметов из органических материалов в Прибрежном не даёт возможности делать окончательные выводы.

Изделия из янтаря малочисленны в цедмарской культуре. Присутствуют единичные находки подвесок трапециевидной или продолговатой формы и обломок линзовидного диска с отверстиями в центре и по краю. В целом, янтарные украшения цедмарской культуры слабо отличаются от тех, что выявлены в Прибрежном.

Таким образом, среди наиболее специфических типов посуды и каменного инвентаря следует констатировать присутствие черт, происхождение которых можно связывать с местными неолитическими культурами лесной зоны. Но принадлежность цедмарской культуры к совершенно иному культурному кругу исключает существование в Прибрежном и ему подобных памятниках слишком большого числа элементов «лесного» цикла.

Культура воронковидных кубков. Отдельные черты, возможно, связывают поселения вальдбургского типа с культурой воронковидных кубков и, в частности, с люпавской группой КВК, занимающей территорию Западного Поморья. Происхождение этой группы связано с районом Нижней Эльбы [Jankowska D., 1997, p.109]. Влияние культурной традиции люпавской группы могло проявиться в существовании в Прибрежном и на поселении Рева мисок с внутренней орнаментацией (рис.104-105). В люпавской группе миски воронковидной формы, орнаментированные изнутри – явление не редкое [Wierzbicki J., 1999, s.70, гус.27: 8,11,14; гус.49: 3,9].

В составе орнаментальных схем люпавской группы также имеются шнуровые узоры, образующие горизонтальные оттиски шнура и полуovalы. Есть орнаменты, где горизонтальные линии разделяются вертикальными. Общим элементом являются волна и треугольники, образованные шнуром [Wierzbicki J., 1999, s.75,77]. Но эти орнаменты появляются в люпавской группе очень поздно и встречаются редко. В люпавской группе они возникли, возможно, под влиянием памятников вальдбургского типа.

Основной набор посуды люпавской группы совершенно чужд керамическому комплексу поселения Прибрежное, что не удивительно. Более важным следует считать совпадения, касаемые конструктивных особенностей жилых сооружений. Традиция возводить жилища вытянутой формы с двухрядной конструкцией стен присуща каждой из характеризующих культурных образований. Конечно, сходство здесь проявляется только в самых общих чертах. Многие конструктивные особенности жилищ из Прибрежного придают им весьма своеобразный вид.

Отдельные формы амфор поселения Прибрежное, с воронковидной формы туловом также, скорее всего, связаны с КВК. Одна из амфор, хотя и имела в тесте примесь песка, орнаментирована в манере, типичной для КВК (рис.30). Ещё одной интересной деталью в данном контексте являются подковообразные ушки, широко распространённые на посуде исследуемого памятника. Подобного рода подковообразные налёпы хорошо известны в отдельных группах КВК (фаза КВК IVA-VA – около 3450–3400 гг. до н.э.) [Koško A., 2000, p.203-210, гус.39: 1,8,11].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в Прибрежном, с учетом принципов домостроительства, как и в подобных ему памятниках, ощущается в определённой степени влияние культурных традиций КША, цедмарской и нарвской культур, КВК. Однако ни одна из этих культур не была определяющей на начальном этапе сложения памятников вальдбургского типа. Элементы данных культур не образуют целостных компонентов, отмечаются только отдельные признаки, происходящие из различных в территориальном отношении культурных образований.

Мы вынуждены признать, что наиболее характерные черты материалов с поселений вальдбургского типа невозможно вывести исключительно из вышеназванных источников. Прибрежное и ряд родственных ему памятников являются вполне самостоятельными культурными образованиями. Формы посуды, орнаментальные схемы, каменный инвентарь, как и принципы домостроительства в Прибрежном развивались по собственным законам. Представляется, что на примере Прибрежного и других аналогичных памятников произошло поглощение и переработка местных элементов и, в свою очередь, распространение наиболее устойчивого шнурового комплекса, наиболее вероятно, связанного с КША. Однако, новое культурное образование сложилось уже

на месте, в районе побережья заливов Балтийского моря. Наложение разнородных элементов и их нивелировка со стороны КША определили характерные черты указанных памятников.

В отношении территории Средней Европы общепризнанным является тот факт, что шнуровая орнаментация распространяется в местных культурах не позднее середины IV тыс. до н.э. Начало традиции орнаментировать посуду оттисками шнура здесь было положено населением КВК [Мерперт Н.Я., 1976, с.122; Чебрещук Я., Шмит М., 2003, с.41-42]. В дальнейшем шнуровая орнаментация получает развитие в КША. В КШК шнуровой орнамент появляется не ранее 2850–2800 гг. до н.э. Однажды уже указывалось, что для территории Юго-Восточной Прибалтики появление простой шнуровой орнаментации ни в коем случае не может являться прямым свидетельством КШК в связи с непосредственным соседством среднеевропейских культур [Чебрещук Я., Шмит М., 2003, с.42].

Хронологически памятники вальдбургского типа, распространившись в прибрежной зоне, предшествовали приморской культуре. Начало их существования приходится на 3300–3250 calBC (рис.165). В зону влияния входило не только юго-восточное побережье Балтики, но, видимо, и внутренние области (территория бывшей Северо-Восточной Пруссии). Находки типичной вальдбургской керамики зафиксированы в Крылово (Норденбург), а также в Цедмаре А и в Краснознаменском районе Калининградской области, где помимо широкогорлых горшков обнаружены овальной формы миски – характерная часть инвентаря поселений вальдбургского круга.

С юга с памятниками вальдбургского типа соседствовала родственная им культура шаровидных амфор, которая, судя по целому ряду радиоуглеродных дат, полученных с памятников КША в Куявии (Центральная Польша), образовалась приблизительно в то же время или чуть ранее (рис.165; табл.11). Из Северо-Восточной Польши радиоуглеродных дат с памятников КША происходит, к сожалению, гораздо меньше (табл.12). Из этой области КША не сумела продвинуться непосредственно севернее Мазурских озёр. По всей видимости, недостаточно было «жизненного пространства», так как далее к северу и северо-западу начиналась зона распространения памятников вальдбургского круга.

КША на данной территории, прежде всего, интересовал балтийский янтарь. Не сумев утвердиться в районе расположения памятников вальдбургского круга, отдельные группы населения КША проникли на территорию распространения нарвской культуры. Эта культура начала своё существование задолго до возникновения КША и сумела продержаться в отдельных районах Прибалтики до конца III тыс. до н.э. (табл.9).

Чёткие традиции КША на территории Прибалтики не фиксировались до той поры, пока Р. Римантене не были произведены раскопки в Швянтойи 4 и 6 [Rimantienė R., 1996b, s.5-79; Rimantienė R., 1996c, s.83-173]. На этих поселениях удалось обнаружить типичную для КША керамику с хорошо заглаженной поверхностью и примесью в тесте крупнотолчёного гранита [Rimantienė R., 1996b, s.69-73, pav.54-55; Rimantienė R., 1996c, s.164-168, pav.72]. Найдены фрагменты сосудов гибридного типа, в которых слились традиции КША и нарвской культуры [Rimantienė R., 1996c, s.166, pav.73]. Представляется, что находки материалов КША в слое с нарвской керамикой указывают на очевидные тесные отношения (велика вероятность экзогамных отношений), установившиеся между местным населением и пришельцами. Основой отношений, вероятно, служил янтарь, изделия из которого пользовались популярностью среди населения КША. Горизонт КША в Швянтойи имеет сравнительно поздние даты – Швянтойи 6: 4170 ± 110 BP, 2890 - 2580 cal.BC, Vs-499; Швянтойи 4А: 4120 ± 110 BP, 2880 - 2500 cal.BC, Vs-967 [Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A., 2002, p.30].

Существование цедмарской культуры, если придерживаться радиоуглеродных дат, подходит к завершению около 4800 ВР (рис.165). Последующая судьба цедмарской культуры неизвестна. Не исключено, что отдельные группы цедмарского населения доживают вплоть до первой фазы развития нового культурного формирования (рис.165). На данном этапе важнейшую роль в сложении памятников вальдбургского типа также сыграла КША и, в меньшей степени, КВК. Изначально население, оставившее памятники вальдбургского типа, развивало собственные традиции, но впоследствии им пришлось столкнуться с иными этнокультурными импульсами, идущими с запада или юго-запада. По-видимому, с появлением в 2900–2700 гг. до н.э. носителей КШК в Юго-Восточной Прибалтике на ряде поселений вальдбургского типа вообще прекращается жизнь, как это, например, случилось в Прибрежном. Возможно, произошёл отток населения во внутренние области. Некоторые специфические особенности материалов КШК внутренних областей (преобладание посуды, представленной слабопрофилированными кубками и горшками, орнаментация в виде простых горизонтальных оттисков шнура или полуovalов), могли сложиться под воздействием памятников вальдбургского круга. В дальнейшем в этой группе нарастает число элементов, связанных с западными или центральноевропейскими импульсами, что объясняется всё более усиливающейся ролью КШК в Прибалтике. Развитие поселений внутренних районов Калининградской области завершается около 1900/1800 cal.BC, чему соответствуют даты из верхнего слоя Цедмара А и Утиное Болото (табл.7-8; рис.165). Приморская (жуцевская) культура прекращает своё существование в начале раннего бронзового века, т. е. не позднее 1800 cal.BC, на что указывают радиоуглеродные даты с поселений Нида и Швянтойи 9 (табл.14, 17,18; рис.165).

Отдельные факты указывают на то, что ряд памятников вальдбургского типа мог развиваться параллельно с памятниками приморской культуры. Возможно, на северо-восточном побережье Вислинского залива и во внутренних районах более старые этнокультурные традиции продержались дольше, чем в других районах. Предположительно, это культурное образование закончило своё существование в Юго-Восточной Прибалтике к середине III тыс. до н.э. (рис.165). В отличие от населения вальдбургского круга, племена соседней мазурско-вармийской группы КША просуществовали вплоть до начала раннего бронзового века (табл.12).

С другой стороны, с возникновением приморской культуры основным элементом более раннего времени, по-видимому, удалось частично сохраниться в рамках нового культурного образования, став одним из главных её компонентов. В прошлом постоянно подчёркивались множественность и разнородность черт приморской культуры [Tetzlaff W., 1970, p.361; Machnik J.,1979, s.369]. Возможно, основные причины здесь кроются в смешении двух кардинально различающихся культурных традиций шнурового цикла. Эти изменения, скорее всего, произошли на достаточно раннем этапе (не позднее 2800–2700 гг. до н.э.). Остаются не только некоторые формы инвентаря, но и сама специфическая форма ведения хозяйства, требующая существования постоянных поселений и долговременных стационарных жилищ. Во многих других областях Европы племена КШК вели достаточно подвижный образ жизни, основанный, что наиболее вероятно, на некоторых формах овцеводства [Machnik J., 1997, p.131].

Заключение

В работе предпринята попытка охарактеризовать и проанализировать новые источники по истории племен культуры шнуrowой керамики в Юго-Восточной Прибалтике и тем самым частично восполнить пробел в изучении памятников КШК на Балтийском побережье Калининградской области.

В определенной мере новые материалы дополняют представления о динамике развития КШК не только в регионе, но и за его пределами. Исследования последних лет на северо-восточном побережье Вислинского залива позволили преодолеть отдельные негативные факторы в развитии представлений о приморской культуре и в ином свете интерпретировать целый ряд дискуссионных вопросов, касающихся ее происхождения, хронологии и периодизации.

На основании всех имеющихся источников, с опорой на новейшие данные проанализированы не только материалы поселения Прибрежное, но и другие известные поселенческие комплексы в Калининградской области (территория бывшей Северо-Восточной Пруссии).

Реконструкция жилых структур поселения Прибрежное диктовалась необходимостью обобщить все имеющиеся данные о домостроительстве на памятнике. Для Балтийского побережья остатки древних жилых сооружений можно считать одними из самых важных артефактов. Как ничто другое жилища демонстрируют нам уровень технологий того времени. Необходимо также учитывать, что конструкции жилищ, особенности их взаиморасположения свидетельствуют о постоянстве жизни на поселении, дают представление о приоритетах в использовании территории [Nielsen F.O., Nielsen P.O., 1985, p.111–112]. Конструктивные особенности жилищ в Прибрежном не оставляют никаких сомнений в том, что развитие приемов и навыков домостроительства в регионе в период функционирования поселенческого комплекса достигло высокого уровня. Об этом, прежде всего, свидетельствует стремление жителей поселка возводить долговременные постройки удлиненной формы, нередко с двойными стенами (внутри утепленными), углубленным полом и делением помещений на несколько секций, а также расположение сооружений с учетом местных экологических особенностей.

Всего зафиксированы следы двенадцати бытовых построек столбовой конструкции, конструктивные особенности которых различаются. В целом, они делятся на два основных типа: постройки с заглубленным основанием (они преобладают на поселении) и постройки наземного типа. Среди построек с заглубленным основанием выделяются две группы: с двухрядной конструкцией стен и однорядной.

Постройки 2, 3 и 5 (двухрядная конструкция стен) имели удлиненную форму, слегка сужающуюся к торцу, и были ориентированы продольной осью в направлении юго-запад – северо-восток. Длина достигала 17,5 м, ширина в среднем – 4 м. По краям сооружений, на расстоянии 0,12–0,20 м друг от друга, шли двойные ряды ямок от столбов (диаметром 0,13–0,15 м). Между ними через определенные промежутки могли встречаться столбовые ямы более крупных размеров (до 0,30 м). По продольной оси жилищ прослеживался ряд редких ям от столбов, служивших для поддержания кровли. В пределах жилищ 2 и 5 выделяются еще два дополнительных ряда ям (на них, по-видимому, опирались поперечные связи жилища). Вход находился со стороны узкой пристройки прямоугольной формы, в северо-восточной части сооружений (в жилище 5 зафиксировано два входа, причём один находился с восточной стороны). Постройки были заглублены в материк до 0,60 м и к торцу закруглялись. Очаги располагались

ближе к входу и, по-видимому, отделялись от жилого помещения стенами. В жилище 5 очаг был обложен камнями. Большая часть находок выявлена на дне котлована.

Жилища 1, 4 и 6 отличались большей шириной (4,5–4,8 м) и однорядной конструкцией стен.

Кроме апсидообразных построек удлиненной формы, на поселении зафиксированы постройки прямоугольной формы (однорядной столбовой конструкции) – объекты А и В. Из них объект А, скорее всего, тоже являлся жилым сооружением. Он имел размеры 3,40 X 4,40 м, был ориентирован по оси юго-запад – северо-восток и заглублен в материк до 0,32 м. Внутри размещался очаг овальной формы. Объект В размером 2,80 X 3,04 м, ориентированный по оси юго-запад – северо-восток являлся, видимо, постройкой хозяйственного назначения.

Четыре постройки – объекты В1, С, D и Е – характеризовались наземной однорядной столбовой конструкцией. Из них объекты В1, С и Е имели прямоугольную форму. Постройка В1 была размером 6,40 м X 2,30 м, ориентирована в направлении Ю-З – С-В. Основная часть объекта С прямоугольной формы, ориентированного аналогичным образом, размещалась за пределами раскопа. В пределах сооружения находился обложенный камнями очаг подковообразной формы, размером 1,10 X 0,80 м. Объект D был округлой формы и имел диаметр 3,60 м. Внутри находился очаг диаметром 0,64 м.

Многочисленность, разнообразие и хорошая сохранность керамического материала поселения Прибрежное позволили подробно классифицировать посуду и орнамент. Попутно выделены неизвестные ранее формы.

Состав керамического комплекса резко отличается от керамических материалов известных поселений приморской культуры шнуровой керамики – Жуцево, Сухач, Нида, Швянтойи 1А/2А. На поселении преобладают широкогорлые горшки открытого типа с плавной профилировкой тулова и незначительным по размерам, но массивным днищем (53%). Они разнообразны и подразделяются на 10 групп. Кубки малочисленны – всего 5%. Причём преобладают сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком и воронкообразным туловом. Амфоры (8,1%) выделяются овальной формой горловины и преимущественно воронковидным туловом. Другие специфические типы посуды на поселении – сосуды кубкообразной формы удлиненной тюльпанообразной формы и горшки средних размеров, в целом, повторяющие формы широкогорлых горшков. Свообразием отличаются глубокие миски, миски воронковидной и овальной форм. Орнамент наносился лишь на верхнюю часть сосудов. Преобладают композиции, основой которых служили горизонтальные оттиски шнура, дополненные треугольниками, полуovalами, волной, вертикальными и подковообразными оттисками шнура. Распространены также ряды ямок, штампы в виде столбиков, «бисер».

Вещевая коллекция из Прибрежного отличается достаточно выраженной однородностью и своеобразием. Выявленные изменения не выходят за рамки, обусловленные единой культурной традицией, сложившейся на поселении. Среди находок, извлеченных с нижнего или верхнего уровня построек, если исключить шнуровой орнамент, нет ничего, что могло бы хоть в какой-то мере связываться с формами, общими для КШК в Центральной и Северной Европе.

Аналогий основным формам амфор, кубков, кубкообразных сосудов, мисок воронковидной формы с внутренним орнаментом из Прибрежного на известных поселениях приморской культуры не выявлено. Массивные широкогорлые горшки и глубокие миски (это наиболее широко распространённые типы посуды в Прибрежном) в Жуцево, Сухач, Нида отличаются бедностью форм и встречаются, по сравнению с остальными видами посуды, редко и обычно во фрагментированном состоянии. Вместо перечисленных видов посуды на этих поселениях в наибольшей степени представлены горшки

с наклепным валиком, разнообразные кубки, чаще всего, S-видной профилировки, украшенные нарезной ёлочкой, бороздками, паркетным или многозональным орнаментом (кубки – самая многочисленная часть керамического комплекса приморской культуры). Подобного рода посуда обнаруживается в ряде других КШК в Центральной и Северной Европе. На большинстве поселений приморской культуры встречаются широко распространённые в Центральной и Северной Европе амфоры тюрингского типа или их производные, округлой формы амфоры более поздних типов. В Прибрежном указанном комплексе неизвестен.

Подробному анализу подверглись также изделия из камня и янтаря, которые, как и керамика, отличаются своеобразием. Топоры и тёсла изготавливались из кристаллической породы, трапециевидной формы, в поперечном сечении овальные, линзовидные или даже округлые. Проушные топоры, широко распространённые в приморской культуре, не выявлены. Янтарные украшения относятся в основном к трем типам: пластинчатые подвески продолговатой и трапециевидной формы, линзовидные диски и округлые пуговицы с V-образным отверстием. Все эти типы украшений известны в нарвской культуре.

Изделия из кремня редки, что объясняется малочисленностью имеющихся на побережье выходов кремня, а также вероятным использованием изделий из кости и рога.

Схема периодизации включает, предположительно, три этапа, которые фиксируются не только по радиоуглеродным датам, но и по наблюдениям за стратиграфией, эволюцией керамического комплекса и изделий из янтаря и камня. Если основываться на серии радиоуглеродных дат, полученных для поселения, то время существования памятника укладывается в рамки 3300–2800/2700 calBC (табл.5). В целом, даты оказались гораздо старше, чем радиоуглеродные даты, происходящие с памятников КШК в Центральной и Северной Европе. Ранняя фаза КШК здесь датируется 2900–2800 calBC. С учётом наиболее достоверных дат, полученных с поселений приморской культуры, последняя не могла возникнуть ранее 2800 BC [Szmyt M., 1999].

Сведения о памятниках неолитического времени на территории Северо-Восточной Пруссии – Шлосс-Казерне, Светлый (Циммербуде), полученные в довоенное время, дают основание полагать, что они содержат родственные археологическому комплексу Прибрежное материалы. Очевидно, что эти поселения наиболее близки между собой. На всех этих памятниках преобладающими являлись широкогорлые горшки групп 1–4, глубокие миски, миски овальной формы, горшки средних размеров, топоры трапециевидной формы. Наиболее близкие аналогии обнаруживаются на ряде поселений в Польше – Пененжно, Рева, Свенты-Камень, ранее относимых к приморской культуре, где всегда отмечалось ярко выраженное своеобразие инвентаря, при почти полном отсутствии материалов, связанных с собственно КШК. На этих памятниках обнаружены, в основном, широкогорлые горшки групп 1–4, глубокие миски, миски воронковидной формы, слабопрофилированные кубки и горшки средних размеров, тесла трапециевидной формы. Сходство здесь проявляется достаточно отчетливо, чтобы отнести эти памятники к общему с поселением Прибрежное кругу. В то же время, недавно выявленное на Балтийском побережье Калининградской области поселение Покровское, с учётом полученных материалов (горшки с наклепным валиком, фрагменты кубков с S-видным профилем, орнаментированных нарезной «ёлочкой»), следует относить к раннему этапу приморской культуры.

Таким образом, в результате исследований последних лет в регионе обозначались черты новой, обособленной в культурном отношении группы памятников, получившей название по наиболее крупному и изученному поселению Прибрежное (Вальдбург).

Существует большая вероятность того, что отдельные категории инвентаря на некоторых поселениях приморской культуры могут напрямую соотноситься с пред-

шествующим периодом, чему не противоречат и отдельные радиоуглеродные даты с поселений Жуцево и Нида. Проблемы, связанные в прошлом с малочисленностью чистых комплексов и возможным механическим смешением напластований на известных прибрежных поселениях приморской культуры, стали вероятной причиной возникновения препятствий для более четкого культурно-хронологического определения разнохарактерных материалов.

Памятники вальдбургского типа объединены территорией, включающей в основном прибрежные районы Юго-Восточной Прибалтики, и набором общих признаков, к которым относятся специфические особенности керамического комплекса и изделий из янтаря и камня. Керамический комплекс характеризуется преобладанием широкогорлых горшков открытого типа, амфор с овальной формой горловины, горшков средних размеров, глубоких мисок, мисок овальной формы, при незначительной доле слабопрофилированных кубков. Посуда орнаментировалась обычно только в верхней части. Среди мотивов орнамента – преимущественно сочетания горизонтальных оттисков шнура с треугольниками, полуovalами, волной, вертикальными оттисками, а также штампы в виде столбиков, различного рода ямочные вдавления. Топоры и тесла трапециевидной формы, чаще всего с зауженным обухом, изготавливали из местных пород камня и гораздо реже из кремня. Изделия из янтаря представлены пуговицами с V-образным отверстием, подвесками трапециевидной и продолговатой формы, дисками с отверстием в центре, пронизиями.

Несмотря на близкие характеристики, выделенные памятники, естественно, демонстрируют и различия, обусловленные как местными особенностями, так, очевидно, и разницей в хронологии.

Особенности сложения памятников вальдбургского типа следует рассматривать исходя из специфики исследуемого региона, который уже в период существования неолитической цедмарской культуры являлся пограничной зоной, где происходило взаимодействие кардинально отличающихся по происхождению культурных традиций – неолита лесной зоны и центральноевропейских культур с производящим хозяйством.

Являясь самостоятельным культурным образованием, памятники вальдбургского типа, с учетом многочисленных аналогий, содержат черты, обязанные своим происхождением КША, цедмарской, нарвской культурам и КВК.

Воздействием традиций цедмарской и нарвской культур, предположительно, можно объяснить появление отдельных специфических форм посуды и орнамента, изделий из янтаря и камня. Миски овальной формы, основные виды широкогорлых горшков (преобладающих на памятниках вальдбургского типа), ямочные орнаменты, а также набор изделий из янтаря образуют в Прибрежном и родственных ему памятниках комплекс, в сложении которого сыграли роль импульсы, исходящие со стороны неолитических культур лесной зоны.

Очевидно также участие культуры шаровидных амфор в формировании нового культурного образования, отразившееся, как и в первом случае, в отдельных формах посуды (глубокие миски) и, в особенности, орнамента (шнуровая орнаментация, штампы в виде столбиков, «бисер»).

Менее заметно на керамическом материале влияние КВК, но принципы домостроительства, скорее всего, заимствованы именно из этого культурного круга (постройки трапециевидной формы с двухрядной конструкцией стен в люпавской группе КВК).

Так как Прибрежное – не единственный памятник, которому присущи перечисленные признаки, то процесс сложения приморской культуры шнуровой керамики представляется в новом свете. Именно влияние населения упомянутых в работе близкородственных памятников, среди которых наиболее представительным по материалам пока является поселение Прибрежное, придало многие специфические черты

приморской культуре. Предположительно, комплекс, включающий миски удлинённой формы, отдельные формы глубоких мисок, широкогорлые горшки, орнаментированные штампом в виде столбиков или шнуровым орнаментом, топорики трапециевидной формы своим происхождением связан с памятниками вальдбургского типа. По всей видимости, происхождение построек с двухрядной конструкцией стен также можно связывать с влиянием памятников вальдбургского типа.

Поселения КШК внутренних районов Калининградской области основывались на месте стоянок цедмарской культуры. Предположительно, в основных формах посуды и орнамента (слабопрофилированные кубки, горшки средних размеров, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура) сказалось влияние памятников вальдбургского типа, что придало определенное своеобразие этим культурным комплексам.

Отдельные области Юго-Восточной Прибалтики благодаря своему выгодному расположению имели особую притягательность для племен КШК. На Балтийском побережье племенам приморской культуры шнуровой керамики уже на ранних этапах удалось не только создать множество мелких поселений временного характера, но и организовать, возможно, не без влияния со стороны населения, оставившего памятники вальдбургского типа, крупные долговременные поселения. Заметим, что большинство других старейших групп шнурового цикла в Европе отличалось высокой степенью мобильности, что археологически фиксируется наличием в основном только отдельных захоронений, разбросанных на большой территории [Czebreszuk, 1996, s.246].

На основании радиоуглеродных дат, анализа материалов, данных стратиграфии установлены хронологические рамки для каждого из трех культурных образований в Юго-Восточной Прибалтике. Возникновение на побережье памятников вальдбургского типа, в соответствии с калиброванными датами, относится приблизительно к 3300 calBC. Отдельные группы населения, связанные с кругом этих памятников, просуществовали, по-видимому, до 2500 calBC. Появление первых носителей КШК датируется приблизительно 2900–2800 calBC. Существование приморской культуры укладывается в рамки 2800–1900/1800 calBC. Мазурская группа КШК в восточной части Калининградской области и Северо-Восточной Польше начинает развиваться, возможно, не позднее 2700 calBC и доживает до начала бронзового века.

Предложенная в работе схема формирования и развития КШК в регионе, естественно, не претендует на то, чтобы считаться окончательной. Многие вопросы из-за отрывочности сведений о КШК в отдельных районах Прибалтики либо еще не решены, либо в будущем, в случае появления новых фактов, будут рассмотрены под иным углом зрения. Соответственно, все основные выводы, изложенные в данной работе и касающиеся периодизации и хронологии приморской культуры, в силу новизны и необычности материала, носят исключительно предположительный характер.

Список литературы

1. *Артеменко И.И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.
2. *Артеменко И.И.* Связи племён среднеднепровской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С.6-16.
3. *Березанская С.С.* О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии // Советская археология. 1971. № 4. С.36-49.
4. *Блажчишин А.И.* Палеогеография и эволюция позднечетвертичного осадконакопления в Балтийском море. Калининград, 1998.
5. *Бондарь Н.Н.* Культуры шнуровой керамики и их роль в древней истории Европы: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Киев, 1981.
6. *Бутримас А., Гирининкас А.* Старые местные и новые погребальные обряды в неолите Литвы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. М., 1990. С.147-157.
7. *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
8. *Ванкина Л. В.* Шнуровая керамика на территории Латвии // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С.47-58.
9. *Волкова И.И., Корнеевец В.С., Фёдоров Г.М.* Вислинская (Балтийская) коса. Калининград, 2002.
10. *Гайгалас А.И.* Четвертичная история Прибалтики // Геологическая история и геохимия Балтийского моря. М., 1984. С.81-86.
11. Гидрометеорологический режим Вислинского залива. Л., 1974.
12. *Гирининкас А.* Различия нарвской керамики развитого неолита в Восточной и Западной Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С.19-27.
13. *Гирининкас А.* *Крятуонас.* Средний и поздний неолит // Lietuvos Archeologija. 1990. № 7.
14. *Гуделис В.К.* Рельеф и четвертичные отложения Прибалтики. Вильнюс, 1973.
15. *Дементьев И.О.* Прибрежный в советскую эпоху // Прибрежный: прошлое, настоящее, будущее. Калининград, 2001. С.18-23.
16. *Долуханов П.М.* Последледниковая история балтийского бассейна и ритмостратиграфия голоцена // Baltica. Vilnius, 1974. Vol.5. P.147-151.
17. *Зальцман Э.Б.* Раскопки поселения Прибрежное // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С.38-39.
18. *Зальцман Э.Б.* Поселение Прибрежное – новый памятник приморской культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Культурный слой. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 36-58.
19. *Зальцман Э.Б.* Поселение приморской культуры Прибрежное // Прибрежный: прошлое, настоящее, будущее. Калининград, 2001. С. 8-13.
20. *Зальцман Э.Б.* Поселение приморской культуры Прибрежное // Проблемы балтийской археологии. Калининград, 2003. Вып.1. С. 50-75.
21. *Зальцман Э.Б.* Поселения культуры шнуровой керамики на территории Калининградской области. Калининград, 2004.
22. *Клочко В.* Розвиток озброєння «шнурових» культур України, як відображення етно-культурних процесів в регіоні // Od neolityzacji do początków epoki brązu. T.2. Poznań, 2001. S.241-258.
23. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
24. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М., 1987.
25. *Крайнов Д.А., Лозе И.А.* Культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров в Восточной Прибалтике // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.51-56.
26. *Кулаков В.И., Тимофеев В.И.* Очерк археологии Калининградской области // Vakarų baltų istorija ir kultūra. T.1. Klaipėda, 1992.
27. *Левковская Г.М.* Хронология и палеогеография озёрных трансгрессий и регрессий эпох мезолита, неолита и ранней бронзы в Восточной Прибалтике (Лубанская и Цедмарская низины) // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000. С.40-44.
28. *Левковская Г.М., Тимофеев В.И.* К хронологии и экологии начала земледелия в Восточной Прибалтике (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С.88-105.
29. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

30. Мерперт Н.Я. Древняя культура и историческая общность и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. 1976. С.103-127.
31. Римантене Р.К. Неолит Литвы и Калининградской области // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973. С. 218-225.
32. Римантене Р.К. Топография и стратиграфия долинных стоянок каменного и бронзового веков в Литве // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С.255-258.
33. Римантене Р.К. Хронология неолита Литвы // Памятники эпохи неолита. КСИА. Вып.153. М., 1978. С.31-34.
34. Римантене Р.К. Культура шнуровой керамики в Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1981. С. 34-40.
35. Римантене Р.К. Методика расчленения разновременных очагов открытых поселений // Полевая археология мезолита-неолита. Л., 1990. С.38-43.
36. Римантене Р.К. Хронология неолита в Литве // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000. С. 67-68.
37. Римантене Р.К. Хронология неолита Западной Литвы // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С.155-162.
38. Свешников И.К. Культура шаровидных амфор. М., 1983.
39. Тимофеев В. И. Работы Калининградского неолитического отряда // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С.40-41.
40. Тимофеев В.И. Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики // Памятники эпохи неолита. КСИА. Вып.153. М., 1978. С.34-37.
41. Тимофеев В.И. Памятники каменного века восточной части Калининградской области // КСИА. Вып.157. М., 1979. С.61-69.
42. Тимофеев В.И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1980.
43. Тимофеев В.И. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып.165. М., 1981. С.115-119.
44. Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С.162-165.
45. Тимофеев В.И. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып.3. С.273-280.
46. Тимофеев В.И., Чайкина Л.Г. О структуре неолитического торфяникового поселения Утинное Болото 1 в Калининградской области (восточное поселение) // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад, 2001. С. 211-217.
47. Тимофеев В.И. Памятники культуры шнуровой керамики восточной части Калининградской области (по материалам исследований 1970–1980-х гг.) // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003а. С.119-133.
48. Тимофеев В.И. История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии. Калининград, 2003. Вып. 1. С. 4-13.
49. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
50. Чебрецук Я., Шмит М. К исследованию средневропейских факторов процесса культурных перемен в лесной зоне Восточной Европы в III тыс. до н.э. // Гістарычна-археалогічны зборнік. № 18, Минск, 2003. С.34-51.
51. Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.
52. Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. Periodization and Chronology of the Neolithic in Lithuania // Archaeologia Baltica. 5. Vilnius, 2002. P.9-39.
53. Antoniewicz W. Z dziedziny archeologii ziem Polski // Światowit 17, 1938. S. 341-422.
54. Bachtin A., Doliesien G. Vergessene Kultur: Kirchen in Nord-Ostpreussen. Husum, 2000.
55. Beran J. Zabytki archeologiczne z Muzeum regionalnego w Insterburgu w zbiorach prahistorycznych uniwersytetu w Halle oraz inne znaleziska z prus wschodnich w środkowoniemieckich muzeach // Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. Olsztyn, 1999. S.41-52.
56. Berendt G. Altpreussische Küchenabfälle am Frischen Haff // Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg. 16.1875. S.117-126.
57. Bezzenberger A. Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart, 1889.

58. *Bezzenberger A.* // Siitzber. Altges. Prussia. B.17.1892. S. 35.
59. *Bezzenberger A.* Bericht des Vorsitzenden über die von im vorigen Jahre auf der Kurischen Nehrung gemachten steinzeitlichen Funde // Siitzber. Altges. Prussia, B.18, 1893. S. 36-45.
60. *Bezzenberger A.* Accessionen des Prussia-Museums // Siitzber. Altges. Prussia. B.19. 1895. S.235-267.
61. *Bogaczewicz-Adamczak B., Drwal J., Gołębowski R., Krol D., Miotk G.* Studia archeologiczno-paleograficzne kępy ostrowskiej na pobrzeżu Kaszubskim // Przegląd Archeologiczny. Vol.34. 1987. S.49-81.
62. *Bohne-Fischer H.* Ostpreussens Lebensraum in der Steinzeit // Schr. Albertus-Univ., Naturwiss. R.2. Königsberg, 1941.
63. *Bokinić A.* Ceramika neolityczna z obszaru byłych prus wschodnich w zbiorach muzeum okręgowego w Toruniu // Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. Olsztyn, 1999. S.145-152.
64. *Buchvaldek M.* Corded Pottery Complex in Central Europe // The Journal of Indo-European Studies. 1980. Vol. 8, 3-4. P.393-406.
65. *Buchvaldek M.* Zum gemeineuropäischen Horizont der Schnurkeramik // Prähistorische Zeitschrift. Berlin, 1986. B. 61. H.2. S.130-151.
66. *Butrimas A.* Daktariškės neolito gyvenvietė. Vilnius, 1982.
67. *Butrimas A.* Duonkalnis: vėlyvojo neolito gyvenvietė, alkas ir kapinūnas. Archeologiniai tyrimai // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1985. 4. S.30-49.
68. *Butrimas A.* Šarnelės neolito gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1986. 14. S.174-191.
69. *Butrimas A.* The amber ornament collection from Daktariške 5 Neolithic settlement // Baltic amber. Vilnius, 2001. S.7-19.
70. *Coblentz W.* Schnurkeramische Gräber auf dem Schafberg Niederkaina bei Bautzen // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. 1952. 4. S.41-106.
71. *Czebreszuk J.* Społeczności Kujaw w początkach epoki brązu. Poznań, 1996.
72. *Drenth E., Lanting A.E.* Die Chronologie der Einzelgrabkultur in der Niederlanden // Die Chronologie der regionalen Gruppen. Freiburg, 1990. S.44-50.
73. *Dresely V., Müller J.* Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik im Tauber- und im Mittelbe-Saale-Gebiet // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. Poznań, Bamberg, Rahden, 2001. S.287-318.
74. *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte. Ostpreussen. Berlin, 1927.
75. *Ehrlich B.* Das neolithische Dorf bei Wiek–Luisenthal (Kr. Elbing) am Frischen Haff // Prussia. 1923. 24. S.115-142.
76. *Ehrlich B.* Eine zweite Siedlung aus der jüngeren Steinzeit bei Wiek–Luisenthal, Kr. Elbing // Elbinger Jahrbuch. 1925. H.4. S.113-122.
77. *Ehrlich B.* Ein jungsteinzeitliches Dorf der Schnurkeramiker in Succase, Kr. Elbing // Altschlesien. 1934. B.5. S.60-64.
78. *Ehrlich B.* Succase // Elbinger Jahrbuch. 1936. B.12/13. S.1-98.
79. *Ehrlich B.* Schnurkeramische Pfostenhäuser bei Tolkemit, Kr. Elbing // Mannus. Leipzig, 1940. Bd.32, H.1-2. S.44-56.
80. *Engel C.* Zur Vorgeschichte der Kurischen Nehrung // Mannus. Königsberg, 1931. Bd.8. S.97-106.
81. *Engel C.* Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935. T.1.
82. *Felczak O.* Wyniki badań wykopaliskowych na osadzie kultury rzucewskiej w Rewie, gm. Kosakowo, woj. Gdańsk // Sprawozdania Archeologiczne. T. XXXV. 1983. S.51-68.
83. *Froelich G.* Insterburger Steinbeilschäftung // Zeitschrift von Altertumsgesellschaft Insterburg. Insterburg, 1935. H. 20. S. 62-64.
84. *Furcholt M.* Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südkandinavien. Bonn, 2003.
85. *Gaerte W.* Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg, 1927.
86. *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.
87. *Girininkas A.* Baltu kultūros ištakos. Vilnius, 1994.
88. *Girininkas A.* Migraciniai procesai rytų pabaltijyje vėlyvajame neolite. Virvelinės keramikos kultūra // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 2002. 23. S.73-92.
89. *Glob P.V.* Studier den Juske Enkeltgravskultur. Kóbenhavn, 1945.

90. *Grinevičūtė G.* Virvelinė keramika pietu Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 2000. 19. S.109-124.
91. *Gumiński W.* Finds of Funnel Beaker, Globular Amphora, and Corded Ware Cultures in Dudka, the Great Masurian Lakeland // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk, 1997a. P.177-185.
92. *Gumiński W.* Corded Ware at the Dudka peat-bog site, NE Poland // Early Corded Ware Culture. The A-Horizon – fiction or fact? Esbjerg, 1997b. P.93-103.
93. *Gumiński W.* Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań, 2001. T.2. S.133-152.
94. *Gurina N.N.* Niektóre materiały do pradziejów mierzei Kurońskiej i Sambii // Rocznik olsztyński. Olsztyn, 1959. T.2. S.193-198.
95. Gutzzeit E.J. Der Kreis Heiligenbeil. Leer, 1975.
96. *Hardmeyer B.* Die Schnurkeramik in der Ostschweiz // Prachistorica XIX. Praha, 1992. S.179-186.
97. *Heudeck J.* Zwei Steinzeitskelette (liegende Hoher) in dem Prussia-Museum // Siitzber. Altges. Prussia. 1893. H.18. S. 46-60.
98. *Heudeck J.* Steinzeitliche Kulturstätte bei Ludwigsort, Kr. Heiligenbeil // Siitzber. Altges. Prussia. B.22. 1909. S. 204-205.
99. *Hollack E.* Bericht des Herrn Lehrer Hollack über seine Untersuchungen und Ausgrabungen auf der Kurischen Nehrung // Siitzber. Altges. Prussia. B.19. 1895. S.146-161.
100. *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin, 1908.
101. *Jacobs J.* Die Einzelgrabkultur in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin, 1991.
102. *Jankowska D.* Kultura pucharow leikowatych na Pomorzu Środkowym. Poznań, 1980.
103. *Jankowska D.* The Funnel Beaker Culture in Pomerania // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk, 1997. P.108-118.
104. *Jankowska D.* Elementy «leśne» w neolicie Pomorza // Od neolityzacji do początków epoki brązu. T.2. Poznań, 2001. S.85-97.
105. *Jaskanis D.* Grob kultury amfor kulistych odkryty w Brodowie, pow. Grajewski // Komunikaty Białostockie. 1970. T.10. S.135-141.
106. *Kempisty E.* Kultura amfor kulistych na Mazowszu i Podlasiu // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971. T.1.
107. *Kempisty A., Włodarczyk P.* Cemetery of the Corded Ware Culture in Żerniki Górne. Warsaw, 2000.
108. *Kilian L.* Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
109. *Klebs R.* Der Bernschteinschmuck der Steinzeit // Beitr. Naturkde. Preussens. B.5. Königsberg, 1882.
110. *Kostrzewski J.* Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste // Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Riga. Riga, 1931. S.55-64.
111. *Kośko A.* Pontic Traits in the Materials of The Kujawy Funnel Beaker Culture and Early Corded Ware Culture – a Radiocarbon Perspective // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures Between The Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. Vol. 7. Poznań, 1999. P.203-210.
112. *Kośko A.* Osadnictwo społeczności kultury pucharów lejłowatych (grupy: wschodnia i radziejowska) // Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociągu tranzytowego. Poznań, 2000. T. III, Kujawy. Cz.4. S.19-133.
113. *Król D.* Absolute Chronology of the Settlements of the Rzucewo Culture in Poland // Internationalen Simposion «Die kontinentaleuropäischen Gruppen der Kultur mit Schnurkeramik». Die Chronologie der regionalen Gruppen. Zusammenfassungen. Praha, 1991. P.75-82.
114. *Król D.* The elements of settlements in Rzucewo culture // Praehistorica. Praha, 1992. 19. P.291-299.
115. *Król D.* Excerpts from Archaeological Research at Rzucewo, Puck Region // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk, 1997. P.135-150.
116. *Król D.* Badania archeologiczne w Rzucewie, stanowisko 1, gmina Puck, województwo Pomorskie // XIII Sesja pomorzoznawsza. Gdańsk, 2003. Vol.1. S.35-40.
117. *Krzak Z.* The Złota Culture. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1976.
118. *Kukawka S.* Kultura pucharów lejłowatych na ziemi chełmińskiej. Toruń, 1991.

119. *Kukawka S.* Związki ugrupowań kultury pucharów lejkowatych z ludami kręgu kultury Narva // *Od neolityzacji do początków epoki brązu.* Poznań, 2001. S.75-83.
120. *Kurzawa J.* Zagadnienie najwcześniejszych faz kultury ceramiki sznurowej na nizinie wielkopolsko-kujawskiej. Poznań, 2001.
121. *La Baume W.* Die jungsteinzeitliche Kugelamphorenkultur in Ost- und Westpreußen // *Prussia.* Bd.35. Königsberg, 1943. S.13-80.
122. *Larsson L.* The Role of Fire in Neolithic Ritual activities // *Lietuvos Archeologija.* 19. Vilnius, 2000. P.175-189.
123. *Lasota-Moskalewska A.* Animal Remains from the Neolithic Settlement at Rzucewo // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age.* Gdańsk, 1997. P.162-166.
124. *Loze I.* Some Remarks about the Indo-Europeanization of Northern Europe (the Case of the Eastern Baltic Region) // *The Indo-Europeanization of Northern Europe.* Washington, 1996. P.60-74.
125. *Loze I.* Stone age amber in the eastern Baltic // *Amber in archaeology.* Riga, 2003. P.129-140.
126. *Loewe G.* Schnurkeramische Hügelgräber im Luckaer Forst, Kreis Altenburg // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege.* 6. 1957. S.19-57.
127. *Loewe G.* Kataloge zur mitteldeutschen Schnurkeramik. Teil 1: Thüringen. Halle (Saale), 1959.
128. *Łowiński G.* Badania archeologiczne na stanowisku kultury rzucewskiej w Pieniężnie, woj. Elbląskie // *Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980-83.* Malbork, 1987. S.165-176.
129. *Machnik J.* Krag kultury ceramiki sznurowej // *Prahistoria Ziem Polskich.* T.2. Wrocław, 1979. S.337-411.
130. *Machnik J.* «Rzucewo Culture» and the Early Horizon of the Corded Ware // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age.* Gdańsk, 1997. P.128-134.
131. *Mazurowski R.F.* Bursztyn w epoce kamienia na ziemiach polskich // *Materiały starożytne I wczesnośredniowieczne.* T. V. Warszawa, 1983.
132. *Mazurowski R.* Amber treatment Workshops of Rzucewo Culture in Żuławy // *Przegląd Archeologiczny,* t.32. 1985. S.5-60.
133. *Mazurowski R.F.* Badania żuławskiego regionu burstyniarskiego ludności kultury rzucewskiej, Niedziedówka, stanowisko 1-3 // *Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980-83.* Malbork, 1987a. S.79-119.
134. *Mazurowski R.F.* Nowe badania nad osadnictwem ludności kultury rzucewskiej w Suchaczu, woj. Elbląskie, w latach 1980-1983 // *Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980-83.* Malbork, 1987b. S.141-163.
135. *Mihăilescu-Bîrliba V., Szmyt M.* Radiocarbon chronology of the moldavian (siret) subgroup of the globular amphora culture // *The foundations of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 4000-1000 BC.* Baltic-Pontic Studies. Vol.12. Poznań, 2003. P.82-112.
136. *Miotk-Szpiżganowicz G.* Results of Palynological Investigations in the Rzucewo Area // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age.* Gdańsk, 1997. P.153-161.
137. *Müller J.* Zur radiokarbondatierung des Jung – bis Endneolithikums und der Frühbronzezeit im Mittelbe-Saale-Gebiet (4100-1500 v.Chr.) // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.* Band 80. 1999. Mainz am Rhein, 2001.
138. *Neugebauer W.* Vorgeschichtliche Siedlungen in Lärchwalde, Kreis Elbing // *Elbingen Jahrbuch.* 2(13). 1936. S.99-166.
139. *Nielsen F.O. Nielsen P.O.* Middle and Late Neolithic Houses at Limensgård, Bornholm. A Preliminary Report // *Journal of Danish Archaeology.* Vol.4. 1985. P.101-114.
140. *Nosek S.* *Kultura amfor kulistych w Polsce.* Wrocław-Warszawa-Kraków. 1967.
141. *Okulicz J.* *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Olsztyn. 1973.
142. *Rimantienė R.* Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
143. *Rimantienė R.* Šventoji. Pamariu kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1980.
144. *Rimantienė R.* Lynupio akmens amžiaus stovykla ir gyvenvietė // *Lietuvos Archeologija.* Vilnius, 1985. 4. S.98-111.
145. *Rimantienė R.* Nida. Senujų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
146. *Rimantienė R.* Die Haffküstenkultur in Litauen // *Praehistorica.* 19. Praha, 1992a. S.301-305.
147. *Rimantienė R.* Šakės – neolito gyvenvietė // *Lietuvos Archeologija.* 8. Vilnius, 1992b. S.16-34.
148. *Rimantienė R.* *Die Steinzeit in Litauen.* Mainz, 1994.
149. *Rimantienė R.* *Akmens amžius Lietuvoje.* Vilnius, 1996a.

150. *Rimantienė R.* Šventosios 4-oji radimvietė // Lietuvos Archeologija. 14. Vilnius, 1996b. S.5-79.
151. *Rimantienė R.* Šventosios 6-oji gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. 14. Vilnius, 1996c. S.83-173.
152. *Rimantienė R.* Die A-Horizont-Elemente in der Haffküstenkultur in Litauen // Early Corded Ware Culture. The A-Horizon – fiction or fact? Esbjerg, 1997. S.181-184.
153. *Rimantienė R.* The Relationship between Stone Age People and their Environment in Lithuania // *Pact.* 54. 1998. P.143-156.
154. *Rimantienė R.* Die Kurische Nehrung aus dem Blickwinkel des Archäologen. Vilnius, 1999a.
155. *Rimantienė R.* Margių gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. 16. Vilnius, 1999b. S.109-170.
156. *Rimantienė R.* Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji // *Baltic amber.* Vilnius, 2001. S. 87-98.
157. *Rimantienė R.* Rutulinių amforų kultūra vakarų Lietuvoje // Lietuvos archeologija. 23. Vilnius, 2002. S.41-50.
158. *Rimantienė R.* Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos. Vilnius, 2005.
159. *Rimantienė R., Čėsnis G.* Pan-European Corded Ware Horizon (A-horizont) and the Pamarų (Baltic Coastal) Culture // *The Indo-Europeanization of Northern Europe.* Washington, 1996. P.48-53.
160. *Salzmann E.* Ausgrabung einer Siedlung aus dem späten Neolithikum in Pribreschnoe – Heide Waldburg // *Archäologie im Prußenland.* Dieburg, 1999. S.8-11.
161. *Salzmann E.* The settlement Pribrezhnoe // Lietuvos Archeologija. 25. Vilnius, 2004. P.135-156.
162. *Sangmeister E., Gerhardt K.* Schnurkeramik und Schnurkeramiker in Südwestdeutschland // *Alt-Türingen.* B.30. 1975. S.10-116.
163. *Schiefferdecker P.* Bericht über eine Reise zur Durchforschung der Kurischen Nehrung in archäologischer Hinsicht // *SPÖG.* 14. 1873. S.33-69.
164. *Simonsen J.* Settlements from the Single Grave Culture in NW-Jutland // *Journal of Danish Archaeology.* Vol.5. 1986. P.135-151.
165. *Sobieraj J.* Materiały z epoki kamienia z z archiwum b. Provinzial-Muzeum zu Königsberg // *Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne.* Olsztyn, 1999, s.365 -378.
166. *Strahm C.* Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. *Acta Bernensia.* 6. Bern, 1971.
167. *Sulgostowska S.* Elements of the Rzucewo culture in the Masurian Lakeland Area // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age.* Gdańsk, 1997. P. 174-177.
168. *Szmyt M.* Społeczności kultury amfor kulistych na Kujawach. Poznań. 1996.
169. *Szmyt M.* Between west and east people of the Globular amphora Culture in Eastern Europe: 2950-2350 BC. Poznań. 1999.
170. *Szmyt M.* Społeczności kultury amfor kulistych w Europie Wschodniej // *Od neolityzacji do początków epoki brązu.* T.2. Poznań, 2001. S.167-193.
171. *Szwed J.* Sprawozdanie z badań osady kultury ceramiki sznurowej w Ostoninie, pow. Puck, w latach 1964 i 1965 // *Sprawozdania archeologiczne.* XIX. 1968. S.17-22.
172. *Šturms E.* Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.
173. *Šturms E.* Der Bernsteinschmuck der östlichen Amphorenkultur // *Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte.* Bonn, 1956. S.13-20.
174. *Tetzlaff W.* The Rzucewo Culture // *The Neolithic in Poland.* Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970. P.356-365.
175. *Tischler O.* Bericht über die Wanderungen auf der Kurischen Nehrung // *Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg.* B.15. 1874. S.25-27.
176. *Tischler O.* Bericht über die Untersuchungen auf der Kurischen Nehrung // *Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg.* B.16. 1875. S.39.
177. *Tischler O.* Beitrag zur Kenntnis der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten // *Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg.* B.18. 1877. S.258-278.
178. *Tischler O.* Bericht über die prähistorisch-anthropologischen Arbeiten der Phisikalisch-ökonomischen Gesellschaft // *Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg.* B.23. 1882. S.17-40.
179. *Wierzbicki J.* Łupawski mikroregion osadniczu ludności kultury pucharow lejkwatych. Poznań, 1999.
180. *Wierzbicki J.* Poganice, woj. Ślupsk, Fundstelle 4 // *Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Gypothesen.* Teil 2. Poznań, 1990. S.103-107.
181. *Winiger J.* Dendrodatierte Schnurkeramik der Schweiz // *Præhistorica.* XX. Praha, 1993. S.9-118.

182. *Wisłański T.* Kultura amfor kulistych w Polsce północno-zachodniej. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966.
183. *Wisłański T.* Plemiona kultury amfor kulistych // Prahistoria Ziem Polskich. T.2. Wrocław, 1979. S.261-299.
184. *Wisłanski T.* Kształtowanie się miejscowych kultur rolniczo-hodowlanych. Plemena kultury pucharów lejkowatych // Prahistoria Ziem Polskich. T.2. Wrocław, 1979. S. 165-260.
185. *Włodarczak P.* The absolute chronology of the Corded Ware Culture in South-eastern Poland // The absolute chronology of Central Europe 3000-2000 BC. Poznań-Bamberg-Rahden, 2001. P.103-129.
186. *Włodarczak P.* Kultura ceramiki sznurowej na wyżynie małopolskiej. Kraków, 2006.
187. *Yazepenka I., Koško A.* Radiocarbon chronology of the beakers with short-wave moulding component in the development of the middle dneiper culture // Baltic-Pontic Studies. Poznań, 12, 2003. P.247-252.
188. *Żurek J.* Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzuzewska // Fontes Archaeologici Posnaniensis 1953. Poznań, 4, 1954. S.1-42.

Рукописные источники

189. Кулаков В.И. Отчёт о работе Балтийского отряда ИА РАН СССР в Калининградской области в 1975 году. М., 1975 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
190. Кулаков В.И. Отчёт о раскопках, проведённых Балтийской экспедицией в 2003 году в посёлке Ушаково (Гурьевский р-он Калининградской обл.). М., 2003 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Список сокращений

АО – Археологические открытия. Москва.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград, Санкт-Петербург.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.

СА – Советская археология. Москва.

Aarbøger – Aarbøger for Nordisk Oldkyndighet og Historie. København.

Schr. Albertus-Univ., Naturwiss. – Schriften der Albertus-Universität, Naturwissenschaftliches Reiche.

Sitzber. Altges. Prussia – Sitzungsberichte Altertumsgesellschaft Prussia Königsberg. Königsberg.

Schr. Physikal.-ökonom. Ges. Königsberg – Schriften der Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Königsberg.

Reallexikon – Reallexikon der Vorgeschichte. Herausg. Von M. Ebert. Berlin, 1924-1932.

Таблица 1. Поселение Прибрежное. Основные формы посуды.

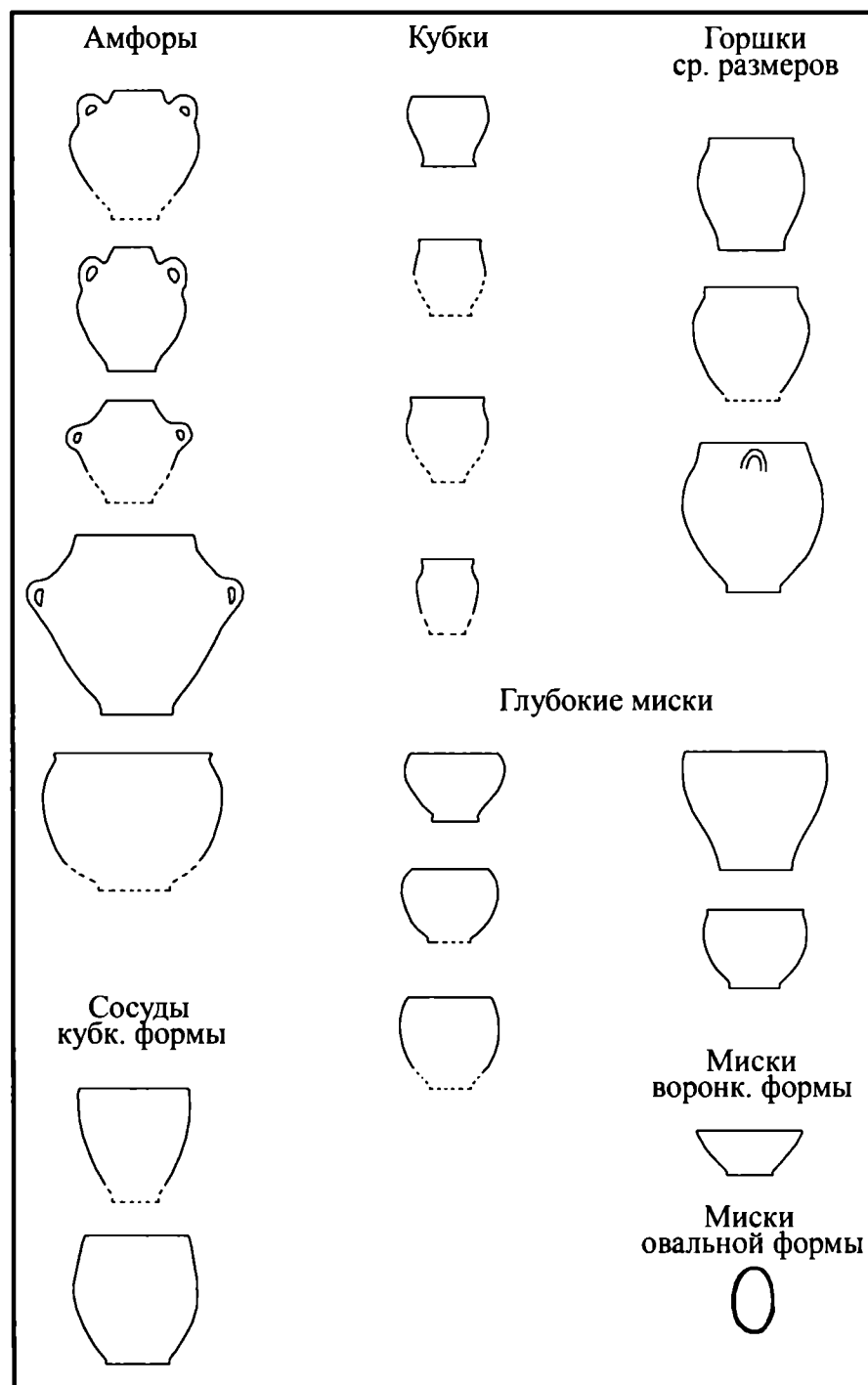

Таблица 1 (продолжение). Поселение Прибрежное. Основные формы посуды (широкогорлые горшки).

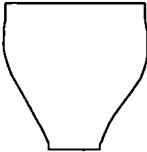
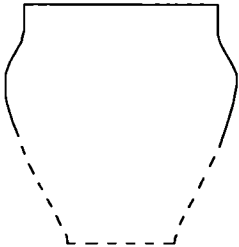
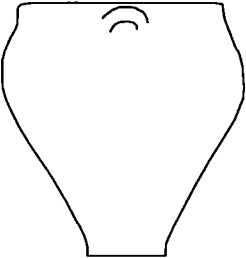
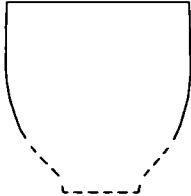
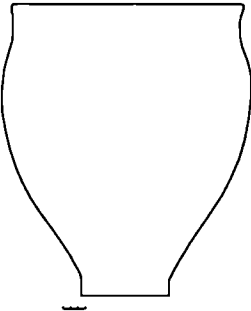
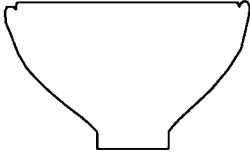
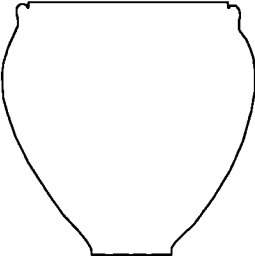
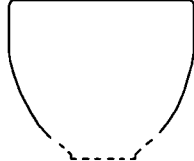
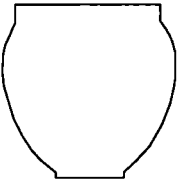
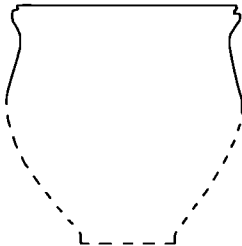
Группа 1		Группа 6	
Группа 2		Группа 7	
Группа 3		Группа 8	
Группа 4		Группа 9	
Группа 5		Группа 10	

Таблица 2. Толщина стенок основных типов посуды поселения Прибрежное.

Тип сосуда	Толщина стенок (в см)
Амфоры	0,7 – 1,0
Кубки	0,5 – 0,7
Широкогорлые горшки гр. 1-4	1 – 1,5
Широкогорлые горшки гр. 5	1 – 1,2
Широкогорлые горшки гр. 6	1 – 1,5
Широкогорлые горшки гр. 7	1 – 1,5
Широкогорлые горшки гр. 8	1 – 1,3
Широкогорлые горшки гр. 9	1 – 1,3
Широкогорлые горшки гр. 10	1 – 1,3
Сосуды кубкообразной формы	0,7 – 0,8
Горшки средних размеров	1,0
Глубокие миски	0,7 – 1,0
Миски воронковидной формы	0,8 – 1,0
Миски ладьевидной формы	0,8 – 1,0

Таблица 3. Средняя величина примесей (дресва) в тесте сосудов.

Тип сосуда	Размеры включений (в см)
Амфоры гр. 1	0,1 – 0,3
Амфоры гр. 2 и 3	0,05 – 0,2
Амфоры гр. 4-6	0,1 – 0,3
Кубки	0,05 – 0,1
Миниатюрные сосуды	0,05
Широкогорлые горшки гр. 1-7	0,05 – 0,3
Широкогорлые горшки гр. 8	0,05 – 0,1
Широкогорлые горшки гр. 9	0,05 – 0,3
Сосуды кубкообразной формы	0,05 – 0,1
Горшки средних размеров	0,05 – 0,2
Глубокие миски гр.1	0,1 – 0,3
Глубокие миски гр. 2	0,05 – 0,1
Глубокие миски гр. 3	0,05 – 0,2
Глубокие миски гр. 4	0,05 – 0,1
Миски воронковидной формы	0,05 – 0,2
Миски ладьевидной формы	0,05 – 0,2

Таблица 4. Основные типы посуды. Жилище 1-6.

Тип сосуда	Жилище 1				Жилище 2			
	верх		низ		верх		низ	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Амфоры	6	6,38	4	16,67	1	5,55	1	5,0
Кубки	5	5,32	-	-	-	-	5	25,0
Горшки ср. размеров	11	11,70	3	12,5	4	22,22	1	5,0
Широк. горшки гр. 1-7	36	38,29	6	25,0	7	38,89	5	25,0
Широк. горшки гр. 8	-	-	1	4,17	1	5,56	1	5,0
Широк. горшки гр. 9	4	4,26	5	20,83	-	-	1	5,0
Сосуды кубкообр. формы гр. 1	7	7,45	1	4,17	2	11,11	1	5,0
Сосуды кубкообр. формы гр. 2	7	7,45	1	4,17	-	-	-	-
Глубокие миски	6	6,38	1	4,17	-	-	3	15,0
Миски воронк. формы	2	2,13	-	-	-	-	-	-
Миски ладьевид. формы	10	10,64	2	8,33	3	16,67	2	10,0
Всего	94	100	24	100	18	100	20	100

Таблица 4. Основные типы посуды. Жилище 1-6 (продолжение).

Тип сосуда	Жилище 3				Жилище 4			
	верх		низ		Верх		низ	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Амфоры	6	13,33	2	11,11	12	18,75	1	9,09
Кубки	3	6,67	1	5,55	-	-	1	9,09
Горшки ср. размеров	5	11,11	1	5,55	10	15,63	-	-
Шир. горшки гр. 1-7	11	24,44	6	33,33	18	28,13	3	27,27
Широк. горшки гр. 8	-	-	1	5,55	1	1,56	-	-
Широк. горшки гр. 9	2	4,44	-	-	2	3,13	-	-
Сосуды кубкообр. формы гр. 1	-	-	2	11,11	-	-	1	9,09
Сосуды кубкообр. формы гр. 2	2	4,44	1	5,55	1	1,56	1	9,09
Глубокие миски	7	15,56	3	16,67	8	12,5	3	27,27
Миски воронк. формы	-	-	-	-	5	7,81	-	-
Миски ладьевид. формы	9	20,0	1	5,55	7	10,93	1	9,09
Всего	45	100	18	100	64	100	11	100

Таблица 4. Основные типы посуды. Жилище 1-6 (продолжение).

Тип сосуда	Жилище 5				Жилище 6			
	верх		низ		верх		низ	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Амфоры	1	4,54	1	4,76	3	8,33	-	-
Кубки	3	13,63	2	9,52	-	-	-	-
Горшки средних размеров	3	13,63	3	14,28	8	22,22	2	28,57
Широк. горшки гр. 1-7	11	50,0	3	14,28	18	50,0	4	57,14
Широк. горшки гр. 8	-	-	2	9,52	-	-	-	-
Широк. горшки гр. 9	-	-	1	4,76	-	-	-	-
Сосуды кубкообр. формы гр. 1	-	-	2	9,52	2	5,55	1	14,28
Сосуды кубкообр. формы гр. 2	-	-	3	14,28	2	5,55	-	-
Глубокие миски	1	4,54	3	14,28	2	5,55	-	-
Миски воронк. формы	-	-	-	-	-	-	-	-
Миски ладьевид. формы	3	13,64	-	-	1	2,77	-	-
Всего	22	100	21	100	36	100	7	100

Таблица 5. Даты образцов поселения Прибрежное (нижний уровень).

№	Датируемый материал	Структура	^{14}C возраст, BP	calBC Weninger, 1993	Лабораторный индекс
1	уголь	Очаг № 6	5690 ± 70	4540 ± 90	Ki-9950
2	рукоять топорика (уголь)	Очаг № 9	4290 ± 110	2910 ± 180	Le-7034
3	уголь	Жилище 2 (очаг)	4220 ± 40	2810 ± 80	Le-6217
4	кость	Жилище 2 (нижний уровень)	4470 ± 60	3170 ± 130	Ki-11352
5	уголь	Жилище 2 (нижний уровень)	4670 ± 160	3380 ± 220	Le-7035
6	уголь	Жилище 3 (нижний уровень)	4410 ± 80	3120 ± 150	Le-6218
7	кость	Жилище 3 (нижний уровень)	4530 ± 60	3220 ± 110	Ki -11351
8	уголь	Жилище 3 (нижний уровень)	4880 ± 130	3670 ± 160	Le-7036
9	уголь	Жилище 4 (очаг)	4570 ± 60	3280 ± 140	Ki-10581
10	уголь	Жилище 4 (очаг)	4510 ± 60	3210 ± 110	Ki-9948
11	кость	Жилище 6 (нижний уровень)	4570 ± 60	3280 ± 140	Ki-9949
12	уголь	Очаг № 8	4505 ± 60	3200 ± 110	Ki-10580
13	уголь	Очаг № 8	4430 ± 60	3120 ± 150	Ki-9947

Таблица 6. Даты образцов поселения Прибрежное (верхний и средний уровень).

No	Датируемый материал	Структура	¹⁴ C возраст, BP	calBC Weninger, 1993	Лабораторный индекс
1	уголь	Жилище 5 (верхний уровень)	2400 ± 70	570 ± 140 BC	Ле-6692
2	уголь	Жилище 1 (средний уровень)	1970 ± 90	20 ± 110 AD	Ле-6691
3	уголь	Яма 1	1825 ± 80	200 ± 100 AD	Ле-6690
4	уголь	Яма 2	1890 ± 160	110 ± 190 AD	Ле-6216
5	уголь	Яма 3	2805 ± 30	950 ± 40 BC	Ле-8014

Таблица 7. Даты образцов с поселений цедмарского торфяника.

Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	calBC Weninger, 1993	Лабораторный индекс	Ссылки
Цедмар А	торф	6280 ± 60	5200 ± 77	Ле-1342	Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. 2004
Цедмар А	уголь	6000 ± 90	4900 ± 117	Ле-1270	
Цедмар А	дерево	6000 ± 100	4875 ± 125	Ле-1271	
Цедмар Д	уголь	5990 ± 120	4875 ± 142	Ле-3182	
Цедмар Д	рог благородного	5640 ± 300	4500 ± 333	Ле-3920	
Цедмар А	уголь	5440 ± 90	4250 ± 100	Ле-1269	
Цедмар Д	нагар на керамике	5360 ± 130	4150 ± 150	Ua-2383	
Цедмар А	сапрпель	5300 ± 60	4150 ± 63	Bln-2163	
Цедмар А	уголь	5280 ± 50	4105 ± 52	Bln-2162	
Цедмар Д	нагар на керамике	5260 ± 80	4050 ± 100	Ua-2384	
Цедмар Д	нагар на керамике	5230 ± 100	4025 ± 108	Ua-2382	
Цедмар Д	нагар на керамике	5180 ± 100	4000 ± 117	Ua-2375	
Цедмар Д	уголь	5170 ± 70	3975 ± 92	Ле-3176	
Цедмар Д	нагар на керамике	5120 ± 100	3975 ± 125	Ua-2376	
Цедмар Д	уголь	5130 ± 100	3975 ± 125	Ле-3923	
Цедмар А	уголь	5120 ± 50	3925 ± 75	Bln-2165	
Цедмар Д	нагар на керамике	5100 ± 100	3925 ± 142	Ua-2380	
Цедмар А	уголь	5100 ± 60	3900 ± 83	Ле-1389	
Цедмар Д	нагар на керамике	5030 ± 100	3875 ± 125	Ua-2377	
Цедмар А		5100 ± 50	3870 ± 57	Bln-3553	
Цедмар Д	дерево	5090 ± 50	3850 ± 50	Ле-3174	
Цедмар Д	уголь	5070 ± 150	3850 ± 167	Ле-3924	
Цедмар Д	дерево	4990 ± 45	3800 ± 53	Ле-3173	
Цедмар А	уголь	4955 ± 110	3750 ± 133	Ле-1268	
Цедмар Д	дерево	4880 ± 50	3725 ± 75	Ле-3179	
Цедмар Д	нагар на керамике	4950 ± 90	3700 ± 117	Ua-2378	
Цедмар А	уголь	4900 ± 80	3675 ± 108	Ле-1387	
Цедмар А	уголь	4920 ± 80	3675 ± 108	Ле-1388	
Цедмар Д	торф	4890 ± 100	3675 ± 108	Ле-3926	
Цедмар А	уголь	4870 ± 80	3650 ± 100	Ле-1386	
Цедмар Д	нагар на керамике	4840 ± 100	3650 ± 117	Ua-2379	
Цедмар Д	нагар на керамике	4810 ± 100	3550 ± 150	Ua-2381	
Цедмар А	сапрпель	4730 ± 140	3450 ± 183	Ле-1319	
Цедмар А	уголь	3690 ± 110	2100 ± 167	Ле-1320	
Цедмар Д	сапрпель	4360 ± 70	3000 ± 117	Ле-3172	
Цедмар Д	дерево	4350 ± 80	3000 ± 133	ТА-1173	
Цедмар Д	уголь	4260 ± 80	2900 ± 150	Ле-1343	
Цедмар Д	дерево	4300 ± 40	2870 ± 60	Ле-3169	
Цедмар Д	дерево	4250 ± 40	2770 ± 53	Ле-3171	
Цедмар Д	уголь	4240 ± 90	2750 ± 57	Ле-1176	
Цедмар Д	дерево	4210 ± 45	2740 ± 60	Ле-3170	

Таблица 7 (продолжение). Даты образцов с поселений цедмарского торфяника.

Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	calBC Weninger, 1993	Лабораторный индекс	Ссылки
Цедмар Д	дерево	4170 ± 45	2735 ± 58	Ле-3177	Тимофеев
Цедмар Д	дерево	4020 ± 80	2525 ± 125	Ле-1181	В.И.,
Цедмар Д	дерево	4120 ± 100	2525 ± 125	Ле-3992	Зайцева
Цедмар Д	дерево	3890 ± 60	2300 ± 100	Ле-3168	Г.И. 2004
Цедмар Д	уголь	3870 ± 290	2450 ± 417	Ле-3925	

Таблица 8. Даты образцов с неолитических поселений Утиное Болото и Дудка 1.

Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	Интервалы калиброванного возраста, BC	Лабораторный индекс	Ссылки
Утиное	уголь	4870 ± 230	3950-3370	Ле-1237	Тимофеев
Утиное	уголь	3530 ± 140	2100-1680	Ле-1255	В.И.,
Дудка 1	нагар на керамике	5100 ± 60	4450-4340	Gd-5355	Зайцева Г.И. 2004
Дудка 1	?	4960 ± 90	3910-3650	Gd-2878	Antanaitis-Jacobs I.,
Дудка 1	?	4870 ± 110	3760-3540	Gd-2593	Girininkas A. 2002

Таблица 9. Даты образцов с поселений нарвской культуры (Западная Литва).

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Дактаришке 5В	дерево	5530 ± 110	4470-4240	Vs -808	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Дактаришке 5В	дерево	4360 ± 90	3100-2890	Vs -809	
Швянтойи 4В	дерево	5110 ± 110	4040-3770	Vs-811	
Швянтойи 4В	уголь	4910 ± 110	3910-3540	Vs-633	
Швянтойи 2В	дерево	4730 ± 100	3630-3370	LJ -2523	
Швянтойи 1В	дерево	4640 ± 60	3570-3342	LJ-2528	
Швянтойи 3	уголь	4410 ± 70	3262-2918	Vib-9	
Швянтойи 1В	дерево	4400 ± 90	3296-2910	ТА-247	
Швянтойи 4В	дерево	4400 ± 100	3328-2901	Vs-23	
Швянтойи 4В	дерево	4360 ± 50	3032-2912	Bln-4385	
Швянтойи 4В	дерево	4300 ± 180	3300-2620	Vs -956	
Швянтойи 4В	дерево	4230 ± 90	2914-2624	Vs -968	
Швянтойи 23	уголь	4190 ± 80	2884-2622	Vib-1	

Таблица 10. Даты образцов с поселений Швянтойи 4А/6 (Западная Литва).

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Швянтойи 4	дерево	4200 ± 50	2880-2700	Vs-957	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Швянтойи 4	дерево	4120 ± 10	2880-2500	Vs-967	
Швянтойи 6	дерево	4170 ± 110	2890-2580	Vs-499	
Швянтойи 6	дерево	4070 ± 110	2870-2470	Vs-500	
Швянтойи 6	дерево	4530 ± 75	3370-3100	T-13525A	

Таблица 11. Даты образцов с памятников КША в Польше (Куявия).

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	calBC Weninger, 1994	Лабораторный индекс	Ссылки
Круша Замкова	уголь	5140 ± 140	3965 ± 175	Gd-309	Szmyt M. 1999
Дембы 29/32	уголь	4600 ± 90	3325 ± 165	Gd-2148	
Колуда Велька	кость	4525 ± 40	3230 ± 100	GrN-13593	
Кучково 1/С2	кость	4970 ± 30	3750 ± 40	Ki-6238	
Кучково 1/С2	кость	4525 ± 45	3230 ± 100	Ki-6920	
Кучково 1/С2	кость	4520 ± 45	3225 ± 95	Ki-6496	
Кучково 1/С2	кость	4490 ± 40	3210 ± 100	Ki-6919	
Кучково 1/С2	кость	4480 ± 40	3200 ± 100	Ki-6921	
Кучково 1/А136	кость	4420 ± 55	3115 ± 145	Ki-6927	
Кучково 1/А136	кость	4415 ± 45	3105 ± 145	Ki-6917	
Кучково 1/А136	кость	4400 ± 50	3085 ± 135	Ki-6929	
Кучково 1/А136	кость	4385 ± 4 5	3015 ± 75	Ki-6928	
Кучково 1/А136	кость	4370 ± 50	3005 ± 75	Ki-6926	
Кучково 1/А15	кость	4380 ± 40	3005 ± 65	Ki-6918	
Опятовице	кость	4350 ± 120	3050 ± 190	Gd-6522	
Синяжево 1/148	кость	4350 ± 45	2980 ± 60	Ki-5910	
Божевице	кость	4335 ± 40	2965 ± 55	Ki-6913	
Круша Замкова	кость	4330 ± 35	2960 ± 50	GrN-14022	
Божевице	кость	4315 ± 40	2950 ± 50	Ki-6916	
Божевице	кость	4305 ± 45	2945 ± 55	Ki-6914	
Опятовице 3/35	уголь	4290 ± 120	2920 ± 200	KN-3765	
Синяжево	кость	4290 ± 40	2925 ± 45	Ki-5909	
Божевице	кость	4280 ± 45	2910 ± 50	Ki-6915	
Божевице	кость	4275 ± 45	2880 ± 60	Ki-6912	
Кежково 1	кость	4270 ± 40	2885 ± 45	GrN-15412	
Пецки 8/16	кость	4270 ± 30	2895 ± 25	Ki-5681	
Опятовице 34/2	кость	4250 ± 45	2830 ± 80	Ki-5138	
Опятовице 3/64	кость	4230 ± 110	2810 ± 160	Gd4117	
Пецки 8/13	кость	4230 ± 25	2830 ± 60	Ki-5680	
Пецки 1/90	кость	4230 ± 40	2810 ± 80	Ki-6232	
Скочка 1	кость	4220 ± 40	2800 ± 80	Ki-6329	
Опятовице	уголь	4200 ± 70	2765 ± 105	Gd-8033	
Опятовице	кость	4180 ± 70	2750 ± 100	Ki-5136	
Опятовице	кость	4160 ± 70	2735 ± 105	Ki-5597	
Жеготки 2/А68	кость	4150 ± 45	2745 ± 95	Ki-6220	
Жадквин 21/7	кость	4150 ± 40	2745 ± 95	Ki-6233	
Кежково 1	кость	4135 ± 40	2735 ± 95	GrN-15411	

Таблица 11 (продолжение). Даты образцов с памятников КША в Куявии.

Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	calBC Weninger, 1994	Лабораторный индекс	Ссылки
Опятовице	кость	4130 ± 65	2730 ± 110	Ki-5594	Szmyt M. 1999
Наконово 1/2	кость	4130 ± 45	2730 ± 100	Ki-7013	
Наконово 1/1	кость	4120 ± 50	2720 ± 110	Ki-7019	
Пецки 8/18	кость	4105 ± 40	2710 ± 110	Ki-6513	
Наконово 1/4	кость	4090 ± 40	2700 ± 120	Ki-7015	
Опятовице	кость	4060 ± 55	2645 ± 125	Ki-5131	
Наконово 1/3	кость	4050 ± 50	2615 ± 105	Ki-7014	
Кучково 5/С114	кость	4040 ± 35	2560 ± 60	Ki-6508	
Жеготки 2/А1 13	кость	4030 ± 60	2550 ± 100	Ki-6221	
Опятовице	кость	4010 ± 100	2560 ± 170	Gd-6438	
Кучково 1/Е2	кость	3990 ± 35	2515 ± 45	Ki-6510	
Синяржево 1/09	кость	3980 ± 45	2500 ± 60	Ki-6511	
Опятовице	кость	3950 ± 60	2445 ± 95	Ki-5595	
Опятовице	кость	3920 ± 60	2400 ± 90	Ki-5137	
Синяржево	кость	3915 ± 40	2400 ± 60	Ki-6512	
Кучково 1/А132	кость	3910 ± 40	2390 ± 60	Ki-6509	
Наконово 1/5	кость	3905 ± 45	2385 ± 65	Ki-7016	
Опятовице 1/38	кость	3900 ± 60	2375 ± 85	Gd-8035	
Кучково 1/Д6	кость	3895 ± 45	2380 ± 70	Ki-6507	
Опятовице	кость	3890 ± 50	2365 ± 75	Ki-5922	
Наконово 1/6	кость	3880 ± 50	2360 ± 80	Ki-7017	
Опятовице	кость	3870 ± 60	2335 ± 95	Ki-5593	
Наконово 1/7	кость	3870 ± 45	2350 ± 80	Ki-7018	
Опятовице	кость	3850 ± 50	2320 ± 90	Gd-8037	

Таблица 12. Даты образцов с памятников КША в Польше (Хельминская земля и Подлясье).

Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст, ВР	calBC Weninger, 1994	Лабораторный индекс	Ссылки
Стаблевичи 4/1	уголь	4380 ± 60	3060 ± 120	Gd-4019	Szmyt M. 1999
Бартлево 21/9	уголь	4350 ± 70	3020 ± 100	Gd-6093	
Вихоже 24/2	уголь	4340 ± 90	3040 ± 150	Gd-2428	
Бартлево 21/8	уголь	4300 ± 90	2920 ± 150	Gd-6092	
Бартлево 21/2	уголь	4170 ± 50	2750 ± 90	Gd-5572	
Линово 25	?	3890 ± 80	2335 ± 115	Gd-6755	
Браньск-Хоево	кость	4340 ± 50	2975 ± 65	Ki-6909	

Таблица 13. Даты образцов с поселения приморской (жуцевской) культуры Нида.

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Нида	дерево	4630 ± 120	3630-3120	Vs -321	Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. 2004
Нида	уголь	4620 ± 120	3620-3120	Vs -631	
Нида	уголь	4460 ± 110	3360-2920	Vs -632	
Нида	уголь	4070 ± 50	2830-2500	Bln-2592	
Нида	дерево	3470 ± 70	1878-1690	Vs-320	

Таблица 14. Даты образцов с поселения приморской (жуцевской) культуры Швянтойи 1А.

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Швянтойи 1А	дерево	4120 ± 80	2880-2500	ТА-246	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Швянтойи 1А	дерево	4100 ± 100	2880-2490	Vs-22	
Швянтойи 1А	дерево	3860 ± 50	2460-2210	Ле-835	

Таблица 15. Даты образцов с поселения КШК Шарняле (Западная Литва).

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Шарняле	дерево	4260 ± 90	2970-2700	Vs-318	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Шарняле	дерево	4040 ± 50	2610-2472	Ле-1787	

Таблица 16. Даты образцов с памятников КШК в Западной Литве.

Памятник	Датируемый материал	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
Дактаришке	дерево	4020 ± 100	2830-2460	Vs-813	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Дактаришке	уголь	4150 ± 50	2870-2618	Ле-4450	
Спигинас, погр.2	кость	4080 ± 120	2880-2470	ГИМ-55709	

Таблица 17. Радиоуглеродный возраст памятников бронзового века (Литва).

Памятник	Датируемый материал	Лабораторный индекс	¹⁴ C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Ссылки
Шакес	уголь	Ле-3709	3680 ± 350	2570-1620	Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. 2002
Швянтойи 9	?	Ki-7617	3540 ± 60	1940-1770	
Швянтойи 9	?	Ki-7618	3490 ± 60	1880-1700	
Жямеи Канюкай	дерево	Vs-324	3540 ± 90	2010-1540	Римантене Р.К. 2004

Таблица 18. Даты образцов с поселений жуцевской культуры (западная группа).

	Памятник	Датируемый материал	^{14}C возраст ВР	Интервалы калиброванного возраста, ВС	Лабораторный индекс	Ссылки
1	Жуцево	?	4445 ± 60	3320-2930	?	Król D. 1991
2	Жуцево	?	4405 ± 60	3260-2920	?	
3	Жуцево	?	4420 ± 130	3310-2890	Lod-290	
4	Жуцево	?	3810 ± 40	2330-2190	Ki-5951	Szmyt M. 1999
5	Ослонино	уголь	4200 ± 170	3030-2560	Lod-289	
6	Ослонино	уголь	4100 ± 170	2870-2420	Lod-288	
7	Ослонино	уголь	3940 ± 60	2530-2340	Gd-1607	
8	Ослонино	уголь	3930 ± 60	2510-2330	Gd-1606	
9	Ослонино	уголь	3910 ± 70	2480-2290	Gd-1752	
10	Ослонино	уголь	3710 ± 70	2270-1980	Gd-1879	
11	Ослонино	уголь	3680 ± 70	2170-1970	Gd-3067	

Памятники эпохи неолита и ранней бронзы на побережье Куршского и Вислинского заливов (в пределах Калининградской области)

Балтийск (Пиллау). Поселение КШК обнаружено на побережье Вислинского залива (рис. 1) [Kilian, 1955, s.251]. В Кёнигсбергском музее материалы с этого памятника были представлены кремнёвыми изделиями и сосудами, орнаментированными шнуром (пропали в годы войны, иных сведений не сохранилось).

Бальга (Весёлое). При устройстве молодёжного туристического лагеря, ещё в довоенное время, в районе полуострова Бальга на побережье Вислинского залива случайно обнаружился характерный для приморской культуры широкогорлый горшок [Kilian L., 1955, s.242]. Сосуд имел крупные размеры в высоту – 46 см (не опубликован). находка указывает на существование в этой местности поселения приморской культуры.

Береговое (Патерсорт). Холмистая местность между Береговым и Ушаково обследовалась множество раз в до- и послевоенное время. Хойдеком описывается стоянка, открытая им при неоднократных путешествиях вдоль побережья Вислинского залива вблизи населённого пункта Патерсорт [Heudeck J., 1909, s.204, Taf.XXIV]. Фрагменты керамики с накольчатым орнаментом, ножевидные пластины, топорик трапециевидной формы (размером 7 X 5 см), обломки каменных сверлёных топоров и топора-молота были собраны на поверхности картофельного поля. Все находки залегали в верхнем распаханном слое [Bohne-Fischer H., 1941, s.101].

Очевидно, что культурный слой стоянки, оказавшись на поверхности в результате эоловых процессов, подвергся разрушению, чему особенно способствовали лёгкие песчаные почвы в этом районе. В культурном плане памятник больше связан с нарвской культурой [Kilian L., 1955, s.245], на что указывает орнамент на посуде. Некоторые узоры напоминают ямочные орнаменты на сосудах из Ревы и Прибрежного. Топорик трапециевидной формы отсылает нас к приморской культуре [Kilian L., 1955, s.245].

Большое Исаково (Лаут). Материалы КШК обнаружены К.Н. Скворцовым при раскопках могильника римского времени Лаут (рис.1). Могильник находится на окраине посёлка, в пригороде г. Калининграда, на берегу ручья, впадающего в 1 км южнее в Преголю. Как выяснилось в ходе неоднократных обследований, могильник размещается на территории поселения КШК. В результате культурный слой подстилающего могильник памятника оказался серьёзно нарушен. находки, которые принадлежат КШК, включают несколько десятков, в основном, мелких фрагментов керамики, обломок сверлёного каменного топора, половинку грузила из гальки и кремнёвый скребок (рис.124: 4-8). Некоторые фрагменты орнаментированы простейшим узором в виде горизонтальных оттисков шнура. Сосуды, покрытые шнуровым орнаментом (большинство из них относятся к кубкам), имеют S-видный венчик, в тесте примесь дресвы (рис.124: 6,8). Один кубок, орнаментированный шнуром, выделяется почти прямыми стенками и венчиком. Топор следует относить к позднему типу (рис.124: 5).

Гробшто Рагас (Грабстер Хакен). Местоположение находится севернее посёлка Морское Калининградской области, в районе изгиба западного склона дюны (рис.1). Ещё в 1870–1871 гг. П. Шиффердеккером у подножия дюны южнее Гробшто Рагас были обнаружены каменные топоры, которые оказались затем в Кёнигсбергском музее и множество фрагментов керамики [Rimantienė R., 1999a, s.12]. В 1892 г. Беценбергеру здесь удалось зафиксировать явные следы поселения [Bezenberger A., 1893, s.36-45]. В 1824 г. Э. Холлак собрал в этом месте на поверхности древней лесной почвы фрагменты неорнаментированного горшка и обнаружил почти полностью сохранившуюся овальную миску (рис.128: 1,2) [Hollack E., 1895, s.146-161; Rimantienė R., 1999a, s.100-101, Abb.50]. Остальные находки не опубликованы и считаются утерянными.

Калининград (Кёнигсберг, Schloßkaserne). В 1926 г. на территории казармы восточнее Кёнигсбергского замка проводились земляные работы с целью строительства здания банка. В ходе работ на глубине более одного метра строители натолкнулись на следы стоянки эпохи неолита с характерным для прибалтийской культуры инвентарём. Памятник размещается на пятнадцатиметровом склоне делювиальной террасы, в месте, где ледниковая долина реки Преголи несколько сокращается в ширину (рис.1). С юга терраса имела достаточно крутые склоны, а с

запада и востока ограничена лощинами. Лишь с севера площадка поселения оказывалась более доступной [Bohne-Fischer H., 1941, s.86-87, Abb.33]. В ходе спасательных раскопок В.Гэрте удалось зафиксировать культурный слой толщиной 0,20-0,25 м, в котором содержались фрагменты гребенчато-ямочной керамики, кремнёвые ножевидные пластины, скребки, сверло, обломки наконечника копья и топора, изделия из янтаря [Ebert M., 1927, s.267, Taf.214]. Выше этого слоя были зафиксированы древности совершенно иного характера, близкие по ряду основных показателей Прибрежному. От основного слоя они были отделены стерильной прослойкой. В коллекцию входят зернотёрка, две овальной формы миски, амфора и широкогорлый горшок, украшенный горизонтальными оттисками шнура в сочетании с треугольниками [Kilian L., 1955, s.242; Engel C., 1935, Taf.48:b]. В тесте сосудов имелась примесь дресвы (рис. 127: 7).

Лена-Калис. Поселение КШК обнаружено севернее Морского, в трёх метрах над уровнем палывы, на поверхности древней лесной почвы (рис.1) [Rimantienė R., 1999a, s.101-102]. Выявлены кремнёвые отщепы, наконечники кремнёвых стрел, зернотёрка, обломок топора, янтарь, кости животных. Особо следует отметить фрагменты 2-х кубков (рис.127: 8,9). Один из них баночной формы с отогнутым наружу венчиком, орнаментирован до самого днища поясами горизонтальных оттисков шнура (рис.127: 8). Второй горшковидной формы кубок с плавно изогнутым туловом приземистой формы, украшен более сложным многосоставным орнаментом: по верху проходит узкий налипной валик с насечками, под которым располагается композиция из горизонтальных нарезных линий и ёлочки (рис.127: 9). Декор ограничивается по нижнему краю рядом мелких округлых ямок.

Лесной (Заркау). Севернее Белой горы (Вайсберг) на откосе дюны в 1902 г. зафиксированы 3 стоянки КШК с находками фрагментов шнуровой керамики (находки депаспортизованы) (рис.1) [Bohne-Fischer H., 1945, s.77].

Морское (Пилькоппен). Местность между пос. Рыбачий и пос. Морское в начале XX века изобилвала артефактами, относящимся преимущественно к позднему неолиту. Известно не менее десятка местоположений, где выявлены многочисленные фрагменты керамики, орнаментированной оттисками шнура (рис.1) [Kilian L., 1955, s.243]. Опубликован лишь один фрагмент, орнаментированный оттисками шнура в форме волны (рис.128: 5). Другие находки никогда не публиковались и считаются утерянными.

Покровское (Зоргенау). Поселение КШК расположено в 1,3 км к юго-западу от населённого пункта Покровское, в 0,7 км от берега моря на небольшой возвышенности (рис.1). Большая часть всхолмления занята могильником раннего железного века. В 1975 году Балтийской археологической экспедицией ИА РАН, возглавляемой Кулаковым В.И., было вскрыто 320 кв. м площади памятника [Кулаков В.И., 1975, с.5,13,14, рис.82]. В ходе обследования могильника выяснилось, что памятником раннего железного века нарушены слои поселения, которое связано с более ранним периодом.

В восточной прирезке (№ 12) удалось выявить остатки жилой конструкции овальной формы, ориентированной по оси северо-восток – юго-запад (рис.125). Размеры постройки составляют 3 x 1,9 м, заглублена в среднем до 0,40 м [Кулаков В.И., 1975, с.13]. На полу жилища, по центральной оси прослежены ямы глубиной 0,05 и 0,03 м (возможные следы столбов для поддержания кровли). Заполнение объекта представлено супесью тёмно-серого цвета, с примесью мельчайших частиц угля (рис.125). Западный сектор котлована жилища частично затянута предматериковым слоем светло-серого цвета, связанным с позднейшим оползнем. На самом дне котлована жилища прослежена тонкая прослойка супеси с углём более тёмных оттенков, возможно, являющаяся остатками сгоревшей и рухнувшей вниз кровли.

Находки преобладали в западном секторе жилища. Представлены фрагменты кубка с нарезным орнаментом в виде ёлочки (рис.126: 1). Узор, возможно, покрывает всю поверхность стенок. Сосуд имеет тулово, по форме близкое к воронковидному. Шейка хорошо выражена. Венчик прямой, но с наклоном наружу. Обжиг равномерный, черепок плотный, коричневого цвета, с примесью шамота. Кубки подобной формы, к тому же украшенные нарезным ёлочным орнаментом встречаются на Куршской косе, причём, как правило, в северной её части (рис.129: 1,2) [Gaerte W., 1927, Abb.238-242].

Другой фрагмент относится к широкогорлому горшку с плавными очертаниями тулова (рис.126: 5). В верхней части сосуд декорирован валиком. Венчик слегка отогнут наружу. Обжиг равномерный, черепок плотный, коричневого цвета, с примесью шамота. Шишковидными налепами и валиком декорирован широкогорлый горшок, обнаруженный на пространстве раскопа

в переотложенном состоянии (рис.126: 6). В тесте сосуда присутствует шамот, черепок плотный, коричневого цвета. Сосуды аналогичной формы, декорированные налепами в форме валиков, в приморской культуре получили широчайшее распространение. Ближайшие параллели известны с Куршской косы (рис.128: 12,13).

Также в заполнении жилища найден венчик сосуда с накольчатым орнаментом (рис.126: 2). Кроме того, в нижнем секторе жилища выявлены кремнёвый скребок и амулет (?) из известняка с просверленным отверстием (рис.126: 3,4).

Прибрежное (Вальдбург). Поселение Прибрежное, открытое в 1994 году, расположено в 0,2 км западнее окраины поселка Прибрежное, в 19 км от г. Калининграда, на побережье Калининградского залива (северная часть Вислинского залива) (рис.2, 3). Памятник занимает пологий северный склон песчаного всхолмления, возвышающегося над уровнем залива на 7,60 м. Холм имеет неправильную овальную форму, поверхность местами задернована, но в центре дерн почти полностью отсутствует (рис.166: 1). По всей видимости, западнее поселения протекал ручей, следы которого ныне почти совершенно исчезли. Залив в этом районе отличается мелководностью, глубина у побережья обычно не достигает и одного метра. Участок Калининградского залива, на берегу которого находится поселение, частично перекрывается мысом, который тем самым образует ещё один небольшой залив – Ушаковский (рис.2). От залива холм отделен заболоченной низменностью (несколькими столетиями ранее – часть дна залива) (рис.166: 1). Заросшая лугом, который используется летом для выпаса скота, весной и осенью эта местность частично покрыта водой, а в сильнейшие шторма сюда доходят волны залива, вплотную подступая к склонам возвышенности. С противоположной стороны простирается искусственно высаженный сосновый лес (рис.166: 2). Почти до устья реки Прохладной (Фришинг), впадающей в залив в 7 км юго-западнее Прибрежного, побережье преимущественно заболоченное. Окружающая местность представляет собой низменную равнину, где доминируют разновидности моренной глины. Лишь участок, размером приблизительно в 3,5 X 9 км, включая небольшую возвышенность, на которой находится памятник, сложен флювиогляциальными разнозернистыми песками.

Калининградский залив отделен от Балтийского моря Вислинской косой протяжённостью 55 км (если не учитывать участок суши в районе г. Балтийска). Из них 25 км косы относятся к территории Калининградской области. Ширина Вислинской косы в среднем составляет 0,3-1,8 км, причём за последние несколько столетий она сузилась на треть [Волкова И.А., Корнеев В.С., 2002, с.10]. Залив соединяется с морем проливом шириной 400 м. Пролив возник в 1506 г., когда во время сильного шторма в районе Балтийска (Пиллау) образовался прорыв [Гидрометеорологический режим, 1974, с.8].

Южнее, на расстоянии 1,2 км от месторасположения поселения, находятся частично осушенные торфяные болота (рис.2). Ещё в XIX веке они продолжались в юго-западном и восточном направлениях, соединяясь с заливом. Заболоченная местность является остатками одного из рукавов Преголи, когда-то впадавшего в акваторию залива в районе Прибрежного. Вероятно, окончательное исчезновение протоки приходится на конец Средневековья. В XIX веке, в результате сооружения дамб, протока превратилась в цепочку мелких озёр, где происходил активный процесс торфообразования, завершившийся заболачиванием. К началу XX века характер местности в связи с заболачиванием кардинальным образом изменился. Многие участки пространства в районе Прибрежного оказались непригодными для проживания и вышли из состава землепользования. Залив сильно измельчал, кромка берега заметно продвинулась в северо-восточном направлении. Постепенно окружающая территория становилась всё более безлюдной. Не случайно незначительный по размерам посёлок, который существовал в этих местах, получил в своё время название Хайде – «пустошь». Позднее посёлок, благодаря неподалёку возникшему имению, наделили более благозвучным именем – Хайде-Вальдбург. В 1947 г. Хайде-Вальдбург переименовали в Прибрежное [Дементьев И.О., 2001, с.18].

Образование рельефа на данной территории, вероятно, следует связывать с тальми ледниковыми водами, которые принесли с собой продукты размыва. Формирование могли довершить эоловые процессы и деятельность исчезнувшего ныне притока реки Преголи [Гидрометеорологический режим, 1974, с.30].

Стратиграфия памятника имеет следующий характер: непосредственно под дерновым покровом толщиной от 0,02 до 0,20 м, залегает слой грунта светло-серого окраса, мощностью до 0,36 м, образовавшийся вследствие эоловых процессов. Ниже располагается собственно

культурный слой с находками фрагментов керамики или раздавленных сосудов, изделий из камня и янтаря, кремнёвых отщепов, угольков, мельчайших фрагментов обожжённых костей. Стратиграфически он выглядит как одно целое и представляет собой чёрного цвета песок с большим количеством мелких частиц древесного угля (в заполнении котлованов жилищ) или серого цвета песок в межжилищном пространстве. Мощность культурного слоя колеблется от 0,10 до 1,0 м. Под культурным слоем залегает предматериковый песок серовато-жёлтого цвета с незначительной мощностью 0,02–0,16 м. Ниже находится материковый песок светло-жёлтого окраса. Стратиграфия памятника достаточно однородна. Стерильных прослоек не выявлено, хотя изредка непосредственно под слоем дёрна встречается хруповатая керамика, соответствующая раннему железному веку и римскому времени. Также и в нижних горизонтах наряду с преобладающей шнуровой керамикой обнаружено незначительное количество пористой керамики, предположительно, связанной с существованием на этом месте более ранней стоянки. Подобная ситуация, в целом, естественна для памятников, расположенных на песчаном грунте.

Общая исследованная площадь – 866 м².

На поселении выявлено 12 построек столбовой конструкции, 18 очагов в межжилищном пространстве. Обнаружено более 20 тыс. фрагментов керамики, 37 изделий из янтаря, включая заготовки, 23 каменных топора трапециевидной формы, тёсла, шлифовальные плиты, растиратели, каменные грузила и мотыги.

Рыбачий (Росситтен) 1. Между Латгенвальде и Штангенвальде у подножия дюны Э. Холлаком собраны фрагменты украшенных шнуром сосудов и кремнёвые изделия, указывающие на существование в этом районе стоянки КШК (рис.1) [Bohne-Fischer H., 1945, s.77-78]. Находки депаспортизованы.

Рыбачий (Росситтен) 2. Следы другой стоянки КШК обнаружены восточнее Кунцена, в непосредственной близости от залива (рис.1) [Bohne-Fischer H., 1945, s.78]. Находки депаспортизованы.

Рыбачий (Росситтен) 3. На незначительном расстоянии от залива, на обрывистом берегу, севернее посёлка, видимо, существовало поселение КШК, которое было разрушено. Находки найдены в заливе с обломками топоров (один из них ладьевидный), фрагментами шнуровой керамики и костями животных (рис.1) [Bohne-Fischer H., 1945, s.78]. Два фрагмента принадлежали амфорам округлой формы с нарезным орнаментом (рис.128: 3,4).

Светлый (Циммербуде). Поселение расположено вблизи северного побережья Вислинского залива, на небольшой песчаной возвышенности, составляющей западный берег ручья Лауке (рис.1). Ручей впадает в залив примерно в 1000 м от месторасположения. С востока возвышенность окружена лугами [Bohne-Fischer H., 1941, s.87]. Среди находок отмечены обломки каменного топора трапециевидной формы, овальной формы миски, фрагменты глубоких мисок и широкогорлых горшков. Помимо орнамента, выполненного шнуром, выделяются сосуды, украшенные штампом в виде столбиков (рис. 127: 6). Данный вид орнамента связывается с влиянием КВК [Kilian L., 1955, s.242, Taf.XXVIII:177; Engel C., 1935, Taf.38:h].

Тенкиттен. Поселение КШК находится на северном побережье Вислинского залива (рис.1). Обнаружены каменные топоры, изделия из кремня, сосуды, орнаментированные шнуром. Более подробных сведений не сохранилось [Kilian L., 1955, s.251].

Ульяновка (Хоппенбрух). При осмотре побережья Вислинского залива, приблизительно в 9 км от Прибрежного, на берегу ручья, местным краеведом Ириной Литвиненко в распахке обнаружен топорик из кристаллической породы, трапециевидной формы (рис.1). Размеры орудия – 8 X 3,8 см, ширина лезвия – 4,2 см (рис.124: 1). В поперечном сечении топорик овальных очертаний, боковые стороны выпуклые. Топорик практически неотличим от подобного рода изделий в Прибрежном. Аналогичны форма, и материал, из которого изготовлено орудие. Рядом найдена удлинённой формы янтарная подвеска с закругленными углами и мелкие фрагменты неорнаментированной керамики (рис.124: 2). Украшение отличается крупными размерами – 5,7 X 2,9 см.

Ушаково (Бранденбург). Памятник расположен в западной части мыса второй надпойменной террасы правого, наиболее высокого берега реки Прохладной (Фришинг) (рис.1). Высота мыса не превышает 11,5 м. В 1320–1340 гг. на этой территории была построена кирха св. Николая, в пределах которой в средние века, видимо, совершались захоронения. В XIX веке южнее кирхи существовало кладбище, которое в конце 90-х гг. подверглось разграблению. Одновременно разграбленными оказались более ранние погребения внутри кирхи и непосредственно под её

стенами. Из этих «раскопок» в КОИХМ случайно попали 2 удлинённой формы миски, специфические для соседнего поселения Прибрежное (рис. 148). Автором при выезде на место предполагаемого намеренного разрушения, на территории частного дома, расположенного вблизи кирхи, были зафиксированы следы культурного слоя, относящегося к позднему неолиту. К сожалению, большая часть поселения уничтожена, однако, есть надежда, что отдельные участки ещё не потревожены. Во время обследования найдены кремнёвые отщепы, фрагменты амфоры округлой формы с оттисками шнура и сосуда средних размеров (рис. 147: 2). Все сосуды с примесью дресвы в тесте. В 2003 г. БАЭ ИА РАН с целью выяснения характера расположенных в районе кирхи памятников в 3 м к юго-востоку от угла южного контрфорса башни кирхи, проводились небольшие раскопки (раскоп площадью 16 кв. м) [Кулаков В.И., 2003, с.1-5]. В переотложенном состоянии выявлены материалы, связанные, как предполагают, с могильником римского времени, прусского средневекового поселения, могильником XIV–XV веков. Наконец, обнаружены фрагменты сосудов с оттисками шнура, совершенно обычными для соседнего поселения в Прибрежном. Орнамент представлен треугольниками, горизонтальными и вертикальными оттисками шнура (рис. 147: 3-5). Фрагменты принадлежат довольно крупным по объёму широкогорлым горшкам. В тесте сосудов замечена примесь дресвы. Фрагмент небольшого по объёму сосуда, украшенного горизонтальными оттисками шнура, аналогичен горшкам средних размеров (рис. 91: 3; 93: 1,2,3). Миски удлинённой формы по форме близки тем, что встречаются в Прибрежном. Амфора больше напоминает сосуды подобного типа с поселения Нида (рис. 141В: 10) [Rimantienė R., 1989, s.94-95, pav.47].

Шоссейный (Маулен). В 4 км юго-западнее населённого пункта Шоссейный и в 2,5 км от Калининградского залива Неолитическим отрядом БАЭ ИА РАН в 2003 г. обнаружена небольшая стоянка КШК (рис. 1). Памятник расположен на берегу бывшей протоки, в прошлом, представляющей собой древний рукав Преголи, огибающей территорию, где находится поселение Прибрежное. В распашке собраны редкие фрагменты керамики, украшенные нарезным или шнуровым орнаментом, отбойник из песчаника, кремнёвые отщепы, обломок шлифовального камня. Фрагмент кубка орнаментирован шнуром по всей поверхности, венчик прямой, в тесте примесь дресвы (рис. 124: 3). Другой кубок украшен нарезным орнаментом в виде заштрихованных треугольников. Хотя от Прибрежного стоянку отделяет всего 3,5 км, судя по сохранившимся остаткам, в культурном отношении она мало чем напоминает соседний памятник.

Поселения культуры шнуровой керамики внутренних районов Калининградской области

Витткен (ныне – на территории Славского района). Земляными работами разрушено поселение КШК, расположенное на невысоком песчаном холме в районе Неманской дельтовой низменности [Kilian L., 1955, s.245]. Сохранились сведения о крупных размеров сосудах с утолщениями по венчику и пальцевыми защипами, характерных для приморской культуры.

Гусев (Гумбинен). В 1910 г. при добыче гравия на окраине города рабочие наткнулись на фрагменты сосуда, украшенного шнуровым орнаментом (иных сведений не сохранилось). Находка связывается с поселением КШК, расположенным в этой местности [Kilian L., 1955, s.249].

Крылово (Норденбург). В 1999 г. в посёлке Крылово Правдинского района, вблизи границы с Польшей обнаружены следы неизвестного ранее поздненеолитического поселения. От Вислинского залива его отделяют более 100 км. Памятник находится на берегу небольшой речки Путиловка, впадающей уже на польской территории в оз. Освин (рис.1).

Собранные фрагменты керамики, все с отпечатками шнура и с примесью дресвы в тесте, соответствуют широкогорлым горшкам открытого типа группы 4 поселения Прибрежное (рис.146). В орнаментике заметны следы влияния КША (рис.146: 1). Вся керамика толстостенная, некоторые горшки имели очень крупные размеры, и, следовательно, поселение могло быть долговременным (рис.146: 3).

Культурный слой поселения частично перекрыт построенной в XV веке кирхой. В 1705 г. после сильного пожара здание было перестроено [Bachtin A., Doliesen G., 2000, s.80]. К сожалению, при неоднократной застройке слои памятника были серьёзно нарушены [Зальцман Э.Б., 2003, с.60].

Стелау (ныне – на территории Нестеровского района). Вблизи этого населённого пункта в болоте обнаружена крупных размеров округлая амфора с прочерченным орнаментом (рис.127: 5) [Kilian L., 1955, s.244].

Спортенен (ныне – на территории Краснознаменского района). В аналогичных условиях залежала овальных очертаний миска, происходящая из торфяного болота под Спортененом [Kilian L., 1955, s.242].

Райнхенхоф (ныне – на территории Гусевского района). Во время работы на карьере в 1926 г. ковшом землечерпалки случайно на поверхность были извлечены фрагменты сосудов и кости животных. Один из сосудов оказался декорированным валиком (утрачены в годы войны, иных сведений не сохранилось) [Kilian L., 1955, s.247].

Фихтенвальде (ныне – на территории Гусевского района). Вблизи этого населённого пункта в довоенное время были случайно обнаружены фрагменты сосудов, орнаментированных оттисками шнура (утрачены). По всей вероятности, сосуды происходят из культурного слоя поселения КШК [Kilian L., 1955, s.248].

Цедмар А. Памятник расположен на краю ныне не существующего острова в северной части торфяника. Выше основного уровня с материалами цедмарской культуры любительскими раскопками К. Штади выявлены находки, типологически близкие материалам из Прибрежного. Наиболее яркие находки были опубликованы В. Гэрте [Gaerte W., 1927]. К ним относятся миска овальной формы и кубок с хорошо выраженной шейкой и покатым туловом. Сосуд орнаментирован перемежающимися горизонтальными оттисками шнура и округлым штампом (рис.127: 2). Фрагмент широкогорлого горшка открытого типа украшен поясами горизонтальных оттисков шнура, волной и перевёрнутыми полуovalами (рис.127: 4). Венчик отогнут наружу. Сосуд формой напоминает широкогорлые горшки группы 1 с поселения Прибрежное (рис.49-54).

С 1970-х гг., как уже указывалось выше, раскопками памятников цедмарского типа занимался В.И. Тимофеев. При исследовании поселений Цедмар А и Д в верхних слоях памятников зафиксированы материалы, связанные с КШК [Тимофеев В.И., 1979, с.63; Тимофеев В.И., 2003а, с.119-123, рис.2,3]. Материалы, относящиеся к КШК, залежали непосредственно под верхним культурным слоем, принадлежащим поселению эпохи раннего железного века, в слое сапропеля, мощность которого составляла 30–35 см [Тимофеев В.И., 2003а, с.119, рис.1]. Находки шнуровой керамики относились к линзам песка и песчаной прослойки, залегавшей в толще

сапропеля. Продолжавшиеся ниже слои средне- и крупнозернистого песка уже содержали материалы цедмарской культуры. Таким образом, стоянка КШК размещалась выше основных слоёв с керамикой цедмарского типа. Всего обнаружено около 60 фрагментов шнуровой керамики [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.2]. Вся керамика тонкостенная. Тесто плотное, с примесью песка и органики. Поверхность заглажена, но иногда внутри и снаружи встречаются расчёсы. Большинство сосудов относится к слабопрофилированным кубкам с почти прямыми или чуть выпуклыми стенками (рис.130, А: 1-10). Один из кубков, орнаментированный горизонтальными отгисками шнура, имел заметно отогнутый наружу венчик [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.2: 9]. Диаметр венчика составлял 20 см (рис.130, А: 1). Ещё один кубок имел хорошо выраженную шейку, слегка отогнутую наружу [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.2: 10]. Тулово было воронковидным. Орнамент представлен сочетанием горизонтальных отгисков шнура и мелкими вдавлениями (рис.130, А: 10). Встречаются сосуды с нарезным орнаментом в виде заштрихованных треугольников. Край венчика декорирован ямками. Своеобразен орнамент из шнуровых полукружий (рис.130, А: 6). Кубки могли так же украшаться полуovalами (рис.130, А: 2) [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.2: 12]. Единичными находками являются фрагменты, декорированные валиком. Поверх валика и края венчика проходил ряд ямок-насечек (рис.130, А: 9). Обломок небольшой по размеру амфоры имел маленькое ушко (рис.130, А: 4).

Среди кремнёвых орудий необходимо отметить треугольный наконечник стрелы с прямым основанием, а также сердцевидный наконечник (рис.132, В: 38,39). В линзе песка, связанного с КШК, обнаружен ланцетовидный наконечник. Представлены скребки на отщепках и пластинки со следами ретуши [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.3]. Важной находкой является обломок боевого сверленого топора (рис.132, В: 41).

Обнаружены фрагменты роговых и костяных изделий, включая крупный обломок острия из рога оленя с частично залощенной поверхностью и часть изделия из клыка кабана [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.3: 12]. Янтарная подвеска неправильной трапециевидной формы, видимо, была изготовлена из более крупной формы изделия (рис.132, В: 40) [Тимофеев В.И., 2003а, с.121, рис.3: 4].

Единственная дата, которая может относиться к КШК, получена из верхнего слоя сапропеля – 3690 ± 110 ВР, 2100 ± 167 cal.ВС, Ле-1320 [Тимофеев В.И., 2003а, с.123].

Подъёмы и спады на Балтике в литориновое и послелиториновое время частично совпадали с озёрными трансгрессиями и регрессиями. Прежде всего, это относится к регрессивной фазе, отмечавшейся на Балтике в 4700-4400 гг. л.н. [Долуханов П.М., 1974, с.148]. Именно в данное время вторая регрессия Цедмарского палеозера достигла своего максимума [Левковская Г.М. 2000, с.41]. Максимум регрессии на Цедмаре приходится на раннюю бронзу в пределах 3900-3700 л.н., что соответствует регрессии Балтийского моря, произошедшей 4000-3600 л.н. [Долуханов П.М., 1974, с.148].

Цедмар Д. Стоянка расположена в 200 м от Цедмара А на северном берегу торфяника. Шнуровая керамика обнаружена раскопками К. Штади, как и в предыдущем случае, в верхних слоях. Кубок с S-видным венчиком и плавными очертаниями тулова, декорирован двумя узкими валиками с насечками [Kilian L., 1955, Taf.XII]. Небольшими углублениями покрыты края доньшка и венчика (рис.127: 1). Другой сосудик небольшого размера с двумя ушками по бокам, с прямым венчиком и покатыми плечиками, отдалённо напоминает амфоры группы 2 из Прибрежного (рис.127: 3) [Kilian L., 1955, Taf.VII].

В.И. Тимофеевым на поселении Цедмар Д было вскрыто около 800 кв. м, однако керамики, орнаментированной шнуром, не было выявлено [Тимофеев В.И., 2003а, с.123]. По всей видимости, местонахождение КШК, зафиксированное К. Штади, имело слишком маленькую протяжённость. С другой стороны, В.И. Тимофеевым были зафиксированы остатки деревянного настила или платформы, датированной методом радиоуглеродного анализа 4300-4100 ВР.

Утиное Болото. Приблизительно в 50 км северо-восточнее Цедмара В.И. Тимофеевым в торфянике неподалёку от посёлка Добровольск Краснознаменского р-на открыта стоянка Утиное Болото, где наряду с материалами цедмарского типа на одном из участков встречались находки, связанные с КШК [Тимофеев В.И., 2003а, с.123-125, рис.4]. Культурный слой фиксировался на границе между торфом и алевролитом. Обнаружены скопления со следами жилых конструкций временного характера, относящихся к цедмарской культуре [Тимофеев В.И., 2001, с.211-217]. Материалы КШК размещались компактно, но стратиграфически никак не вычленились из

основного культурного слоя с цедмарской керамикой. Часть фрагментов была обнаружена в верхней части культурного слоя, но некоторые залежали и гораздо ниже. Предполагается, что стоянка КШК частично могла перекрыть более раннее поселение цедмарской культуры.

Всего в скоплении выявлено 200 фрагментов от 8–11 кубков, орнаментированных, по большей части, рядами тонких оттисков шнура [Тимофеев В.И., 1980, с.14; Тимофеев В.И., 2003а, с.125, рис.4]. Типологически они близки керамике КШК с поселений Цедмар А (рис.130, В). Посуда неплохо обожжена, в тесте примесь песка. Толщина стенок не превышает 0,8 см, поверхность хорошо заглажена, иногда со следами расчёсов. Венчик у сосудов почти прямой или слегка выгнут наружу, тулово выпуклой формы. Один из кубков украшен сочетанием горизонтальных и усовидных оттисков шнура (рис.130, В: 19).

В 2 м от скопления находился составленный тесно уложенными камнями очаг, который, скорее всего, относился именно к этому скоплению.

Стоянка КШК функционировала, когда уровень воды во внутренних водоёмах был низким [Тимофеев В.И., 2003а, с.125]. С КШК может быть связана дата 3530 ± 140 BP, 2100-1680 cal. BC, Ле-1255.

Тушино (Райнкенвальде). В Неманском районе, неподалёку от села Тушино на II-ой надпойменной террасе р. Шешупе В.И.Тимофеевым в 1973 г. проводились раскопки поселения, относимого КШК. Исследовано 276 кв.м площади памятника [Тимофеев В.И., 1975, с.40; Тимофеев В.И., 1978, с.35-37; Тимофеев В.И., 2003а, с.125-133]. Верхняя часть культурного слоя разрушена пахотой.

В южной части раскопа выявлены следы постройки столбовой конструкции размером 3-3,5 X 7-8 м [Тимофеев В.И., 2003а, с.125-128, рис.5]. Заполнение жилища мощностью 8–12 см (верхний уровень не сохранился) имело интенсивный чёрный цвет. Юго-западный сектор жилища разрушен современной ямой. На уровне материка зафиксированы ряды ямок диаметром 0,06–0,08 м, заглубленные до 0,10–0,15 м. Заполнение ямок имело серый или чёрный цвета. Ямки размещались по контуру постройки. По центральной оси проходил ещё один ряд ямок, видимо, поддерживающий кровлю (рис.131). В северном секторе жилища выявлены следы кострища. Заполнение постройки содержало небольшое количество фрагментов шнуровой керамики.

По всей площади раскопа найдены многочисленные, в основном мелкие, фрагменты керамики, орнаментированные однообразными горизонтальными оттисками шнура [Тимофеев В.И., 2003а, с.128, рис.6]. Большая часть сосудов тонкостенная, в тесте примесь песка или дресвы (рис.132,А). На внешней поверхности сохранились следы расчёсов. Сосуды, как правило, относятся к слабопрофилированным кубкам. Венчик почти прямой или слегка отогнут наружу. Кроме горизонтальных отпечатков шнура встречаются усовидные оттиски. Полностью отсутствуют орнаменты в виде «ёлочки». Налепной валик встречался крайне редко. Небольшое число сосудов, в том числе амфора, было украшено рядами наколов или мелких ямок. Иногда сосуды орнаментировались шнуром по всей поверхности до самого дна.

Кремнёвые изделия, прежде всего, представлены тремя треугольными наконечниками стрел с вогнутым основанием (рис.132, В: 1-4) [Тимофеев В.И., 2003а, с.131, рис.7: 1-4]. Один наконечник был черешковым.

В коллекцию изделий из кремня также входят скребки на отщепках случайной формы, пластины и микропластины, проколки, долотовидные орудия (рис.132, В: 7-33) [Тимофеев В.И., 2003а, с.131, рис.7]. Часть пластин ретуширована. Обнаружен обломок шлифованного топорика из сланца треугольной формы в сечении (рис.132, В: 34). Второй топорик клиновидной формы изготовлен из кремня серого цвета. Поверхность его довольно грубо обработана продольными сколами (рис.132, В: 35).

Иллюстрации

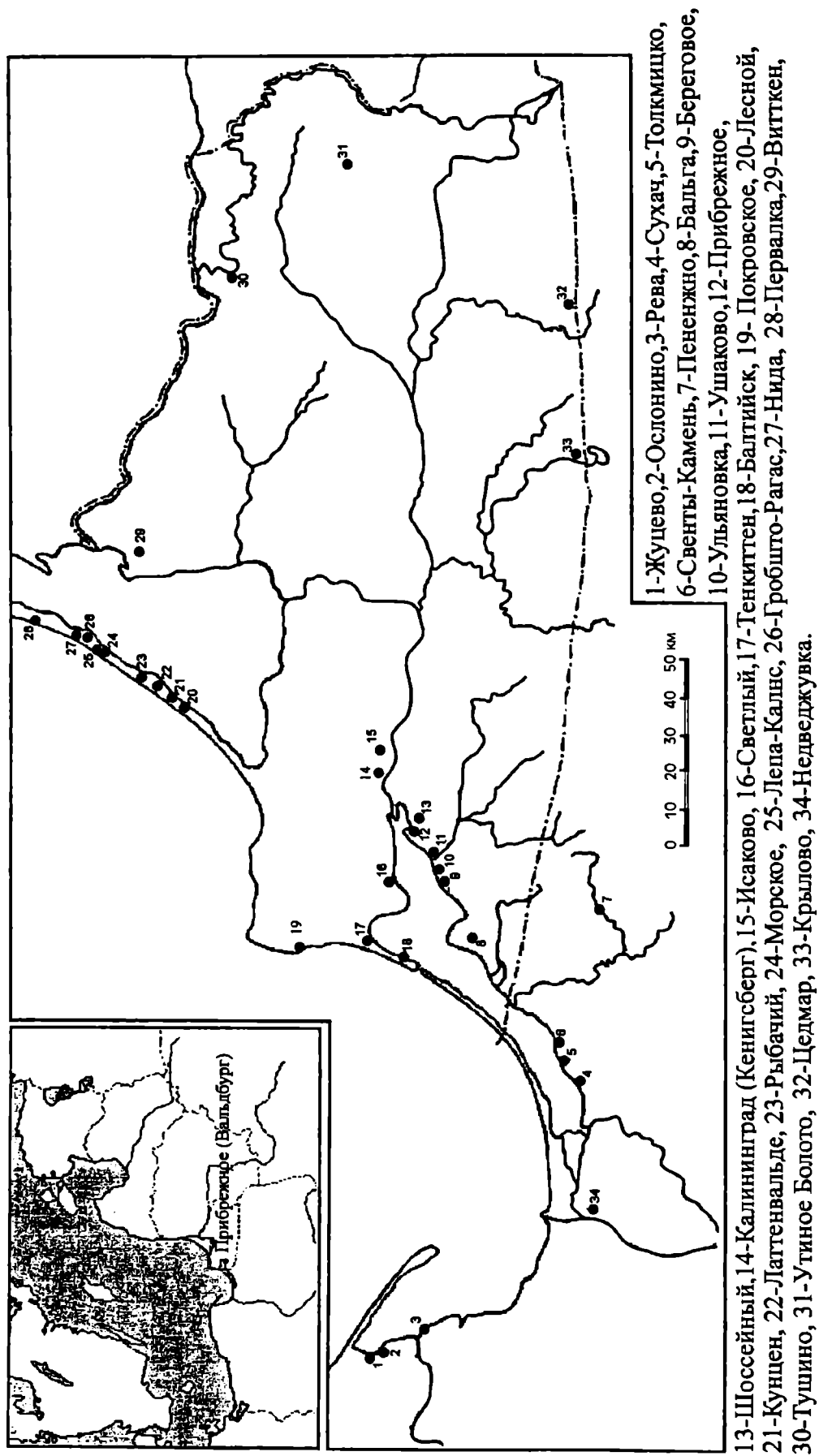
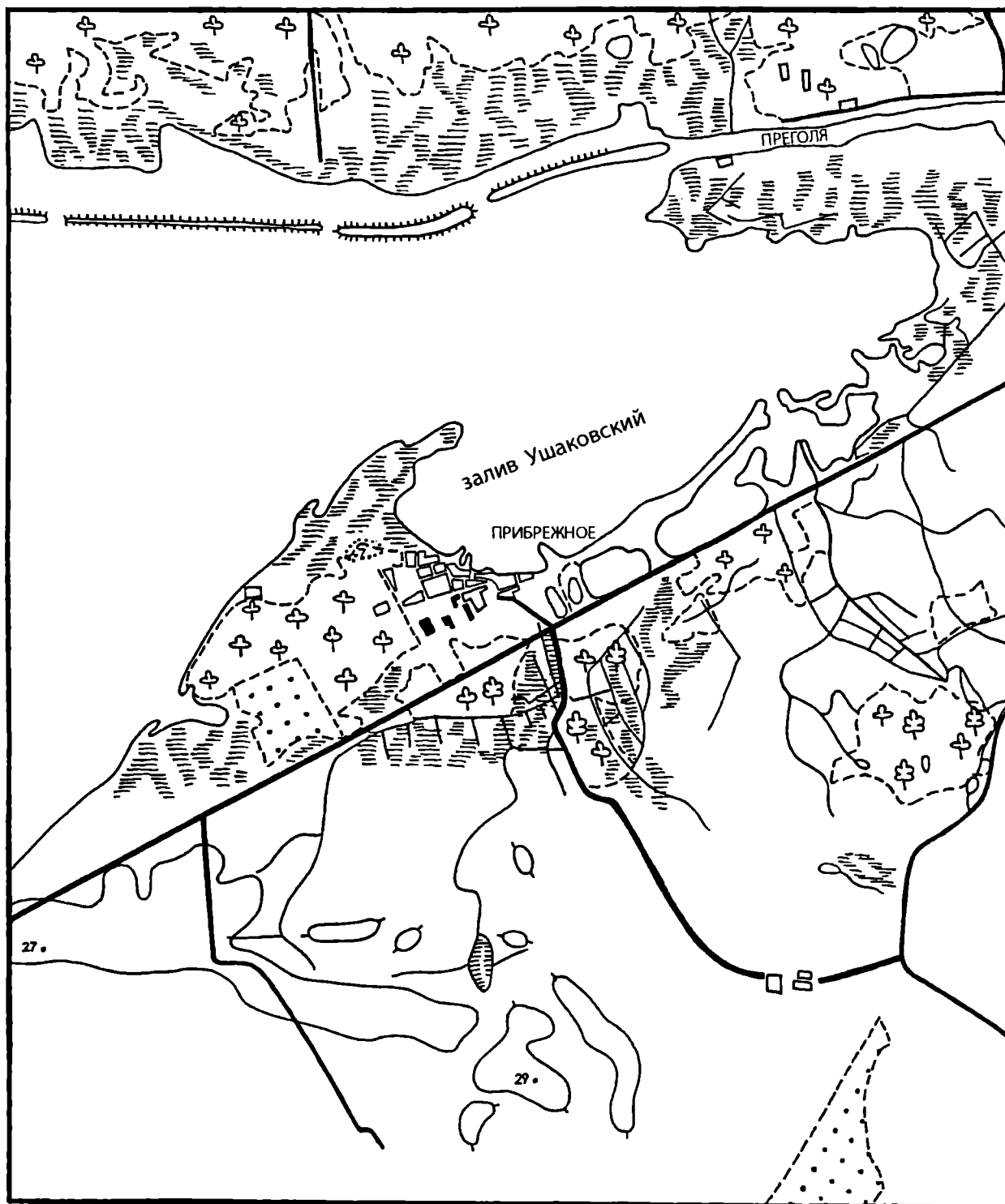

Рис.1. План расположения поселений эпохи неолита и ранней бронзы на территории Юго-Восточной Прибалтики.

⊙ — Границы поселения Прибрежное

0 500 М

Рис.2. Месторасположение поселения Прибрежное.

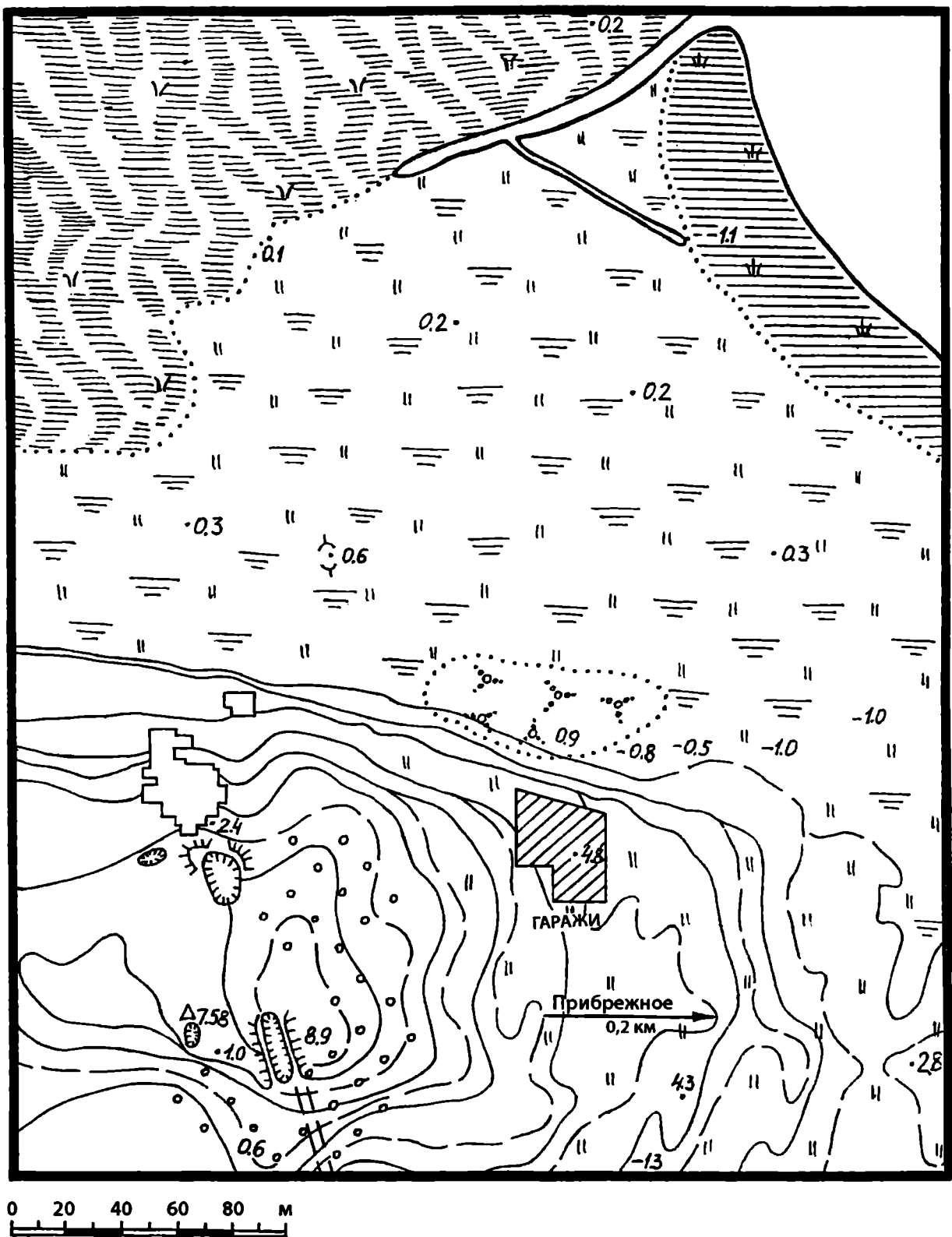

Рис.3. Ситуационный план поселения Прибрежное с указанием раскопов.

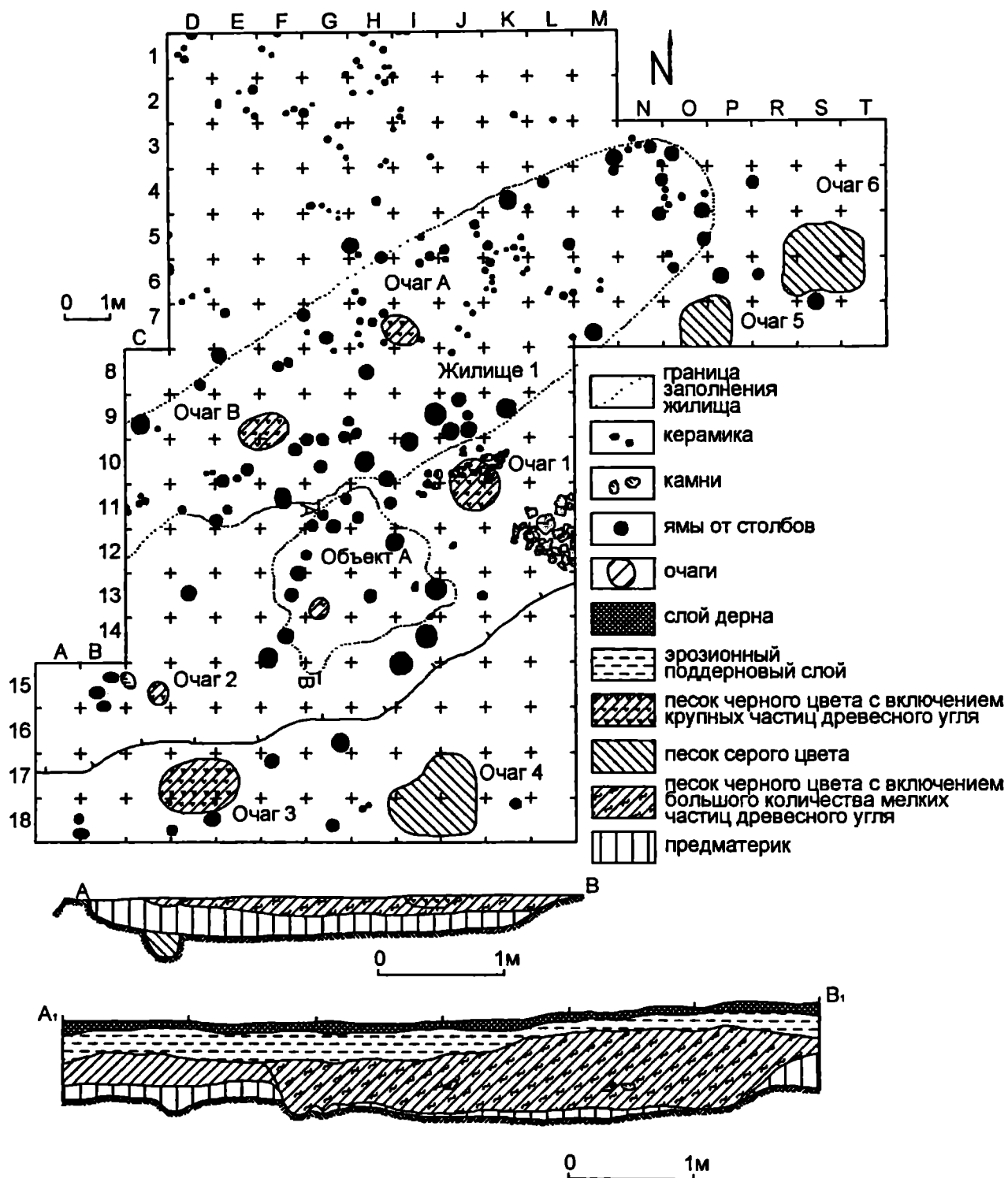

Рис.4. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 1 и объектом А (план и разрез).

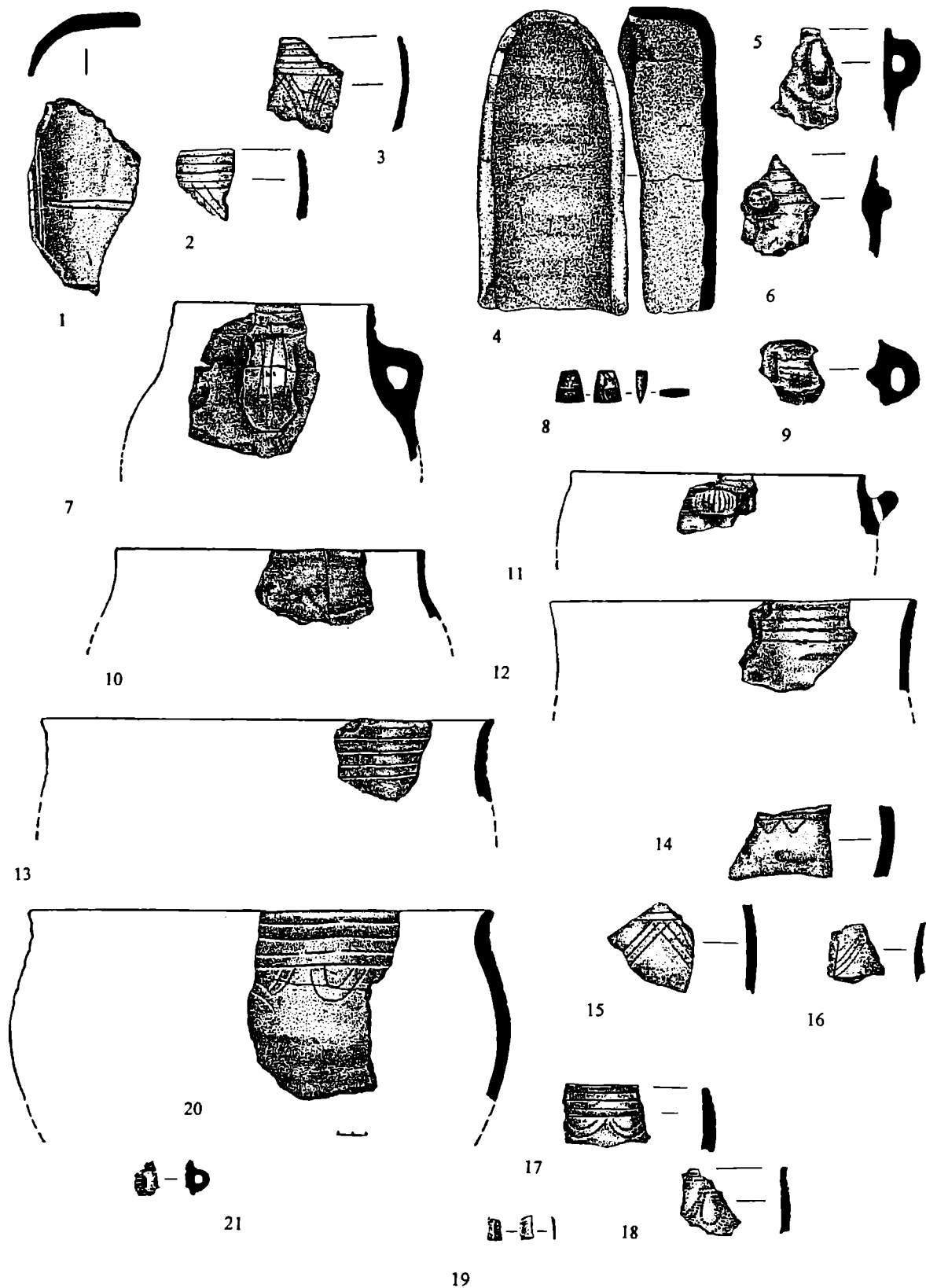

Рис.5. Поселение Прибрежное. Находки из жилища 1 (нижний уровень): 1-7, 9-15, 17-18, 20-21 – керамика; 16 – янтарь; 8 – каменный миниатюрный топорик; 19 – трапециевидная пластина (кремель).

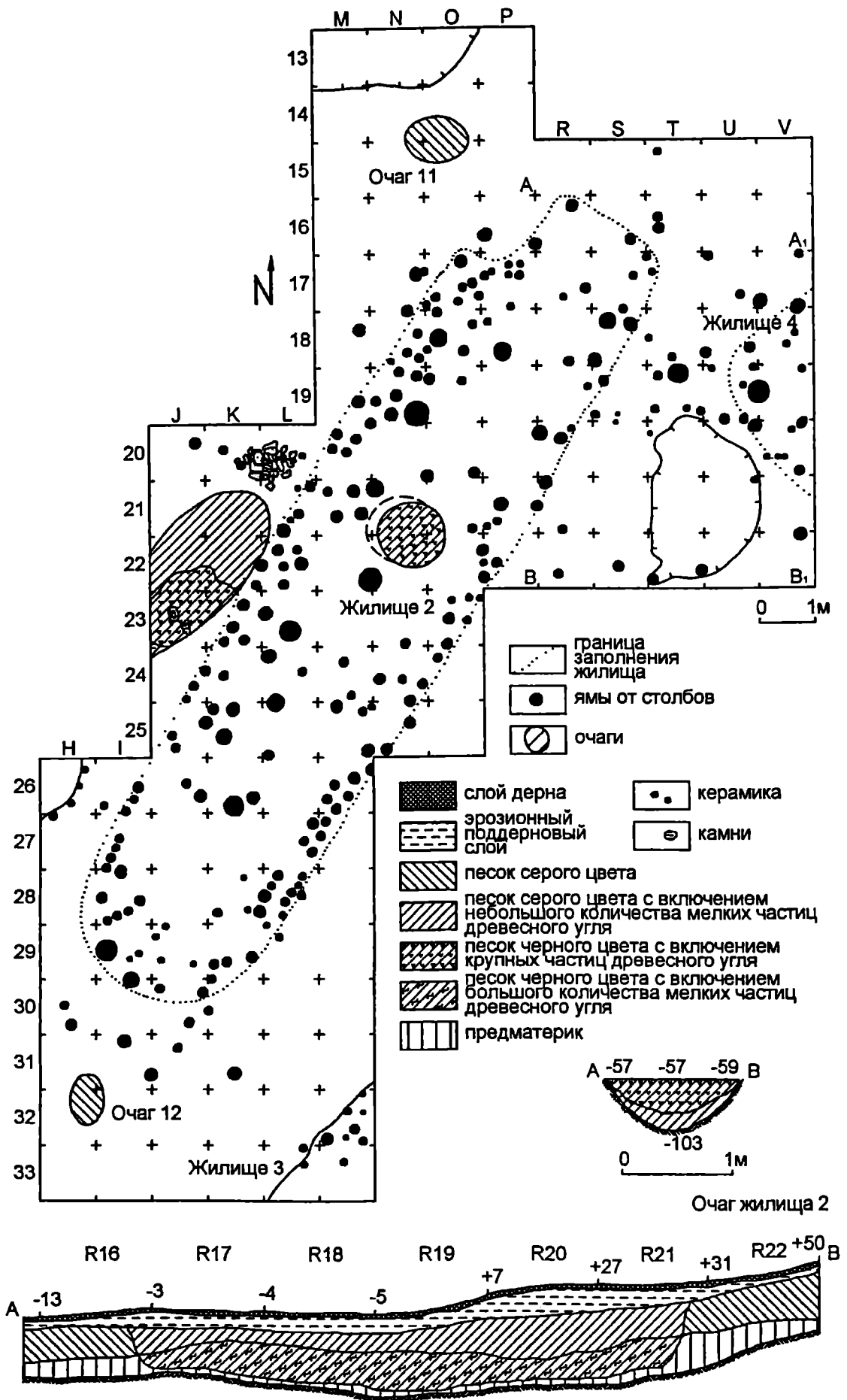

Рис.6. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 2 (план и разрез).

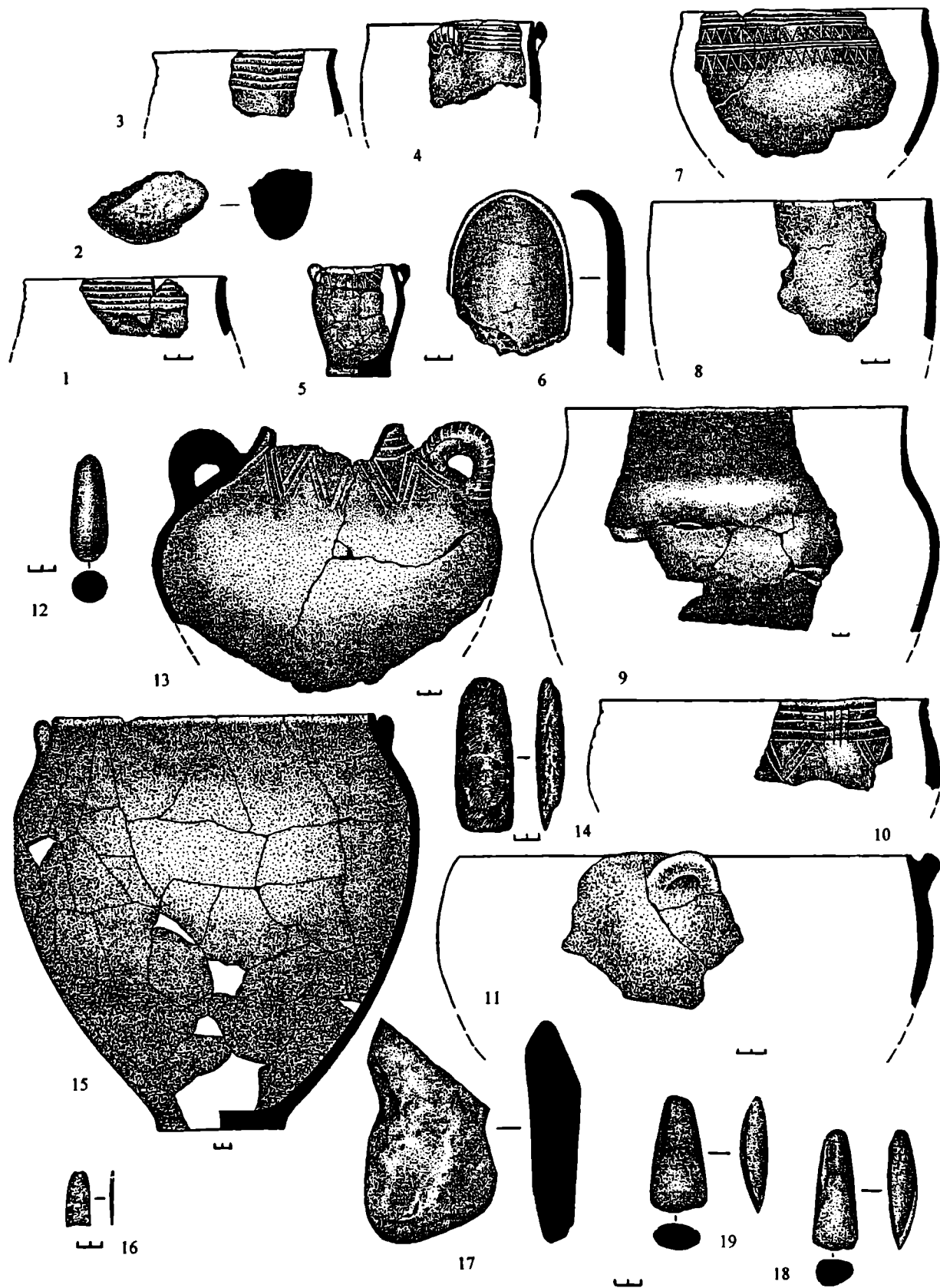

Рис.7. Поселение Прибрежное. Находки из жилища 2 (нижний уровень): 1-11, 13,15 – керамика; 16 – янтарь; 12,14, 17-19 – камень.

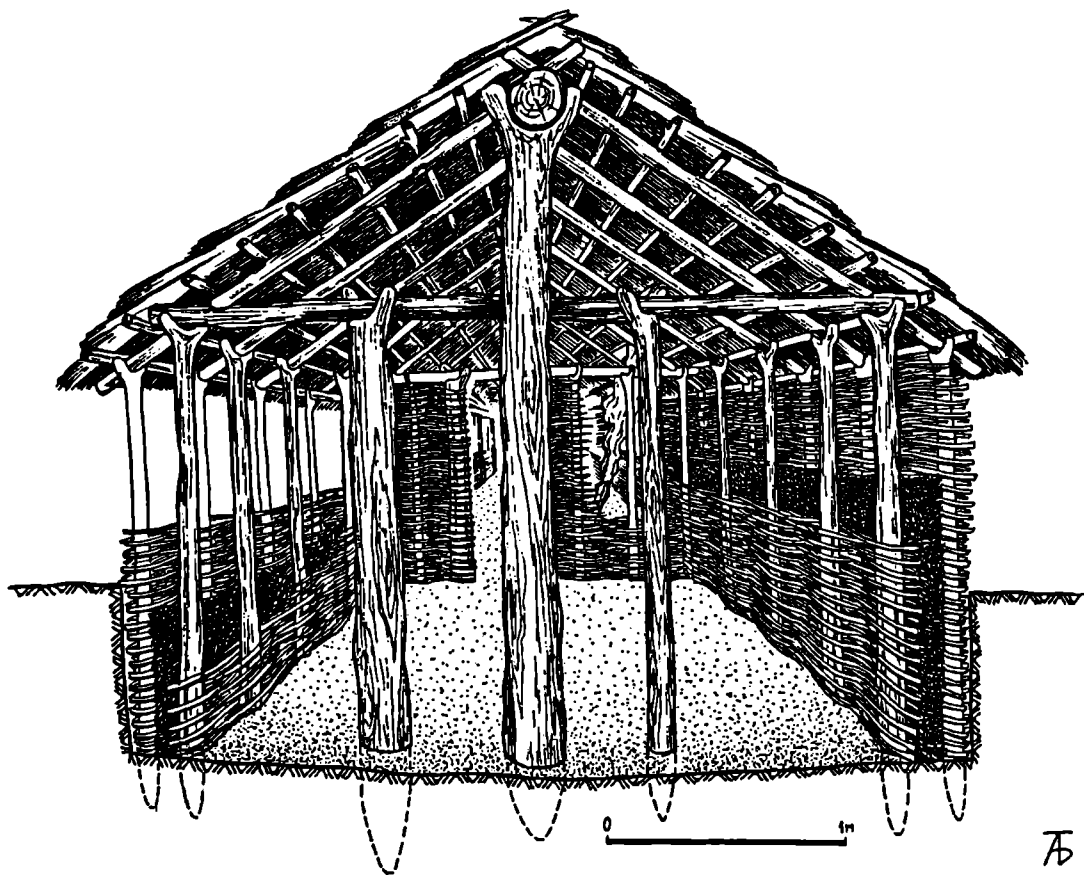
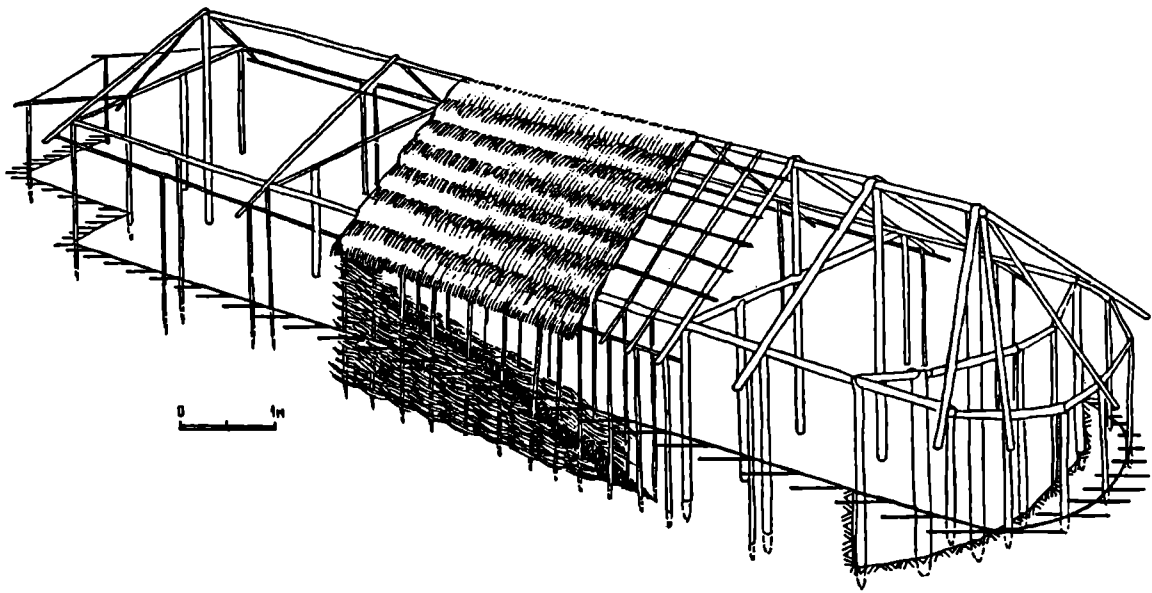
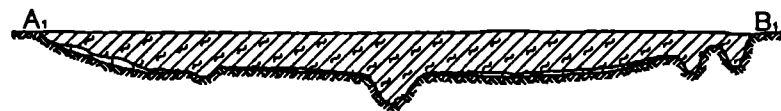
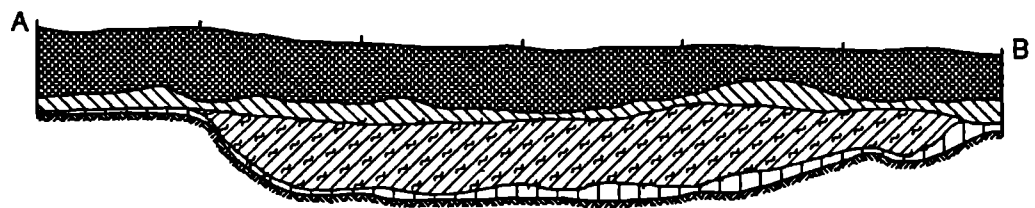
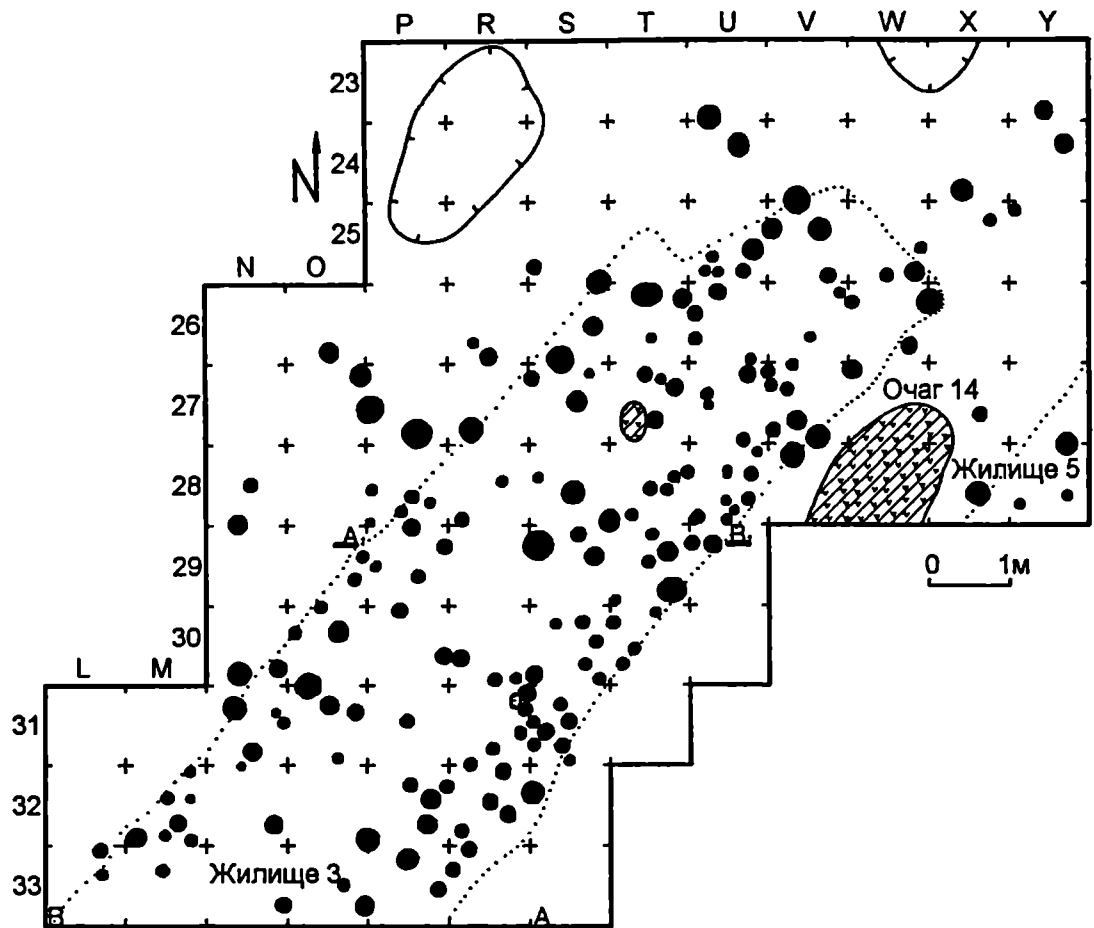

Рис.8. Поселение Прибрежное. Жилище 2 (реконструкция).

0 1м

граница заполнения жилища	слой дерна
ямы от столбов	песок серого цвета
очаги	песок черного цвета с включением большого количества мелких частиц древесного угля
камни	предматерик
	песок черного цвета с включением крупных частиц древесного угля

Рис.9. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 3 (план и разрез).

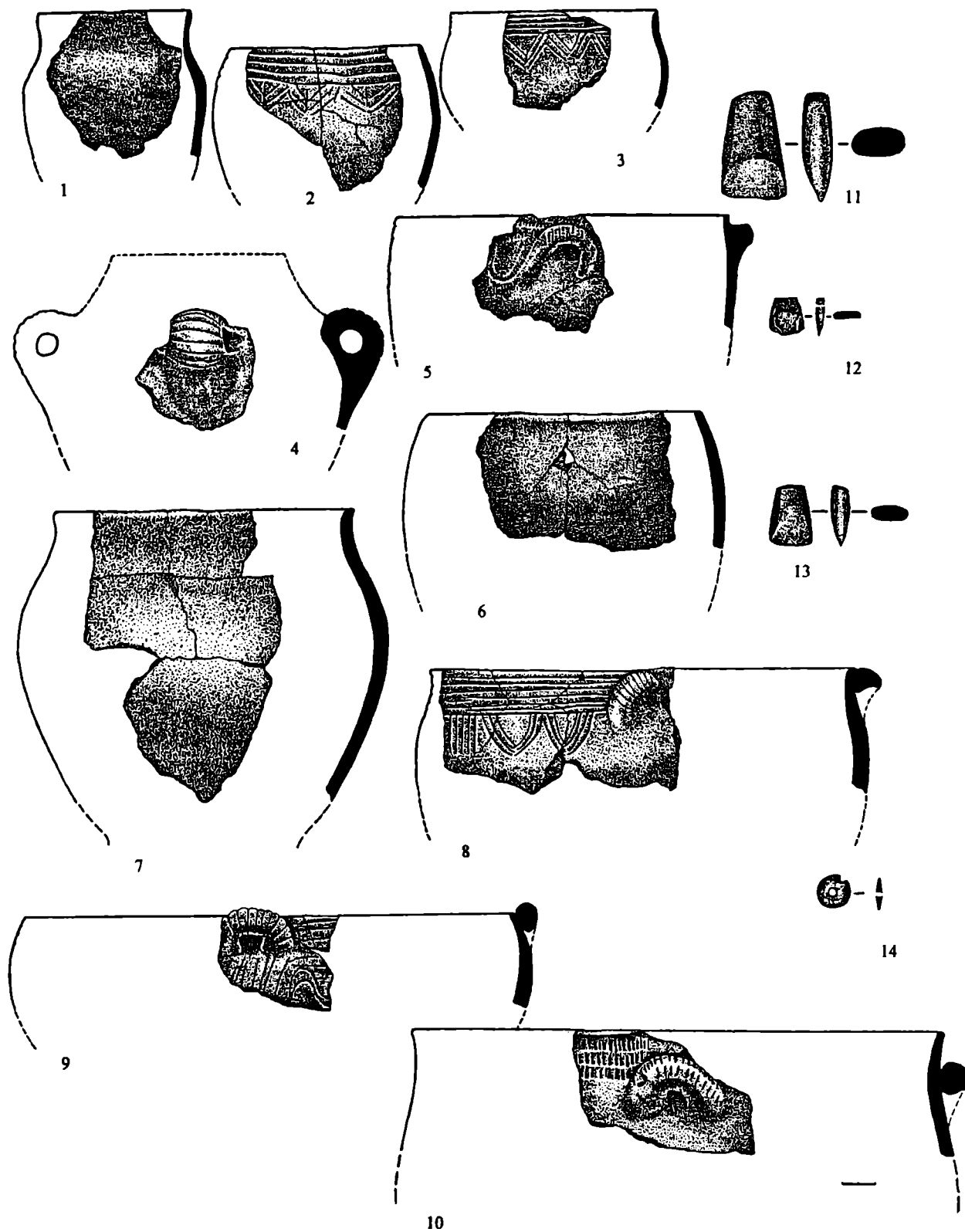

Рис.10. Поселение Прибрежное. Находки из жилища 3 (нижний уровень): 1-10 – керамика; 11-13 – камень; 14 – янтарь.

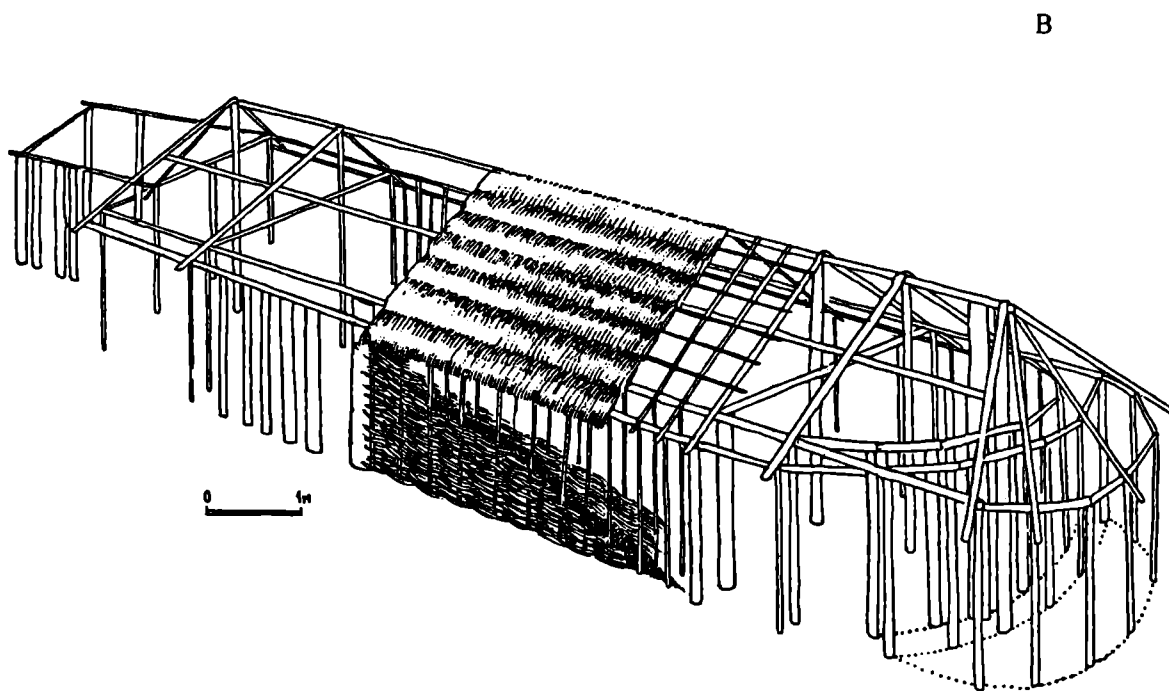
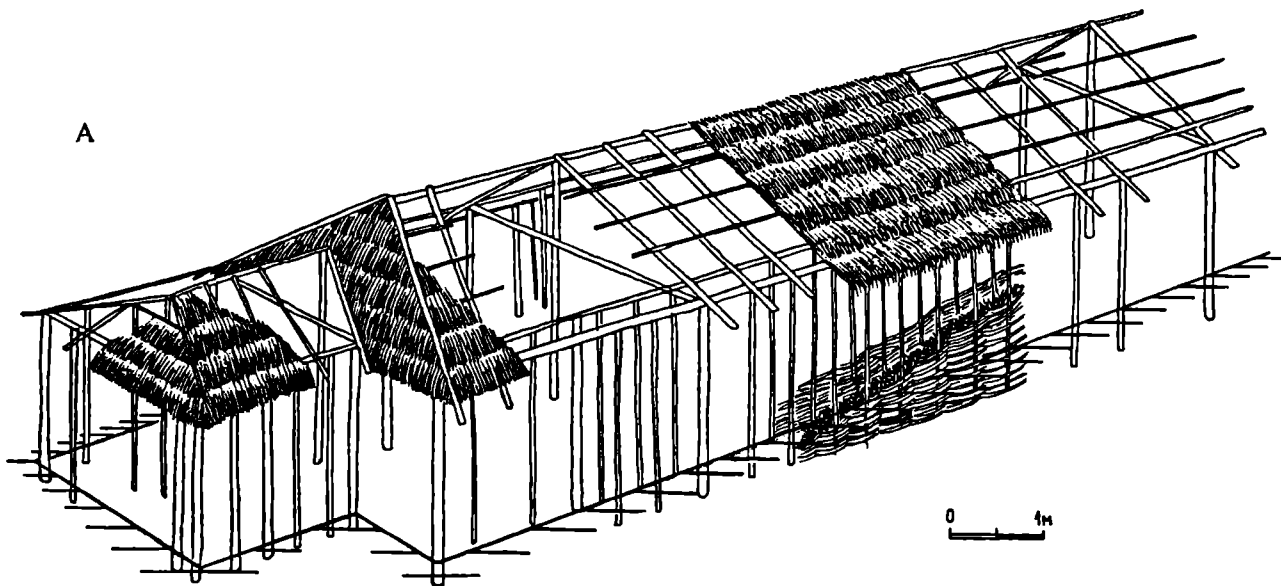

Рис.11. Поселение Прибрежное. А – жилище 3; В – жилище 5 (реконструкция).

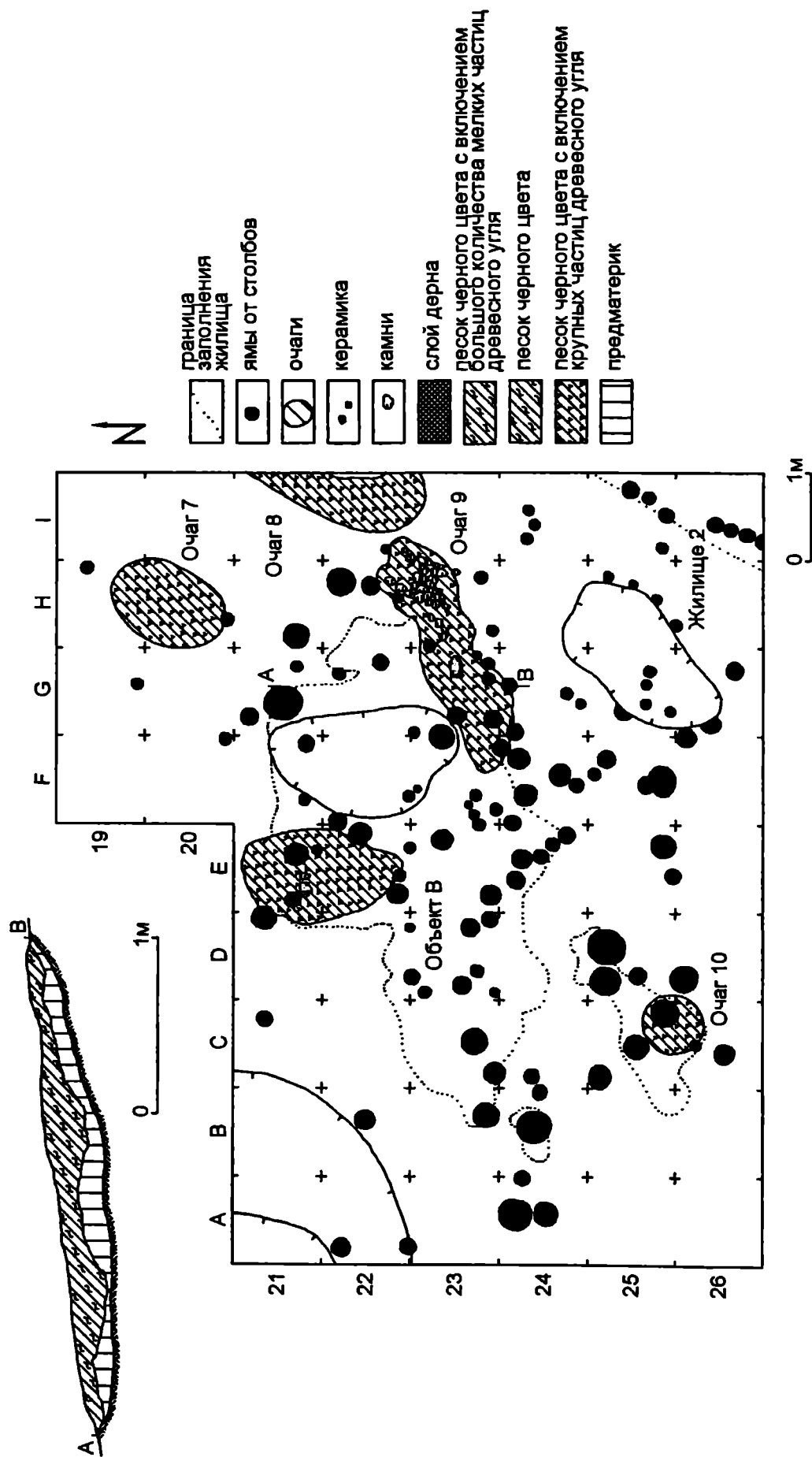
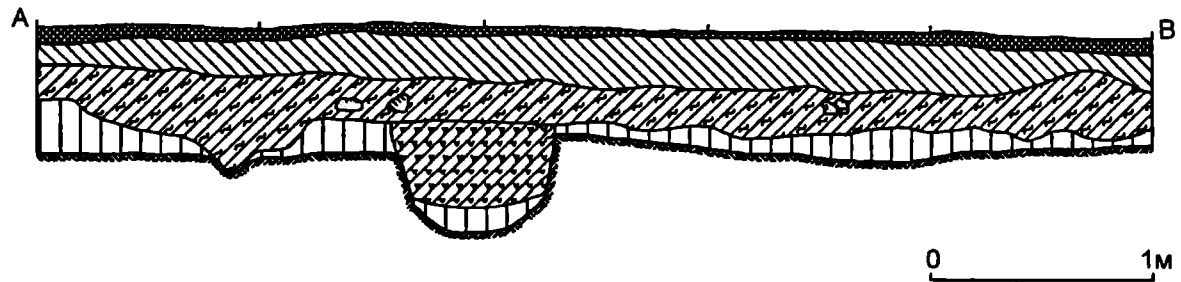
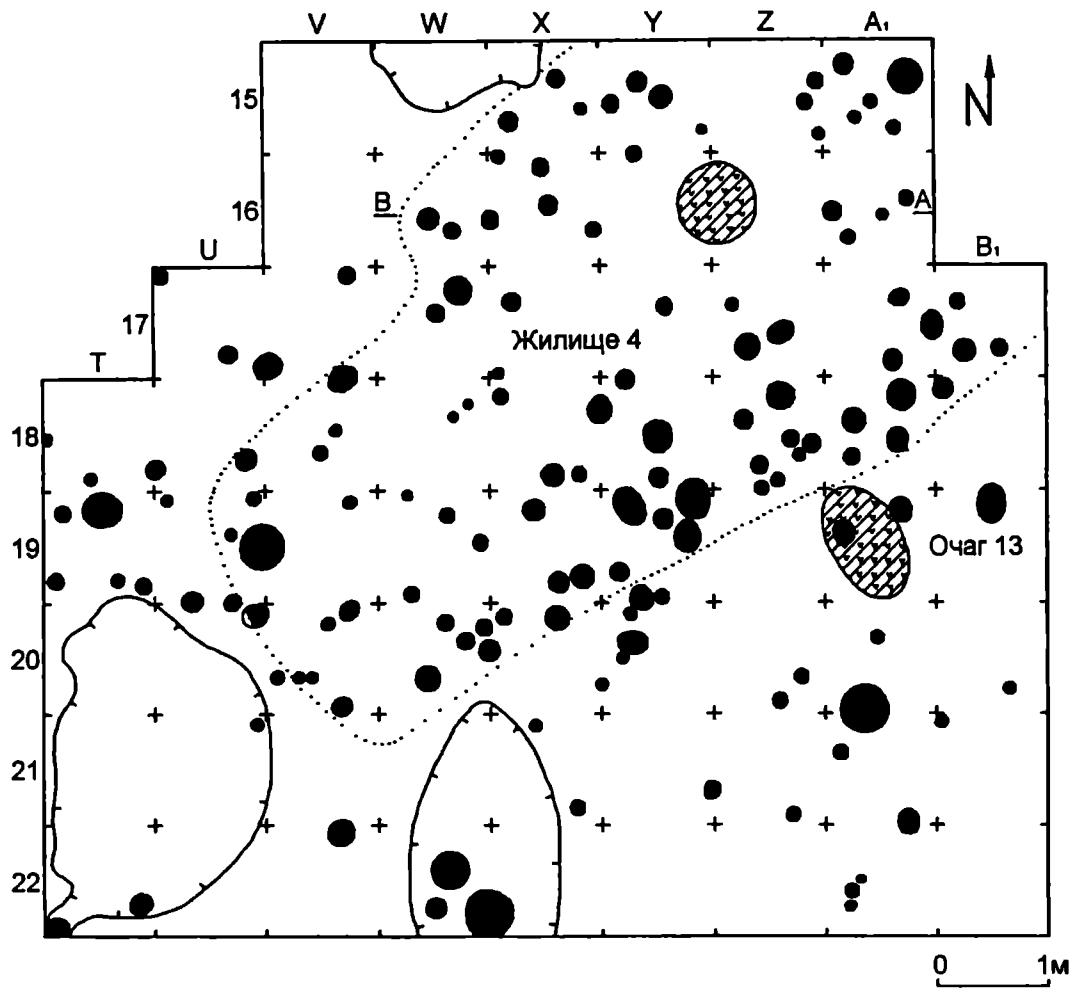

Рис.12. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с объектом В (план и разрез).

граница заполнения жилища	ямы от столбов	песок черного цвета с включением крупных частиц древесного угля
очаги	слой дерна	предматерик
керамика	песок серого цвета	
камни	песок черного цвета с включением большого количества мелких частиц древесного угля	

Рис.13. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 4 (план и разрез).

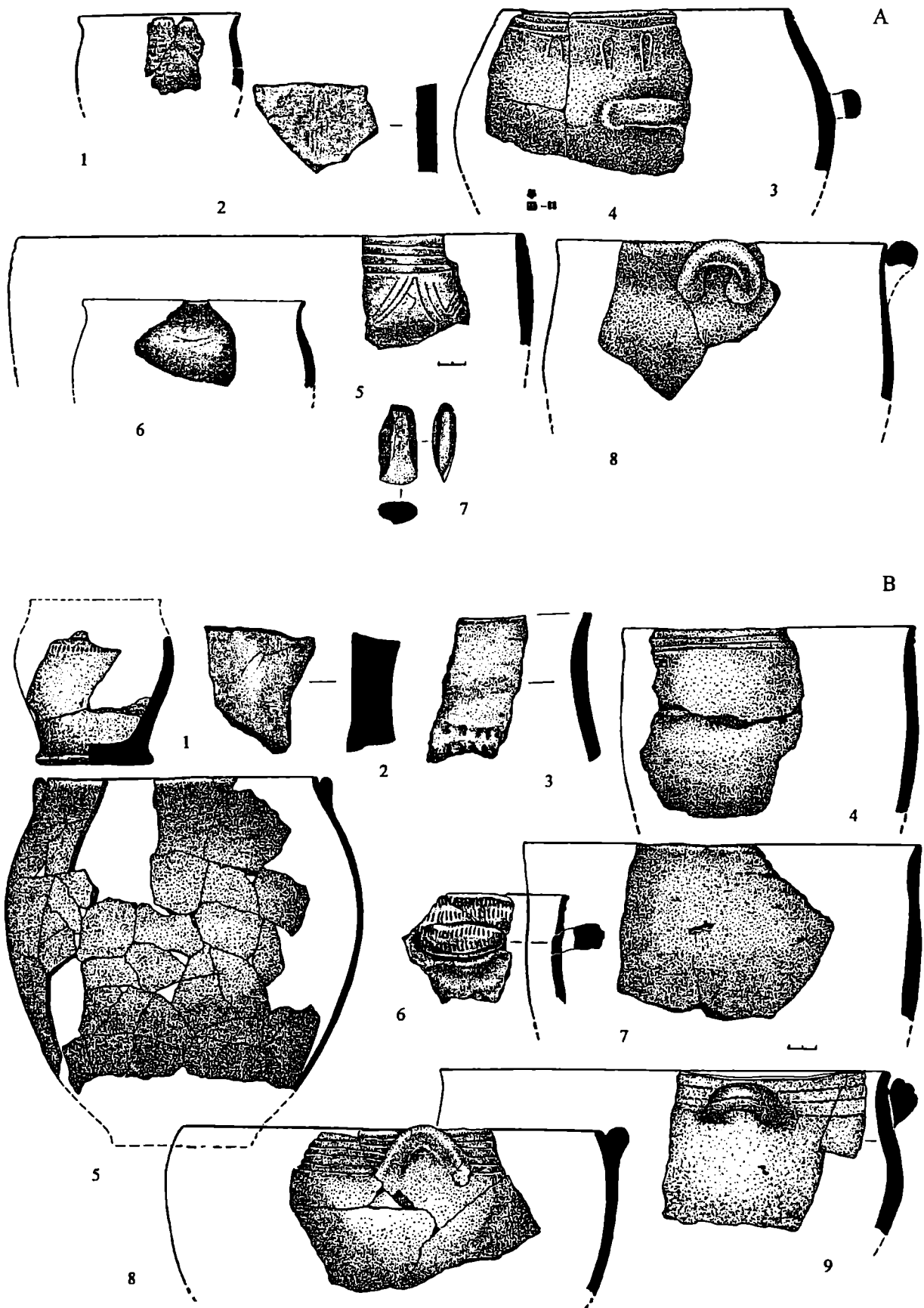

Рис.14. Поселение Прибрежное. А – находки из жилища 4 (нижний уровень): 1-3, 5-6, 8 – керамика; 4 – кость; 7 – камень. В – находки из жилища 6 (нижний уровень): 1,3-9 – керамика; 2 – камень.

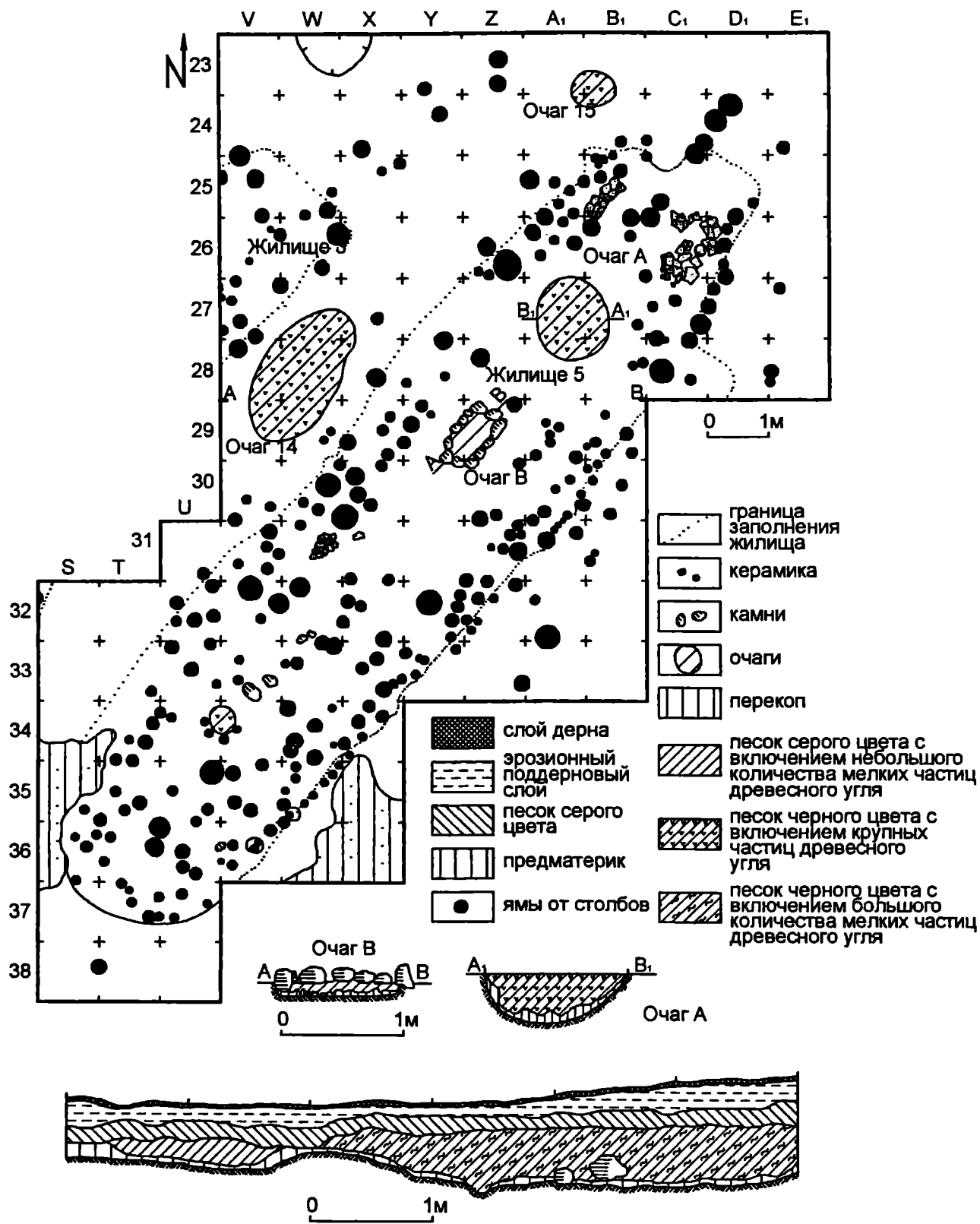

Рис.15. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 5 (план и разрез).

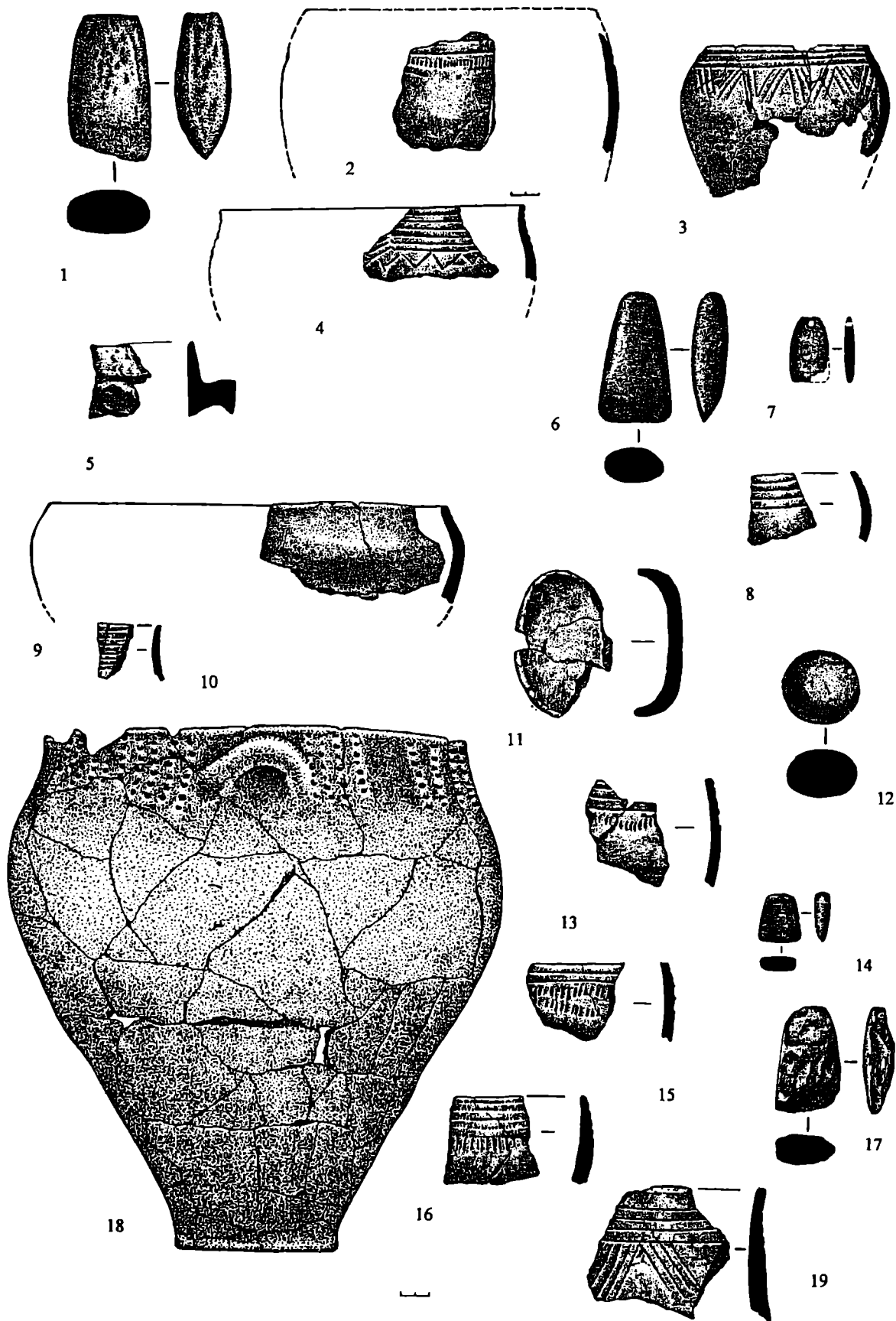

Рис.16. Поселение Прибрежное. Находки из жилища 5 (нижний уровень): 2-5, 8-11, 13,15,16,18,19 – керамика; 7 – янтарь; 1,6,12,14,17 – камень.

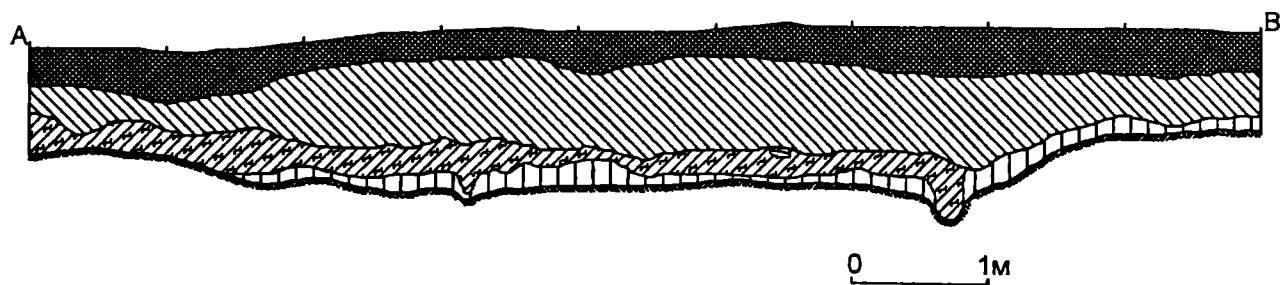
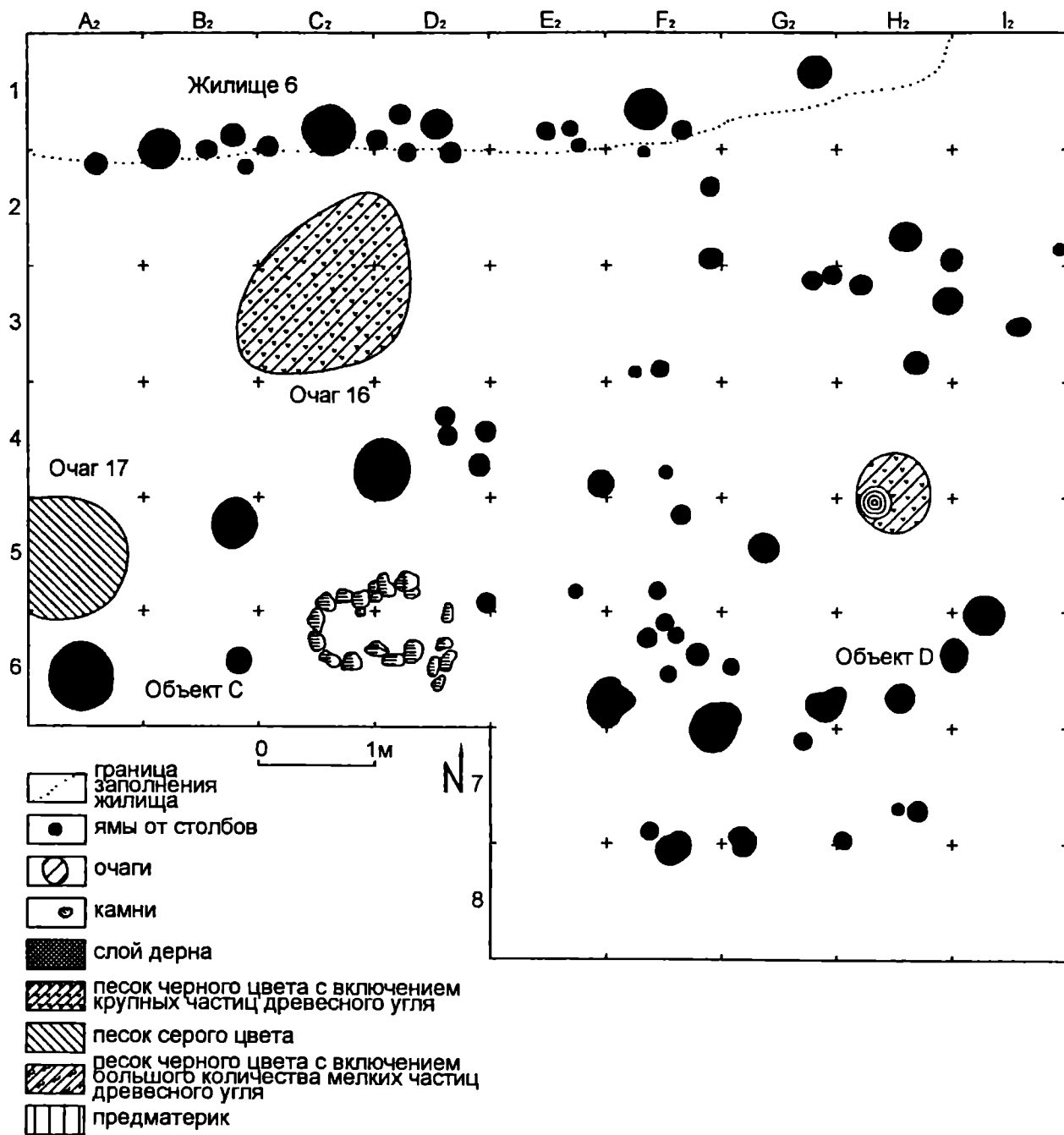

Рис.17. Поселение Прибрежное. Участок раскопа с жилищем 6, объектами С и D (план и разрез).

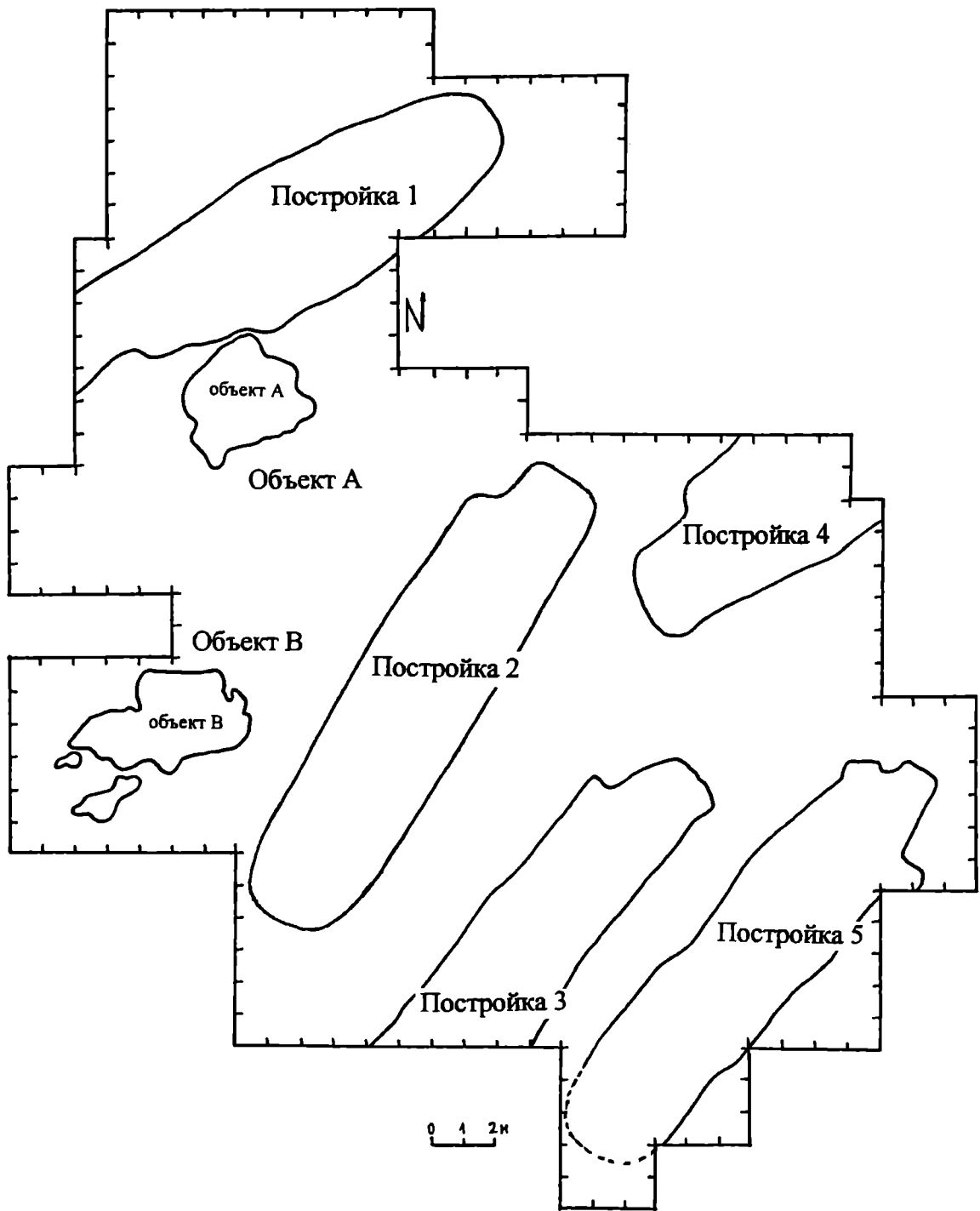

Рис.18. Поселение Прибрежное. Расположение жилищ и других построек в раскопах 1996–2003 гг.

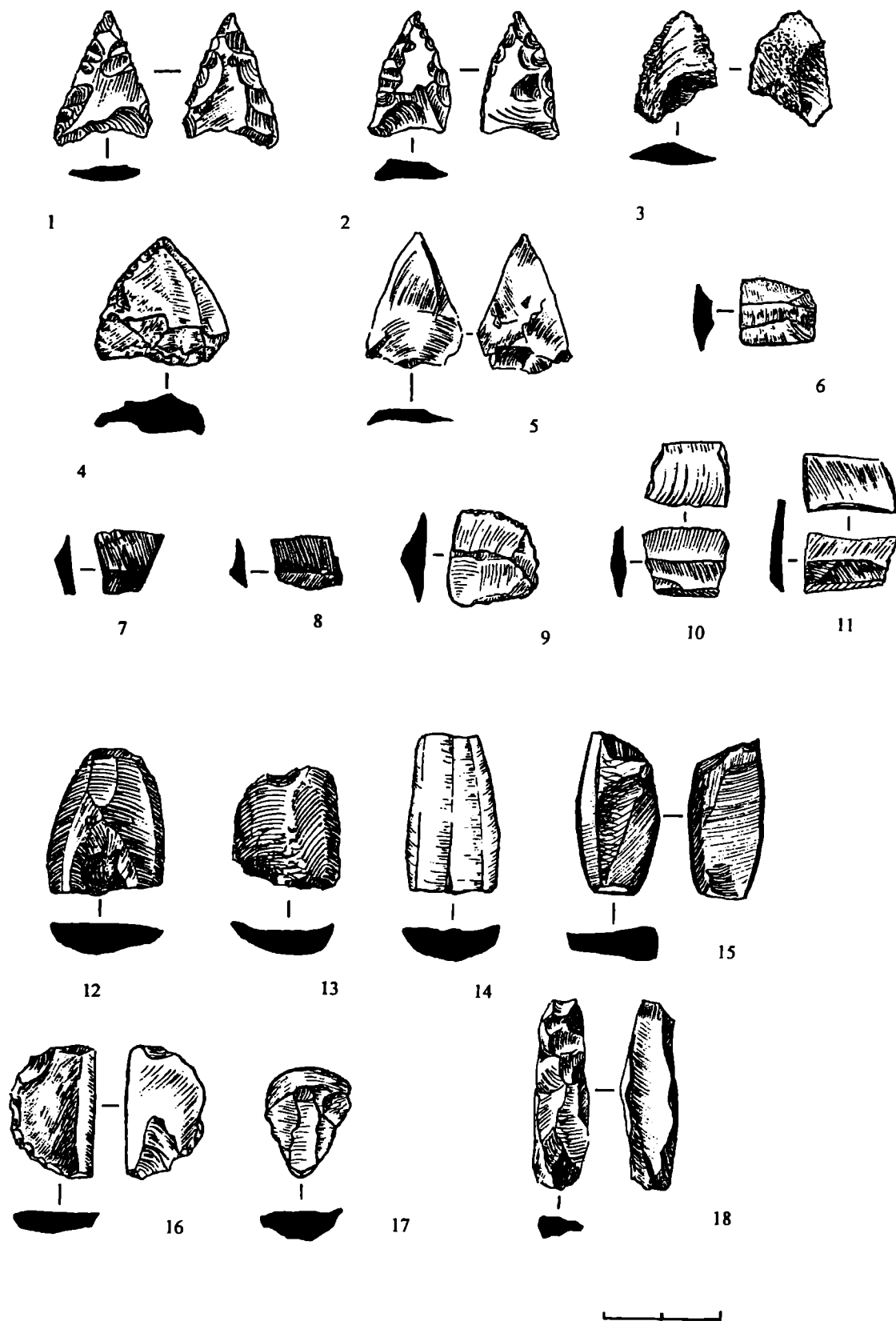

Рис.19. Поселение Прибрежное. Кремнёвые изделия: 1,2 – наконечники стрел «сердцевидной» формы; 3 – наконечник стрелы (?); 4 – режущие орудие (?); 5 – отщеп (возможно, использовался как наконечник); 6-11 – трапециевидные пластины; 12 – стамеска; 13 – скобель; 14 – ограненная пластина; 15 – фрагмент пластины; 16, 17 – скребки; 18 – пластина.

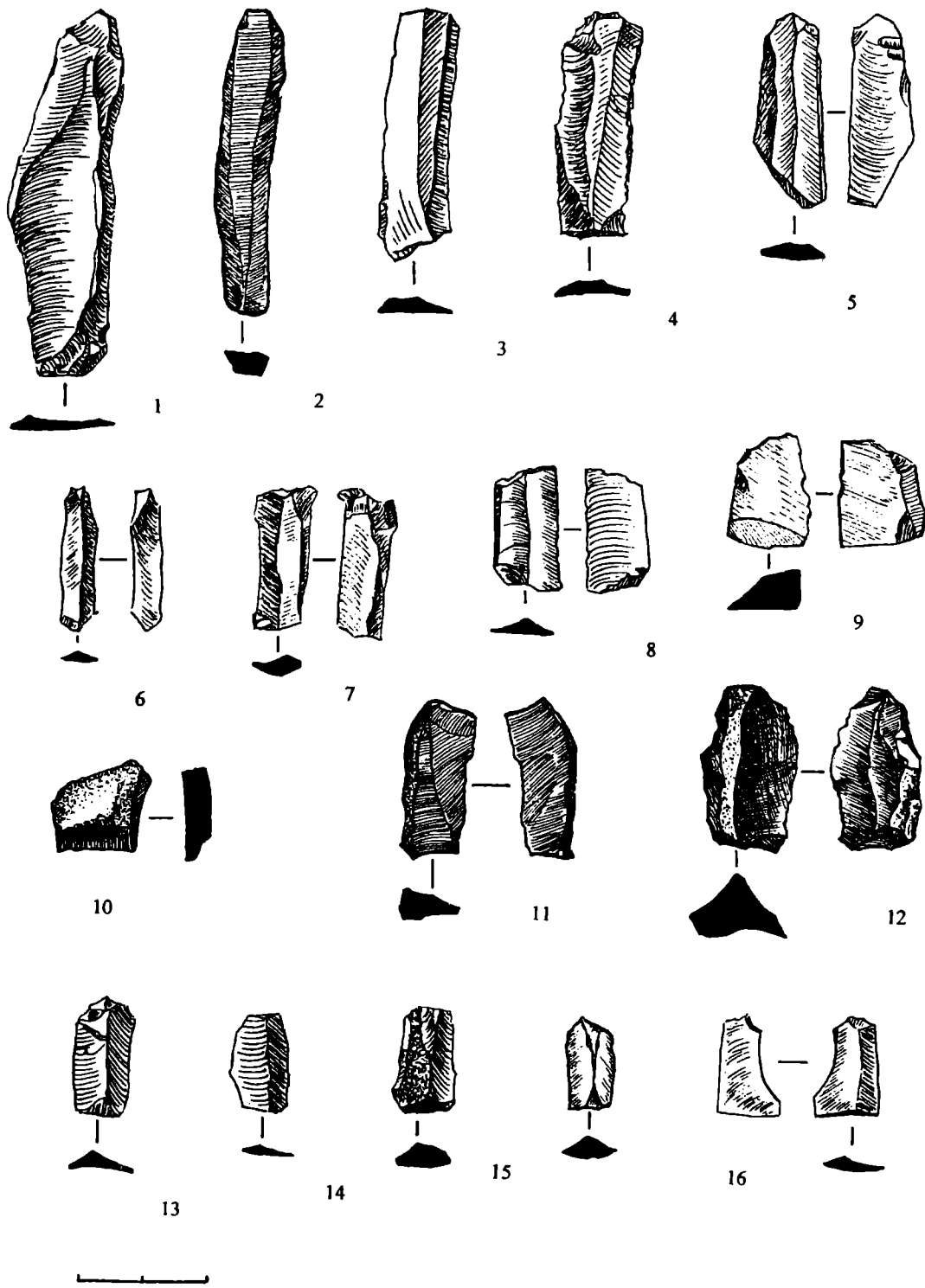

Рис.20. Поселение Прибрежное. Кремнёвые изделия: 1-5 – ножевидные пластины; 6 – микропластина; 7-10 – фрагменты кремнёвых пластин; 11-16 – кремнёвые пластины.

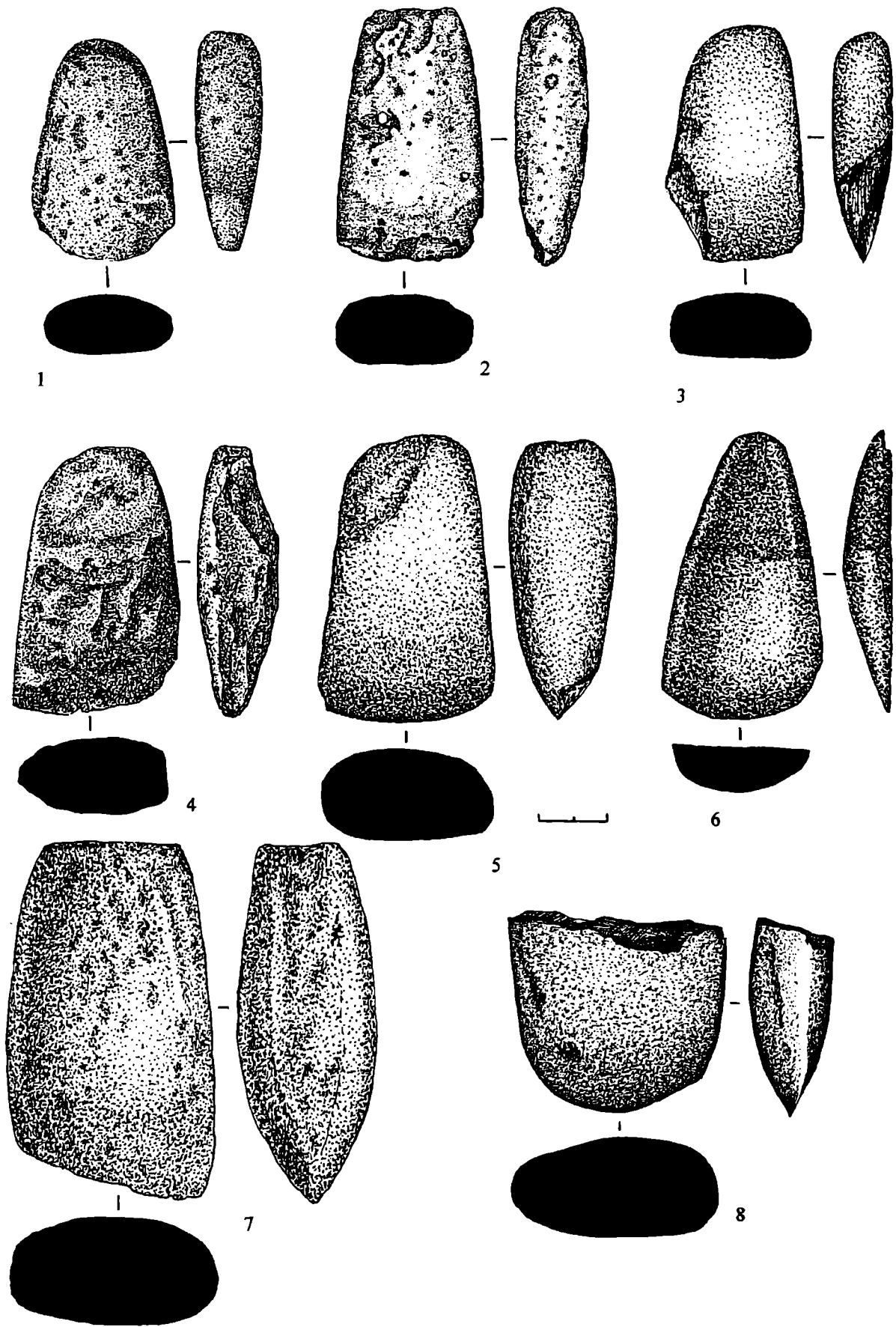

Рис.21. Поселение Прибрежное. Каменные топоры трапециевидной формы.

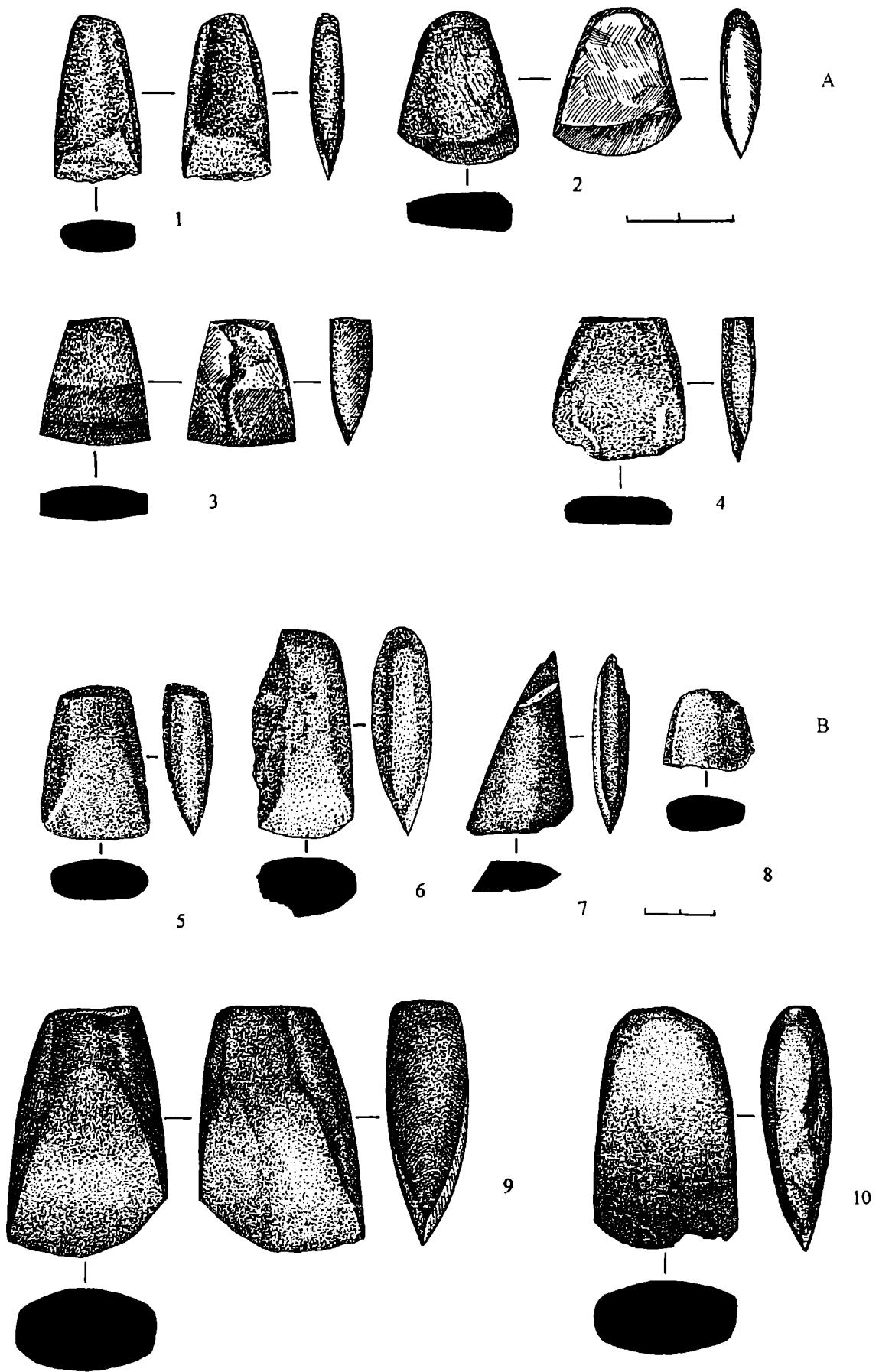

Рис.22. Поселение Прибрежное. А: миниатюрные топорики – 1-4, (1,2 – кремь; 3,4 – камень); В: каменные топоры – 5-10.

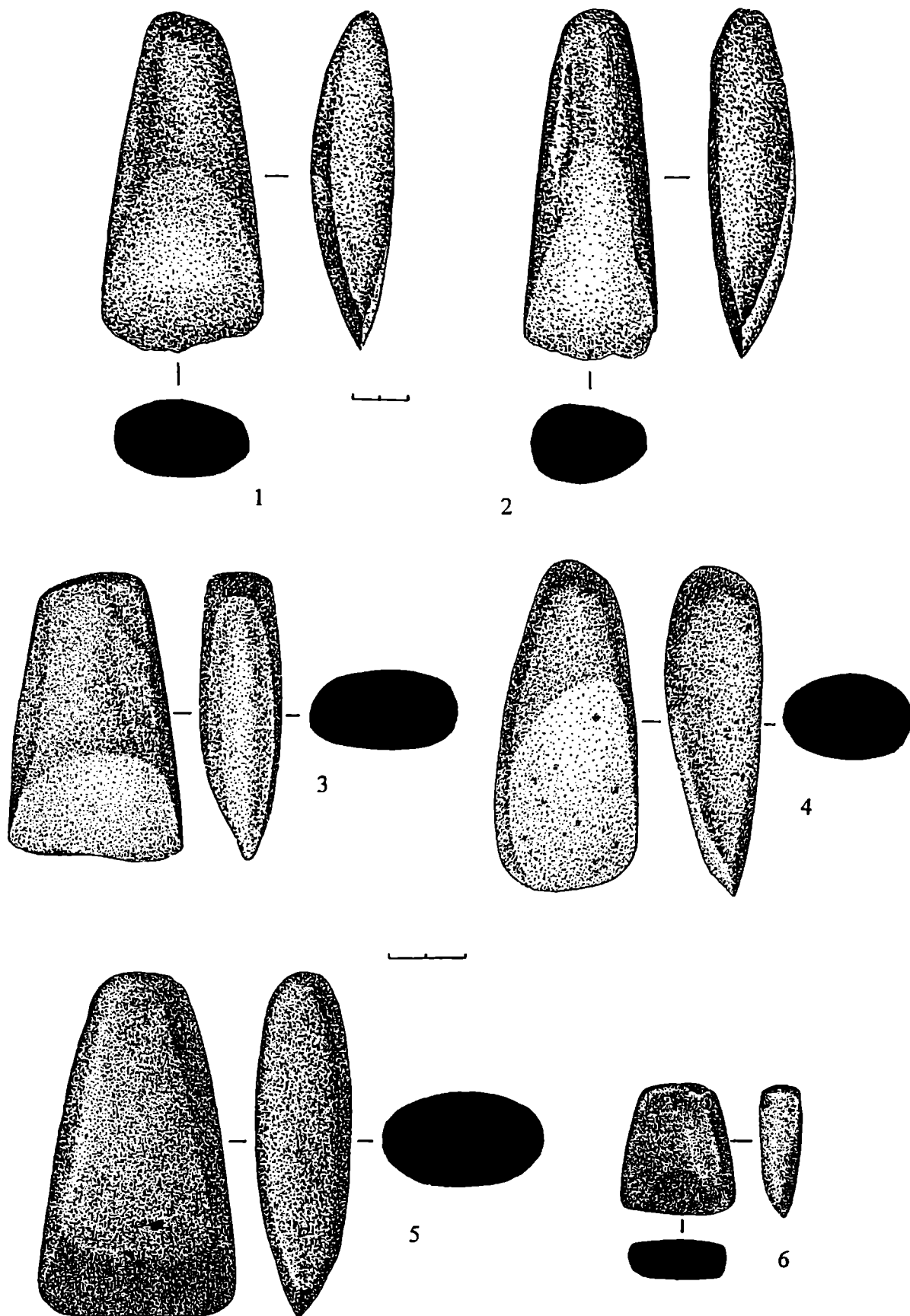

Рис.23. Поселение Прибрежное. Каменные топорики трапециевидной формы (1,2,4,5); тѣсла (3,6).

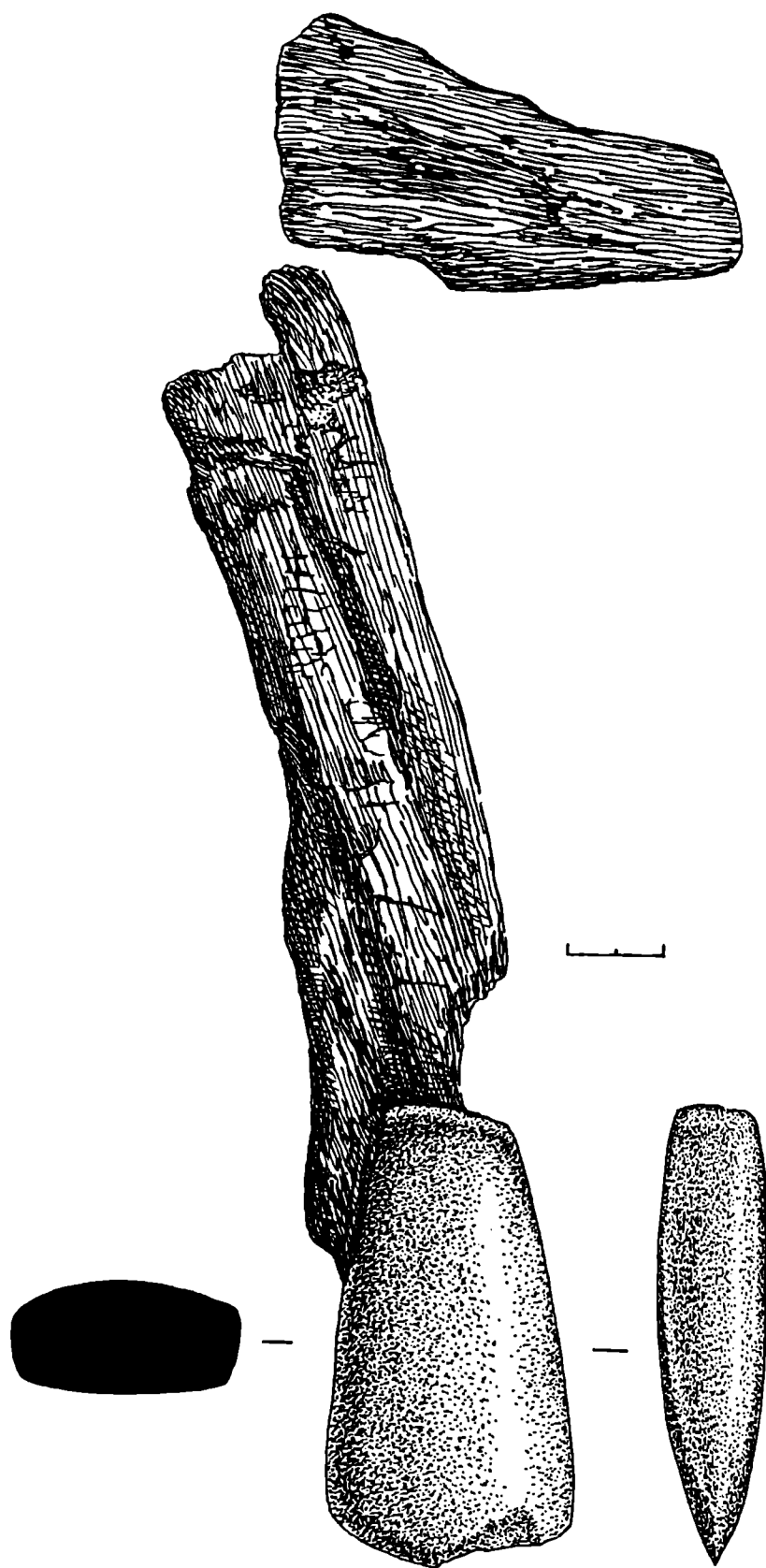

Рис.24. Поселение Прибрежное. Тесло.

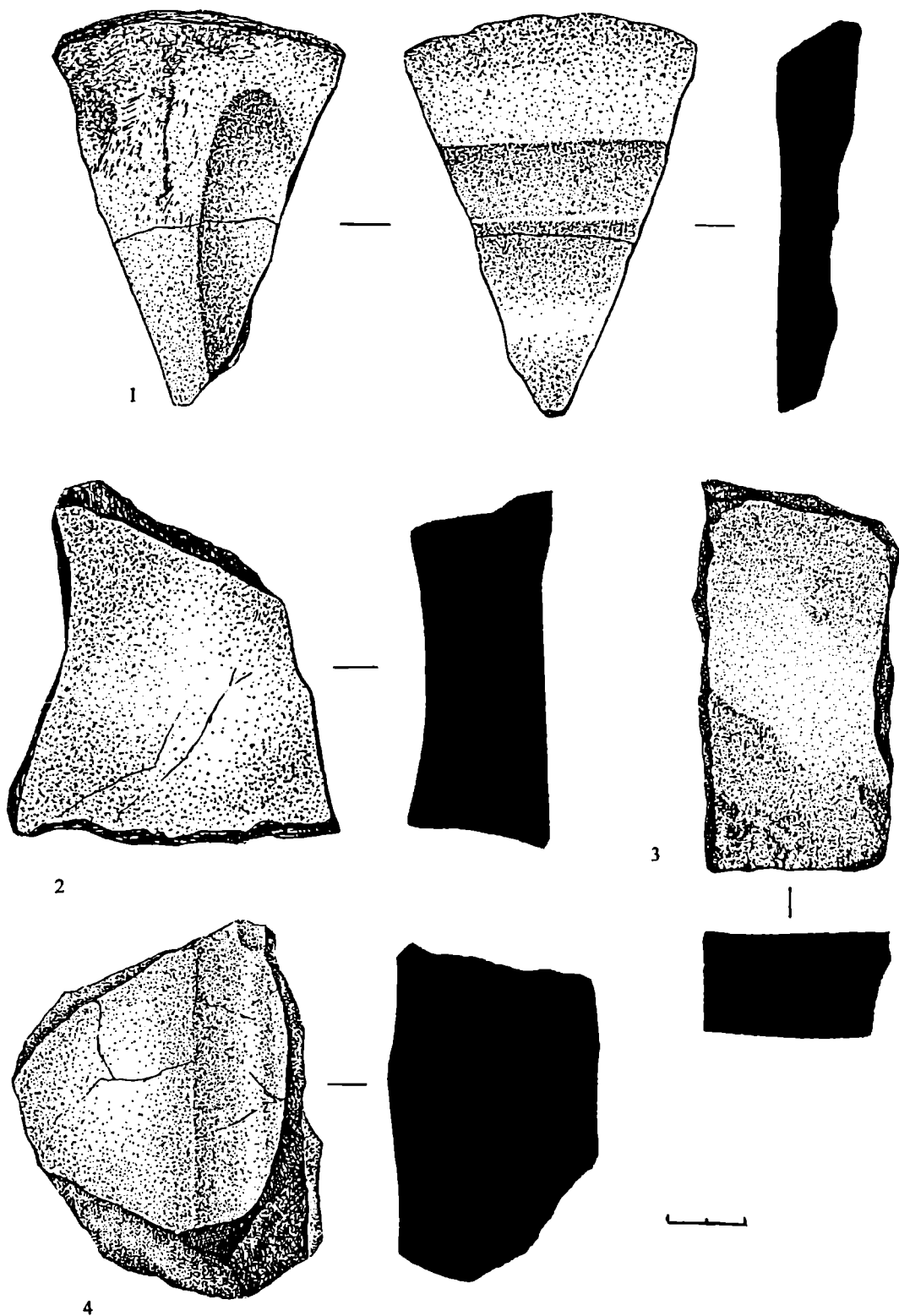

Рис.25. Поселение Прибрежное. Шлифовальные плиты.

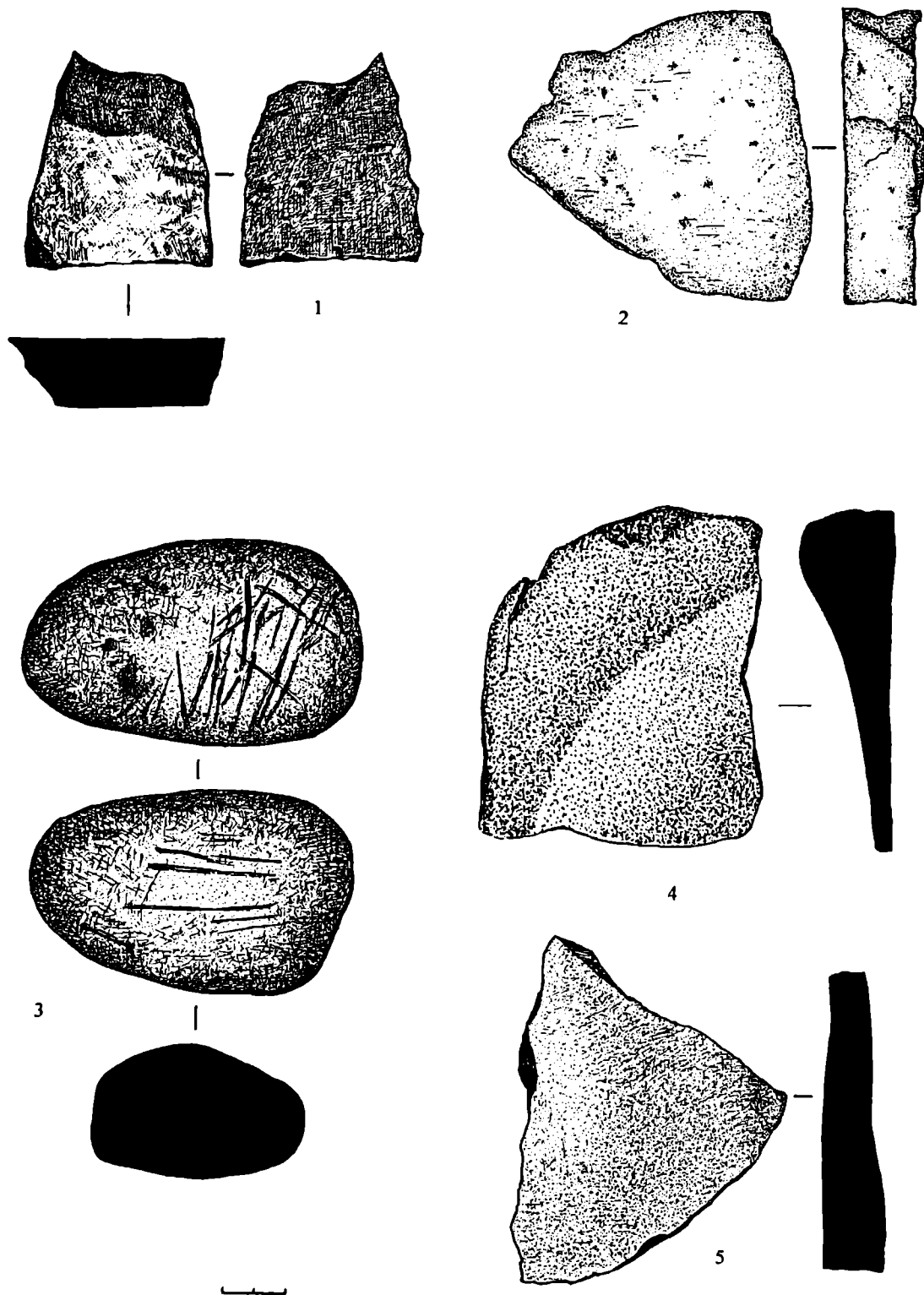

Рис.26. Поселение Прибрежное. Шлифовальные плиты (1,2,4,5); камень со следами заточки лезвий (3).

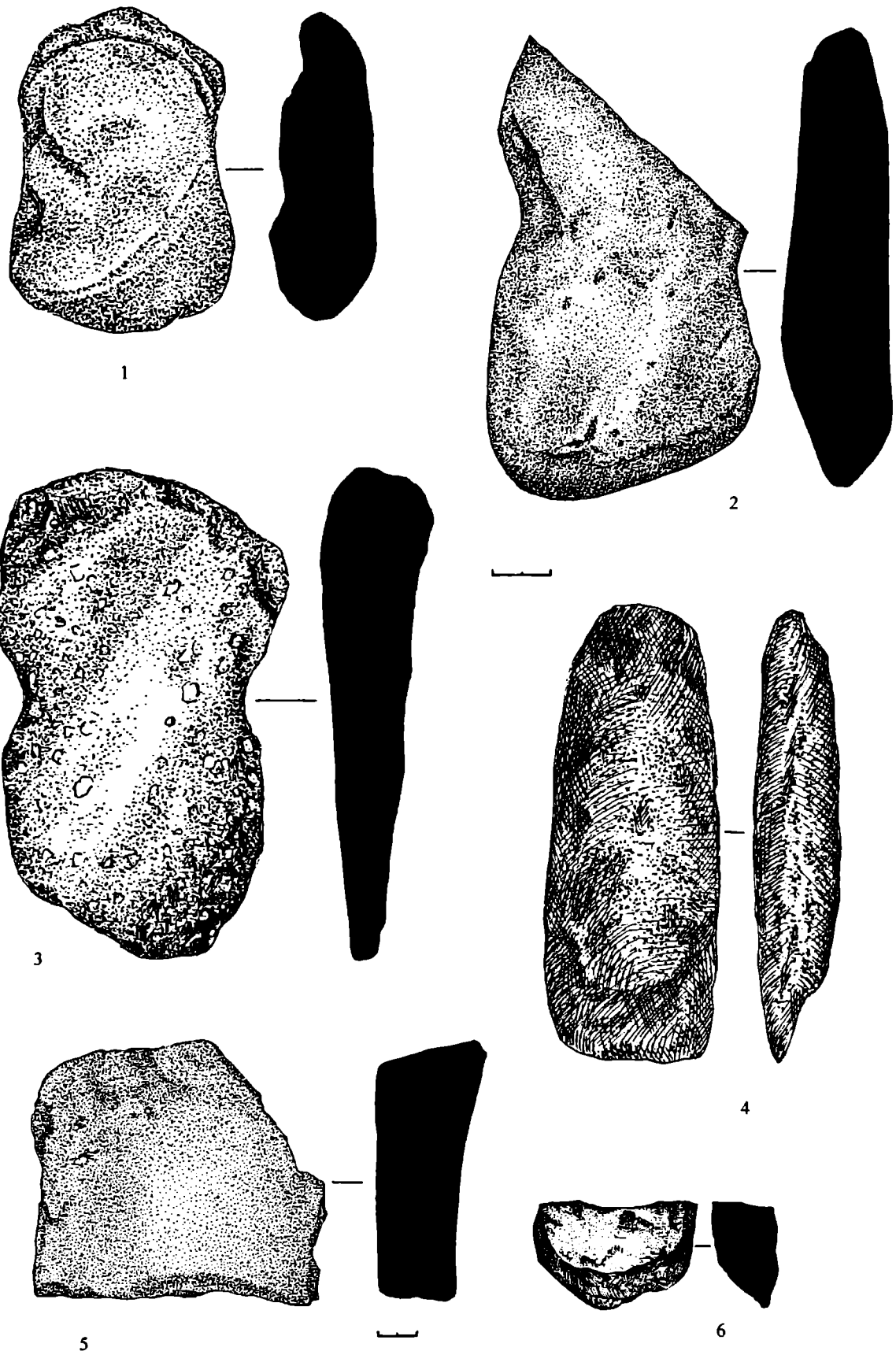

Рис.27. Поселение Прибрежное. Каменные грузила (1,2); мотыги (3,4); зернотёрки (5,6).

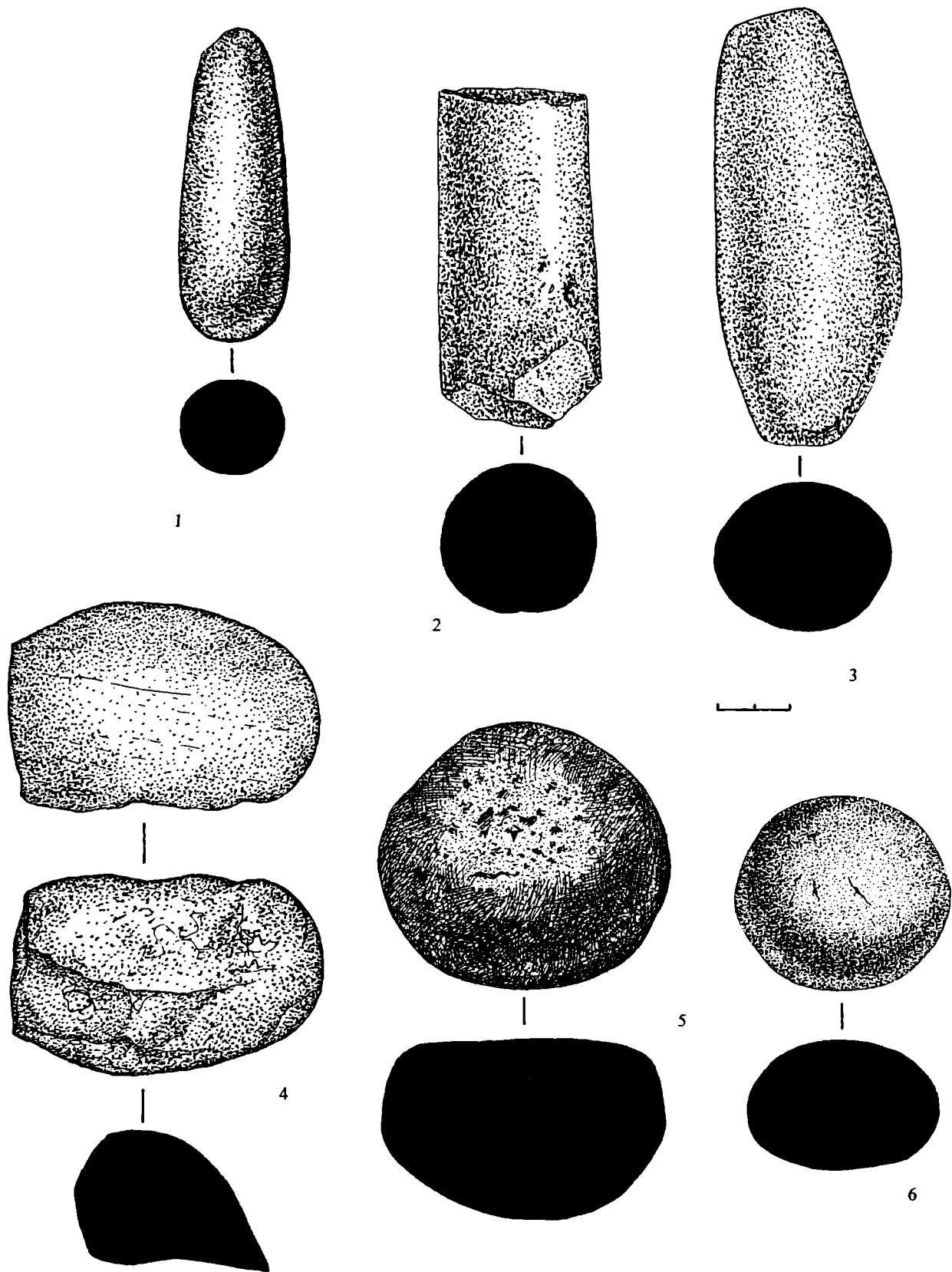

Рис.28. Поселение Прибрежное. Тёрочки пестиковой формы (1-3); растиратели (4-6).

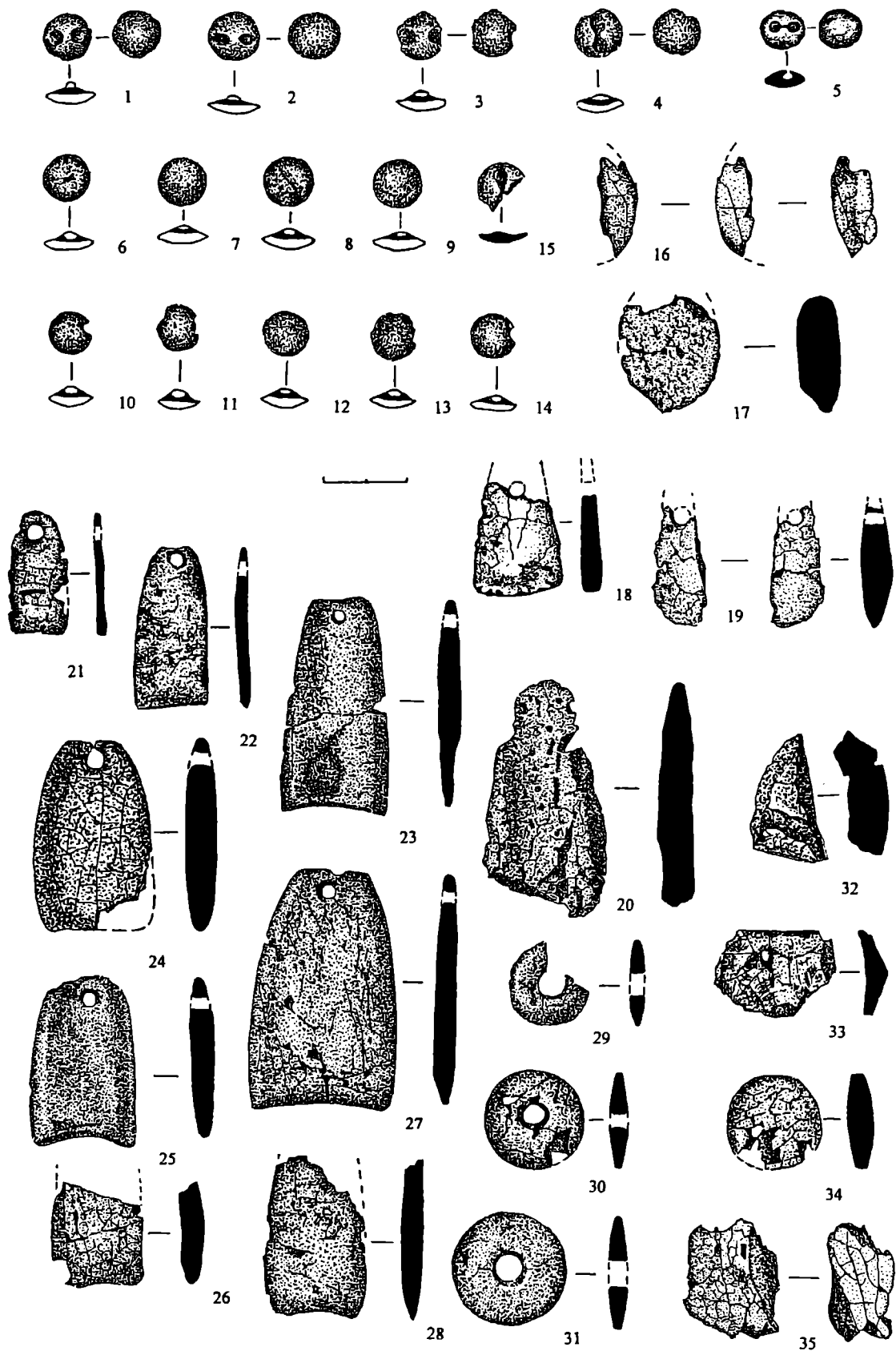

Рис.29. Поселение Прибрежное. Изделия из янтаря: пуговицы (1-15); двойная пуговица (?) (16); остроовальная пуговица (17); подвеска трапециевидной формы (18); подвеска секирообразной формы (19); подвеска с выделенной верхней частью (20); подвески продолговатой формы (21-28); диски линзовидной формы (29-31); заготовки (32-35).

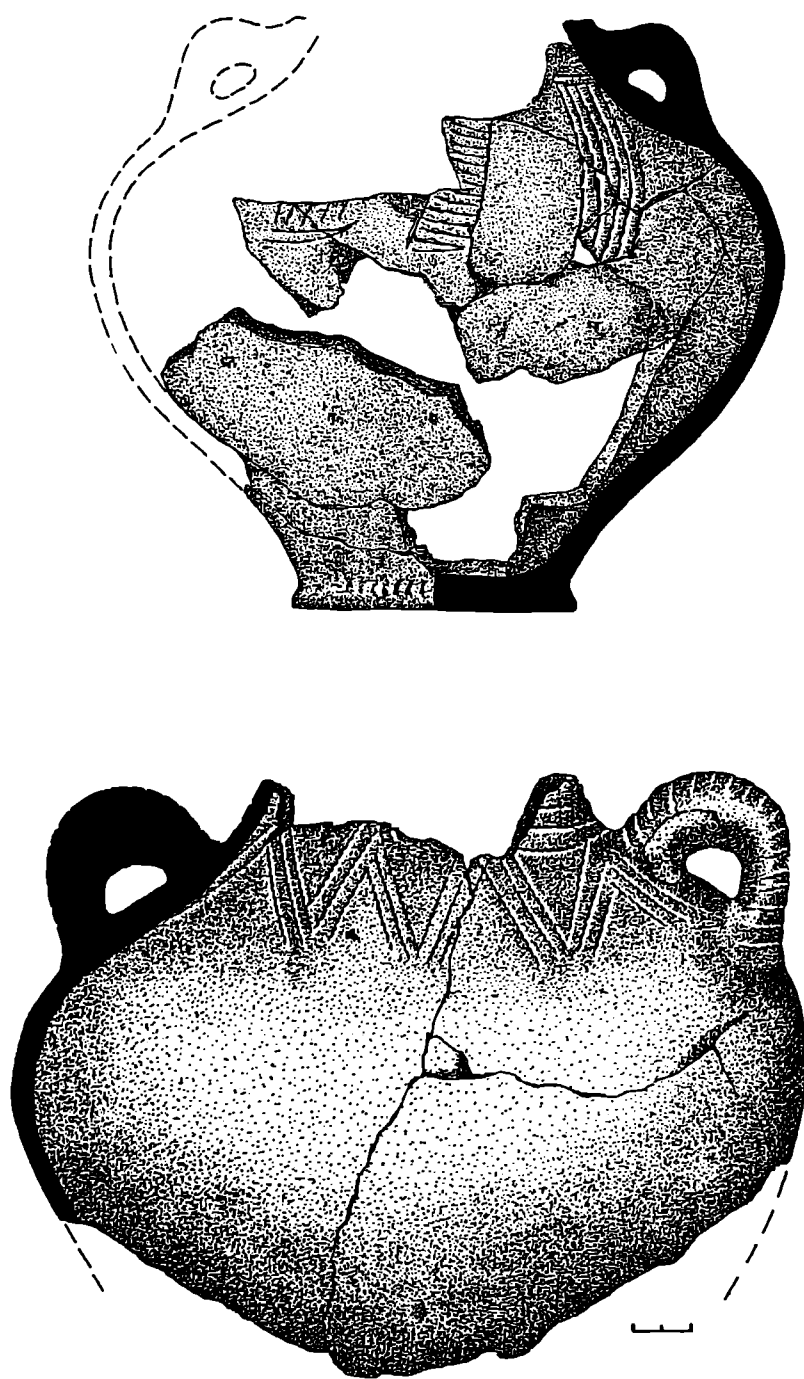
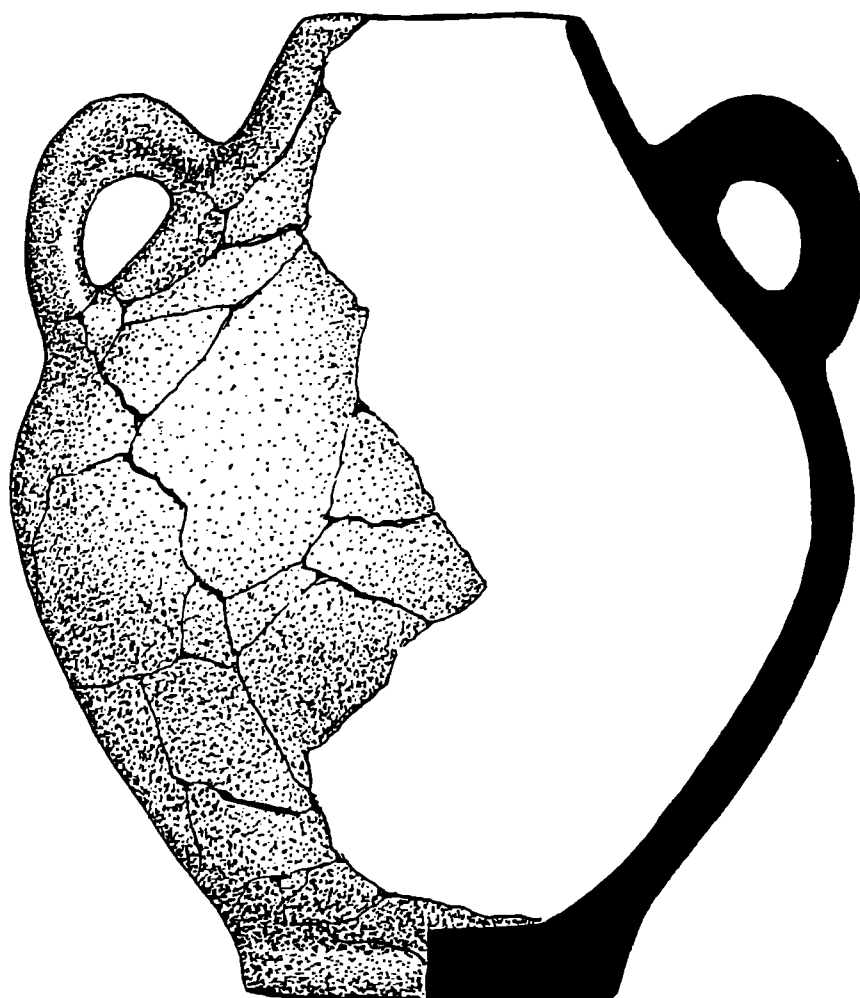
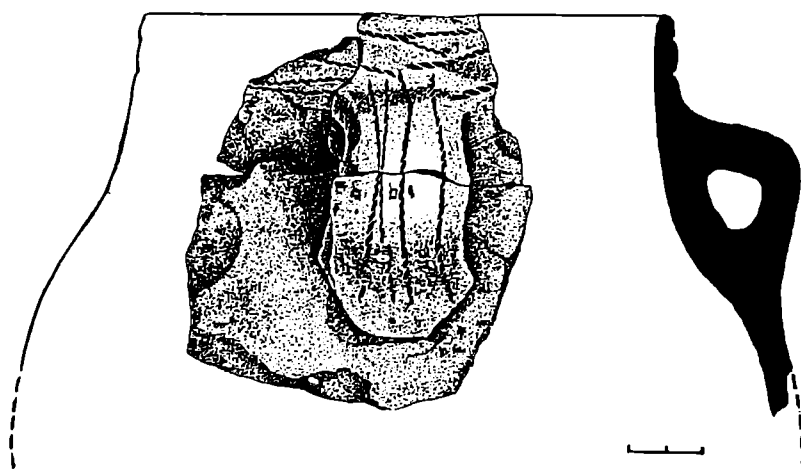

Рис.30. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 1.

1

2

Рис.31. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 2.

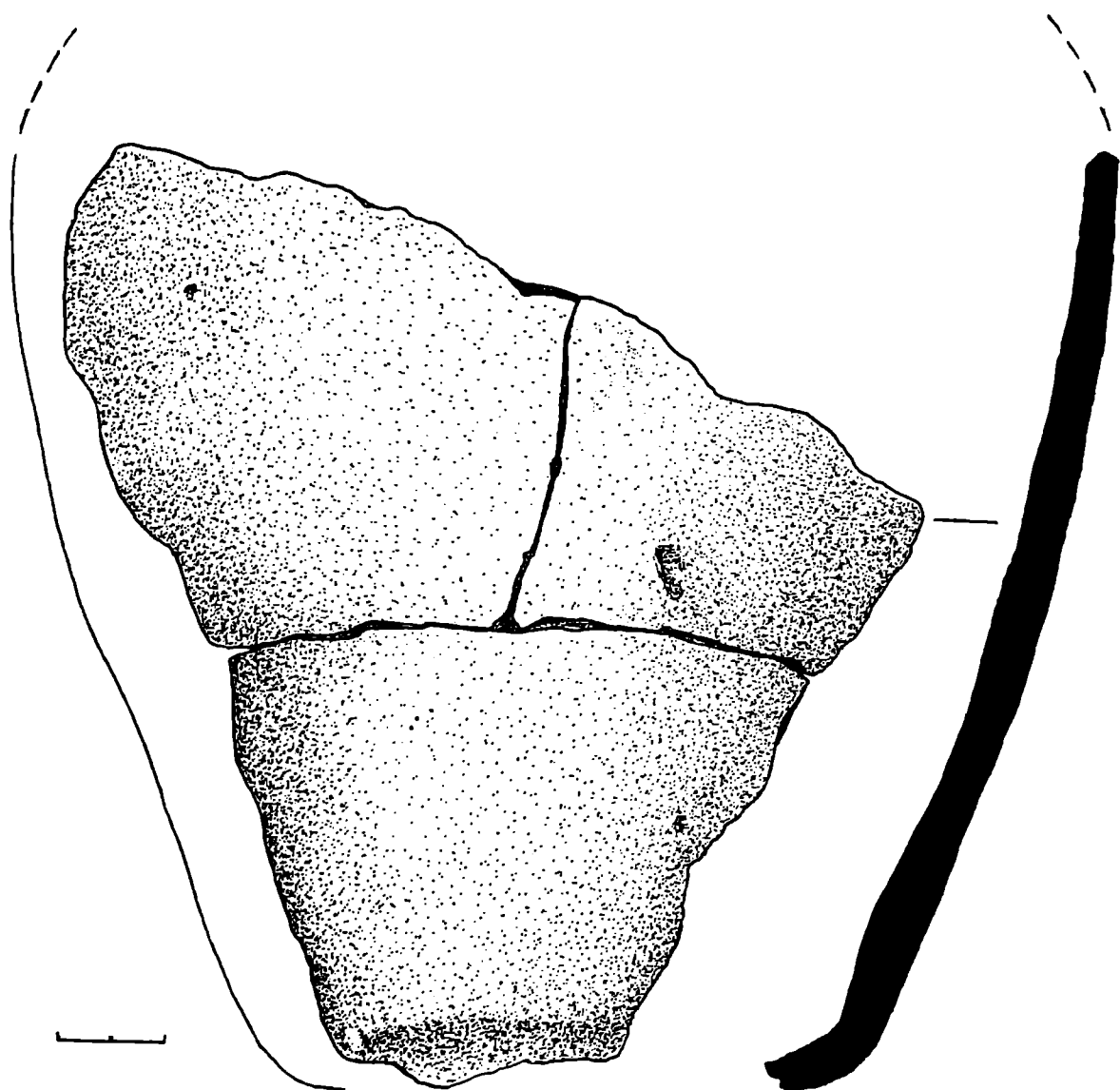

Рис.32. Поселение Прибрежное. Фрагмент амфоры группы 2.

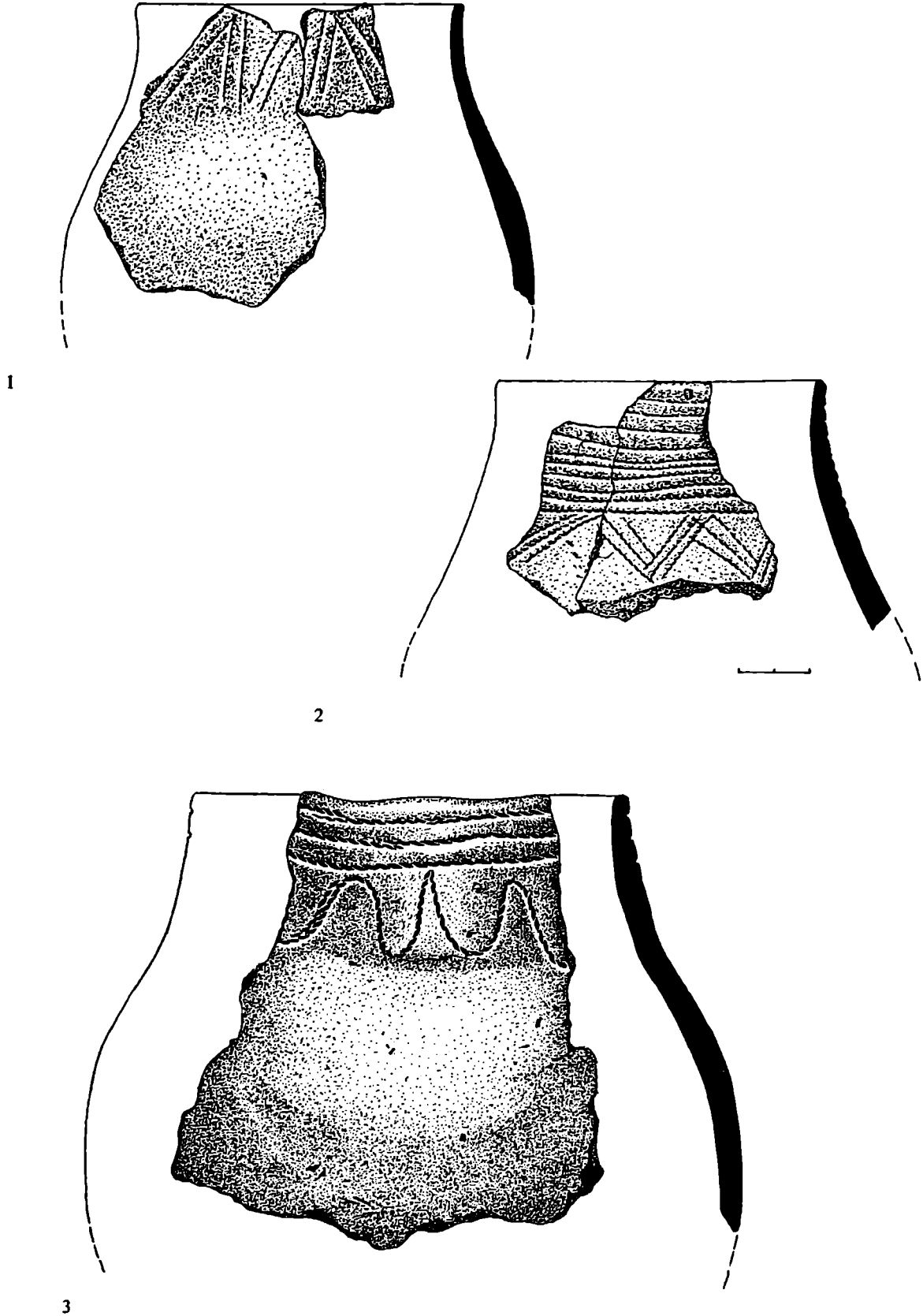
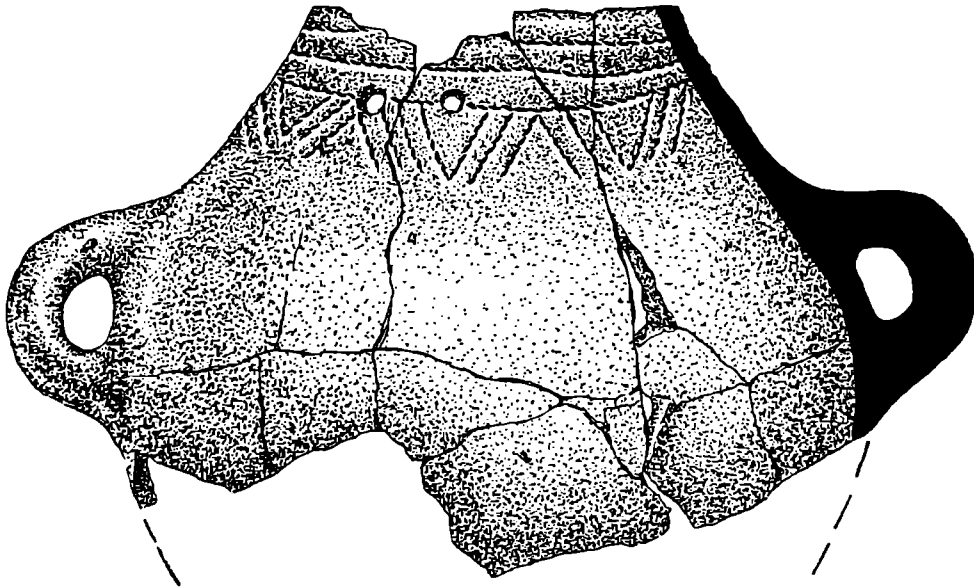
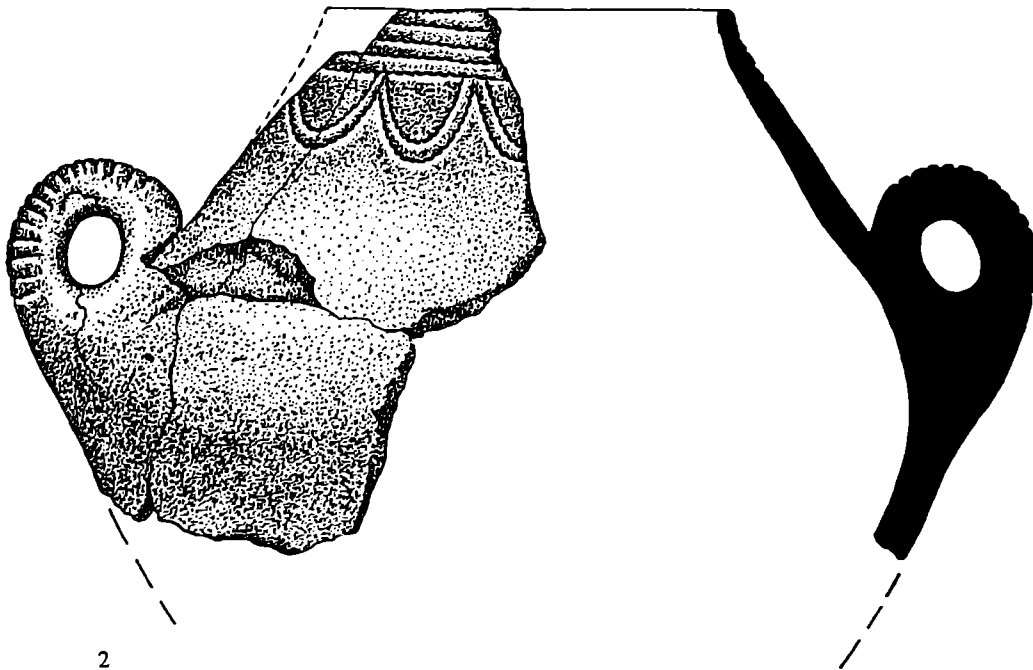

Рис.33. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 2.

1

2

Рис.34. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 3.

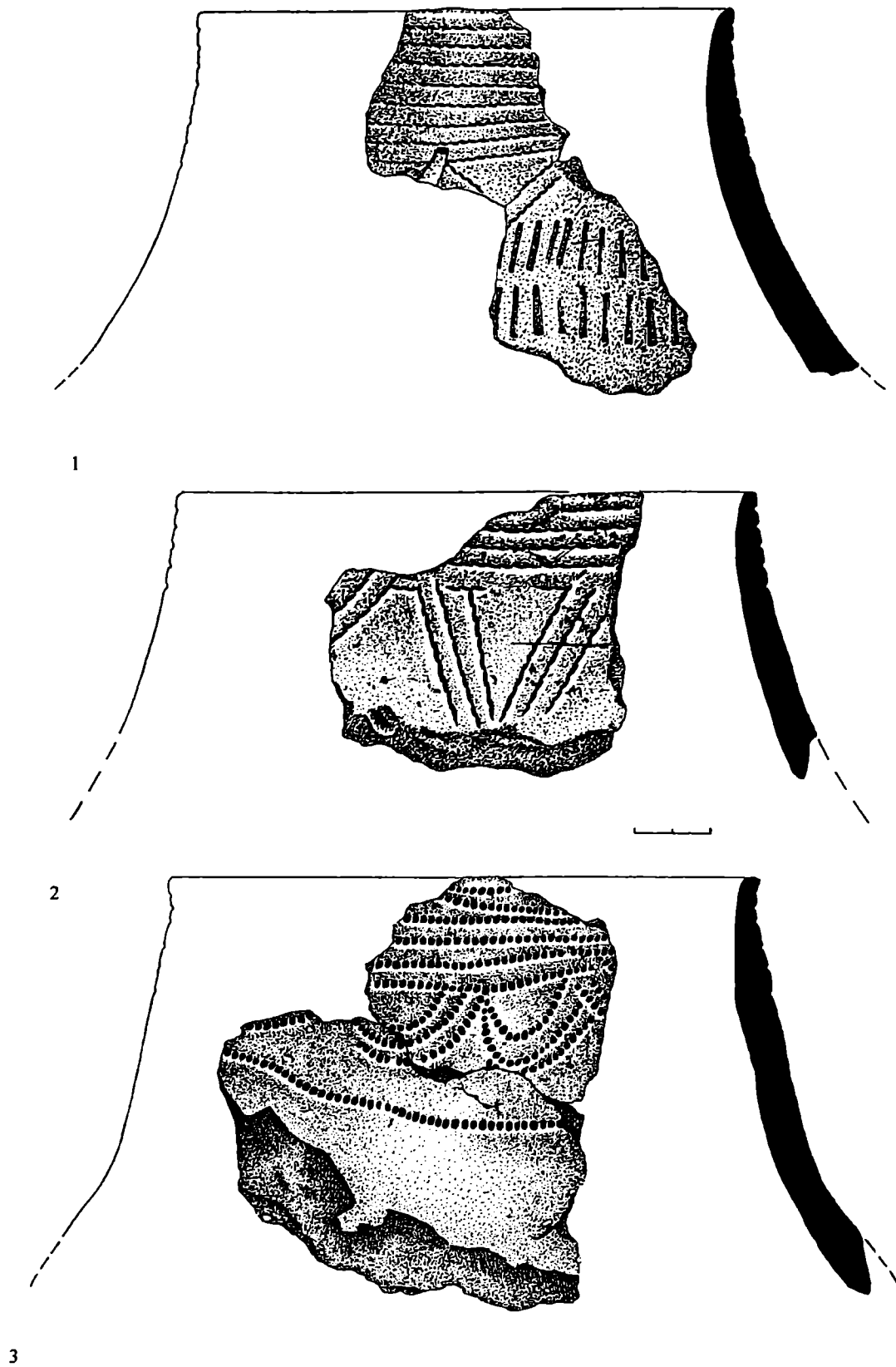
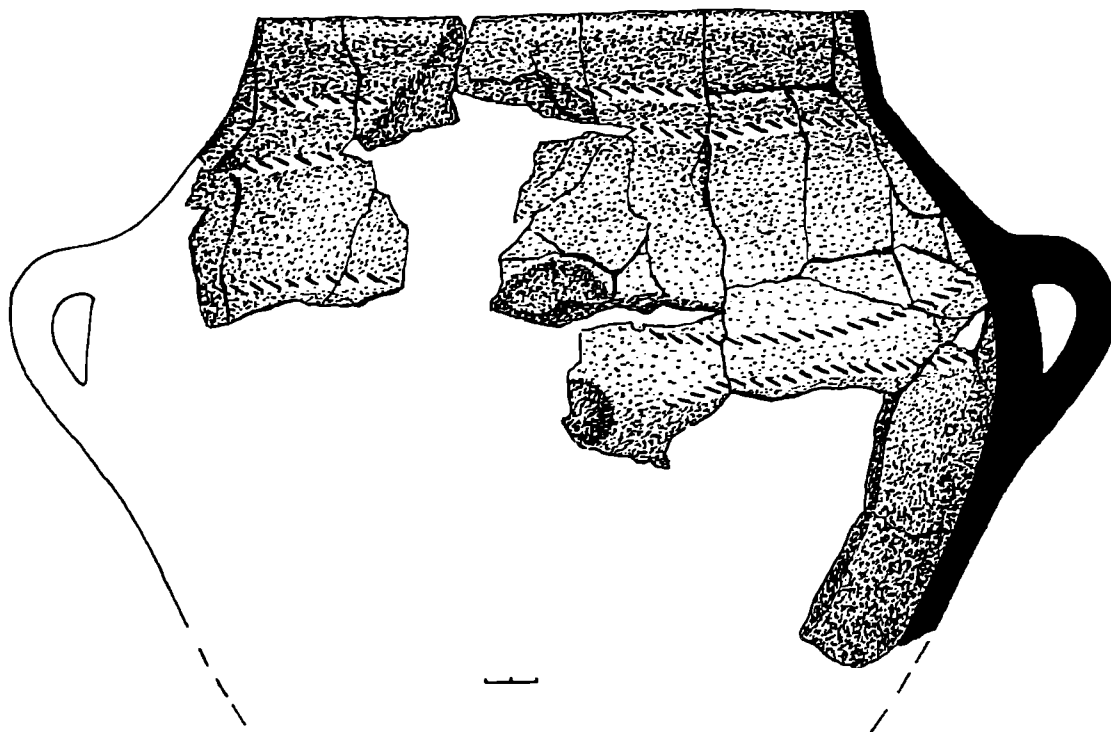
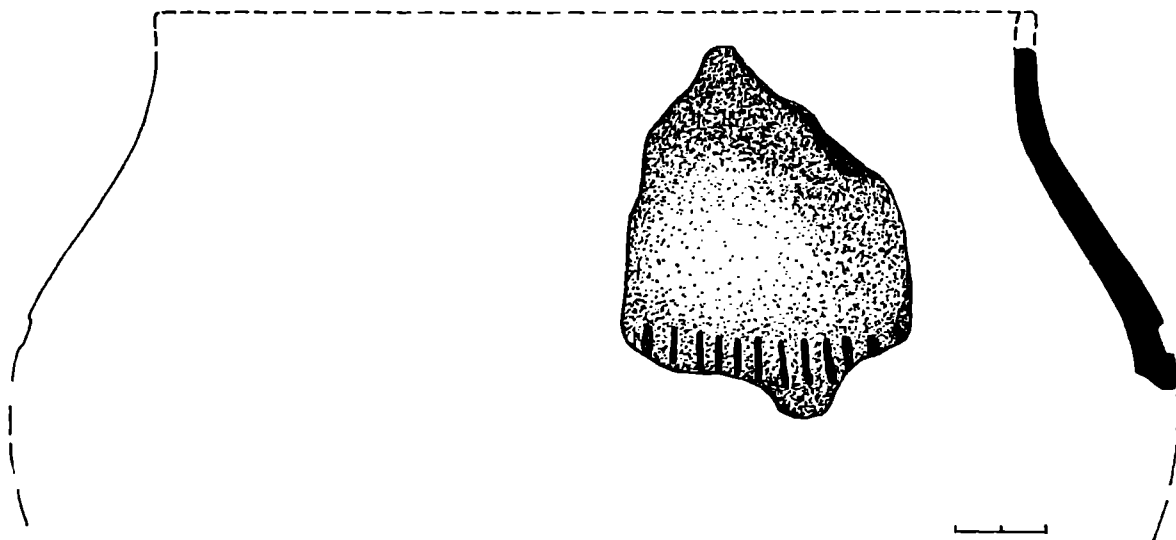

Рис.35. Поселение Прибрежное. Фрагменты амфор группы 3.

1

2

Рис.36. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 4.

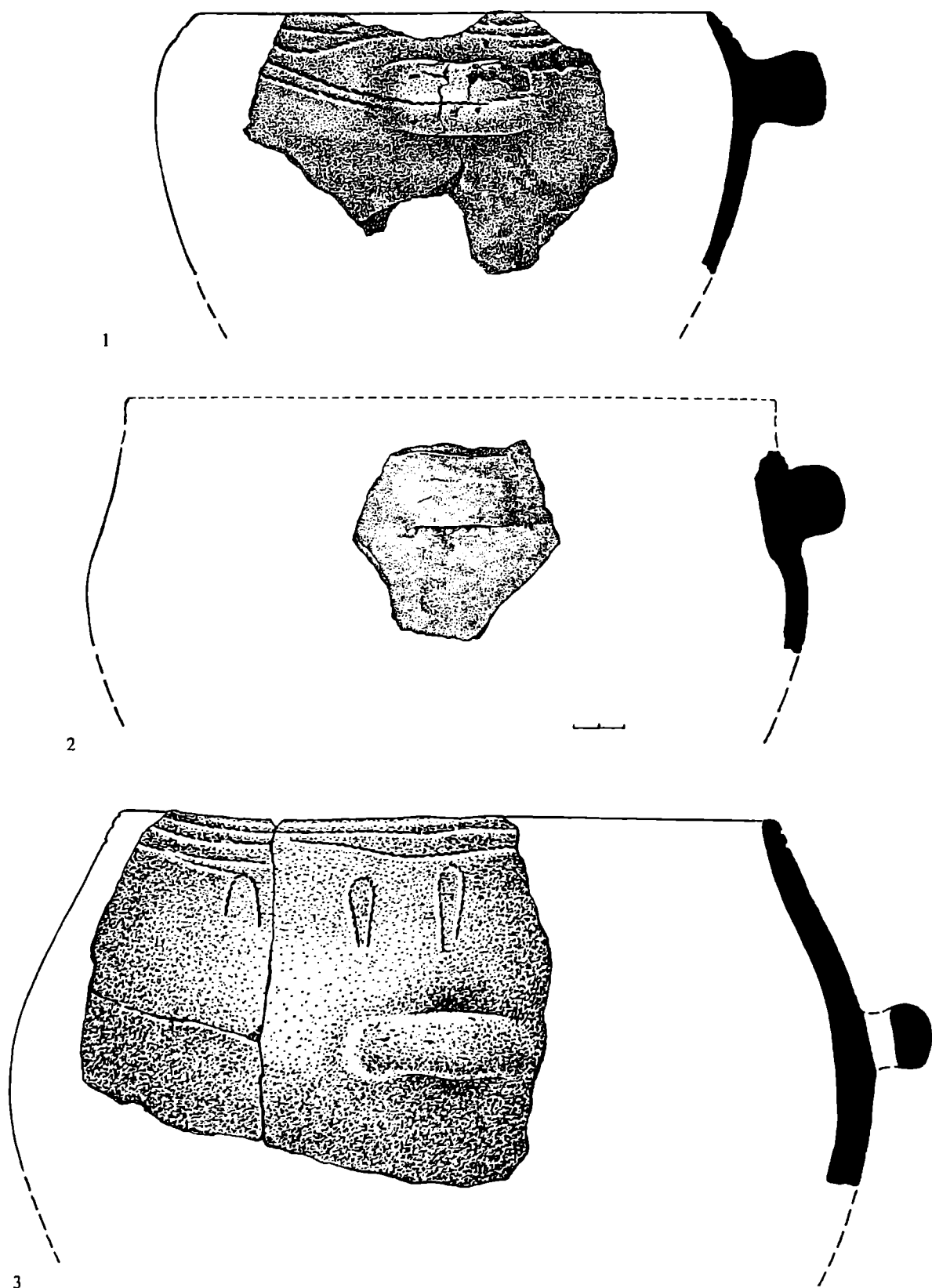

Рис.37. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 5.

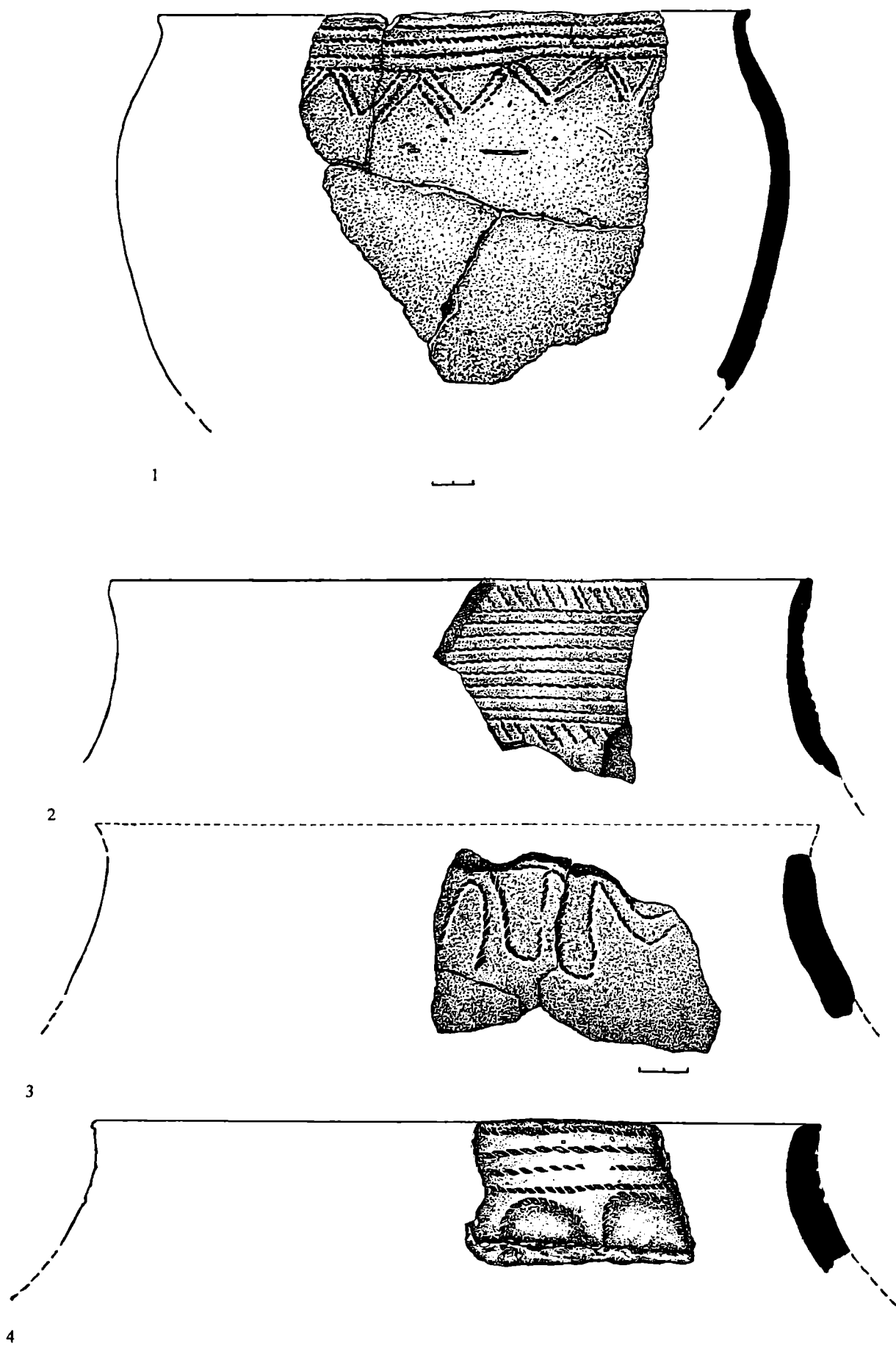
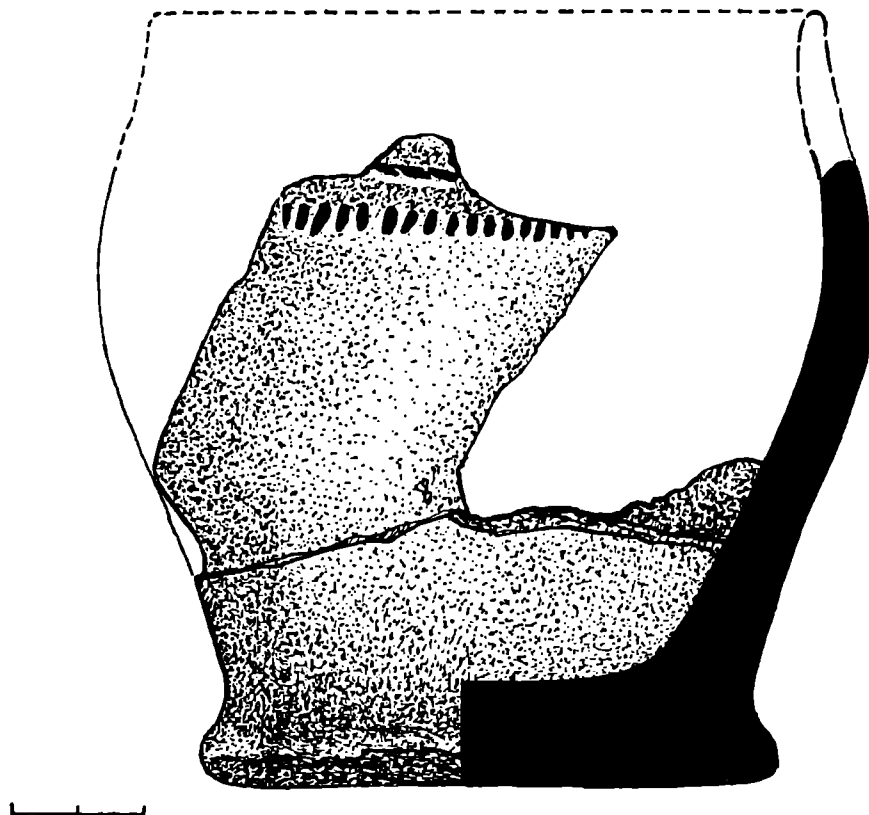
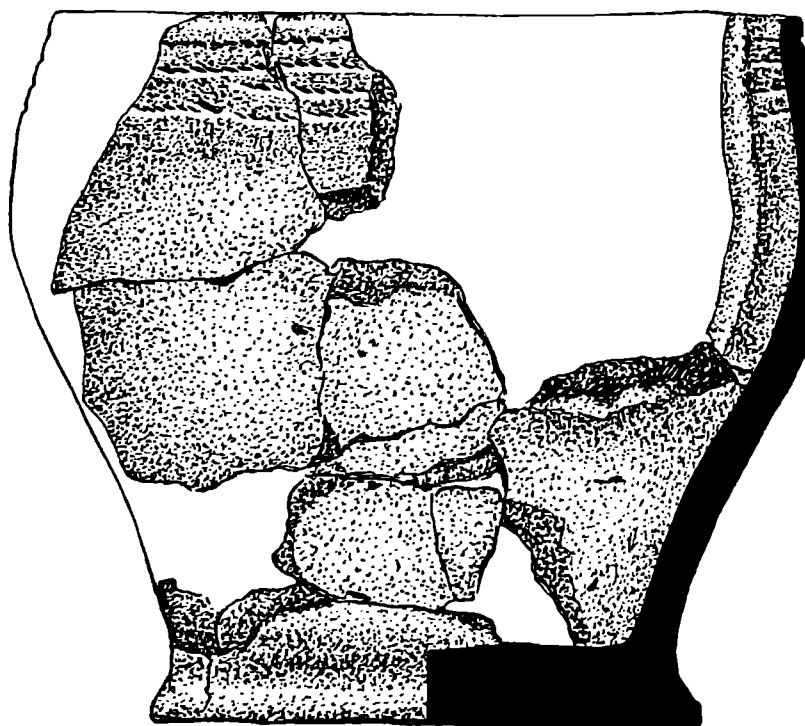

Рис.38. Поселение Прибрежное. Амфоры группы 6.

1

2

Рис.39. Поселение Прибрежное. Кубки группы 1.

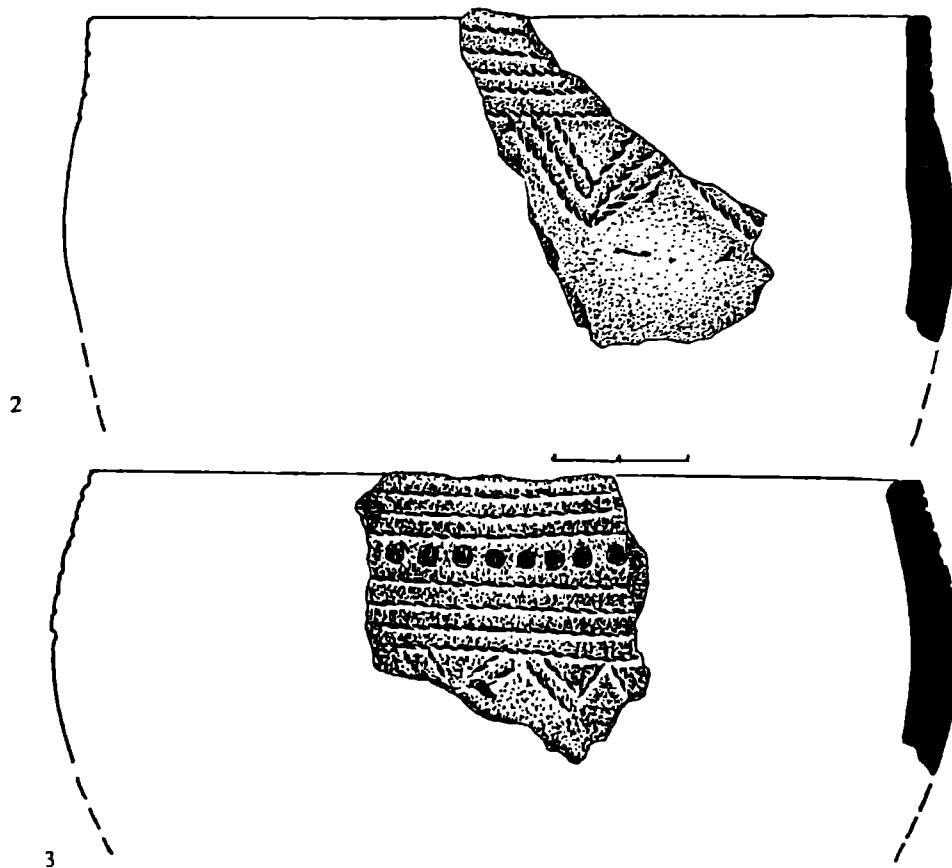
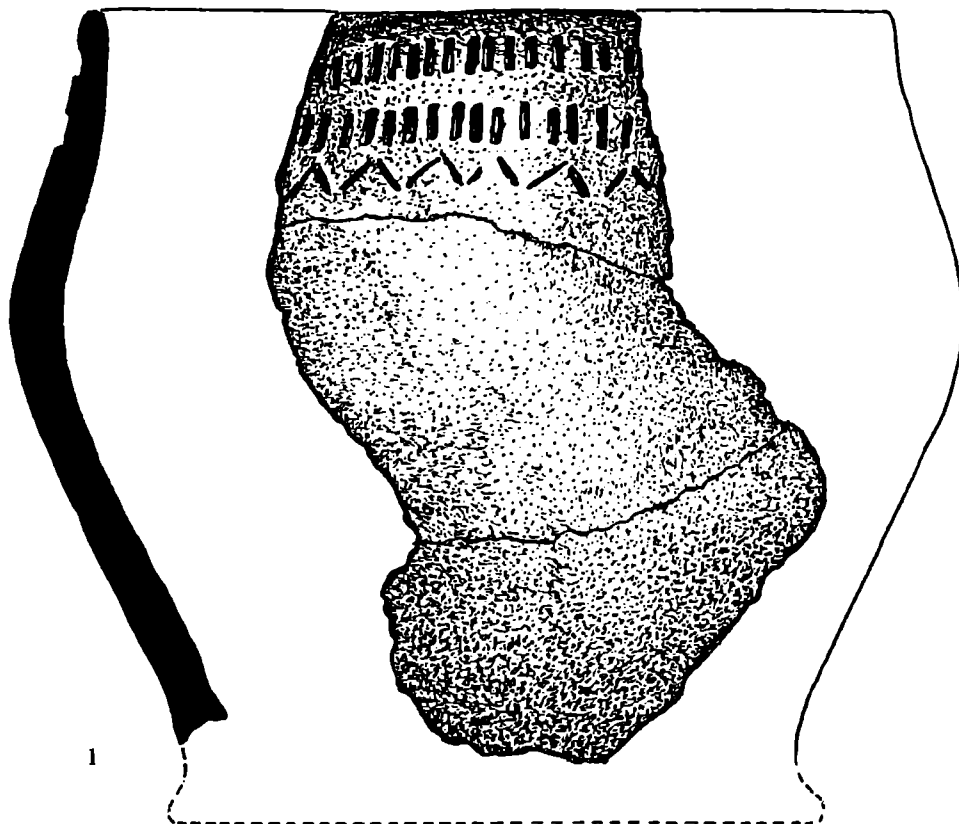

Рис.40. Поселение Прибрежное. Кубки группы 1.

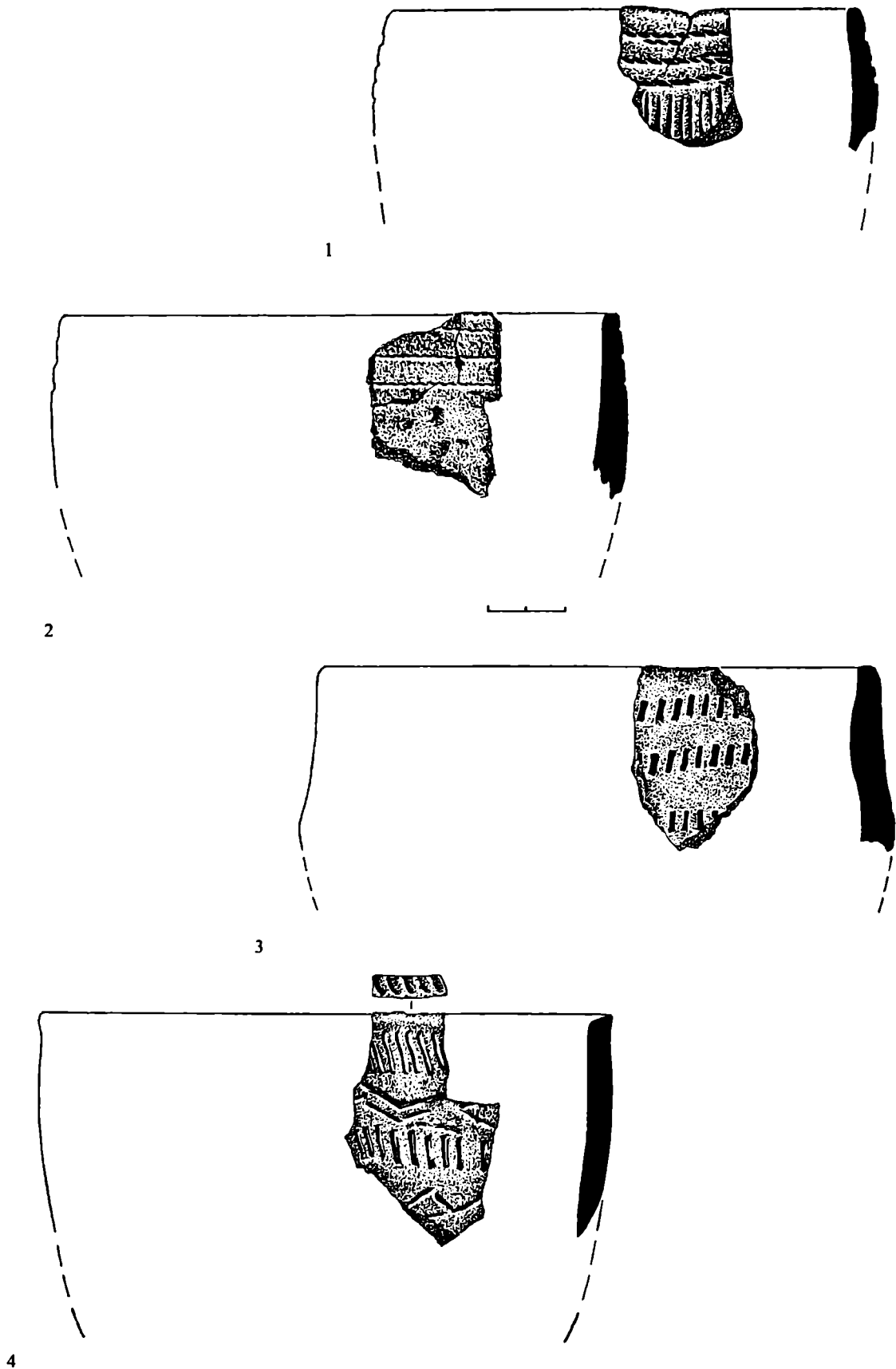

Рис.41. Поселение Прибрежное. Кубки группы 1.

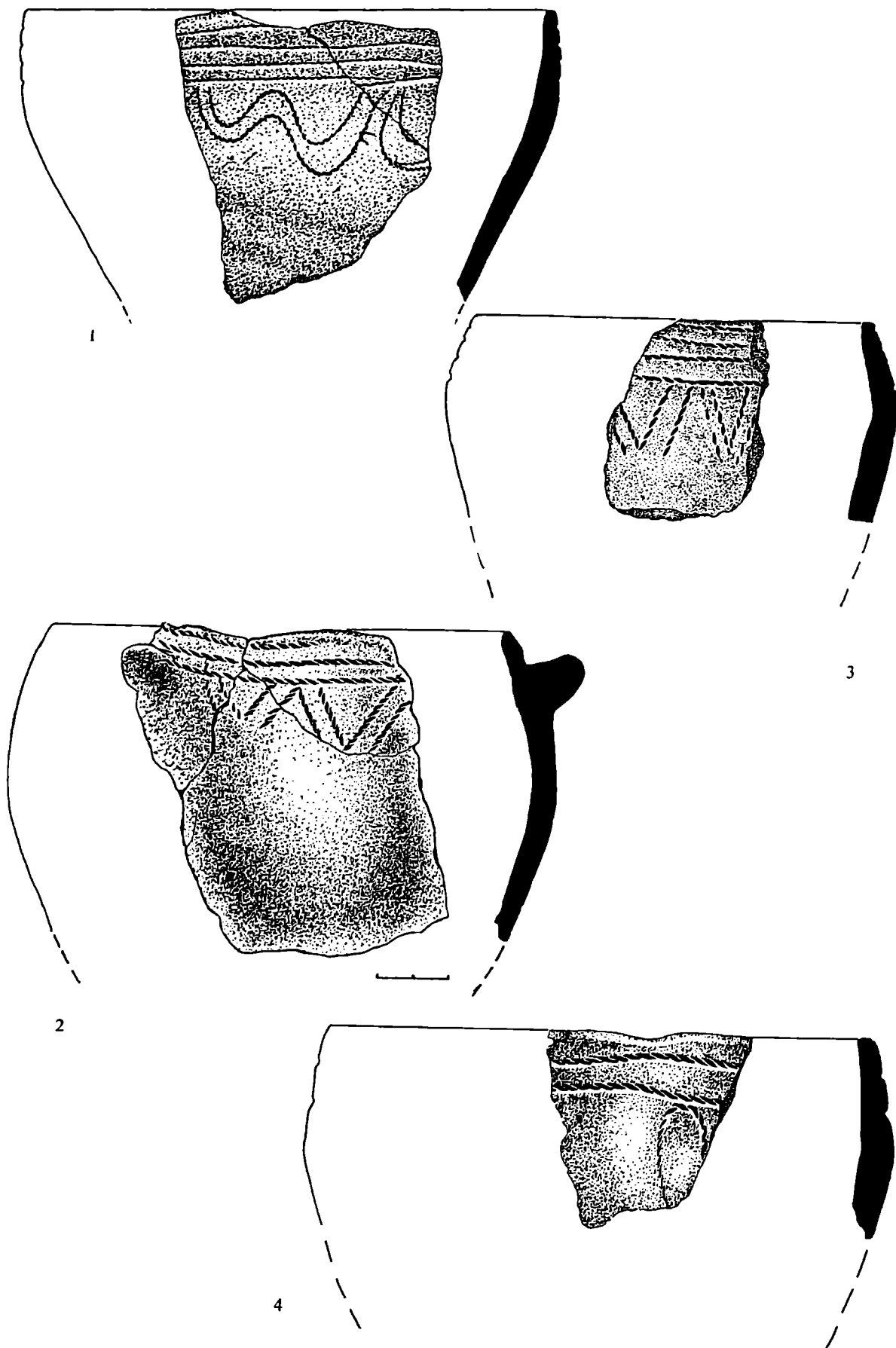

Рис.42. Поселение Прибрежное. Кубки группы 1.

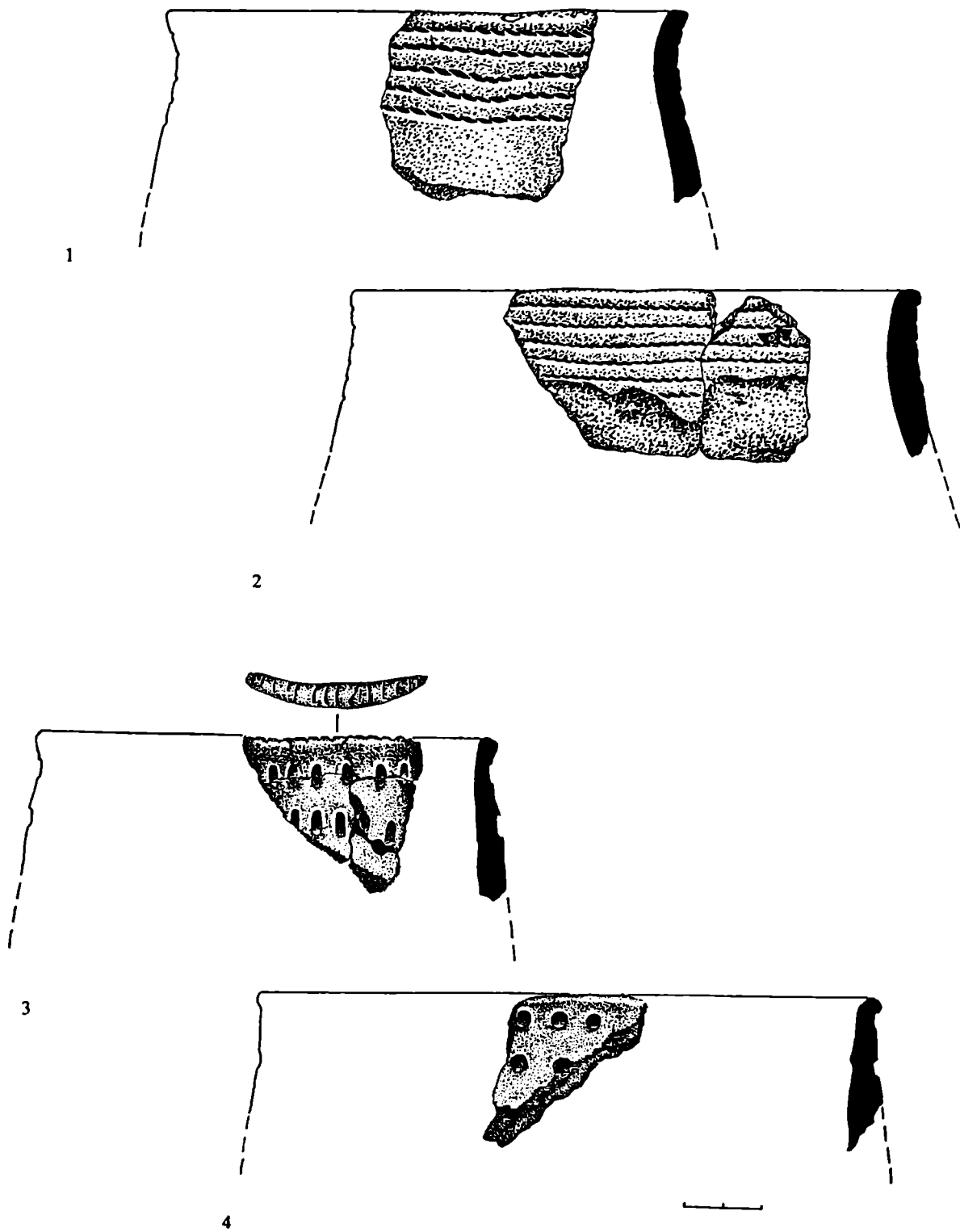

Рис.43. Поселение Прибрежное. Кубки группы 2 .

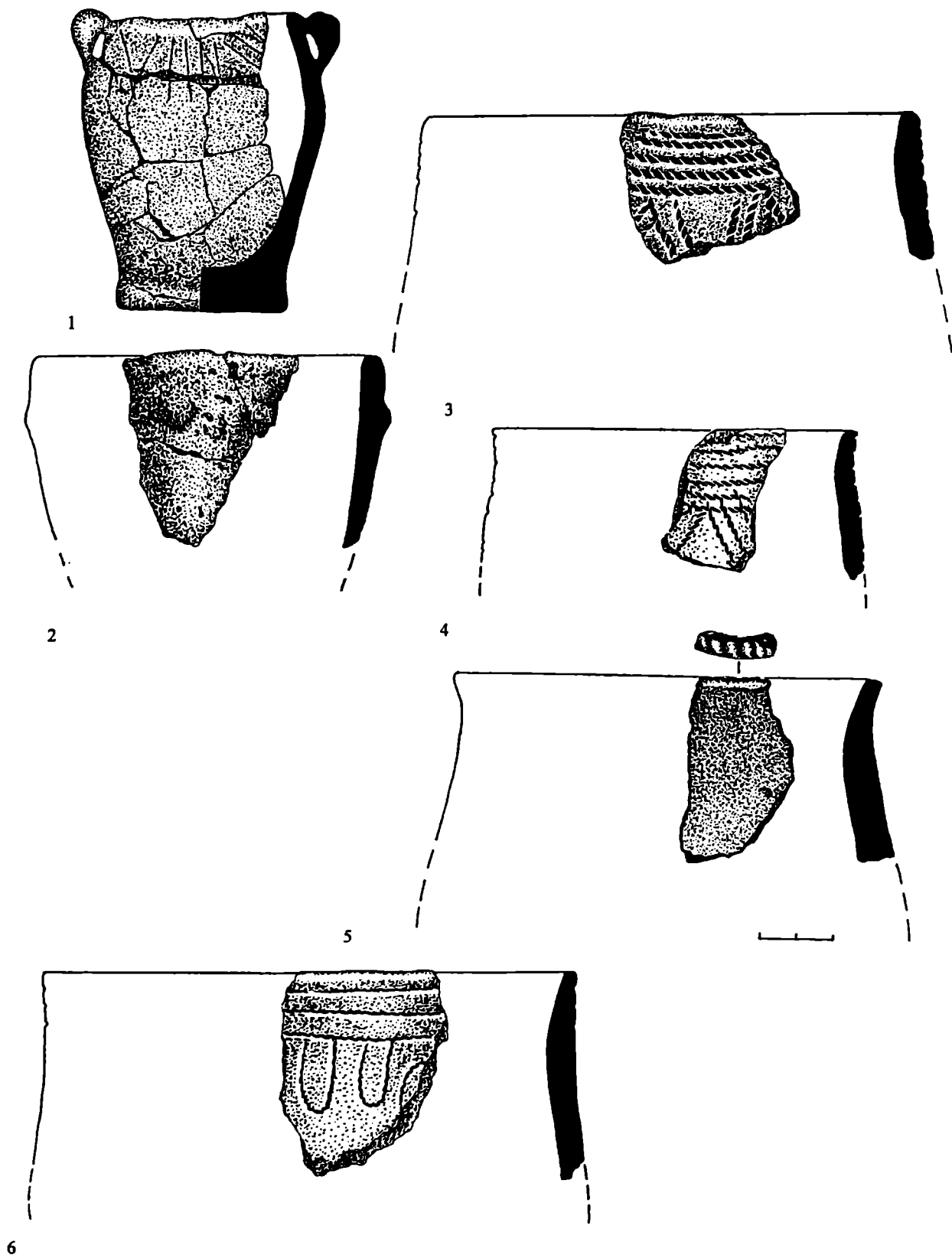

Рис.44. Поселение Прибрежное. Кубки группы 2 (3,4,5) и группы 3 (6); миниатюрные кубкообразные сосуды (1,2).

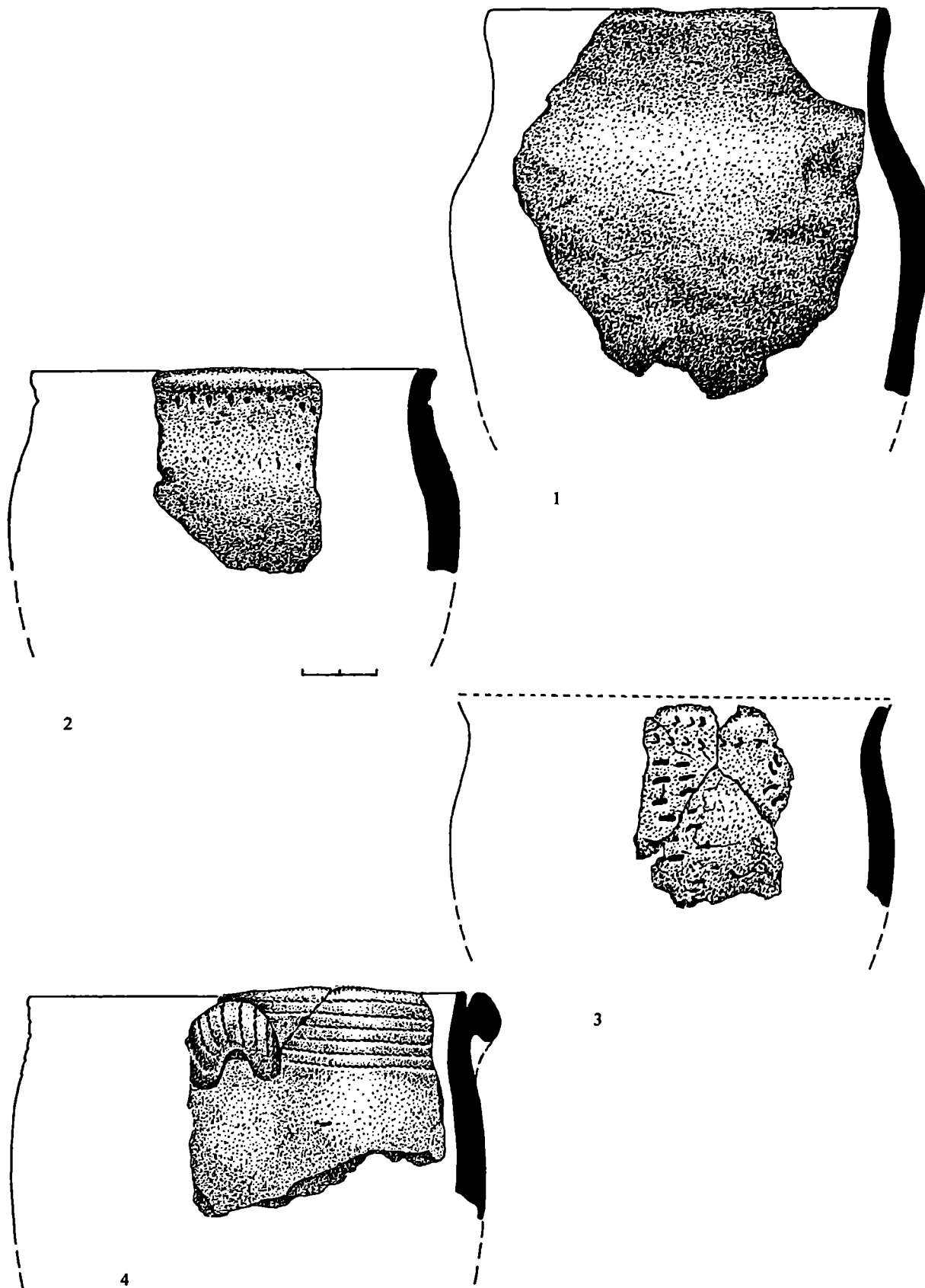

Рис.45. Поселение Прибрежное. Кубки группы 2 (1) и 3 (2-4).

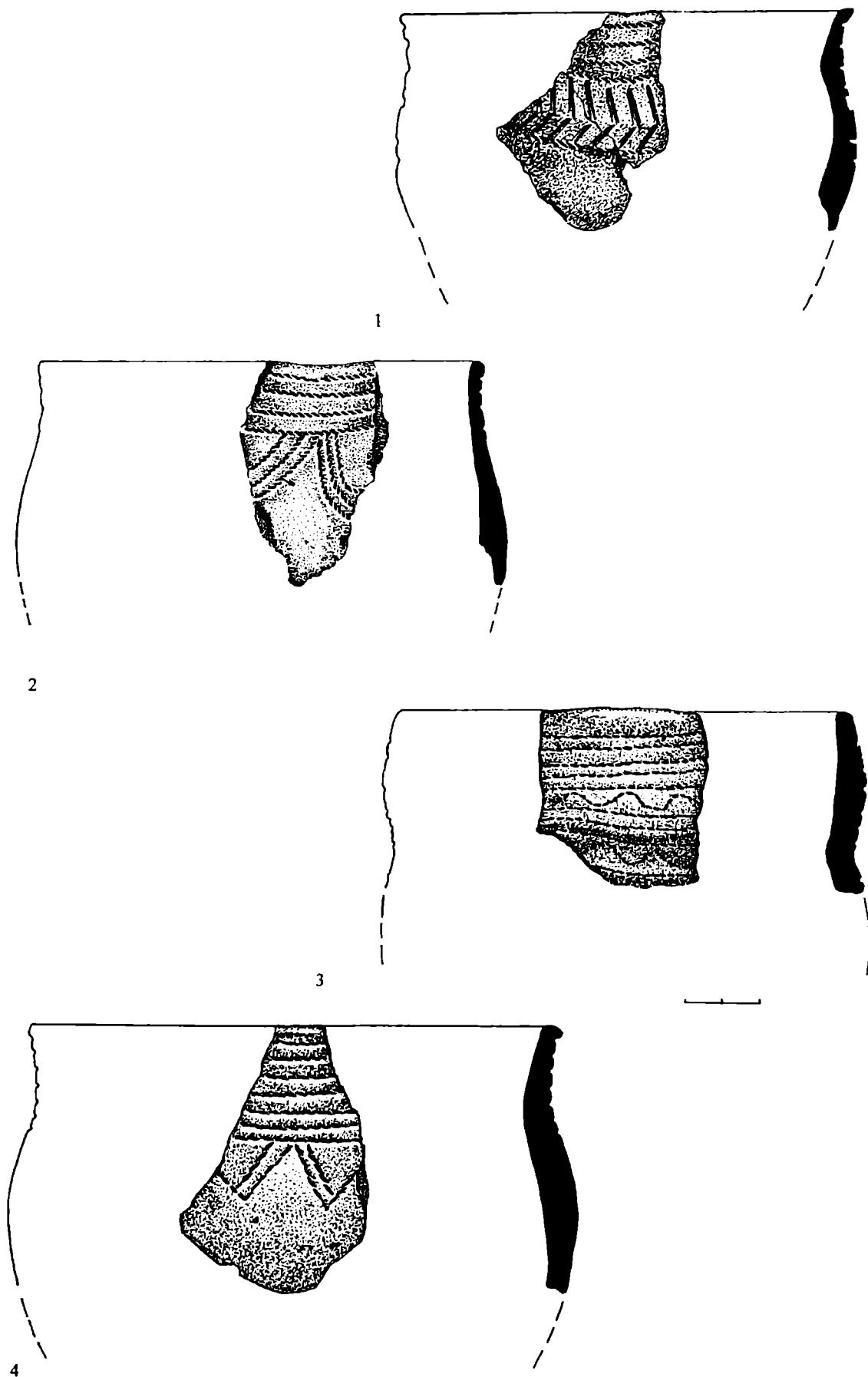

Рис.46. Поселение Прибрежное. Кубки группы 3.

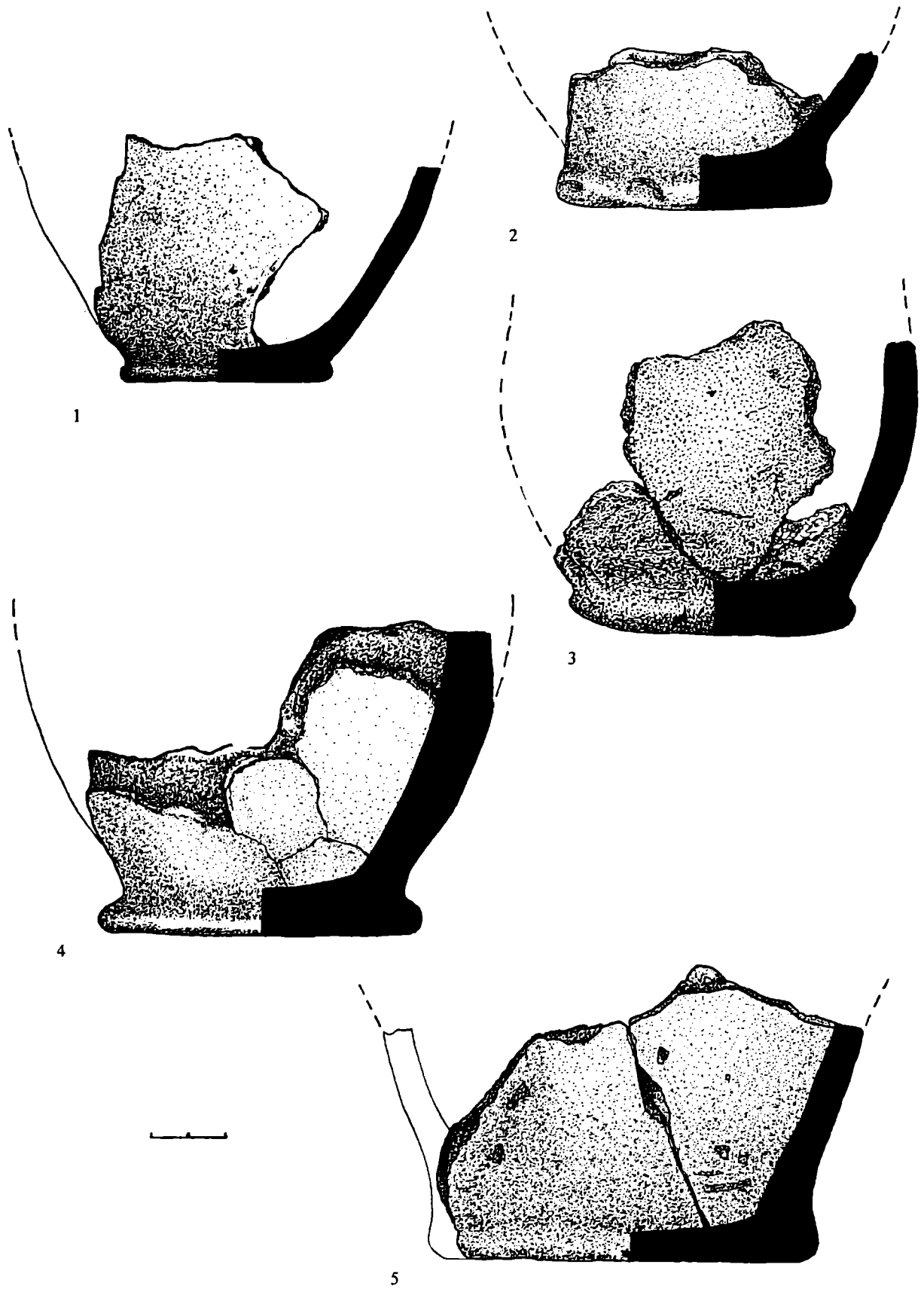

Рис.47. Поселение Прибрежное. Фрагменты кубков (нижняя часть).

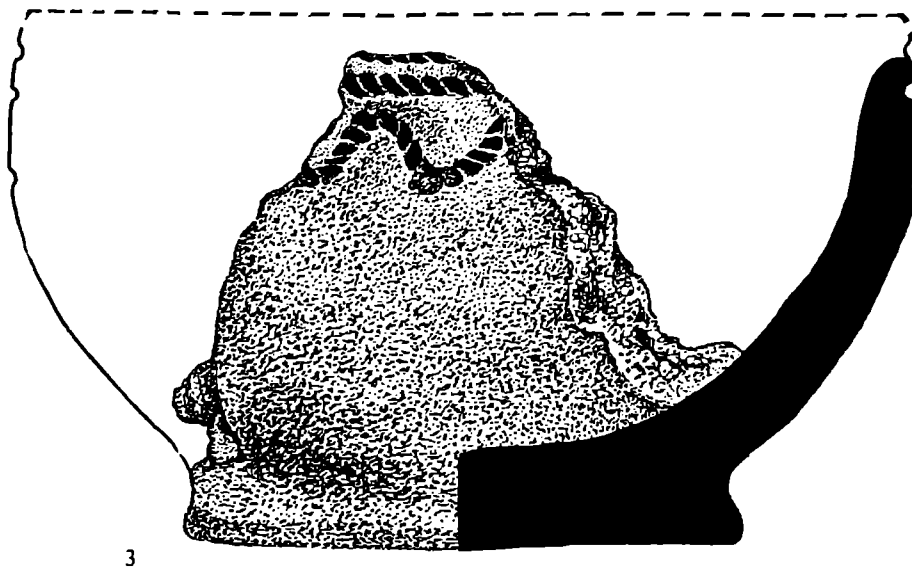
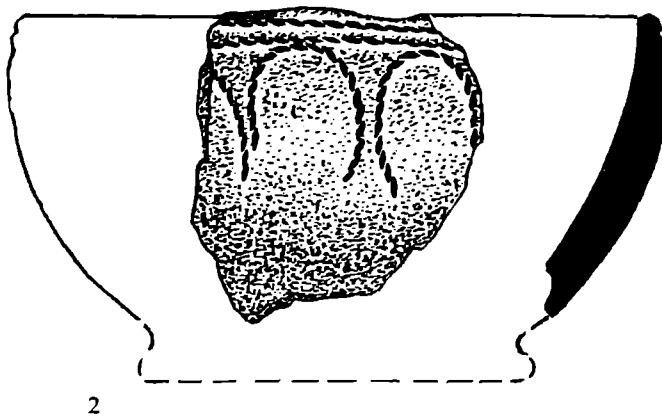
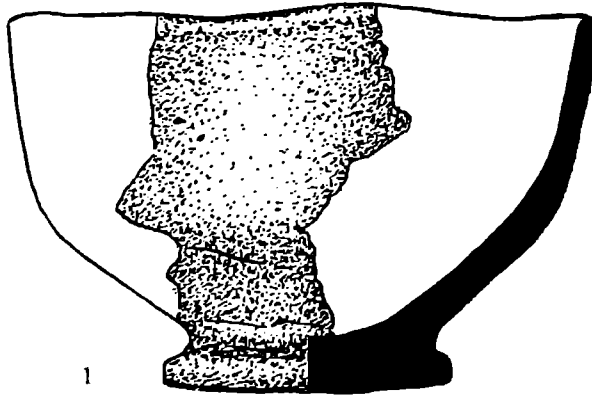
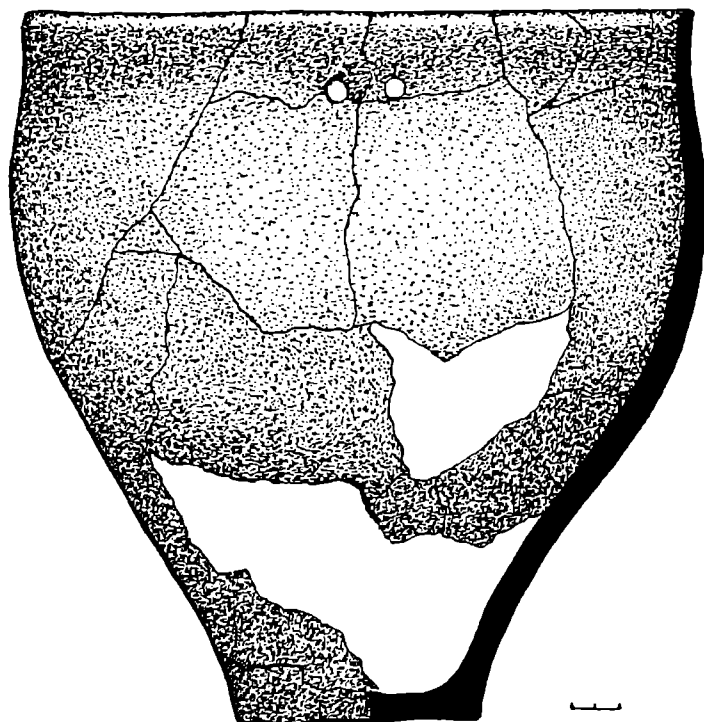
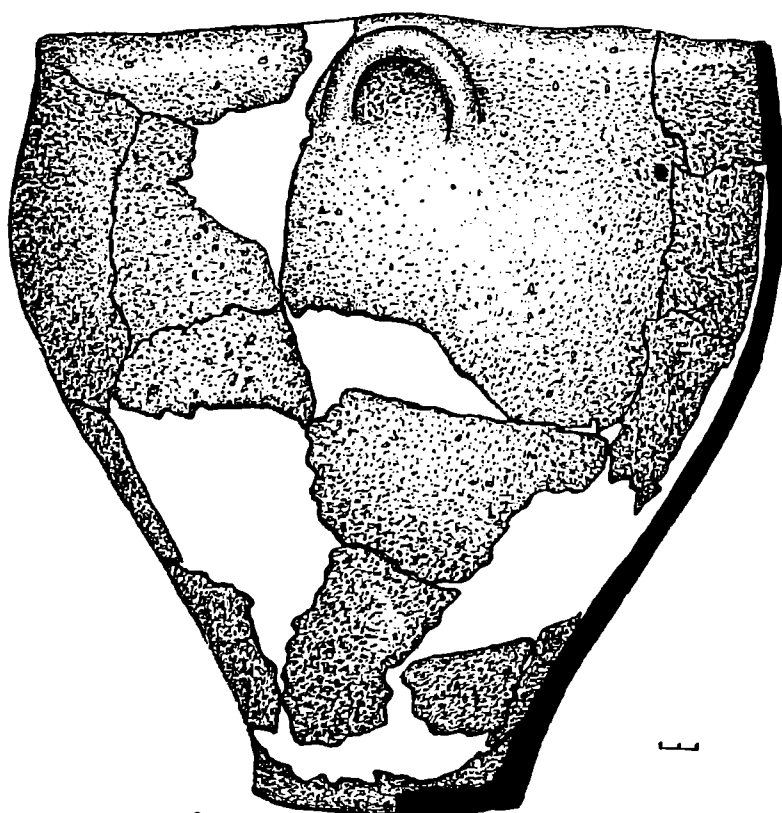

Рис.48. Поселение Прибрежное. Кубки группы 4.

1

2

Рис.49. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1.

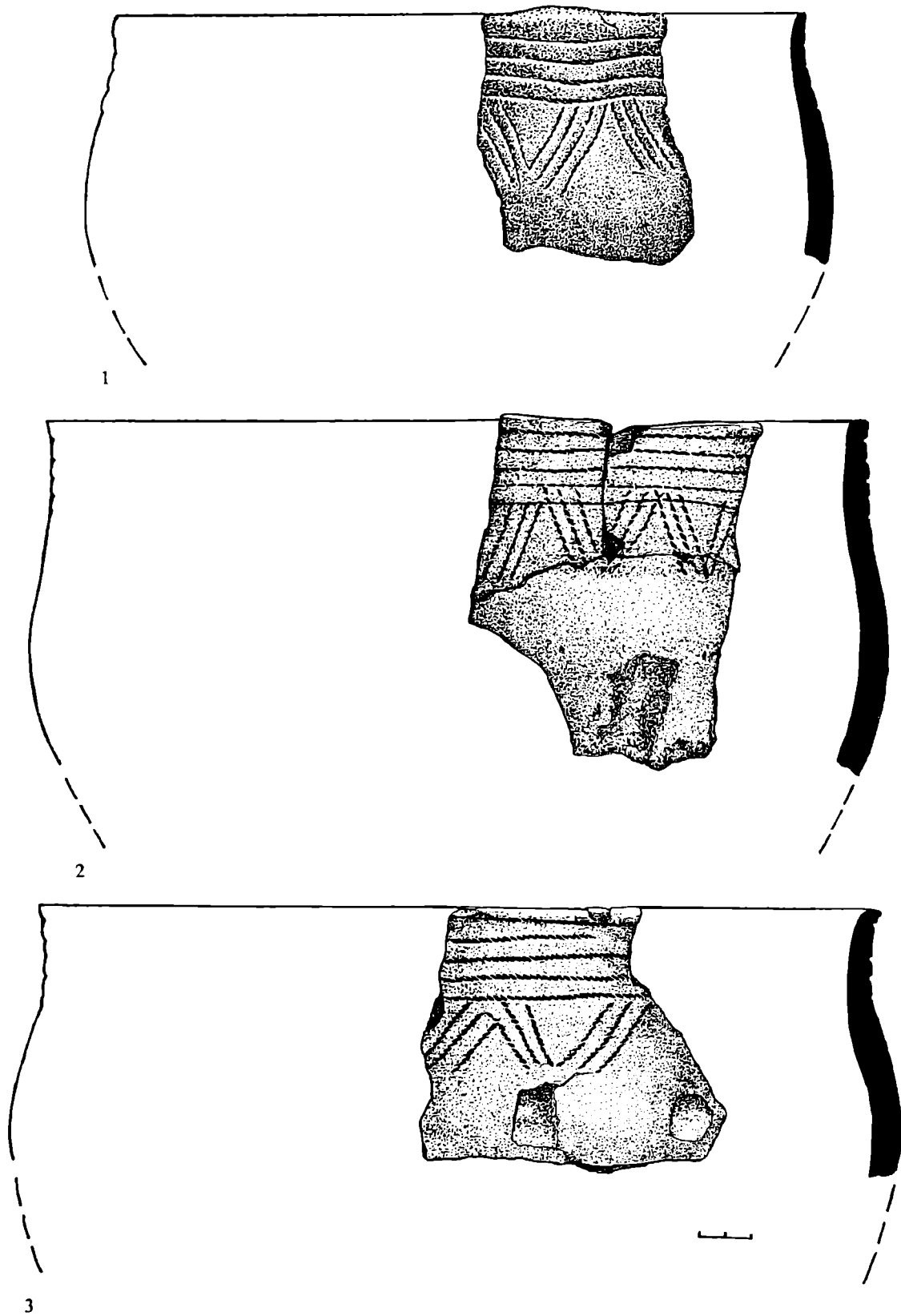

Рис.50. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1.

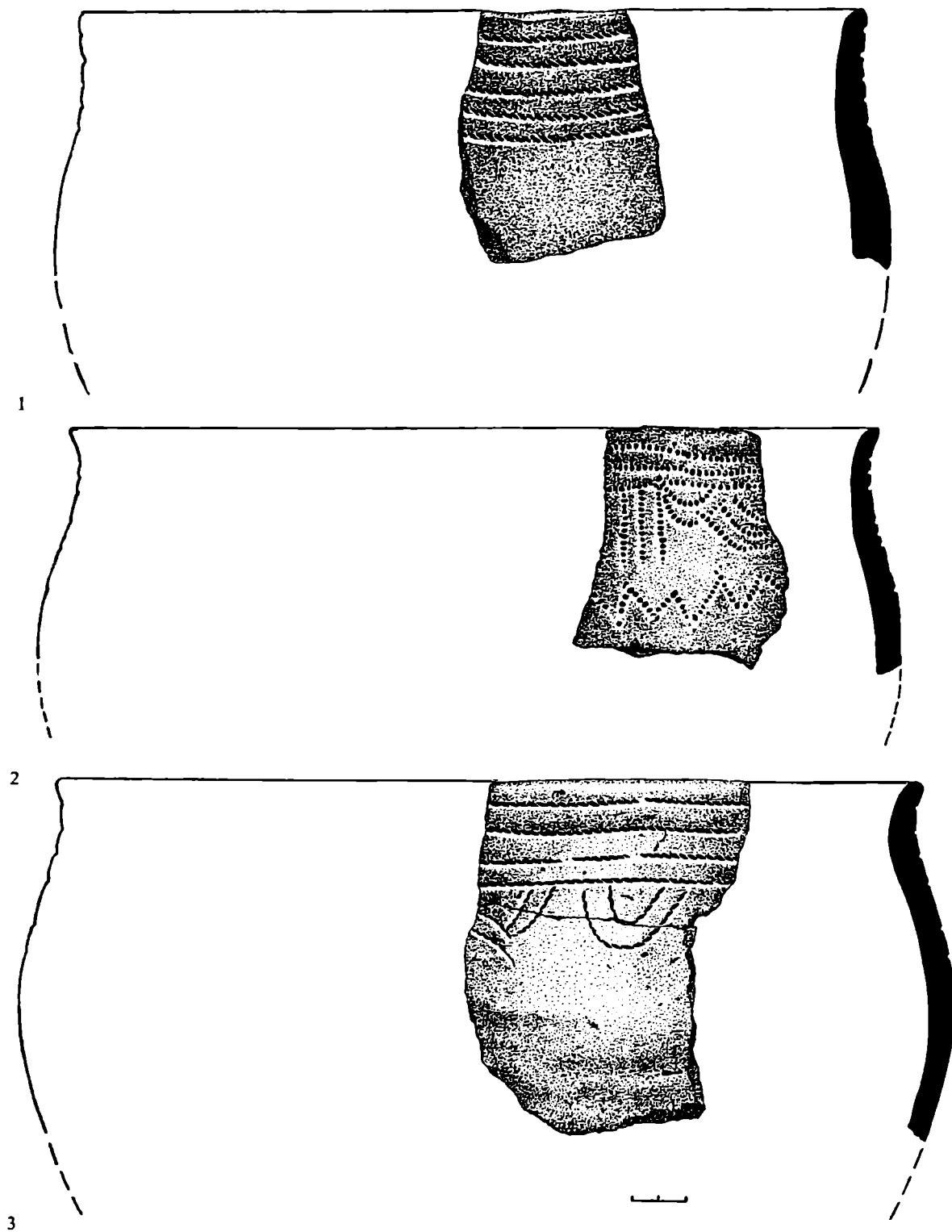

Рис.51. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1.

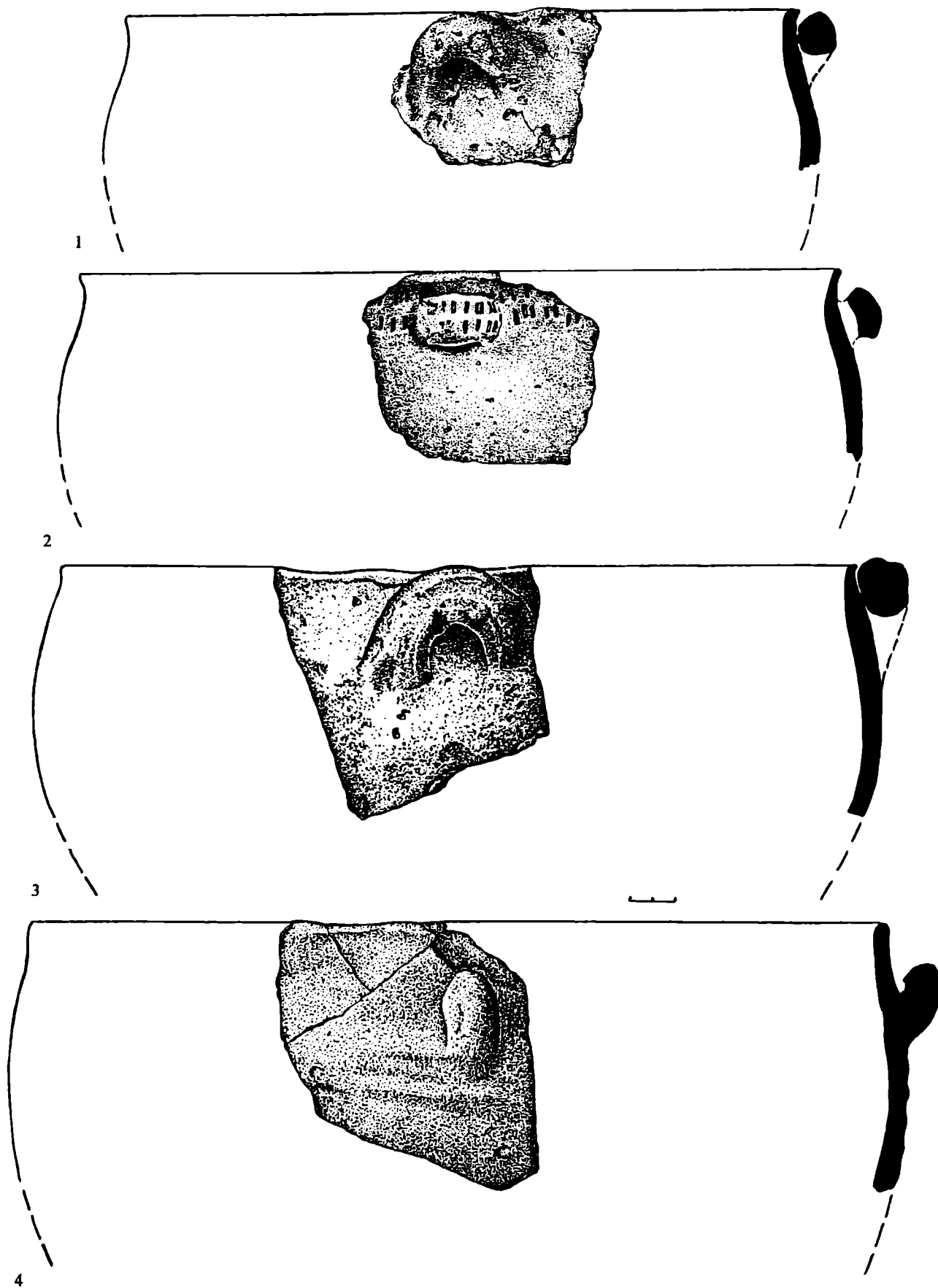

Рис.52. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1.

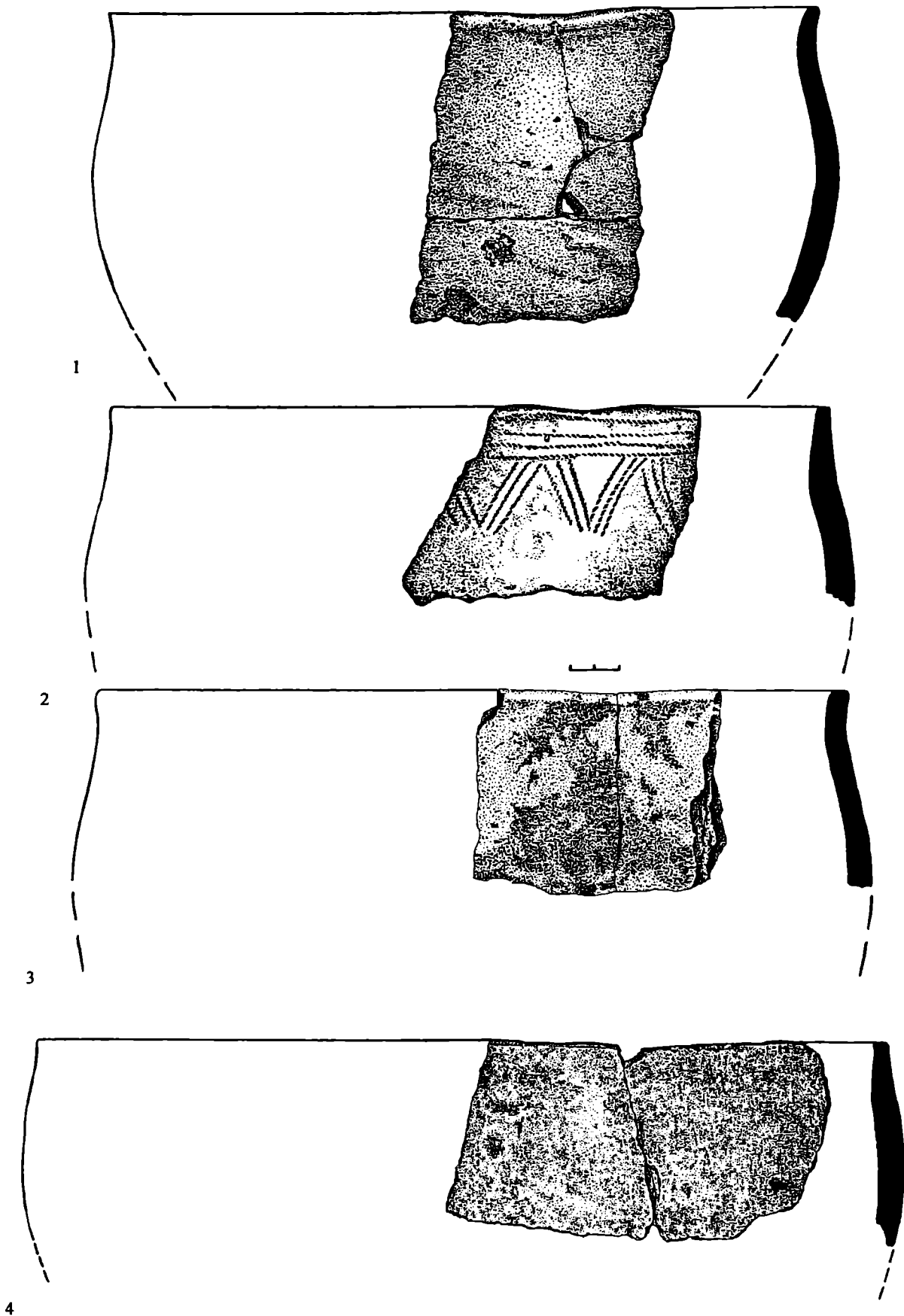

Рис.53. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1.

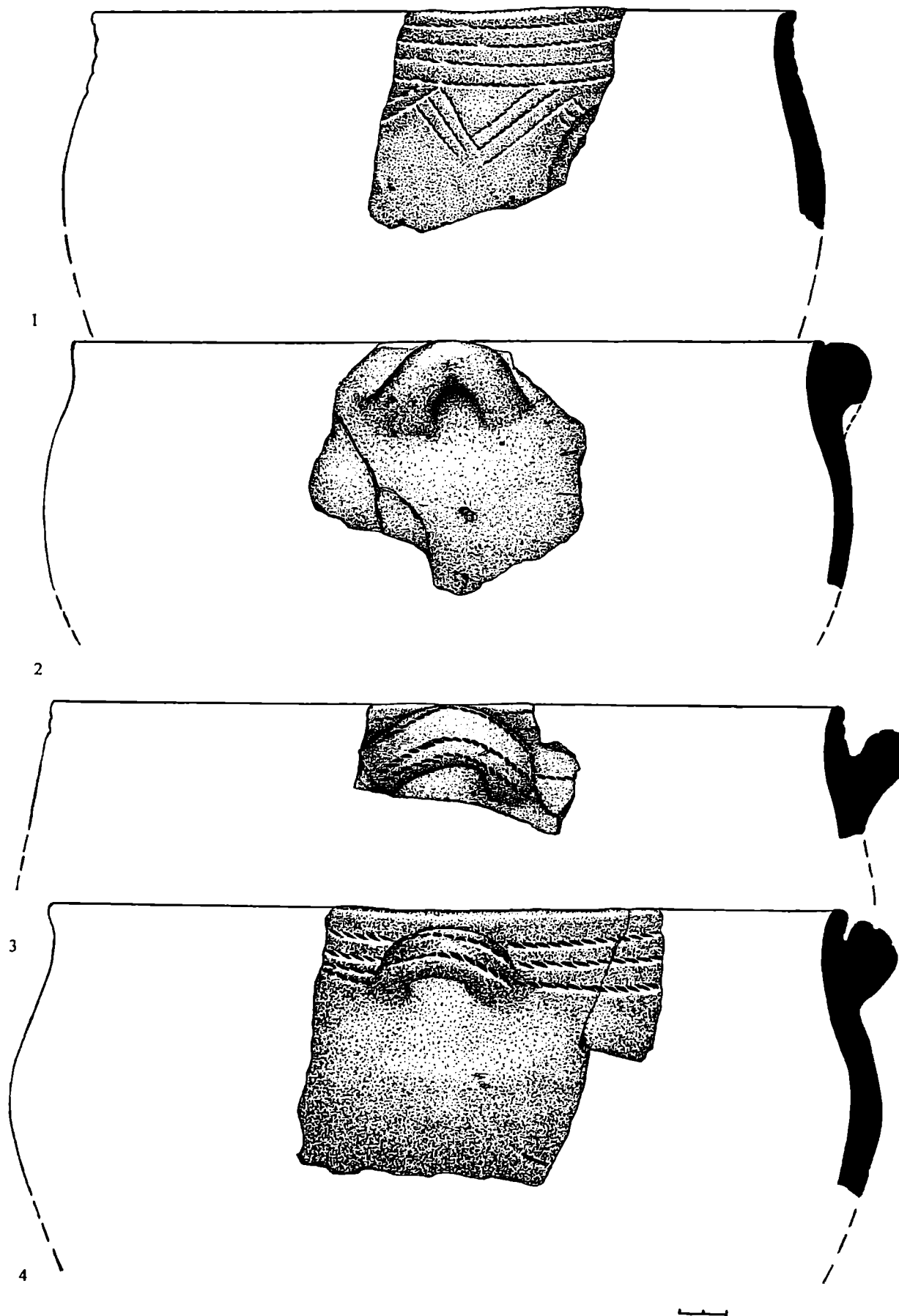

Рис.54. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 1 (1-3) и группы 2 (4).

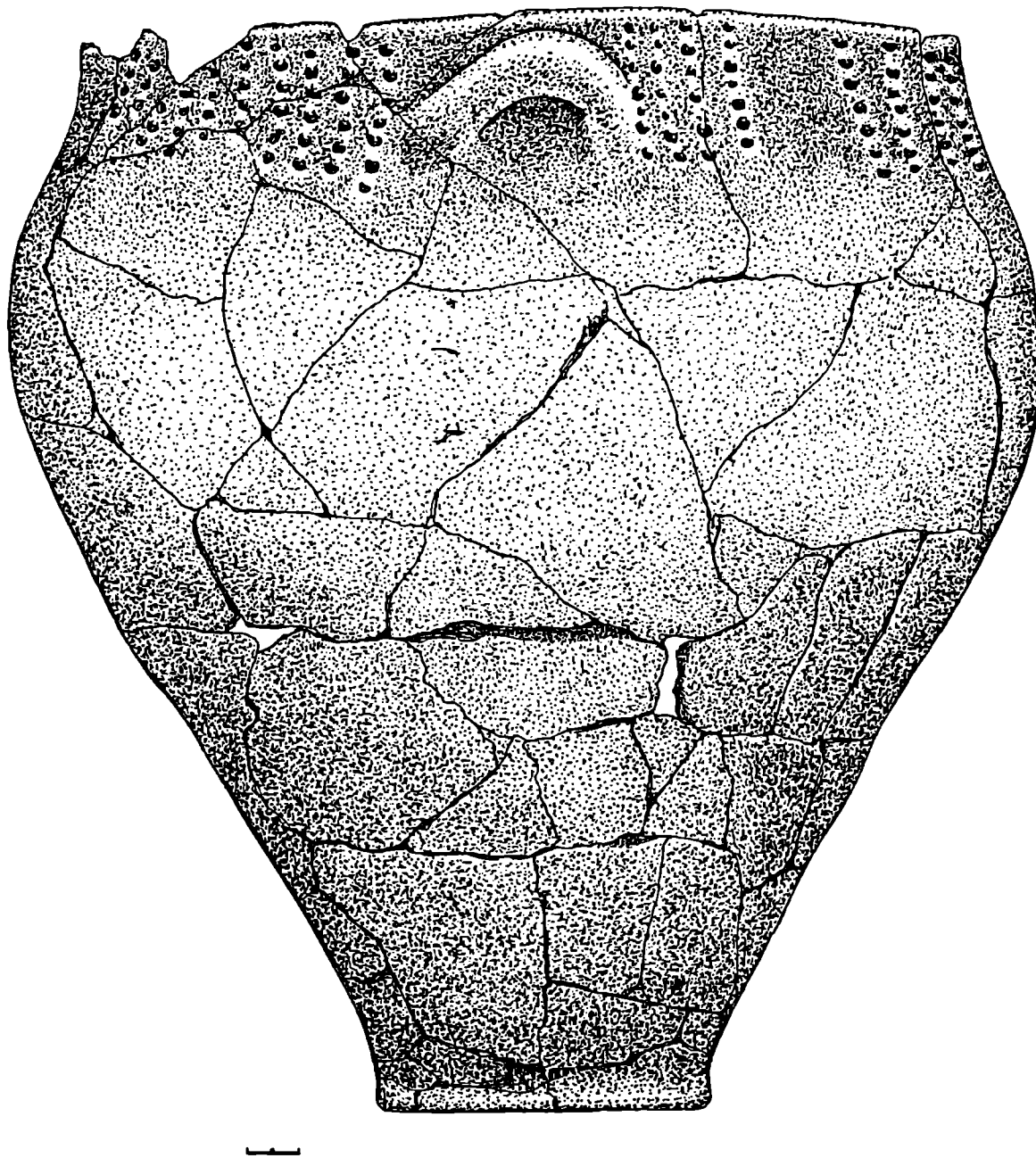

Рис.55. Поселение Прибрежное. Широкогорлый горшок группы 2.

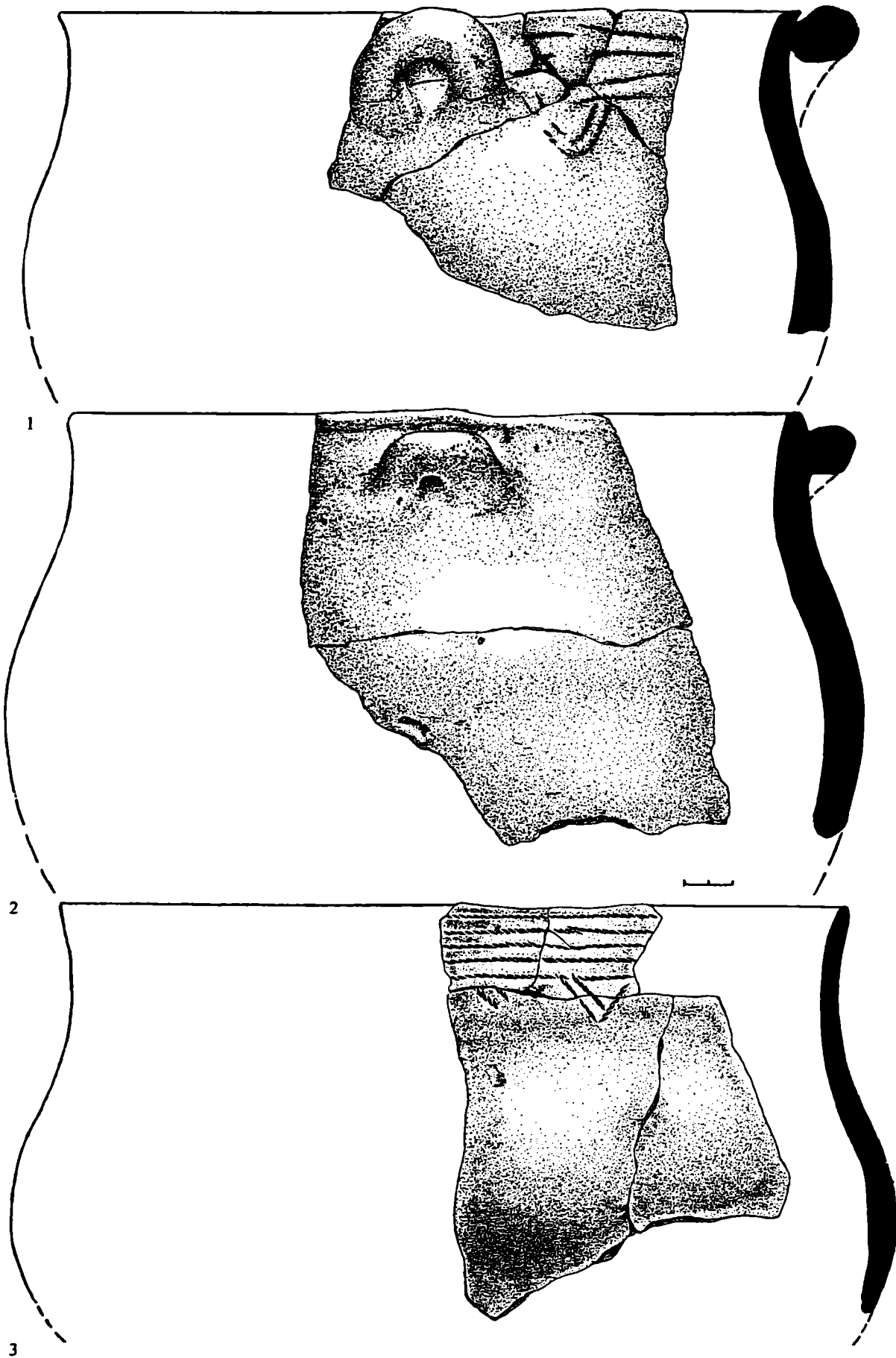

Рис.56. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 2.

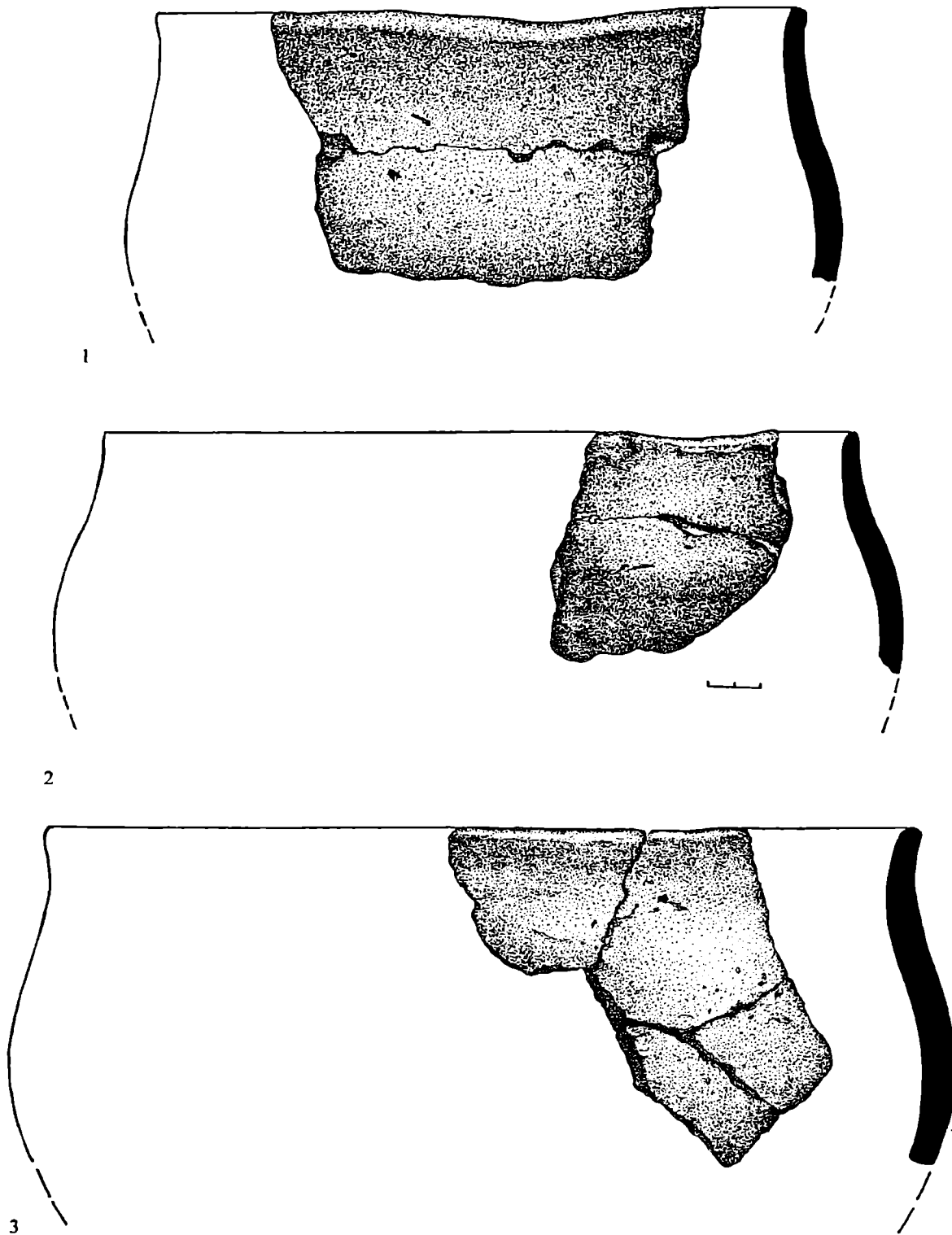

Рис.57. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 2.

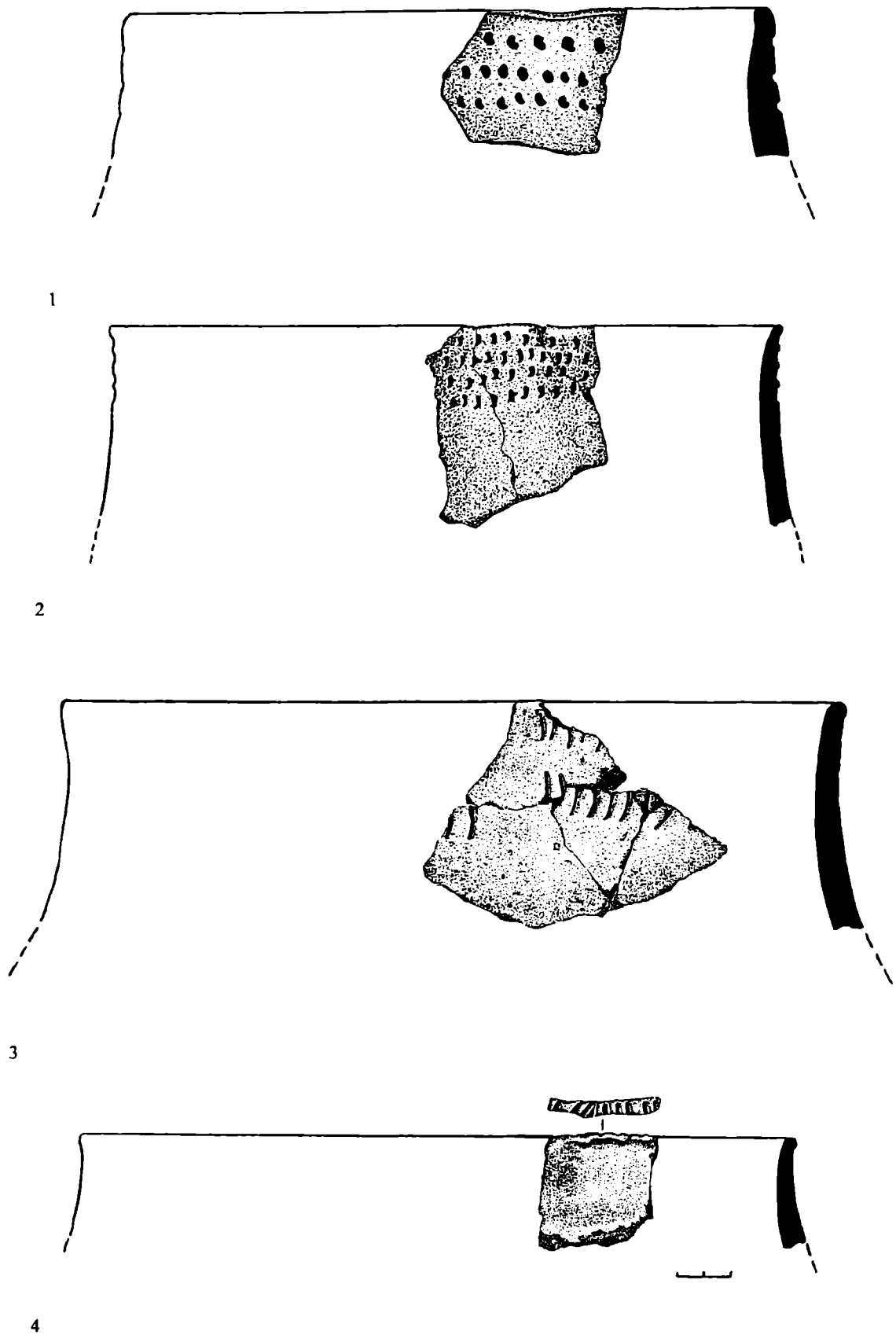

Рис.58. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 2.

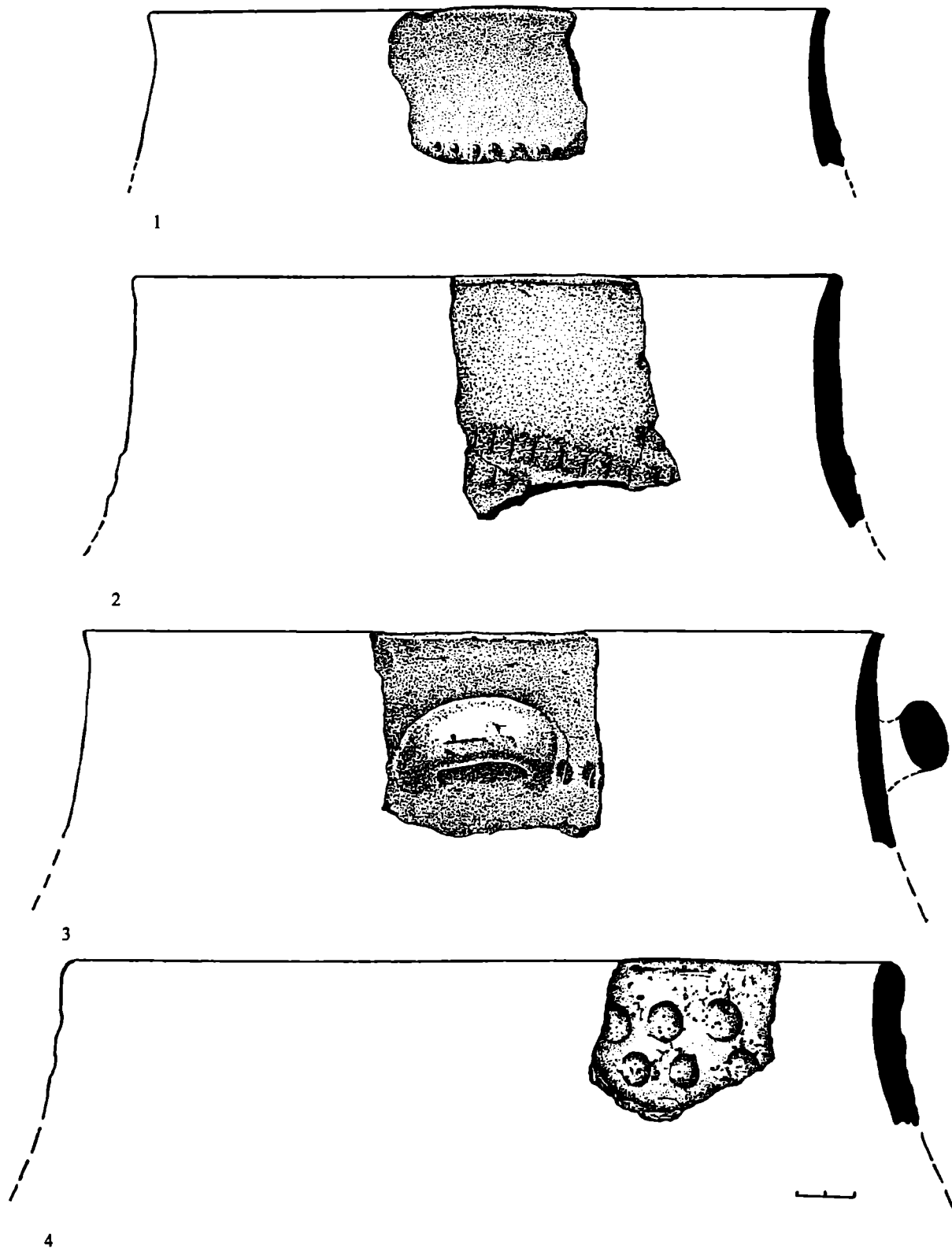

Рис.59. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 2.

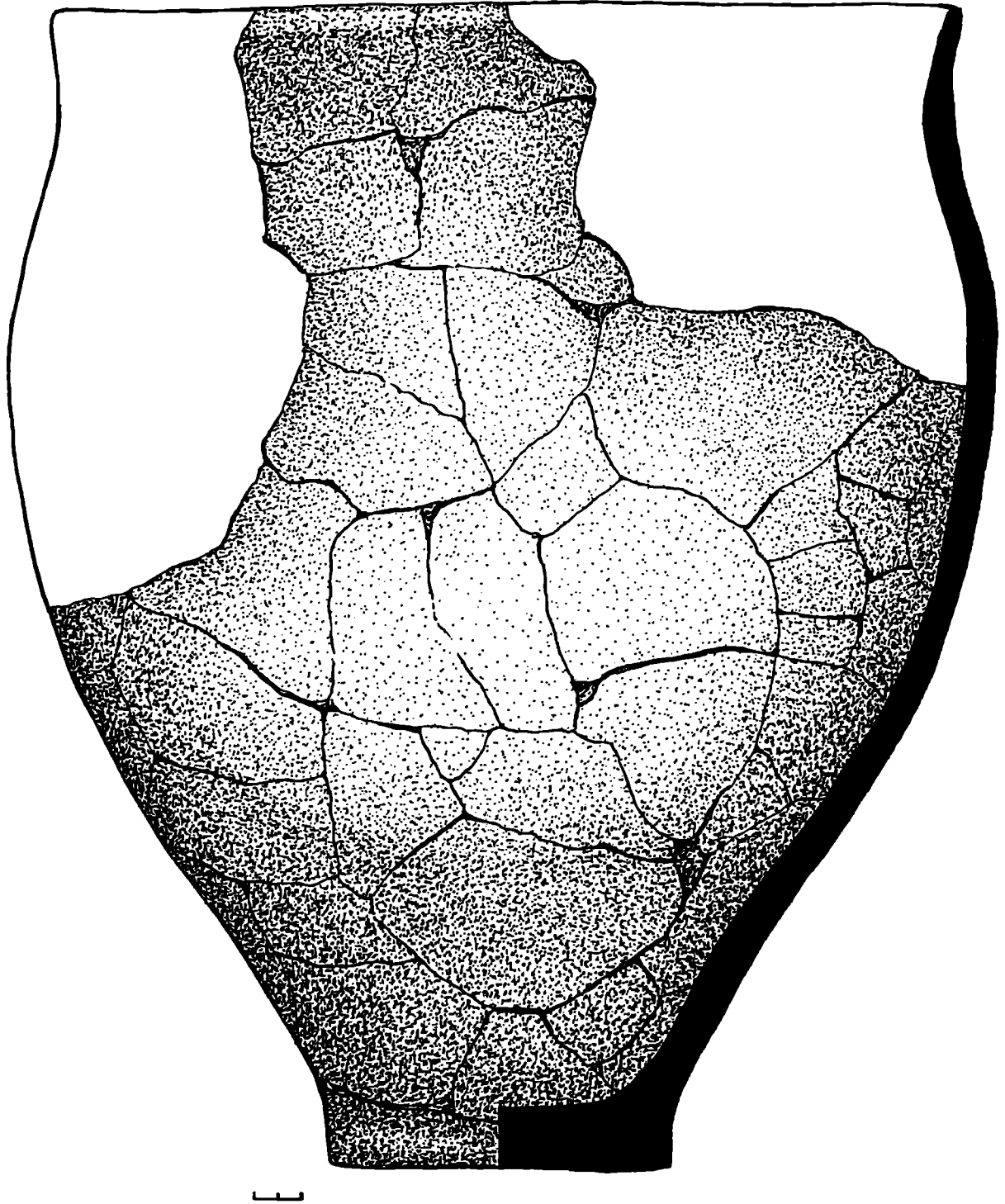

Рис.60. Поселение Прибрежное. Широкогорлый горшок группы 3.

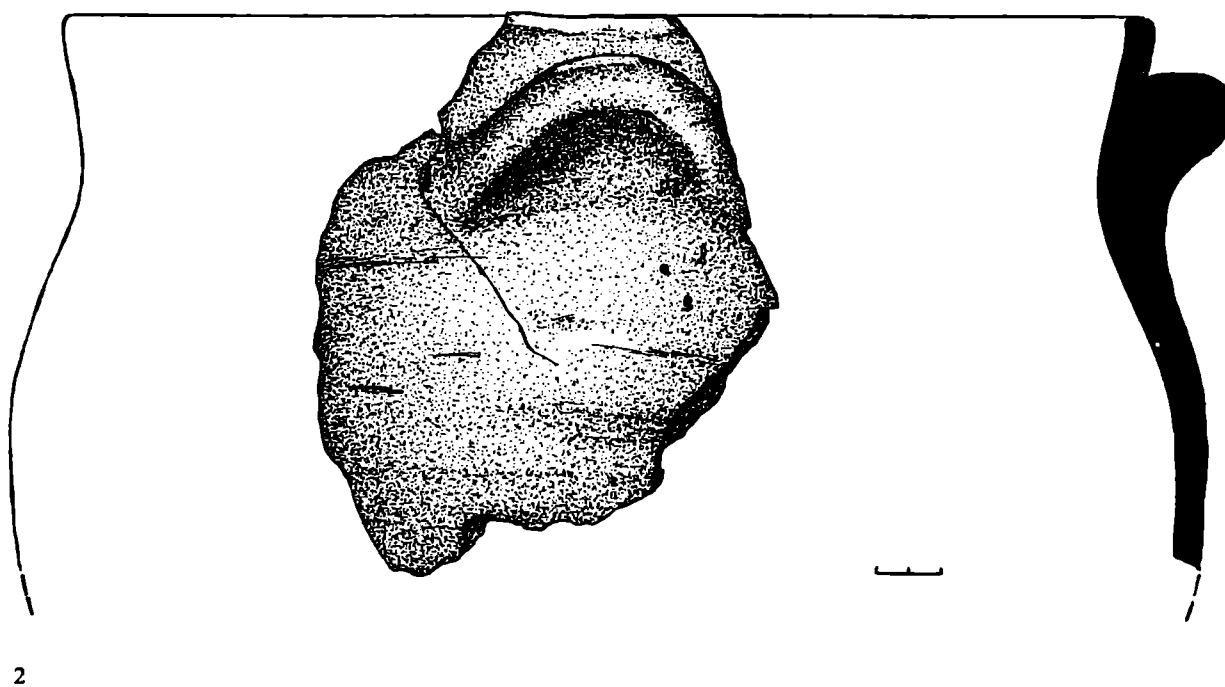
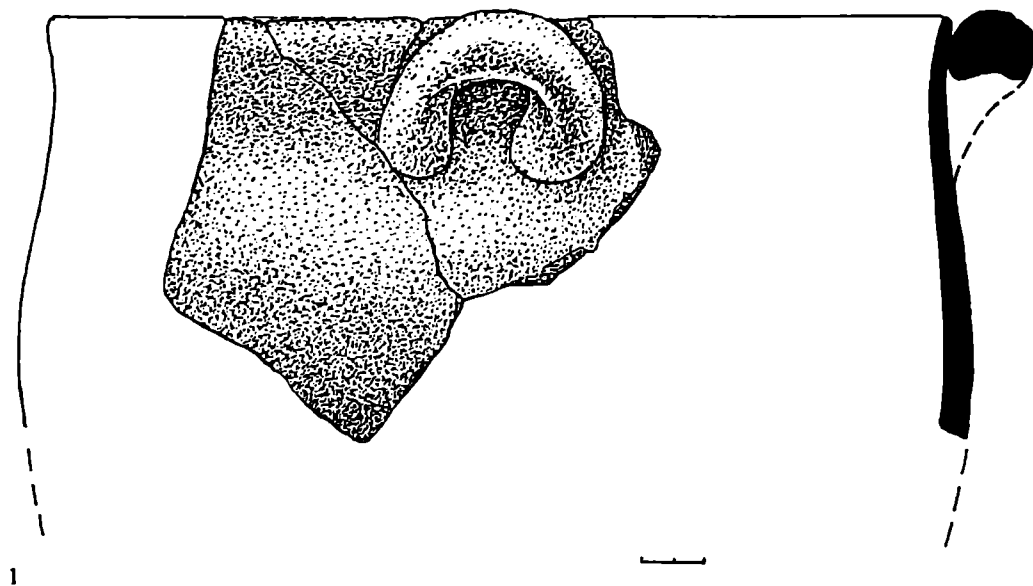

Рис.61. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 3.

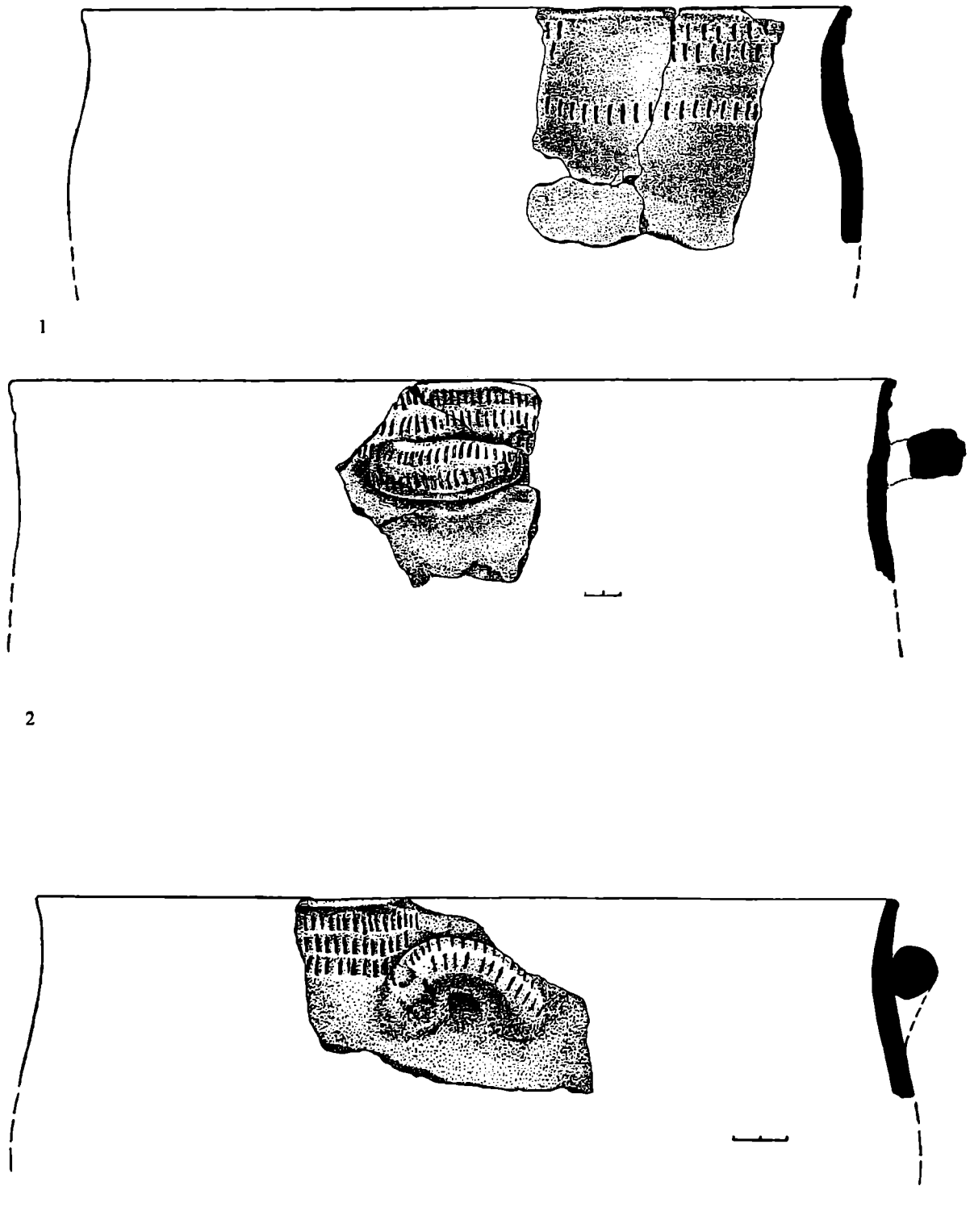

Рис.62. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 3.

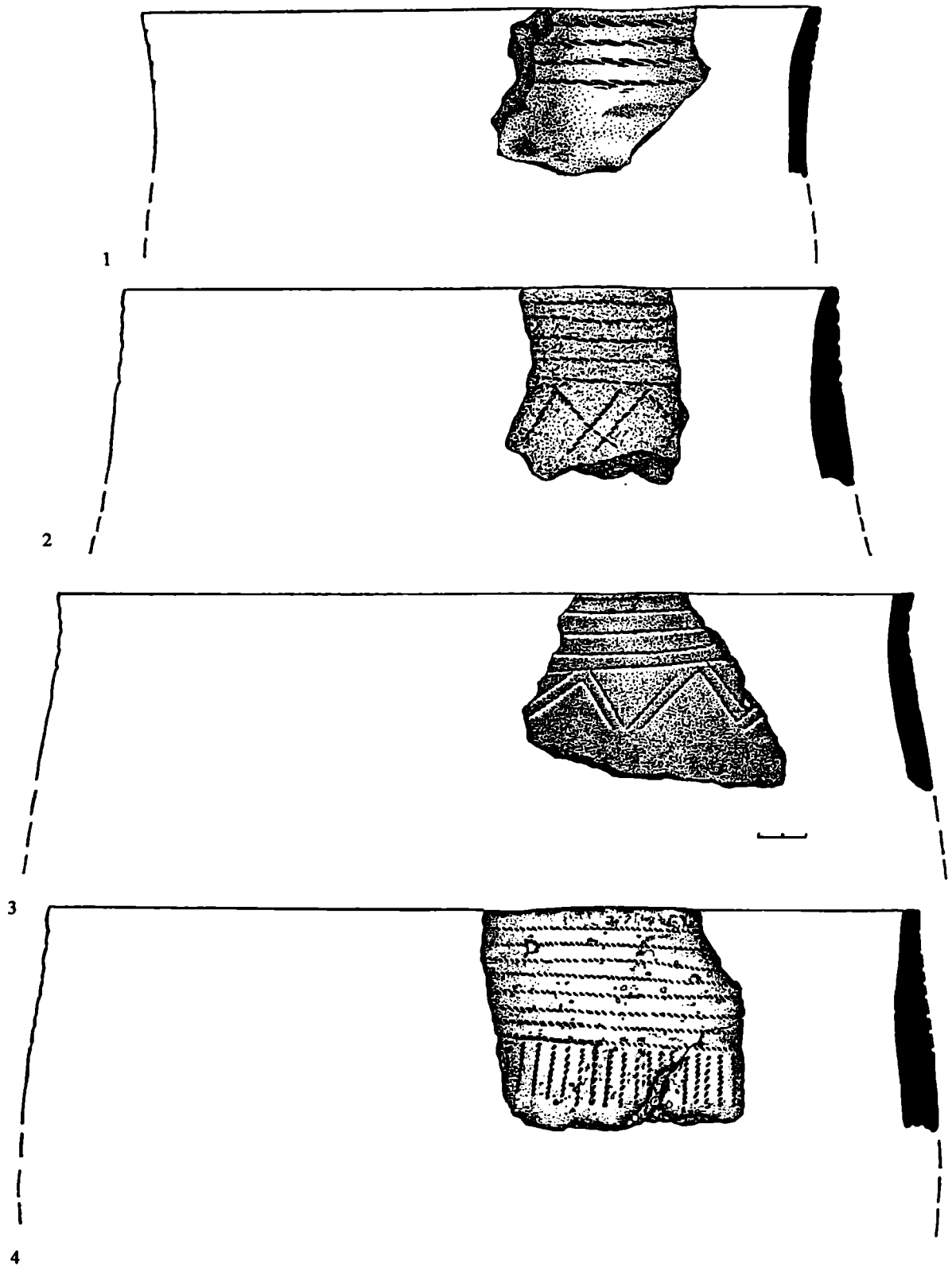

Рис.63. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 3.

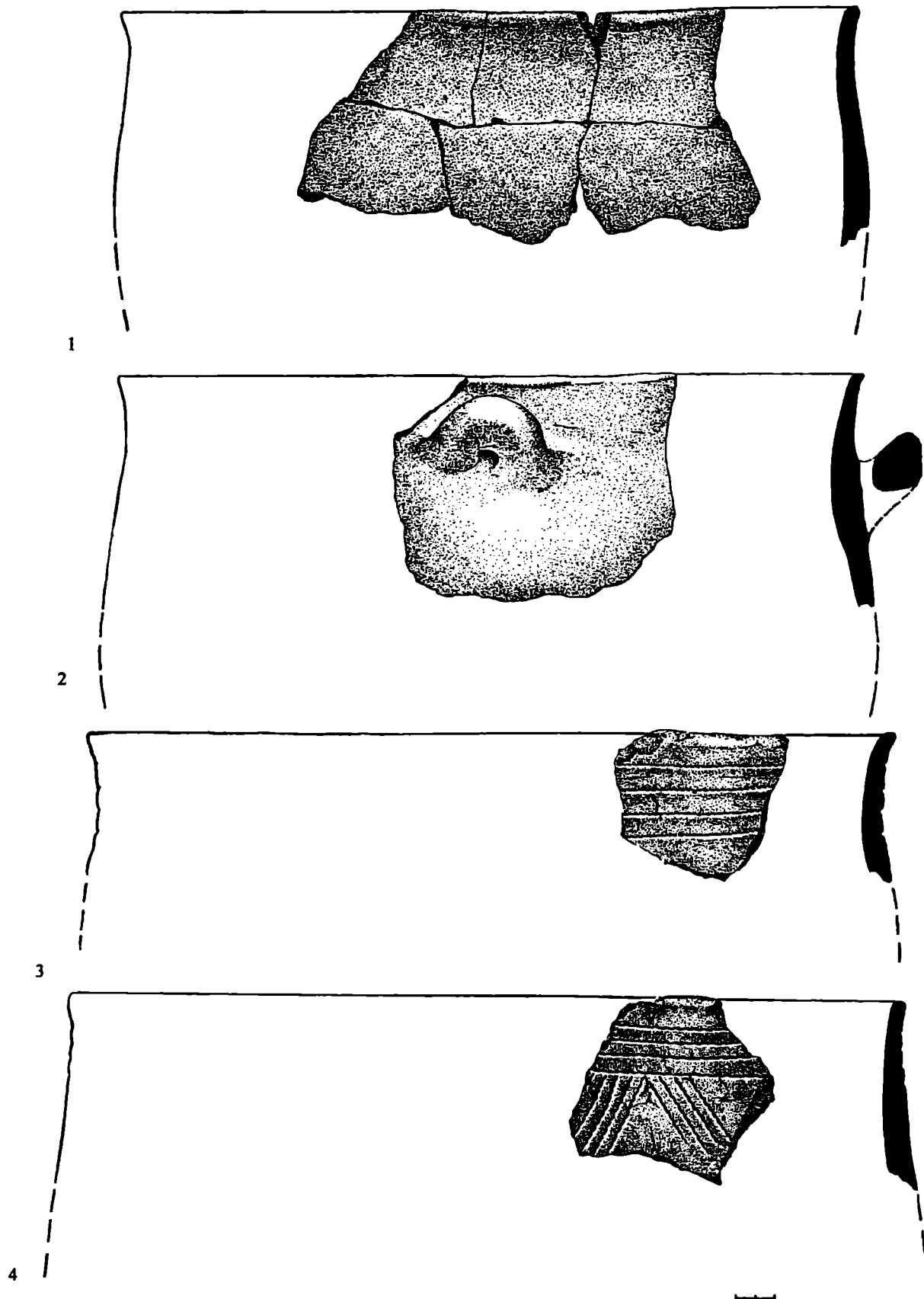

Рис.64. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 3.

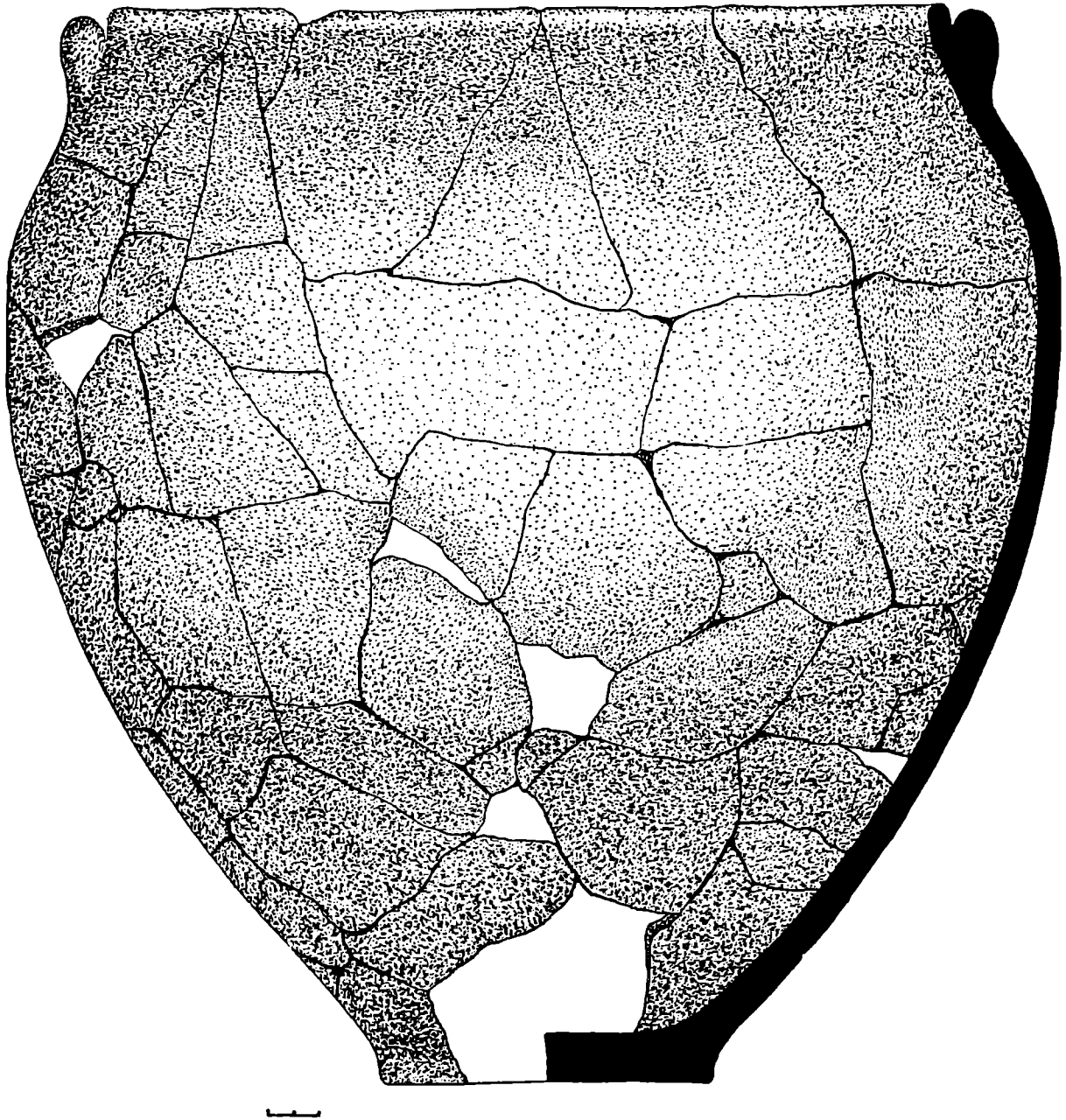

Рис.65. Поселение Прибрежное. Широкогорлый горшок группы 4.

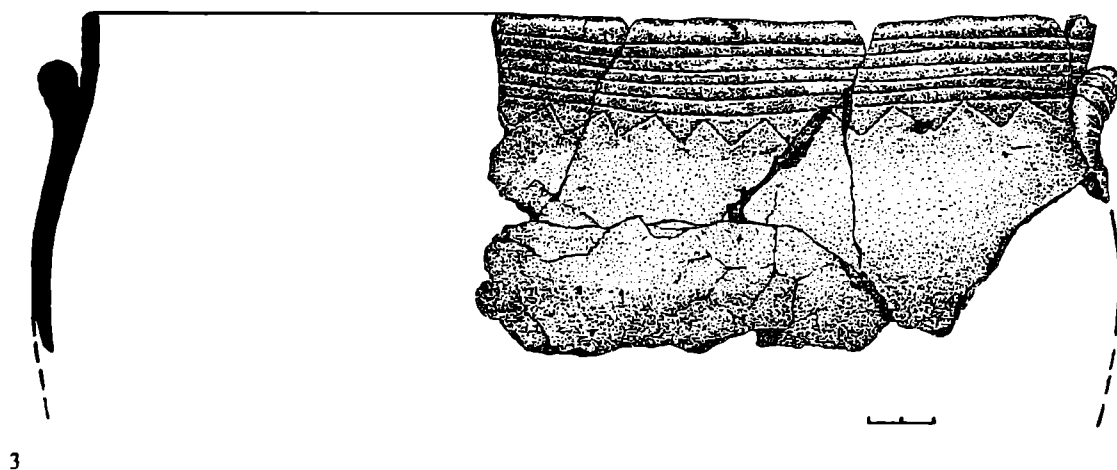
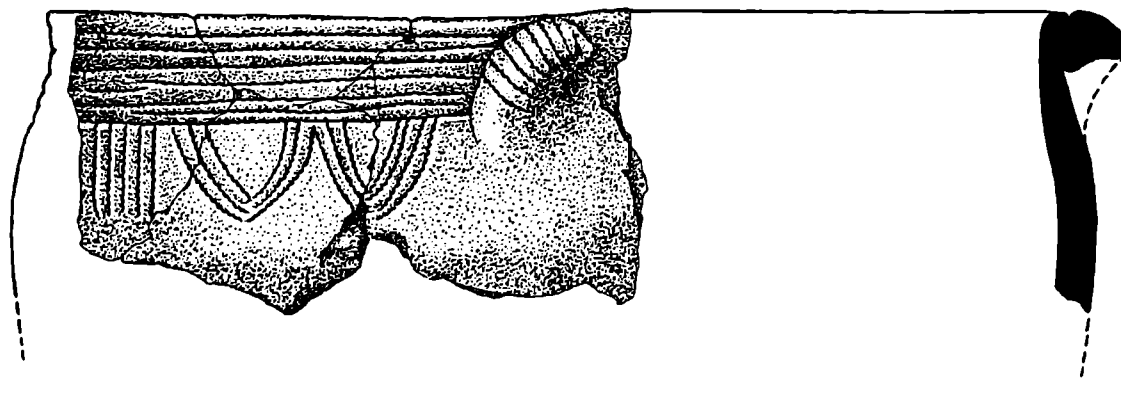
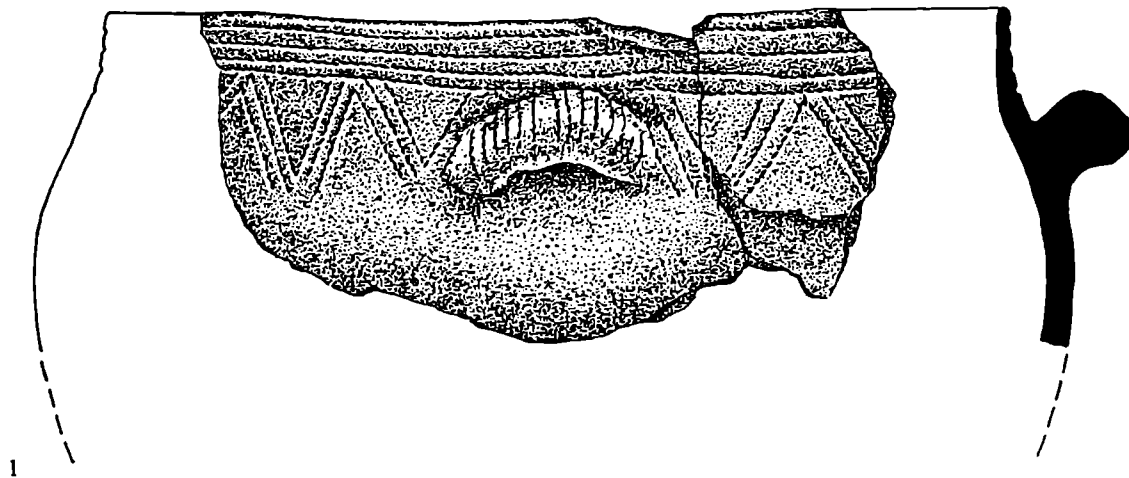
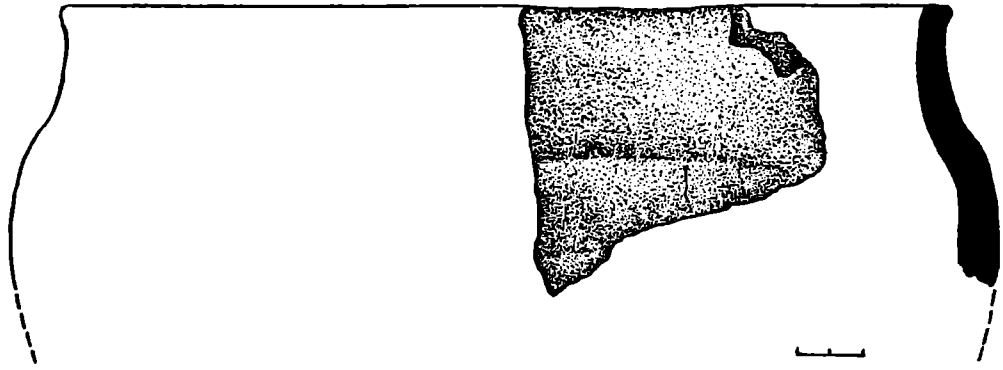
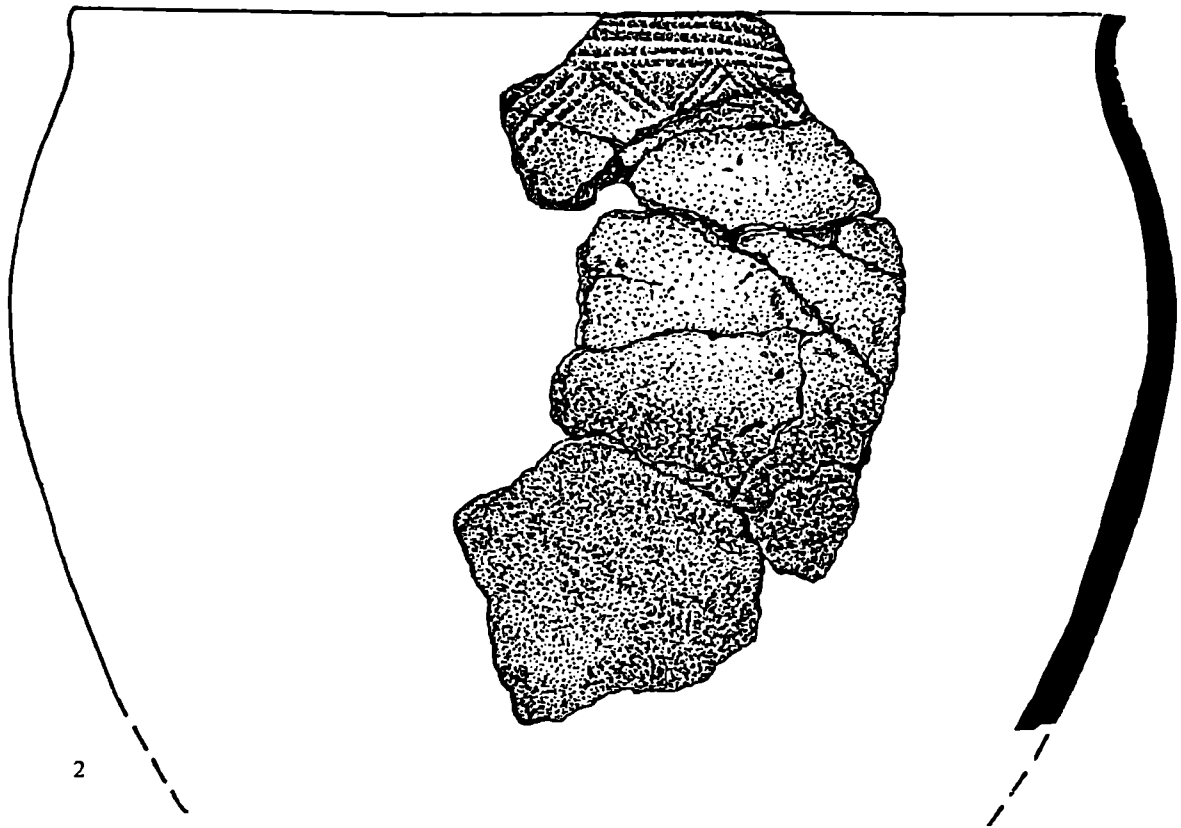

Рис.66. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 4.

1

2

Рис.67. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 4.

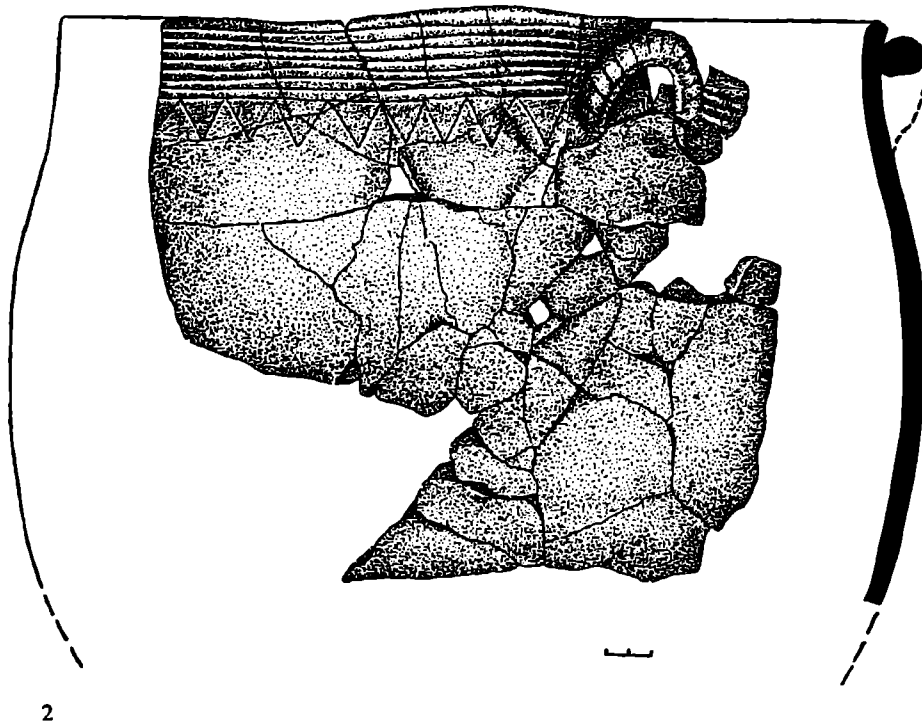
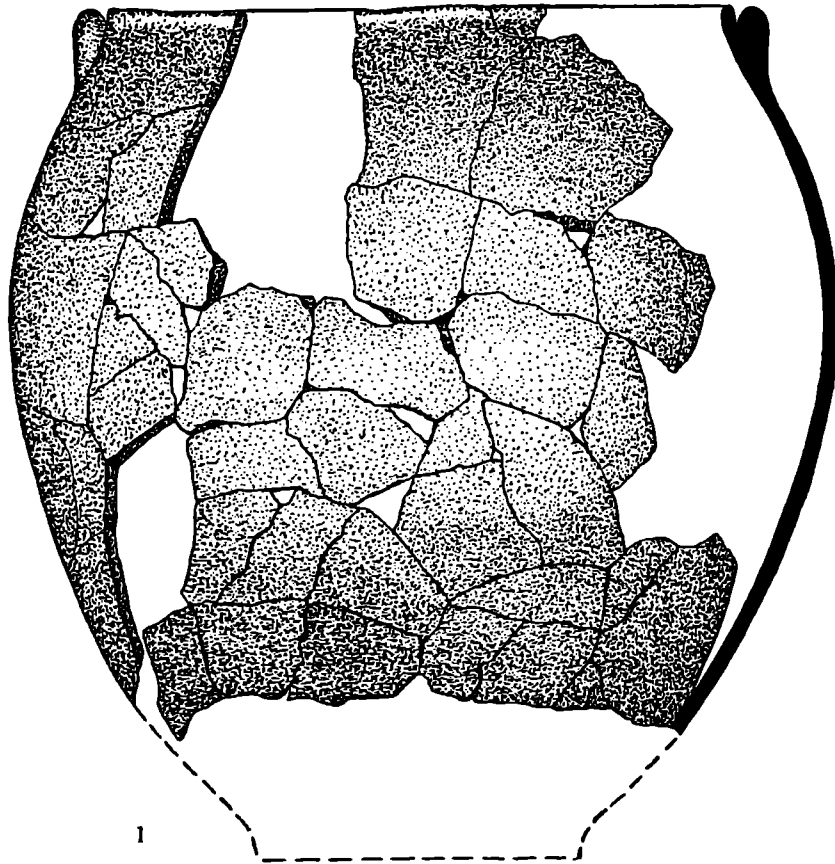

Рис.68. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 5.

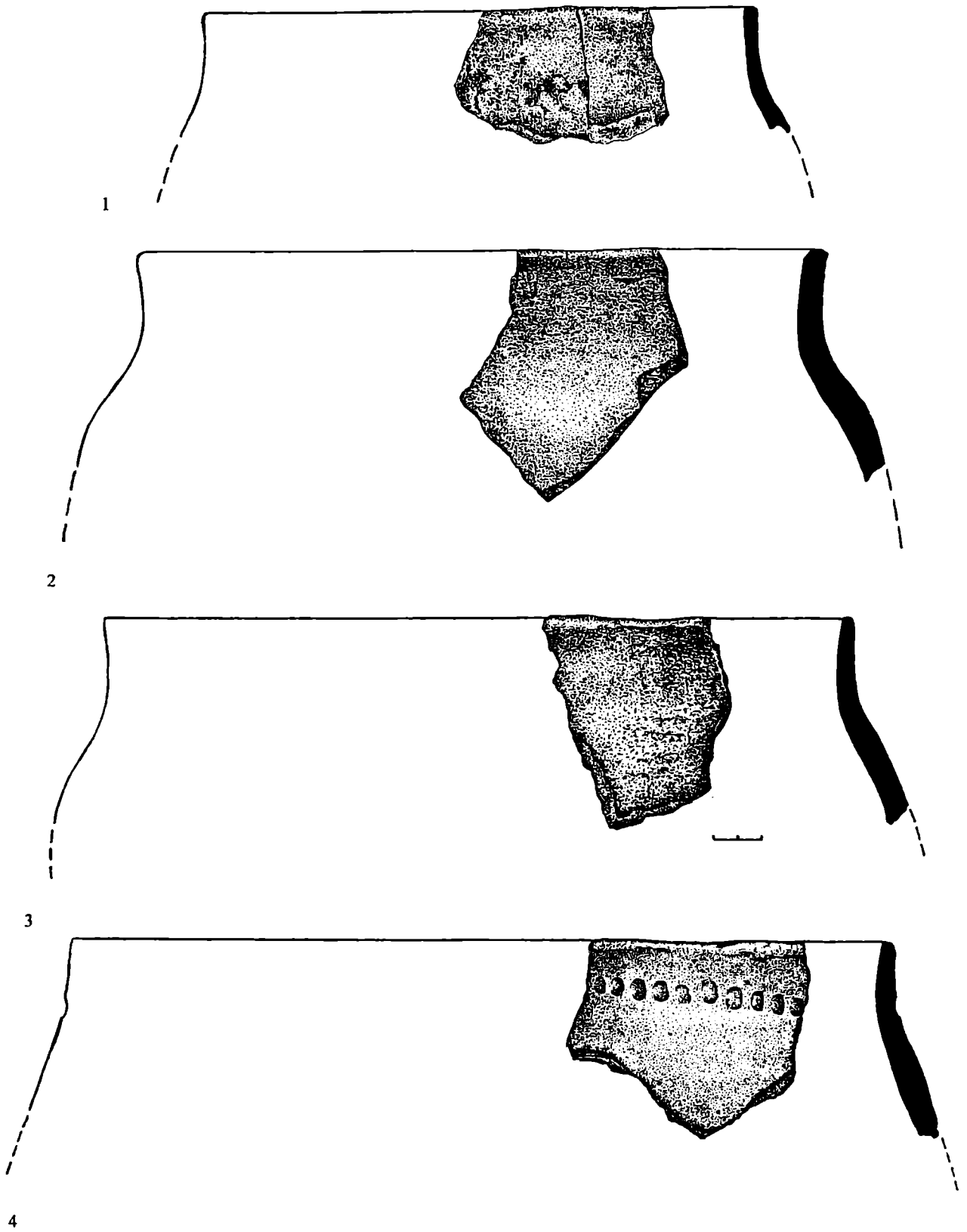

Рис.69. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 5.

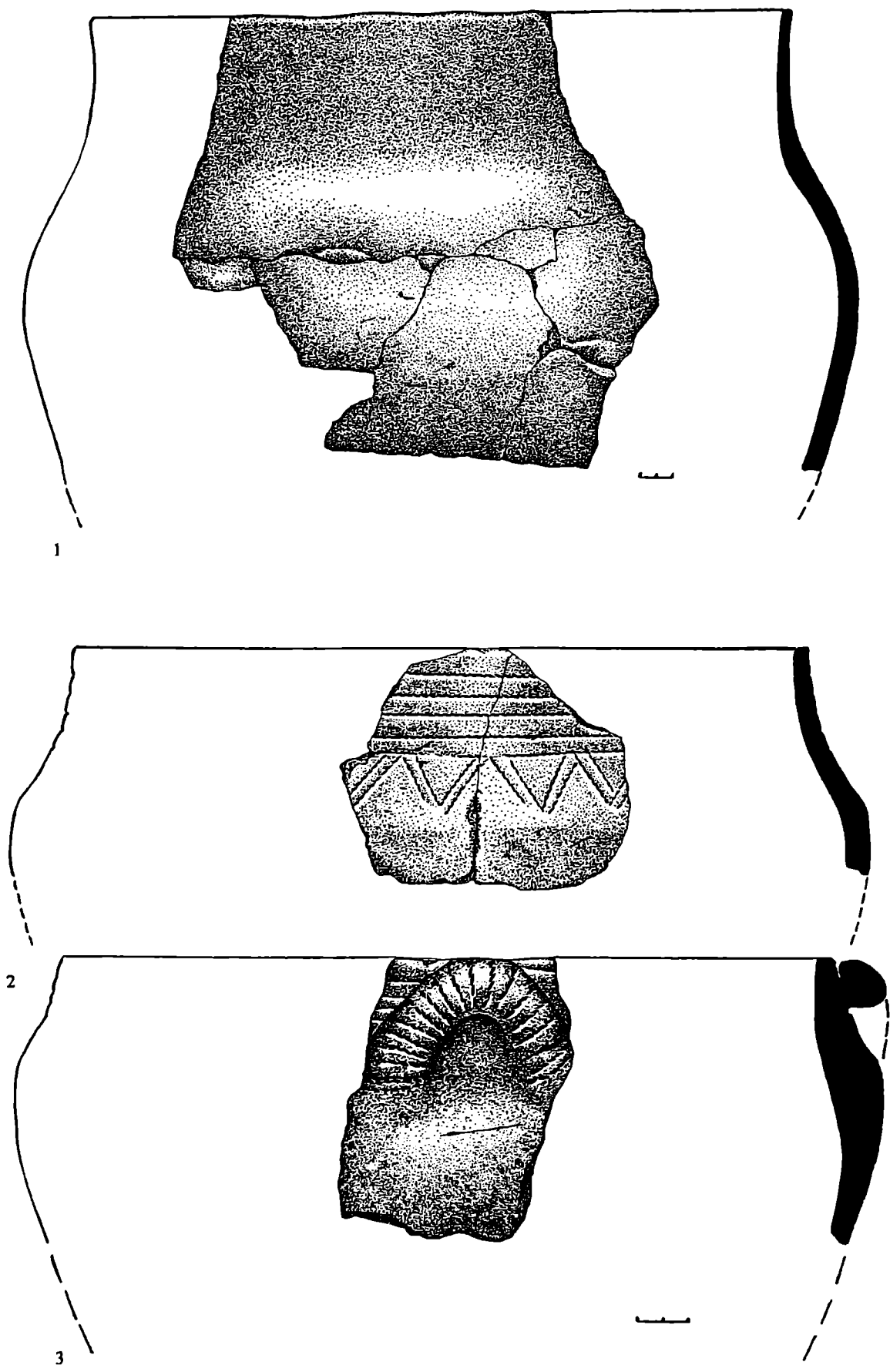

Рис.70. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 6.

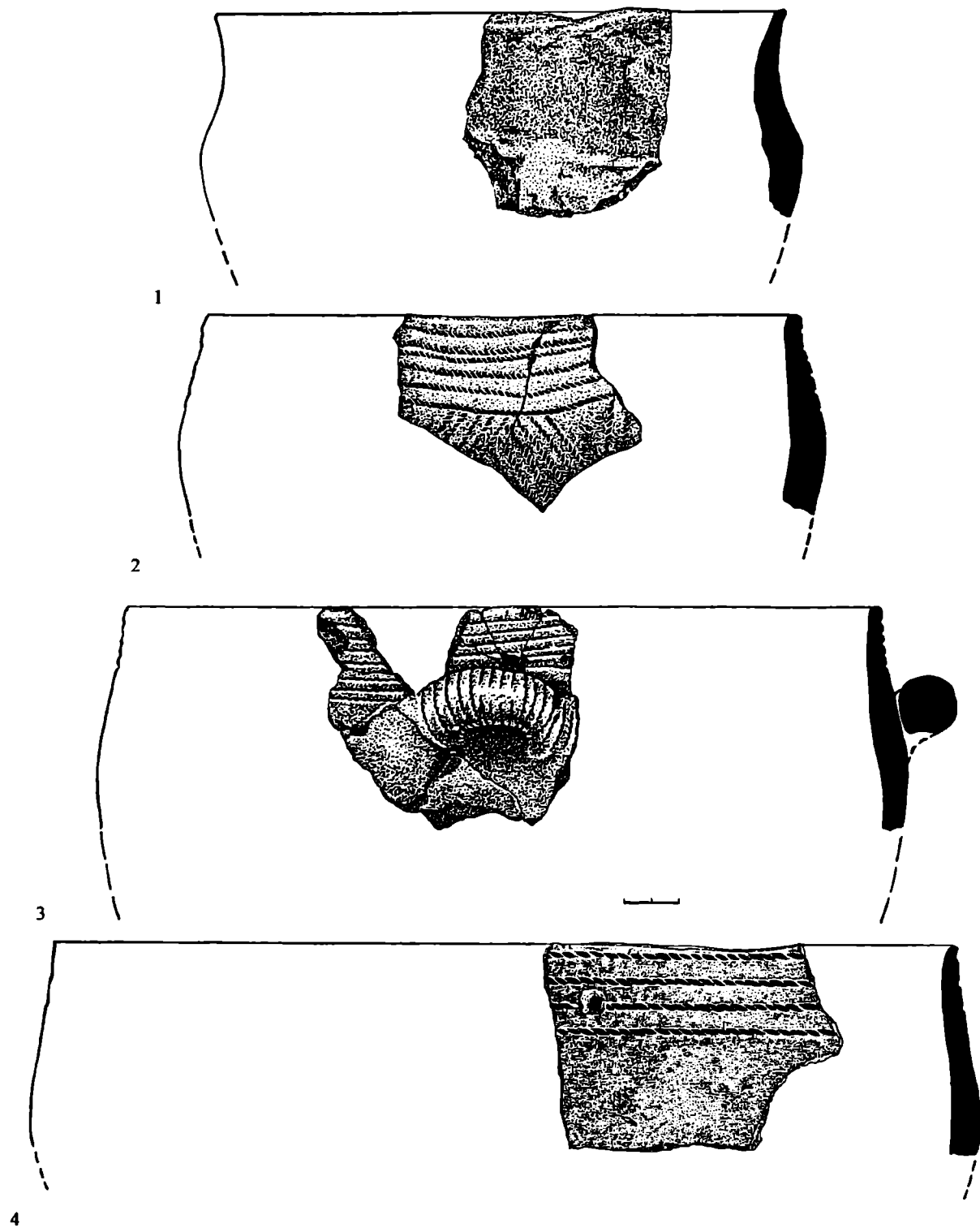

Рис.71. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 6 (3,4);
горшки средних размеров 4 группы (1,2).

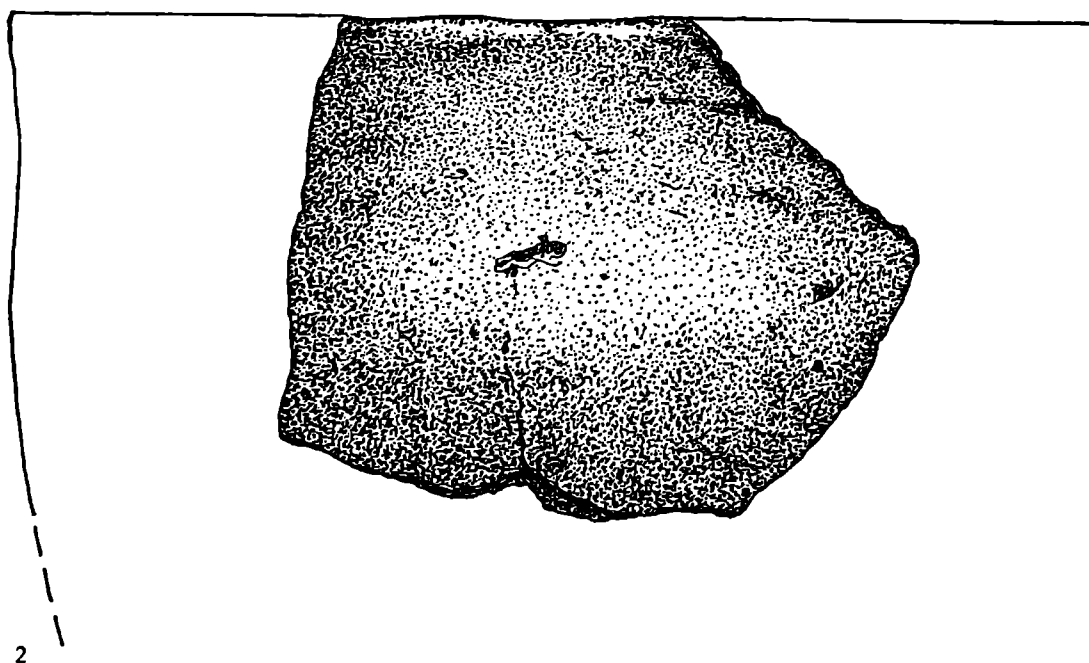
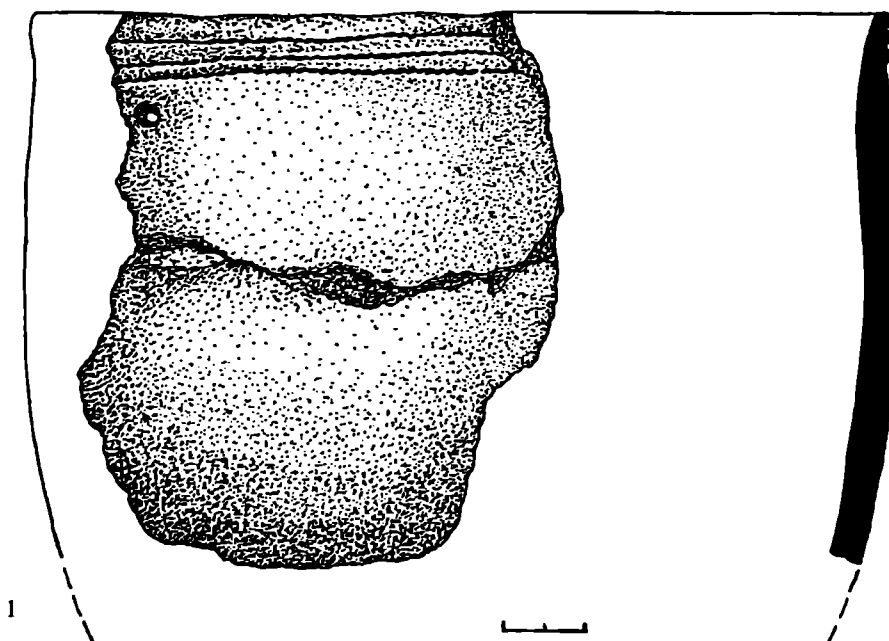

Рис.72. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 7.

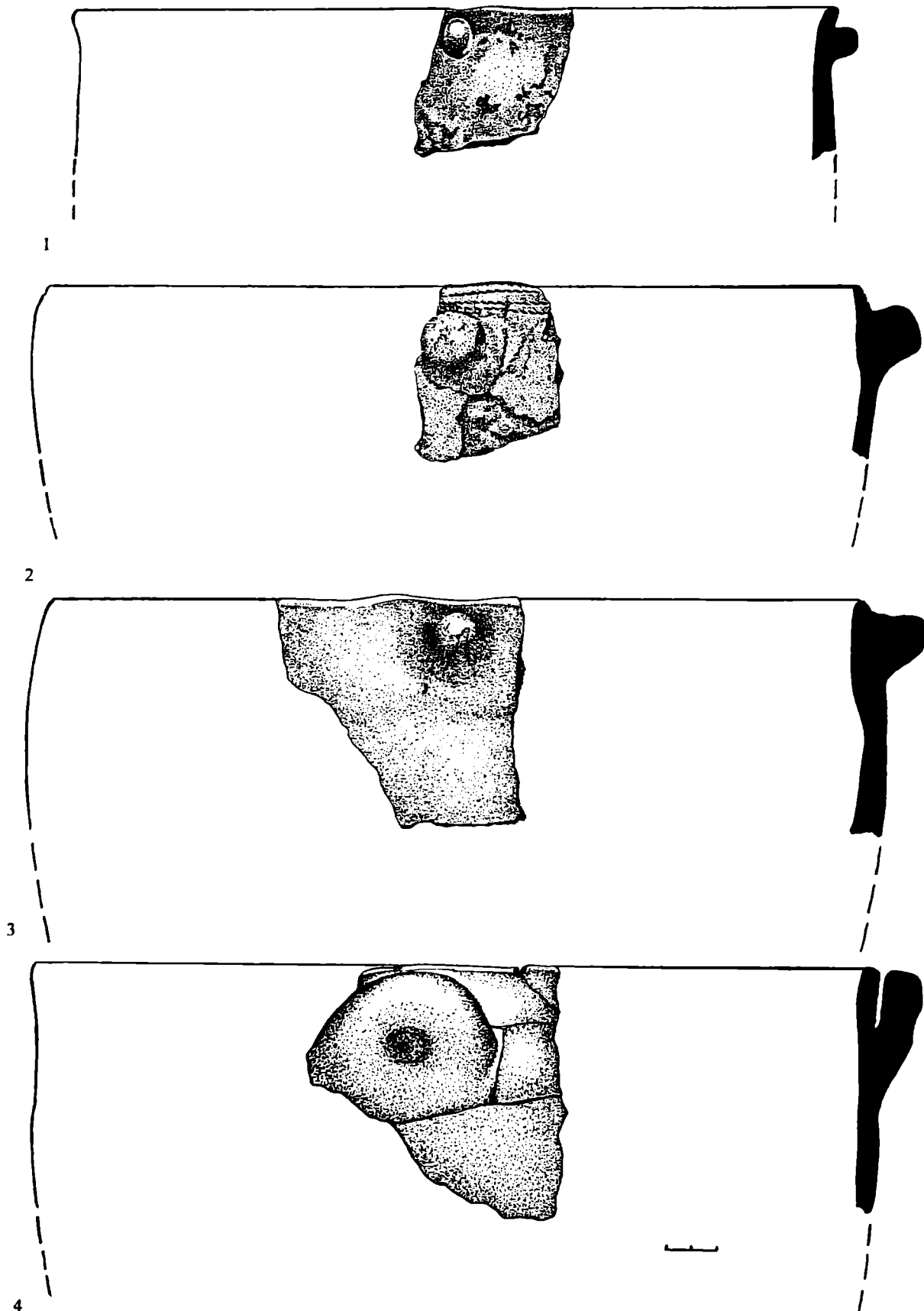
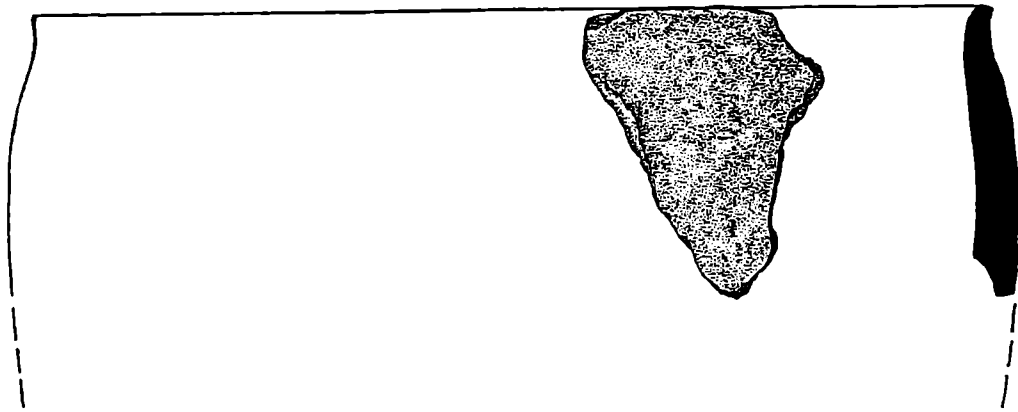
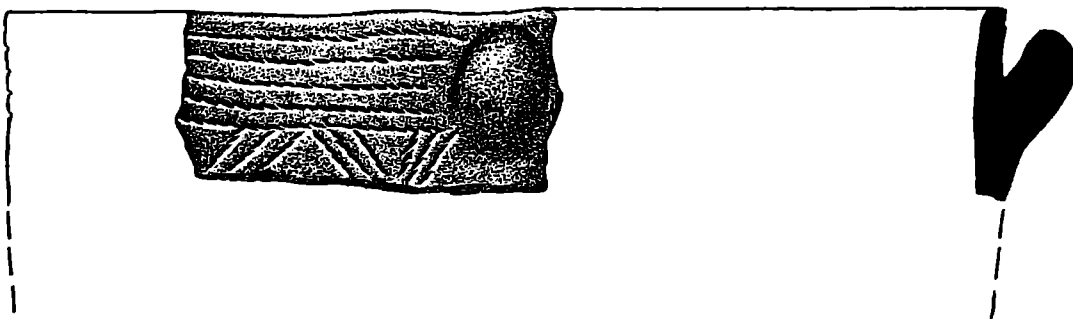

Рис.73. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 7.

1

2

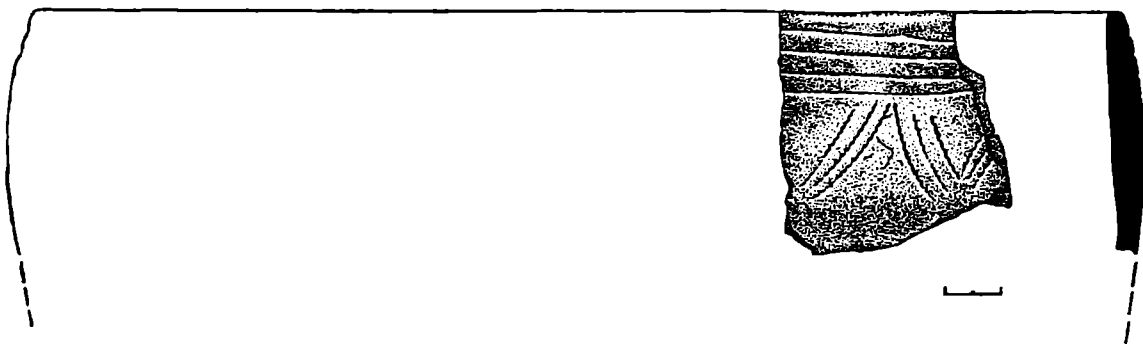
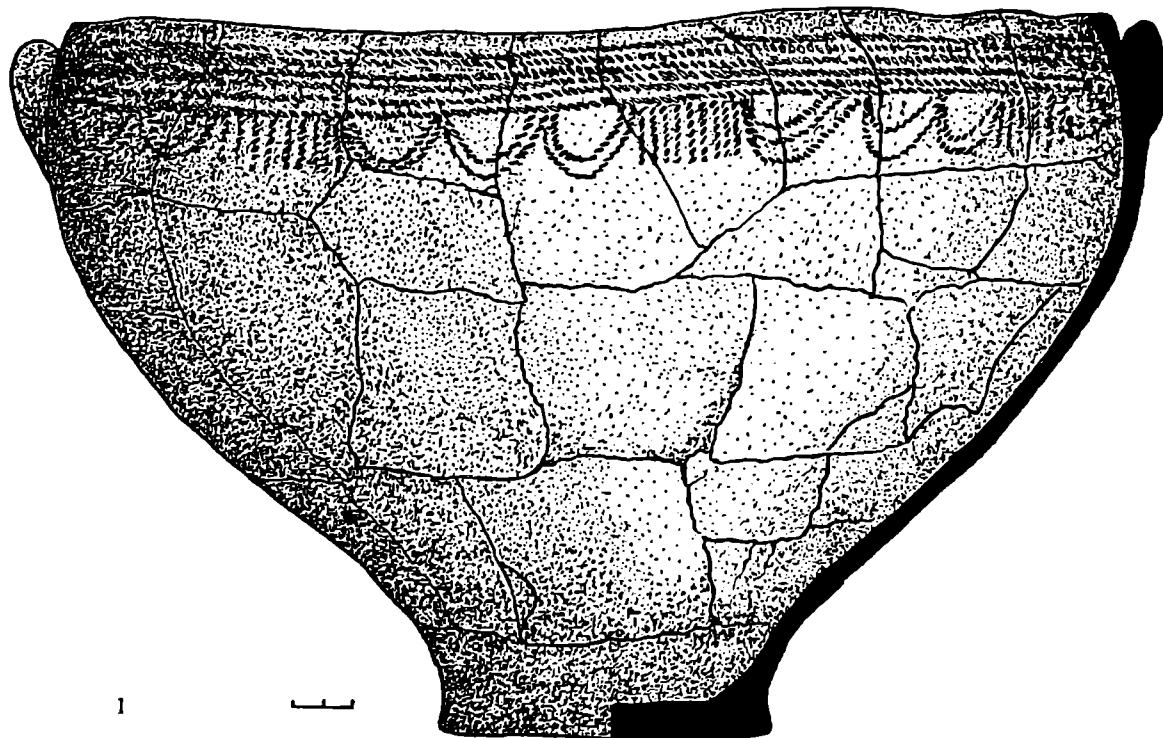
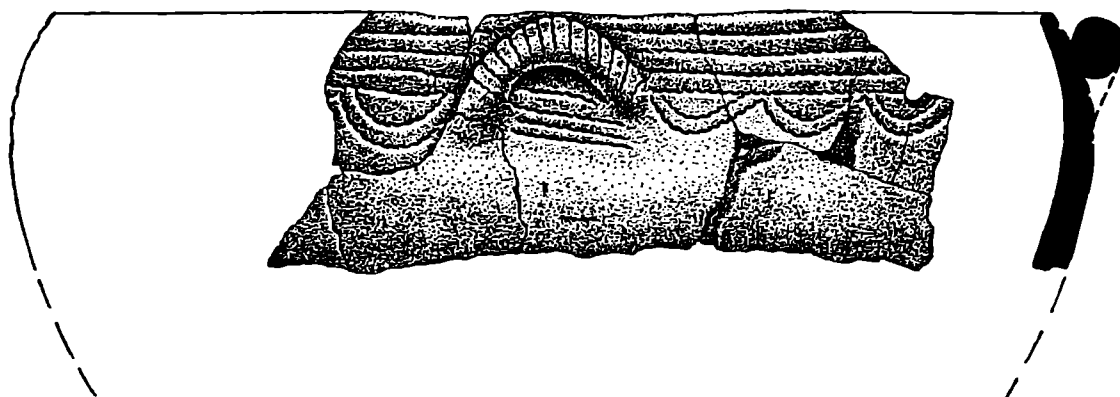

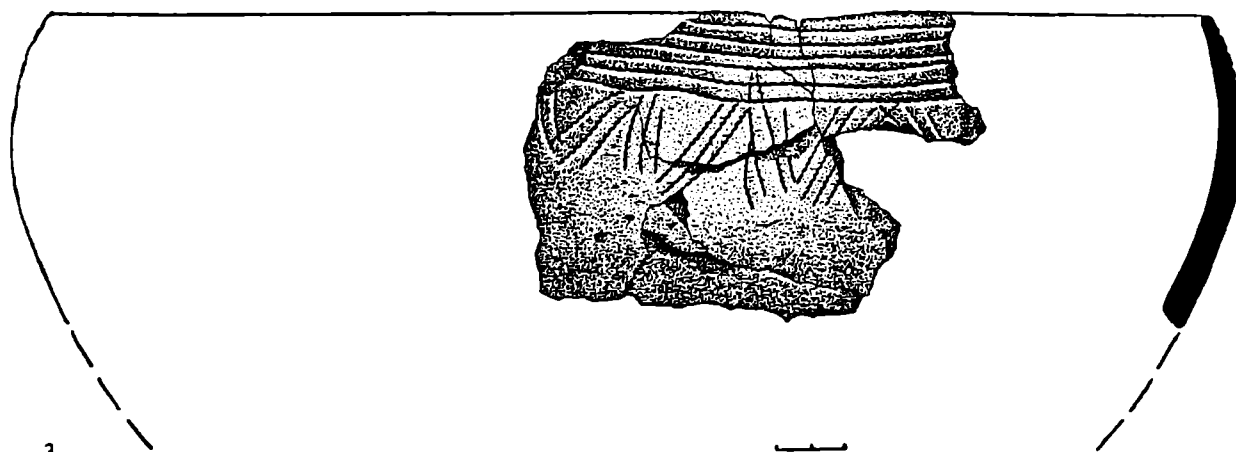
Рис.74. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 7.

1

2

3

Рис.75. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 8.

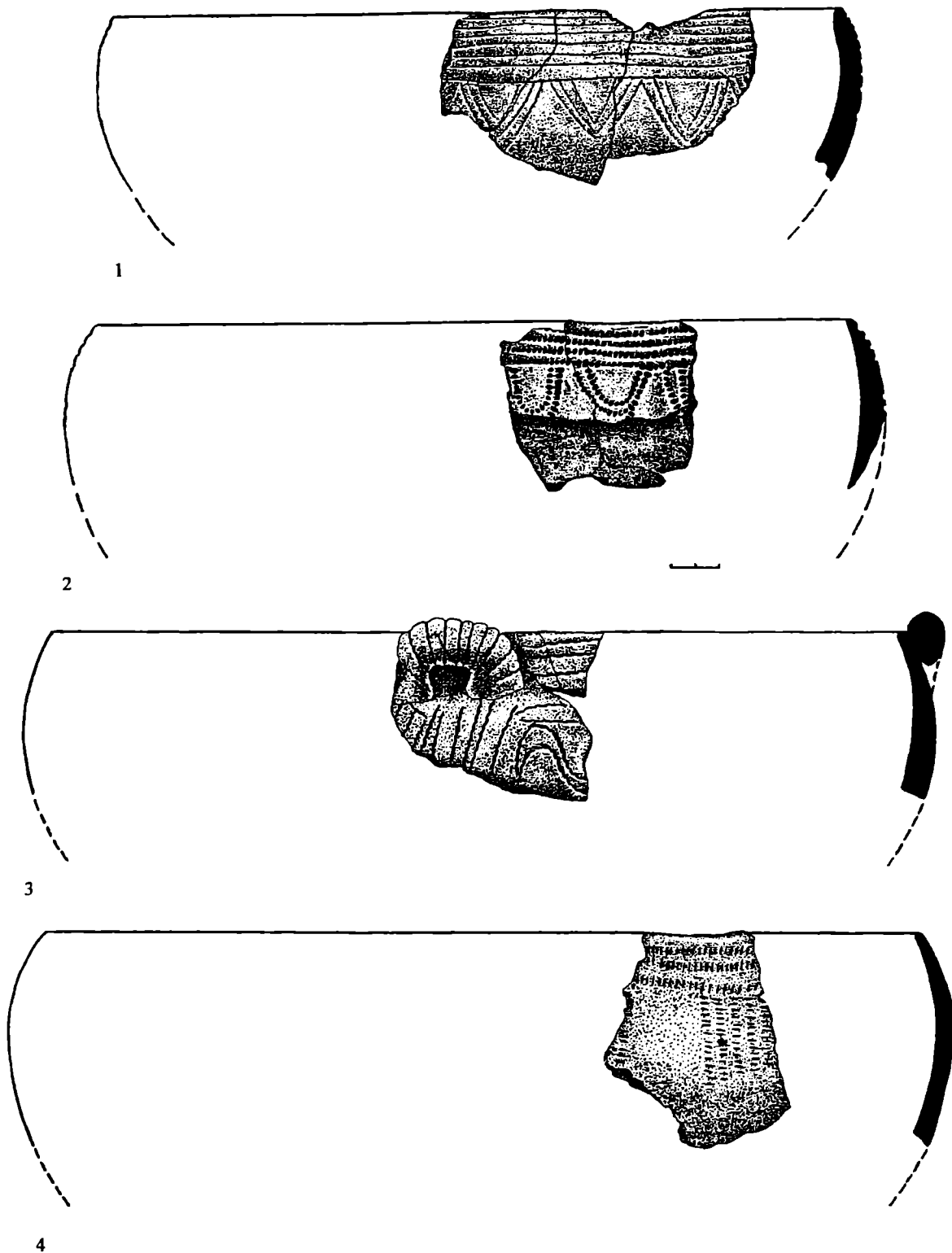

Рис.76. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 8.

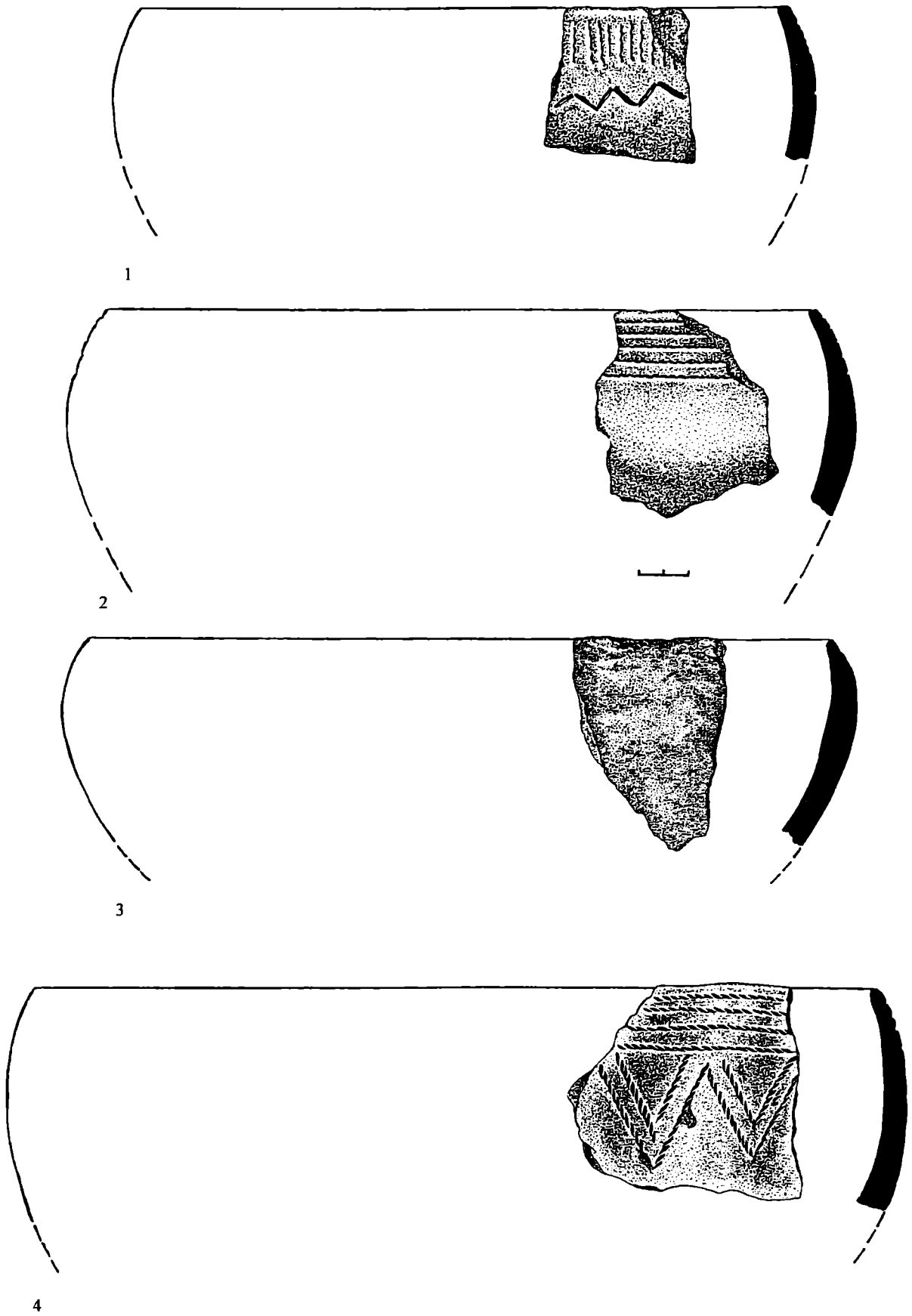

Рис.77. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 8.

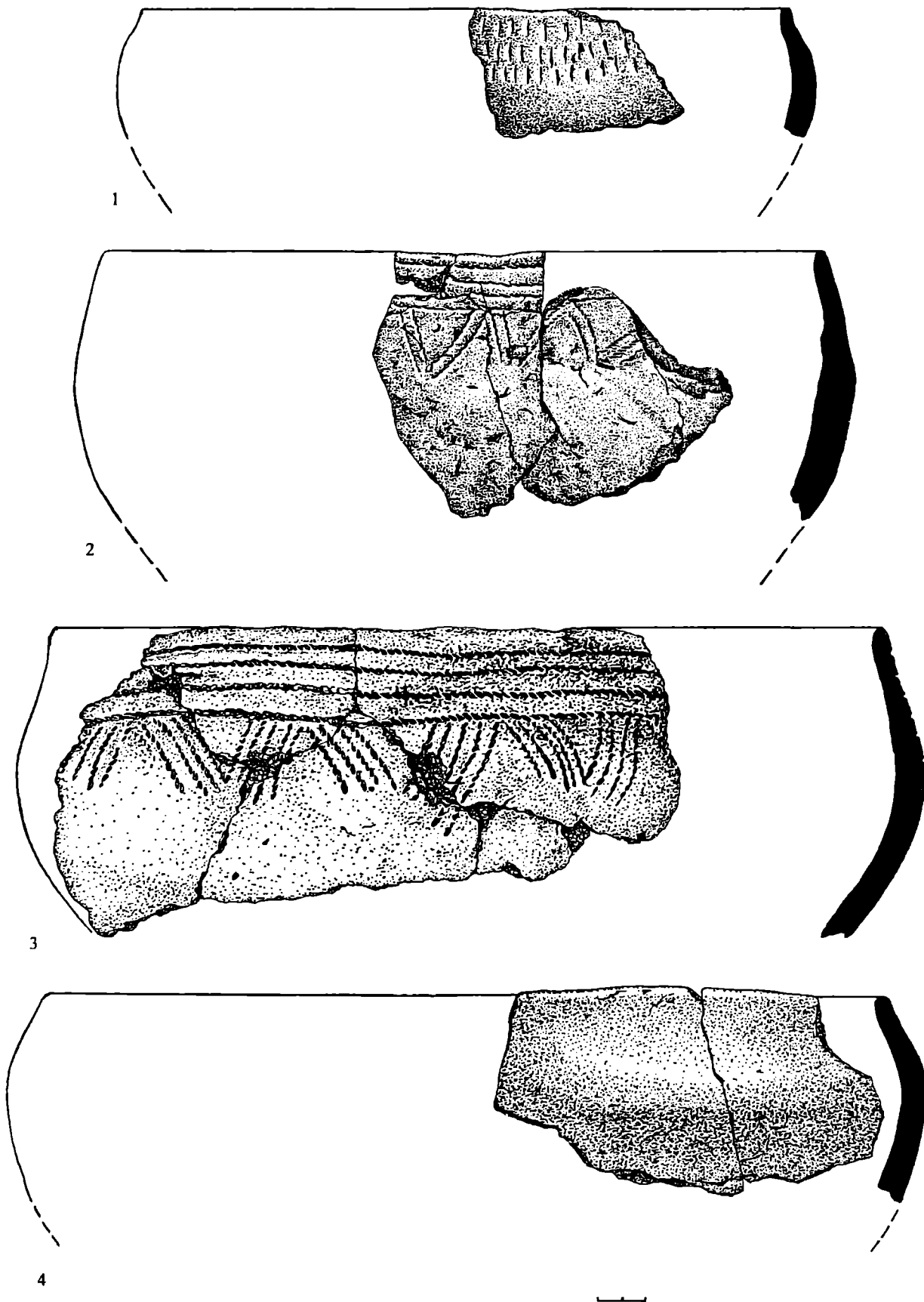
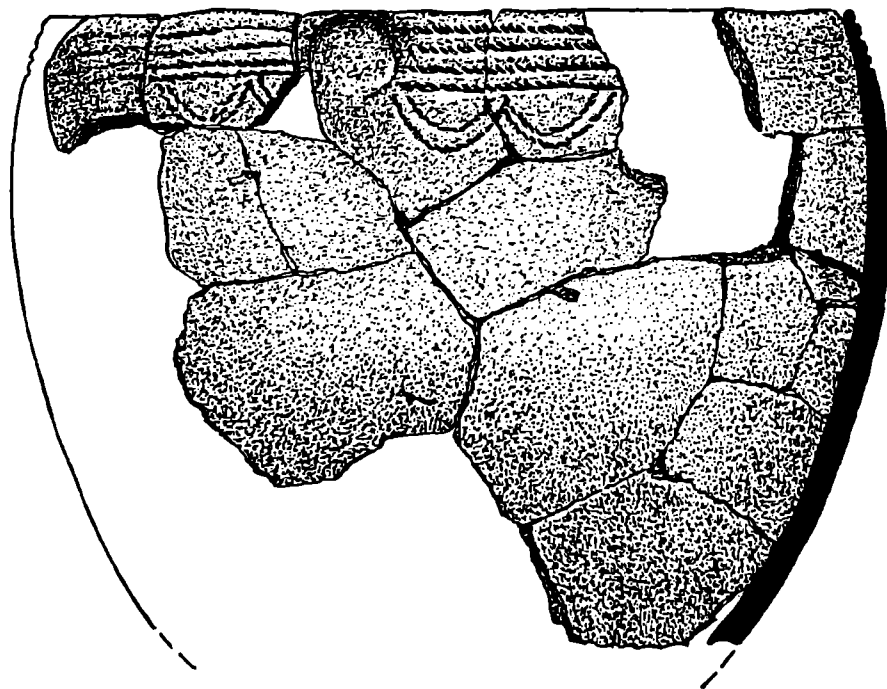
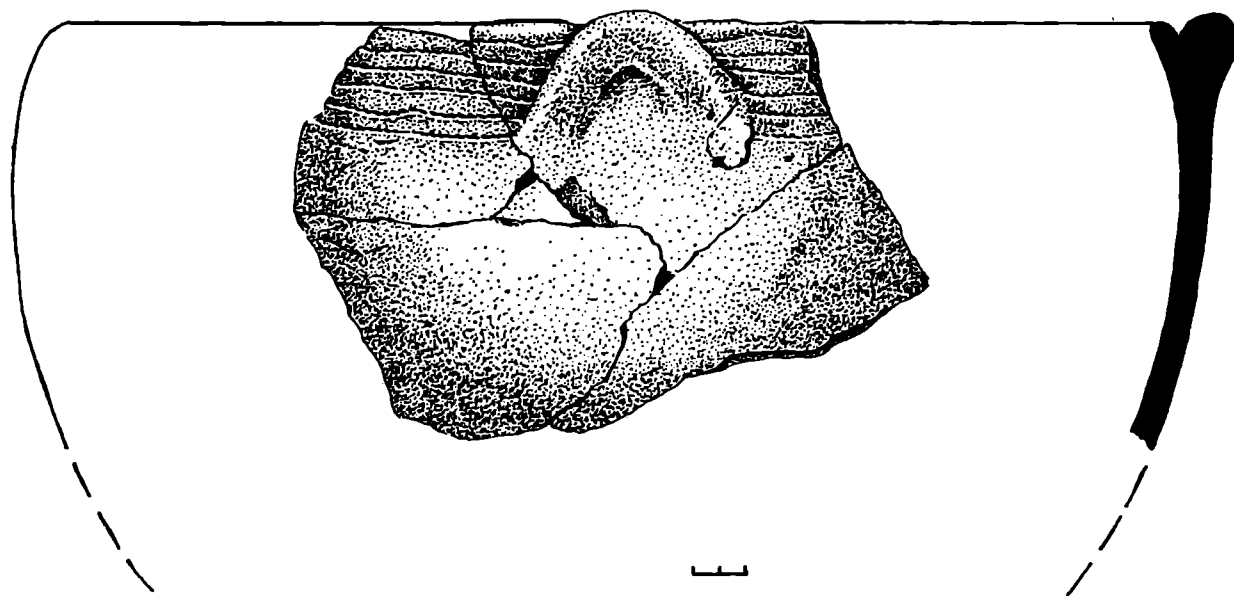

Рис.78. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 8.

1

2

Рис.79. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 9.

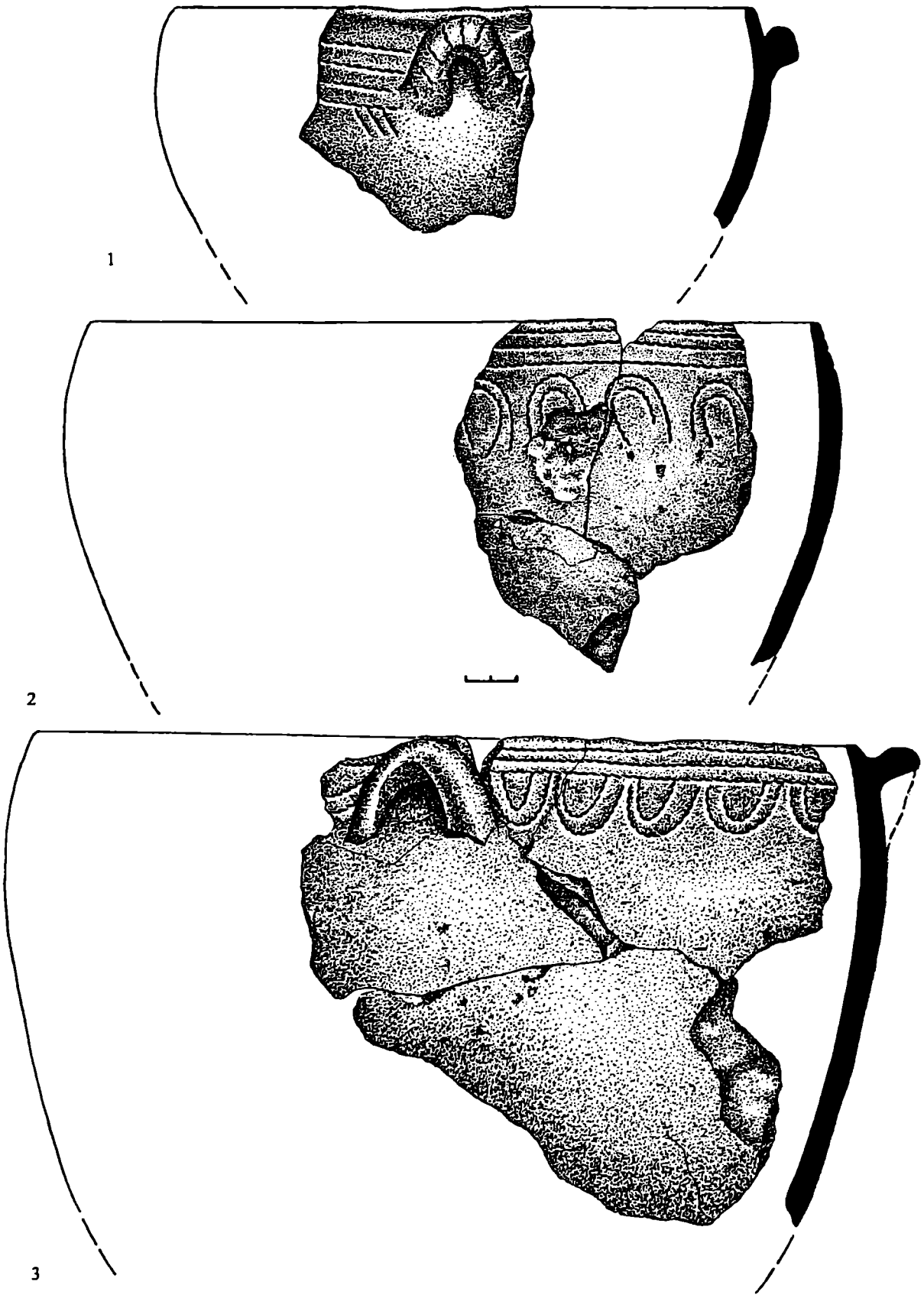

Рис.80. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 9.

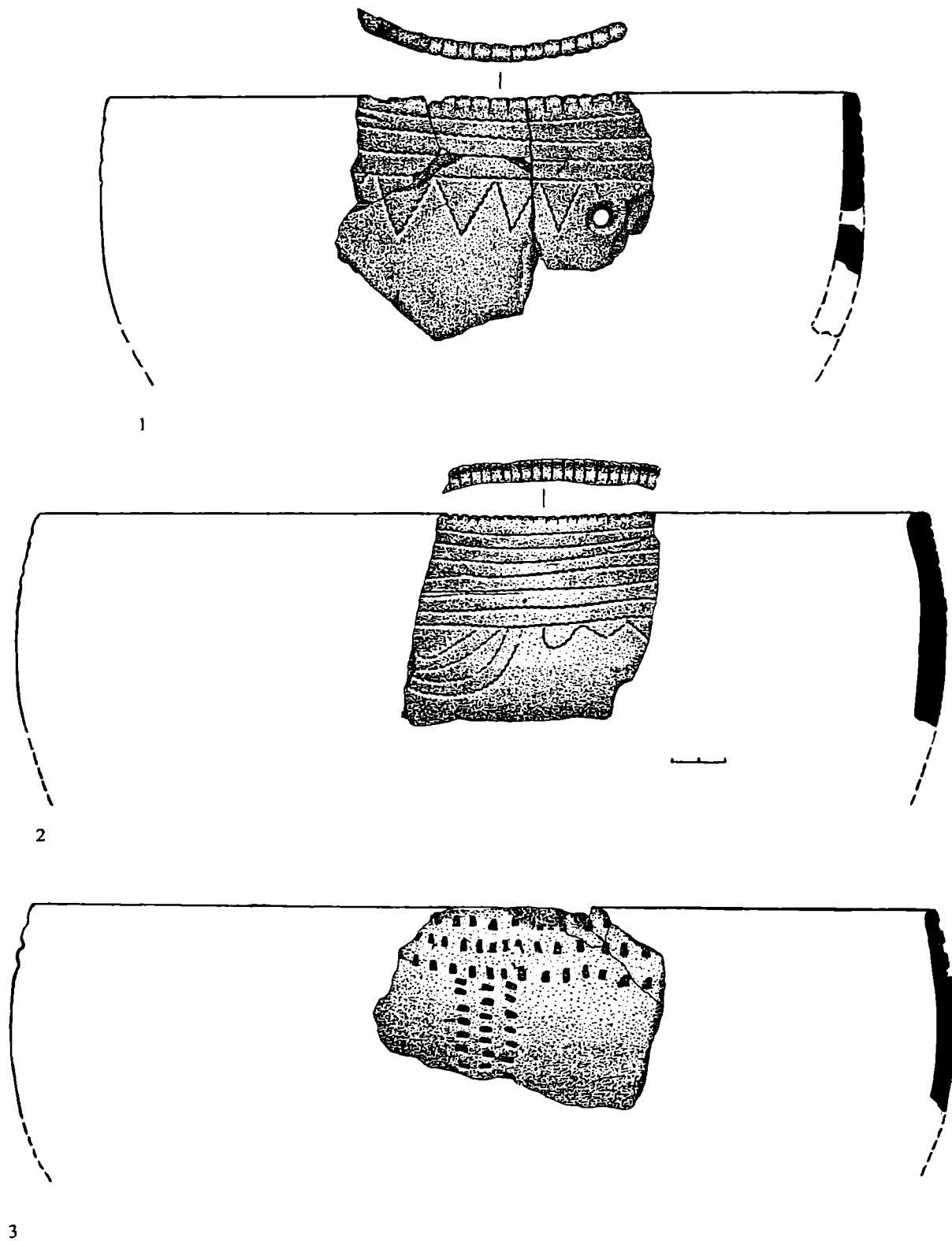

Рис.81. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 9.

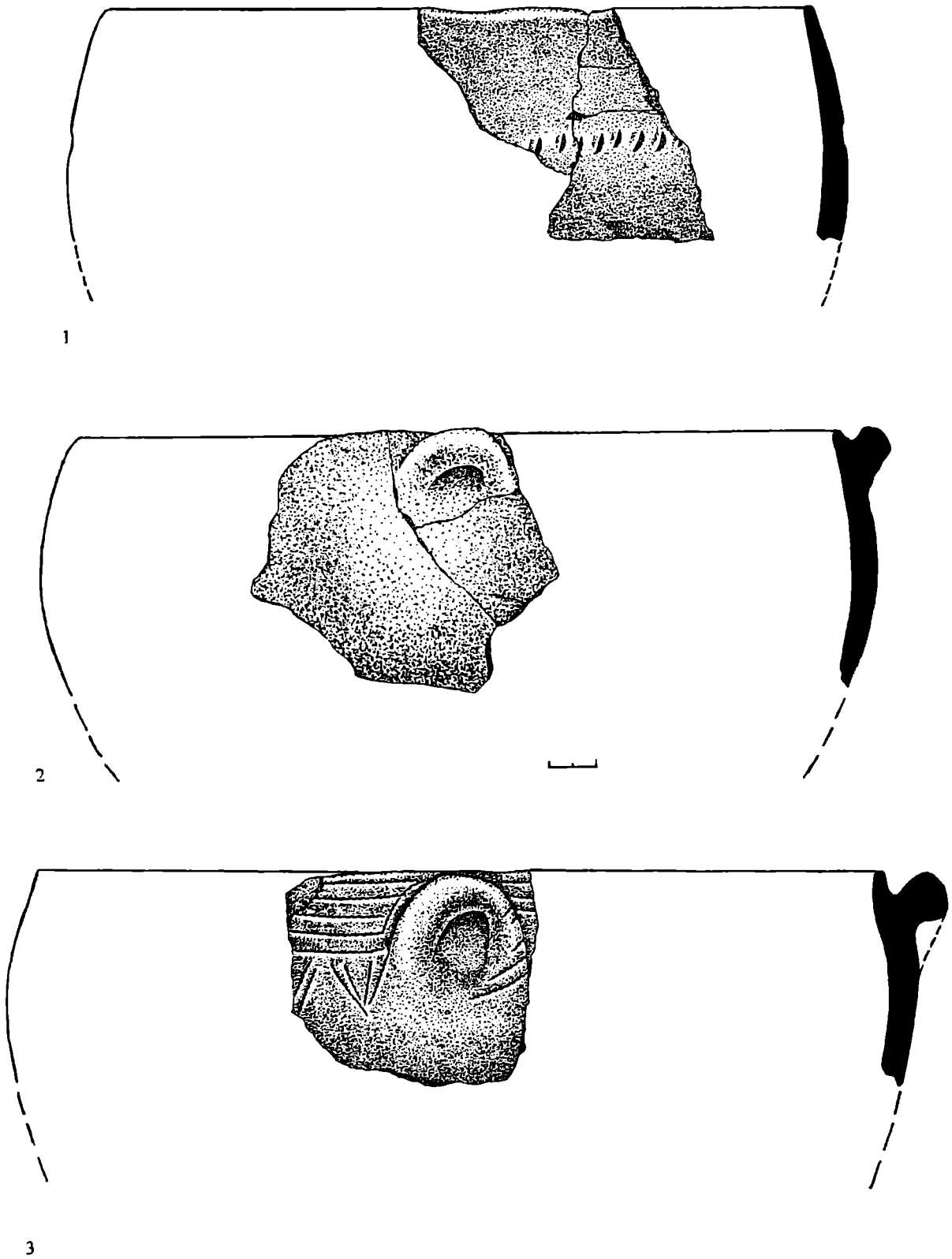

Рис.82. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 9.

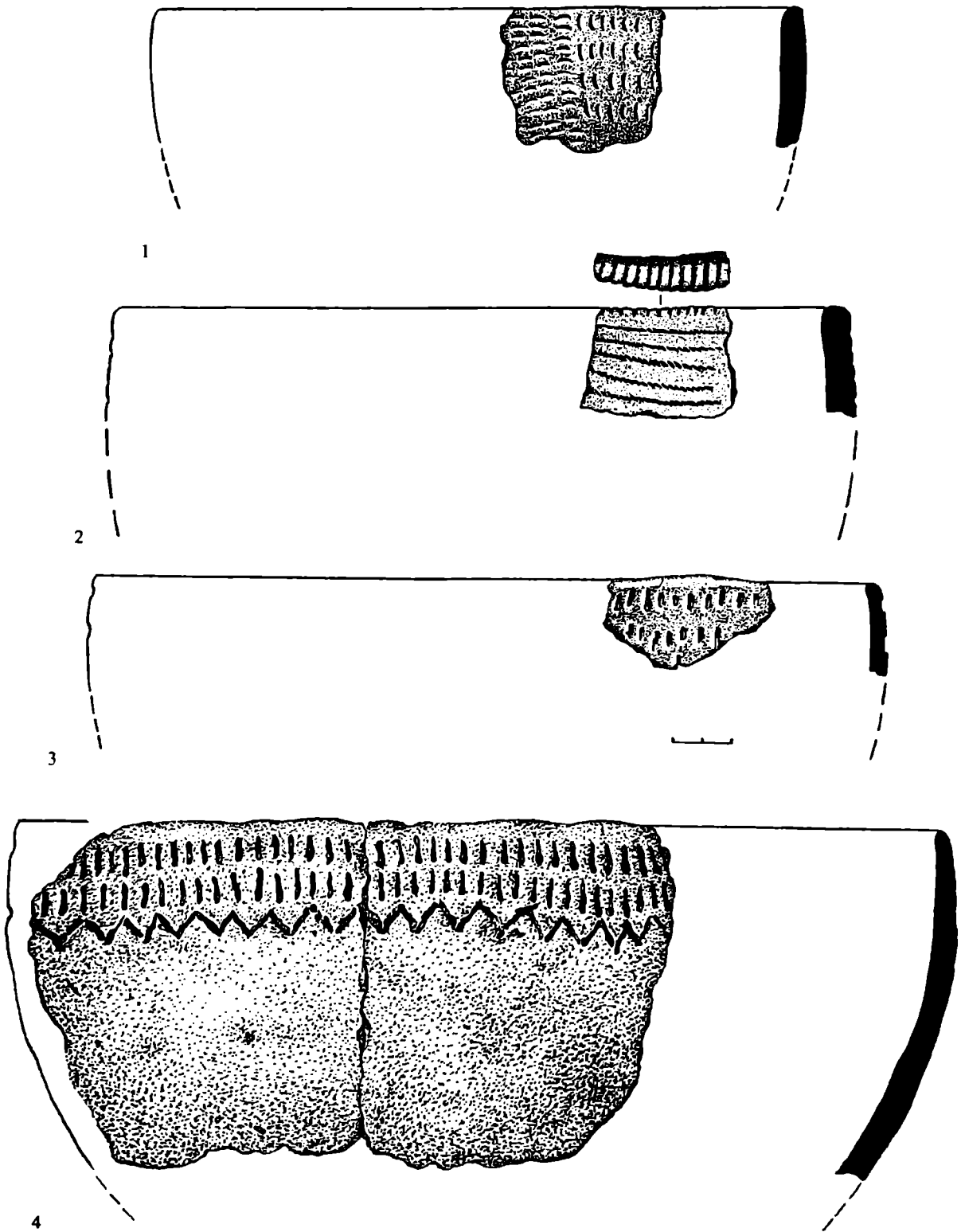

Рис.83. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 9.

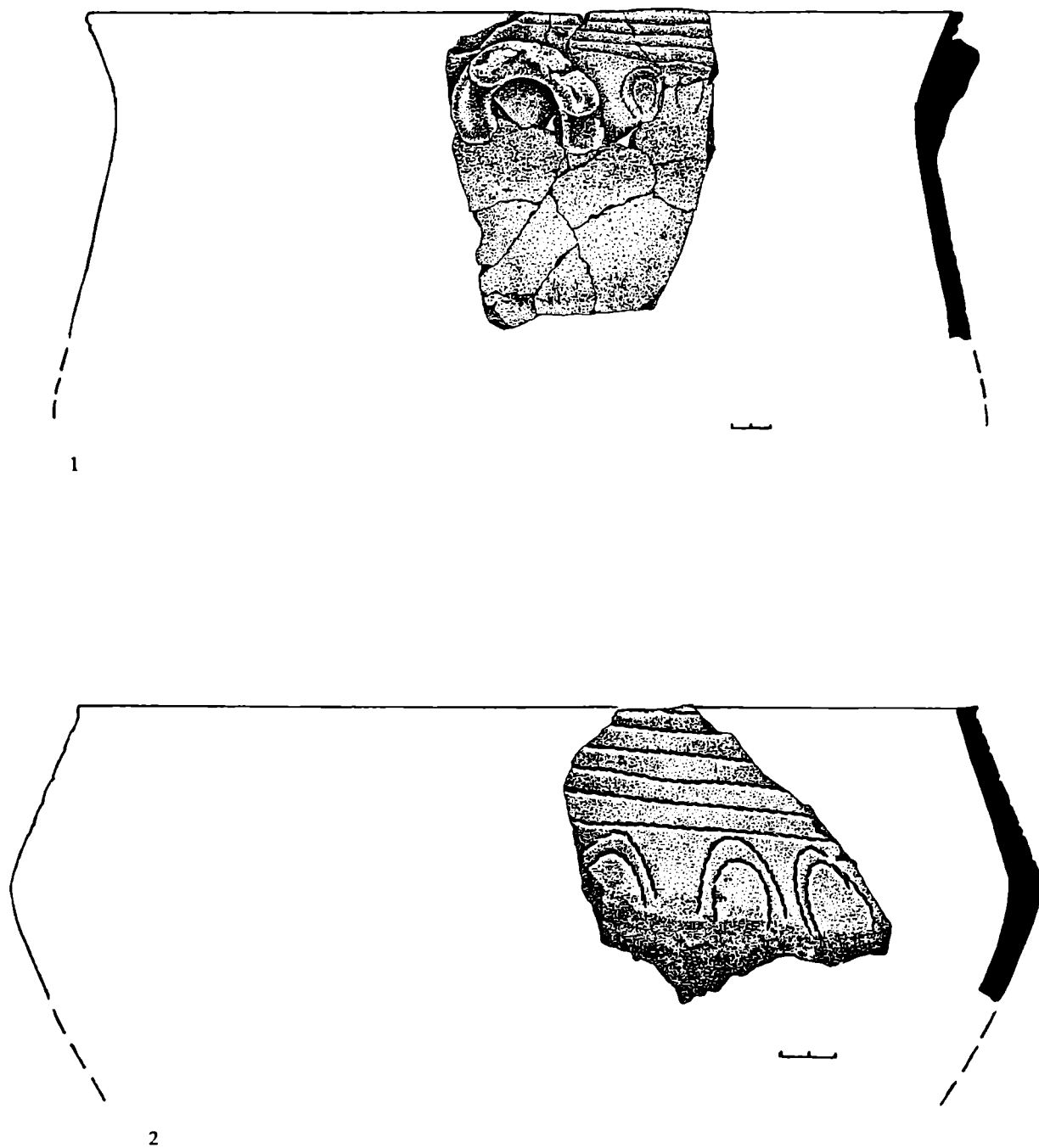

Рис.84. Поселение Прибрежное. Широкогорлые горшки группы 10.

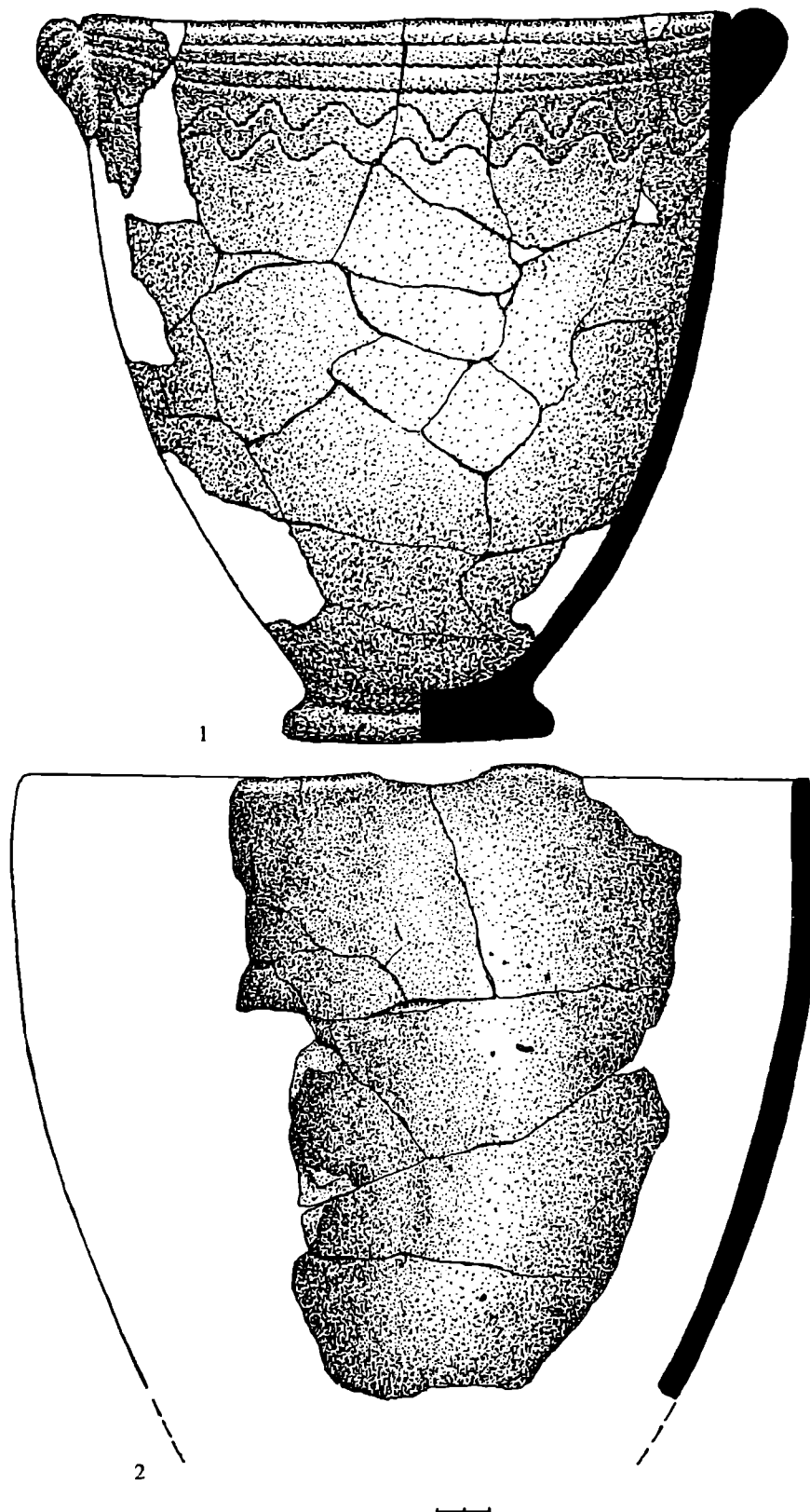
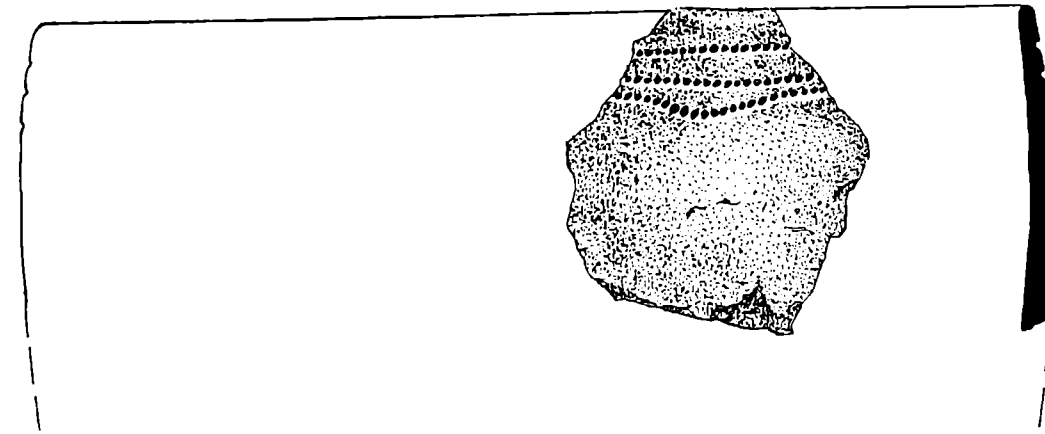
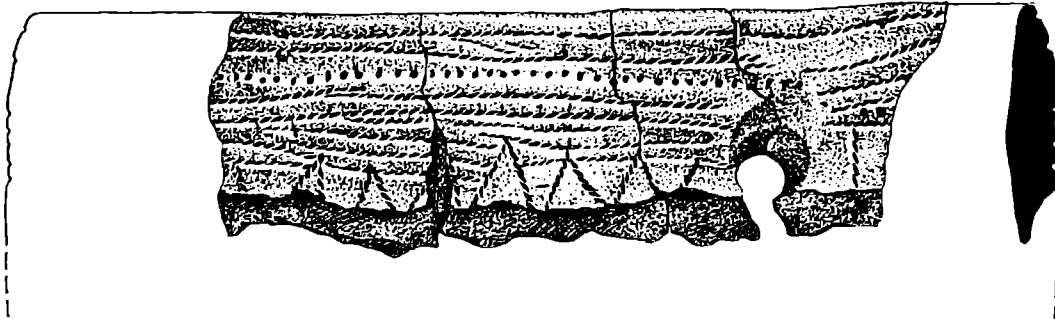

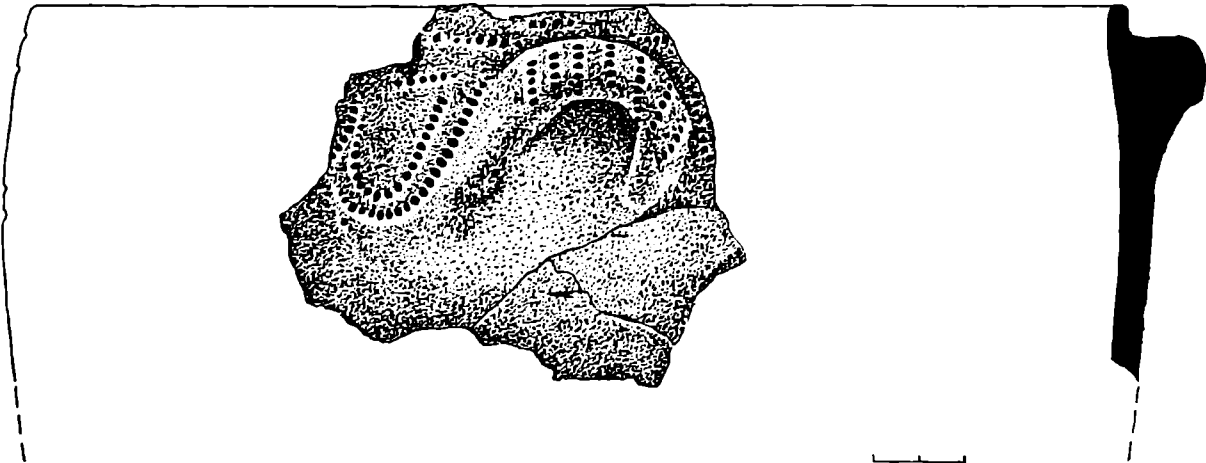
Рис.85. Поселение Прибрежное. Сосуды кубкообразной формы группы 1.

1

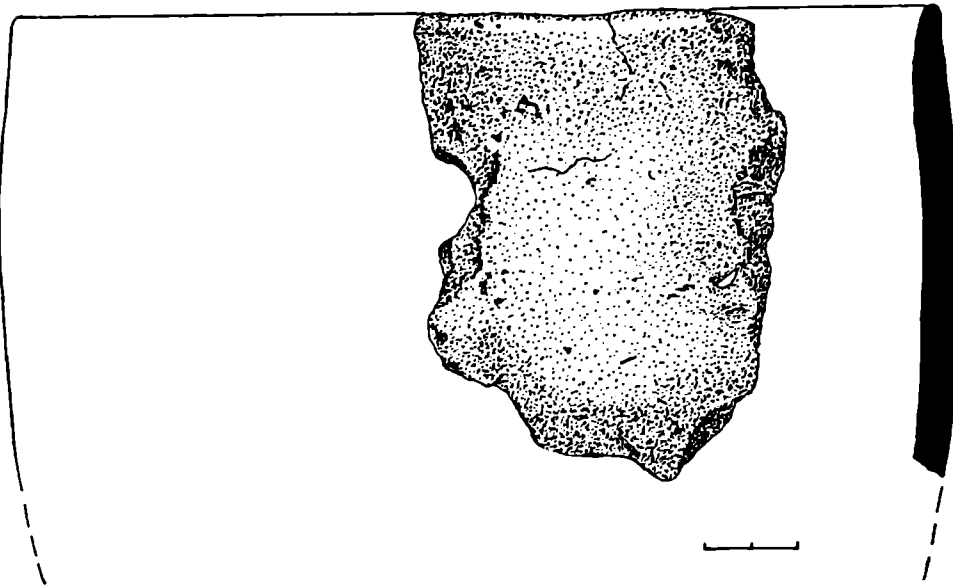

2

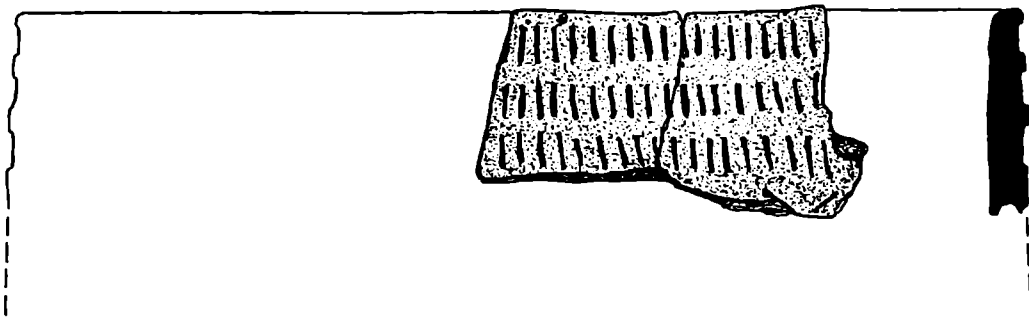

3

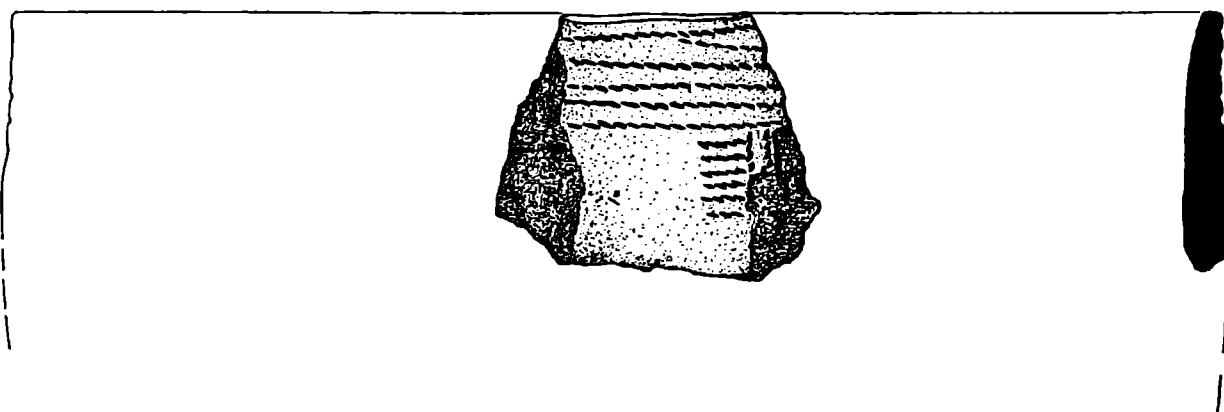
Рис.86. Поселение Прибрежное. Сосуды кубкообразной формы группы 1.

1

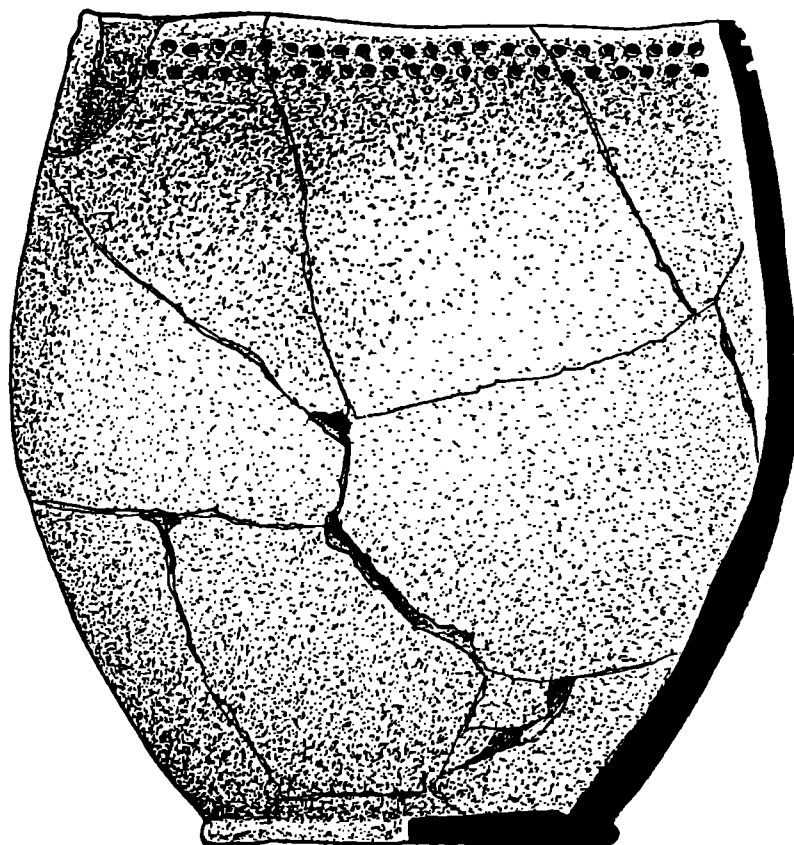

2

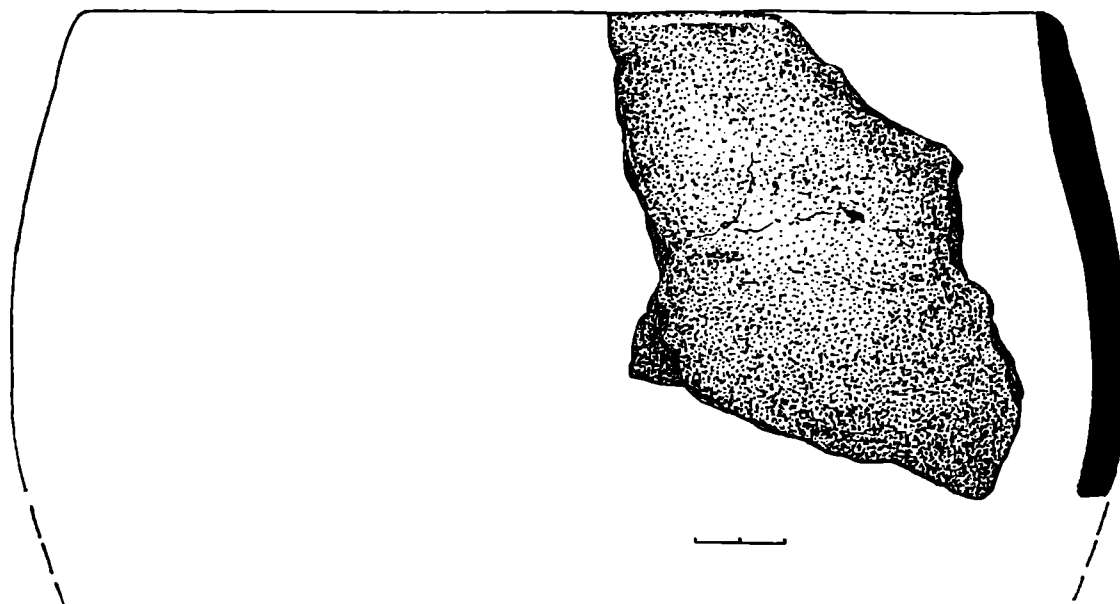

3

Рис.87. Поселение Прибрежное. Сосуды кубкообразной формы группы 1.

1

2

Рис.88. Поселение Прибрежное. Сосуды кубкообразной формы группы 2.

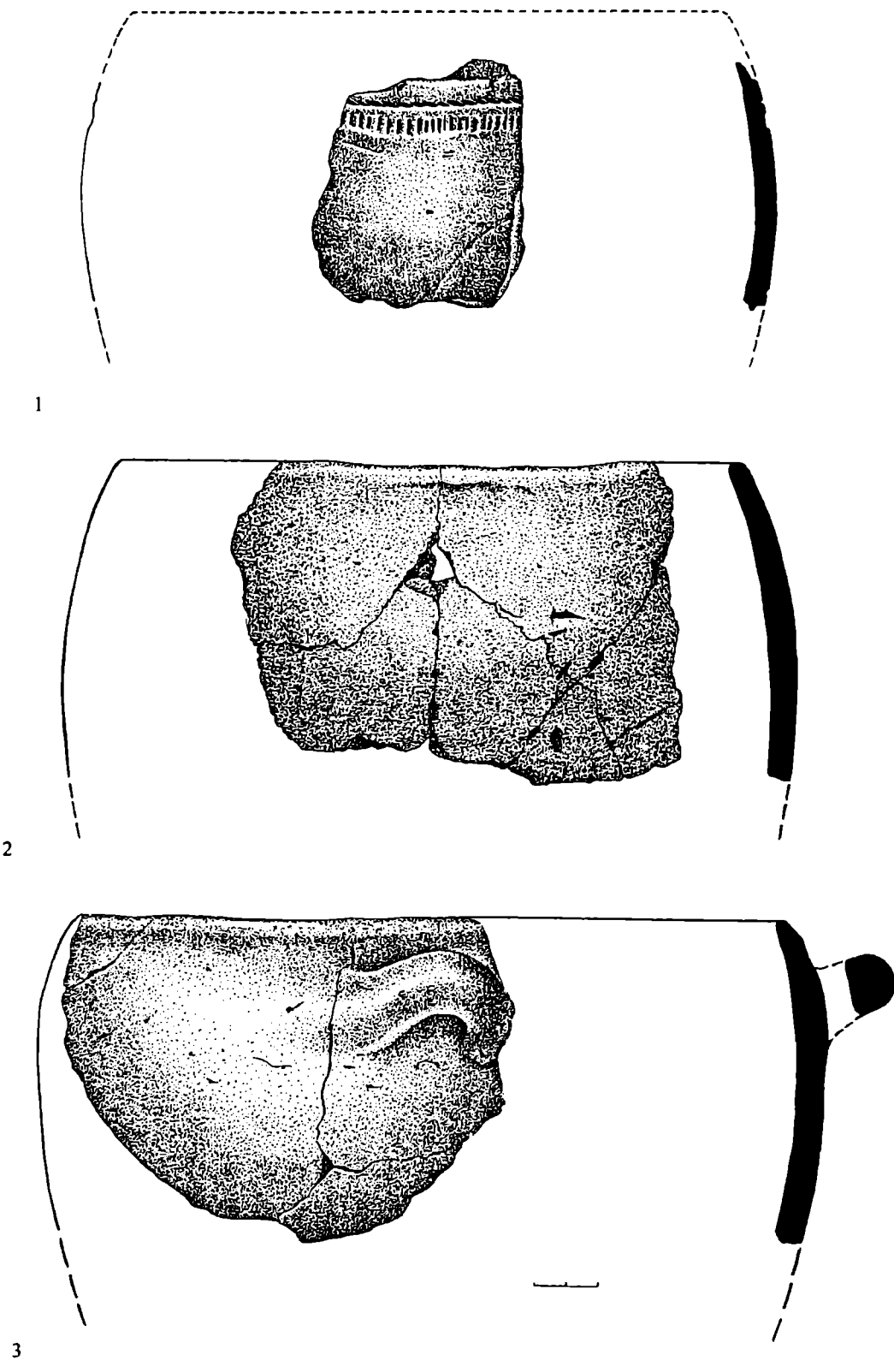

Рис.89. Поселение Прибрежное. Сосуды кубкообразной формы группы 2.

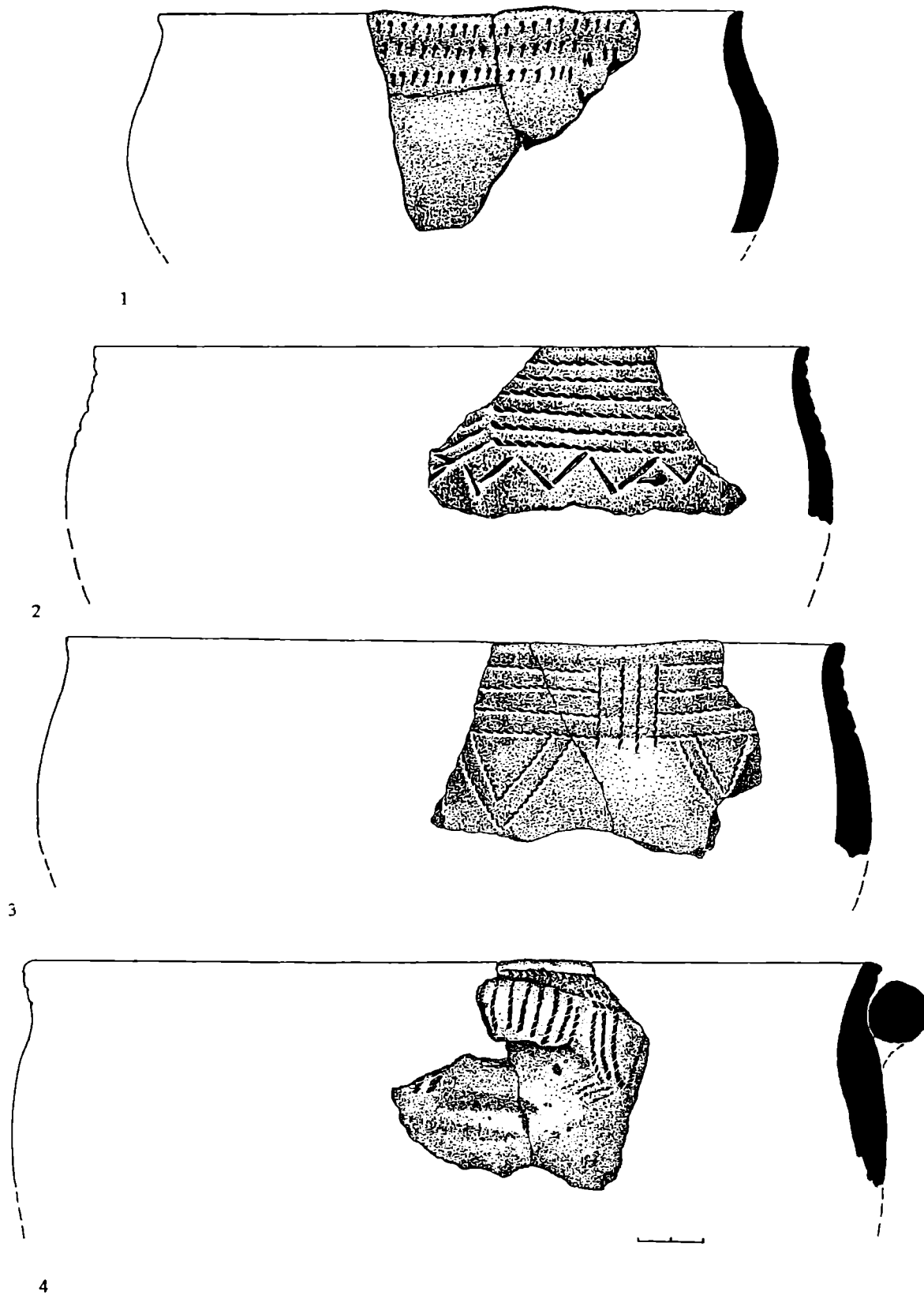

Рис.90. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 1).

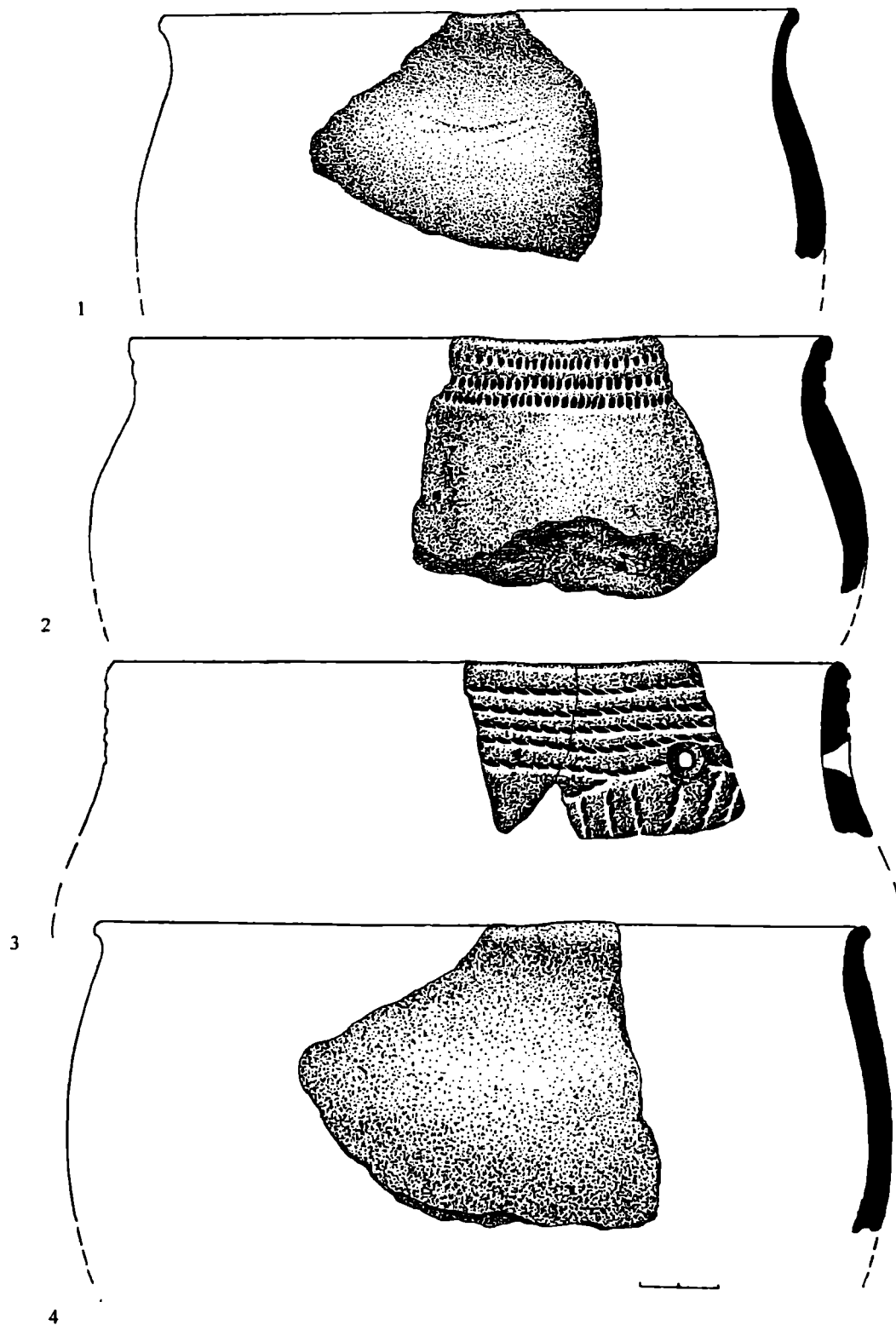

Рис.91. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 1).

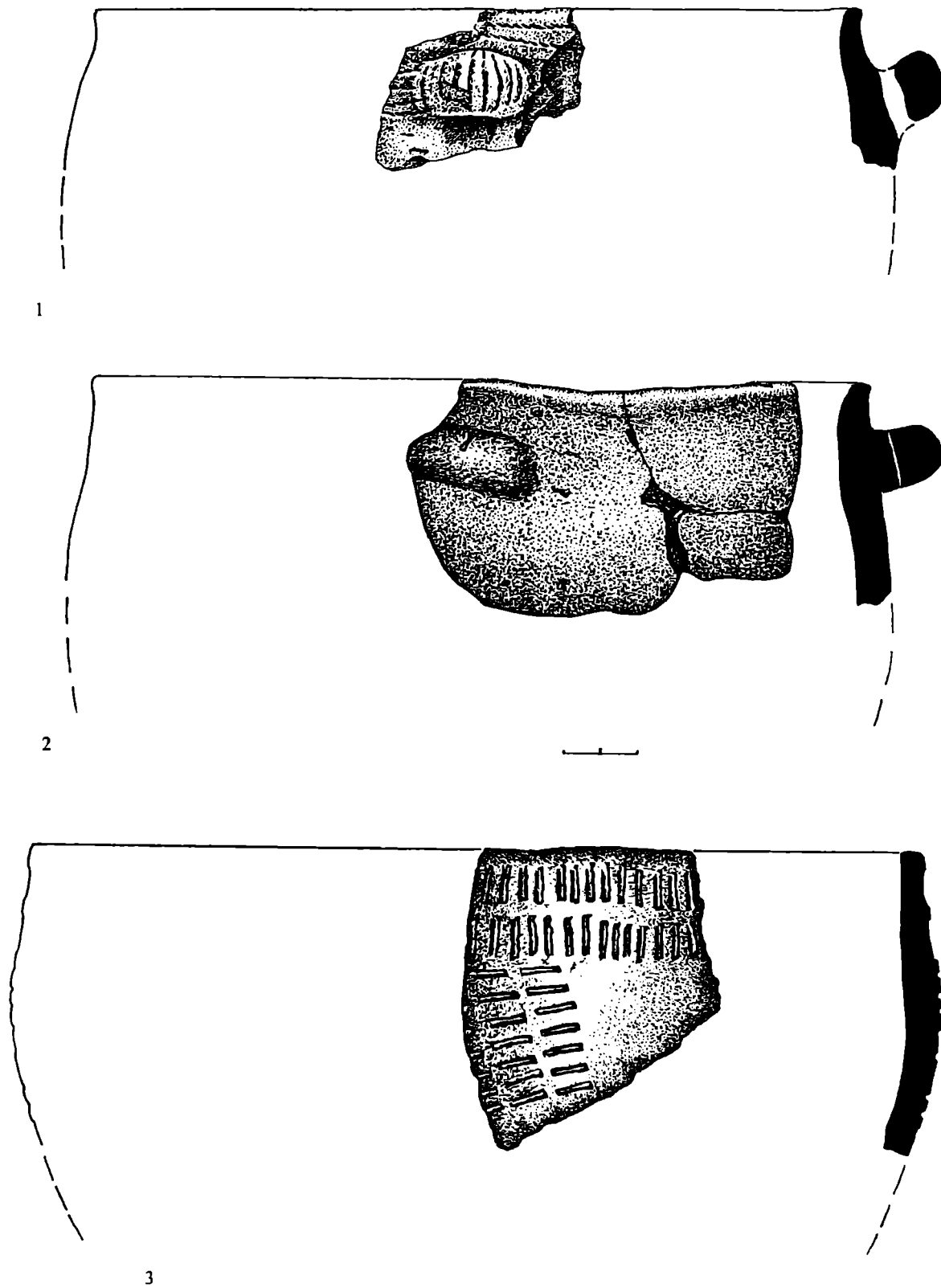

Рис.92. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 1: 1, 2 и группа 4: 3).

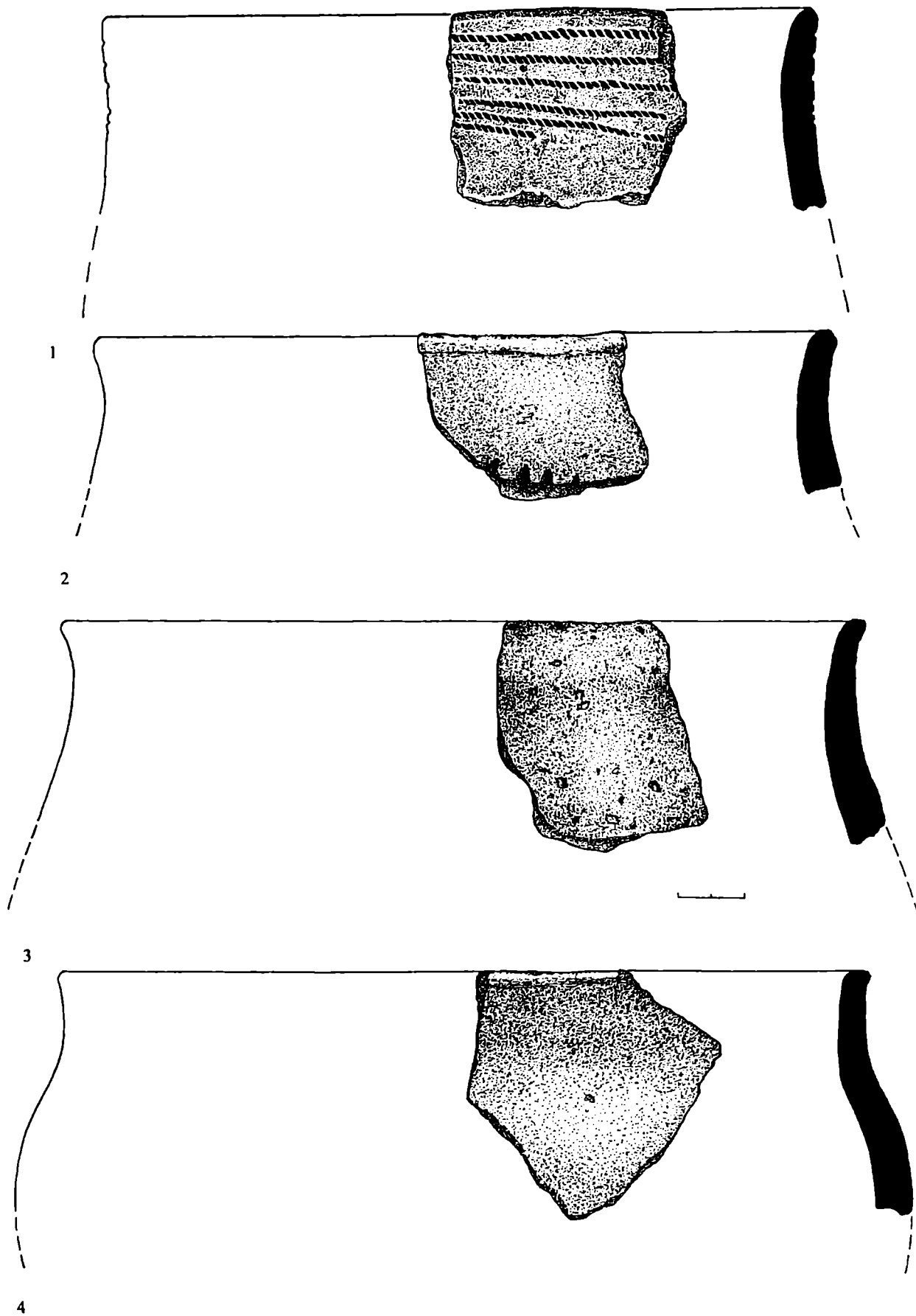

Рис.93. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 2).

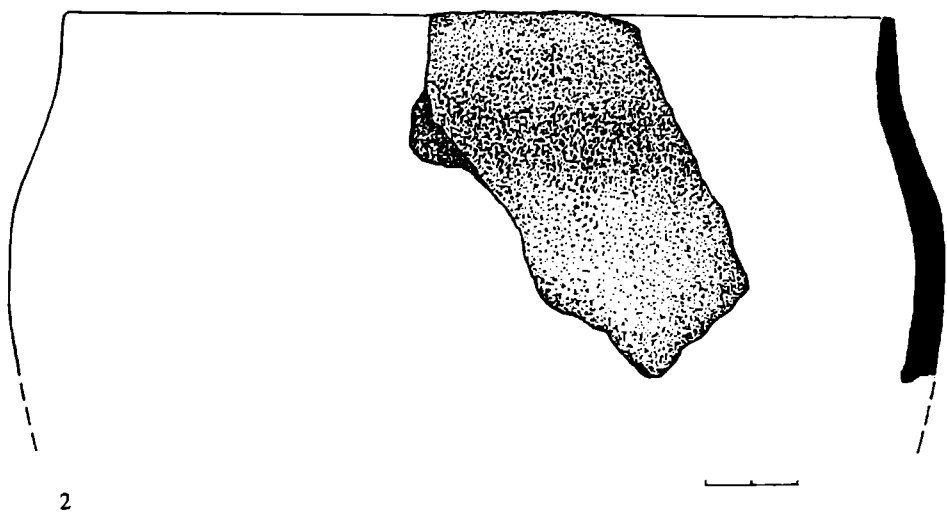
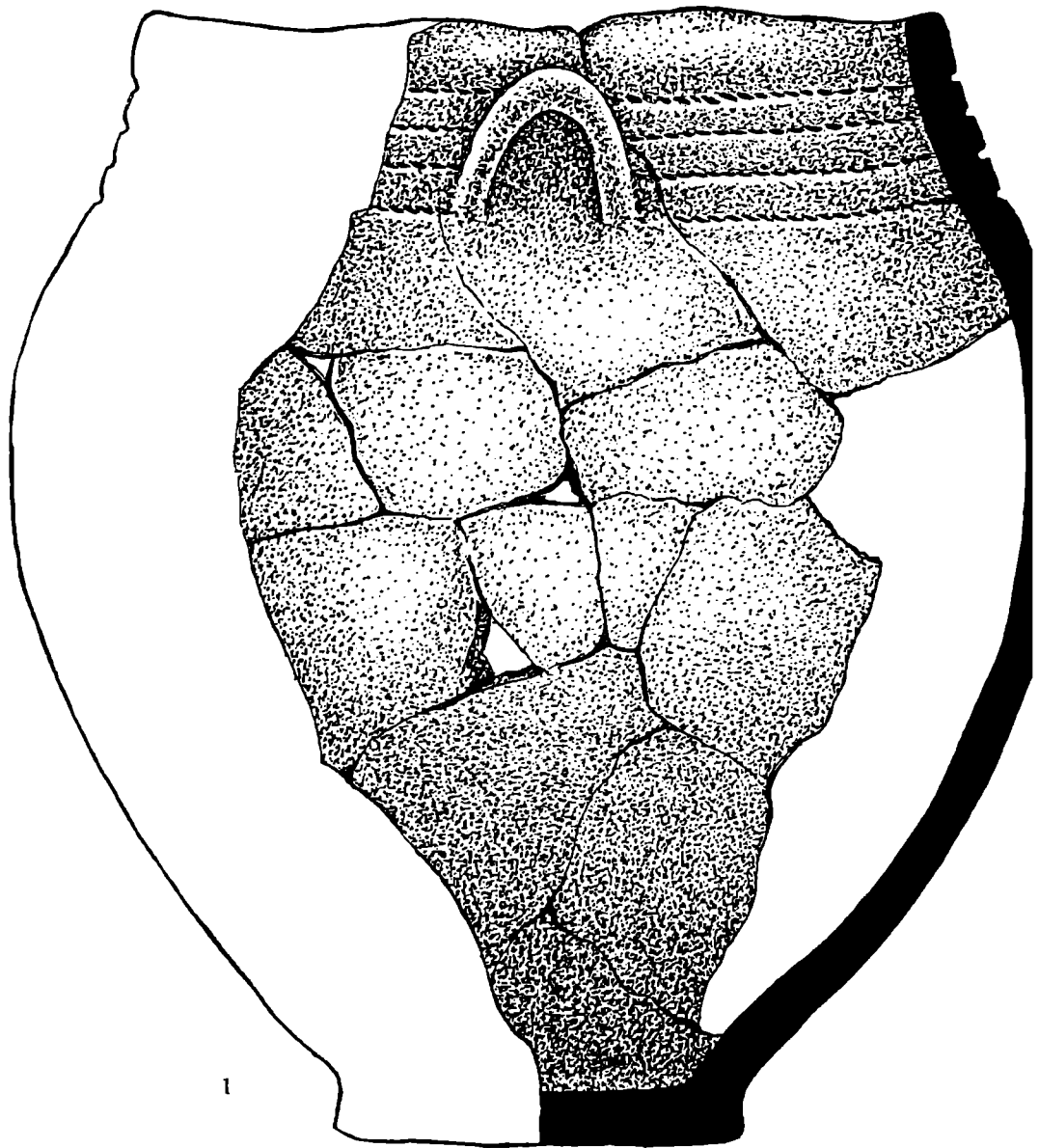

Рис.94. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 3).

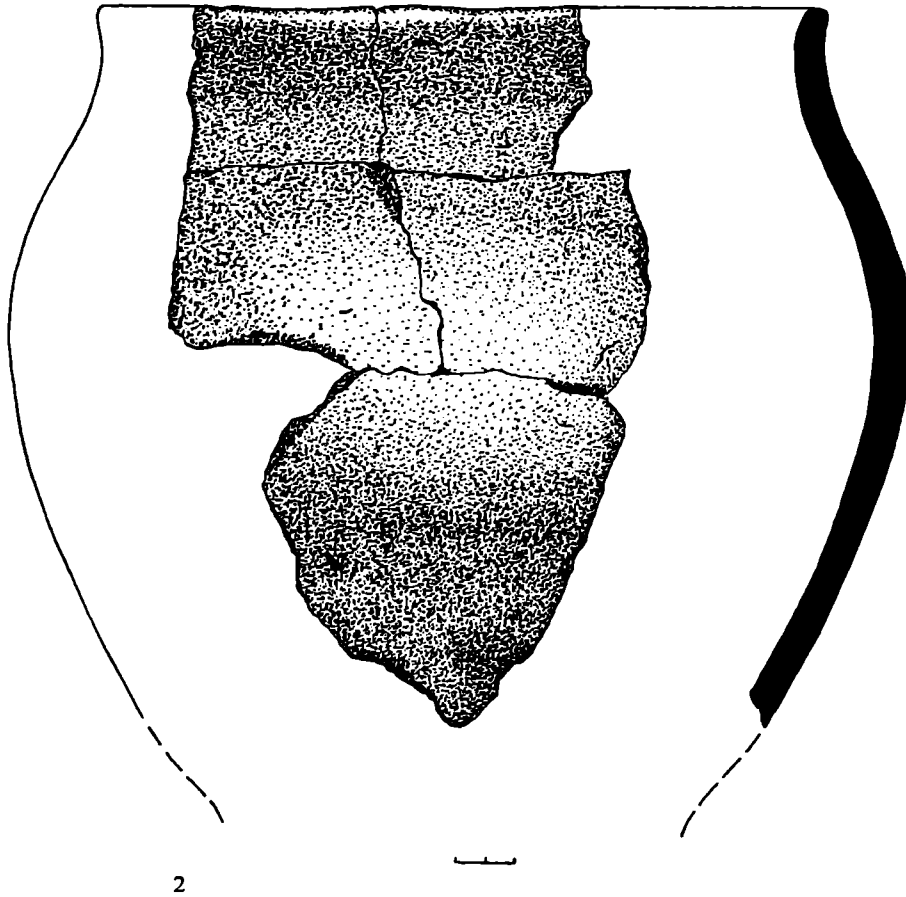
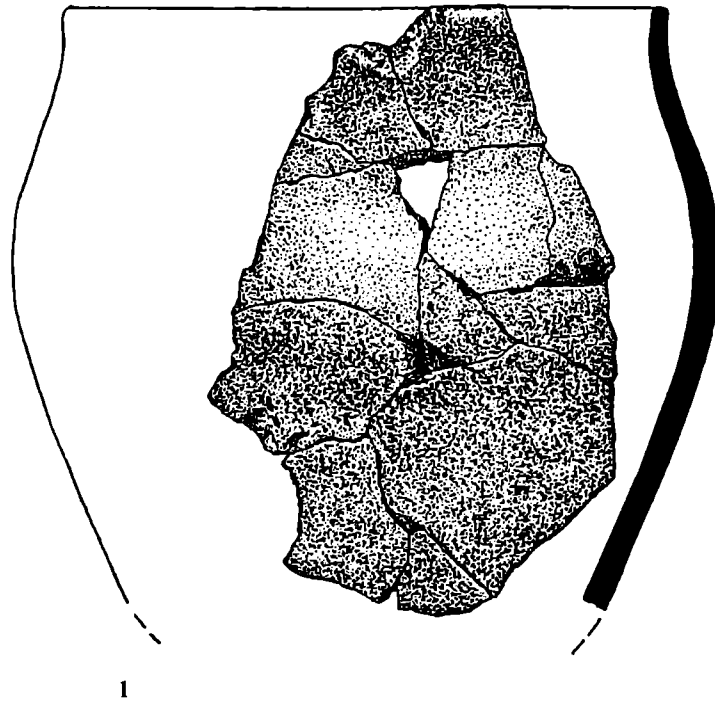
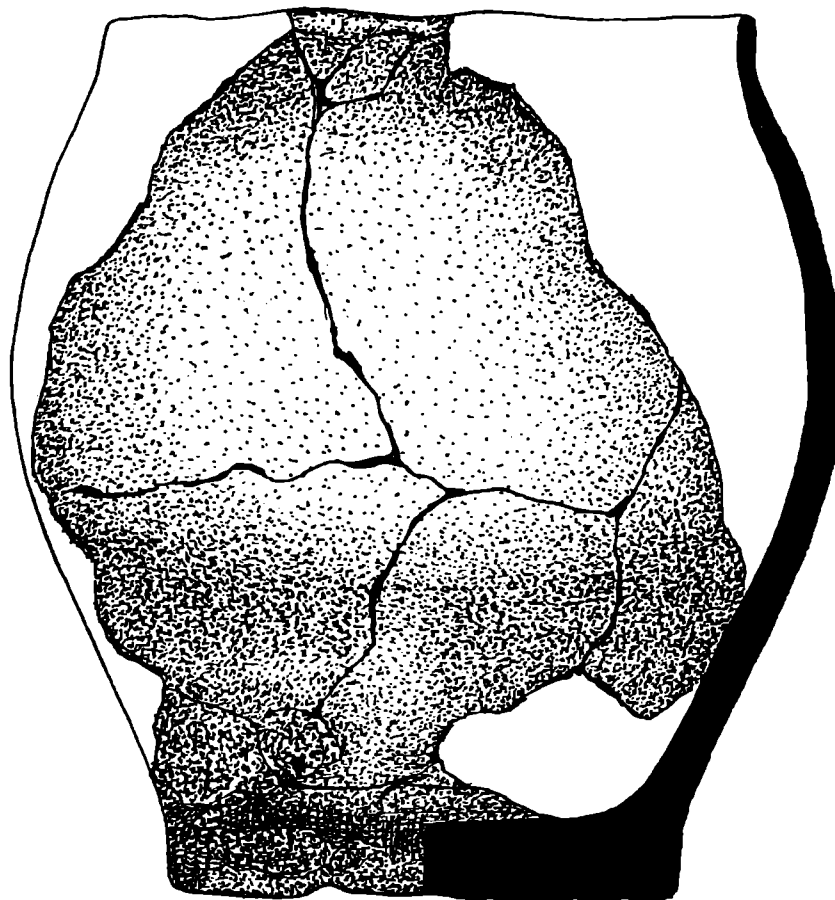
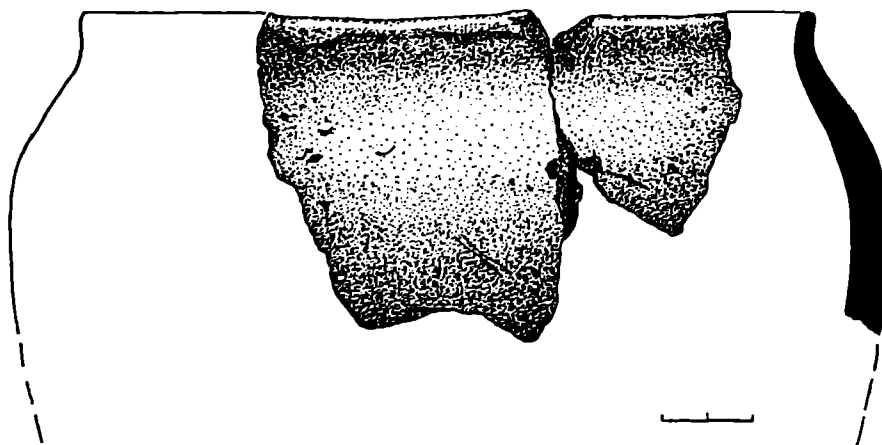

Рис.95. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 3)

1

2

Рис.96. Поселение Прибрежное. Горшки средних размеров (группа 1: 1 и группа 3: 2).

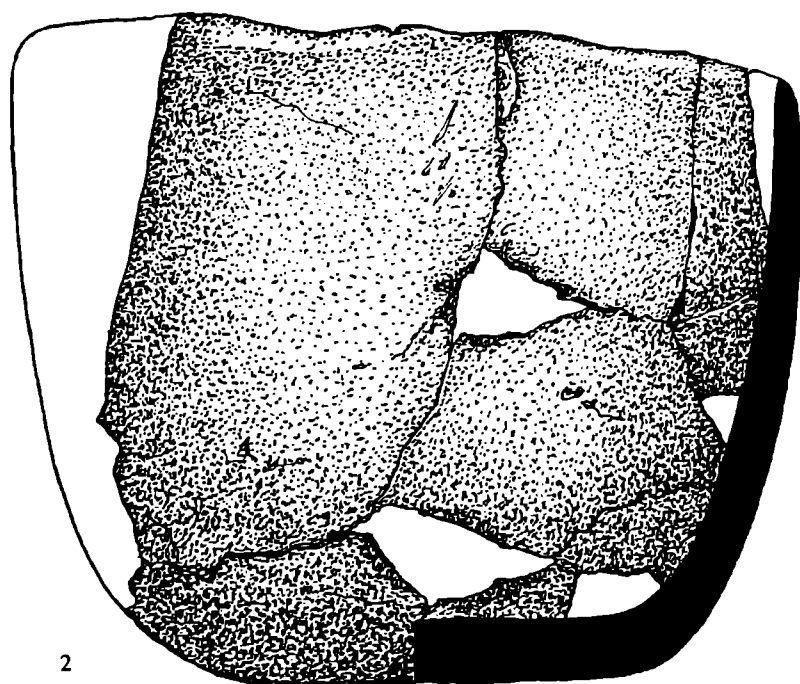
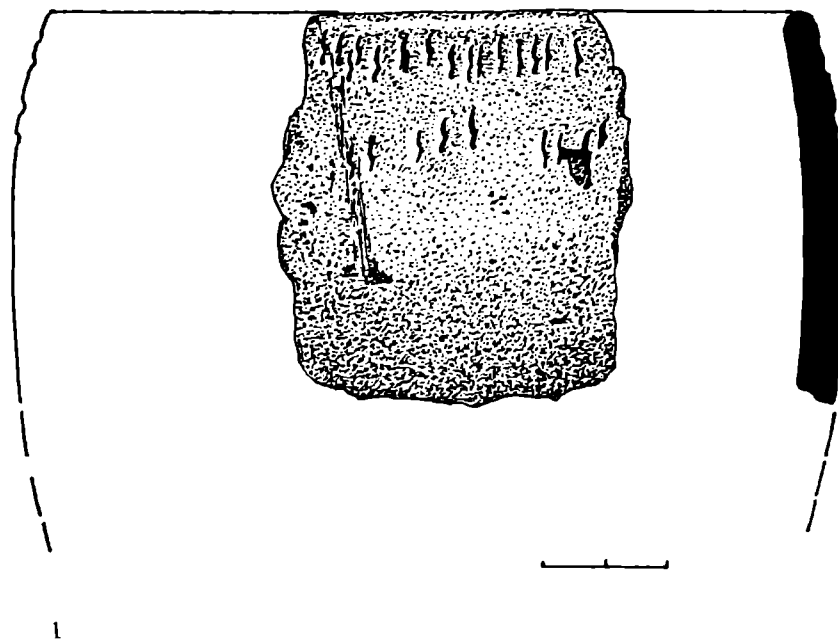

Рис.97. Поселение Прибрежное. Чаши.

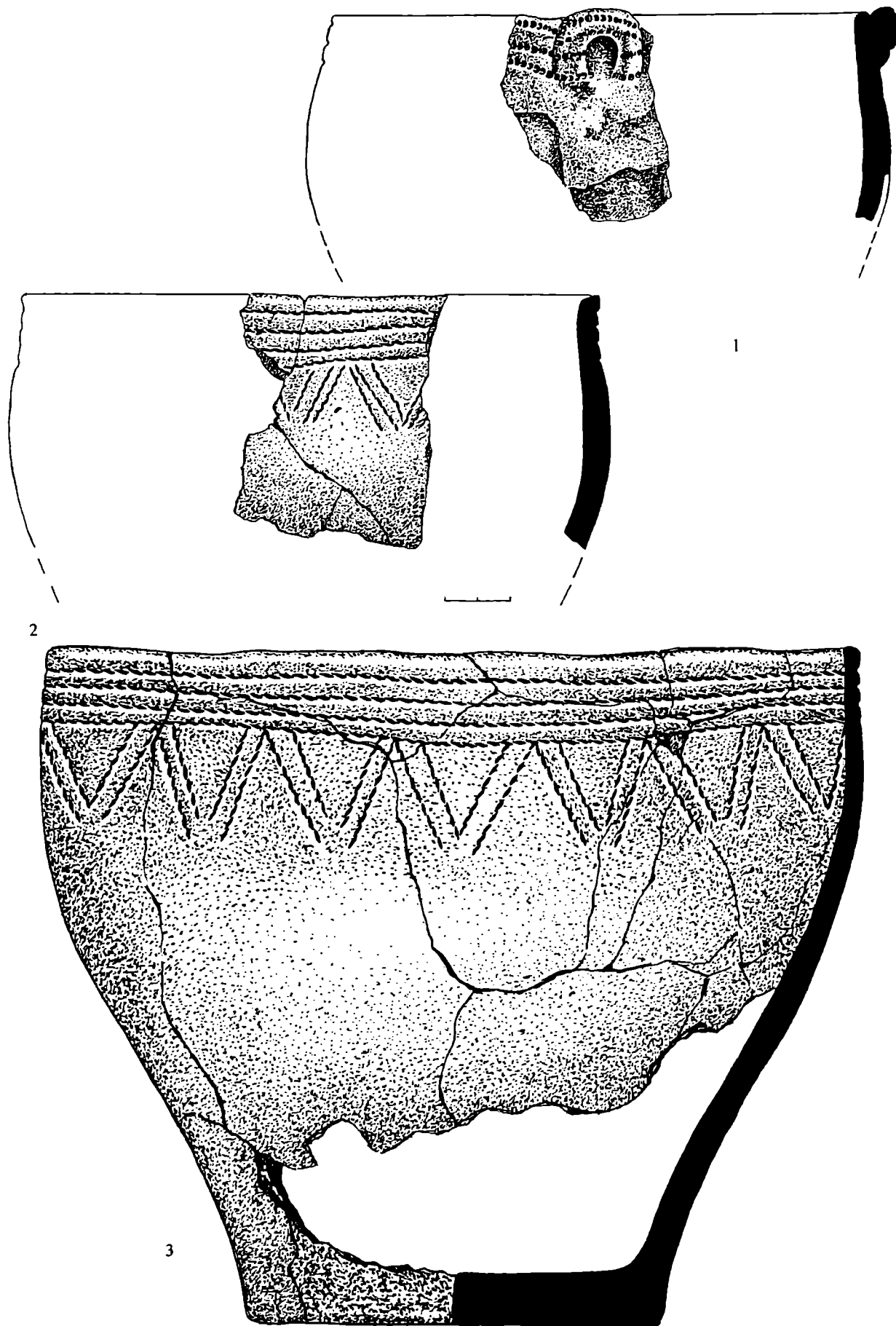

Рис.98. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 1.

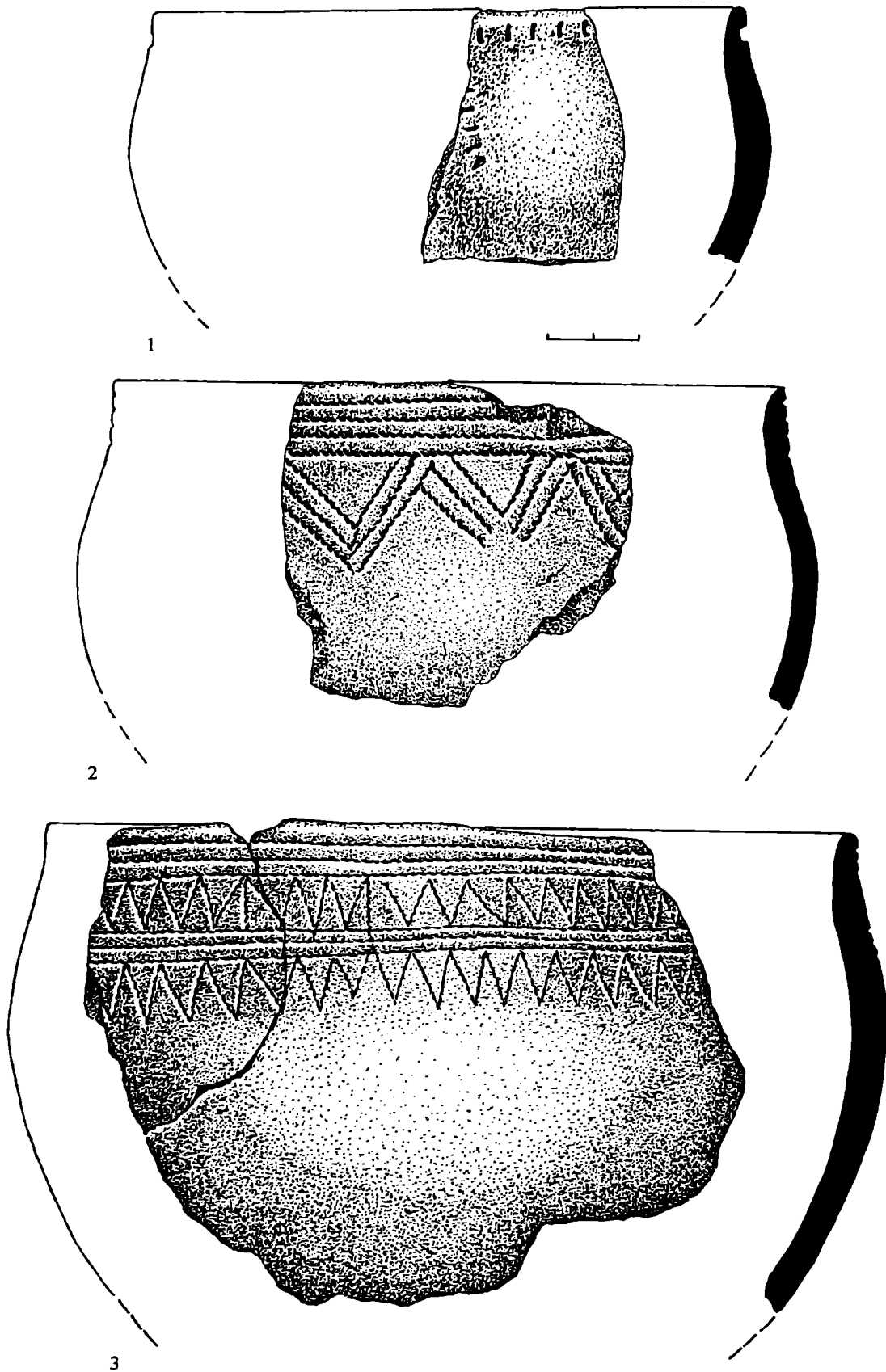

Рис.99. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 2.

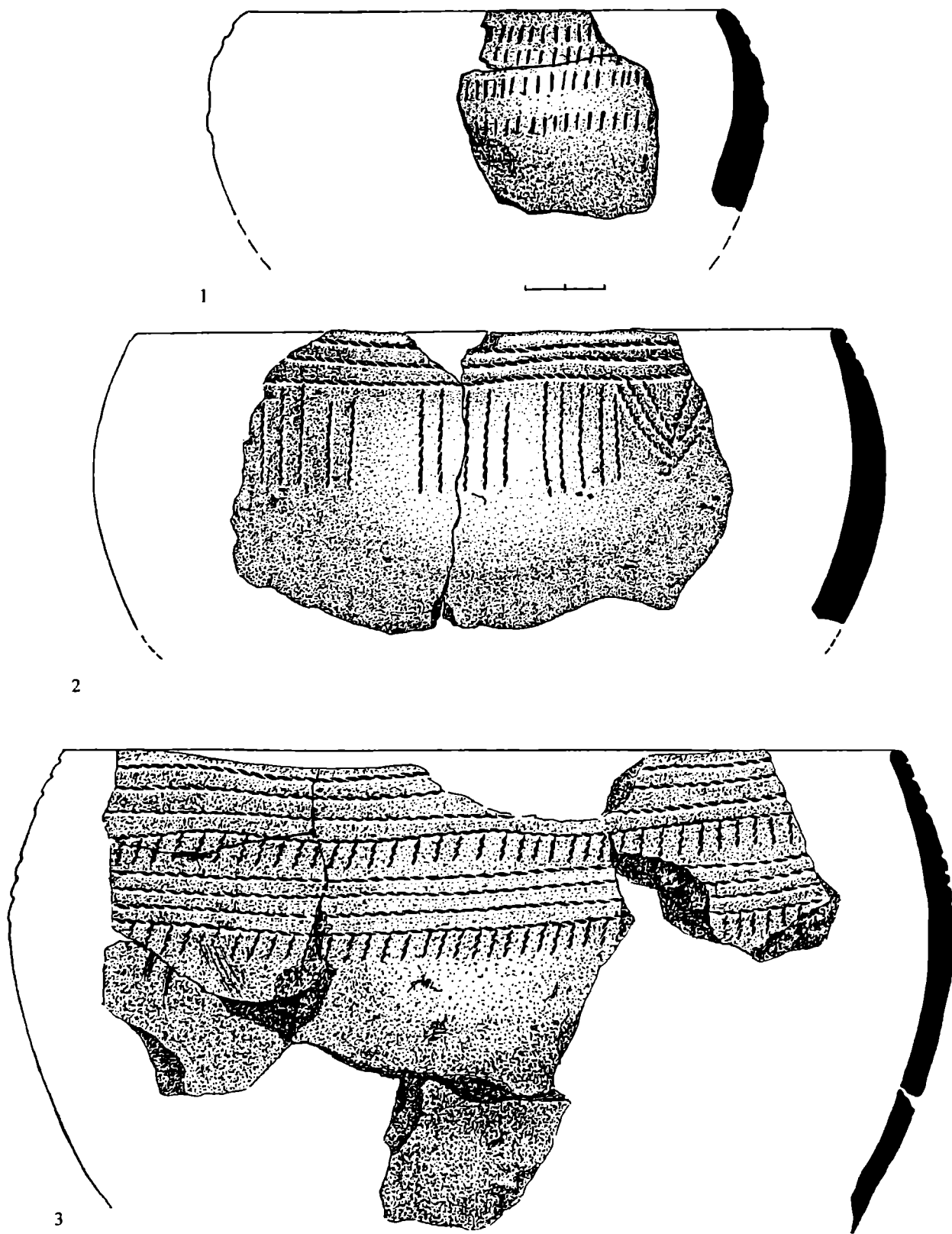

Рис.100. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 3.

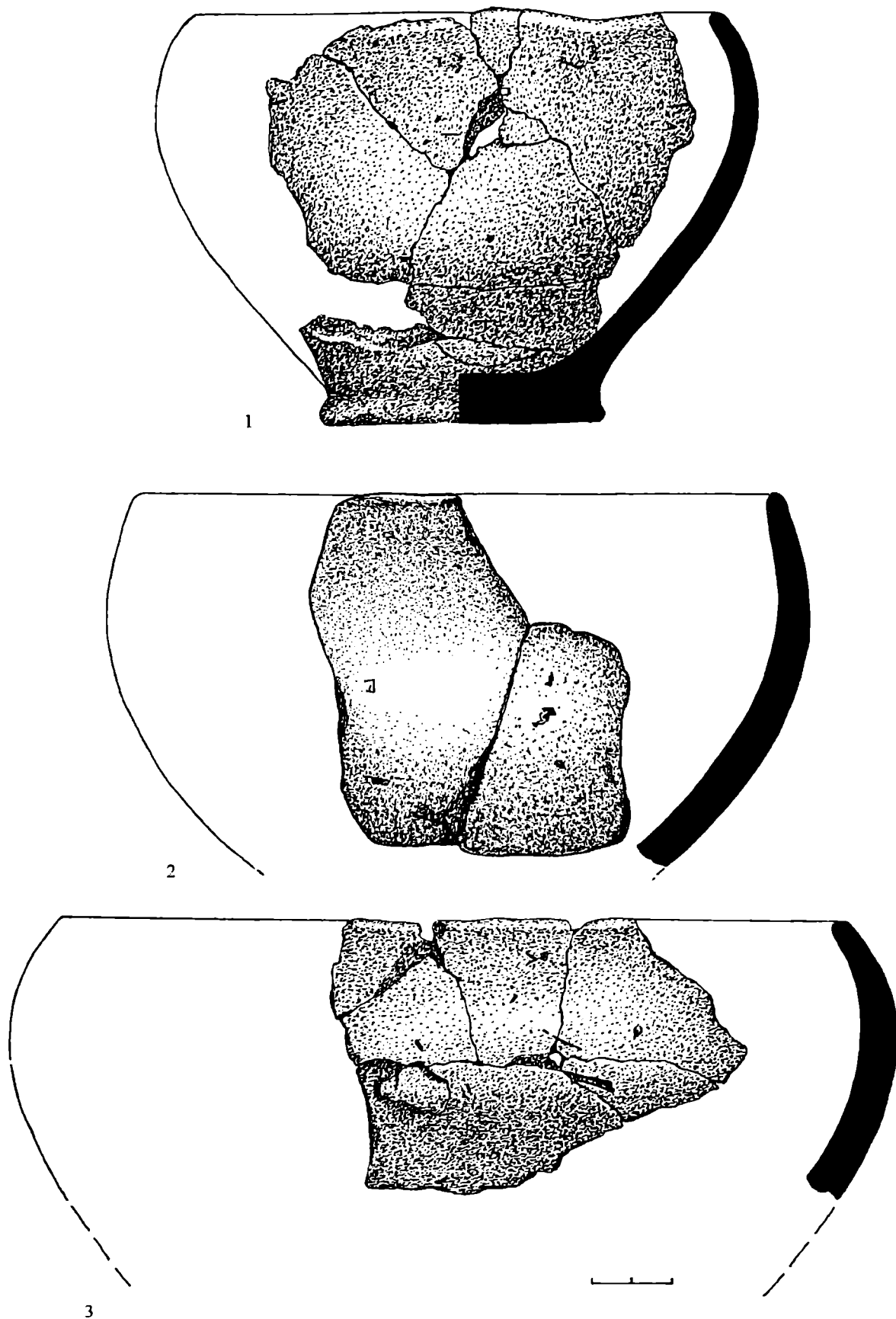
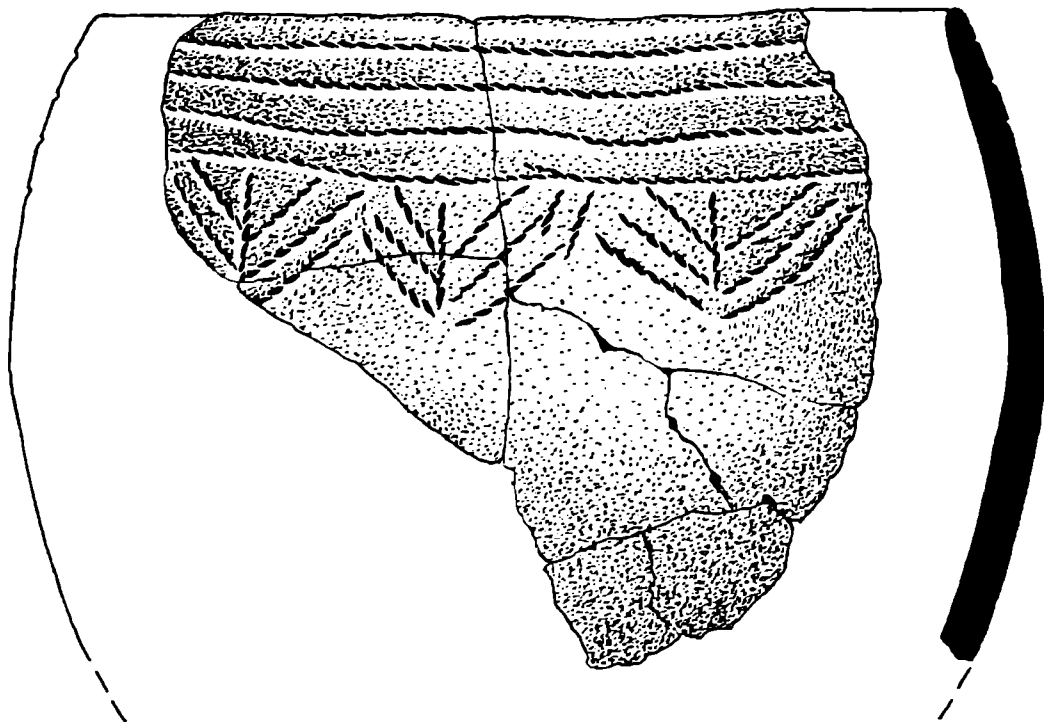
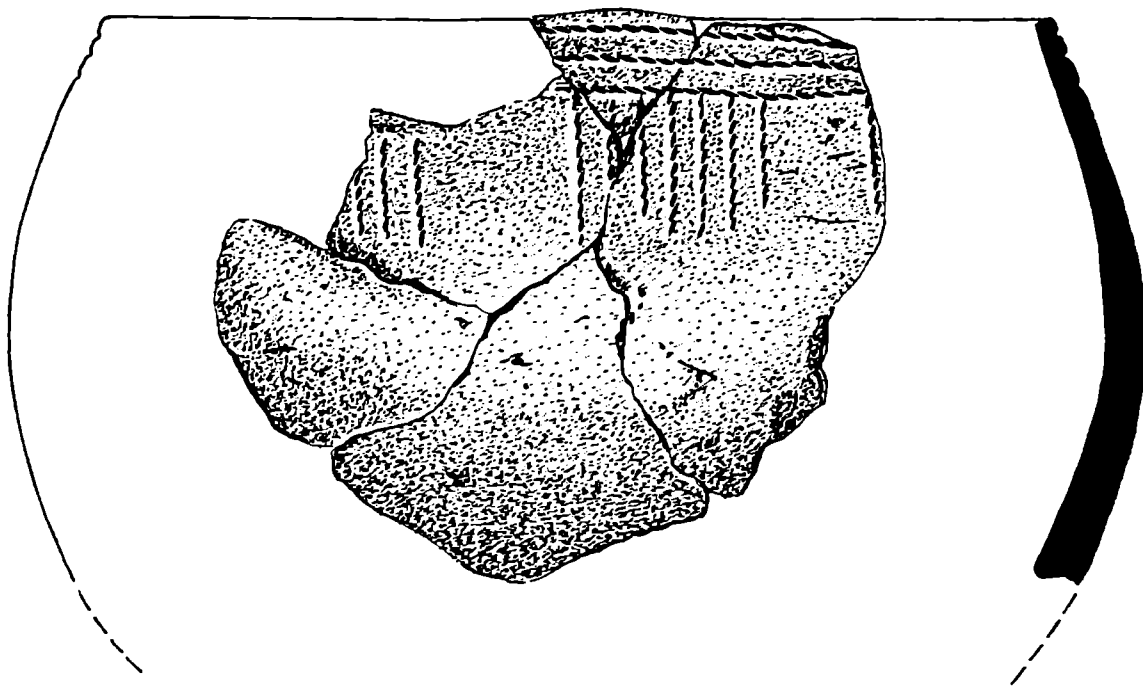

Рис.101. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 3.

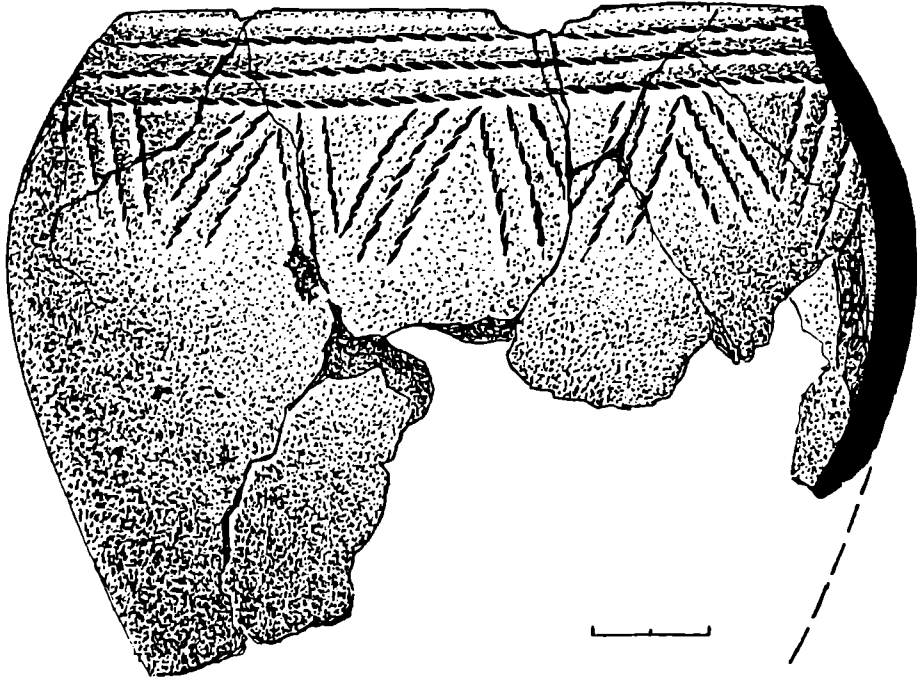

1

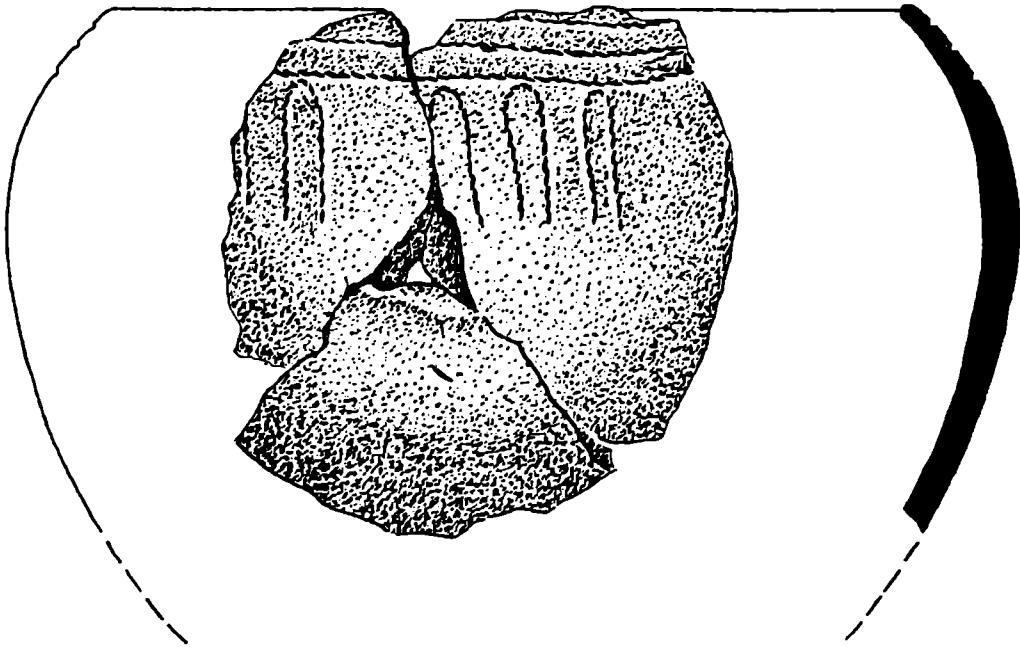

2

Рис.102. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 4.

1

2

Рис.103. Поселение Прибрежное. Глубокие миски группы 4.

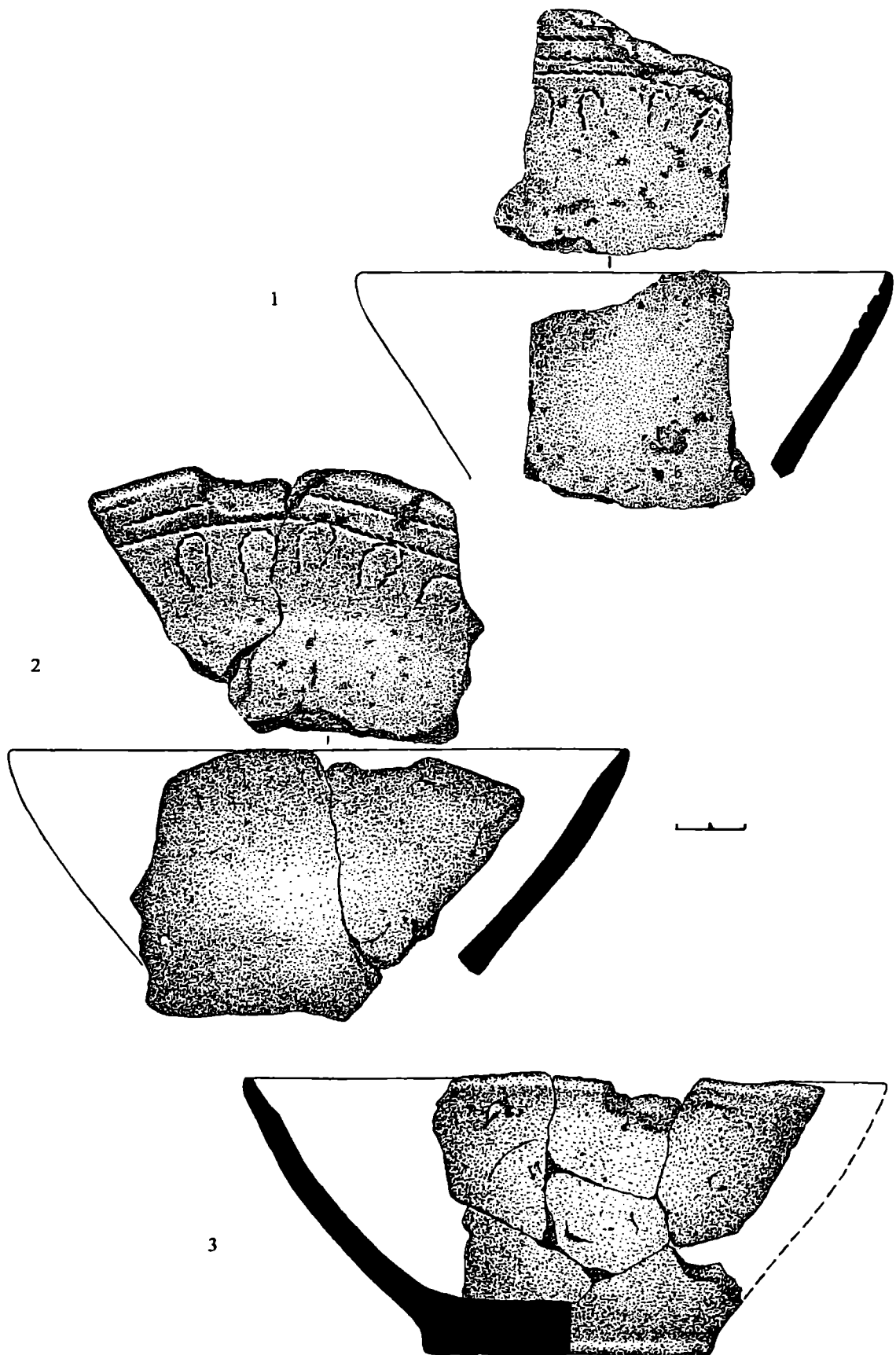

Рис.104. Поселение Прибрежное. Миски воронковидной формы.

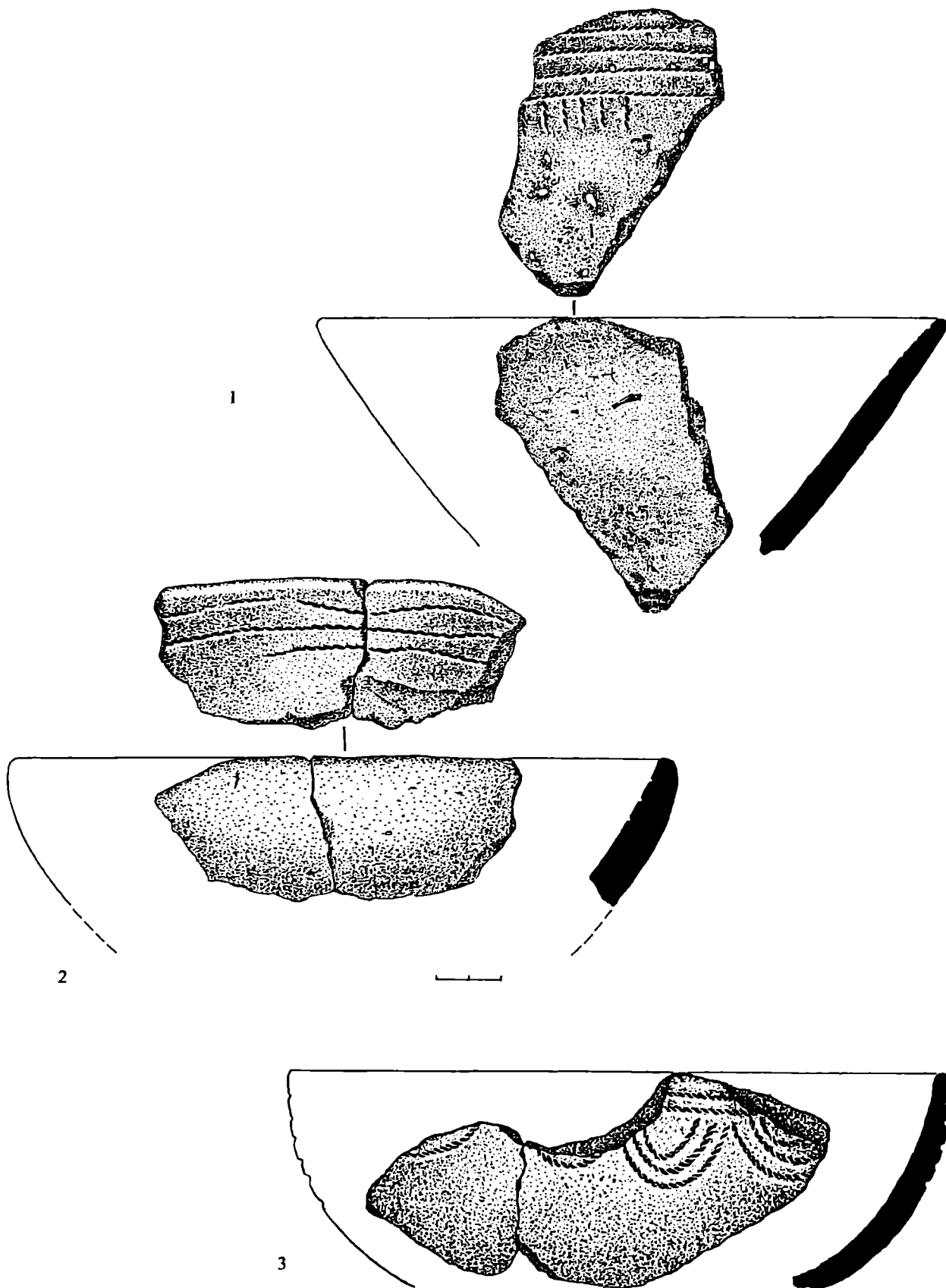

Рис.105. Поселение Прибрежное. Миски воронковидной формы (1,2);
округлой формы (группа 5).

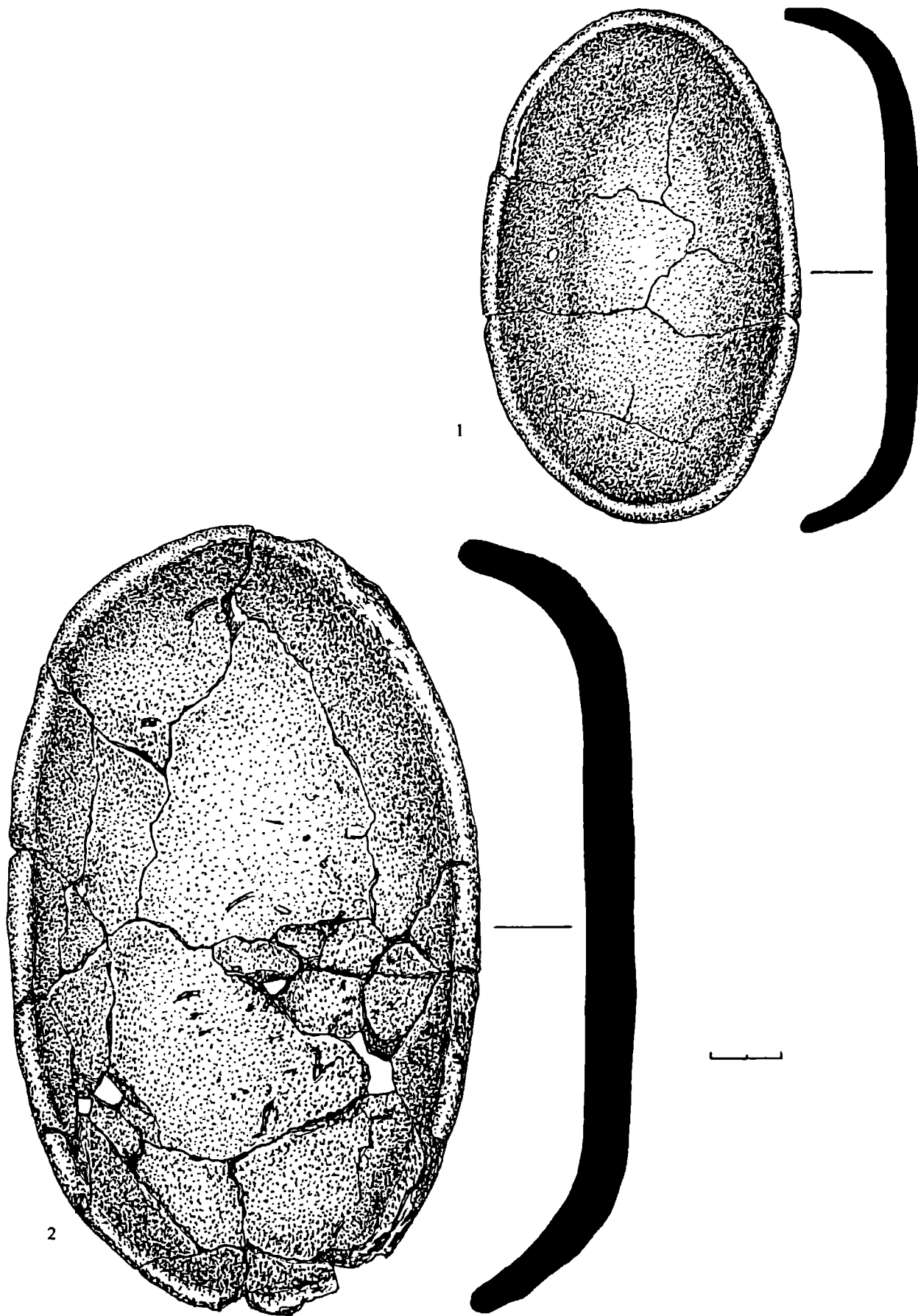

Рис.106. Поселение Прибрежное. Миски овальной формы (группа 1).

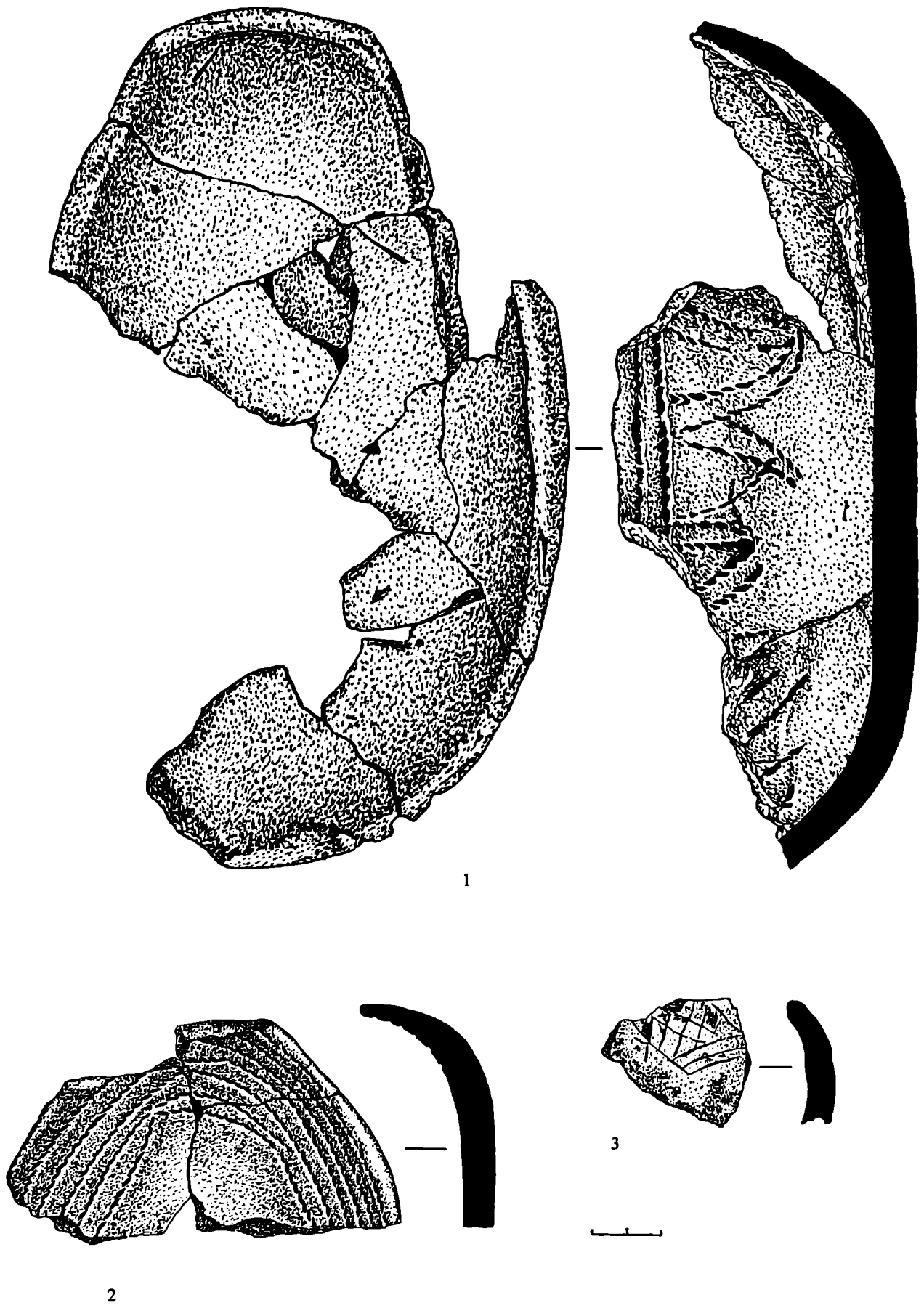

Рис.107. Поселение Прибрежное. Миски овальной формы (группа 1).

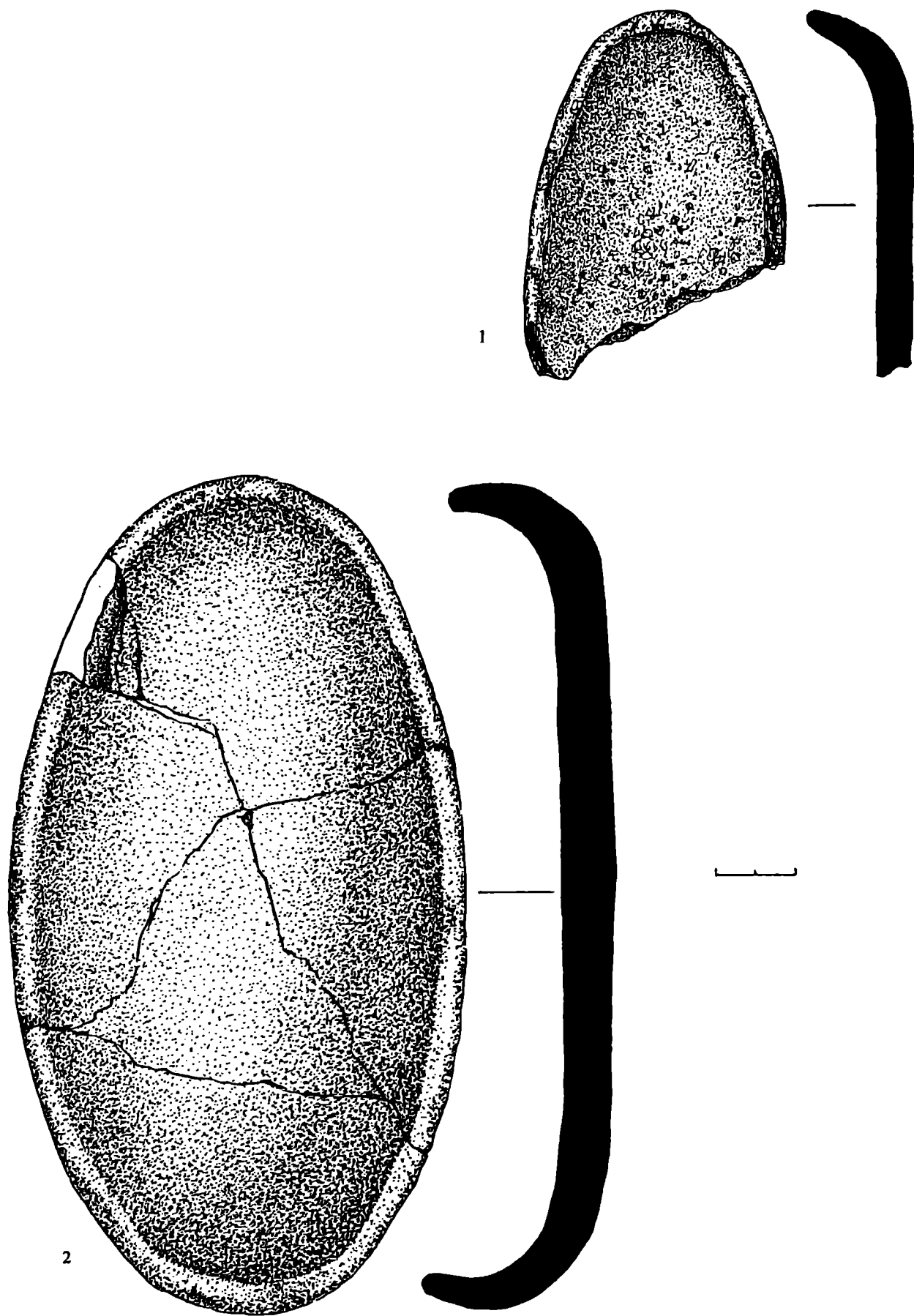

Рис.108. Поселение Прибрежное. Миски овальной формы (группа 2).

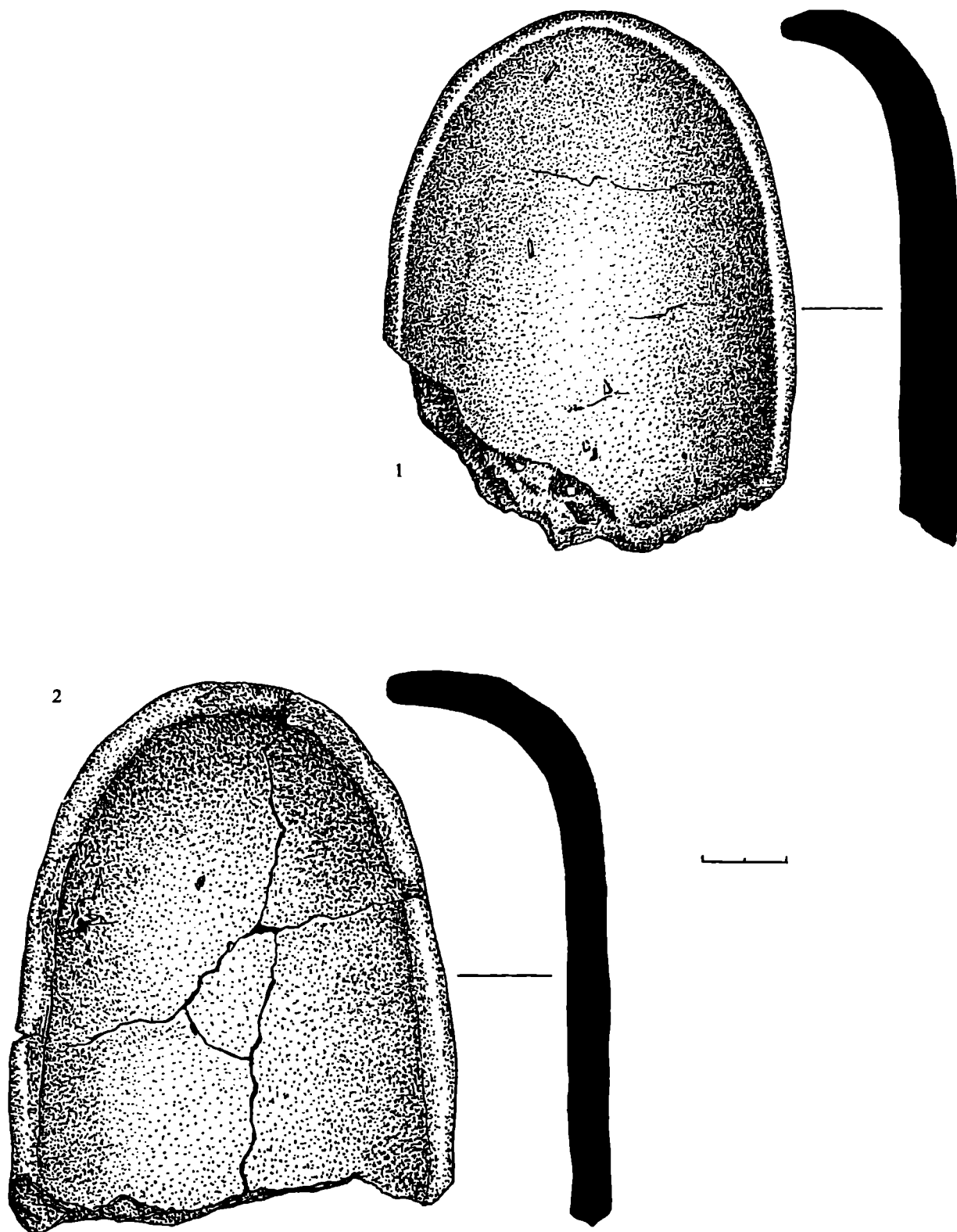

Рис.109. Поселение Прибрежное. Миски овальной (группа 3) и удлиненной формы (группа 4).

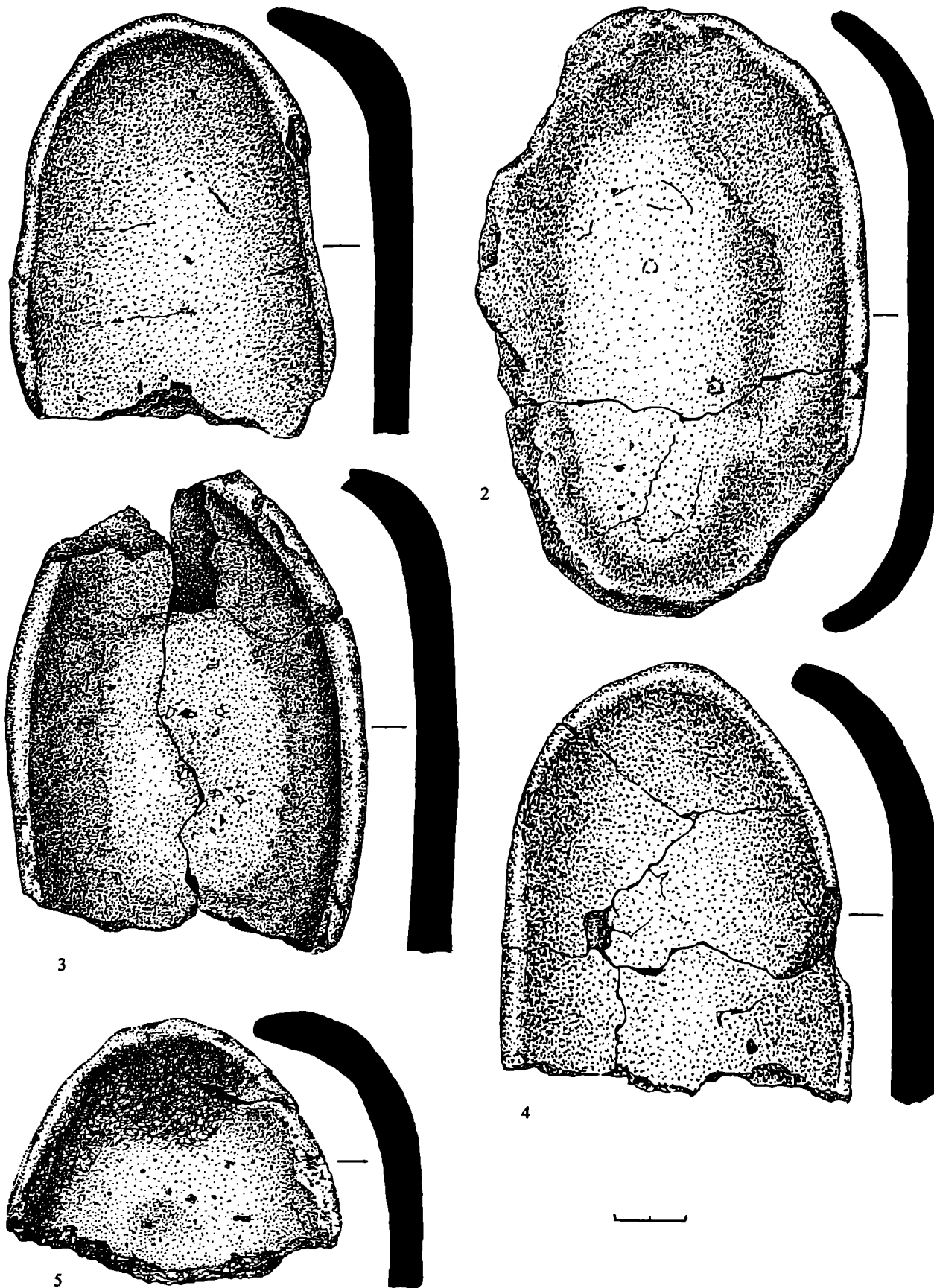

Рис.110. Поселение Прибрежное. Миски овальной формы (группа 1: 2,3 и группа 3: 1,4,5).

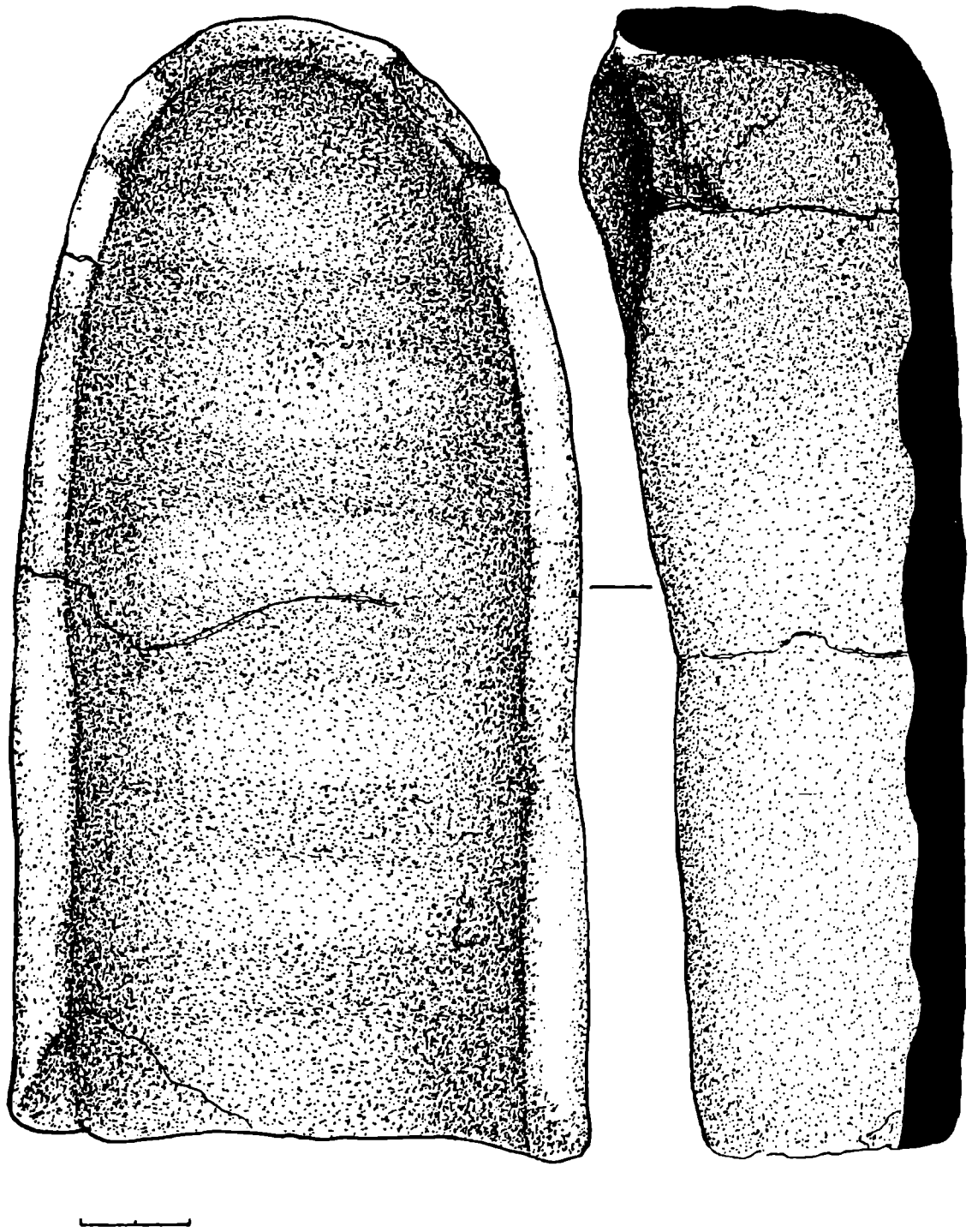

Рис.111. Поселение Прибрежное. Миска удлинённой формы (группа 4).

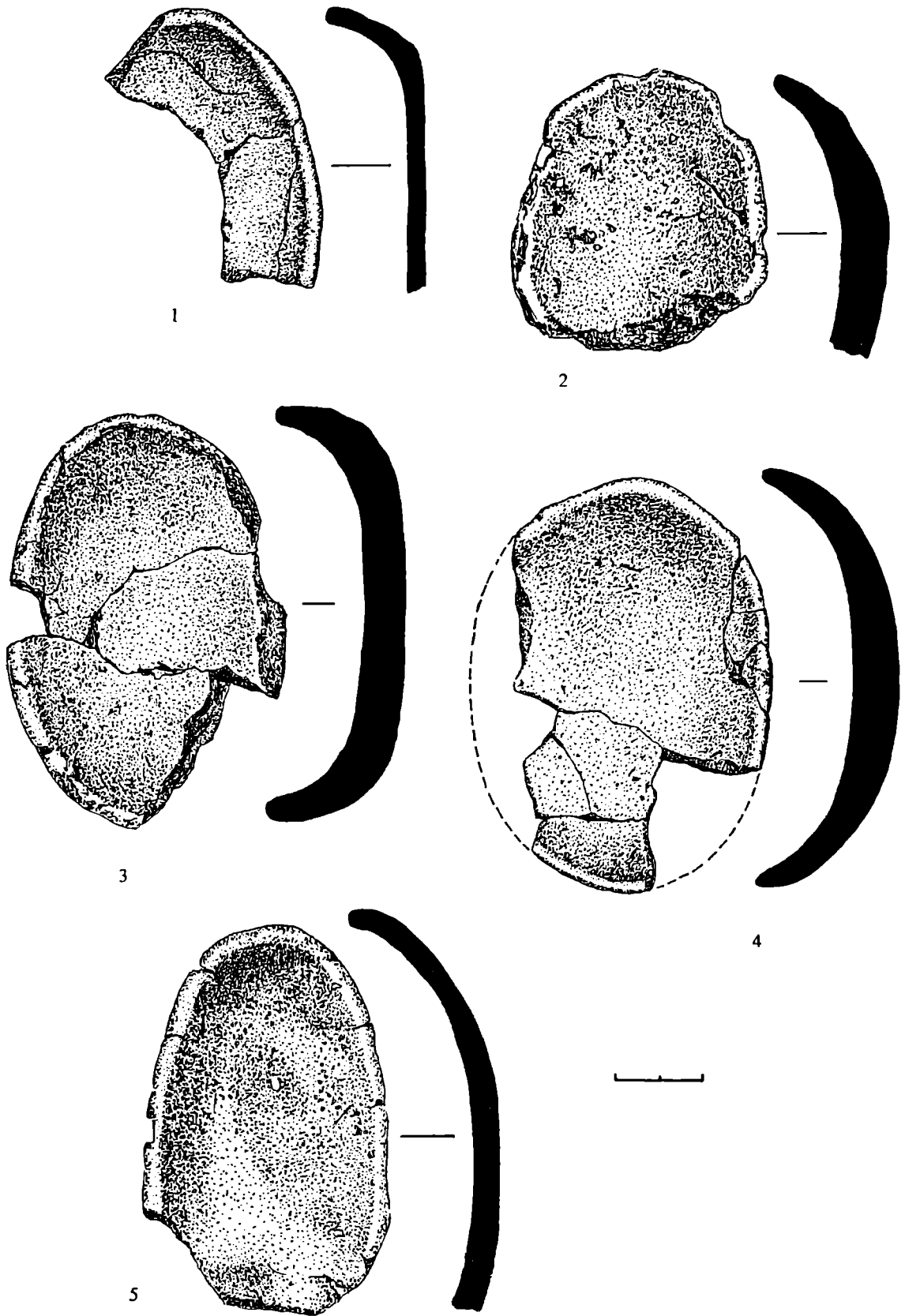

Рис.112. Поселение Прибрежное. Миски овальной формы (группа 5).

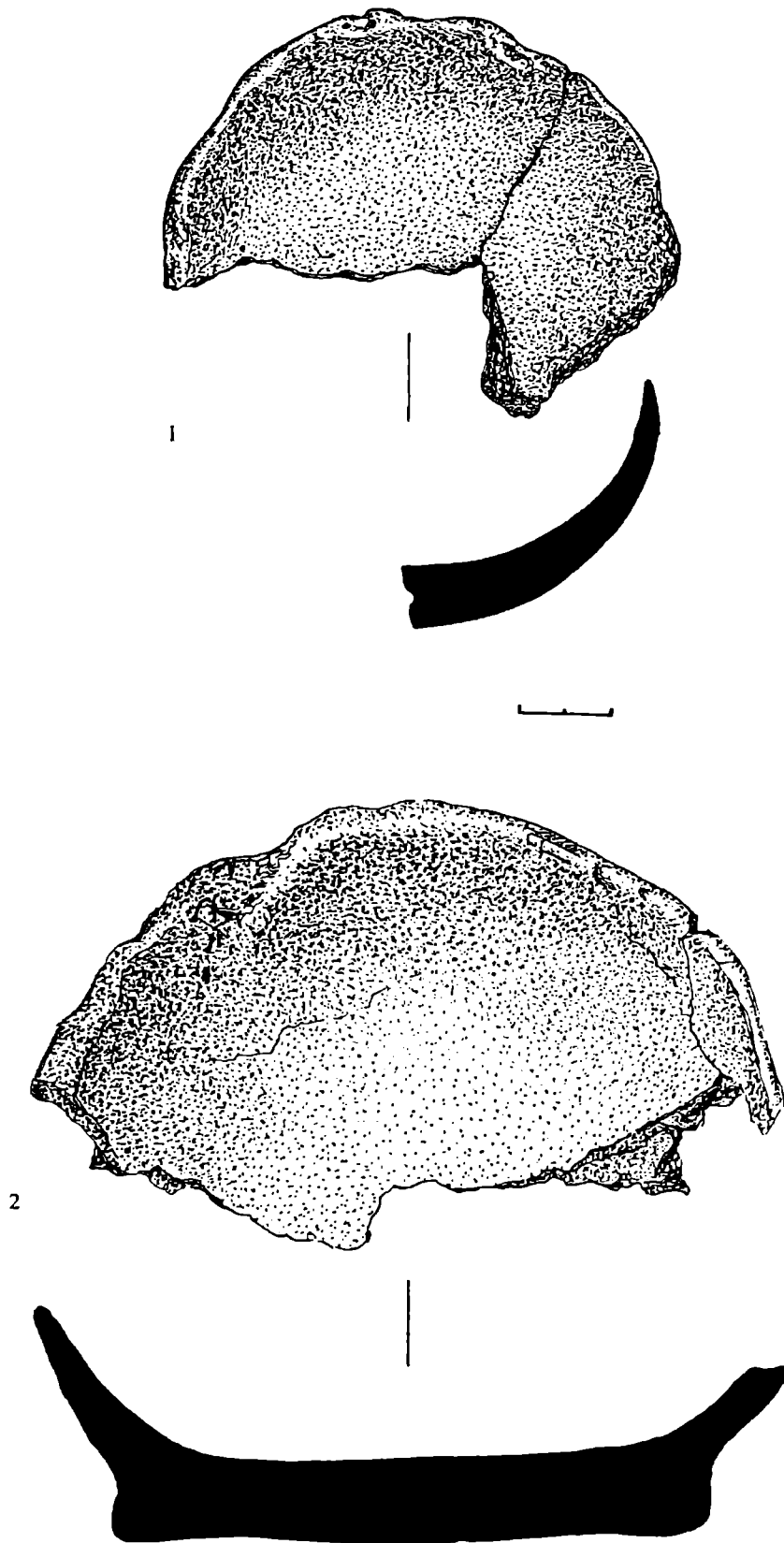

Рис.113. Поселение Прибрежное. Миски округлой формы (с короткими стенками).

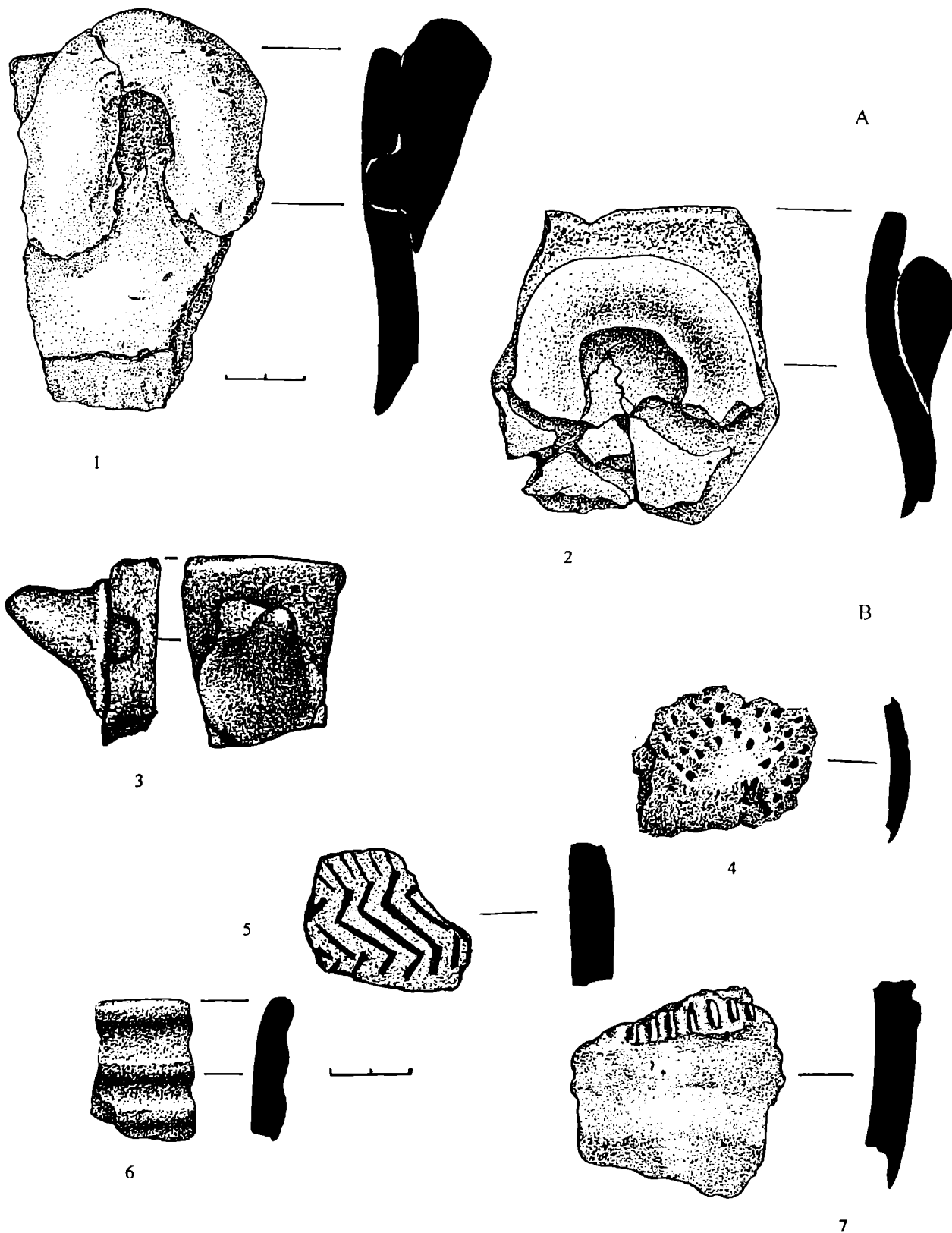

Рис.114. Поселение Прибрежное. А: способы крепления ушек к стенкам сосудов (1-3); В: нетипичные для поселения виды декора (4-7).

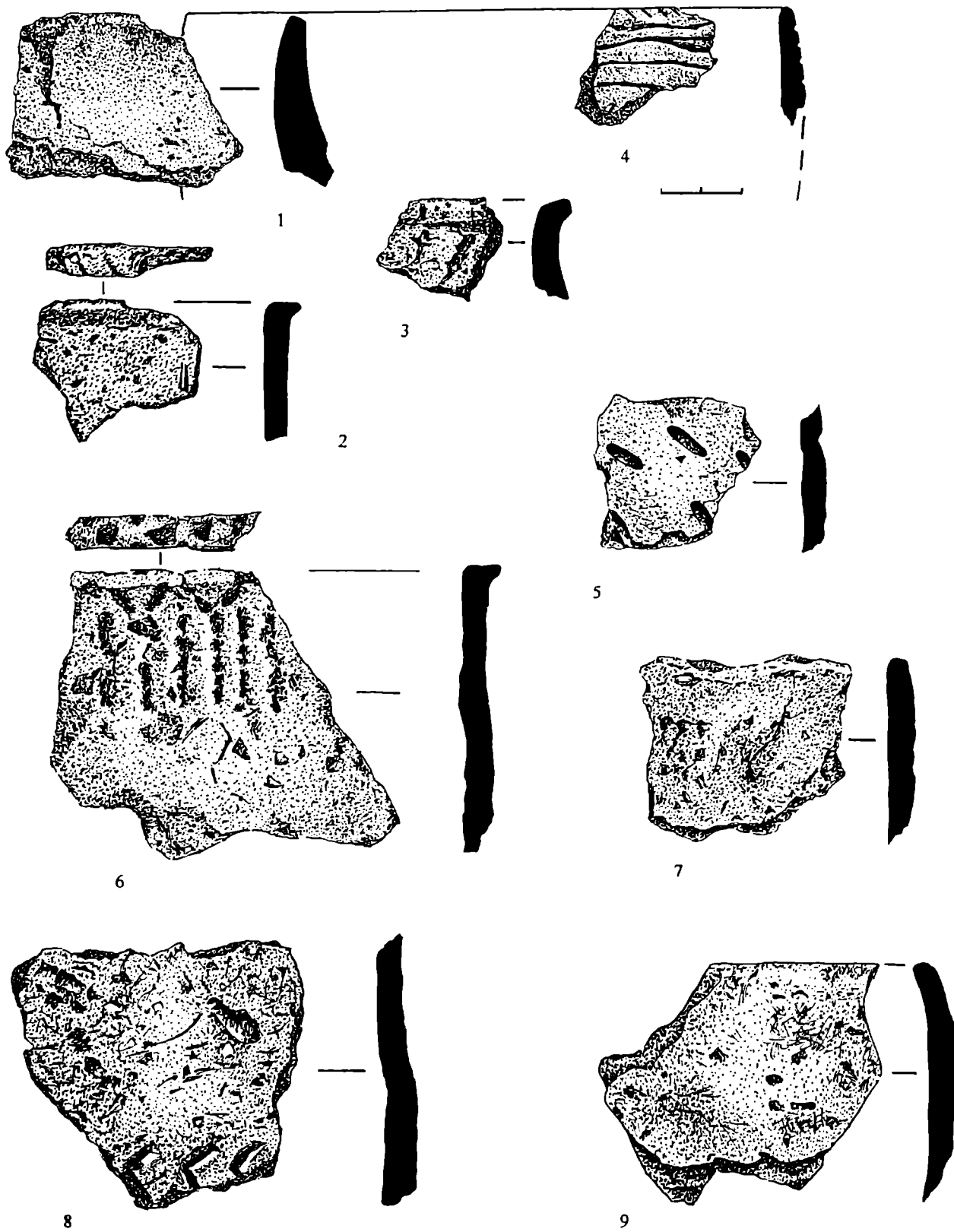

Рис.115. Поселение Прибрежное. Фрагменты пористой керамики.

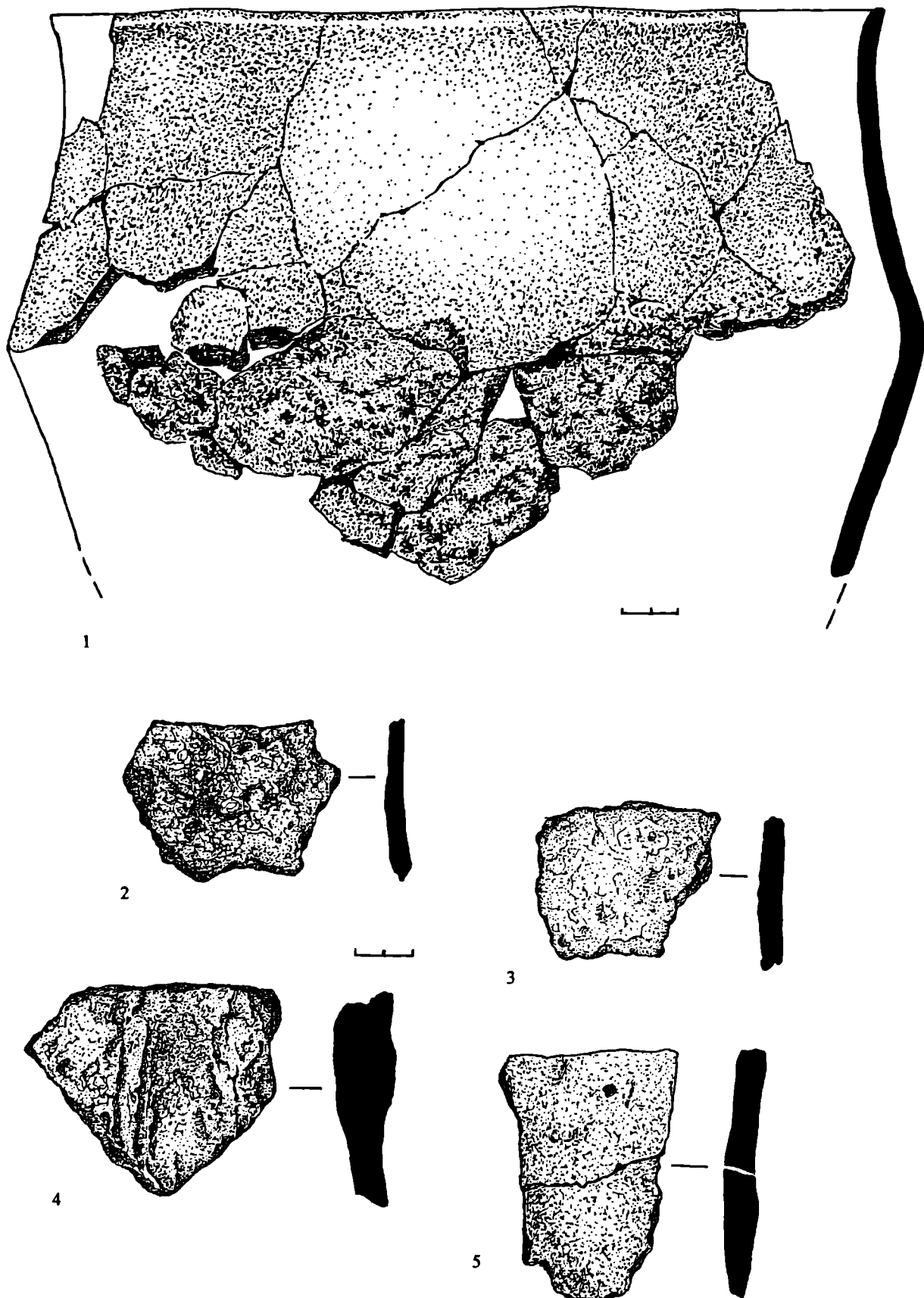

Рис.116. Поселение Прибрежное. Керамика с хрупчатой поверхностью.

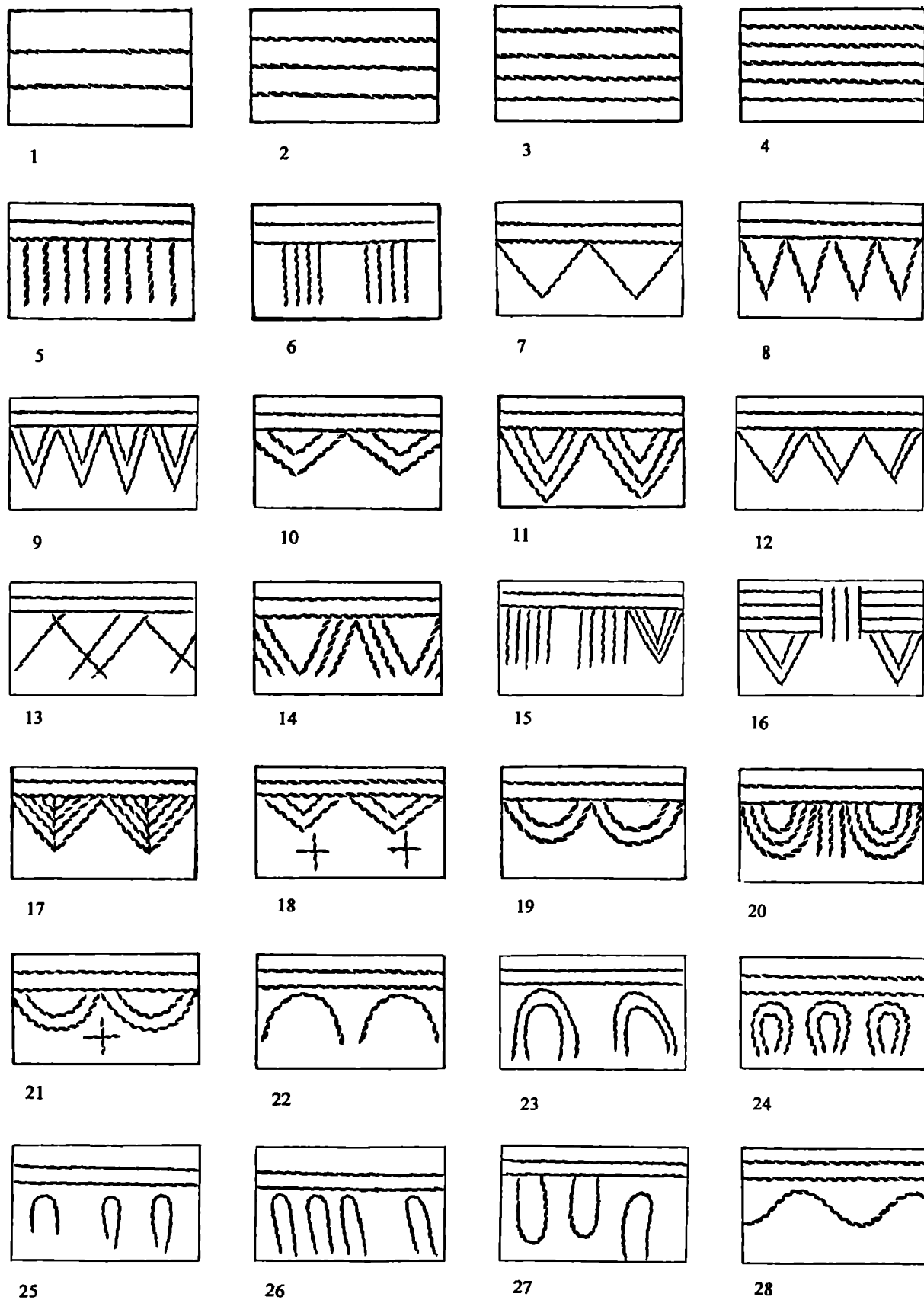

Рис.117. Поселение Прибрежное. Основные мотивы орнамента.

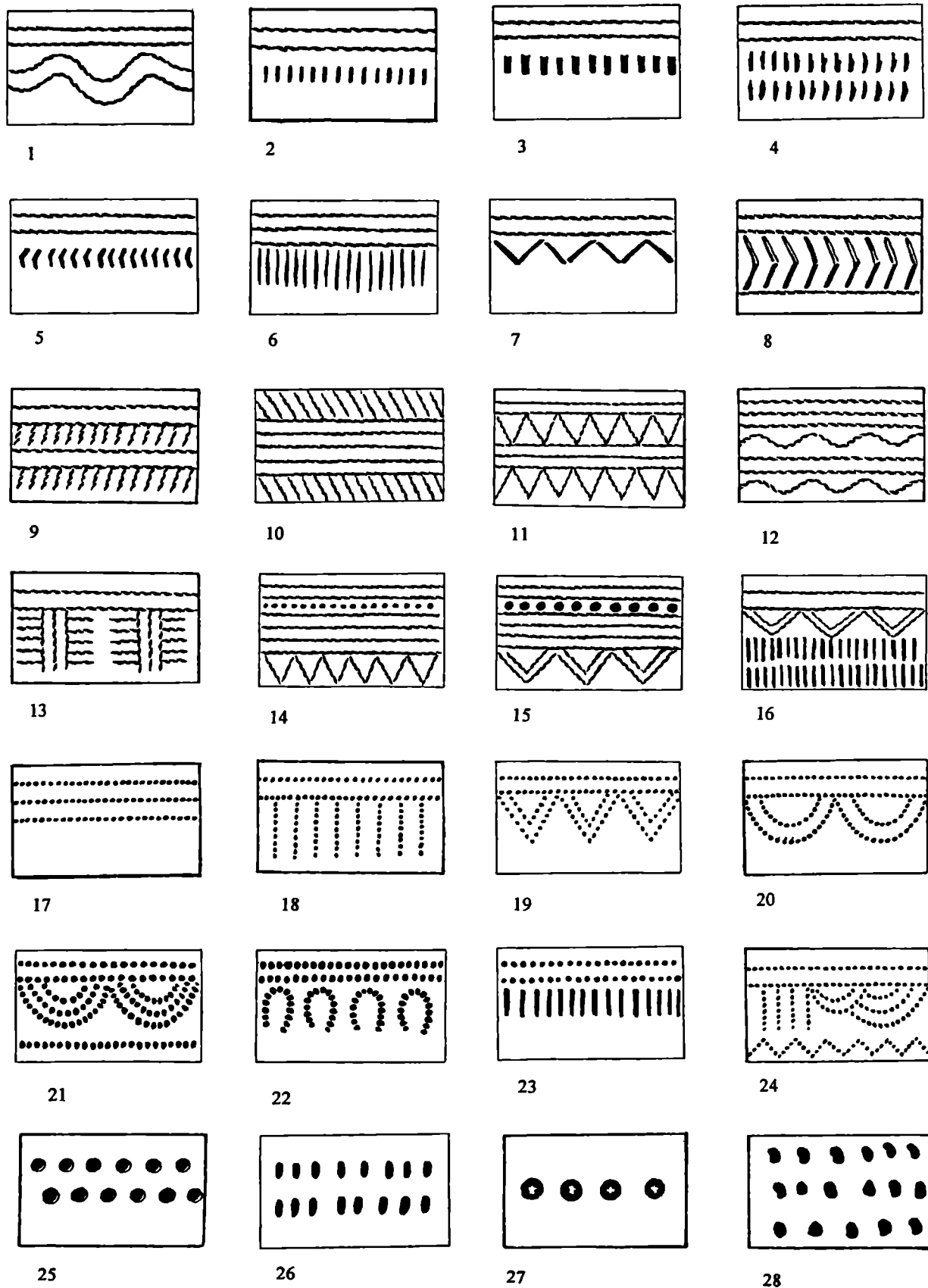
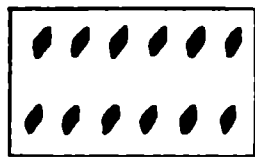
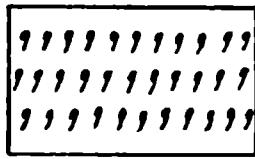

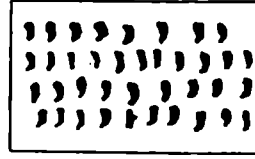
Рис.118. Поселение Прибрежное. Основные мотивы орнамента.

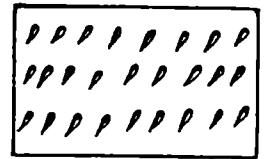
1

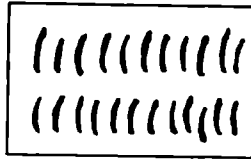
2

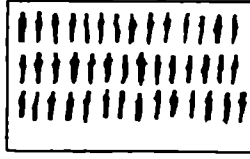
3

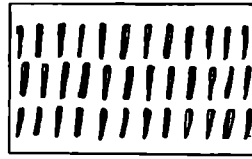
4

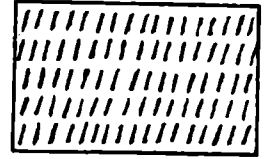
5

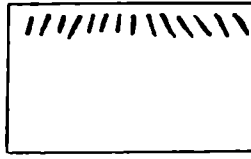
6

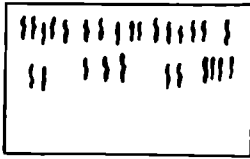
7

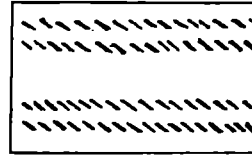
8

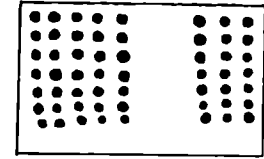
9

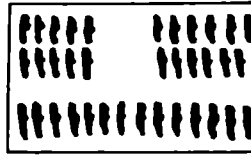
10

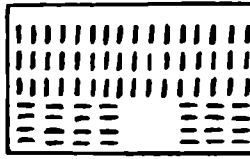
11

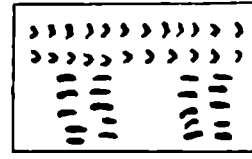
12

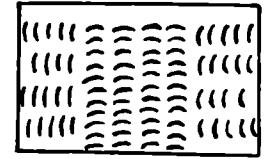
13

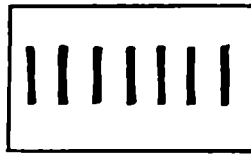
14

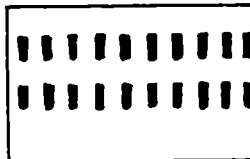
15

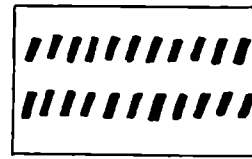
16

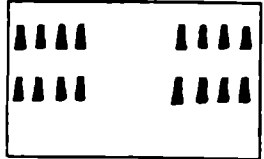
17

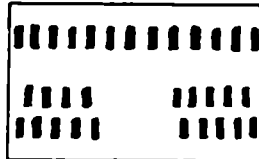
18

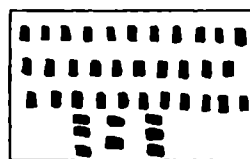
19

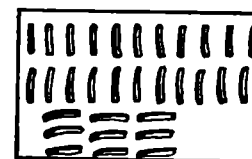
20

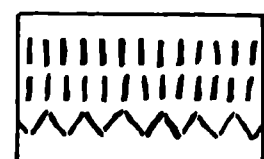
21

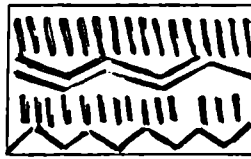
22

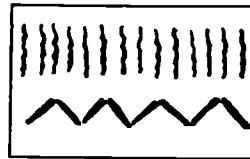
23

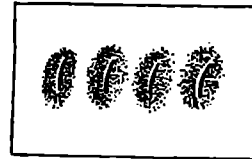
24

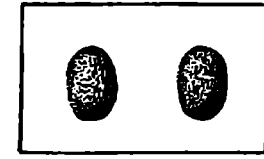
25

26

27

28

Рис.119. Поселение Прибрежное. Основные мотивы орнамента.

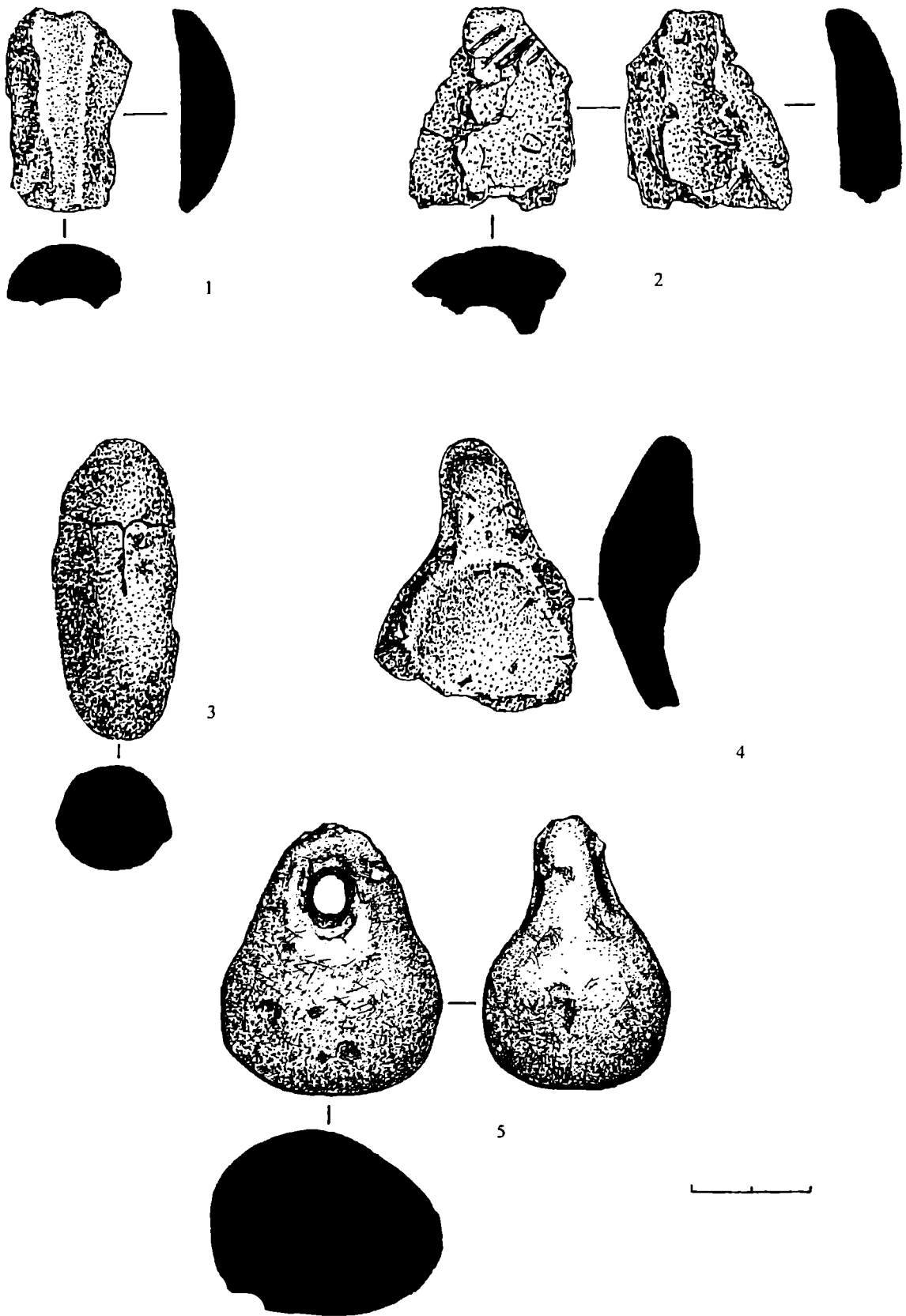

Рис. 120. Поселение Прибрежное. Изделия из глины.

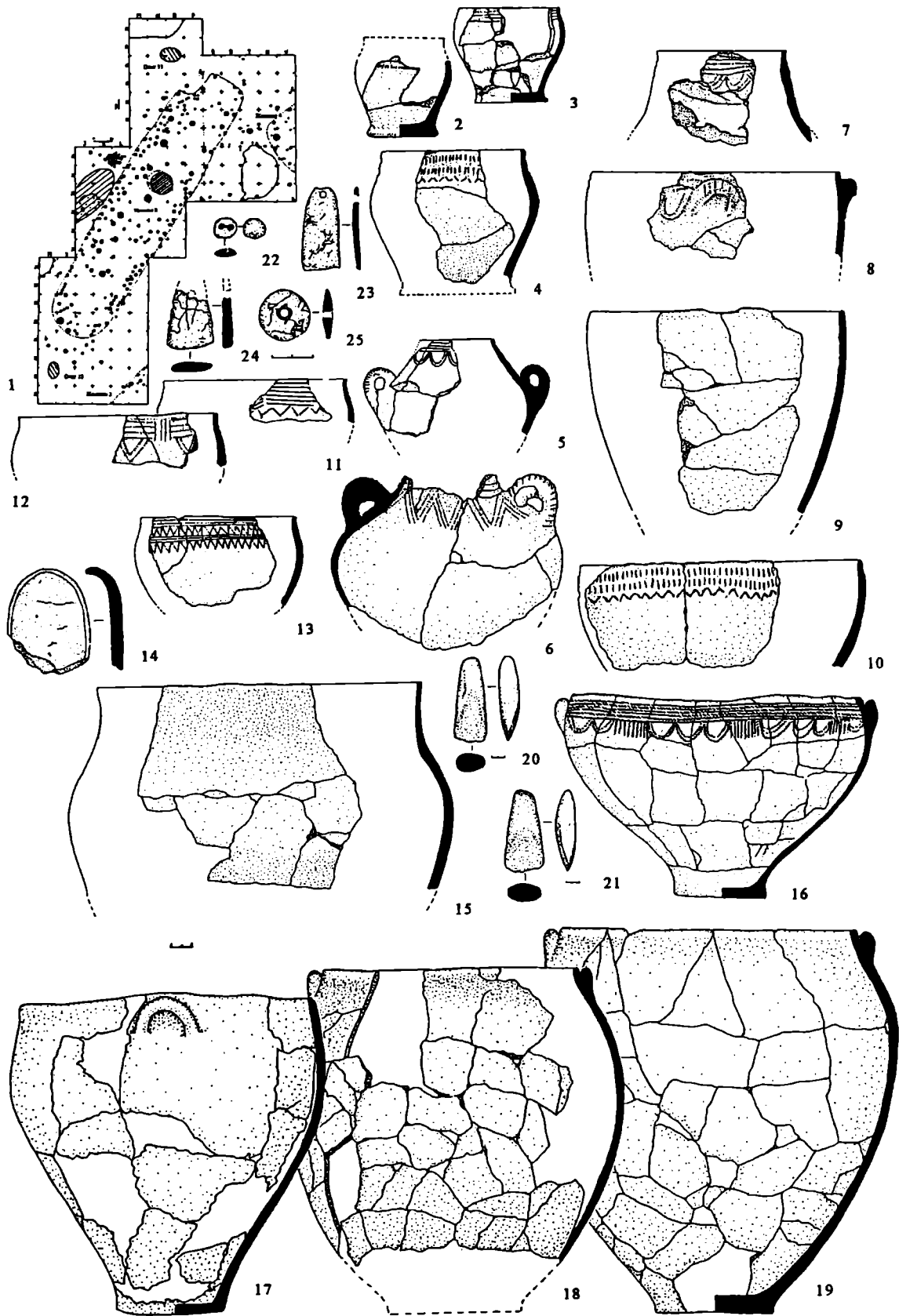

Рис.121. Поселение Прибрежное. Первый этап (3300-3000 BC): керамика (5-7 – амфоры групп 1 и 3; 2-4 – кубки группы 1; 13 – глубокая миска группы 2; 14 – миска овальной формы; 11,12 – горшки средних размеров группы 1; 8,9 – горшки кубковидной формы; 10,15-19 – широкогорлые горшки групп 1,5,4,8), изделия из янтаря (22 – подвеска продолговатой формы; 24 – подвеска трапециевидной формы; 25 – линзовидный диск; 22 – пуговица с V-образным отверстием), каменные топорики (20,21), жилище № 2 столбовой конструкции (1).

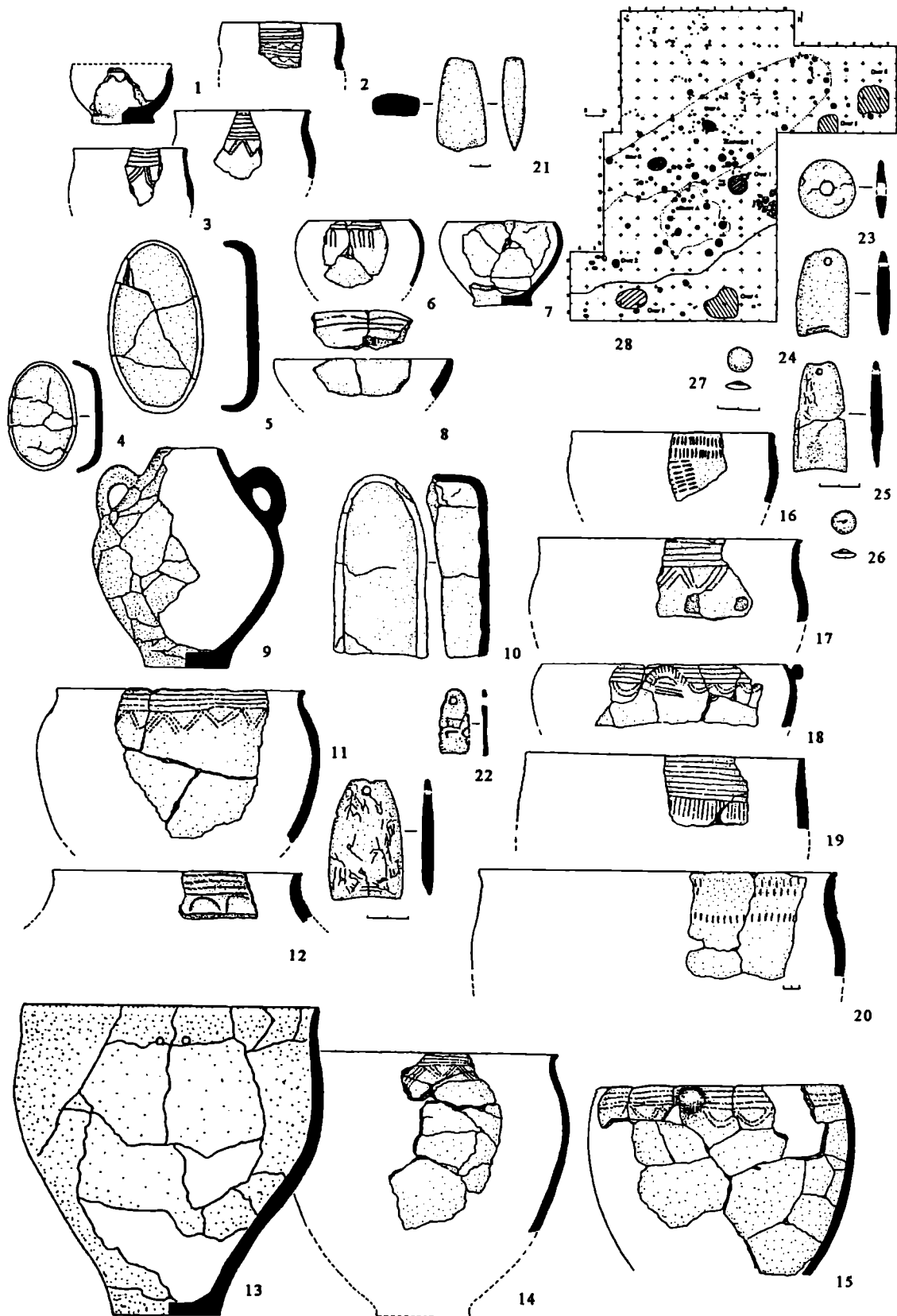

Рис.122. Поселение Прибрежное. Второй этап (3000-2800/2700): керамика (9,11,12 – амфоры групп 2 и 6; 1-3 – кубки группы 3; 6,7 – глубокие миски групп 3 и 4; 8 – миска воронковидной формы; 4,5,10 – миски овальной и удлинённой формы; 16 – горшок средних размеров; 13-20 – широкогорлые горшки групп 1,3,8,9), изделия из янтаря (22,24,25 – подвески продолговатой формы; 23 – линзовидный диск; 27,26 – пуговицы с V-образным отверстием), каменный топорик (21), жилище № 1 столбовой конструкции (28).

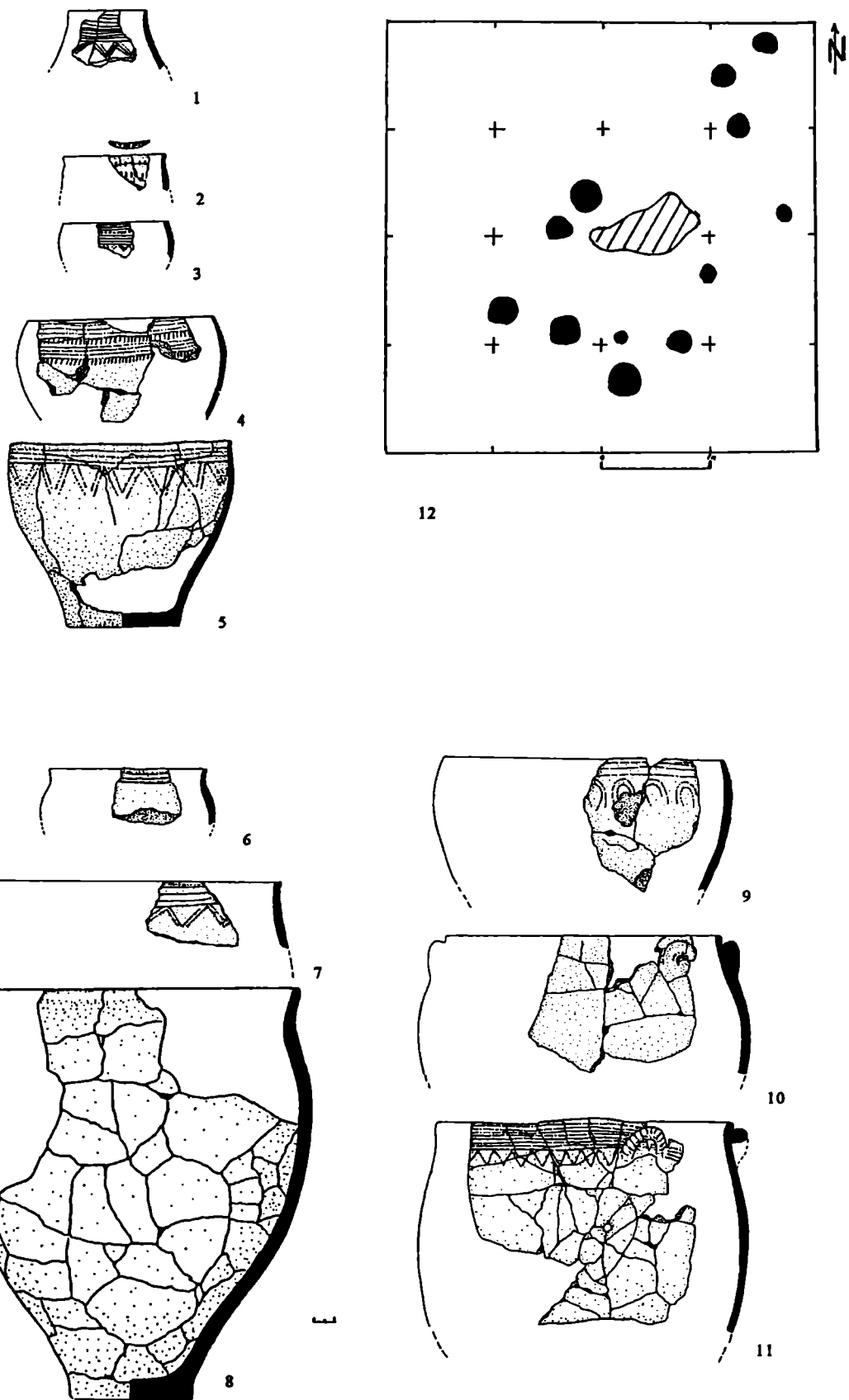

Рис.123. Поселение Прибрежное. Третий этап: керамика (1 – амфора группы 1; 2,3 – кубки групп 1 и 2; 4,5 – глубокие миски групп 1 и 3; 6 – горшок средних размеров; 7-11 – широкогорлые горшки групп 3, 5, 9), постройка (объект Е) столбовой конструкции (12).

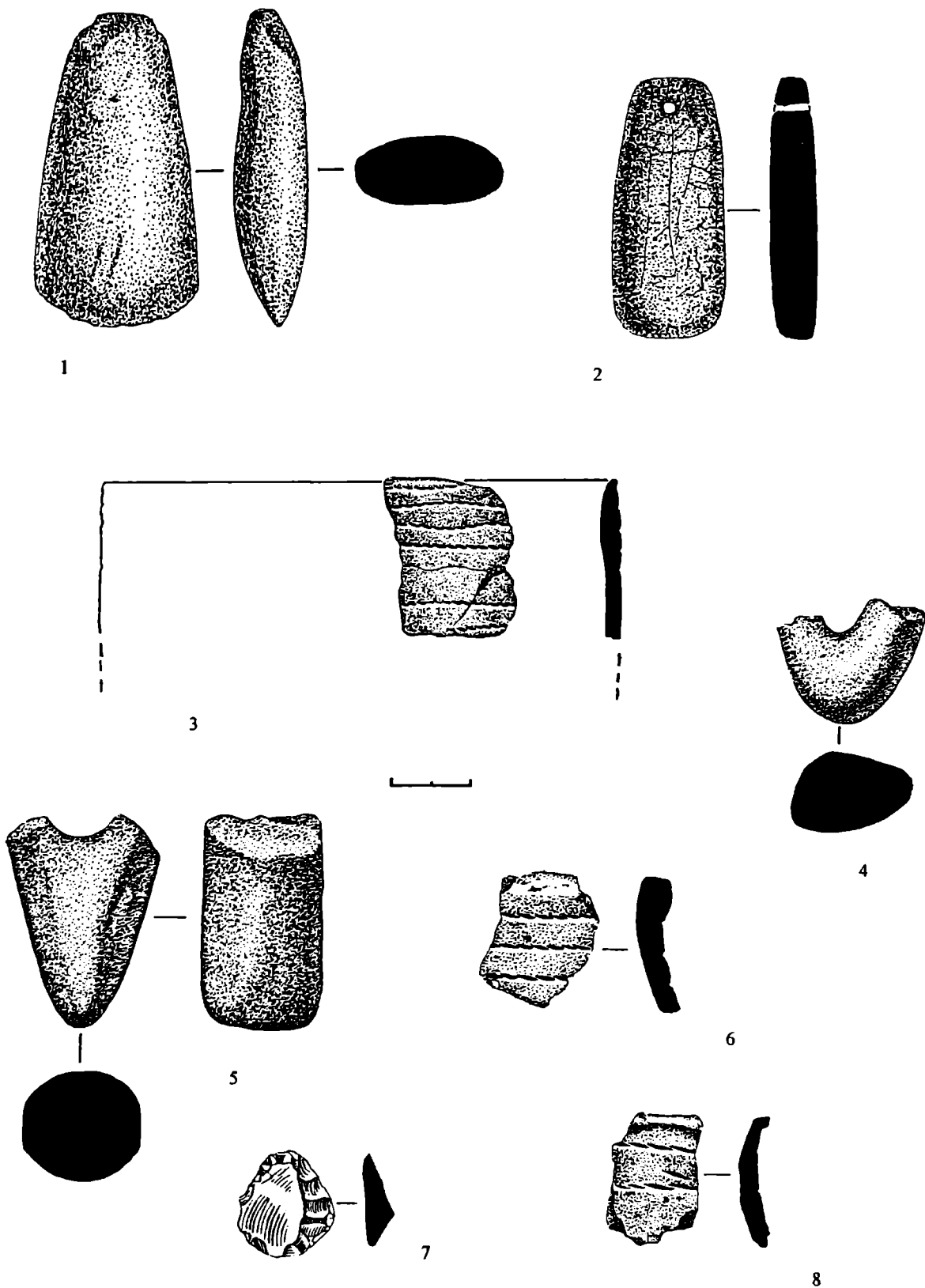

Рис. 124. Поселение (?) Ульяновка (1 – камень; 2 – янтарь). Поселение Шоссейное (3 – керамика), поселение Большое Исаково (Лаут) (6,8 – керамика; 4,5 – камень; 7 – кремьень).

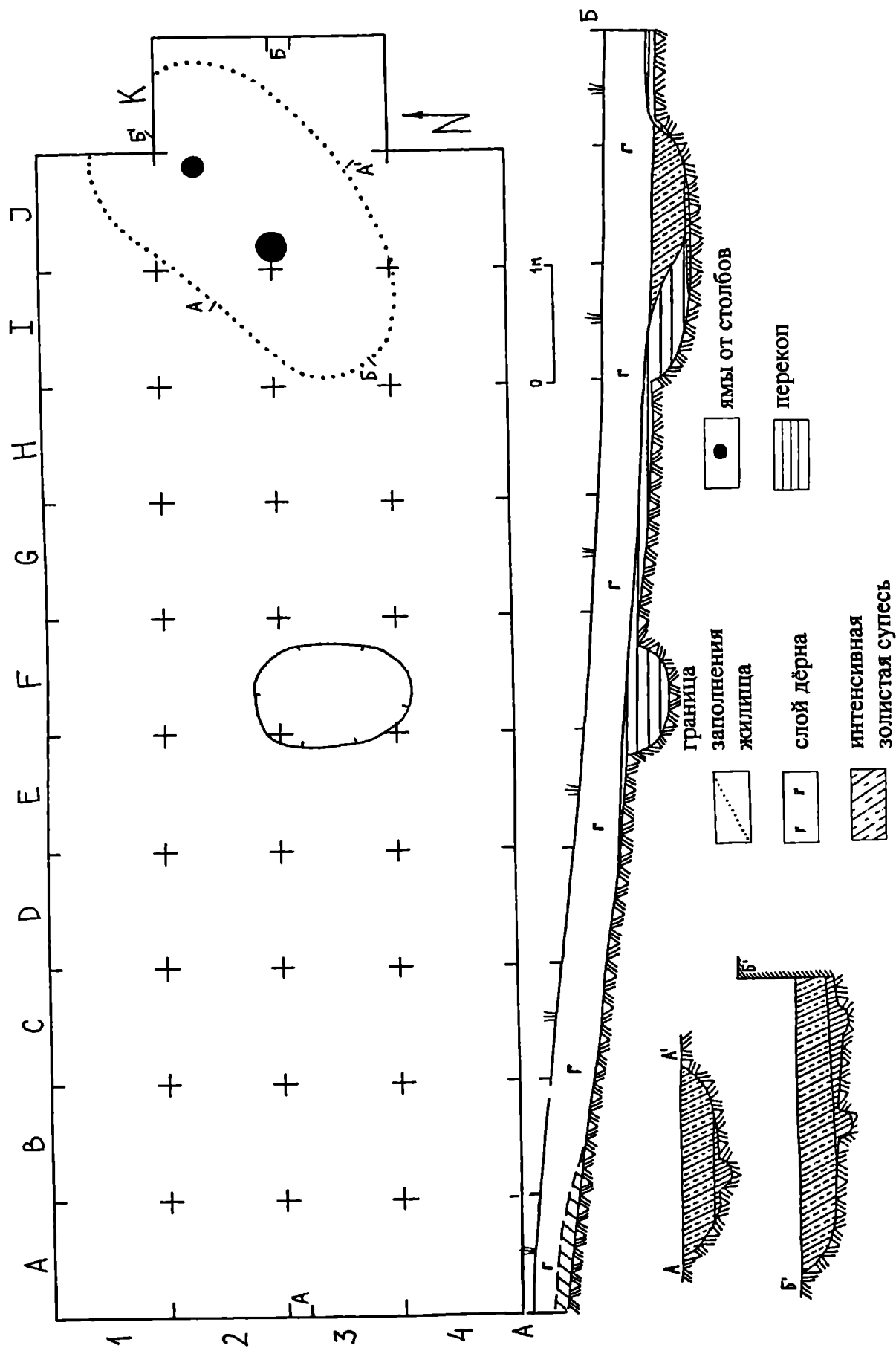

Рис. 125. Поселение Покровское (Зоргенау). План жилища (Кулаков В.И., 1975).

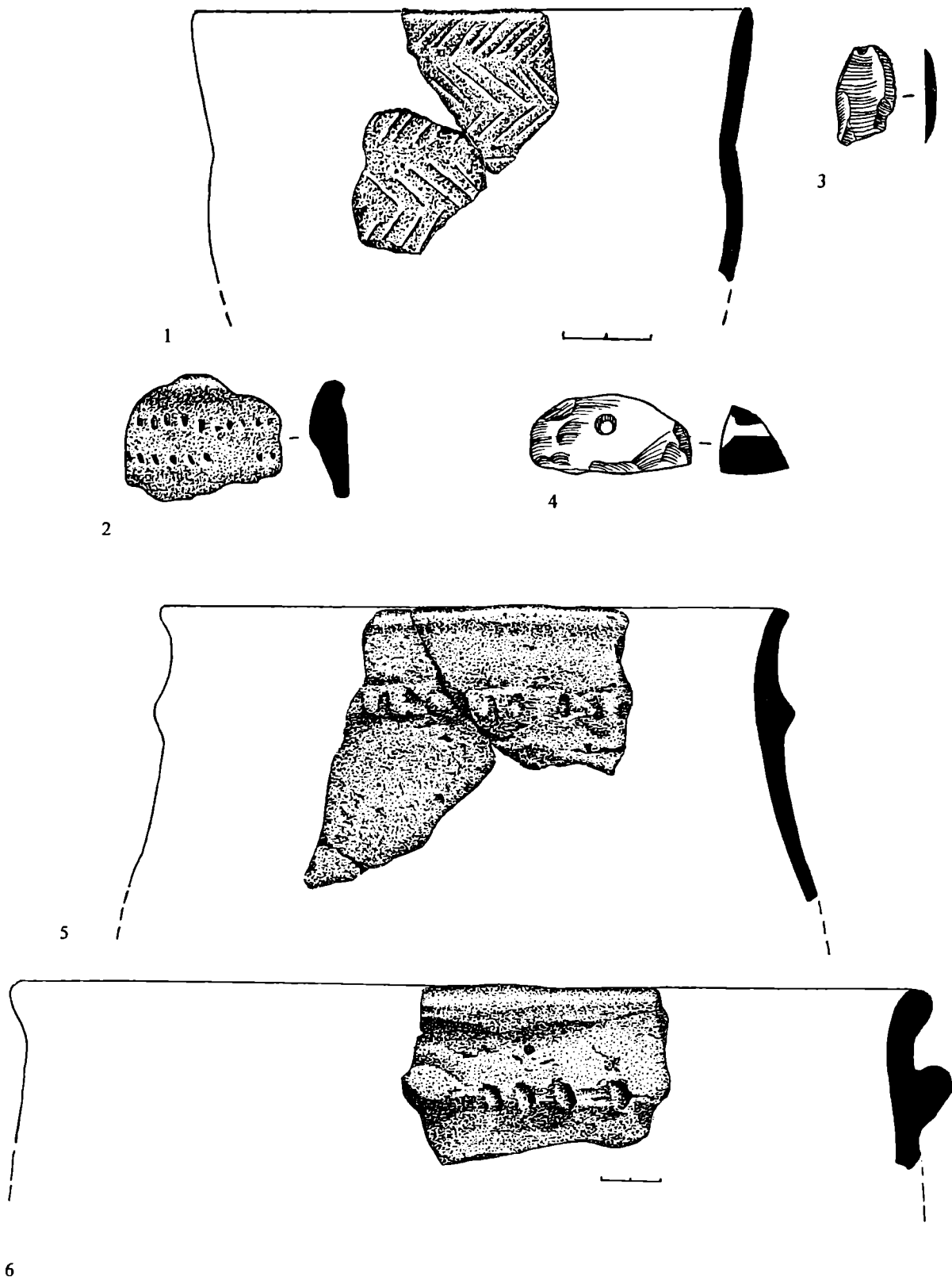

Рис. 126. Поселение Покровское (Зоргенау). Керамика: 1,2,5,6; кремль: 3; камень: 4 (Кулаков В.И., 1975).

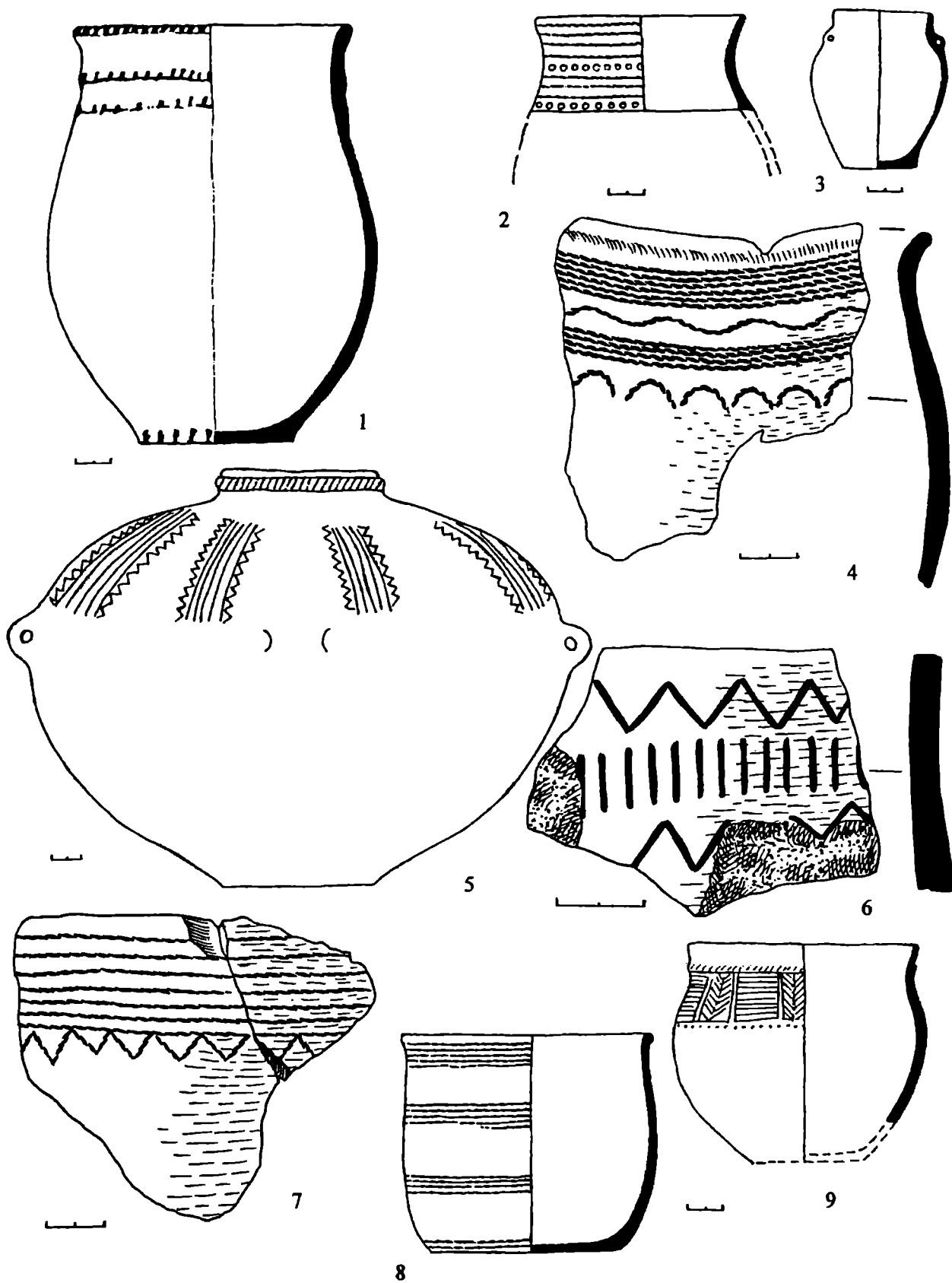

Рис.127. Цедмар Д: 1,3; Цедмар А: 2,4; Стелау (Неманский р-он): 5; Циммербуде (Светлый): 6; Кенигсберг: 7; Морское (Пилькоппен): 8,9 (Kilian L.,1955; Engel C, 1935).

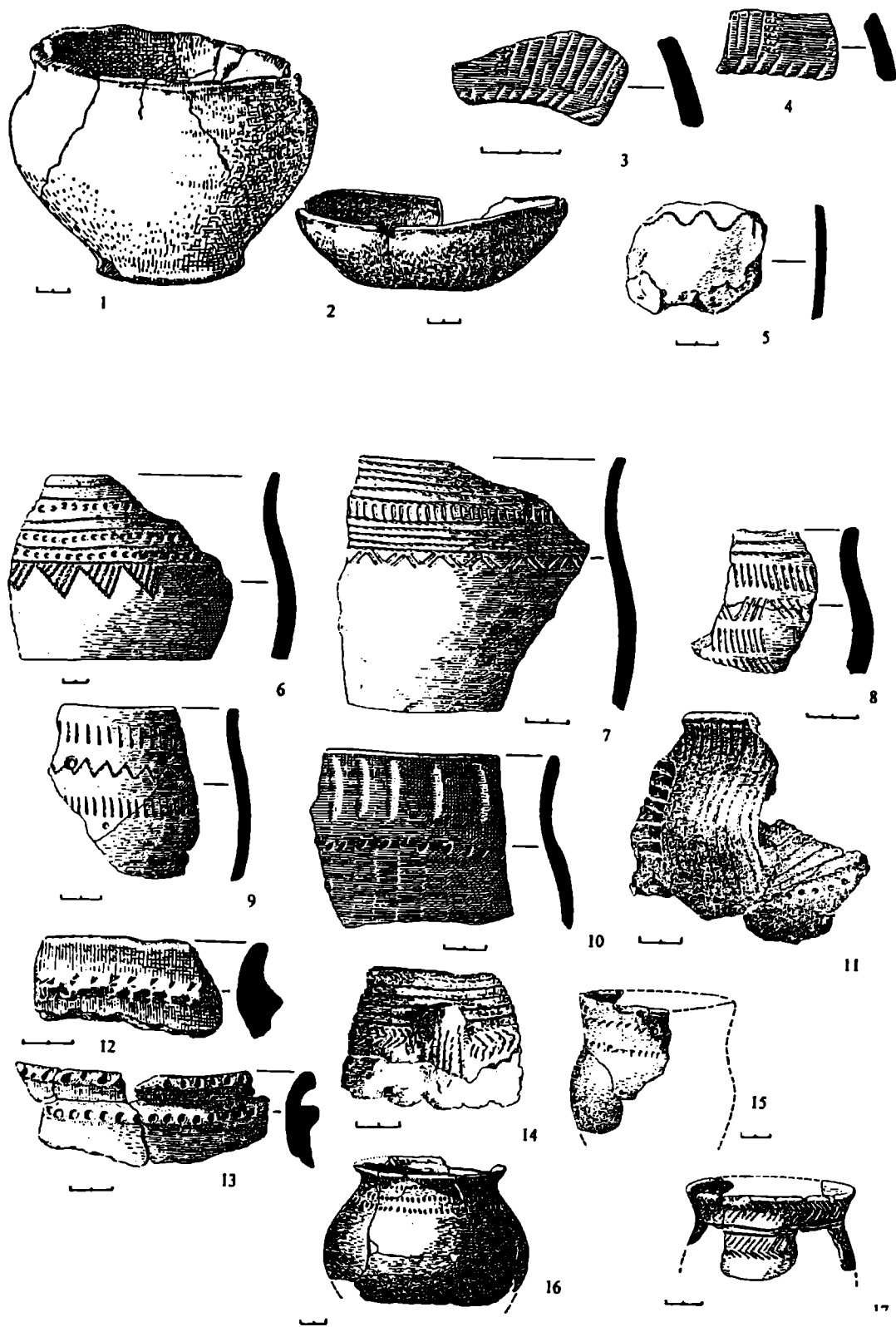

Рис.128. Керамика с поселений КШК на Куршской косе. Гробшто-Рагас: 1,2; Рыбачий (Росситтен): 3,4; Морское (Пилькоппен): 5; Куршская коса (точное местонахождение неизвестно): 6-17 (Gaerte W., 1927).

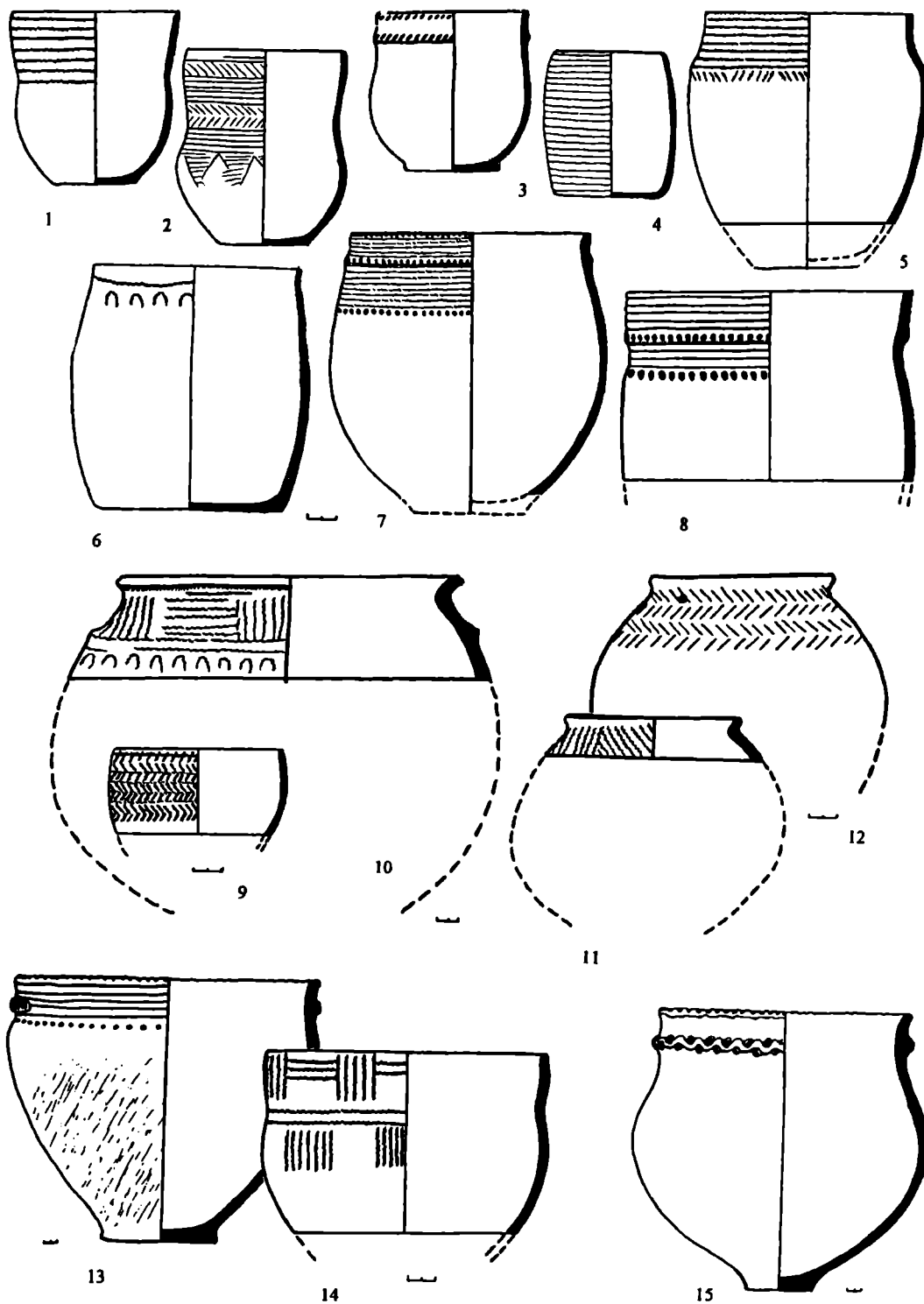

Рис.129. Керамика с поселений КШК на Куршской косе (точное местонахождение неизвестно) (Kilian L., 1955).

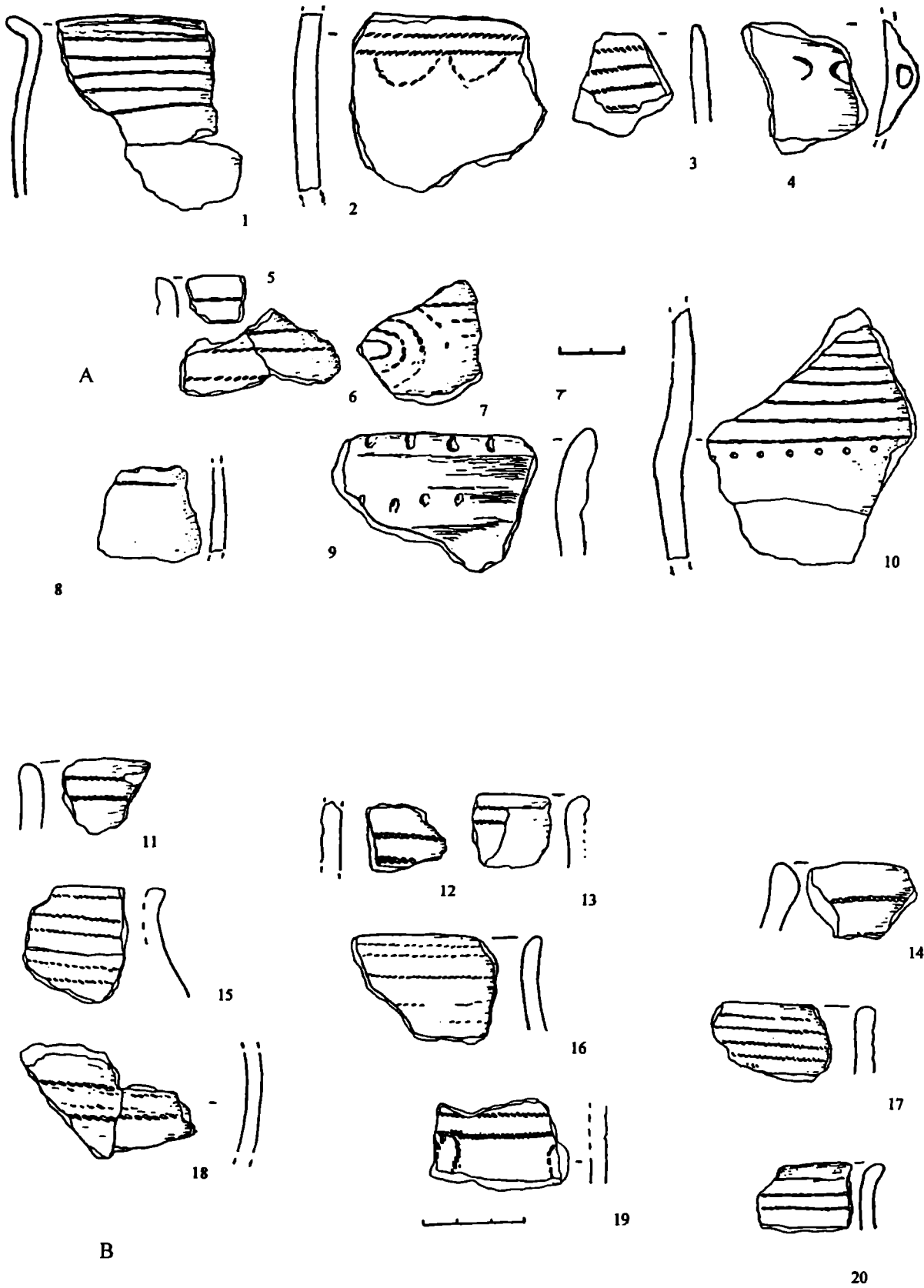

Рис.130. Шнуровая керамика с поселений Цедмар А: 1-10 и Утиное Болото: 11-20 (Тимофеев В.И., 2003).

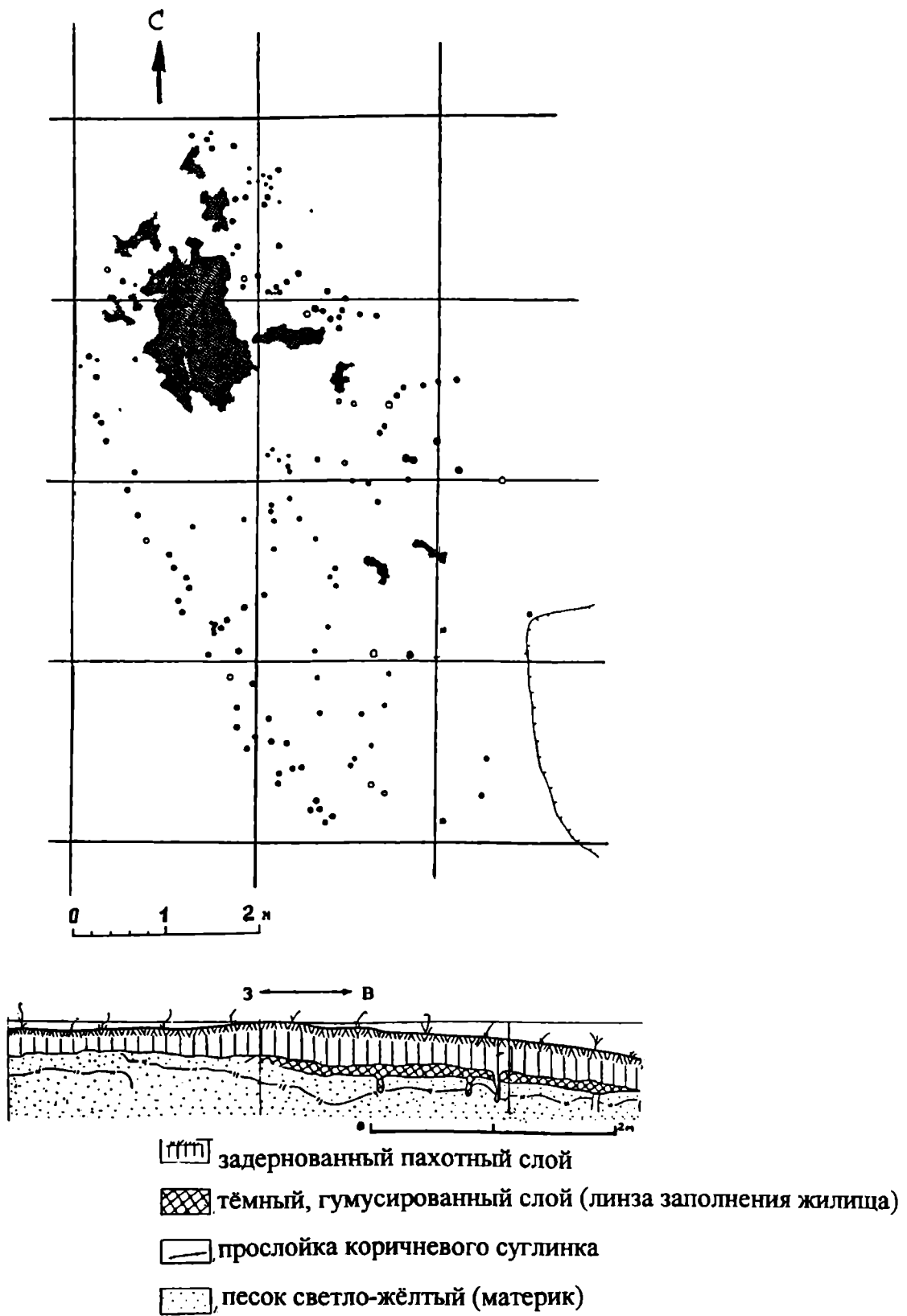

Рис.131. Тушино. План жилища (Тимофеев В.И., 2003).

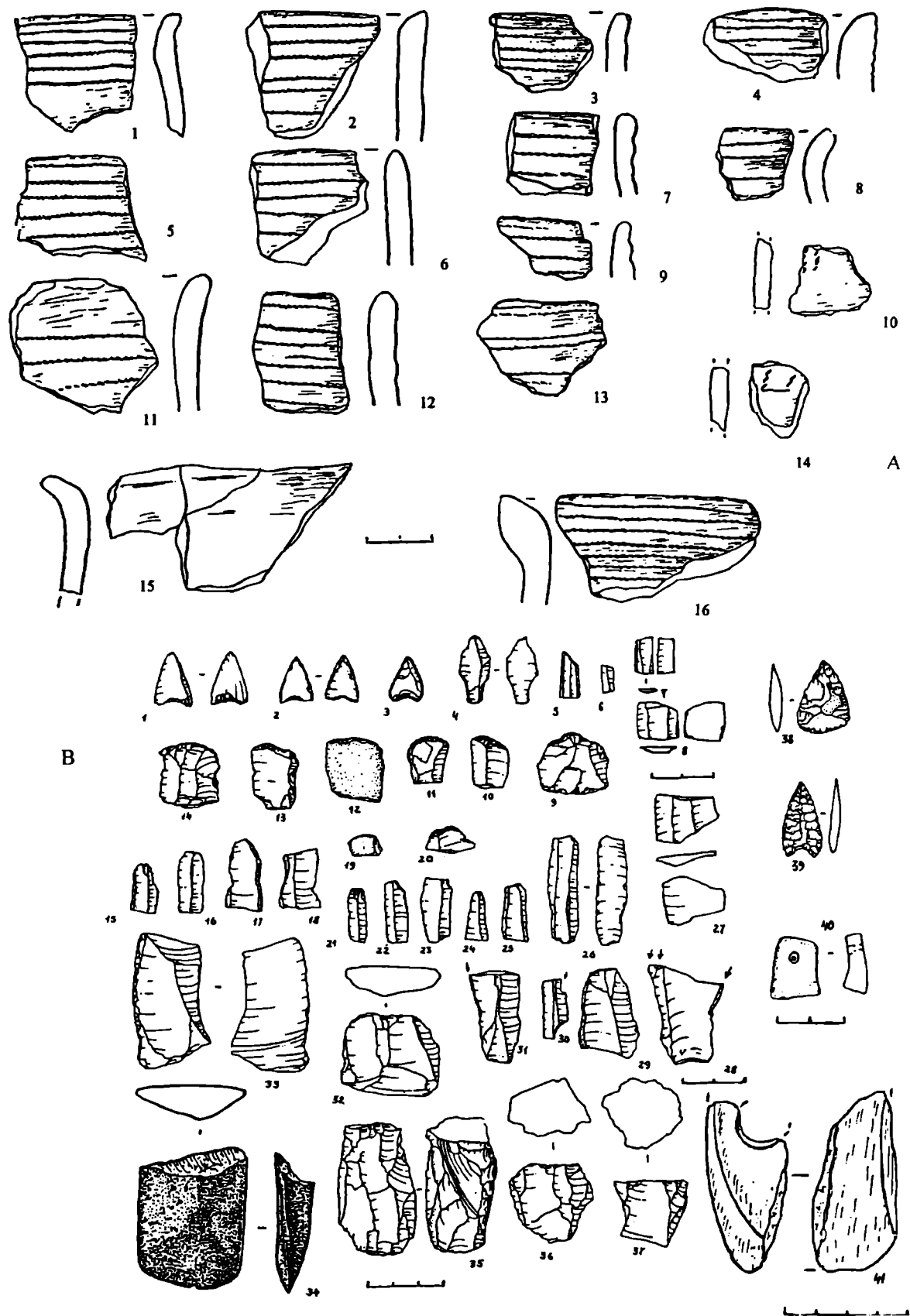

Рис.132. Тушино: (А) – 1-16 (керамика); (В) – 1-33, 35-37 (кремнь), 34 (каменный топорик). Цедмар А: 38,39 (кремнь); 40 (янтарь); 41 (камень) (Тимофеев В.И., 2003).

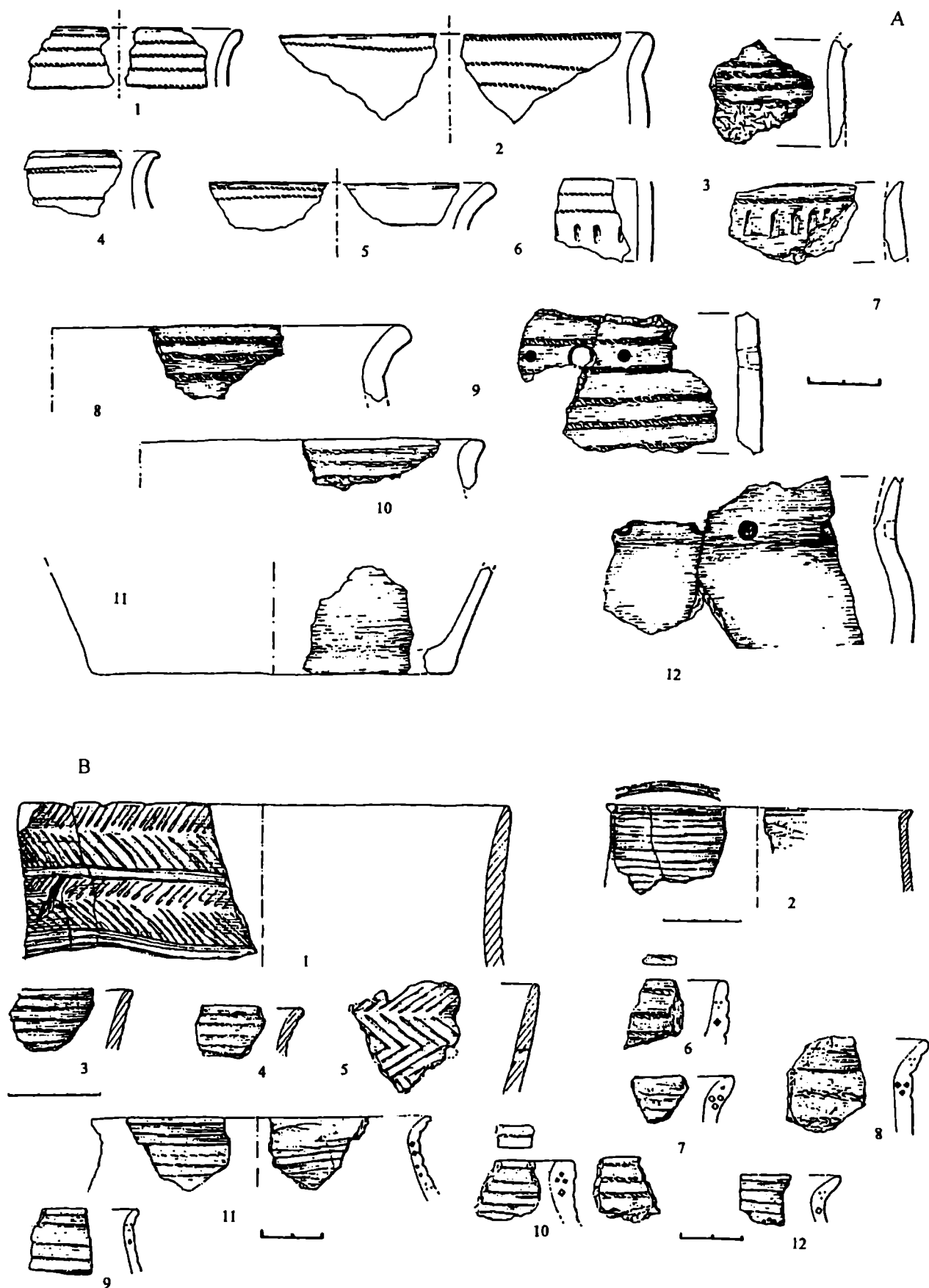

Рис.133. Фрагменты сосудов КШК с поселений Дудка: 1-12 (А); Сошня: 1-5; Вожна Весь: 6-12 (В) (Gumiński W., 1997; Sulgostowska S., 1997).

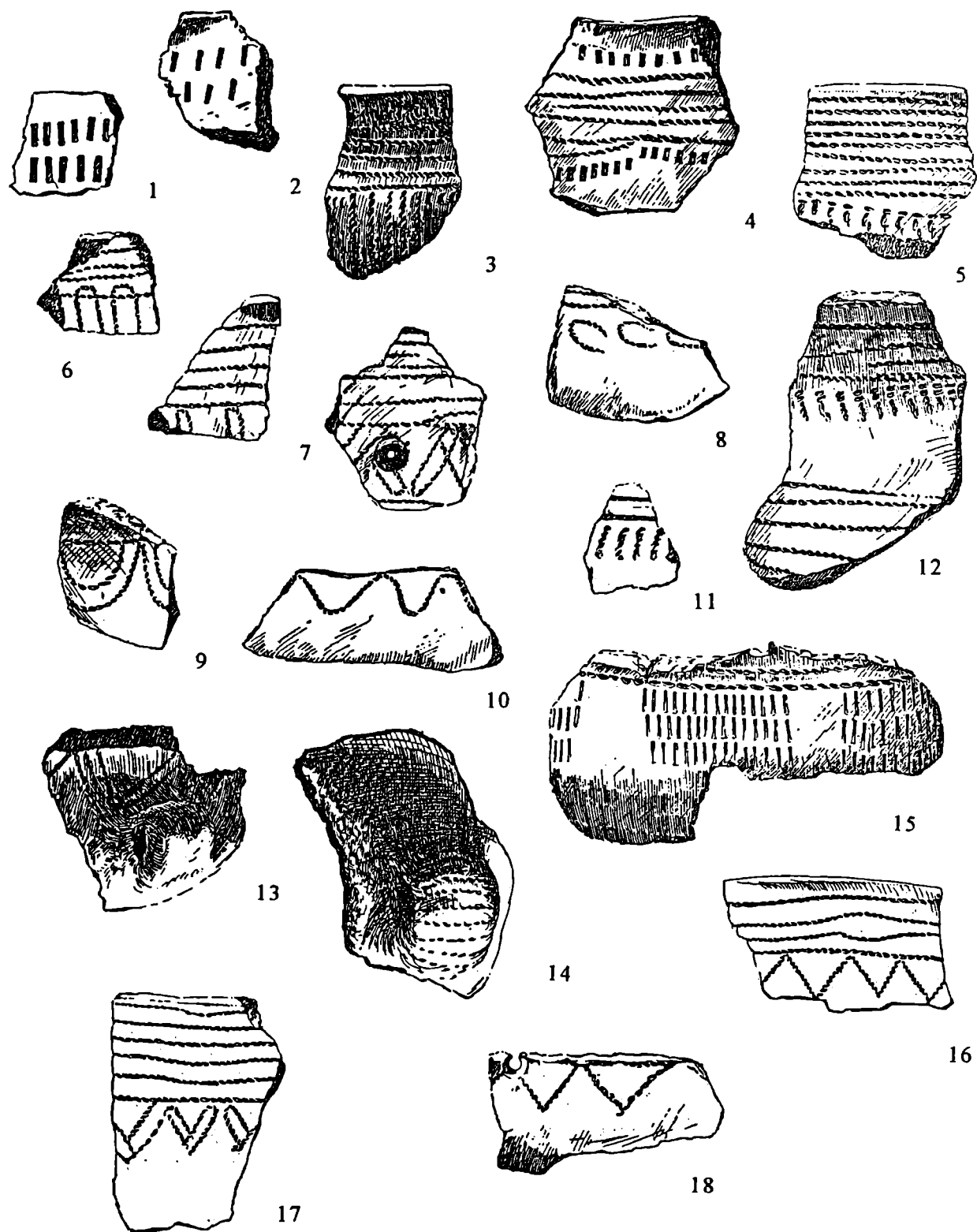

Рис.134. Поселение Свенты-Камень. Фрагменты керамики (1-18) (Ehrlich В., 1923).

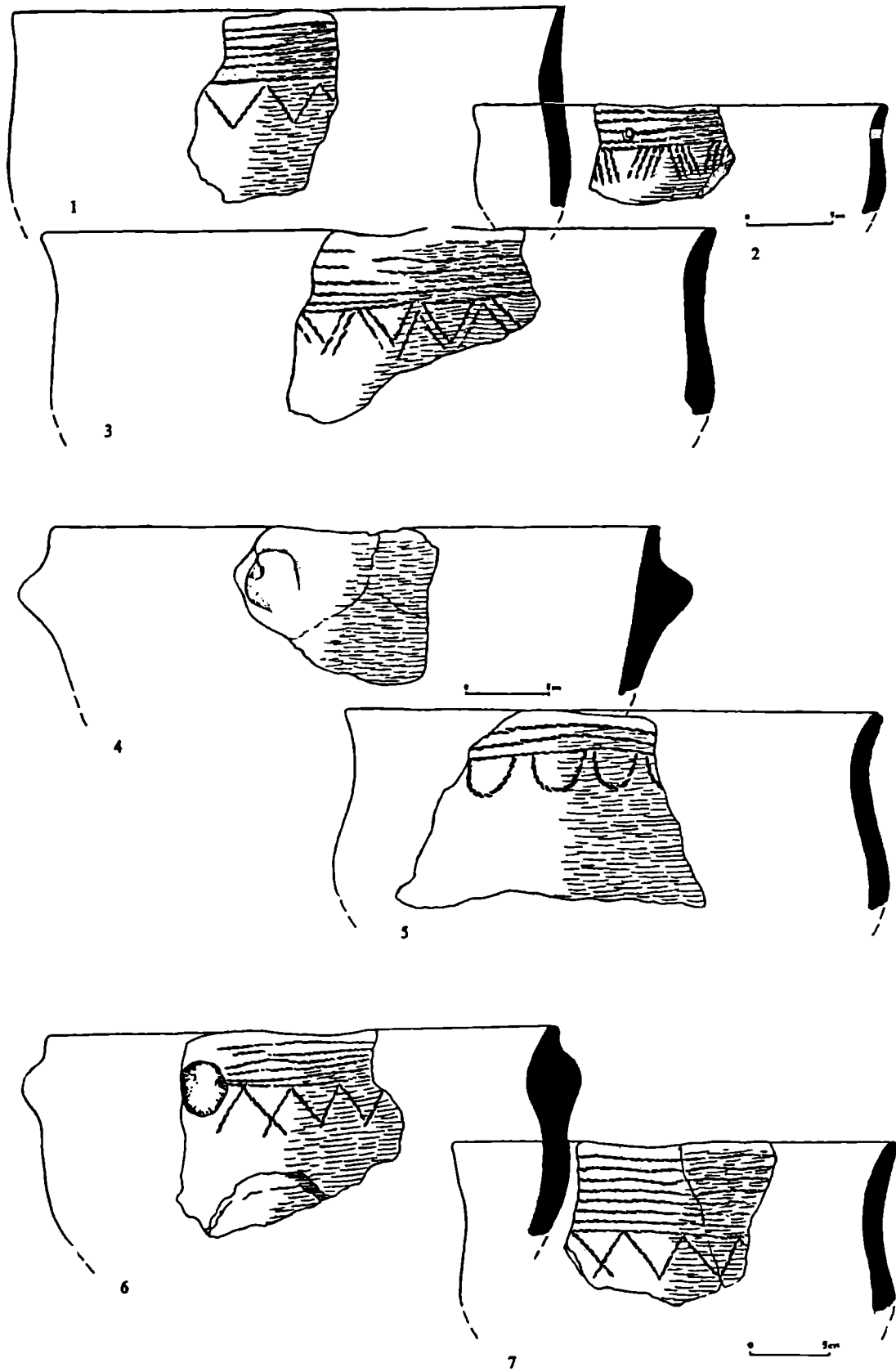

Рис.135. Фрагменты сосудов КШК с поселения Пененжно (Łowiński J., 1987).

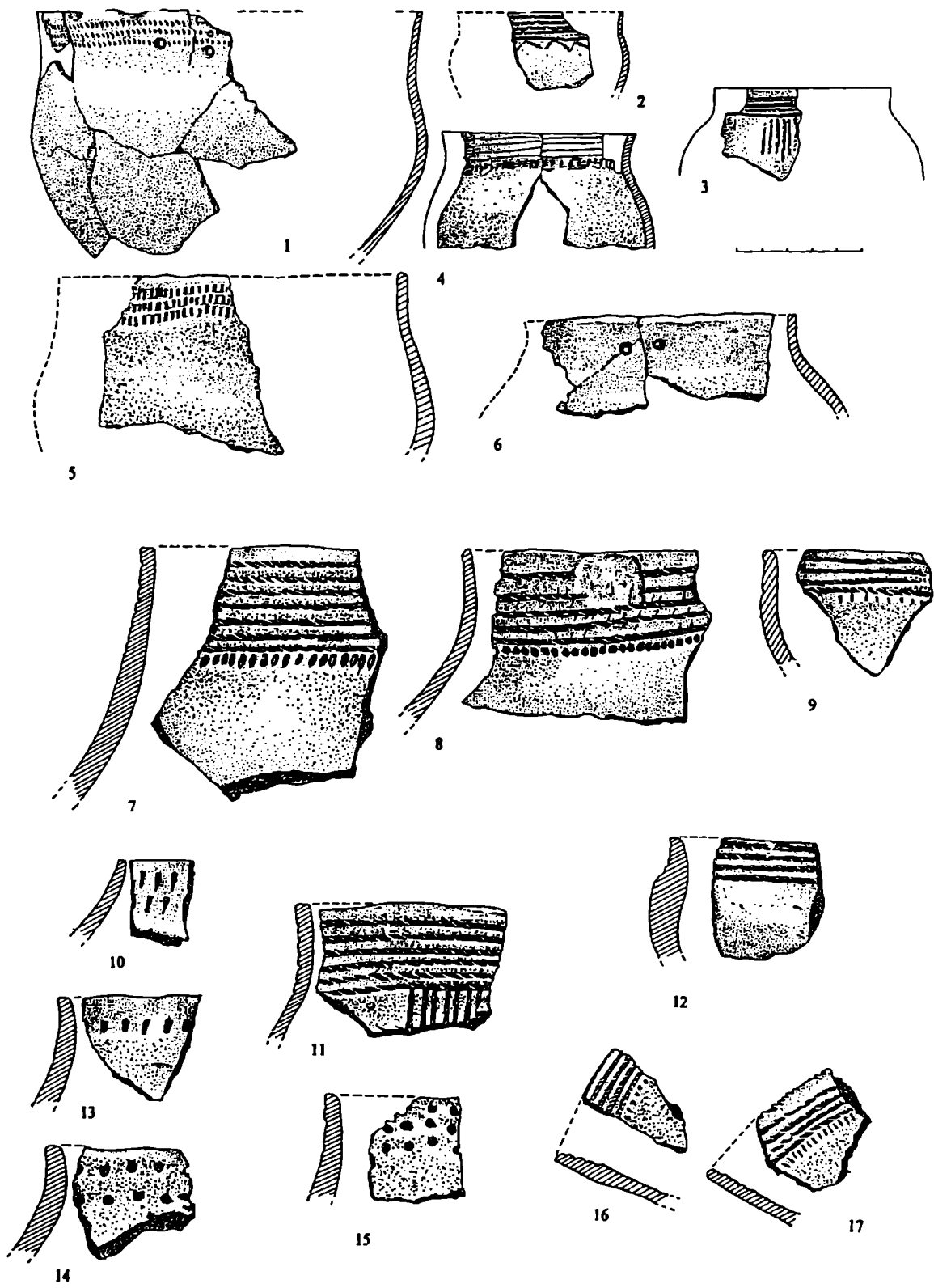

Рис.136. Фрагменты сосудов КШК с поселения Рева (Felczak O., 1983).

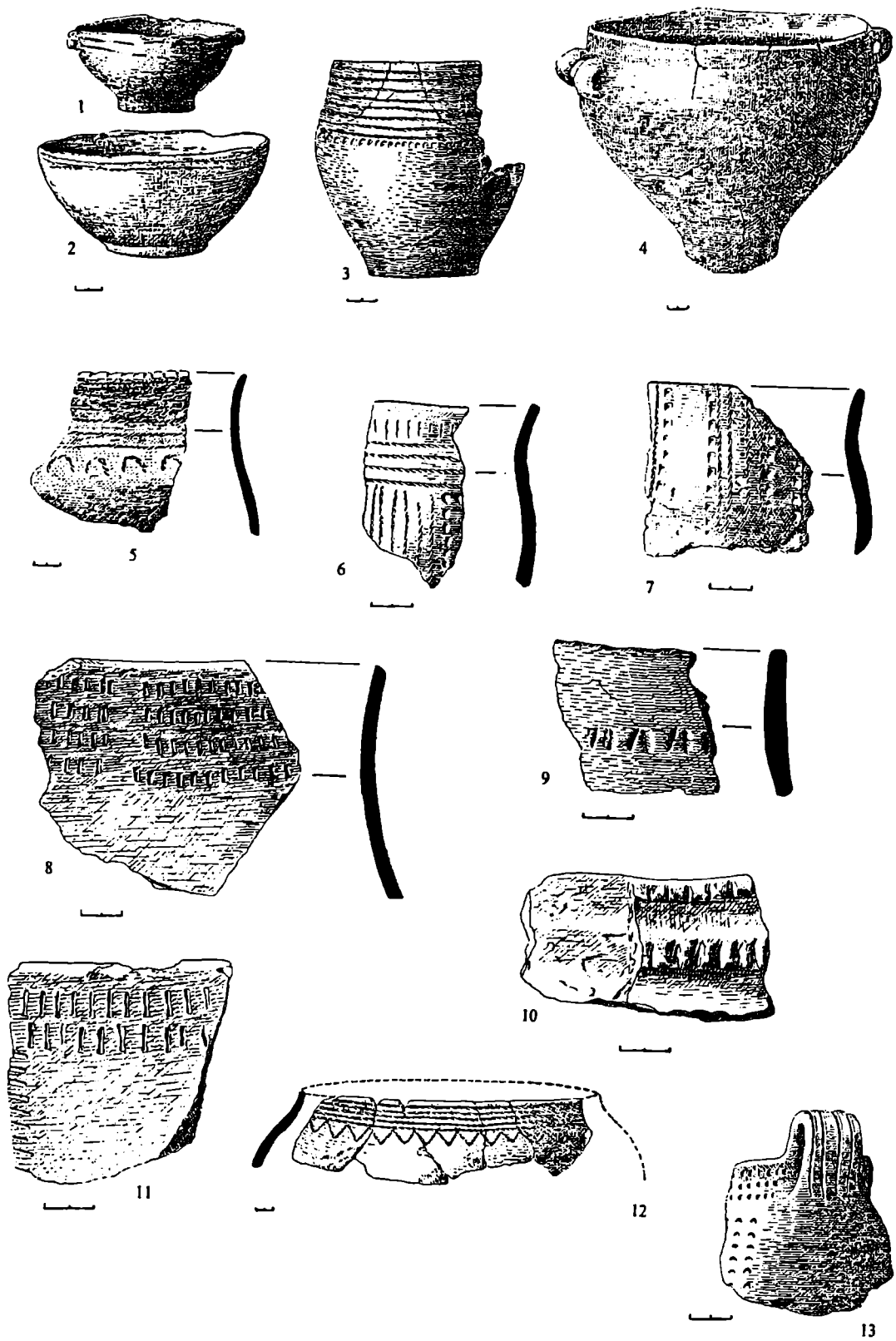

Рис.137. Керамика с поселений Светны-Камень (Вик-Луизенталь): 1-3, 6,7,12 и Толмицко (Толькемит); 4,5,8-11,13 (Gaerte W., 1927).

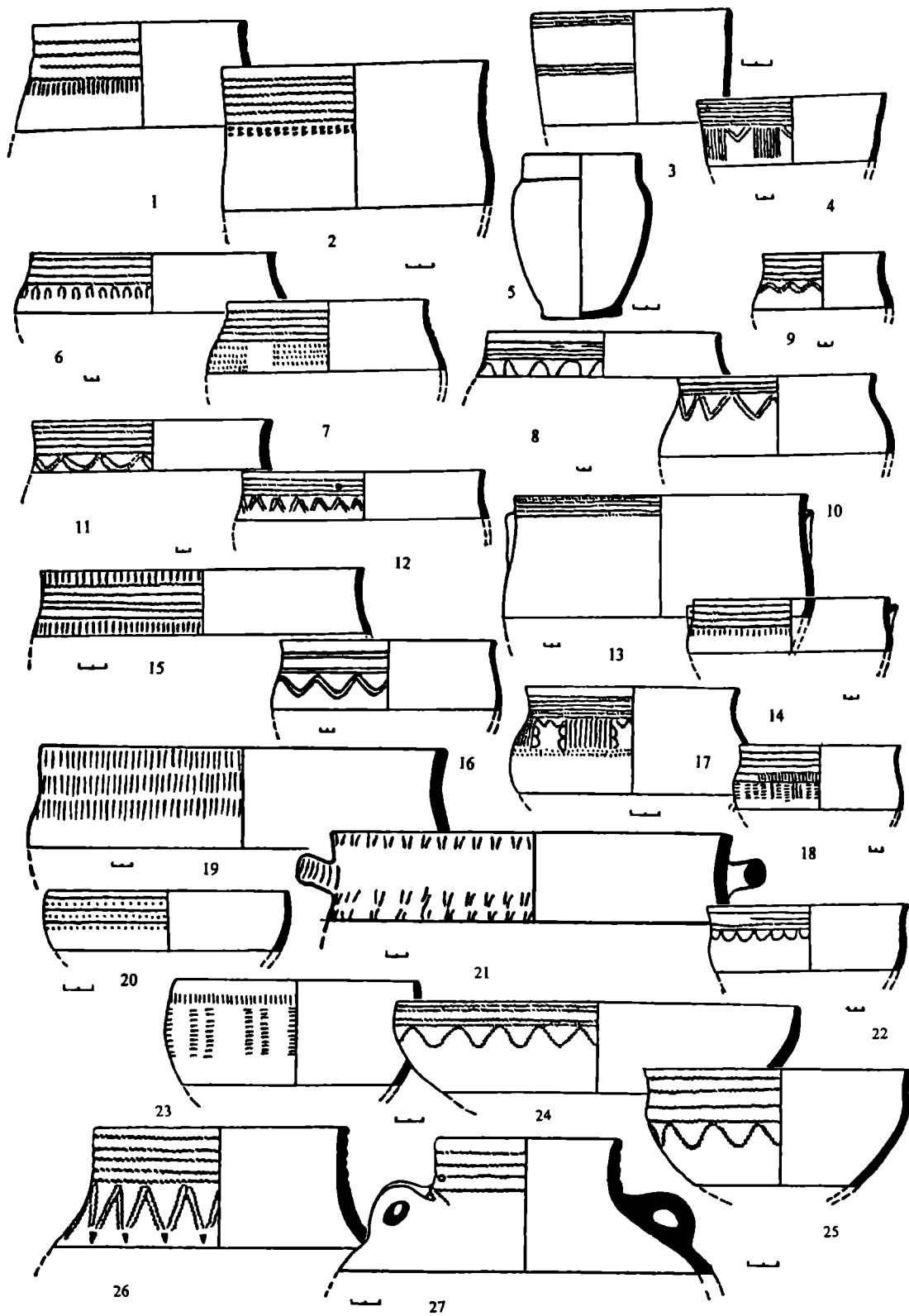

Рис.138. Керамика с поселения Сухач (Kilian L., 1955).

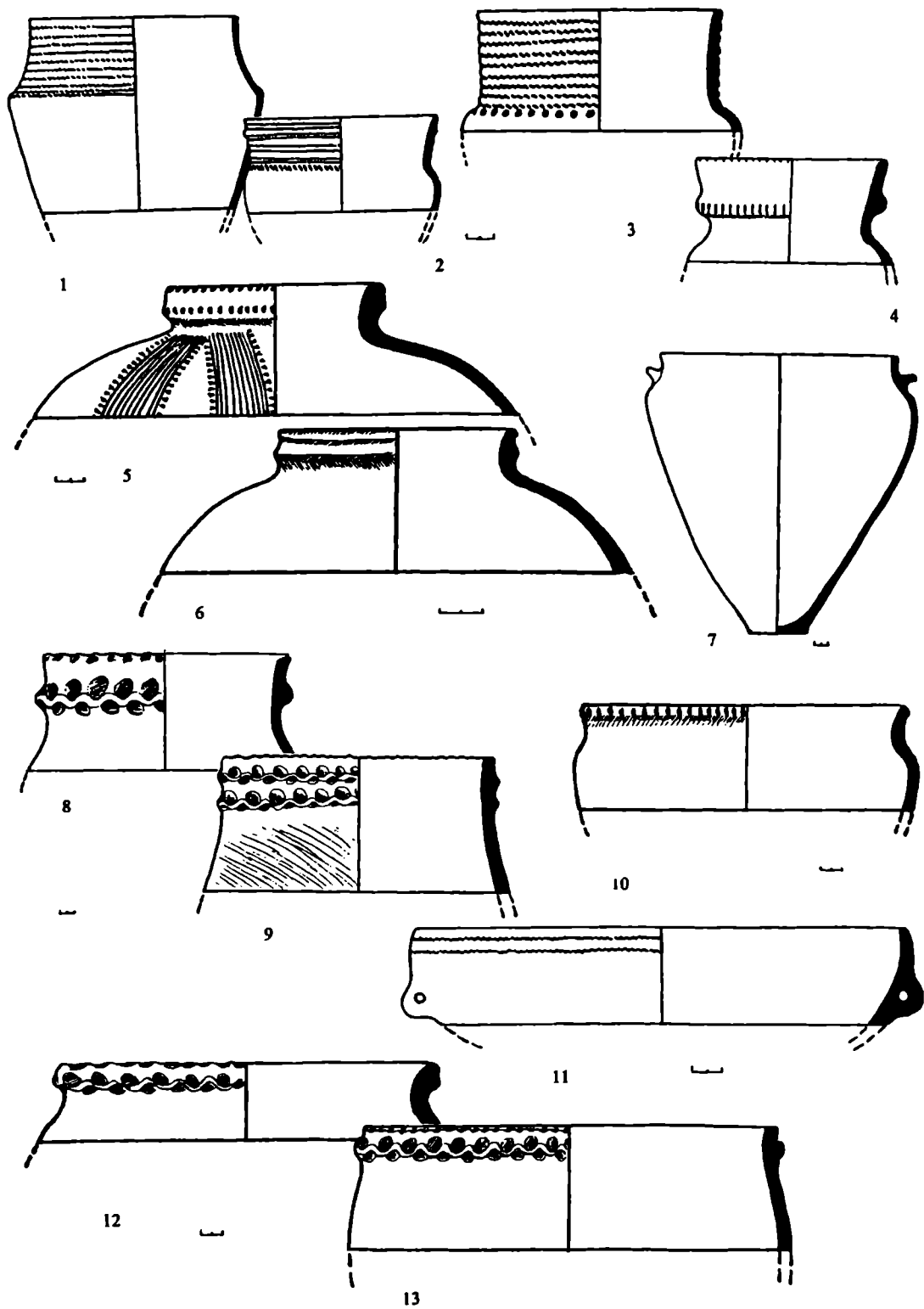

Рис.139. Керамика с поселения Сухач (Kilian L., 1955).

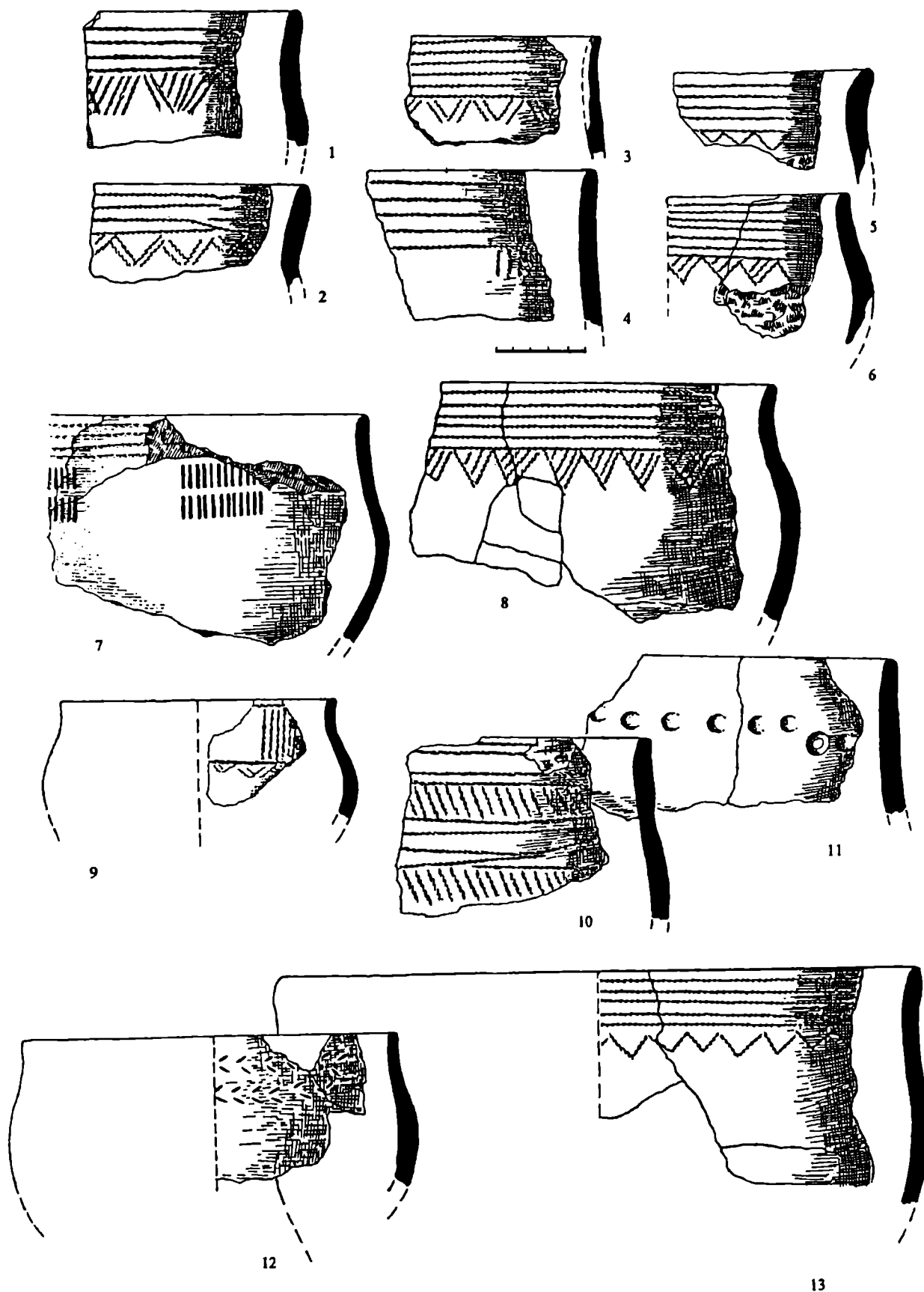

Рис.140. Поселение Нида. Широкогорлые горшки открытого типа (Rimantiènè R., 1989).

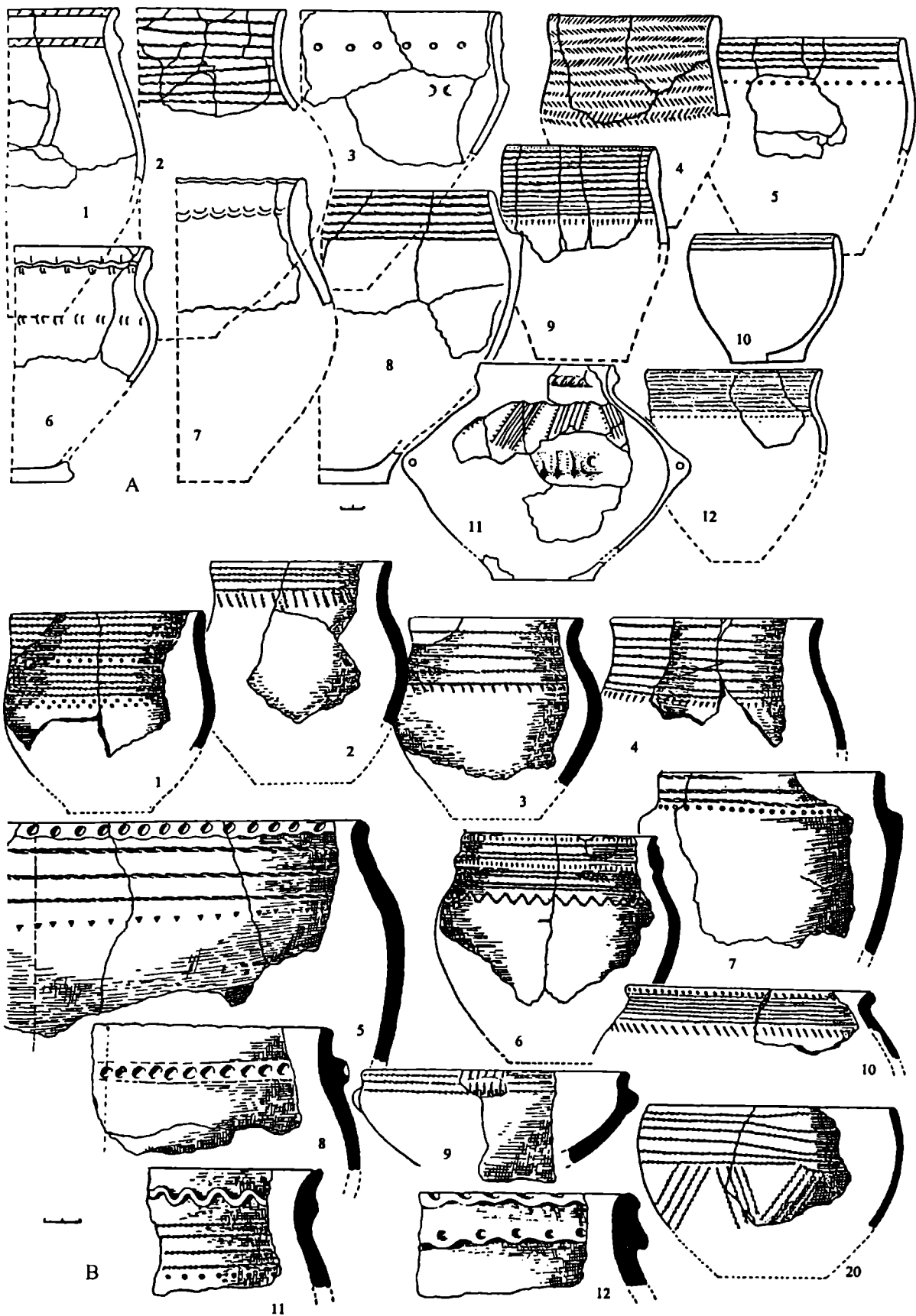

Рис.141. Основные формы керамики поселений Швянтойи 1/2А:
 1-12 – А и Нида: 1-13 – В (Rimantiėnė R., 1980, 1989).

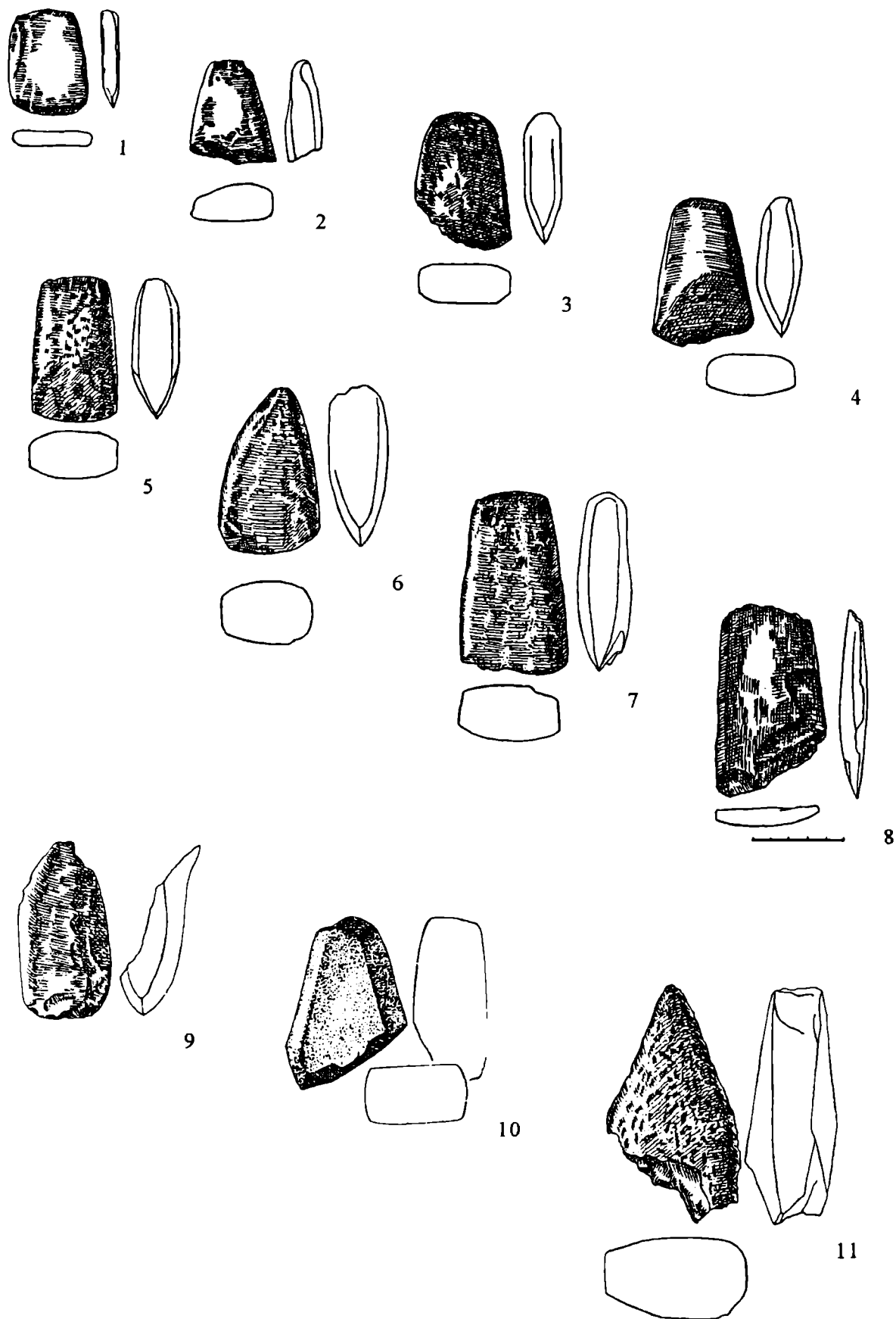

Рис.142. Поселение Нида. Каменные топоры (1-11) (Rimantienė R., 1989).

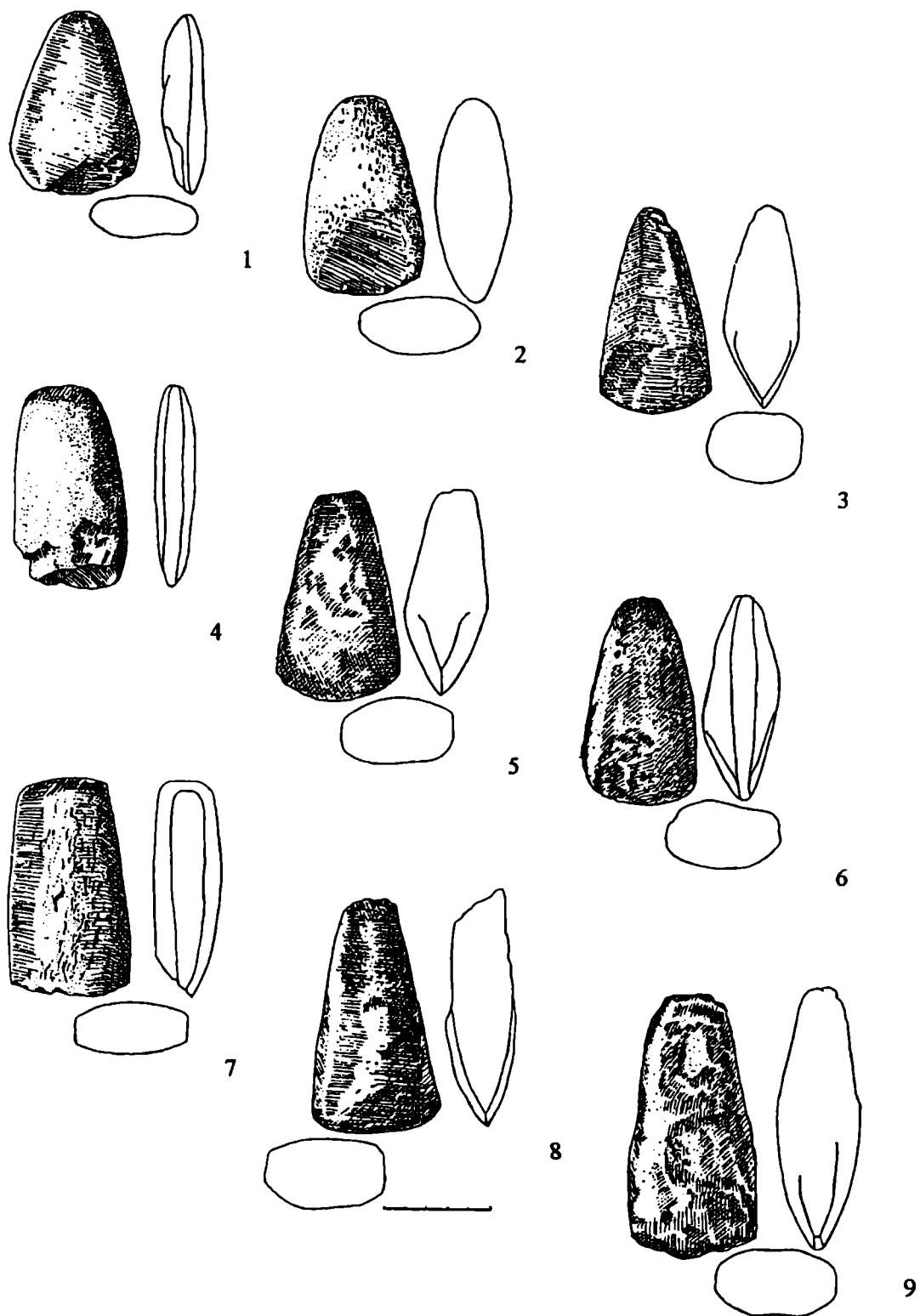

Рис.143. Поселение Нида. Каменные топоры (1-9) (Rimantiene R., 1989).

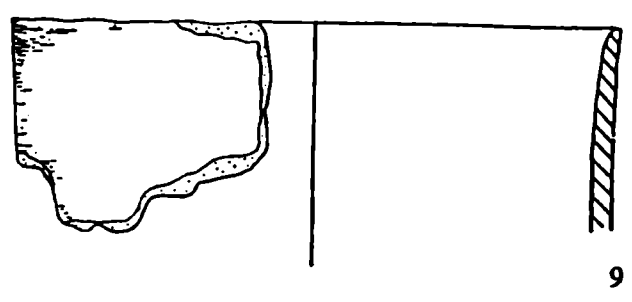
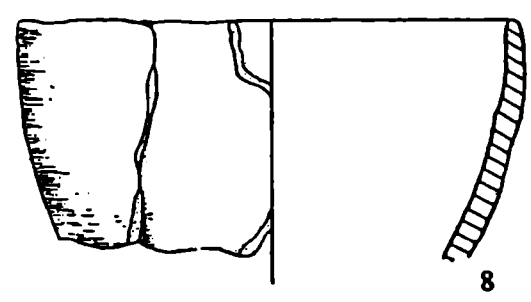
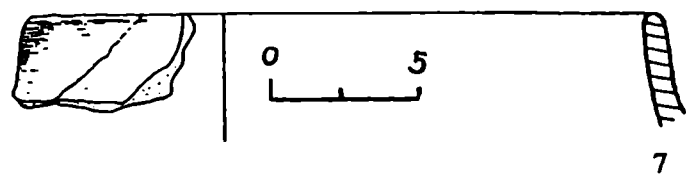
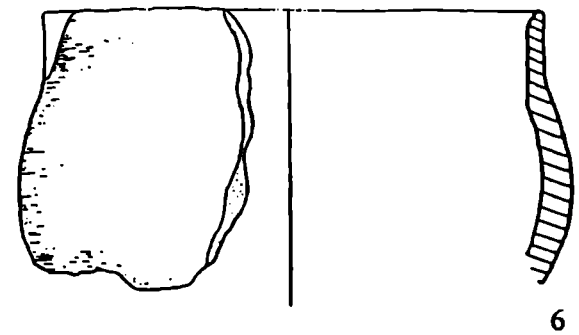
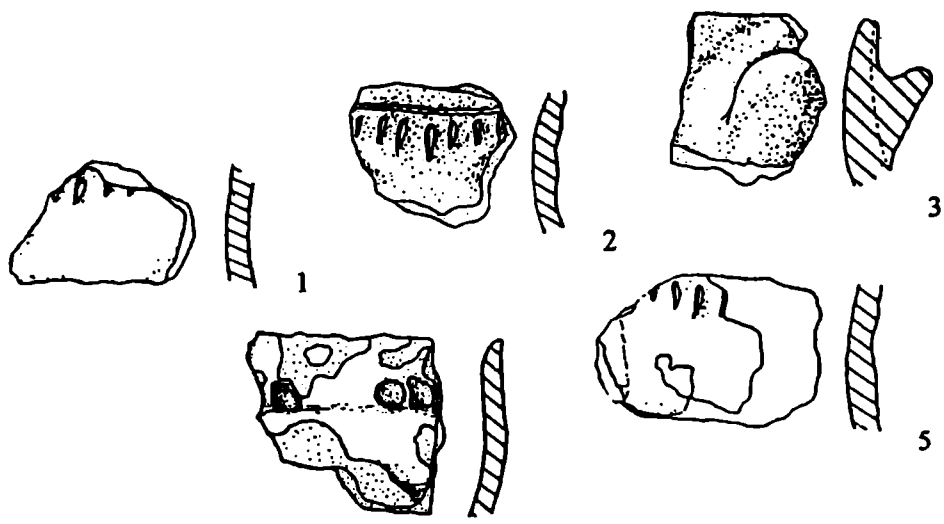

Рис.144. Поселение Недведжувка. Фрагменты керамики (1-9) (Mazurowski R., 1985).

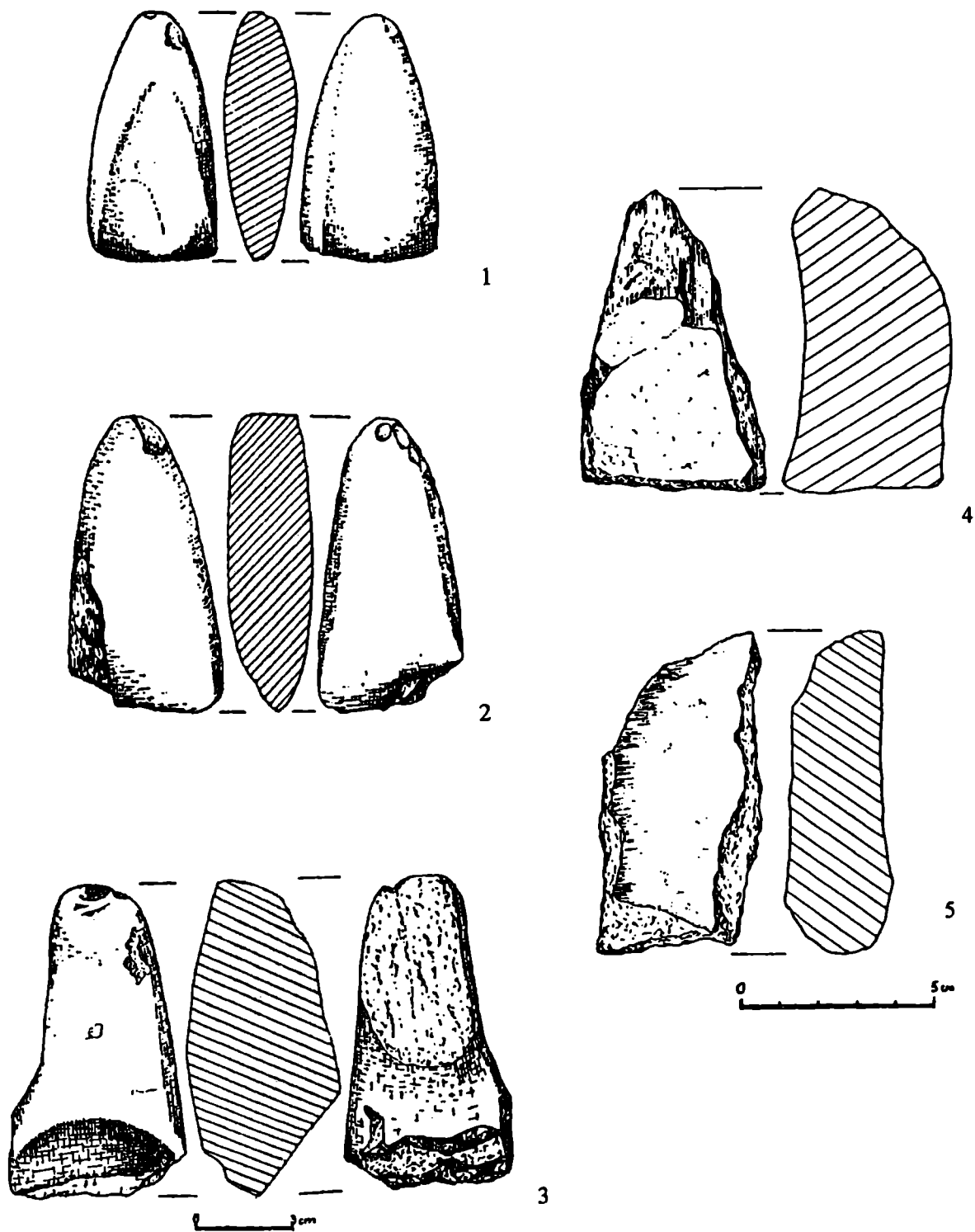

Рис.145. Поселение Недведжувка. Изделия из камня (1-5) (Mazugowski R., 1985).

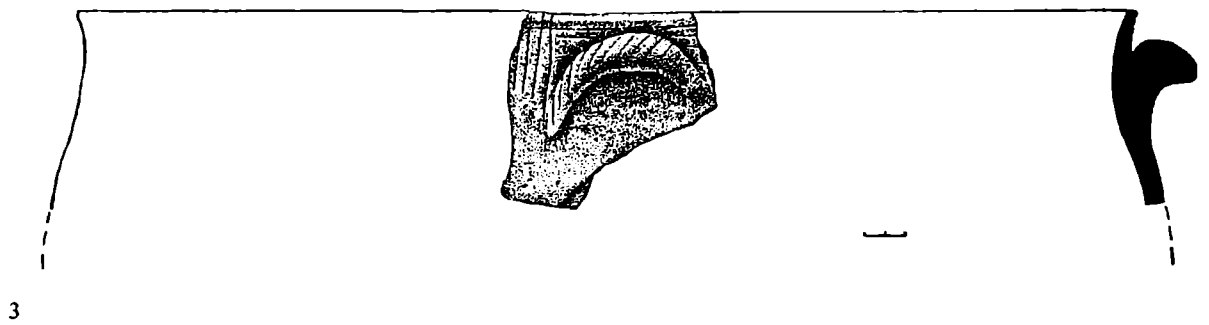
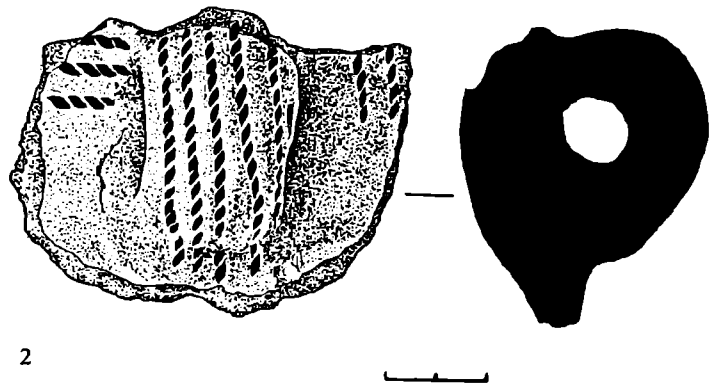
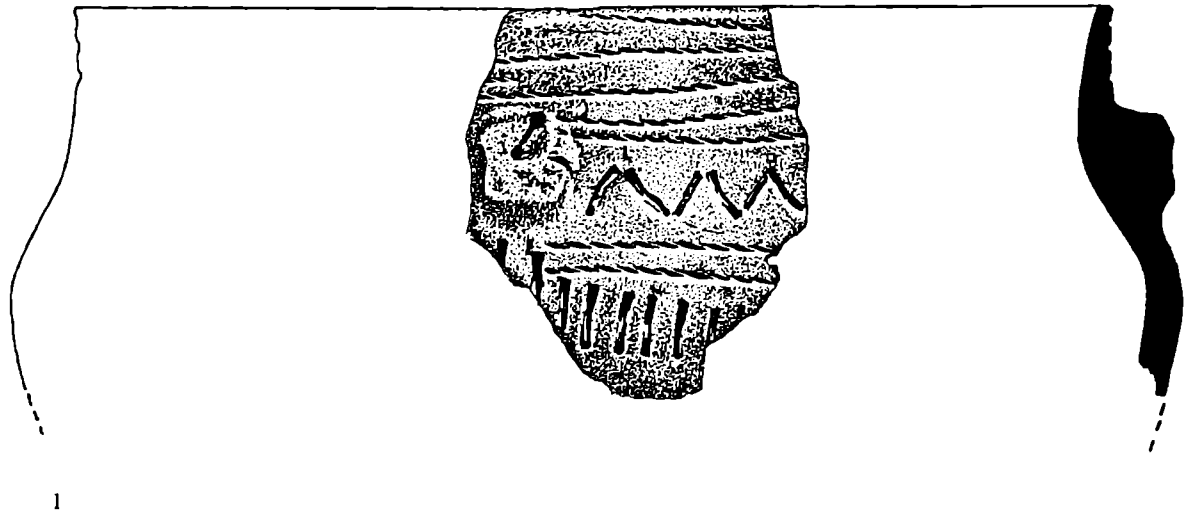

Рис. 146. Поселение Крылово (Норденбург). Керамика.

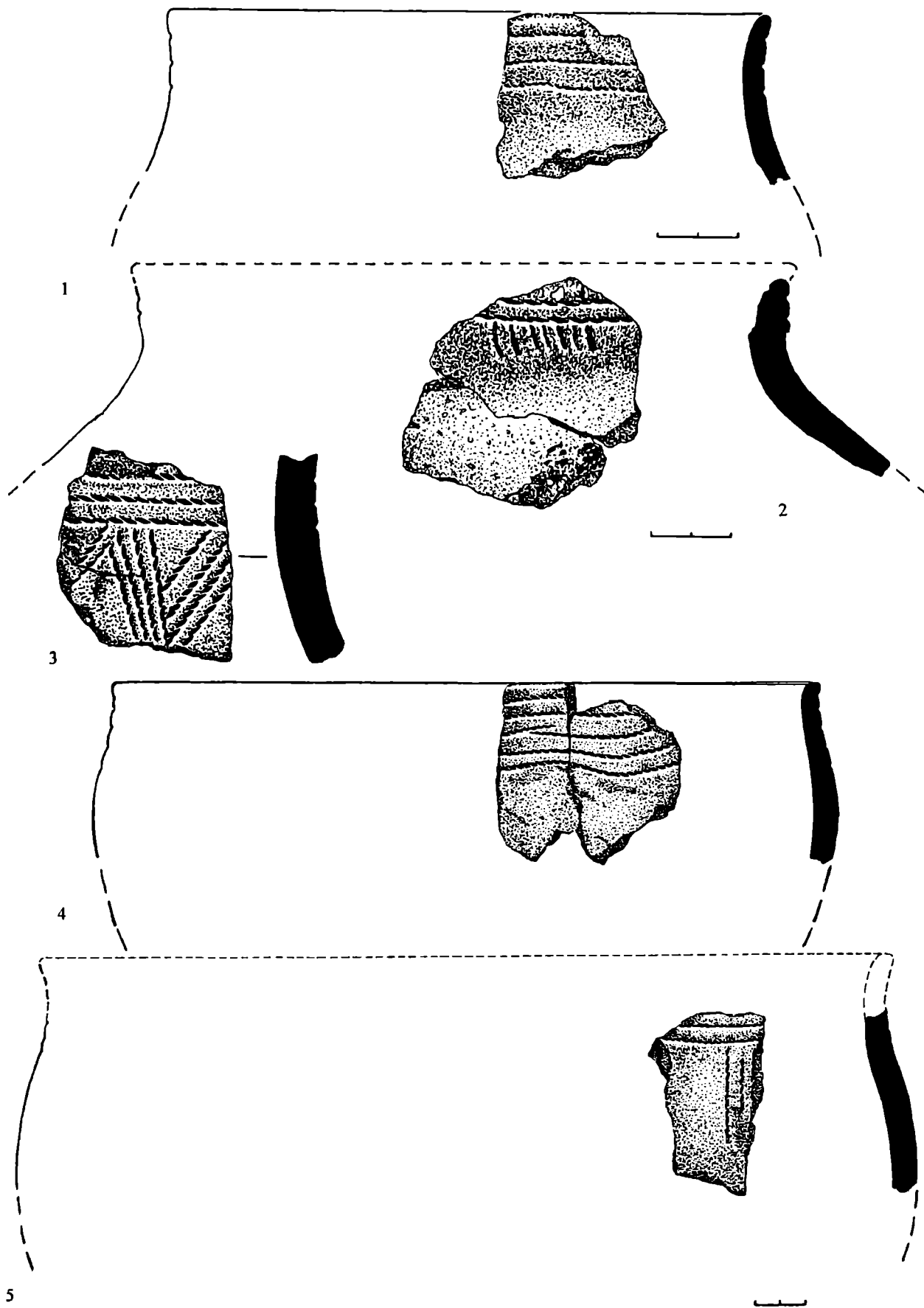

Рис. 147. Поселение Ушаково (Бранденбург). Керамика (3,4,5: Кулаков В.И., 2003).

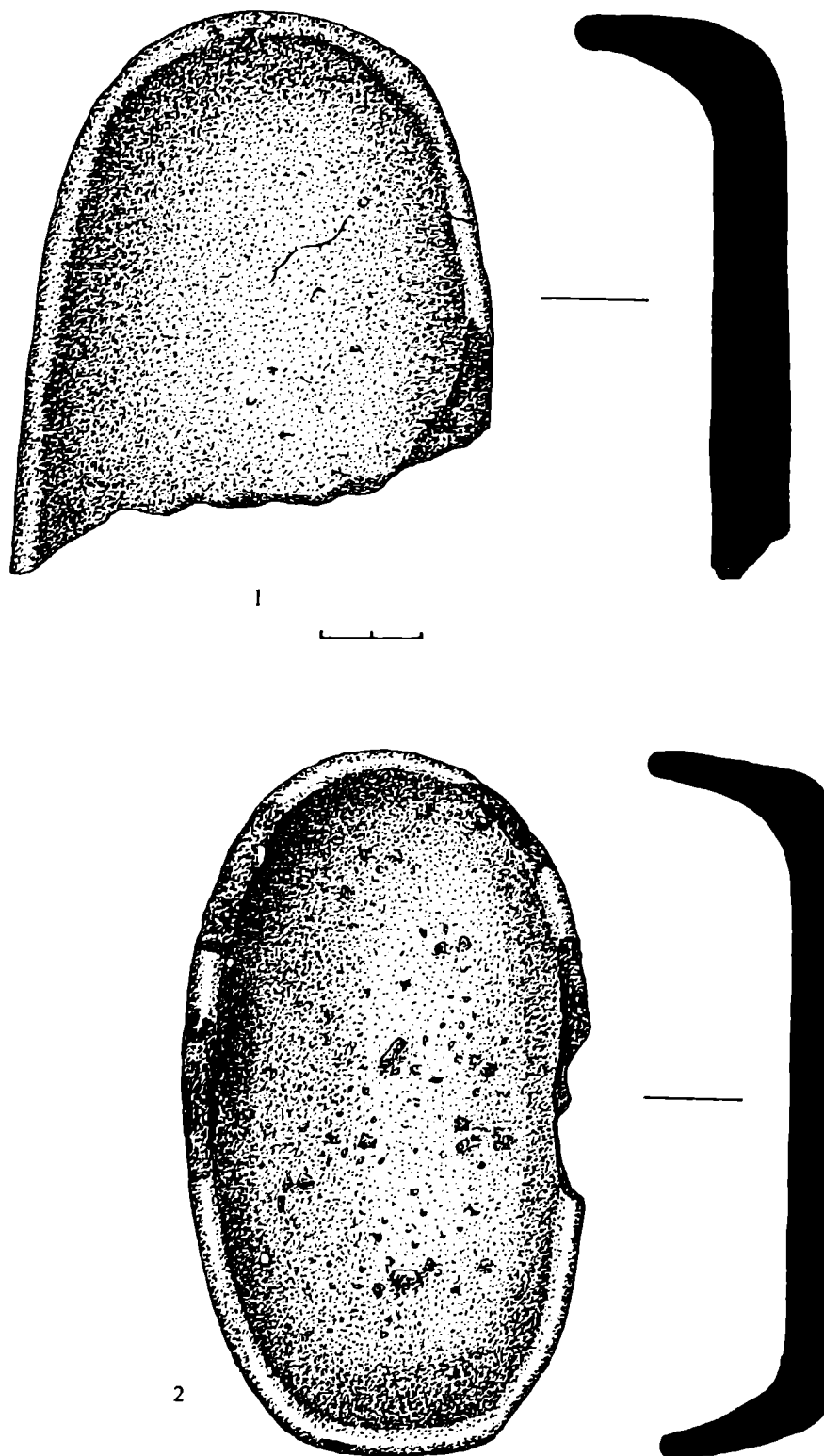

Рис. 148. Поселение Ушаково (Бранденбург). Миски удлиённой формы.

Рис.149. Поселение Жуцево. Кубки (1-11); сосуды, декорированные налепами (12-14); горшки воронковидной формы (15-16) (Žurek J., 1953).

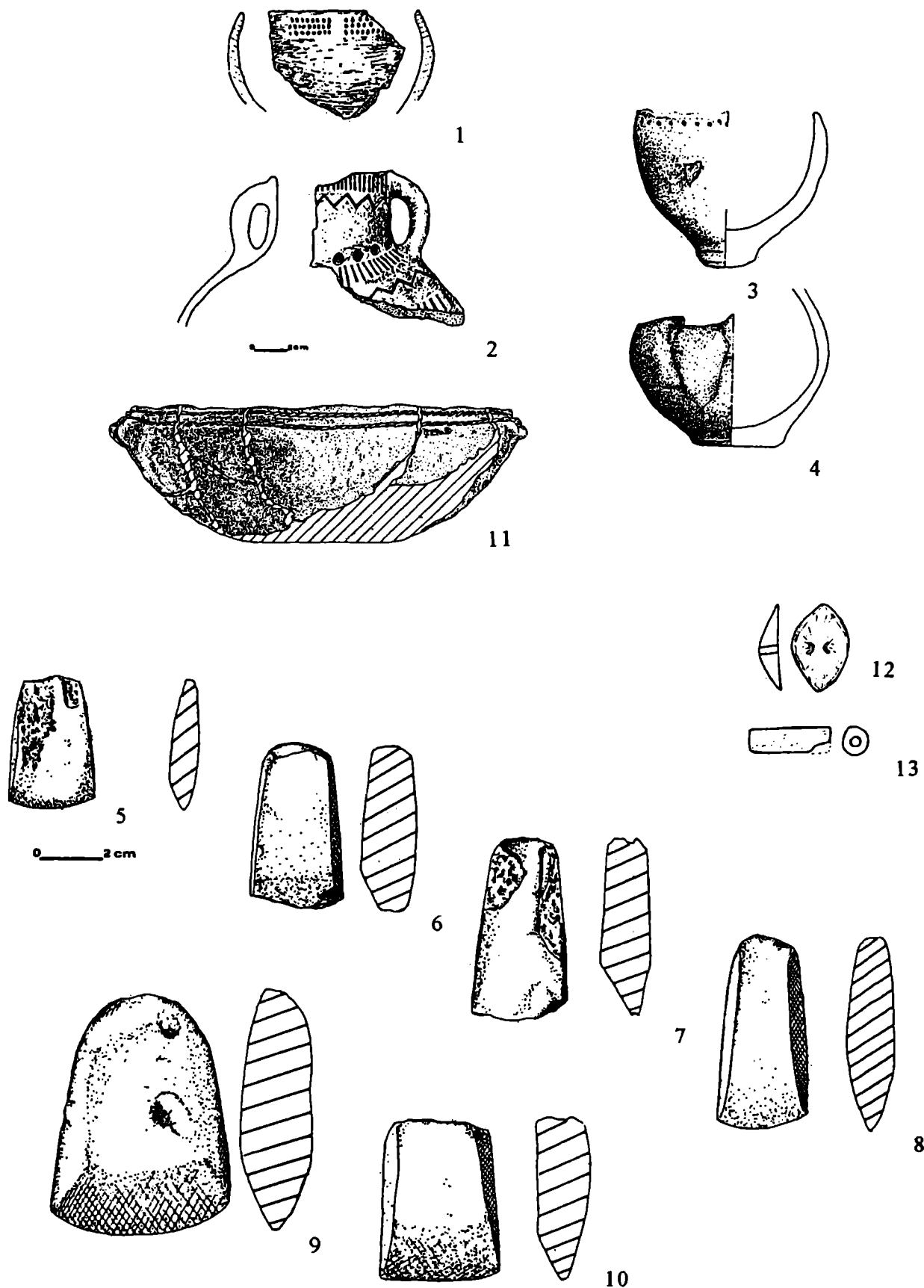

Рис.150. Поселение Жуцево. Керамика: глубокая миска (1), амфора (2), миниатюрные сосуды (3,4), миска приземистой формы (11); изделия из камня (5-10); изделия из янтаря (12,13) (Król D., 1997).

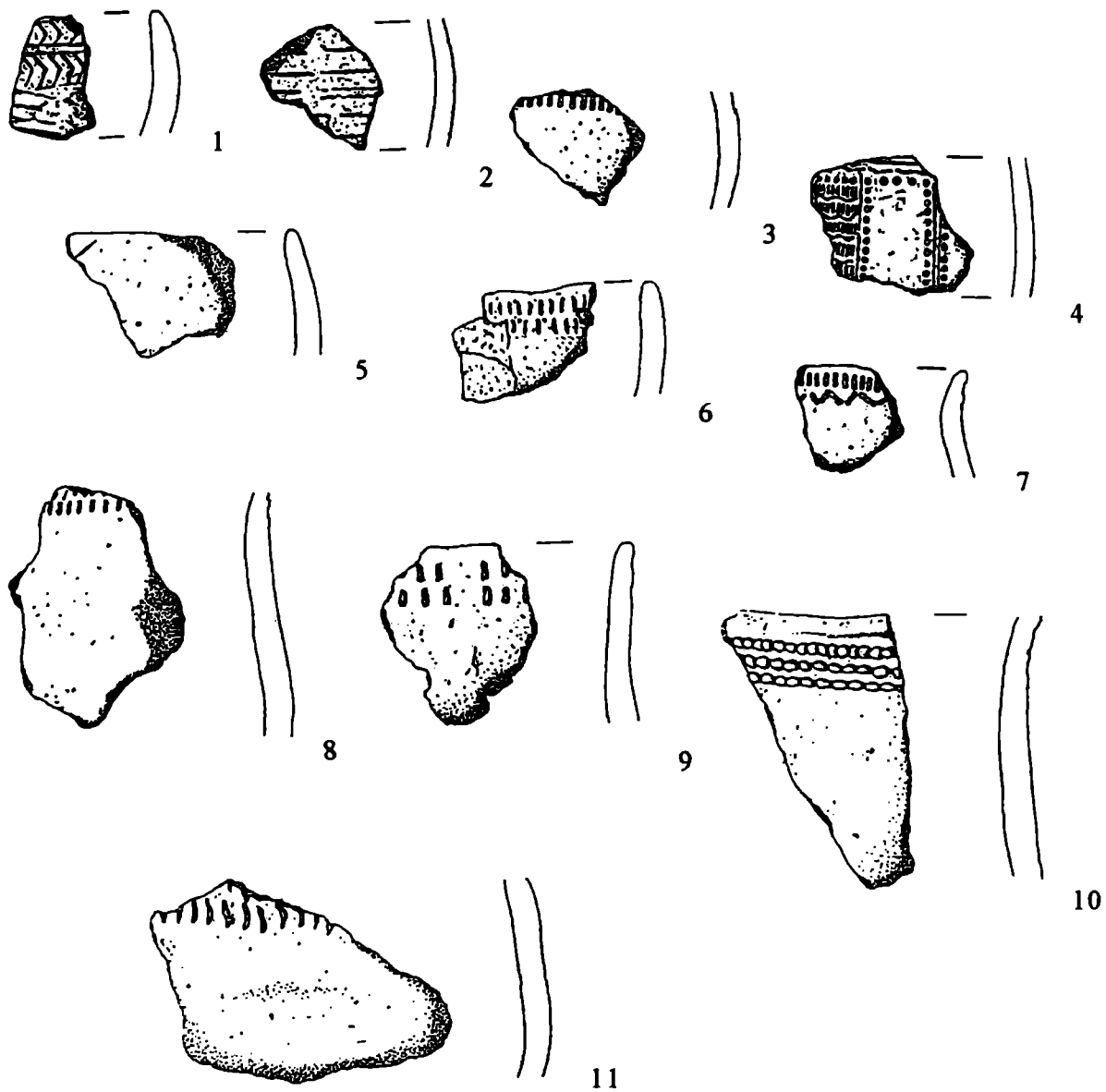

Рис.151. Поселение Жуцево. Фрагменты широкогорлых горшков (без масштаба) (Król D., 2003).

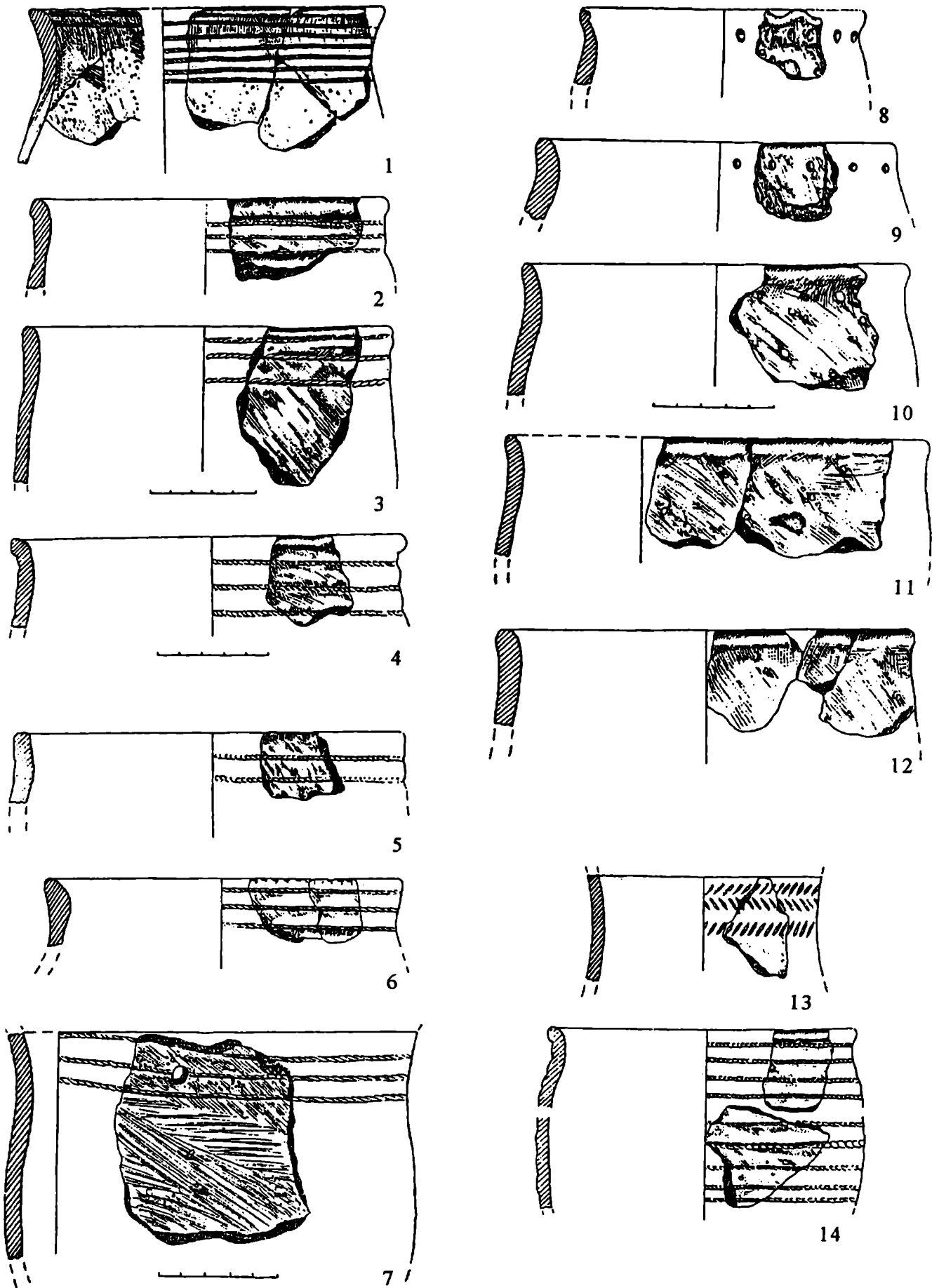

Рис.152. Поселение Шарняле. Керамика (1-14) (Butrimas A., 1986).

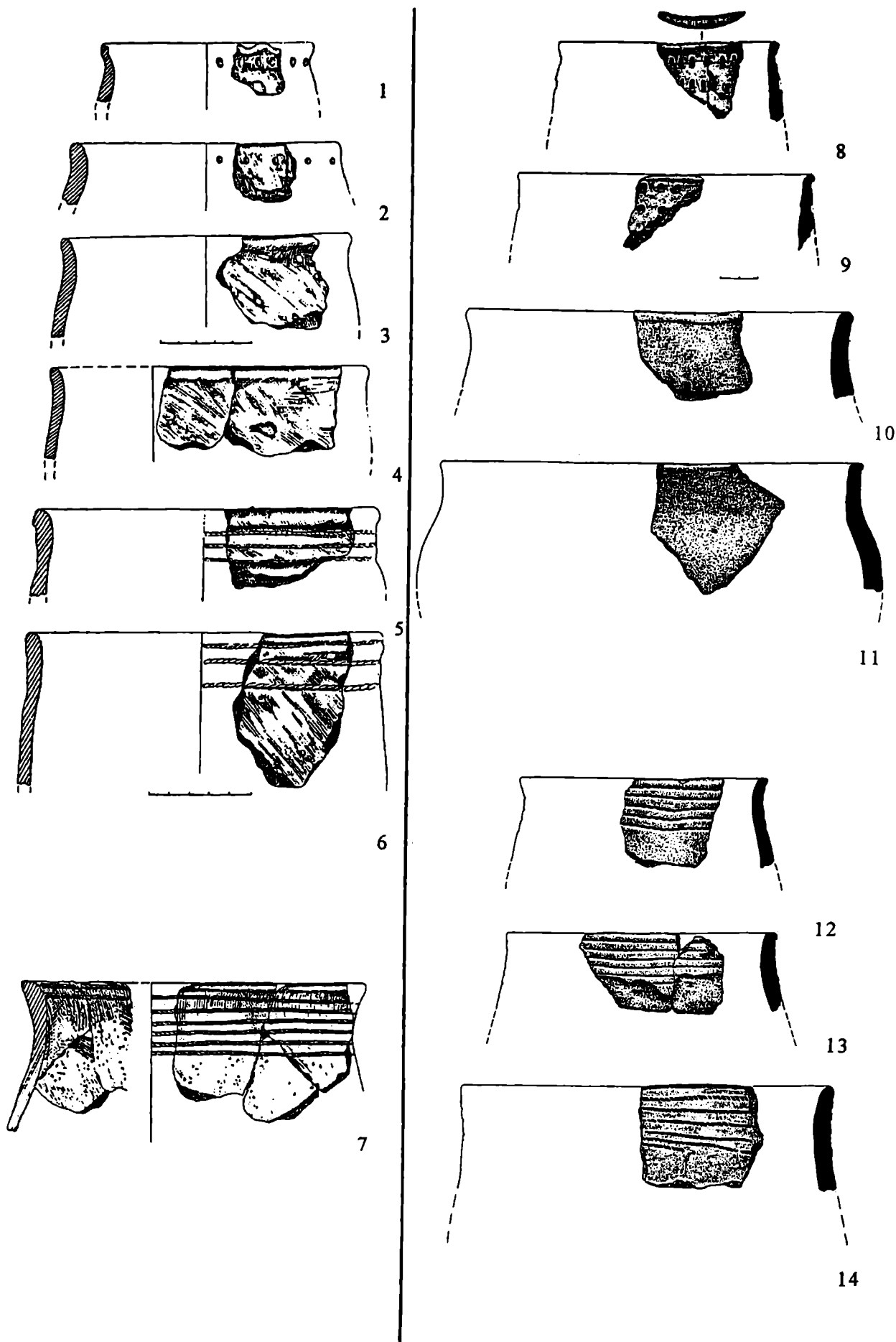

Рис.153. Кубки и горшки средних размеров поселений Шарняле (1-7) и Прибрежное (8-14).

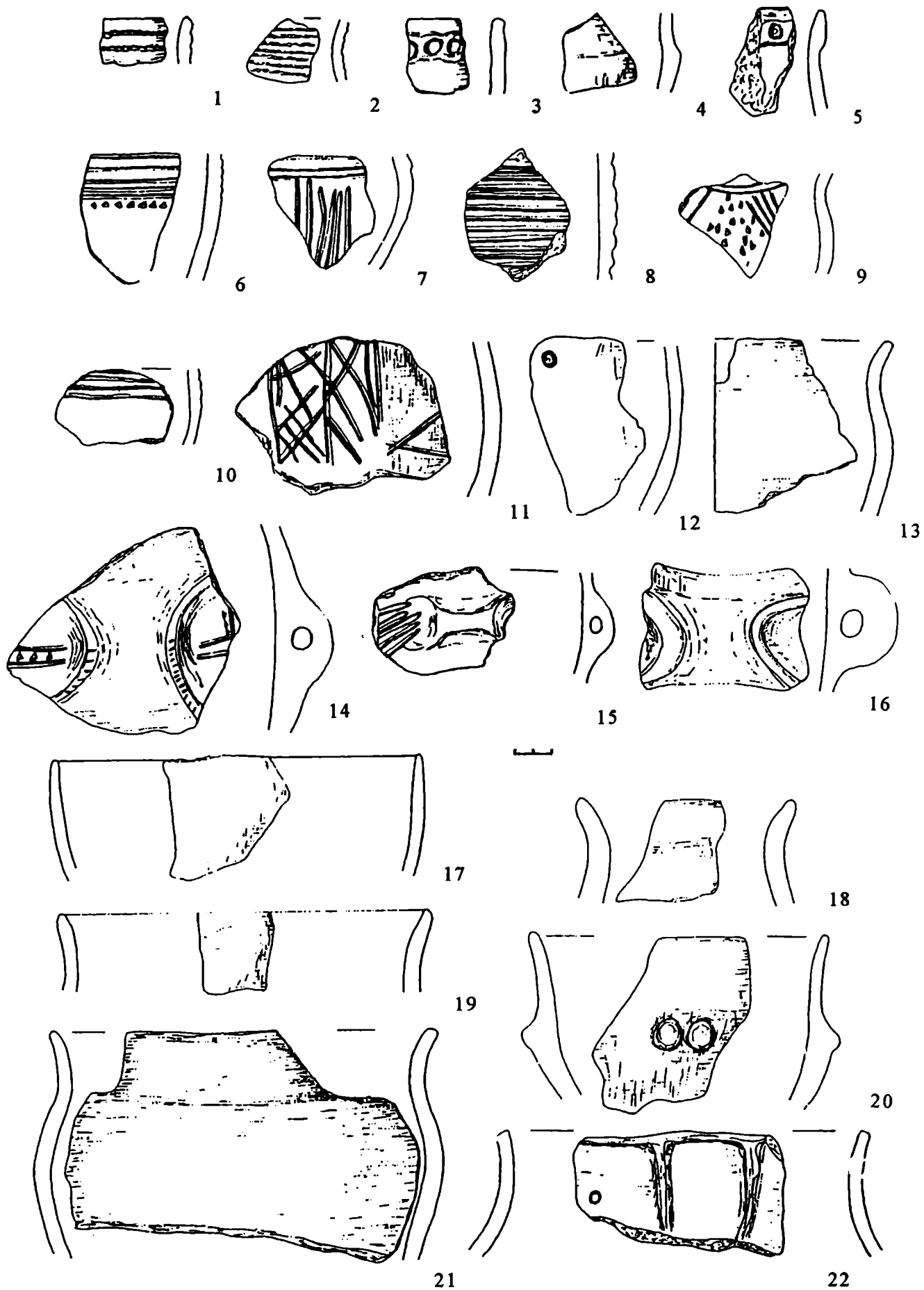

Рис.154. Поселение Ослоино. Фрагменты керамики (1-22) (Król D., 1991).

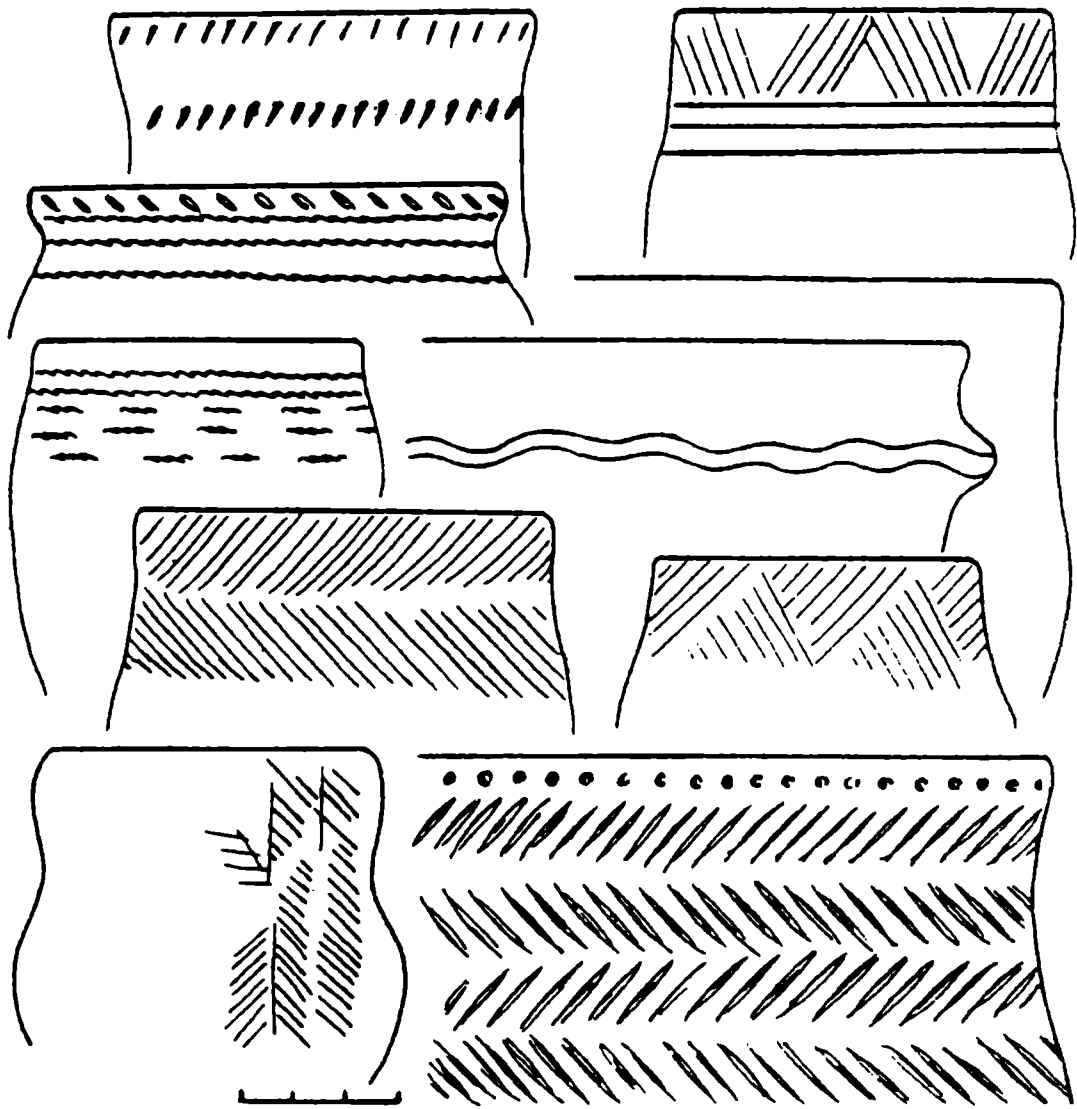

Рис.155. Поселение Гайгалине. Основные формы посуды (Rimantienė R., 1992a).

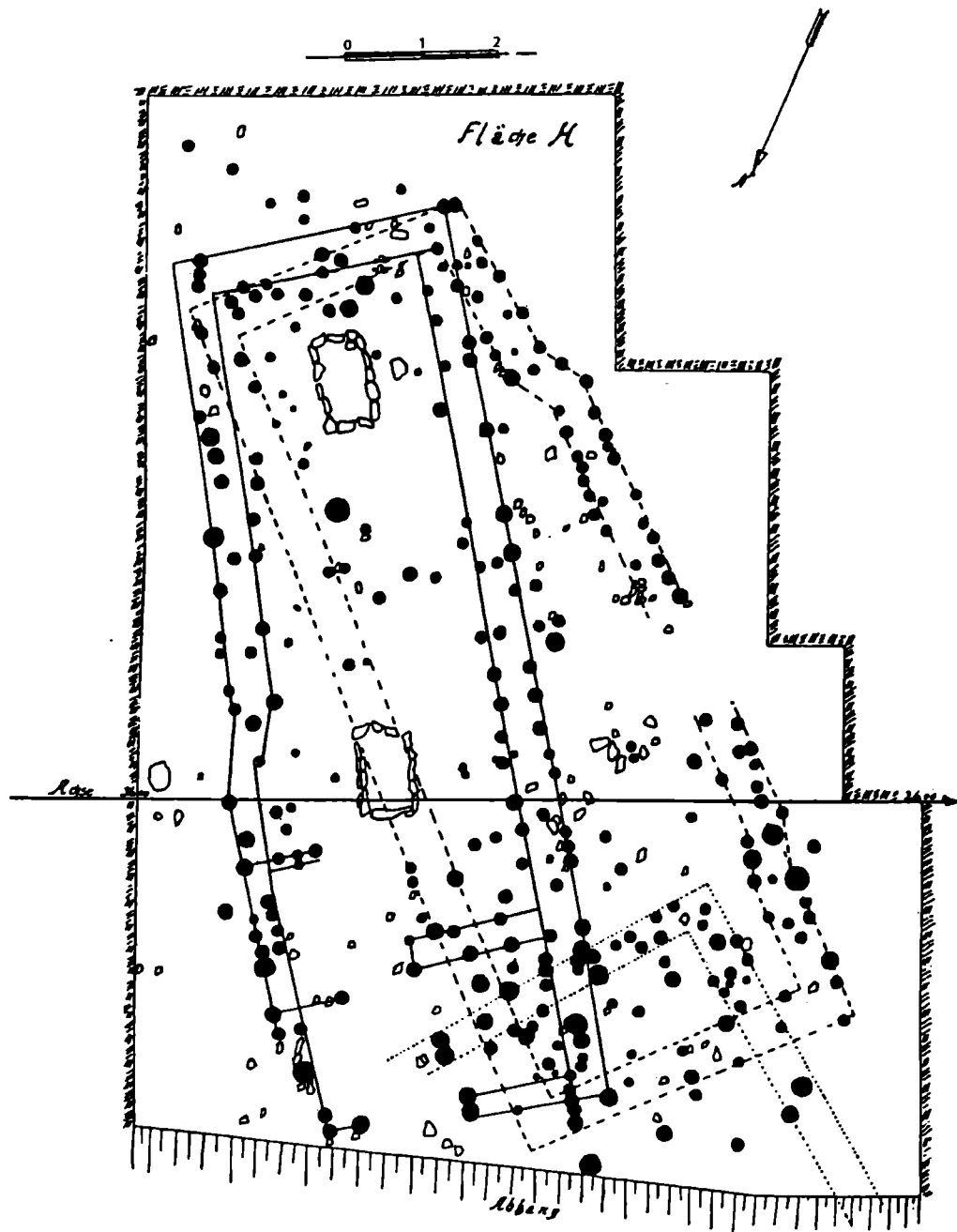

Рис.156. Постройки столбовой конструкции 12 и 12А с поселения Сухач (Ehrllich В., 1936).

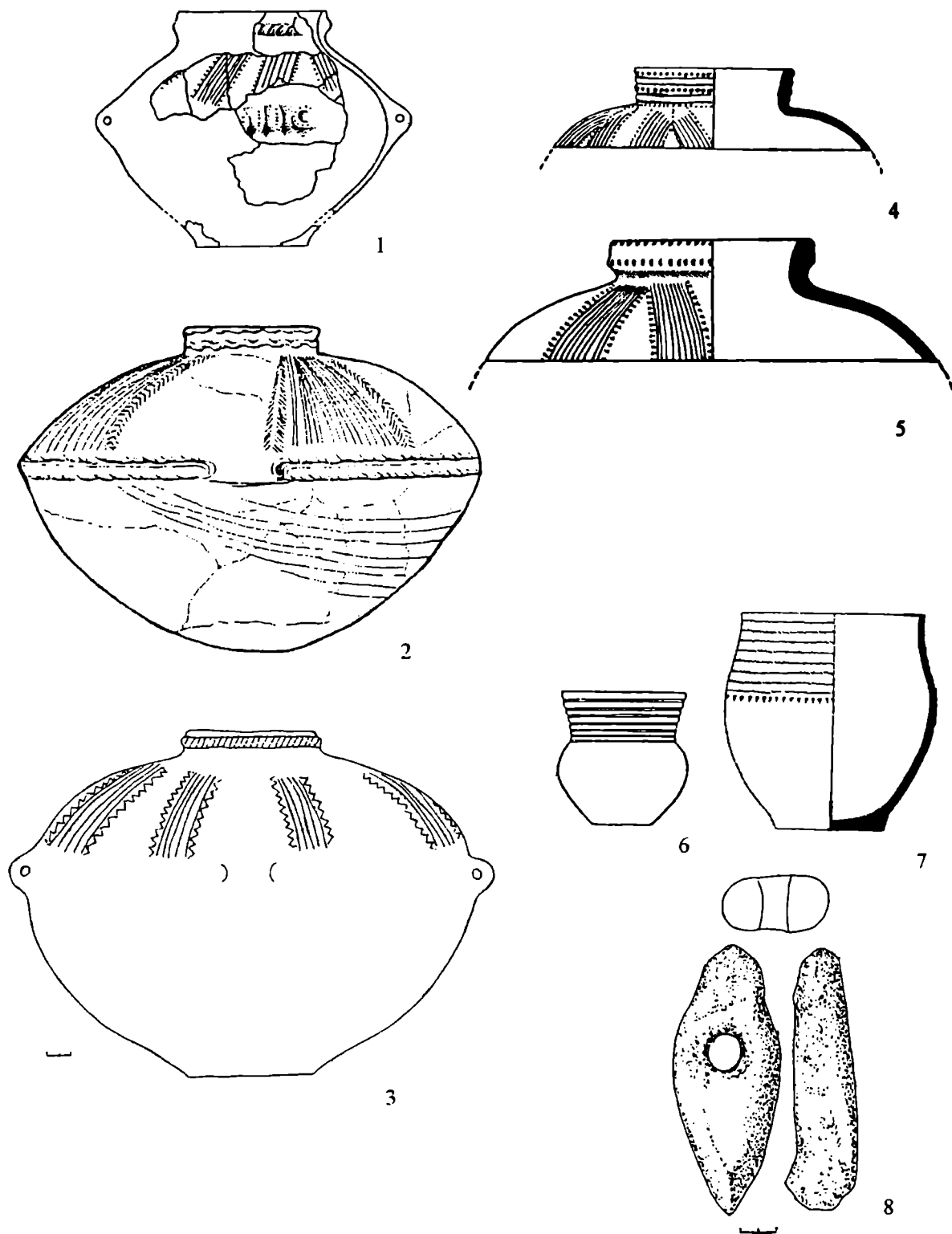

Рис.157. Приморская культура: А-амфоры (1 – Швянтойи 1А, 2 – Жуцево, 3 – Стелау, 4,5 – Сухач); А-кубки (6 – Швянтойи 1А, 7 – Свенты-Камень); А-топор (8 – Швянтойи 1А).

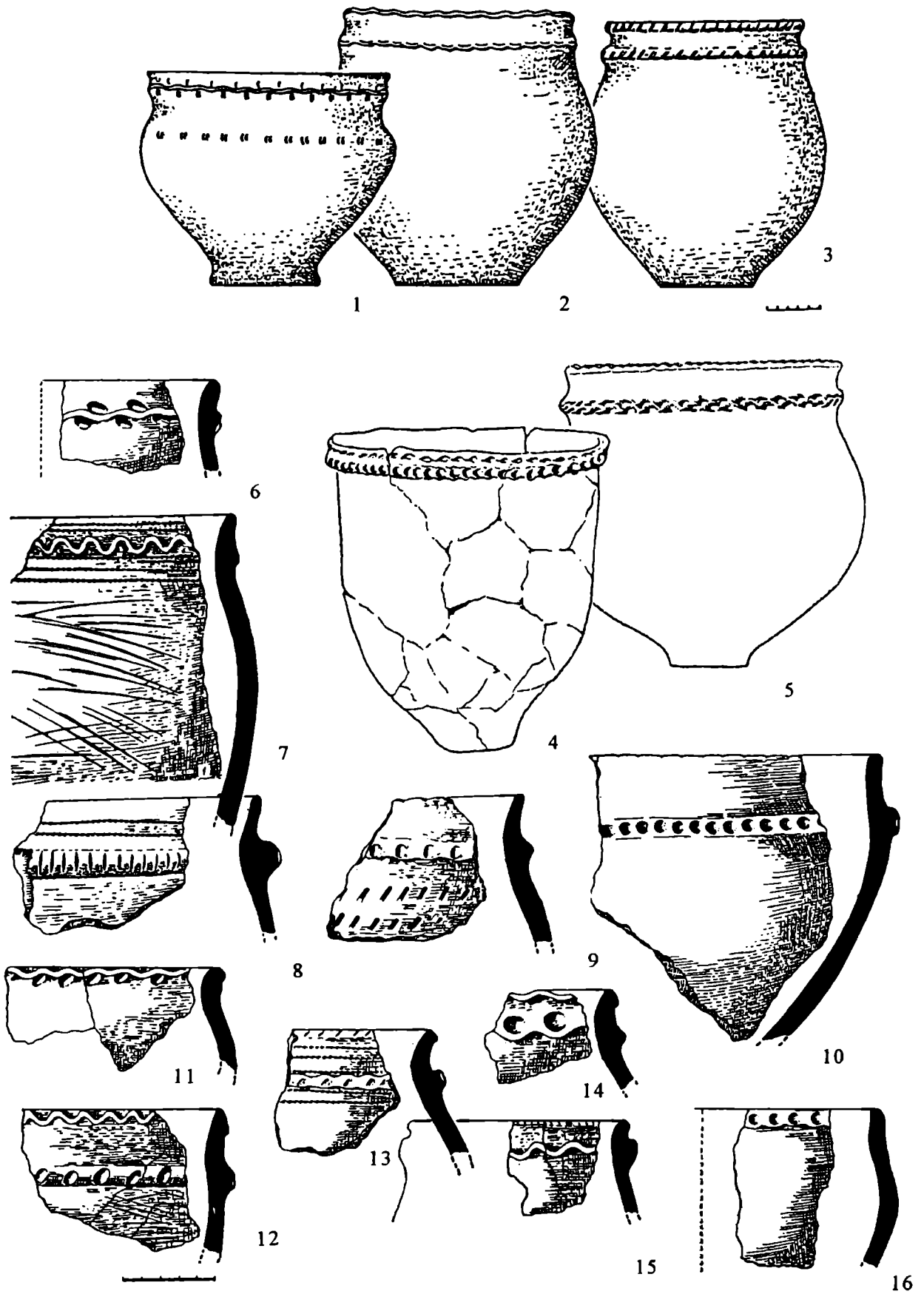

Рис.158. Приморская культура: горшки, декорированные налестками (1-3 – Швянтои 1А, 4 – Жуцево, 5 – Куршская коса, 6-16 – Нида).

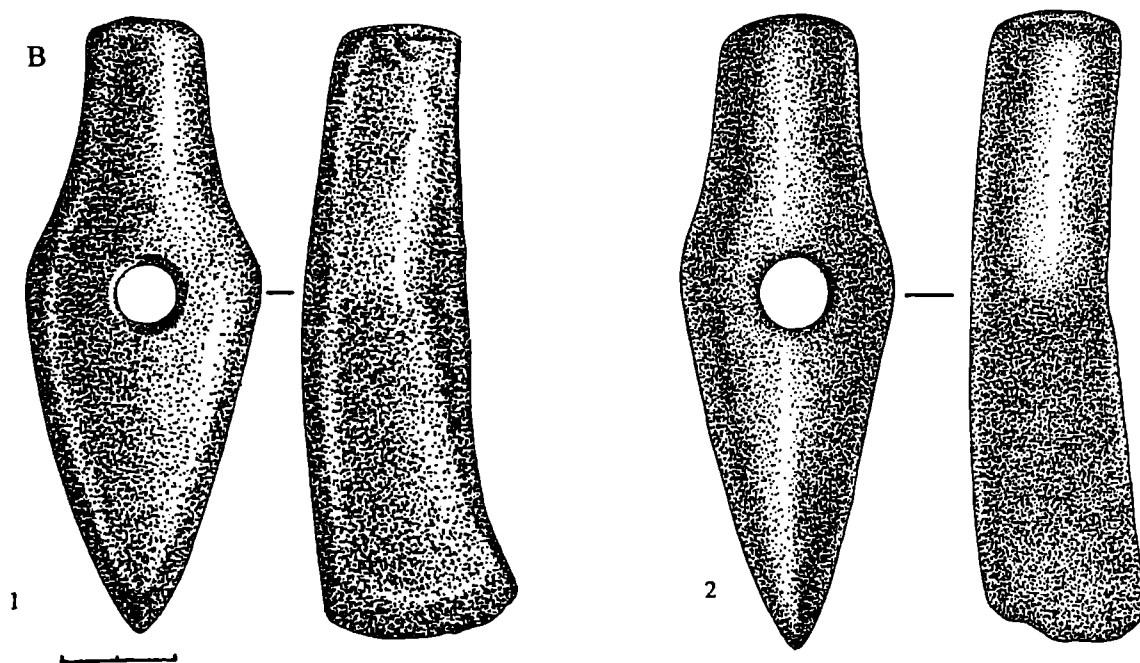
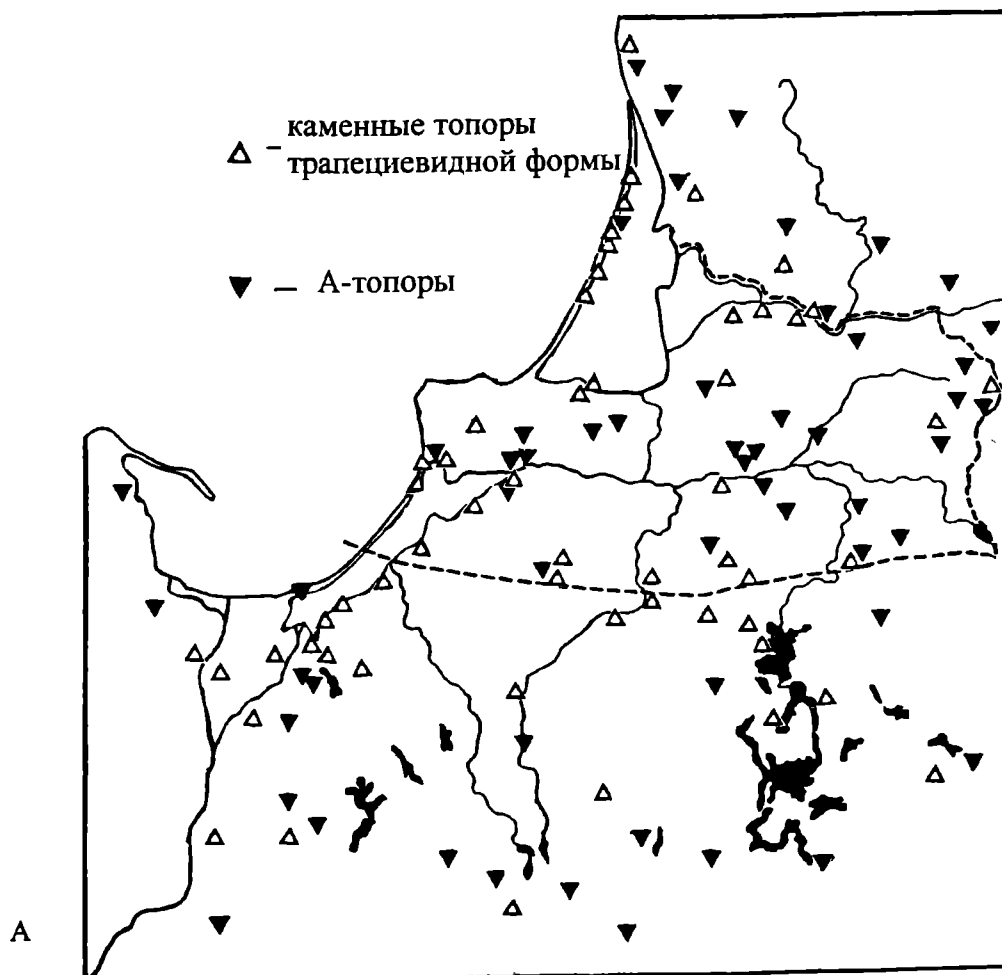

Рис.159. Карта-схема распространения каменных топоров трапециевидной формы и А-топоров в Восточной Пруссии (по Килиану Л., 1955 + находки послевоенного времени) – (А); А-топоры: 1 (из фондов Prussia Museum, ныне хранится в КОИХМ), 2 (пос. Неманское, хранится в историко-краеведческом музее пос. Неманское Краснознаменского района) – (В).

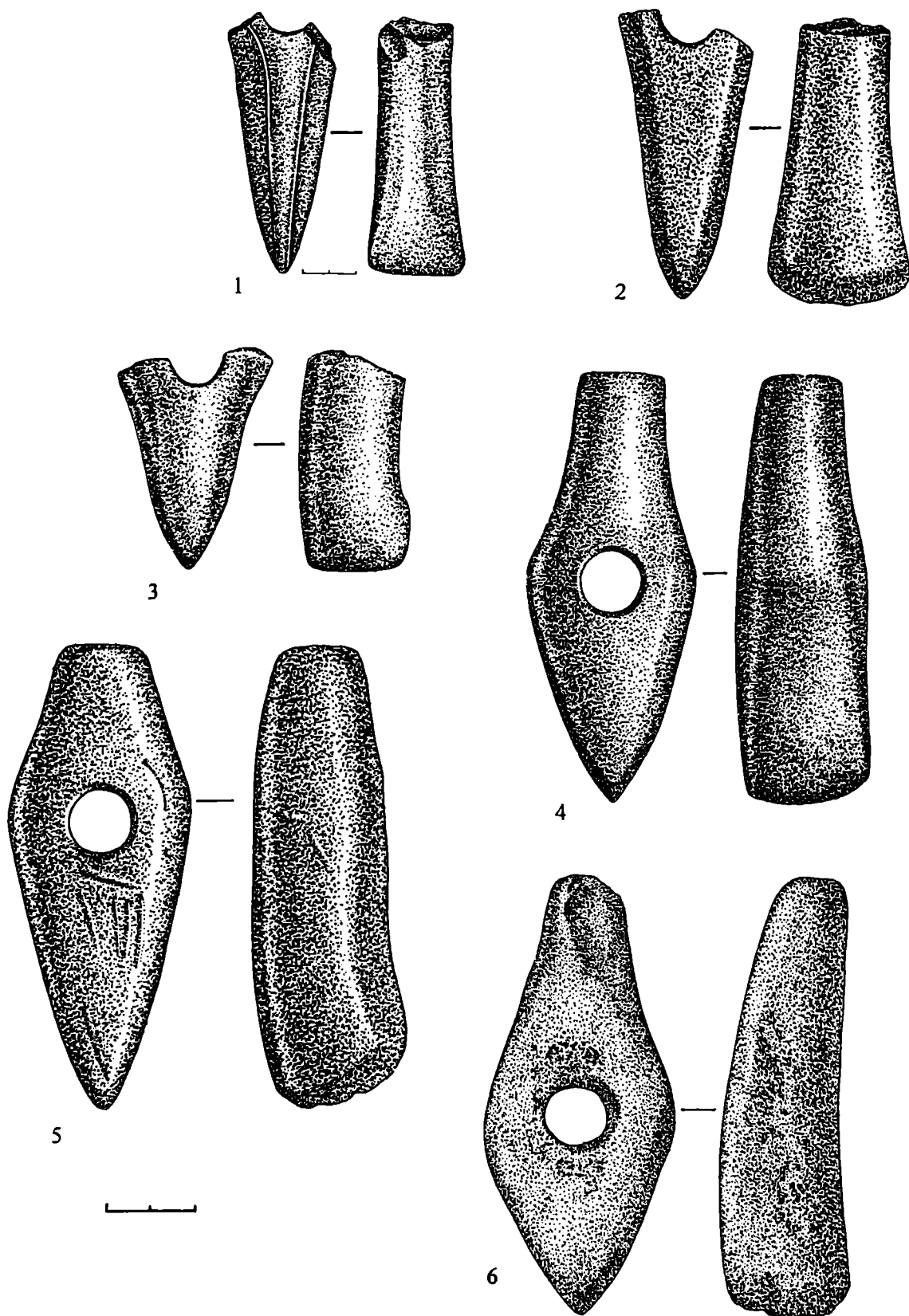

Рис.160. Ладьевидные топоры: 1 – Калининградская область, КОИХМ; 2 – Рошино (Зеленоградский район), КОИХМ; 3 – Калининград, КОИХМ; 4 – Калининградская область, КОИХМ; 5 – Калининград, КОИХМ; 6 – Синявино (Гусевский р-он), Гусевский краеведческий музей.

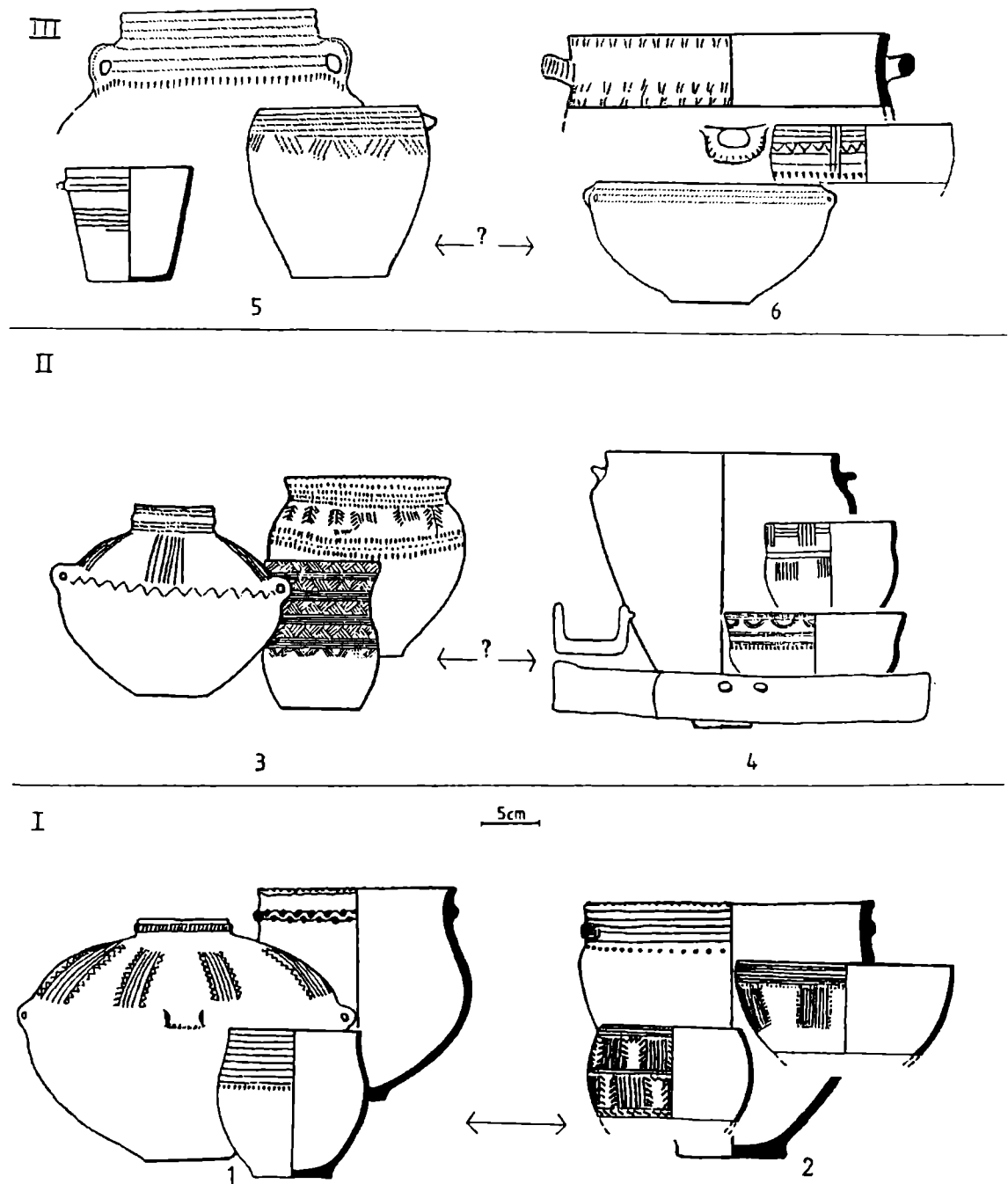

Рис.161. Приморская культура: схема периодизации (по Я. Махнику) (Machnik J., 1997).

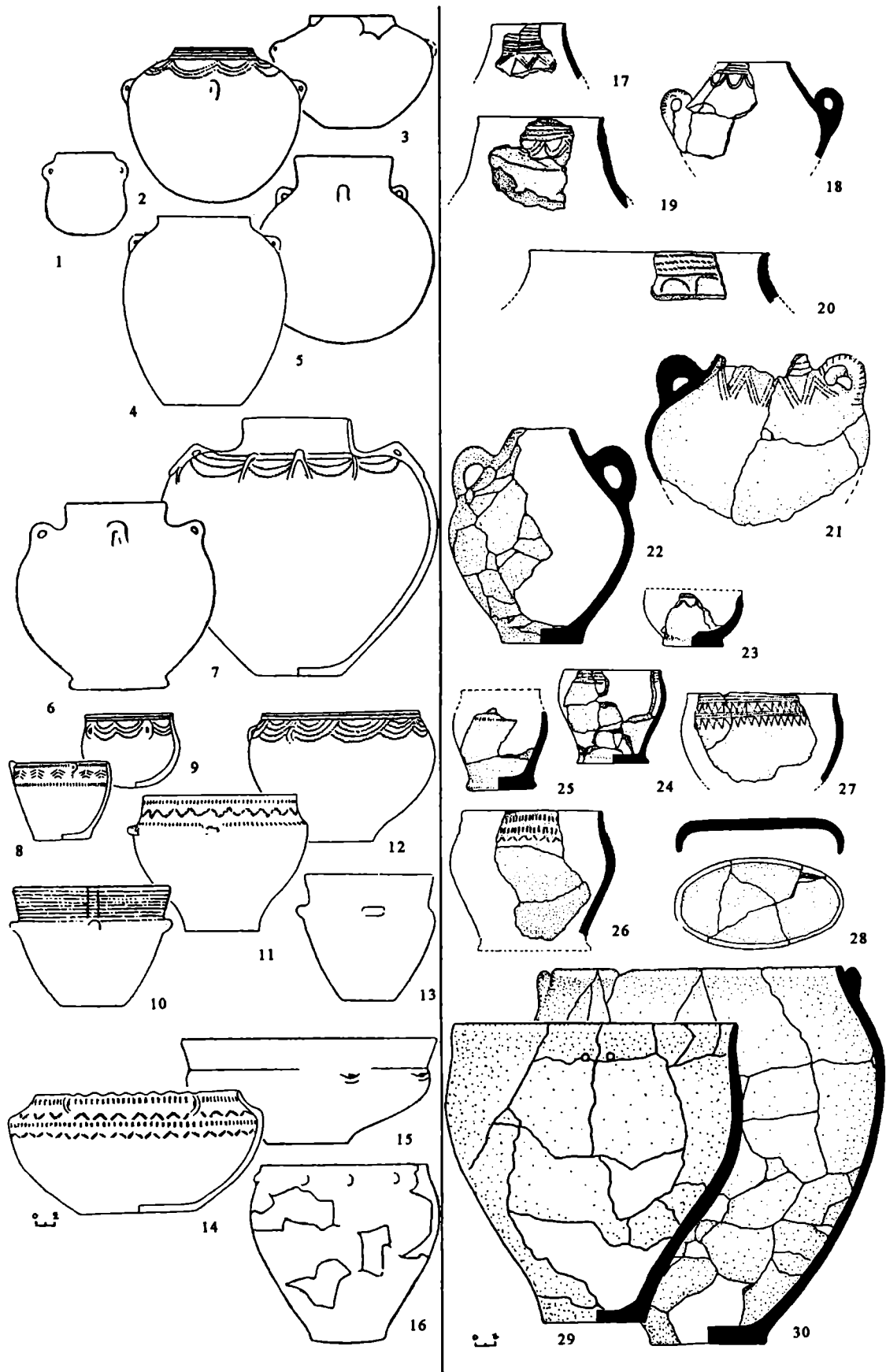

Рис.162. Основные формы посуды: КША (1-16); поселение Прибрежное (17-30) (La Vaute W., 1943; Зальцман Э.Б., 2004).

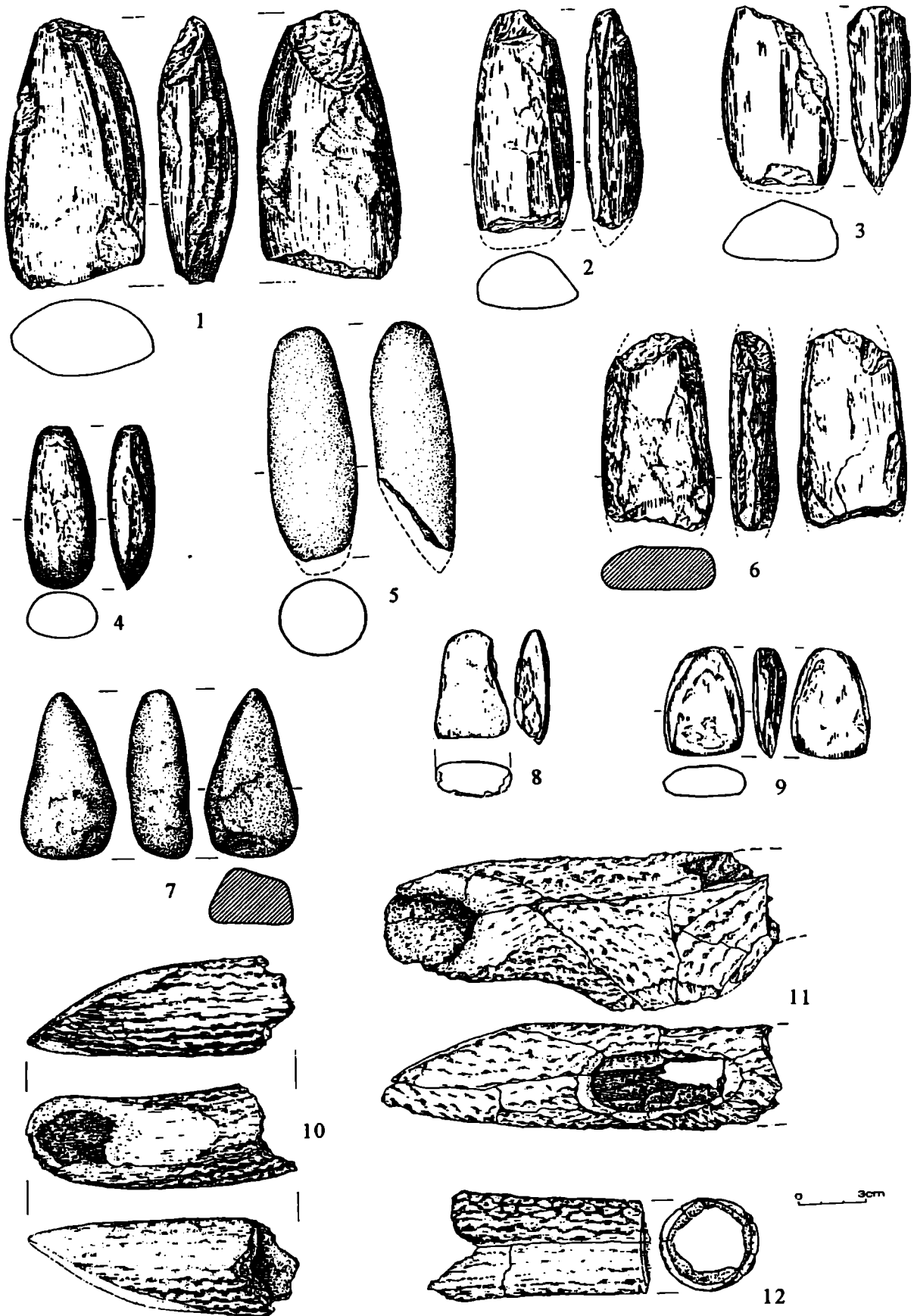

Рис.163. Цедмарская культура: изделия из камня (1-9); изделия из рога (10-12)
(Gumiński W., 2001).

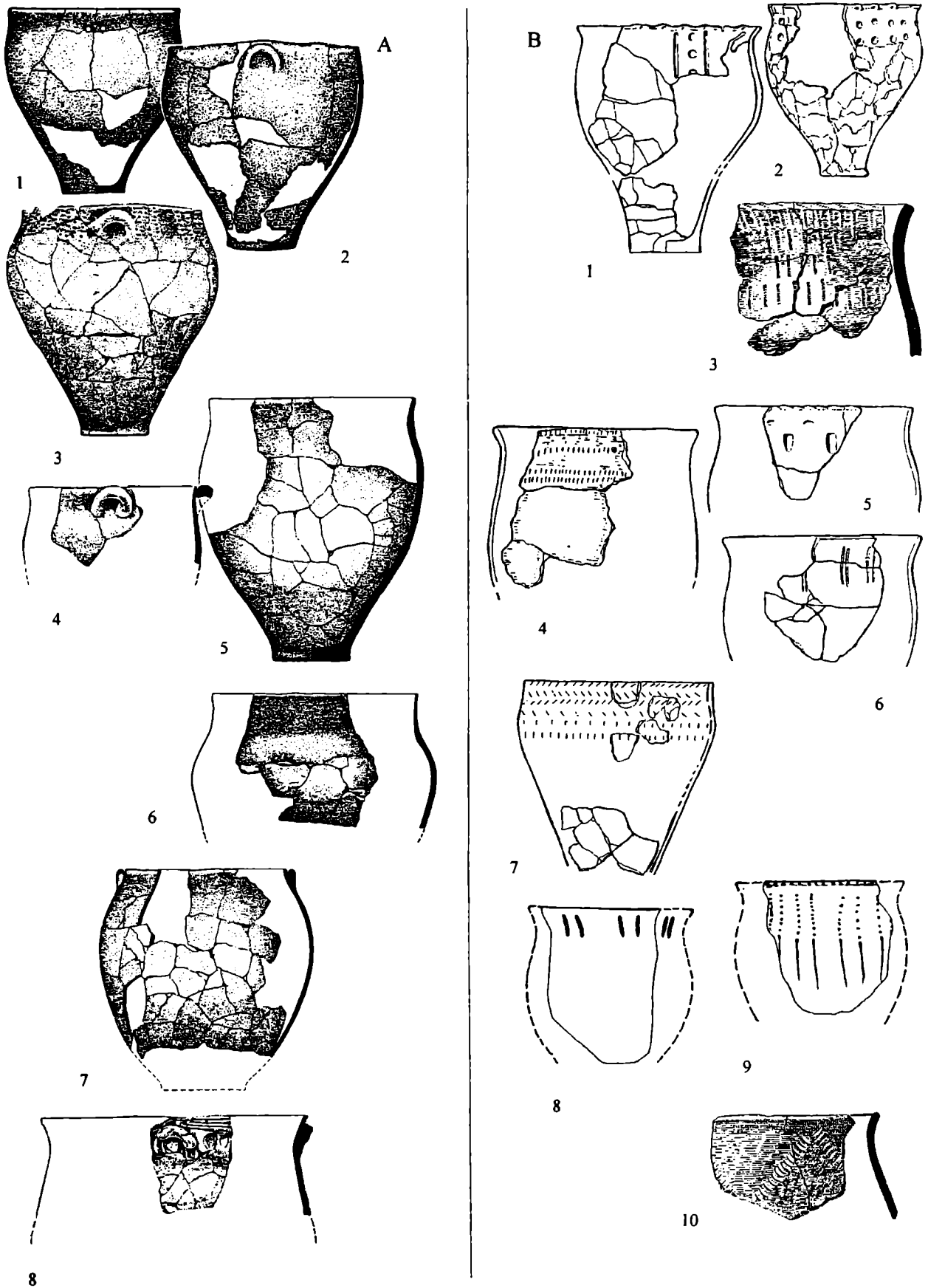

Рис.164. Широкогорлые горшки открытого типа поселения Прибрежное и цедмарской культуры. Прибрежный: 1-8 (А); Цедмар А: 2,10; Цедмар Д: 1,3-6; Утиное Болото: 7; Дудка: 8,9 (Тимофеев В.И., 1998; Gumiński W., 2001; Зальцман Э.Б., 2004).

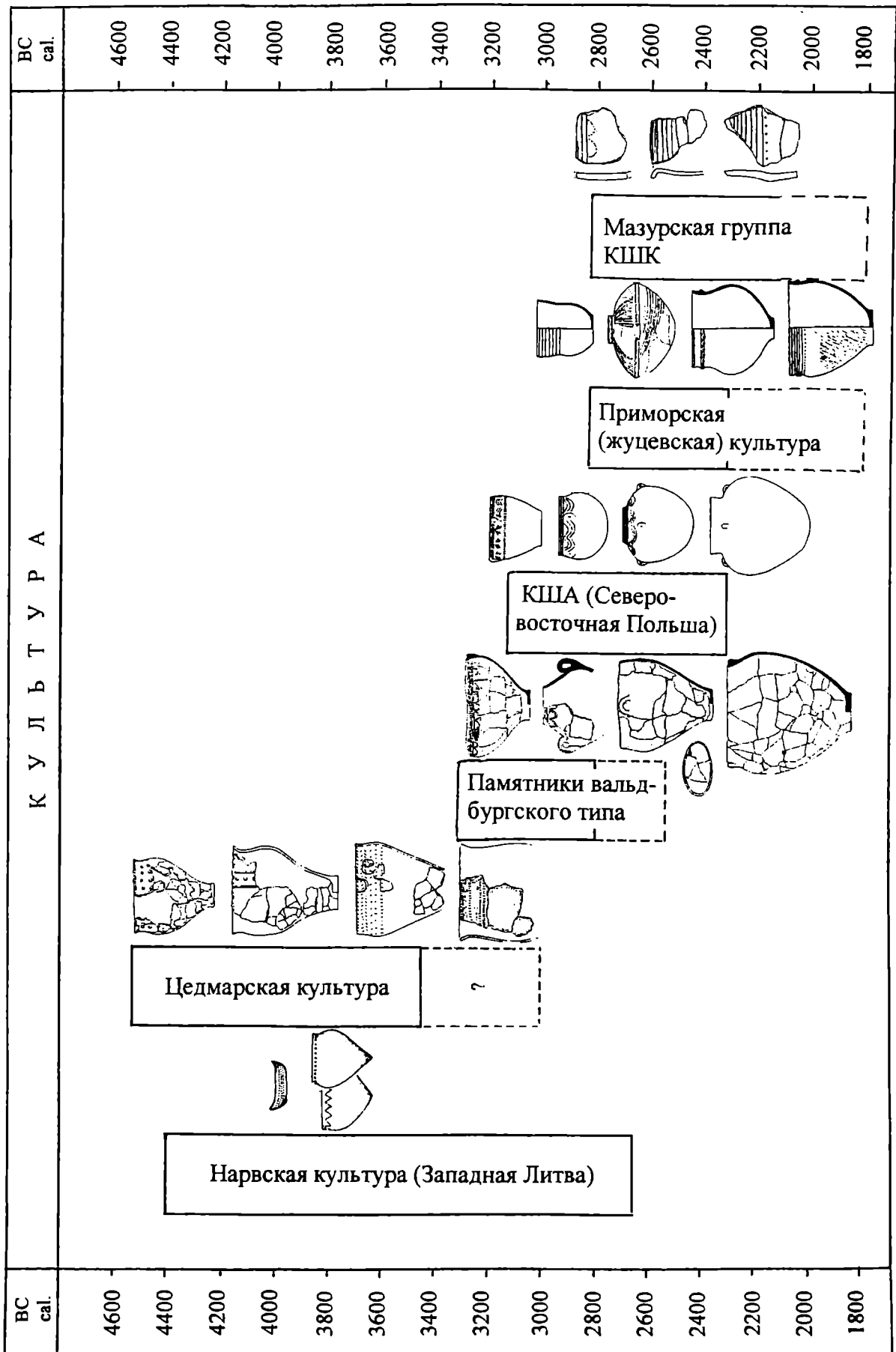

Рис.165. Памятники вальдбургского типа в системе археологических культур эпохи неолита - ранней бронзы (Юго-Восточная Прибалтика и Северо-Восточная Польша). Синхронистическая таблица.

1

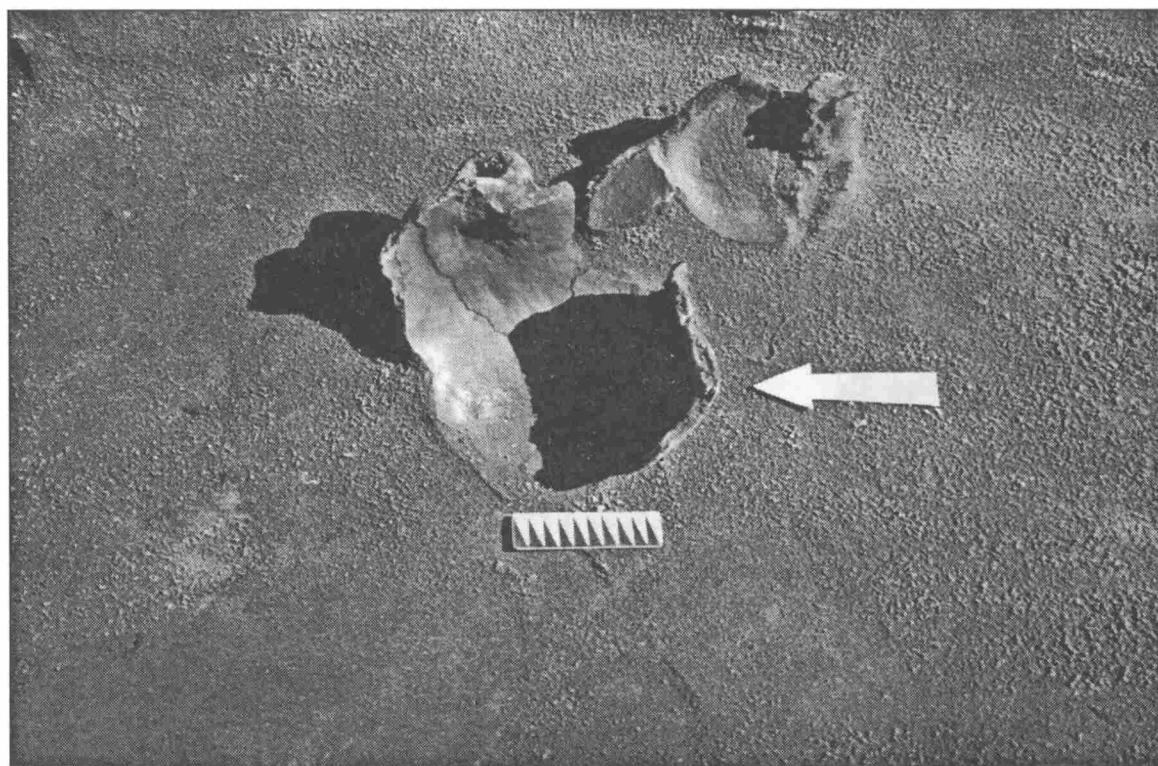

2

Рис.166. Поселение Прибрежное. Вид сверху (1); вид с севера (2).

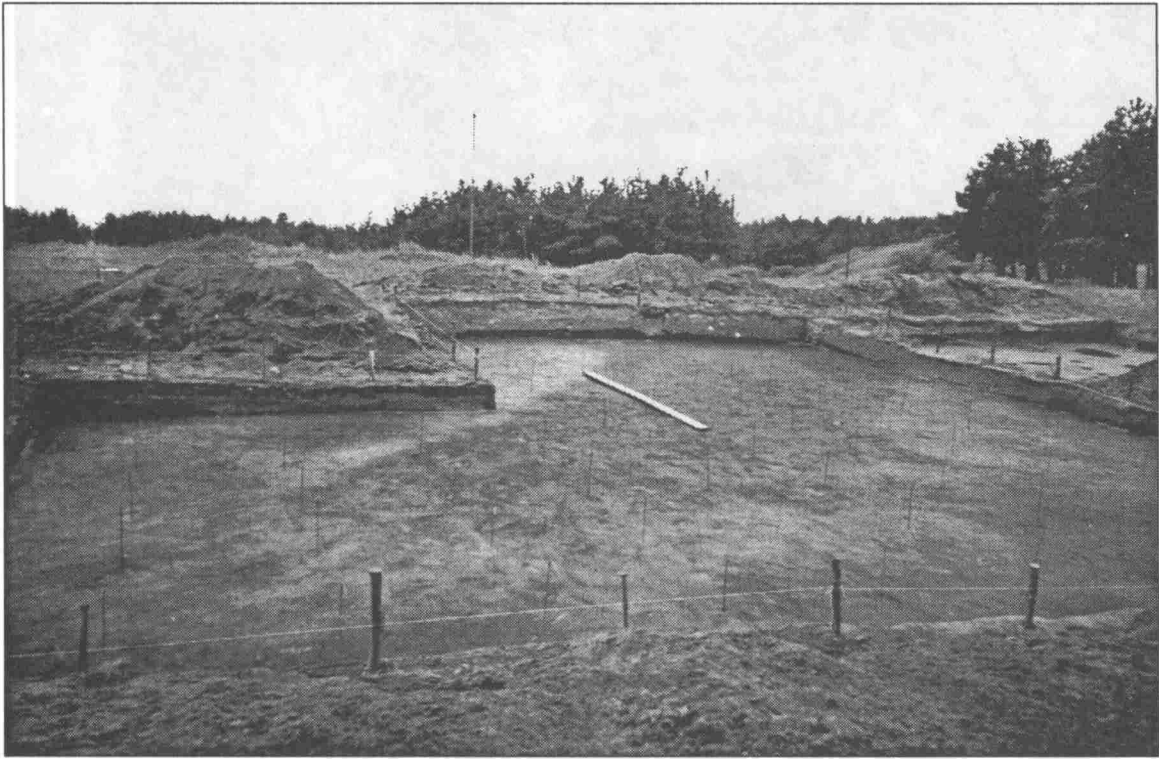
1

2

Рис.167. Поселение Прибрежное. Контуры жилища 2, вид с севера (1); жилище 2, амфора (2).

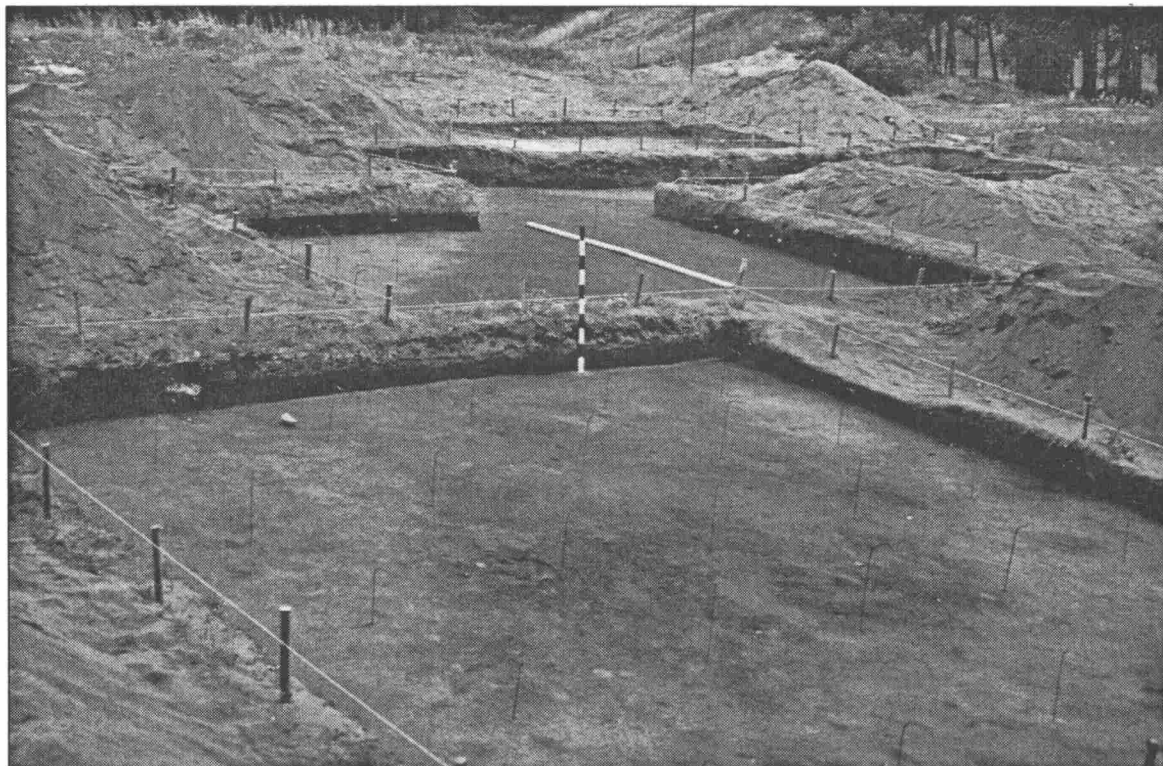
1

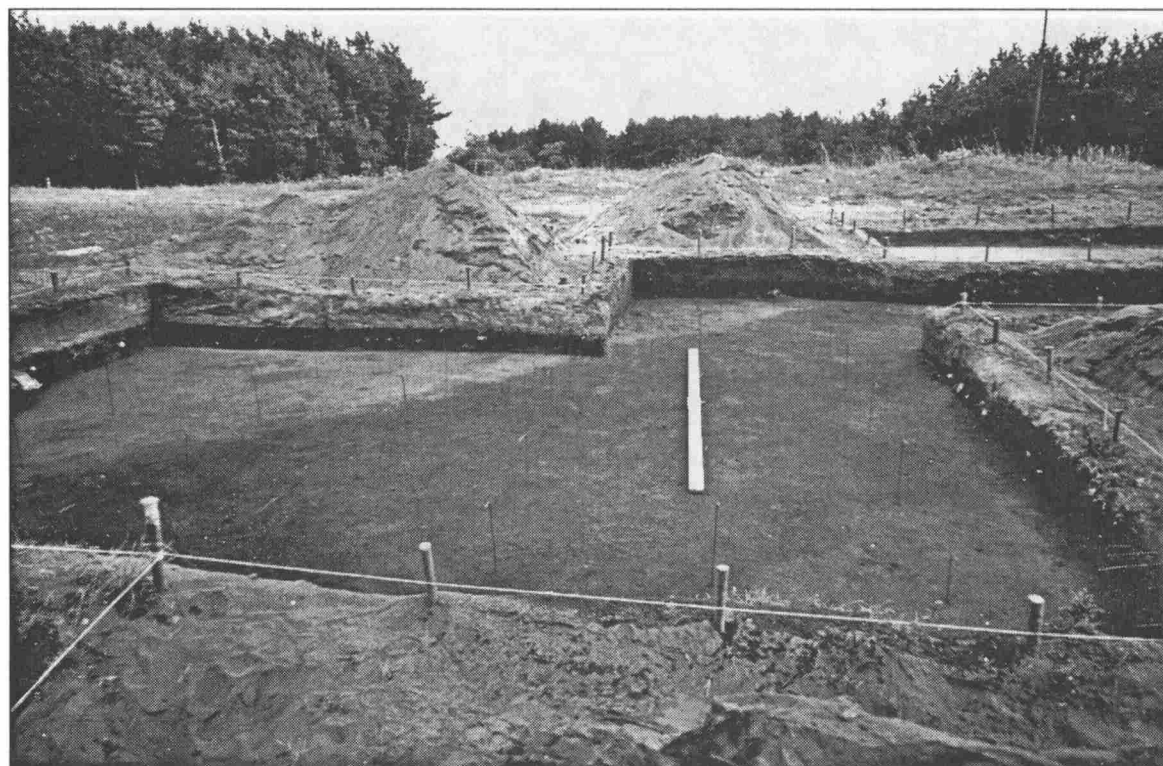
2

Рис.168. Поселение Прибрежное. Контуры жилища 3, вид с северо-запада (1); вид с юга (2).

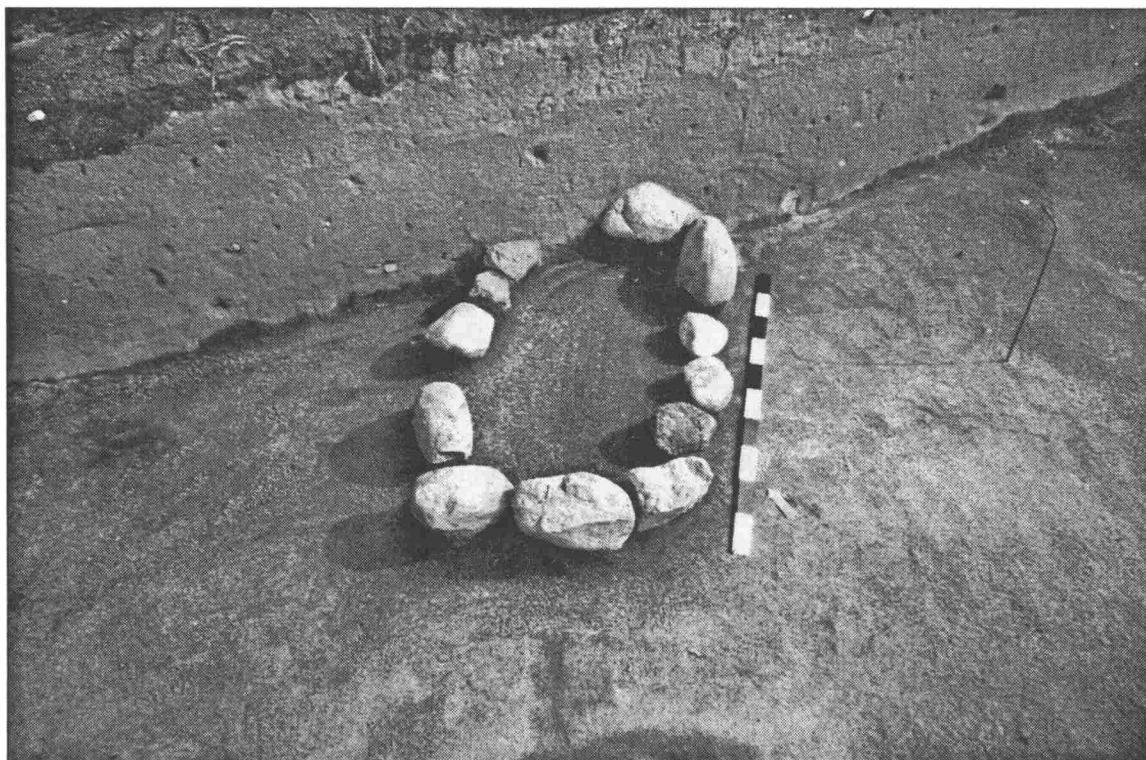

1

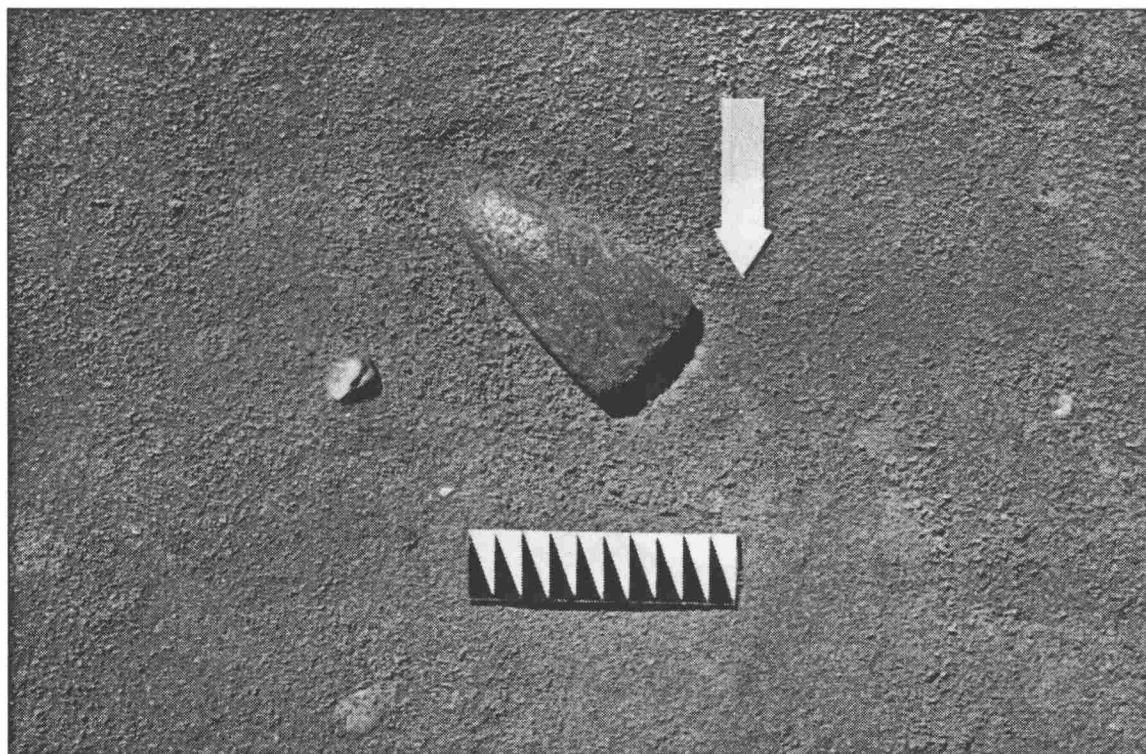

2

Рис.169. Поселение Прибрежное. Контуры жилища 5, вид с северо-запада (1); вид с юга (2).

1

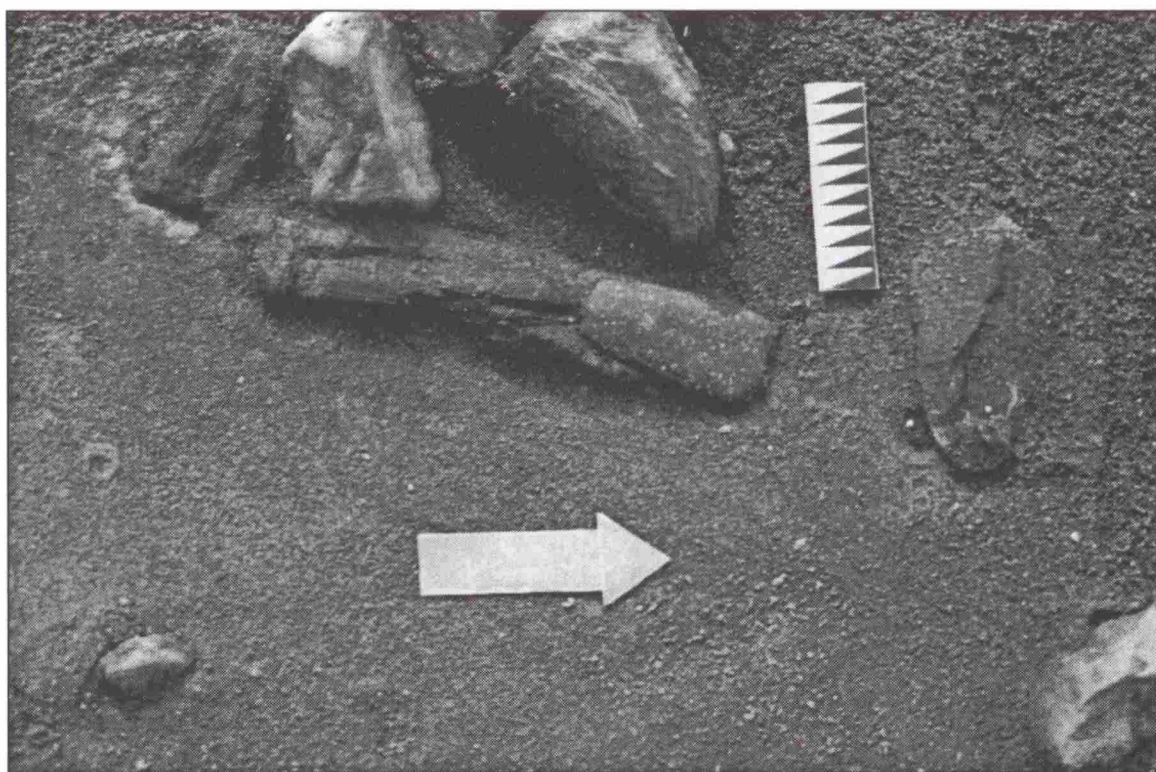
2

Рис.170. Поселение Прибрежное. Жилище 5. Очаг № 2, вид с северо-востока (1); топорик трапециевидной формы, вид с севера (2).

1

2

Рис.171. Поселение Прибрежное. Очаг № 9. Миска овальной формы, вид с востока (1); топорик трапециевидной формы, вид с востока (2).

Рис.172. Поселение Прибрежное. Основные типы посуды (количественное соотношение).

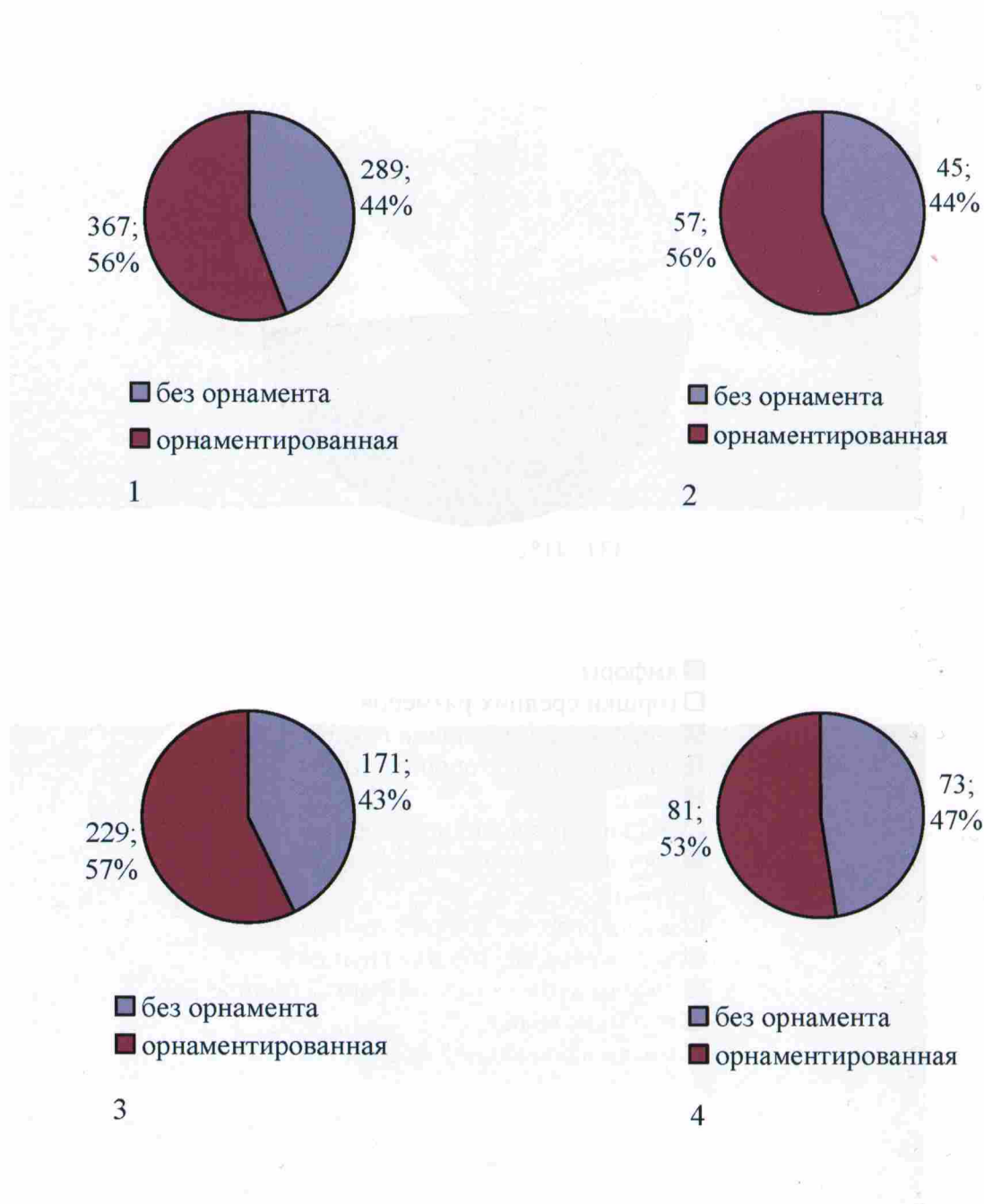

Рис.173. Поселение Прибрежное. Количественное соотношение орнаментированной и неорнаментированной посуды (в процентах): общее количество (1); верхний уровень (2); средний уровень (3); нижний уровень (4).

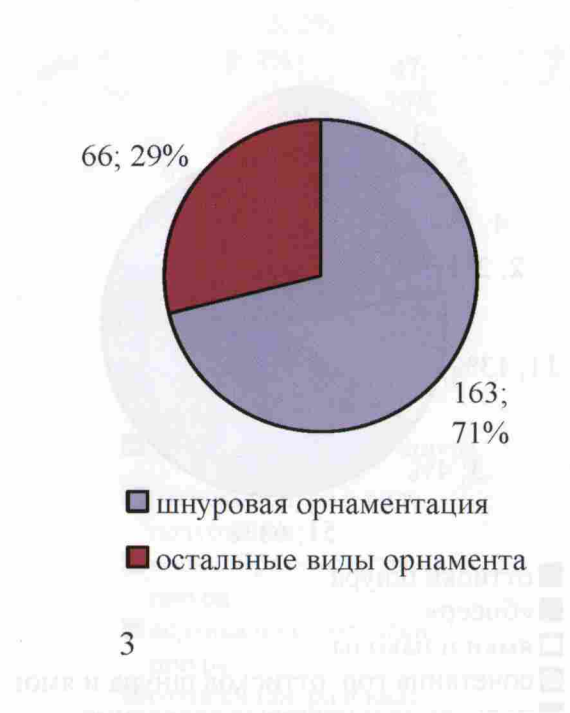
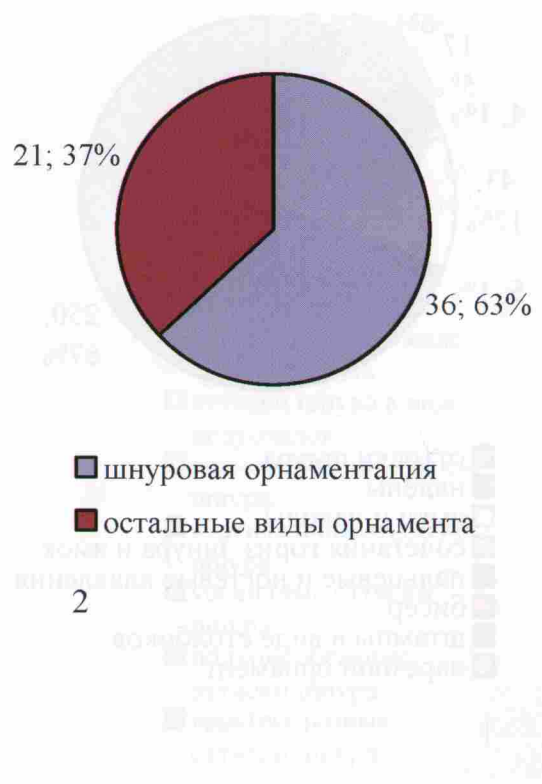
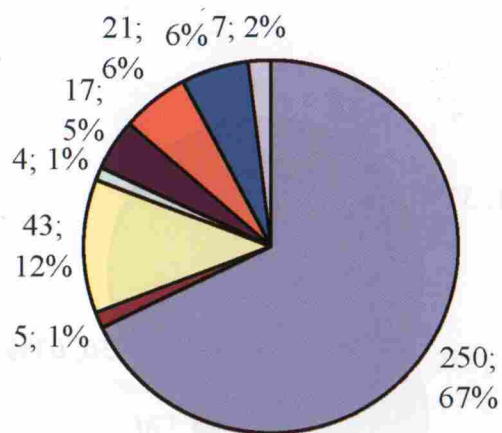
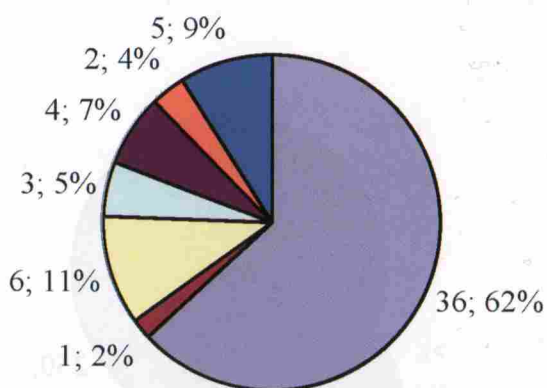

Рис.174. Поселение Прибрежное. Количественное соотношение шнуровых и других видов орнамента (в процентах): общее количество (1); верхний уровень (2); средний уровень (3); нижний уровень (4).

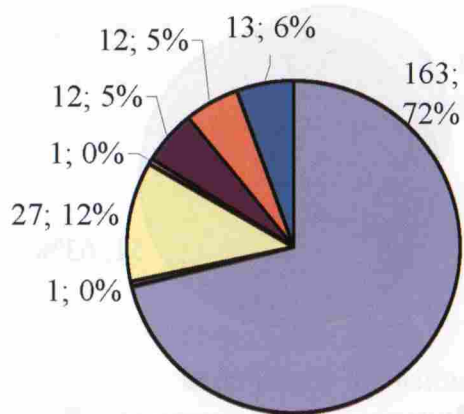
- оттиски шнура
- налепы
- ямки и наколы
- сочетания гориз. шнура и ямок
- пальцевые и ногтевые вдавления
- бисер
- штампы в виде столбиков
- нарезной орнамент

1

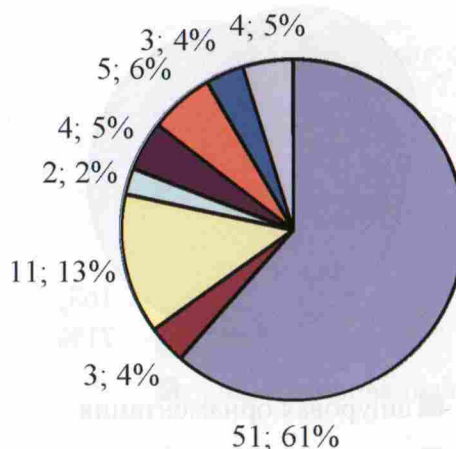
- оттиски шнура
- пальцевые и ногтевые вдавления
- "бисер"
- нарезной орнамент
- штампы в виде столбиков
- сочетания гор. оттисков шнура и ямок
- ямки и наколы

2

- оттиски шнура
- нарезной орнамент
- ямки и наколы
- налепы
- пальцевые и ногтевые вдавления
- «бисер»
- штампы в виде столбиков

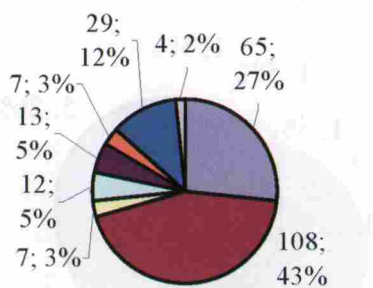
3

- оттиски шнура
- «бисер»
- ямки и наколы
- сочетания гор. оттисков шнура и ямок
- пальцевые и ногтевые вдавления
- штампы в виде столбиков
- нарезной орнамент
- налепы

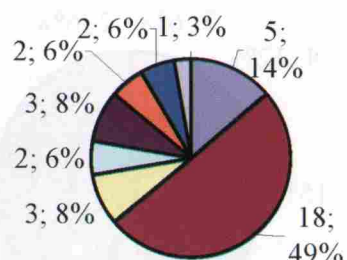
4

Рис.175. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (количественное соотношение): общее количество (1); верхний уровень (2); средний уровень (3); нижний уровень (4).

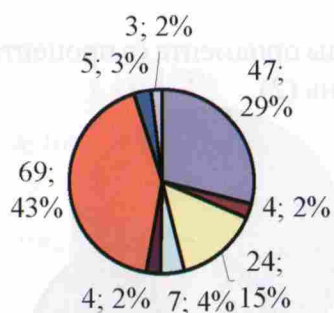
- горизонтальные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде треугольников
- подковообразные оттиски шнура
- волнообразные оттиски шнура
- вертикальные оттиски шнура
- усовидные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде полуovalов
- крестообразные оттиски шнура

1

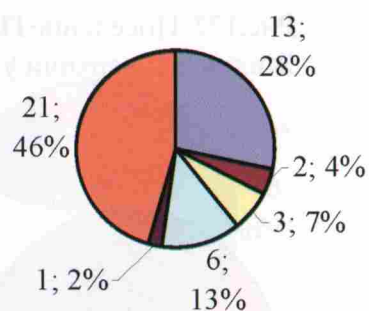
- горизонтальные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде треугольников
- оттиски шнура в виде полуovalов
- волнообразные оттиски шнура
- вертикальные оттиски шнура
- усовидные оттиски шнура
- подковообразные оттиски шнура
- крестообразные оттиски шнура

2

- горизонтальные оттиски шнура
- усовидные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде полуovalов
- волнообразные оттиски шнура
- вертикальные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде треугольников
- подковообразные оттиски шнура
- крестообразные оттиски шнура

3

- горизонтальные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде полуovalов
- волнообразные оттиски шнура
- вертикальные оттиски шнура
- усовидные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде треугольников

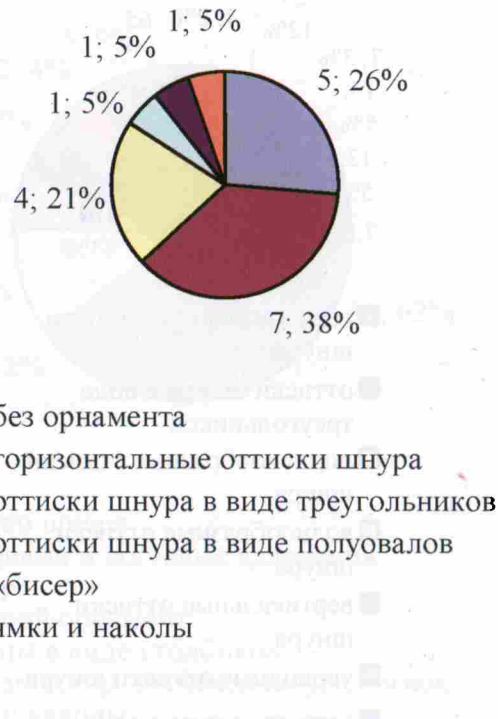
4

Рис.176. Поселение Прибрежное. Основные виды шнурового орнамента (количественное соотношение): общее количество (1); верхний уровень (2); средний уровень (3); нижний уровень (4).

1

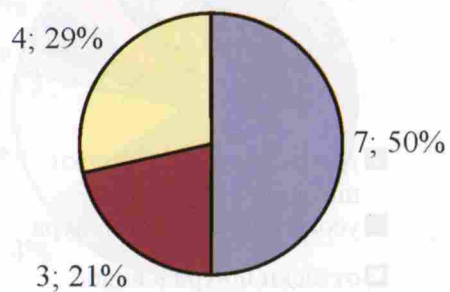

2

Рис.177. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах).
Жилище 1: верхний уровень (1); нижний уровень (2).

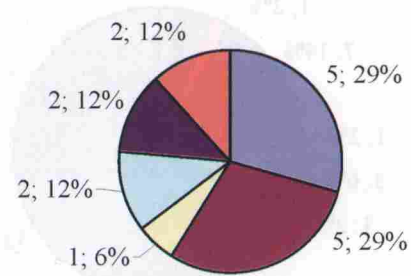

1

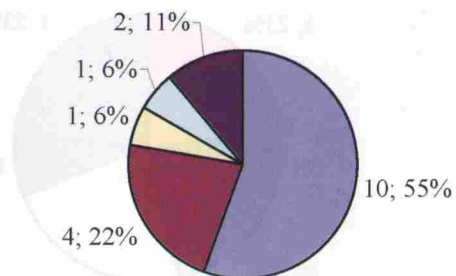
2

Рис.178. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах).
Жилище 2: верхний уровень (1); нижний уровень (2).

- без орнамента
- оттиски шнура в виде треугольников
- оттиски шнура в виде полуovalов
- «бисер»
- ямки и наколы
- пальцевые и ногтевые вдавления

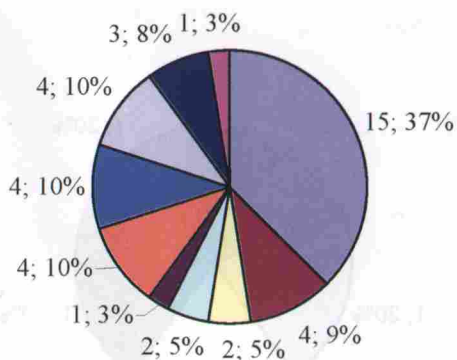
1

- без орнамента
- горизонтальные оттиски шнура
- оттиски шнура в виде треугольников
- волнообразные оттиски шнура
- «бисер»

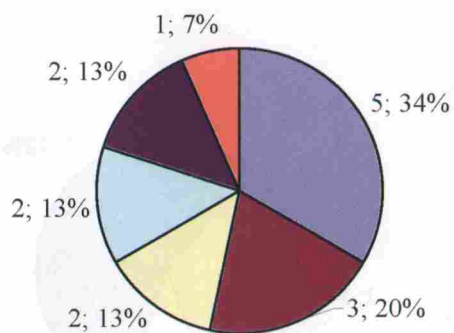
2

Рис.179. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах).
Жилище 3: верхний уровень (1); нижний уровень (2).

- без орнамента
- оттиски шнура в виде треугольников
- оттиски шнура в виде полуovalов
- вертикальные оттиски шнура
- усовидные оттиски шнура
- «бисер»
- ямки и наколы
- пальцевые и ногтевые вдавления
- горизонтальные оттиски шнура
- волнообразные оттиски шнура

1

- без орнамента
- оттиски шнура в виде треугольников
- вертикальные оттиски шнура
- ямки и наколы
- штампы в виде столбиков
- пальцевые и ногтевые вдавления

2

Рис.180. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах).
Жилище 4: верхний уровень (1); нижний уровень (2).

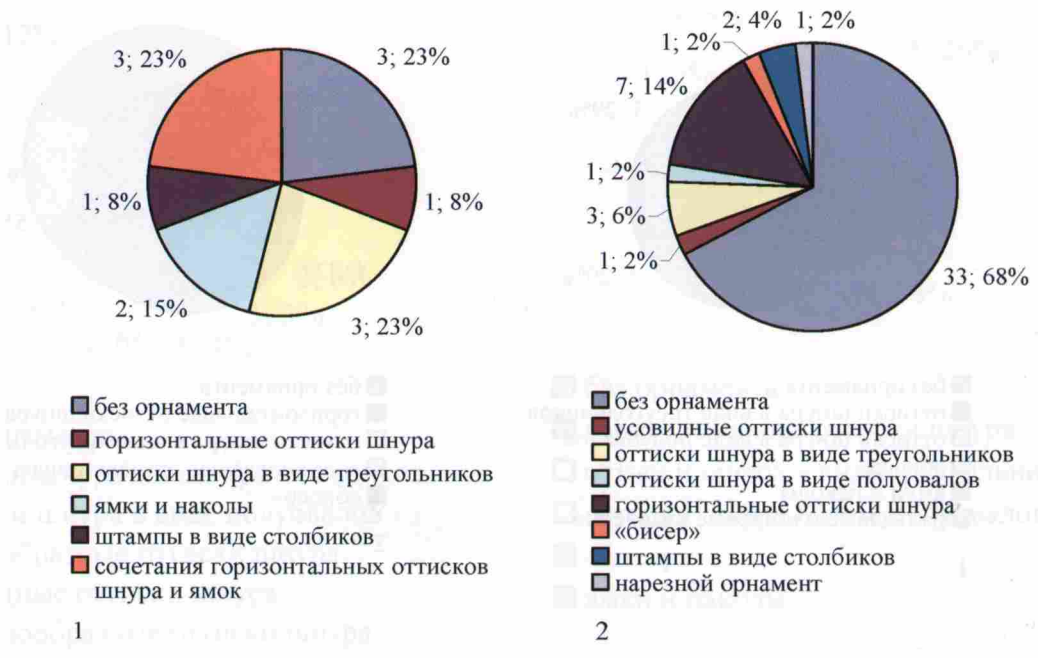

Рис.181. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах). Жилище 5: верхний уровень (1); нижний уровень (2).

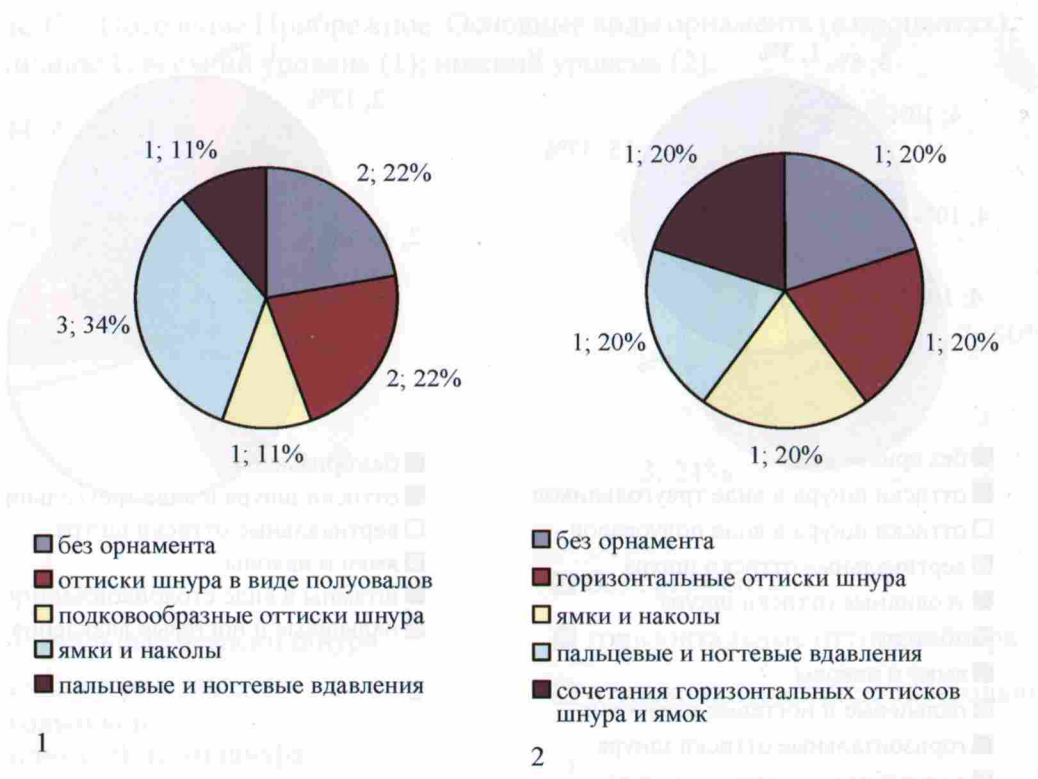

Рис.182. Поселение Прибрежное. Основные виды орнамента (в процентах). Жилище 6: верхний уровень (1); нижний уровень (2).